

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

КУРСАНТСКИЙ ВЕСТНИК

Сборник научных статей обучающихся

Основан в 2016 г.

Выпуск 6

Минск
Академия МВД
2021

Содержит научные статьи, в которых отражены результаты исследований курсантов, студентов и магистрантов Академии МВД по актуальным проблемам юридических и социально-гуманитарных наук, а также тезисы докладов, представленных на конференциях (чтениях, круглых столах), проведенных Академией МВД.

Предназначен для курсантов, слушателей, студентов и магистрантов учреждений образования юридического профиля.

Редакционная коллегия:

П.В. Гріднюшко, заместитель начальника академии по научной работе, кандидат юридических наук, доцент (отв. ред.);

Н.С. Демьянец, научный сотрудник научно-исследовательского отдела;

С.В. Добрян, начальник кафедры административной деятельности факультета милиции, кандидат юридических наук, доцент;

Е.М. Ефременко, профессор кафедры гражданского и трудового права, кандидат юридических наук, доцент;

И.В. Козелецкий, начальник кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров, кандидат юридических наук, доцент;

А.И. Мурашко, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права, кандидат исторических наук, доцент;

Р.А. Середа, заместитель начальника кафедры конституционного и международного права, кандидат юридических наук, доцент;

Г.А. Павловец, доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент;

А.Н. Тукало, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции, кандидат юридических наук, доцент;

Т.М. Фицук, начальник научно-исследовательского отдела;

В.С. Ялович, профессор кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук, доцент;

А.В. Яскевич, профессор кафедры экономической безопасности, кандидат юридических наук, доцент

УДК 342.9

Н.И. Алейчик, курсант факультета милиции

К.А. Томчик, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.В. Гиммельрейх*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.С. Кривонощенко*

ЗАСЛУГА – ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРАВОВОГО ПООЩРЕНИЯ

Исследуются понятия и элементы заслуги. На основании анализа научно-теоретических трудов отечественных и зарубежных ученых, правопримени- тельной практики раскрыты основополагающие признаки заслуги как основа- ния для правового поощрения; проведена классификация характера критериев заслуг и дается содержательная характеристика оснований и видов заслуги.

Поощрение напрямую связано с понятием «заслуга». Поощрение – публичное признание заслуг, награждение, оказание общественного почета лицу в связи с достигнутыми успехами в выполнении правовых обязанностей, реализации правомерного поведения или общественного долга. Поощрение предназначено для стимулирования активной деятельности субъектов управленческих отношений, формирования законопослушно- го поведения, укрепления дисциплины в государственном управлении.

В настоящих условиях особую актуальность приобретает социально- активное заслуженное поведение личности, превосходящее нормативно закрепленные требования к должному поведению. Оно выступает осно- ванием для такого эффективного на сегодня юридического средства, все чаще используемого на практике, как правовое поощрение. Заслуги приносят нашему государству и в целом всему обществу такие полез- ные результаты, которые превышают по своим масштабам результаты обычных действий и являются главными факторами общественного прогресса. Понятие «заслуга» отражает весьма важные процессы, про- исходящие в жизнедеятельности любого общества. В связи с этим суще- ствует необходимость исследования категории «заслуга» как основания для правового поощрения, одновременно выступающего приемом фор- мирования субъективных прав и юридических обязанностей участников поощрительного правоотношения.

Заслуженное поведение – это социально активное, особо полезное, желательное правомерное поведение, превосходящее обычные нормативно закрепленные требования к должному, необходимому поведению, влекущее за собой применение мер поощрения и являющееся взаимовыгодным для отдельных лиц, государства и всего общества. Заслуженное поведение – это не просто правомерное поведение, оно есть высшая форма правомерного поведения, высшая степень качества правомерности.

Ядром заслуженного поведения выступает заслуга (заслуженный поступок). Заслуга же – это добровольный, желательный, сознательно волевой, добросовестный, социально активный правомерный поступок, связанный со «сверхисполнением» субъектом своих обязанностей либо с достижением им общепризнанного полезного результата, превосходящего по своим масштабам результаты обычных действий и выступающий основанием для применения поощрения [1, с. 8].

Правильное определение понятия «заслуга» имеет большое теоретическое и практическое значение при разработке и применении поощрения не только как самостоятельного правового средства, но и как метода правового регулирования. Сегодня довольно остро стоит задача осуществления всестороннего анализа заслуженного поведения личности, являющегося единственным и безоговорочным основанием для применения поощрения. Детальное и ясное описание заслуги в поощрительных нормах права позволит повысить эффективность правовых поощрений, а также создаст благоприятные условия как для их дальнейшего теоретического исследования, так и для юридической поощрительной практики. Таким образом, содержащиеся в работе обобщения и рекомендации могут найти применение в правотворческой, правоприменительной, правоинтерпретационной практике.

При анализе текущего законодательства прослеживается взаимосвязь правового поощрения с категорией заслуги. Полноценное поощрение возможно лишь при наличии заслуги. Последняя категория, в свою очередь, предполагает предоставление поощрения. Таким образом, заслуга выступает не только условием наступления поощрения, но и обоснованием существования самого института поощрения, со свойственным ему механизмом воздействия. К сожалению, современная юридическая наука не содержит достаточно точного определения данной категории, несмотря на довольно частое употребление ее в названиях и текстах многих юридических актов (например, учреждение ордена «За заслуги перед Отечеством», «За военные заслуги» и др.).

Вопрос о заслуге, как об особой категории, рассматривался в работах Е.В. Типкина [1], В.М. Баранова [2], В.Н. Кудрявцева [3], П.А. Сорокина [4], А.В. Малько [5] и др.

Характеризуя категорию заслуги, В.М. Баранов понимает ее как два основных юридически значимых варианта поведения. «Во-первых, – отмечает он, – это добросовестное точное выполнение субъектами возложенных на них юридических и общественных обязанностей; во-вторых, совершение участниками общественных отношений непредусмотренных правовой нормой таких полезных для социалистического государства деяний, которые превосходят обычные требования» [2, с. 36].

Если первое положение не вызывает принципиальных возражений, то со вторым едва ли можно согласиться. Несколькими строками выше автор говорит о заслуге, как фактическом основании государственного поощрения, а в приведенной цитате мы читаем о непредусмотренных правовой нормой деяниях, что, безусловно, не может служить основанием для юридических поощрений. Кроме того, представляется, что приведенные признаки не совсем полно отражают содержание указанной категории.

Более аргументированными представляются черты заслуги, выделяемые А.В. Малько. Он вполне обоснованно считает, что заслуга сопряжена с социально активным поведением, с осуществлением позитивных обязанностей. Это добросовестное отношение лица к своему долгу, которое П.А. Сорокин трактовал как «морально-положительное переживание».

В свою очередь, В.Н. Кудрявцев справедливо отмечает, что заслуга «включает не только внешнее, объективное действие, но и внутреннее, субъективное отношение к порученному делу, характеризующее позитивные цели и мотивы поведения субъекта» [3, с. 238].

Таким образом, заслуга – это оценочная категория, получившая закрепление в юридических нормах.

Правотворческие и правоприменительные органы руководствуются оценочными понятиями, используя термин «заслуга» в нормативных и правоприменительных актах различного уровня, в результате чего создается простор для субъективизма, усмотрения и злоупотреблений в поощрительной деятельности (в частности, при квалификации заслуг и назначении поощрения). При складывающихся обстоятельствах, полагаем, весьма важно разъяснить, что понимается под данным термином. Для юристов четкое понятие заслуги, ее признаки, классификация и юридический состав должны иметь особое значение, ибо речь идет о юридически значимом реагировании государства на соответствующее поведение индивида. Поэтому современное общество нуждается в научно обоснованной концепции заслуженного поведения (заслуги).

Следующая черта, характеризующая заслугу, выражается в ее связи со «сверхисполнением» лицом своих обязанностей либо с достижени-

ем им общепризнанного результата. Как писал П.А. Сорокин, подобные «услужные» акты «выходят» по своей «добродетельности» за пределы «обязанности», это «сверхнормальность» или избыток «добродетельности» [4, с. 78–79].

Характер заслуг возможно, по нашему мнению, определить с учетом следующих критериев:

а) в зависимости от субъекта, признающего значимость заслуг, их можно подразделить:

на заслуги в производственной деятельности предприятия, учреждения; заслуги в общественной деятельности, деятельности некоммерческой;

заслуги в деятельности республиканского и местного управления и самоуправления (отмечаемые в положениях о почетных званиях, например, «Почетный гражданин города» и в грамотах администрации города);

заслуги перед государством (содержащиеся в статутах о государственных орденах, медалях, почетных званиях);

б) в зависимости от условий совершения социально активных действий можно выделить заслуженное поведение:

в обычных условиях (добросовестное выполнение трудовых обязанностей);

в экстремальных условиях (героизм, мужество);

в) в зависимости от характера достигнутого общепризнанного результата, заслуги можно разделить:

на реальные заслуги (принесшие конкретную пользу обществу);

условные (отказ от преступления, добровольное возмещение ущерба, нанесенного правонарушением, примерное поведение при отбывании наказания в исправительных учреждениях).

Существование заслуги непосредственно связано с необходимостью общественного признания и юридического закрепления. В свою очередь, прослеживается и обратная связь – награждение, поощрение придает общественную значимость положительному поведению личности, побуждает работника к творчеству, новаторству, инициативе, большей добросовестности в выполнении своих обязанностей и долга перед обществом и государством, социальной группой и трудовым коллективом.

Весьма важными в характеристике заслуги является ее действительность, подразумевающая реальную значимость для поощряющего субъекта, а также соразмерность затраченных усилий оцениваемым заслугам.

Юридическое закрепление тех или иных заслуг требует особого внимания к соблюдению принципа справедливости. Поскольку недоучет последнего, как отмечалось выше, может привести к незаслуженным поощрениям и тем самым вызвать реакцию прямо противоположную.

Таким образом, в ходе исследования вполне определенно обозначились следующие признаки заслуги:

1) взаимосвязь с социально активным, добровольным поведением;

2) обусловленность заслуженного поведения позитивными целями и мотивами конкретного индивида, характеризующими его субъективное отношение к своим действиям;

3) сочетание субъективного и объективного моментов в процессе применения конкретных мер воздействия;

4) реальность и значимость юридического закрепления заслуги, основанная на принципе справедливости.

Существующее в науке мнение о том, что заслуга – это добросовестный, правомерный поступок, связанный со «сверхисполнением» субъектом своих обязанностей либо с достижением им общепризнанного полезного результата и выступающий основанием для применения поощрения [5, с. 27], бесспорно, заслуживает поддержки. Однако отождествление заслуги с поступком, по нашему мнению, значительно сужает содержательную сторону рассматриваемой категории, раскрывая лишь так называемые внешние черты, не уделяя внимания первичным причинам ее возникновения.

С учетом всего изложенного можно дать следующее определение заслуги. Заслуга – это объективная оценка социально активного добросовестного поведения, в основе которой лежат, с одной стороны, цели и мотивы поведения субъекта, а с другой – реально значимое юридическое поведение, составляющее основу поощрения.

Выделение существенных признаков названного понятия позволяет обозначить так называемые рычаги воздействия на индивида. В рамках рассматриваемого метода заслуга представляет собой основание для формирования субъективных прав и юридических обязанностей субъектов правоотношений. Так, в соответствии со ст. 63 Уголовного кодекса Республики Беларусь к обстоятельствам, смягчающим ответственность (одна из разновидностей поощрения), относятся:

явка с повинной;

чистосердечное раскаяние в совершенном преступлении;

активное содействие выявлению преступления, изобличению других участников преступления, розыску имущества, приобретенного преступным путем;

оказание медицинской или иной помощи потерпевшему непосредственно после преступления; добровольное возмещение ущерба, уплаты дохода, полученного преступным путем, устранение вреда, причиненного преступлением; иные действия, направленные на заглаживание такого вреда;

наличие на иждивении у виновного малолетнего ребенка;
совершение преступления вследствие стечения тяжелых личных, семейных или иных обстоятельств;
совершение преступления под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости;
совершение преступления под влиянием противоправных или аморальных действий потерпевшего;
совершение преступления при нарушении условий правомерности крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа;
иные основания [6].

Таким образом, у лиц, выполнивших данные требования, возникает субъективное право на смягчение наказания (поощрение). Кроме того, заслуженное поведение может выступать также и в качестве основного юридического факта, обуславливающего возникновение поощрительных правоотношений.

Изложенные выше положения позволяют сделать ряд выводов и обобщений относительно понимания места и роли заслуги в правовом поощрении, а также о тесной связи заслуги и поощрительного метода.

1. Заслуженное поведение – это социально активное, особо полезное, желательное правомерное поведение, превосходящее обычные нормативно закрепленные требования к должному, необходимому поведению, влекущее за собой применение мер поощрения и являющееся взаимовыгодным для отдельных лиц, государства и всего общества. Заслуженное поведение – это не просто правомерное поведение, оно есть высшая форма правомерного поведения, высшая степень качества правомерности.

Ядром заслуженного поведения выступает заслуга (заслуженный поступок). Заслуга – это добровольный, желательный, сознательно волевой, добросовестный, социально активный правомерный поступок, связанный со «сверхисполнением» субъектом своих обязанностей либо с достижением им общепризнанного полезного результата, превосходящего по своим масштабам результаты обычных действий и выступающий основанием для применения поощрения.

2. Установлена диалектическая взаимосвязь заслуги и поощрительного метода. При этом обуславливающее значение имеет заслуга, которая выступает основой поощрительного метода. Поощрительный метод, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на цели и мотивы поведения субъекта, составляющие одну из сторон заслуги, закрепляя правовые стимулы для социально активного добросовестного поведения.

Выделенные положения, характеризующие категорию заслуги, разумеется, не являются исчерпывающими. Поэтому бесспорной является

необходимость дальнейшей теоретической разработки категории заслуги, которая сможет оказать существенное влияние как на эффективность поощрительного метода, так и на содержание наградного процесса в целом.

3. Подробная и четкая формулировка критериев заслуженного поведения сможет в последующем способствовать усовершенствованию мотивационно-стимулирующего механизма поощрительного метода, оказать определенные «услуги» правотворческой и правоприменительной практике.

Список использованных источников

1. Типикина, Е.В. Заслуга как основание для правового поощрения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е.В. Типикина ; Саратов. гос. акад. права. – М. : Саратов. гос. акад. права, 2008. – 26 с.
2. Баранов, В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права / В.М. Баранов ; под ред. М.И. Байтин. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – 147 с.
3. Кудрявцев, В.Н. Правовое поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1982. – 287 с.
4. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин ; общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов : пер. с англ. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
5. Малько, А.В. Поощрение как метод государственного управления / А.В. Малько // Правовая наука и реформа юридического образования : сб. науч. тр. – Вып. 7 : Государство, право, управление. – Воронеж, 1998. – С. 27–33.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. № 85-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

УДК 347

Е.А. Артюх, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.В. Паращенко*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.Н. Яхновец*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются модели развития туризма Соединенных Штатов Америки и Республики Беларусь, их характерные особенности, анализируется правовое регулирование туристической отрасли в этих странах. Представлены направления совершенствования законодательства Республики Беларусь в сфере туризма.

В настоящее время туристический бизнес приобретает все большую популярность. Согласно исследованиям UNWTO, в 2019 г. в мире было совершено 1,5 млрд международных туристических поездок. Это на 4 % больше, чем в 2018 г. Следует отметить тройку лидеров мирового туризма, куда входят следующие страны: Франция (90,2 млн туристов), Испания (83,8 млн), Соединенные Штаты Америки (США) (78,7 млн) [1].

Считаем целесообразным рассмотреть особенности правового регулирования туризма в одной из стран-лидеров, а именно в США, и сделать сравнительный анализ с правовой регламентацией туризма в Республике Беларусь. На наш взгляд, это позволит выявить пробелы в законодательстве Республики Беларусь.

Несмотря на отсутствие центрального правительственного органа, занимающегося регулированием туризма, подобного Министерству спорта и туризма в Республике Беларусь, туризм в США динамично развивается и составляет значительную часть экономики.

В своей деятельности США используют рыночную модель развития индустрии туризма, что предполагает решение вопросов, связанных с развитием туризма, на уровне регионов или самостоятельно субъектами хозяйствования на основе оперативного регулирования и принципов рыночной экономики. Однако стоит отметить, что данная модель развития подойдет не всем странам, так как основным условием для ее использования является то обстоятельство, чтобы страна не нуждалась в особой рекламе национального туристического продукта на мировом рынке и во всех отношениях была привлекательна для туристов. Особенность США заключается в выгодном географическом положении. Страна находится одновременно в шести часовых поясах, имеет выход к морю, а также значительную роль в развитии туризма играет обширная территория с разнообразными климатическими условиями.

В целом федеральное правовое регулирование туризма в США имеет весьма общий характер. На отрасль влияют судебные решения (в США применяется прецедентное право), правительственные распоряжения, в том числе акты Госдепартамента, законодательные органы и нормативные правовые акты отдельных ведомств, типа Федеральной авиационной администрации (FAA), и т. п. Надзор за исполнением этих самых общих «правил игры» на туристическом рынке осуществляют Федеральная торговая комиссия (Federal Trade Commission, FTC) и Министерство транспорта США (U.S. Department of Transportation, DOT)[2].

Следует отметить, что деятельность в туристской сфере США не ограничивается федеральным законодательством, самые широкие права имеют власти штатов, которые способны быть самостоятельными на рынке, независимо от федеральных властей. В каждом из штатов имеется соот-

ветствующая служба, ответственная за развитие туризма, как правило, это Агентство по торговле, коммерции и туризму. Перед данными службами поставлены задачи планомерного роста и всестороннего развития въездного и внутреннего туризма, проведение рекламно-информационных программ по их пропаганде, осуществление исследовательских акций по анализу состояния и перспективам развития туризма.

Для развития туристического бизнеса именно законодательство штатов имеет приоритетное значение. Большинство штатов имеют свое собственное законодательство в сфере туризма, иногда абсолютно непохожее на законы других штатов. Источником нормативных правовых актов могут быть решения суда данного штата, местного Министерства туризма, Министерства торговли, генерального прокурора штата, государственного секретаря, Управления по лицензированию бизнеса, Управления по делам потребителей, Совета по туризму, губернатора, мэров и даже Министерства сельского хозяйства (во Флориде) [3].

В Республике Беларусь туризм представляет собой не только сферу деятельности специальных субъектов, но и отдельную систему социально-экономических отношений. Современный туризм в Республике Беларусь, как социально-культурное явление и специфическая отрасль экономики, формируется под воздействием социально-экономических условий и находит закрепление в законодательной базе страны. Основными источниками правового регулирования туристических отношений в Республике Беларусь являются следующие нормативные правовые акты: Конституция Республики Беларусь [4], Гражданский кодекс Республики Беларусь [5], Закон Республики Беларусь от 25 ноября 1999 г. № 326-З «О туризме» (далее – Закон «О туризме») [6], Закон Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» (далее – Закон «О защите прав потребителей») [7] и др.

Государственное регулирование осуществляется Президентом Республики Беларусь, который определяет единую государственную политику в сфере туризма, Советом Министров Республики Беларусь, который обеспечивает проведение единой государственной политики в сфере туризма, а также Министерством спорта и туризма Республики Беларусь, который проводит государственную политику в сфере туризма и осуществляет координацию деятельности в сфере туризма других республиканских органов государственного управления.

Национальная политика является составной частью многоуровневого механизма регулирования туризма. Здесь определяется приоритет развития въездного туризма на территории государства, а также разрабатывается механизм его стимулирования, учитывающий особенности экономического, географического, социального и культурного потенциала конкретной страны.

На основании вышеизложенного можно говорить о том, что главную роль в развитии туризма на территории того или иного государства играет географическое положение страны, разновидность туристической инфраструктуры, особенности правового регулирования туристических отношений.

Несмотря на различие в уровнях экономического развития США и Республики Беларусь, имеются и сходные черты. Так, например, в США, так же, как и в нашей республике, по мнению Харриса Годфри, «правительственные чиновники зачастую обходят туризм при выделении скудных государственных средств в первую очередь из-за того, что он воспринимается ими как что-то несущественное и (или) нежизненно важное» [8, с. 25].

Следует отметить, что США на протяжении многих лет является одной из стран-лидеров мирового туризма. Это связано в первую очередь с высоким уровнем развития экономики, сбалансированным законодательством о туристической деятельности, а также высокоразвитой инфраструктурой и транспортной доступностью.

Однако, на наш взгляд, в Республике Беларусь правовое закрепление туристической отрасли является более четким и понятным. Во-первых, законодательство в сфере туризма действует на территории всей страны, что значительно упрощает ознакомление с правовыми актами туристов. Во-вторых, в Республике Беларусь существует центральный правительственный орган (Министерство спорта и туризма), который регулирует деятельность туристических компаний, проводит государственную политику в сфере туризма и в целом занимается развитием как въездного, так и выездного туризма.

Полагаем, что такая модель развития туристической отрасли в США не может быть приемлема для Беларуси, так как для использования рыночной модели развития индустрии туризма страна не должна нуждаться в рекламе. В США реализовать это достаточно просто: выгодное географическое положение, выход к морю, разнообразный климат, высокий уровень экономики. Следует отметить, что туристические возможности Республики Беларусь нуждаются в широкой рекламе, для чего необходимы соответствующие финансовые вливания (инвестиции). Это позволит увеличить поток туристов в Республику Беларусь и тем самым увеличить как экономический потенциал государства, так и уровень туристических поездок в Беларусь.

Список использованных источников

1. ЮНВТО Всемирная туристская организация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eunwto.org/doi/abs/10.18111/wtobarometerrus.2018.16.3.1?journalCode=wtobarometerrus>. – Дата доступа: 15.11.2020.

2. Михайлова, А.Е. Особенности развития делового туризма в США [Электронный ресурс] / А.Е. Михайлова // Молодой ученый. – 2019. – № 17 (255). – С. 160–162. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/255/58453/>. – Дата доступа: 22.11.2020.

3. Кабиров, И.С. Современные тенденции развития международного туризма / И.С. Кабиров // Вестн. Белгор. ун-та кооперации, экономики и права : сб. ст. – М., 2012. – С. 242–250.

4. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

5. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.10.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

6. О туризме [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 25 нояб. 1999 г., № 326-3 : принят Палатой представителей 10 нояб. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 18 нояб. 1999 г. : в ред. Законов Респ. Беларусь от 09.01.2007 г. № 206-3, от 16.06.2010 г. № 139-3, от 22.12.2011 г. № 139-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

7. О защите прав потребителей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2002 г., № 90-3 : принят Палатой представителей 5 дек. 2001 г. : одобр. Советом Респ. 20 дек. 2001 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр» ; Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

8. Харрис Годфри, Кац Кеннет, М. Стимулирование международного туризма в XXI веке : пер. с англ. – М. : Финансы и статистика, 2000. – С. 24–25, 29.

УДК 342.9

Д.С. Барсук, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.В. Гиммельрейх*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.С. Кривонощенко*

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ СИСТЕМА МОНИТОРИНГА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА УПРАВЛЕНЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА

Анализируется нормативное закрепление и практика использования потенциала республиканской системы мониторинга общественной безопасности (РСМОБ) в Республике Беларусь как организационного средства охраны обще-

ственного порядка и безопасности в общественных местах. Рассматриваются назначение, задачи, структура, особенности правового регулирования порядка функционирования и использования информации РСМОБ; акцентируется внимание на аспекте достижения правоохранительных задач и функций.

Среди широкого спектра организационных средств особое место занимают системы видеонаблюдения, применение которых наряду с традиционными формами и методами деятельности ОВД с целью мониторинга¹ общественной безопасности представляется актуальным и востребованным. Однако использование потенциала системы видеонаблюдения осуществлялось в частном порядке, разрозненно и не в полной мере эффективно, что было обусловлено разным ведомственным подчинением государственных органов и юридических лиц. При этом каждый государственный орган или субъект хозяйствования использовал различные по своим параметрам и функциональным возможностям видеокамеры, с разным сроком хранения информации. Общий порядок получения, хранения и использования информации регламентирован не был, права и обязанности пользователей и абонентов, а также критерии объектов к числу подлежащих обязательному оборудованию средствами видеонаблюдения не регламентированы.

Поэтому формирование интегрированной системы видеонаблюдения потребовало разработки и принятия прочной правовой основы порядка ее функционирования, которые по времени условно можно разделить на два этапа.

Необходимость более активного подхода к формированию и апробированию применения интегрированной системы видеонаблюдения и радиосвязи в интересах обеспечения общественного порядка была продиктована проведением чемпионата мира по хоккею с шайбой 2014 г. в г. Минске и предполагала разработку пакета нормативных правовых актов различного уровня.

Одним из первых таких актов стало Положение о применении систем безопасности и телевизионных систем видеонаблюдения, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 декабря 2012 г. № 1135 [1].

В качестве основных задач системы видеонаблюдения назывались: наблюдение за состоянием общественной безопасности в интересах обеспечения общественного порядка, профилактики, выявления (рас-

¹ Мониторинг – систематическое отслеживание, изучение состояния определенных социальных явлений и процессов, сопоставление результатов постоянных наблюдений для получения обоснованных представлений об их действительном положении, тенденциях развития.

(Цит. по: Социальный менеджмент : учебник / под ред. Д.В. Валового. – М., 2000. – С. 374).

крытия) и пресечения преступлений, других правонарушений, а также предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

В указанном документе впервые нормативно были закреплены термины «общественный порядок» и «общественная безопасность» и даны их легальные определения, сформулированы общие требования к системам безопасности, технические требования к телевизионным системам видеонаблюдения. Обеспечение общественной безопасности было определено как формирование и проведение государственной политики в сфере общественной безопасности по созданию и поддержанию необходимого уровня защищенности посредством осуществления мер правового, организационного, правоохранительного и иного характера, адекватных угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства. А Министерство внутренних дел Республики Беларусь (МВД) было наделено правом при необходимости давать разъяснения по вопросам применения настоящего постановления.

Дальнейшее развитие административно-правовое регулирование порядка внедрения и развития системы видеонаблюдения получило с принятием Указа Президента Республики Беларусь от 28 ноября 2013 г. № 527 «О вопросах создания и применения системы видеонаблюдения в интересах обеспечения общественного порядка» (далее – Указ) [2].

В соответствии с Указом были определены объекты инфраструктуры, используемые при проведении чемпионата мира по хоккею с шайбой 2014 г. в г. Минске, которые до 1 января 2014 г. подлежали обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения: автовокзалы, железнодорожный вокзал станции Минск-Пассажирский; станции Минского метрополитена с охватом территорий перронов, подземных переходов и выходов из метро; национальный аэропорт «Минск»; здания Минского горисполкома и районных администраций; национальный выставочный центр «БелЭкспо»; ряд объектов спортивного назначения.

Указом устанавливались общие требования к работе с каналами связи, используемыми для передачи зафиксированной информации, перечень оборудования, используемого для приема, обработки и хранения зафиксированной информации, и иного оборудования, используемого для обеспечения функционирования системы видеонаблюдения; определялись пользователи данной системы из числа государственных органов правоохранительной направленности и судов, устанавливались их права и обязанности; закреплялся возмездный характер получения информации для иных абонентов и иные общие и прикладные вопросы. Отдельными нормами закреплялась обязанность государственных органов (организаций), иных юридических лиц, осуществивших оборуду-

дование объектов средствами системы видеонаблюдения, обеспечения сохранности информации, зафиксированной системой видеонаблюдения, в течение одного месяца, а также защиту информации от несанкционированного доступа.

МВД предписывалось до 1 марта 2015 г. провести комплексный анализ эффективности функционирования системы видеонаблюдения и представить в Совет Министров Республики Беларусь предложения о совершенствовании ее деятельности (п. 9 Указа). В структурном отношении система видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности была нормативно закреплена как перечень средств, которые представляют собой комплекс относительно самостоятельных и одновременно взаимосвязанных подсистем: средства формирования видеоизображения; передачи видеосигнала; обработки видеoinформации; отображения видеoinформации; хранения видеoinформации; контроля и управления; информационной безопасности; вспомогательные средства (энергообеспечения, освещения и др.) [3].

Были определены критерии отнесения объектов к числу подлежащих обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности:

1) отнесение его к объектам, представляющим повышенную техногенную и экологическую опасность, условно уязвимым в диверсионном отношении;

2) размещение на объекте: стационарных торговых объектов, в том числе объектов общественного питания; зрелищных объектов, учреждений образования, организаций здравоохранения, туристических объектов; физкультурно-спортивных сооружений с вместимостью 100 и более мест;

3) использование автодороги для въезда в город Минск, центры областей и районов, города областного и районного подчинения и выезда из них;

4) обеспечение общественной безопасности на объектах метрополитена, автомобильного, железнодорожного, водного, воздушного транспорта;

5) отнесение объекта к постоянным местам для проведения массовых мероприятий, определенным местными органами власти.

6) возможность одновременного массового пребывания на объекте граждан в количестве 100 и более человек [4].

Постановлениями Совета Министров Республики Беларусь утверждены:

от 30 декабря 2013 г. № 1163 – порядок предоставления информации, зафиксированной системой видеонаблюдения за состоянием обще-

ственной безопасности, и определения размера платы за ее предоставление [5];

от 31 января 2014 г. № 89 – перечень мест массового пребывания граждан в г. Минске, подлежащих обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности.

Таким образом, в процессе обеспечения общественной безопасности при проведении чемпионата мира по хоккею с шайбой 2014 г. в г. Минске интегрированная система видеонаблюдения в совокупности с иными организационно-техническими средствами прошла экспериментальную апробацию и доказала свою эффективность и востребованность [6]. Этому в определенной степени способствовало формирование необходимой административно-правовой основы порядка и условий функционирования интегрированной системы видеонаблюдения, использования ее результатов.

Успешный опыт внедрения системы видеонаблюдения в г. Минске дал основания развивать систему видеонаблюдения уже не только в границах г. Минска (отдельной административно-территориальной единицы), а территориальном пространстве Республики Беларусь, что требовало дальнейшего усовершенствования правового регулирования.

С момента подписания Указа Президента Республики Беларусь от 25 мая 2017 г. № 187 (далее – Указ № 187) официально берет начало республиканская система мониторинга общественной безопасности [7]. Этот документ включил в себя закреплённый в ранее принятых нормативных правовых актах подходы к обеспечению общественной безопасности с использованием видеонаблюдения.

Указом № 187 обновлен и расширен действовавший ранее перечень элементов РСМОБ, в качестве которых в нормативном порядке закреплены: система видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности; локальные системы видеонаблюдения и специальные детекторы, подключенные к системе мониторинга; каналы связи Единой республиканской сети передачи данных; программная платформа системы мониторинга; аппаратный комплекс Республиканского центра обработки данных (РЦОД); автоматизированные рабочие места; другие системы и информационные ресурсы, определяемые пользователями системы мониторинга.

Данным указом МВД определено специально уполномоченным государственным органом, осуществляющим координацию деятельности государственных органов, иных организаций и индивидуальных предпринимателей при создании, функционировании и использовании системы мониторинга.

В качестве дополнительного участника правоотношений, связанных с порядком функционирования РСМОБ, вводится технический оператор системы мониторинга и дается его определение: это юридическое лицо, обеспечивающее создание и обеспечение функционирования системы мониторинга, управление, развитие и техническую эксплуатацию программной платформы и аппаратного комплекса РЦОД. Нормативно закрепляются права и обязанности технического оператора, в том числе на взимание платы за предоставление информации, предоставляемой из РСМОБ.

Расширяется перечень субъектов, имеющих право получать информацию, зафиксированную системой мониторинга. К ним относятся: пользователи; суды при рассмотрении конкретного дела; абоненты в части информации, полученной с объектов этих абонентов; иные лица в соответствии с законодательными актами.

В качестве обязывающей нормы, получившей правовое закрепление, определено требование к облисполкомам и Минскому горисполкому не реже одного раза в полугодие актуализировать перечни объектов, подлежащих обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения, и в пятидневный срок направлять их уполномоченному государственному органу (МВД) и техническому оператору. Во исполнение Указа № 187 утверждено Положение о республиканской системе мониторинга общественной безопасности и порядке подключения к ней (далее – Положение) [8]. Данным Положением определяются правовые основы функционирования Республиканской системы мониторинга общественной безопасности, а также порядок подключения к ней, как в обязательном порядке, так и по желанию различных субъектов права. Кроме того, расширен и детализирован перечень задач, решаемых РСМОБ:

наблюдение за состоянием общественной безопасности в целях обеспечения общественного порядка, профилактики, выявления и пресечения преступлений, других правонарушений, розыска лиц, их совершивших, и лиц, без вести пропавших, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций;

оперативное информирование о зафиксированных событиях путем автоматизации процессов сбора, обработки, анализа, хранения информации и ее передачи на средства отображения информации пользователей.

В процессе функционирования РСМОБ обеспечивается:

непрерывный в режиме реального времени сбор информации из различных источников информации, являющихся элементами системы мониторинга;

прием, регистрация, обработка, учет, накопление и хранение информации, и ее передача на средства отображения информации пользователей и абонентов;

целостность и сохранность информации посредством аппаратного комплекса РЦОД и программной платформы при ее передаче, приеме, регистрации, обработке, учете, накоплении и хранении, а также в случаях плановых и (или) аварийных остановок системы мониторинга (ее отдельных элементов);

контроль достоверности предоставляемой информации;

конфиденциальность информации, зафиксированной системой мониторинга;

автоматизированная аналитическая обработка и фильтрация программной платформой системы мониторинга. При этом информация, зафиксированная системой мониторинга, предоставляется МВД, Комитету государственной безопасности, Министерству по чрезвычайным ситуациям, Департаменту финансовых расследований Комитета государственного контроля, Службе безопасности Президента и Оперативно-аналитическому центру при Президенте – без ограничений в отношении источников и объема информации.

Кроме функционирования РСМОБ Положением определяются правовые основы функционирования технического оператора (гл. 4) и порядок подключения к системе мониторинга (гл. 5). О востребованности функционирования РСМОБ в Республике Беларусь как эффективного организационного средства контроля состояния общественного порядка и общественной безопасности в стране свидетельствуют следующие данные.

Так, средствами системы видеонаблюдения в настоящее время оборудованы более 24 тыс. объектов, при этом оснащены и готовы к интегрированию в РСМОБ почти 11 тыс. из них. Количество установленных с помощью камер видеонаблюдения лиц, совершивших преступления, выросло с 1 тыс. в 2014 г. до почти 2 тыс. по итогам 2018 г., без учета раскрытых с помощью видеонаблюдения неочевидных преступлений [9].

Важным шагом в дальнейшем развитии системы видеонаблюдения является принятие постановления Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 2 июля 2019 г. № 181, которым утверждены единые технические требования к программному обеспечению видеоаналитики [10], которая будет оснащена функциями распознавания автомобильных номеров стран, выявления конкретных физических лиц в местах массового скопления людей.

В перспективе РСМОБ объединит на одной платформе камеры видеонаблюдения, датчики дыма, пламени, взрывчатых, наркотических и радиоактивных веществ, тепловизоры и другие специальные детекторы, каналы связи, центр обработки данных, а также иные системы и информационные ресурсы. В составе системы мониторинга будет функционировать и программное обеспечение видеоаналитики, что позволит более оперативно выявлять и предотвращать угрозы общественной безопасности, передавая в соответствующие государственные органы информацию о тех или иных событиях.

Единые технические требования к программному обеспечению видеоаналитики предусматривают возможность установления различных прав и уровней доступа к системам видеонаблюдения, подключенным к РСМОБ. Прописана и возможность работы с архивом данных не менее чем за 30 суток.

Таким образом, рассмотрение понятия, содержания, целевого назначения, места и роли РСМОБ в системе организационных средств обеспечения общественной безопасности, ее структуры и административно-правового регулирования оснований и порядка функционирования, позволяет сделать следующие выводы.

1. Система мониторинга позволяет обеспечить ОВД круглосуточное наблюдение в режиме 24 часа в неделю (24/7) за обстановкой в местах массового пребывания людей, а также своевременное реагирование на противоправные деяния, что дает возможность повысить эффективность использования сил и средств, усовершенствовать работу по охране общественного порядка, раскрытию преступлений и розыску преступников.

Для государственных органов РСМОБ выступает дополнительным организационно-управленческим средством, позволяющим своевременно и правильно воспринимать, идентифицировать и анализировать различные социально-управленческие ситуации, а впоследствии оперативно вырабатывать, принимать и реализовывать управленческие решения различного характера по нивелированию угроз общественной безопасности.

2. С момента экспериментального использования и апробирования на территории конкретной административно-территориальной единицы до внедрения в масштабе всей республики видеонаблюдение из разрозненных информационно-технических средств с различными характеристиками и функциональным назначением превратилась в мощную автоматизированную информационную систему, интегрированную в

единую республиканскую сеть передачи данных, удовлетворяющую потребностям общества в безопасности.

3. Определенное значение в формировании и развитии сыграло административно-правовое регулирование в установлении единых правил и требований в организации функционирования этой системы.

В частности, с помощью норм административного права определено, что следует понимать под РСМОБ; установлен общий порядок функционирования РСМОБ, определена ее структура и перечислены средства, ее образующие; сформулированы единые требования к получению, передаче, сроку хранения информации; закреплены технические требования к средствам получения, фиксации, обработки и передачи информации; определены критерии отнесения объектов к числу подлежащих обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности и др.

4. Важное значение в правоохранительном плане имеет закрепление МВД в качестве специально уполномоченного государственного органа, осуществляющего координацию деятельности государственных органов, иных организаций и индивидуальных предпринимателей при создании, функционировании и использовании системы мониторинга. Это позволяет:

во-первых, разрабатывать и реализовывать государственную политику в области общественной безопасности, адекватную складывающейся в республике обстановке с учетом развития различных криминальных факторов и достижений развития программно-технических средств;

во-вторых, формировать и поддерживать необходимое правовое поле деятельности различных субъектов в данной сфере общественных отношений, контролировать соблюдение установленных правил и требований к порядку фиксации, обработке, передаче, использования информации, полученной с помощью РСМОБ, в случае выявления нарушений привлекать виновных лиц к установленной законом ответственности.

Список использованных источников

1. Об утверждении Положения о применении систем безопасности и телевизионных систем видеонаблюдения [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 11 дек. 2012 г., № 1135 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 13.12.2013 г. № 1074 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. О вопросах создания и применения системы видеонаблюдения в интересах обеспечения общественного порядка [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 28 нояб. 2013 г., № 527 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 25.05.2017 г. № 187 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. О перечне средств системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности, технических требованиях к ним и внесении дополнений и изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 11 декабря 2012 г. № 1135 [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 13 дек. 2013 г., № 1074 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Об утверждении критериев отнесения объектов к числу подлежащих обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 дек. 2013 г., № 1164 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Об утверждении Положения о порядке предоставления информации, зафиксированной системой видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности, и определения размера платы за ее предоставление [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 дек. 2013 г., № 1163 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 21.11.2017 г. № 866 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

6. Станилевич, В.В. Обеспечение безопасности при проведении чемпионата мира по хоккею 2014 года в г. Минске / В.В. Станилевич, М.Л. Зинченко, А.В. Басов // Сб. передового опыта обеспечения обществ. безопасности МОБ МВД Респ. Беларусь ; под общ. ред. Н.А. Мельченко. – Минск, 2014. – Вып. 27. – С. 4–32.

7. О республиканской системе мониторинга общественной безопасности : Указ Президента Респ. Беларусь, 25 мая 2017 г., № 187 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

8. Положение о республиканской системе мониторинга общественной безопасности и порядке подключения к ней [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 10 нояб. 2017 г., № 841 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

9. МВД о новых технологиях, биометрических паспортах и миграции [Электронный ресурс] // Новостной портал БЕЛТА: офиц. сайт. – Режим доступа: https://www.belarus.by/ru/press-center/speeches-and-interviews/mvd-o-novykh-technologijax-biometricheskix-pasportax-i-migratsii_i_0000094062.html – Дата доступа: 25.08.2020.

10. О единых технических требованиях к программному обеспечению видеоаналитики [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 2 июля 2019 г., № 181 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 343.985

В.В. Бачинский, выпускник факультета милиции

Я.А. Высоцкий, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *Н.Н. Хмель*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.А. Шаматульский*

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
С ДЕПАРТАМЕНТОМ ФИНАНСОВОГО МОНИТОРИНГА
КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
ПРИ РАСКРЫТИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Рассматриваются правовые основы, порядок и основные направления взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел с Департаментом финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь.

В настоящее время в целях оперативного реагирования на возникающие риски и угрозы национальной безопасности Департаментом финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь заключены соглашения о взаимодействии с рядом правоохранительных органов Республики Беларусь, в том числе с Министерством внутренних дел.

В целях усовершенствования системы мер по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения в Республике Беларусь в 2003 г. был создан Департамент финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь (ДФМ). В мире службы, аналогичные ДФМ, называются финансовой разведкой (например, в США – Служба внутренних доходов, в Италии – Финансовая гвардия, в Германии – налоговый розыск «Штойфа»), а в России – Комитет Российской Федерации по финансовому мониторингу при Министерстве финансов Российской Федерации).

Правовой основой деятельности ДФМ являются следующие нормативные правовые акты:

Конституция Республики Беларусь;
Закон Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. № 142-3 «О Комитете государственного контроля Республики Беларусь»;

Закон Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-3 «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» (далее – Закон «О мерах по предотвращению»);

Положение о Департаменте финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь (далее – Положение), утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 14 сентября 2003 г. № 408, и др.

Согласно Положению ДФМ структурное подразделение Комитета государственного контроля Республики Беларусь (далее – Комитет) с правами юридического лица. ДФМ – это орган финансового мониторинга, уполномоченный в соответствии с законодательством Республики Беларусь осуществлять деятельность по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения [1].

ДФМ при осуществлении своей деятельности взаимодействует с Национальным банком, другими государственными органами, иными организациями, в том числе иностранными и международными, а также физическими лицами, в том числе индивидуальными предпринимателями, по вопросам предотвращения легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения [1].

Активное взаимодействие ДФМ с правоохранительными и надзорными органами осуществляется в рамках международных специализированных операций «Пять элементов», «Млечный путь» и «Барьер». Совместно с правоохранительными органами Республики Беларусь ДФМ участвует в проводимых государствами – членами Организации Договора о коллективной безопасности операциях «Нелегал», «Канал» и «Прокси» [2].

Так и оперативные подразделения органов внутренних дел взаимодействуют с ДФМ при раскрытии экономических преступлений. Данное взаимодействие осуществляется через реализацию ДФМ своих функций.

ДФМ состоит из трех управлений: аналитического, информационно-технологического и управления координации и международного сотрудничества. Оперативные подразделения органов внутренних дел взаимо-

действуют с отделом по работе с обращениями правоохранительных органов, который входит в состав аналитического управления [2].

Так, одной из основных задач ДФМ является осуществление международного сотрудничества по вопросам предотвращения легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения.

Так, согласно положениям ст. 11 Закона «О мерах по предотвращению» ДФМ направляет соответствующую информацию и материалы в орган уголовного преследования при наличии достаточных оснований, свидетельствующих о том, что финансовая операция связана с получением и (или) легализацией доходов, полученных преступным путем, финансированием террористической деятельности, распространением или финансированием распространения оружия массового поражения [3].

Департаментом финансового мониторинга заключено 24 международных договора межведомственного характера и меморандума в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию террористической деятельности с такими странами, как Азербайджан, Армения, Афганистан, Грузия, Израиль, Латвия, Польша, Российская Федерация, Украина, Финляндия, Македония и др. [4].

В настоящее время в целях оперативного реагирования на возникающие риски и угрозы национальной безопасности Департаментом финансового мониторинга заключены соглашения о взаимодействии с Министерством внутренних дел, Департаментом финансовых расследований Комитета государственного контроля, Генеральной прокуратурой, Государственным таможенным комитетом, Комитетом государственной безопасности [5].

Согласно ст. 13 Закона «О мерах по предотвращению» ДФМ в соответствии с законодательством, в том числе и с международными договорами Республики Беларусь, осуществляет сотрудничество с компетентными органами иностранных государств в сфере предотвращения легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения на стадиях сбора информации, предварительного расследования, судебного разбирательства и исполнения судебных решений [3].

Так, согласно Положению ДФМ наделен полномочиями в соответствии с законодательством, в том числе международными договорами Республики Беларусь, запрашивать и получать от компетентных органов иностранных государств соответствующую информацию (в том числе содержащую банковскую или коммерческую тайну) в сфере пре-

дотворщения легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения [1].

Международный информационный обмен между подразделениями финансовой разведки (ПФР) осуществляется на основании запросов или по собственной инициативе. Условия и принципы сотрудничества между ПФР определены в документах Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) и Группы «Эгмонт», таких как Заявление о целях Группы «Эгмонт», Принципы обмена информацией между ПФР, Пояснительная записка относительно определения ПФР и Типовой меморандум о взаимопонимании между ПФР [2].

Международный информационный обмен значительно расширяет возможности национальных ПФР путем организации доступа к полезным сведениям (информация о совершении подозрительных финансовых операций, движении средств по счетам, регистрационные данные о компаниях, их бенефициарных собственниках и распорядителях по счетам), которыми обладают или могут получить другие ПФР. Тем самым международный информационный обмен способствует выявлению более сложных трансграничных схем преступной деятельности.

В настоящее время ДФМ установлены контакты с финансовыми разведками более 90 зарубежных стран. В 2018 г. информационный обмен осуществлялся с 51 иностранным ПФР. В их адрес ДФМ направлено 260 сообщений. От них поступило 255 сообщений. Наиболее активно обмен информацией осуществлялся с ПФР Латвии, России, Эстонии, Чехии, Украины, Грузии [2].

Между тем некоторые исследователи высказывают опасения по поводу ущемления права на банковскую тайну. Действительно, борьба с легализацией преступных доходов не должна привести к тому, что будет нарушаться банковская тайна. Но как раз полная открытость всех счетов и необходима аналитикам ДФМ, чтобы обеспечить его деятельность как эффективной структуры для отслеживания криминальных или террористических сделок. Для других целей полномочий у спецслужб хватает и сегодня: они могут получить любую банковскую информацию после санкции прокурора или решения суда. Смысл же финансовой разведки – в системном анализе (мониторинге) финансовых сделок с целью выявления преступных доходов, и ей действительно нужен широкий доступ к информации.

ДФМ активно взаимодействует с автономной некоммерческой организацией «Международный учебно-методический центр по финансовому мониторингу» (Российская Федерация). Согласованные действия с данной организацией на локальном, региональном и мировом уровнях

способствуют построению эффективной глобальной системы противодействия транснациональной организованной преступности, финансовому мошенничеству, коррупции и международному терроризму [2].

Кроме того, при ДФМ созданы и функционируют межведомственные рабочие группы:

по обеспечению координации и взаимодействия государственных органов в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию террористической деятельности;

изучению типологий легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию террористической деятельности [6].

В состав рабочих групп входят представители правоохранительных и иных государственных органов (в том числе и Министерство внутренних дел), а в состав рабочей группы по изучению типологий при необходимости могут привлекаться отдельные специалисты для участия в заседаниях и (или) проведения экспертизы разрабатываемых материалов. Указанные группы являются межведомственными консультативно-совещательными органами.

На заседаниях рабочих групп рассматриваются вопросы совершенствования национального законодательства в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию террористической деятельности, разработки методических рекомендаций выявления подозрительных финансовых операций, а также вопросы информационного взаимодействия.

ДФМ ежегодно направляет правоохранительным и контролирующим органам Республики Беларусь, подразделениям финансового мониторинга иностранных государств около 2 тыс. информационно-аналитических материалов о выявленных подозрительных финансовых операциях [2].

Так, в 2016 г. было направлено 1 908 сообщений в правоохранительные и иные заинтересованные органы, в 2017 г. – 1 857, в 2018 г. – 1 714 [2]. В 2014 г. из ДФМ в органы внутренних дел поступило свыше 600, а в 2015 г. – свыше 400 сообщений [7].

Одним из примеров эффективного взаимодействия правоохранительных органов Республики Беларусь и ДФМ в 2017 г. стало установление масштабной схемы получения преступных доходов от налоговых и коррупционных преступлений.

В Республике Беларусь были созданы несколько организаций, которые превратились в крупных поставщиков компьютерного оборудования для нужд государственных предприятий и организаций, среди которых – компания Б. Руководитель компании Б. совместно с совладельцами и другими лицами (далее – организованная группа) с 1 января 2012 г.

по 31 декабря 2016 г. организовали схему поставок компьютерного оборудования в Республику Беларусь и его дальнейших продаж, при которой часть дохода аккумулировалась и выводилась в наличный оборот за рубежом через подконтрольные компании. Действиями организованной группы был причинен ущерб в особо крупном размере [2].

Правоохранительным органом в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством собраны бесспорные доказательства преступной деятельности должностных лиц и организаций, осуществляющих поставку компьютерного оборудования для нужд государственных органов. Деятельность преступной группы была пресечена. Правоохранительным органом возбуждено 21 уголовное дело: по фактам совершения коррупционных преступлений по ст. 424 «Злоупотребление властью или служебными полномочиями» Уголовного кодекса Республики Беларусь, ст. 430 «Получение взятки» Уголовного кодекса Республики Беларусь, ст. 431 «Дача взятки» Уголовного кодекса Республики Беларусь. Виновные лица были осуждены [2].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что при взаимодействии оперативных подразделений органов внутренних дел с Департаментом финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь существенно повышается эффективность раскрытия экономических преступлений, в ряде случаев без данного взаимодействия раскрытие экономических преступлений является весьма затруднительным, а иногда невозможным. С целью популяризации информации о взаимодействии органов внутренних дел с Департаментом финансового мониторинга, на наш взгляд, необходима разработка методических рекомендаций и их внедрение в повседневную практическую деятельность оперативных подразделений.

Список использованных источников

1. Положение о Департаменте финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 14 сент. 2003 г., № 408 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Обзор деятельности Департамента финансового мониторинга за 2016–2018 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kgk.gov.by/uploads/files/dfm/edt-1-Buklet-o-DFM-24.05.2019.pdf>. – Дата доступа: 28.06.2020.

3. О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 июня 2014 г., № 165-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.06.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Международная деятельность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kgk.gov.by/special/ru/new_mezhdunarodn_deyateln_dfm-ru. – Дата доступа: 28.06.2020.

5. Межведомственное сотрудничество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kgk.gov.by/special/ru/mezhved_sotrudnichestvo-ru. – Дата доступа: 28.06.2020.

6. Межведомственные рабочие группы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kgk.gov.by/special/ru/rab_group. – Дата доступа: 28.06.2020.

7. Обзор деятельности Департамента финансового мониторинга за 2015 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kgk.gov.by/uploads/files/dfm/spec1-2016.pdf>. – Дата доступа: 28.06.2020.

УДК 349.6

И.Ю. Бернацкий, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.И. Стельмах*

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕШЕНИЙ ОРХУССКОЙ КОНВЕНЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются вопросы выполнения Орхусской конвенции, проблемы реализации ее положений в Республике Беларусь. Подчеркивается значимость экологического образования и воспитания.

Сегодня деятельность человека оказывает достаточно существенное влияние на состояние окружающей среды. Нередко природные явления, стихийные бедствия оказывают более губительные последствия на окружающую среду, чем сам человек. Сбросы токсичных отходов загрязняют воду, воздух и почву и могут привести к гибели целых экосистем. Вырубка лесов и браконьерство ведут к вымиранию целых популяций животных. Негативное воздействие на природу распространяется по мере развития технологий.

На 27-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН был впервые на высоком уровне поднят вопрос охраны окружающей среды. Тогда же в системе ООН была разработана Программа ООН по окружающей среде. Для защиты окружающей среды был разработан ряд международных соглашений. Так, например, в Киотском протоколе закреплялась обязанность развитых стран строго контролировать объем выбросов углекислого газа для предотвращения появления парникового эффекта, влияющего на климат во всем мире. Кроме того, была принята Конвенция ООН по

морскому праву, направленная на защиту морей. В свою очередь, Монреальский протокол ограничивал производство и использование веществ, разрушающих озоновый слой атмосферы, Конвенция о биологическом разнообразии направлена на охрану и рациональное использование ресурсов живой природы и т. п.

На наш взгляд, одним из важнейших документов, действующих в Республике Беларусь, является Конвенция Европейской экономической комиссии ООН о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, принятая на Четвертой конференции министров «Окружающая среда для Европы» в г. Орхусе (Дания) 25 июня 1998 г. Орхусская конвенция. В то время эта конвенция была подписана 39 странами и Европейским союзом [1]. Сегодня Сторонами данной конвенции являются 46 государств.

На международном уровне Орхусская конвенция оценивается как документ, ознаменовавший новый этап в развитии международного права окружающей среды. Принятие Орхусской конвенции, по мнению Генерального секретаря ООН Кофи А. Анана, явилось гигантским шагом на пути развития международного права в этой области, она явила собой амбициозный и смелый замысел в деле создания «экологической демократии», который когда-либо воплощался под эгидой Организации Объединенных Наций [2, с. 300]. Отмечая значимость и уникальность этой конвенции, Пан Ги Мун, также занимавший в свое время должность Генерального секретаря ООН, в свою очередь, отметил, что конвенция является единственным международным юридически обязывающим договором, наделяющим общественность широкими и конкретными правами в области участия в процессе принятия решений и доступа к информации и правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды... Орхусская конвенция обеспечивает двойную защиту экологических прав и прав человека, и ее акцент на вовлечение общественности в связи с прилагаемыми ими усилиями по преодолению многоплановых вызовов, с которыми сталкивается наш сегодняшний мир, включая изменение климата, утрату биоразнообразия, необходимость сокращения масштабов нищеты, растущие потребности в энергии, стремительную урбанизацию и загрязнение воздуха и воды [3, с. 278].

Таким образом, конвенция является международным нормативным актом, направленным на обеспечение общественности открытого доступа к экологической информации, имеющейся в распоряжении государственных органов; предоставление гражданам возможности выразить свое мнение при принятии экологически значимых решений и обеспечения надлежащего учета этого мнения лицами, ответственными

за принятие этих решений; предоставление общественности доступа к правосудию при рассмотрении дел о нарушении права на экологическую информацию и участию в процессе принятия экологически значимых решений и иных прав, касающихся окружающей среды [4].

В Республике Беларусь Орхусская конвенция была утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 14 ноября 1999 г. № 726 и является частью национального законодательства Республики Беларусь. Ее положения имеют юридическую силу Указа Президента Республики Беларусь и обязательны для исполнения.

Следует отметить, что Орхусская конвенция действует в ряде постсоветских стран: Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Киргизия, Латвия, Литва, Республика Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Украина, Эстония. В Российской Федерации конвенция подписана, но до настоящего времени не ратифицирована.

Цель участников данной конвенции состоит в том, чтобы государственные органы способствовали проведению продуманной информационной политики и разработке устойчивых механизмов, которые позволяют получать правдивую экологическую информацию и распространять ее среди общественности [5].

В целях развития экологического образования на всех уровнях и просвещения общественности необходимо сформировать целевые группы из представителей общества и государственных органов для обучения в рамках выполнения положений Орхусской конвенции. В целевые группы могут входить люди как с общим средним, так и высшим образованием.

Обучение должно включать как теоретическую, так и практическую части. В теоретической части участники целевых групп могут рассматривать пути доступа общественности к информации, а также способы ее участия в принятии экологически значимых решений и доступе к правосудию. В практической части тренинга могут рассматриваться процедуры и правила доступа к информации, участие в принятии экологических решений и доступ к правосудию по вопросам окружающей среды. Члены группы посредством тренингов могут приобрести также практические навыки по составлению соответствующих процессуальных документов по экологическим вопросам [6, с. 3–5].

Такие мероприятия способствуют формированию общего взгляда на рассматриваемые вопросы, разрешению конфликтов и выработке совместных решений в рамках выполнения положений Орхусской конвенции.

Крайне важным видится создание потенциала в области участия общественности в экологическом просвещении, повышения уровня

информированности и распространения информации. Именно поэтому Орхусские центры, действующие в Республике Беларусь, организуют работу с общественностью и органами государственного управления по реализации положений Орхусской конвенции.

В Республике Беларусь проведена работа по созданию пилотного регионального Орхусского центра. Так, например, в 2011 г. в областных центрах республики был проведен конкурс по определению места создания Орхусского центра. Представленные на конкурс заявки оценивались сотрудниками Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, национальным и международным консультантами проекта ЕС/ПРООН (Экопартнерство). Особое внимание уделялось материально-технической базе, деятельности заявителя по экологическому информированию населения, международному сотрудничеству, а также возможности для устойчивого функционирования Центра после завершения ЕС/ПРООН. Кроме того, одним из факторов, влияющих на выбор места создания регионального Орхусского центра, была общая ситуация в регионе с выполнением положений Орхусской конвенции. Победителем конкурса стал Гродненский областной комитет природных ресурсов и охраны окружающей среды [7].

Целью создания и деятельности Орхусского центра г. Гродно является содействие реализации норм и положений Орхусской конвенции на территории г. Гродно и Гродненской области.

Для реализации указанной цели Орхусский центр г. Гродно осуществляет следующие задачи по выполнению роли связующего звена между Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, комитетом, государственными организациями г. Гродно и Гродненской области и общественностью в сфере обеспечения доступа к информации, участия общественности в процессе принятия решений и доступа к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды; содействует государственным органам, негосударственным организациям и общественности в процессе принятия решений и доступа к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды; координирует деятельность государственных органов г. Гродно и Гродненской области, Общественного координационного экологического совета Гродненской области в рамках реализации Орхусской конвенции; развивает сотрудничество общественных организаций и их потенциальных партнеров среди национальных и международных неправительственных организаций и иных заинтересованных лиц и т. п.

В рамках подготовки к открытию Орхусского центра г. Гродно проводились обучающие семинары, совместные акции Орхусского центра г. Гродно, велась работа со студентами и школьниками.

Кроме того, в Республике Беларусь функционируют два Орхусских центра в Минске. В этом центре можно получить информацию по вопросам, касающимся состояния окружающей среды (воды, воздуха, почв, радиационной ситуации); деятельности структурных подразделений Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, а также иным вопросам, касающимся окружающей среды [8].

Сегодня целью современного экологического образования является наряду с усвоением экологических знаний обучение решению экологических проблем. Конечной целью такого образования является достижение конкретных положительных изменений в состоянии окружающей среды. В этой связи представляется целесообразным функционирование Орхусских центров во всех областных центрах нашей страны. Работа таких центров способствовала бы развитию экологической демократии, просвещению общественности по вопросам охраны окружающей среды.

В Республике Беларусь создается система непрерывного экологического просвещения, образования и воспитания. Образовательные мероприятия направляются на развитие креативных способностей обучающихся: личностно-ориентированно взаимодействие тренера и аудитории, комплексный подход, проблемность, авторское решение, авторская доказательная позиция.

Современный подход к проведению образовательных мероприятий в рамках выполнения положений Орхусской конвенции в Беларуси, ориентируется на внесение в процесс обучения новизны, обусловленной особенностями жизни и деятельности, спецификой различных технологий обучения и потребностями в выработке социально полезных знаний о положениях Орхусской конвенции.

Считаем, что экологическим воспитанием нужно заниматься с дошкольного возраста. Именно в этом возрасте развивается эмоционально-ценностное восприятие окружающего мира, которое проявляется во взаимоотношениях ребенка с природой и появляется возможность формирования у детей дошкольного возраста основ экологических знаний, норм и правил взаимодействия с природой [9].

Основными целями экологического образования в старших классах школы являются формирование экологического мышления, понимания влияния социально-экономических процессов на состояние природной среды, приобретение опыта экологически-направленной деятельности. Экологическое образование происходит при изучении предметов естественно-научного цикла, а также на занятиях по внеклассной работе. Здесь используются такие формы работы, как квесты, экскурсии, беседы, лекции, просмотры документальных фильмов, разнообразная кружковая деятельность и т. д.

В Беларуси существует проект «Зеленые школы». Он направлен на формирование у обучающихся ценностного отношения к природе, информирования молодежи по охране окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. В настоящее время сотни школ участвуют в реализации этого проекта. Данный проект как на занятиях, так и на факультативах углубляет знания учащихся об окружающей среде и они получают навыки, как сохранить окружающую среду [10].

Общество имеет право на здоровую окружающую среду, однако чтобы это право реализовывалось, граждане должны участвовать в принятии решений по экологическим вопросам. Представляется важным, чтобы каждый человек осуществлял свое право на благоприятную окружающую среду, имел инструменты для участия в принятии экологически значимых решений, получал актуальную информацию о состоянии окружающей среды. Так, в республике с 1996 г. функционирует общественное объединение «Экодом» (далее – Экодом). Направления деятельности этого объединения охватывают различные сферы: от экологического образования до защиты прав людей на благоприятную окружающую среду, Экодом оказывает консультации по вопросам Орхусской конвенции, проводит тренинги для представителей общественных организаций и граждан.

Таким образом, в Республике Беларусь предпринимаются все необходимые меры для реализации положений Орхусской конвенции. Тем не менее следует указать на ряд проблем в выполнении положений Орхусской конвенции.

Существует мнение, что выполнение Орхусской конвенции задача Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. Хотя на самом деле решения, касающиеся окружающей среды, принимают большинство государственных органов. Непонимание усложняется особенностями законодательства: оно не рассчитано на столкновение общественных, публичных и частных интересов, которое происходит при реализации требований различных документов.

В ряде случаев государственные органы снисходительно относятся к экспертному потенциалу общественности, считая их «неспециалистами». Круг компетентных представителей общественности формируется, но в целом он ограничен. По нашему мнению, для решения спорных ситуаций в ряде случаев достаточно житейской смывленности, порой бывают ситуации, что простые люди могут знать то, чего не знают представители государственных органов.

Существуют вопросы с проведением собраний общественности. Так, например, имеется необходимость в урегулировании процесса участия в них общественности из смежных районов.

В ряде случаев органы, отвечающие за проведение общественных обсуждений, не всегда соблюдают положение о надлежащем информировании населения. Информирование осуществляется через сайты местных администраций. В настоящее время решается вопрос о создании единой базы для информирования о намеченных и прошедших общественных обсуждениях с решениями и протоколами по ним на сайте Орхусского центра.

Кроме того, документы должны размещаться в удобном для использования формате. По нашему мнению, было бы эффективно размещать информацию на информационных досках или стендах вблизи объектов. Это сняло бы рост социальной напряженности.

Согласно решению Комитета по соблюдению Орхусской конвенции на обсуждении следует обеспечить диктофонную или стенографическую запись и выкладывать эти материалы в открытый доступ. Это сняло бы много вопросов, когда, например, ставится под сомнение сам факт проведения слушания.

Сегодня в законодательстве Республики Беларусь отсутствует возможность участия общественности на нулевой стадии, когда еще не принято никакого решения и не разработана проектная документация объекта.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать выводы, что Орхусская конвенция, к которой могут присоединиться все страны мира, является мощным инструментом защиты в двух областях – в области охраны окружающей среды и в области прав человека. Указанная конвенция предлагает эффективную модель обеспечения вклада общественности в разработку и реализацию программ «зеленой» экономики, в выбор надлежащих путей достижения устойчивости, повышения открытости и подотчетности Правительства, внедряя таким образом на практике Принцип 10-й Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию и создавая пути для его повсеместного применения. Наша страна прилагает значительные усилия, чтобы обеспечить выполнение положений конвенции. Информация о проблемах в экологии, о принятии экологически-важных решений, о конкретных действиях, которые предпринимаются по защите окружающей среды, и о том, какой вклад может внести каждый человек в изменение экологической ситуации к лучшему, предоставляется общественности. В Беларуси создана развитая система экологического образования, которая охватывает все возрастные группы, начиная с детского сада.

Сегодня на достаточно высоком уровне разработаны методические рекомендации и модельные приложения по проведению образовательных мероприятий в рамках реализации положений Орхусской конвенции.

Список использованных источников

1. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml. – Дата доступа: 25.12.2020.
2. Орхусская конвенция: Руководство по осуществлению. Издание ООН. Нью-Йорк [Электронный ресурс] // ЮНИСЕФ. – Режим доступа: <https://unesc.org/fileadmin/DAM/env/pp/implementation%20guide/russian/aigr.pdf>. – Дата доступа: 25.12.2020.
3. Орхусская конвенция: Руководство по осуществлению. Издание ООН. Нью-Йорк [Электронный ресурс] // ЮНИСЕФ. – Режим доступа: https://unesc.org/fileadmin/DAM/env/pp/Publications/Aarhus_Implementation_Guide_interactive_eng.pdf. – Дата доступа: 25.12.2020.
4. Орхусский центр Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://new.minpriroda.gov.by/ru/orxus-ru/>. – Дата доступа: 25.12.2020.
5. Цели участников Орхусской конвенции [Электронный ресурс] // Орхусский центр Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://aarhusbel.com/>. – Дата доступа: 25.12.2020.
6. Выполнение положений Орхусской конвенции. Методические рекомендации для Орхусских центров в Республике Беларусь по организации работы с общественностью и органами государственного управления [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Белорусского государственного университета Республики Беларусь. – Режим доступа: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/124963/1/Сборник%201_Статья_12_Захарова.pdf. – Дата доступа: 25.12.2020.
7. Совместный проект Европейского союза и Программы развития ООН в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Совместный проект Европейского союза и Программы развития ООН «Содействие развитию всеобъемлющей структуры международного сотрудничества в области охраны окружающей среды в Республике Беларусь». – Режим доступа: <http://old.greenlogic.by/news.html?id=1>. – Дата доступа: 25.12.2020.
8. Орхусский центр [Электронный ресурс] // Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.greeneconomy.minpriroda.gov.by/ru/orxus-ru/>. – Дата доступа: 25.12.2020.
9. Андрусякова, И.П. Особенности воспитания экологической культуры у младших школьников / И.П. Андрусякова // Молодой ученый. – 2018. – № 1. – С. 118–120.
10. Программа «Зеленые школы» [Электронный ресурс] // Сеть «зеленых» школ Беларуси. – Режим доступа: <http://gs.greenlogic.by/>. – Дата доступа: 25.12.2020.

УДК 349.6

М.В. Богданович, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

Рецензент – кандидат юридических наук *А.В. Дешук*

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Рассматриваются вопросы развития концепции экономической безопасности в условиях перехода к цифровой экономике. Проводится анализ понятия «электронное государство» и его сопоставления с рисками для экономической безопасности государства. Освещается влияние цифровых технологий на кибербезопасность. Выделяются основные направления обеспечения экономической безопасности в цифровой экономике.

Современная цифровая реальность вносит новые институты и отрасли законодательства, задавая новые перспективы развития традиционно-отраслевому праву. Одним из немаловажных, как с практической, так и с теоретической сторон, становится вопрос о рассмотрении электронного государства в качестве самостоятельного типа государства. На такой вопрос, пока не ставший предметом отдельного научного изучения, нет точного ответа. В этой связи видится целесообразным рассмотрение современного понимания электронного государства.

Изучая мнения ученых, можно выделить несколько ключевых подходов к пониманию данного вопроса. Так, одни авторы рассматривают понятие электронного правительства более узко, отождествляя его лишь с простой информатизацией и автономизацией государственного сектора и методов управления. Например, С.В. Тихонова рассматривает электронное государство как совокупность сетевых сервисов по предоставлению публичных услуг и правовой информации в онлайн-режиме, а также электронных платформ, которые обеспечивают деятельность базовых ветвей власти [1]. Электронное государство может выступать в различных формах: как средство коммуникации между обществом и государством, как модель деятельности государства в условиях модернизации государственного аппарата, как поддержка экономического, правового, политического, административного и гражданского единства страны, как возможный альтернативный способ оказания государственных услуг в электронной форме, как система управления государственным аппаратом власти, которое осуществляется в электронной форме [2, с. 33–36]. Сложность возникает только в случае, когда мы соотносим

понятие электронного государства в узком смысле с другими типологическими моделями.

Второй подход, более широкий, пока немного слабее выражен в научных источниках, поскольку в нем отражены типологические, сущностные изменения зарождающегося глобального явления, пришедшего на смену «традиционного» государства. Несмотря на то что концепция «электронного государства» появилась в западных странах не так давно, с конца 1990-х гг., уже сейчас заметна утрата «традиционным» государством, казалось бы, незыблемых признаков. Так, из трех слагаемых государства в понимании арифметической концепции (власть, территория и население) под воздействием массового перемещения людей, капиталов, товаров и информации, существенные изменения коснулись лишь последних двух. Очевидно сокращение суверенитета, который, становясь трансграничным, перемещается из территориального в информационное поле. В этой связи характеристика суверенитета как контроля с привязкой к территории государства на сегодня исчерпывает свою ценность. Последним оплотом «традиционного» государства как типа государства пока остается власть, которая в настоящее время адаптирует инновационные механизмы для максимально долгого сохранения собственного статуса-кво, но и ее модификация со временем неизбежна [3, с. 640–642]. По нашему мнению, главным трансформатором государственной власти станет именно электронное государство. Учитывая рост цифровых технологий, мы даже пока не можем предположить степень развития в более позднюю эпоху.

Следует отметить, что внедрение технологических процессов приводит к формированию в экономической системе отдельного сектора – «цифровой экономики». На сегодня этот сектор экономики невелик, но имеет серьезные перспективные варианты развития, а также оказывает положительное влияние на другие экономические секторы, а также рост качества жизни населения.

Возникновение термина «цифровая экономика» приписывают американскому ученому Николасу Негропonte, после публикации его монографии «Being Digital» [4]. Он рассуждал о недостатках практической модели производства-продажи товаров, в сравнении с возможностью выполнять те же задачи виртуально, оптимизируя этот процесс. В настоящее время существует множество определений понятия «цифровая экономика», которые делают акцент на том или ином аспекте воздействия тренда цифровизации на национальную экономику, например, на использовании инновационных цифровых информационно-коммуникационных технологий, на обеспечении информационно-коммуникативных технологий различных видов взаимодействий, на

использовании интернета, мобильных и сенсорных сетей, возможностей работы в режиме онлайн, на применении электронного документооборота, современных электронных каналов связи, способов учета и хранения информации, на создании новых бизнес-моделей, новых рынков и новых потребителей и т. д. Анализ разных определений цифровой экономики показывает, что каждое из них выделяет лишь некоторые ее существенные особенности. Учет наиболее важных из них позволяет дать следующее ее развернутое определение. Цифровая экономика – это система социально-экономических отношений, нацеленная на повышение эффективности и конкурентоспособности экономики.

В рамках рассмотрения понятия «цифровая экономика» важно соотнести его с обеспечением экономической безопасности государства. Так, например, М.В. Кунцман рассматривает экономическую безопасность государства через призму национальной безопасности государства, в реальном секторе экономики, включая инновационную сферу [5, с. 24].

В свою очередь, В.К. Сенчагов анализирует проблемы обеспечения экономической безопасности и предлагает пути их решения. Экономическая безопасность рассматривается как компонент национальной безопасности [6]. Нельзя не отметить, что переход к цифровым технологиям принципиально изменил отношение к информации, ее носителям, что существенно изменило отношение к экономической безопасности, перенося приоритеты с физической защиты личности и имущества на обеспечение устойчивого поступательного развития. Тренды трансграничности, цифровизации и открытости экономических субъектов делают национальный сегмент экономики более уязвимым для негативного воздействия злоумышленников, поскольку существует возможность оказания влияния со стороны зарубежных стран на информационную инфраструктуру экономики в экономических, военных и политических целях.

При рассмотрении развития цифровой экономики, вопросы экономической безопасности следует рассматривать с двух разных аспектов. Во-первых, дигитализация и последующая цифровизация системы коммуникаций между различными субъектами и в аспекте собственно цифровой экономики. При этом необходимо обратить внимание на тот факт, что цифровизация – это только трансформация каналов, транслирующих информацию различного характера. В свою очередь, под цифровой экономикой понимают экономическую деятельность, которая основана на цифровых технологиях и предполагает наличие электронных товаров и сервисов, производимых электронным бизнесом и электронной коммерцией. Создание добавочной стоимости с помощью генерации цифровых экономических благ, по мнению Д.А. Горюлева, характеризуют цифровую экономику [7, с. 78].

Внедряясь в современное информационное пространство, Республика Беларусь столкнулась с новыми угрозами и опасностями, способными подорвать производственный и экономический потенциал страны. С целью недопущения последствий внутренних и внешних угроз, которые могут привести к значительным социально-экономическим потрясениям, государство должно планомерно и в кратчайшие сроки ликвидировать опасность.

Во-вторых, возникновение нового вида преступности – организованной киберпреступности – заставляет экономических агентов и государство выделить основные задачи по предотвращению киберугроз в следующих направлениях: защита персональных данных человека, безопасность коммерческих информационных систем, безопасность информационных систем государственных структур, защита рабочей среды, технологий и инструментов. В связи с подобными масштабными задачами кибербезопасность все чаще рассматривается как стратегическая проблема государственной важности, затрагивающая все слои общества. Государственная политика кибербезопасности служит средством усиления безопасности и надежности информационных систем государства.

Следует отметить, что в белорусских документах вопросам кибербезопасности пока уделено явно недостаточное внимание. Например, в настоящее время в Беларуси отсутствует официальное определение кибербезопасности, в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь 2010 г. используется более широкое понятие «информационная безопасность». Однако среди задач формирования в Республике Беларусь цифровой экономики, перечисленных в Государственной программе развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы, борьба с киберпреступлениями и повышение кибербезопасности не значилась вообще. Было лишь указано, что одним из направлений развития цифровой экономики является увеличение объема производства и безопасного потребления высокотехнологичных и наукоемких ИКТ-товаров и услуг, а инфраструктура информатизации должна обеспечить безопасность информационных потоков. Кроме того, в названном документе не перечислены вызовы и угрозы кибербезопасности в сфере цифровой экономики в Республике Беларусь. Новая Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы призвана решить задачи создания благоприятных условий для обеспечения и сопровождения процессов цифрового развития; совершенствования реализации государственных функций посредством создания комплексной цифровой инфраструктуры для осуществления

межведомственного информационного взаимодействия, развития инструментов цифровой экономики в различных отраслях национальной экономики, предусматривающих применение передовых производственных технологий в производстве и процессах ведения внешнеэкономической деятельности, формирования необходимых условий для сохранения и повышения конкурентоспособности белорусских предприятий на мировом рынке; повышения уровня комфорта и безопасности жизнедеятельности населения посредством создания и внедрения технологий «умных городов»; совершенствования системы информационной безопасности.

Анализ правоприменительной практики показывает, что рост киберпреступности в Беларуси обусловлен рядом причин, среди которых интенсивное развитие системы безналичных расчетов, появление все большего количества устройств, осуществляющих финансовые транзакции; значительное увеличение числа пользователей всевозможных электронных платежных систем, ежегодный прирост абонентов сотовой связи, держателей банковских платежных карточек, интернет-пользователей, расширение сегмента рынка, который охватывает виртуальная территория [8, с. 147–156].

Таким образом, Республика Беларусь в сфере кибербезопасности испытывает такие серьезные угрозы, как:

- низкая правовая грамотность населения и представителей бизнеса по вопросам кибербезопасности;

- нарушение субъектами информатизации и пользователями установленных технических стандартов и требований в сфере ИКТ, регламентов сбора обработки, хранения и передачи информации в цифровой форме;

- технологические сбои и непреднамеренные ошибки персонала, которые оказывают негативное влияние на элементы ИКТ-инфраструктуры: программное обеспечение, информационные системы и сети и др.;

- действия международных преступных сообществ и отдельных граждан по осуществлению хищений в финансовой сфере, вредоносного воздействия с целью нарушений работы АСУ ТП промышленности, энергетики, связи, ИК-услуг;

- деятельность политических и экономических органов, террористических групп, разведывательных служб иностранных государств, направленная против интересов Республики Беларусь, путем оказания воздействия на ИКТ-инфраструктуру.

Недостаточная правовая грамотность населения и представителей бизнеса в вопросах информационной безопасности создают питательную среду для совершения правонарушений в информационной сфе-

ре, а низкая цифровая грамотность пользователей приводит к тому, что тысячи граждан Республики Беларусь становятся жертвами киберпреступников. Серьезным следствием того, что население Беларуси «отстранено» от проблем обеспечения кибербезопасности, также является недоверие граждан к онлайн-бизнесу, электронной торговле и другим важным составляющим цифровой экономики. По данным исследований, в 2020 г. онлайн-продажи показали самые высокие темпы роста с 2018-го. Такие показатели обусловлены увеличением онлайн-покупок белорусов во время самоизоляции и их стремлением избавиться от рублевых накоплений вследствие девальвации национальной валюты. В сравнении с прошлым годом за восемь месяцев 2020-го товарооборот в интернете вырос на 30 %. Вся розница за аналогичный период прибавила 7 %. Активность покупателей на некоторых площадках с апреля по июнь выросла в два и более раза.

Между тем направление развития информационных технологий неразрывно связано с образованием граждан и представителей бизнеса. Для этого необходимо формирование со школьных лет компьютерной грамотности и «цифровой гигиены» у пользователей, понимания элементов кибербезопасности.

Следует также отметить, что, несмотря на принимаемые меры, в Беларуси пока нет четкого понимания целей совершенствования существующей системы кибербезопасности и методов их достижения, а также не налажен конструктивный диалог с представителями экспертного сообщества. Речь идет о необходимости принятия отдельных нормативных правовых актов или политических решений по предотвращению потенциальных киберугроз, создания и функционирования постоянно обновляемой системы, принятия системных мер в области планирования и реализации мероприятий по обеспечению кибербезопасности на всех уровнях ее функционирования.

Таким образом, среди характерных черт цифровой экономики можно выделить интеллектуальный капитал, повышенный интерес инвесторов, всестороннее внедрение интернет-сети. С учетом изложенного в современных условиях развития государства можно выделить основные направления обеспечения экономической безопасности в цифровой экономике:

1. Инновационное развитие отрасли информационных технологий и электронной промышленности, увеличение доли продукции этой отрасли в валовом внутреннем продукте, в структуре экспорта страны.

2. Ликвидация зависимости отечественной промышленности от зарубежных информационных технологий и средств обеспечения инфор-

мационной безопасности за счет создания, развития и широкого внедрения отечественных разработок, а также производства продукции и оказания услуг на их основе.

3. Повышение конкурентоспособности белорусских компаний, осуществляющих деятельность в отрасли информационных технологий и промышленности, разработку, производство и эксплуатацию средств обеспечения информационной безопасности, оказывающих услуги в области обеспечения информационной безопасности, в том числе за счет создания благоприятных условий для осуществления деятельности на территории Республики Беларусь.

4. Развитие отечественной конкурентоспособной электронной компонентной базы и технологий производства электронных компонентов, обеспечения потребности внутреннего рынка в такой продукции и выхода этой продукции на мировой рынок.

Все вышеизложенное может содействовать значимости вопросов экономической безопасности в условиях развития цифровой экономики. Причиной этого является движение реальных активов, которое сопровождается цифровыми носителями, имеющими разную форму, а также по причине изменения сущности производственных и в дальнейшем социальных и экономических отношений.

Список использованных источников

1. Тихонова, С.В. Электронное государство: теоретическая модель и этап государства генеза / С.В. Тихонова // Информ. право. – 2014. – № 6. – С. 4–8.
2. Киселев, А.С. Современные теоретические подходы к понятию электронного государства / А.С. Киселев // Актуал. проблемы рос. права. – 2018. – № 6. – С. 33–36.
3. Шафалович, А.А. К вопросу об электронном государстве как типе государства / А.А. Шафалович // Науч. тр. Белорус. гос. экон. ун-та / [редкол.: В.Ю. Шутин (гл. ред.) и др.] ; М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т. – Минск : БГЭУ, 2020. – Вып. 13. – С. 641–647.
4. Negroponte, N. Being Digital / N. Negroponte. – NY : Knopf, – 1995. – 256 p.
5. Кунцман, М.В. Экономическая безопасность : учеб. пособие // М.В. Кунцман. – М. : МАДИ, 2016. – 152 с.
6. Сенчагов, В.К. Экономическая безопасность России. Общий курс : учебник / под ред. В.К. Сенчагова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : БИНОМ. Лаб. знаний, 2016. – 201 с.
7. Горулев, Д.А. Экономическая безопасность в условиях цифровой экономики / Д.А. Горулев // Техн.-технол. проблемы сервиса. – 2018. – № 1 (43). – С. 77–84.
8. Цифровизация белорусской экономики в современных условиях глобализации / Г.Г. Головенчик. – Минск : Изд. центр БГУ, 2019. – 257 с.

Н.А. Богучунус, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.Г. Сачек*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Анализируются основные нормативные правовые акты Республики Беларусь, регулирующие вопросы обеспечения энергетической безопасности. Выдвигаются предложения по дальнейшему совершенствованию законодательства в данной сфере, а также возможность имплементации зарубежного опыта.

Энергетическая безопасность (ЭБ), рациональное использование энергоресурсов, повышение энергоэффективности и внедрение энергоэффективных экологически чистых технологий – ключевые принципы развития и функционирования белорусского энергетического сектора. Энергия играет важную роль в национальной безопасности любой страны в качестве топлива для питания двигателя экономического прогресса, который является одной из главных предпосылок ее экономического роста [1].

Одной из важнейших составляющих в структуре экономической безопасности является энергетическая безопасность. Так, например, М.И. Бородина отмечает, что одной из важнейших проблем экономической науки и российской действительности является проблема обеспечения экономической безопасности. Безопасность государства определяется степенью разработанности концепции или стратегии национальной безопасности. Стратегия экономической безопасности государства включает ряд направлений, где важнейшим условием ее обеспечения является развитие базовых видов экономической деятельности, одним из которых является энергосфера [2]. В свою очередь, К.С. Зыков акцентирует внимание на энергетической безопасности как составляющей национальной безопасности: в условиях острейшего современного геополитического противостояния эффективность экономики, национальный суверенитет и обороноспособность страны напрямую зависят от обеспечения энергетической безопасности. Именно поэтому энергетическая сфера должна находиться под полным контролем государства, поскольку передача управления такой стратегической областью в частные руки угрожает потерей контроля над национальной безопасностью в целом [3].

Проанализировав вышеизложенное, следует отметить, что в настоящее время энергетическая безопасность является основой, базисом экономической безопасности Республики Беларусь, поскольку именно она формирует и определяет возможности развития экономики, эффективность производства, а также является неотъемлемым началом расширения диверсификации экспорта и импорта Республики Беларусь. По нашему мнению, энергетическая безопасность является неотъемлемой и составной частью экономической безопасности государства.

Основные положения, связанные с правовым регулированием энергетической безопасности в Республике Беларусь, закреплены в Концепции энергетической безопасности Республики Беларусь [4] (далее – Концепция). В Концепции закреплено, что энергетическая безопасность представляет состояние защищенности граждан, общества, государства, экономики от угроз дефицита в обеспечении их потребностей в энергии экономически доступными энергетическими ресурсами приемлемого качества, от угроз нарушения бесперебойности энергоснабжения.

Как представляется, дефиниция ЭБ имеет «полуотсылочную» структуру, поскольку одна часть формулируется путем перечисления субъектов ЭБ, другая же отсылает к понятию состояния защищенности. Под защищенностью в правовом смысле понимается «состояние, соответствующее в нормальных условиях обеспечению в полном объеме обоснованных потребностей (спроса) в энергии, в экстремальных условиях – гарантированному обеспечению минимально необходимого объема таких потребностей».

К принципам энергетической безопасности относятся максимальное использование собственных ресурсов, обеспечение экономически и экологически оправданного использования потенциала местных энергоресурсов; повышение уровня диверсифицированности и резервирования, позволяющего бесперебойно функционировать организациям топливно-энергетического комплекса (ТЭК) продолжительный период при ограничении поставок доминирующим поставщиком топливно-энергетических ресурсов (ТЭР); сотрудничество с сопредельными странами, основными торгово-экономическими партнерами и международными организациями и принятие коллективных мер по укреплению энергетической безопасности; обеспечение государственного контроля и управления отношениями между субъектами ТЭК; обеспечение равных условий для функционирования, доступа к инфраструктуре частных и государственных компаний; снижение энергоемкости валового внутреннего продукта (ВВП) и повышение энергоэффективности.

Позитивным аспектом является четкое закрепление перечня угроз обеспечения ЭБ, которые подразделены на пять условных групп: при

добыче ТЭР; при транспортировке импортируемых ТЭР (включая транзитные объемы ТЭР); при переработке и распределении ТЭР; при потреблении ТЭР внутри страны; при экспорте энергоресурсов.

Однако следует отметить, что в основу этой классификации положены только технологические критерии и не учитываются иные, такие как внешнеэкономические, международные, внешнеполитические и др. Представляется целесообразным выделить внешние и внутренние угрозы в сфере ЭБ.

К внутренним угрозам в рассматриваемой сфере следует отнести:

1) устаревшие технологии и основные средства, обуславливающие высокую энергоемкость и материалоемкость производства, низкое качество выпускаемой продукции;

2) отставание от других стран, прежде всего сопредельных, по темпам и качеству экономического роста;

3) структурная деформированность экономики, преобладание материало- и энергоемких производств, недостаточное развитие сферы услуг, невысокий удельный вес высокотехнологичной наукоемкой продукции и медленное обновление продукции;

4) низкий уровень самообеспечения сырьевыми и энергетическими ресурсами;

5) низкая диверсификация экспорта и импорта Республики Беларусь;

6) рост неплатежей в экономике вследствие дефицита собственных оборотных средств и высокого удельного веса убыточных субъектов хозяйствования;

7) образование больших объемов отходов производства и потребления при низкой степени их вторичного использования и высокотехнологичной переработки, повышенные уровни выбросов и сбросов загрязняющих веществ.

К внешним угрозам следует отнести:

1) ухудшение условий внешней торговли, привлечения кредитных и инвестиционных ресурсов вследствие неблагоприятной конъюнктуры мировых рынков;

2) развитие транзитных коридоров, систем транспортировки энергоресурсов, альтернативных имеющимся в Республике Беларусь, целенаправленное ограничение транзитных возможностей Республики Беларусь;

3) глобальные изменения окружающей природной среды, связанные с изменением климата, разрушением озонового слоя, сокращением биоразнообразия;

4) целенаправленная политика иностранных государств и компаний, стимулирующая эмиграцию высококвалифицированных ученых и специалистов из Республики Беларусь.

Основными направлениями развития ТЭК на долгосрочную перспективу являются: диверсификация поставщиков и видов энергоресурсов; надежность поставок, резервирование, переработка и распределение ТЭР; энергетическая эффективность конечного потребления ТЭР; экономическая и энергетическая эффективность производства и распределения энергии; экономическая доступность ТЭР для потребителей; интеграция в мировой ТЭК, развитие сотрудничества с основными торгово-экономическими партнерами, расширение экспорта; совершенствование системы управления ТЭК и его организационной структуры; научно-техническое обеспечение.

Проанализировав положения данной главы, следует выделить следующие пути совершенствования энергетической сферы:

1) в части экономии ТЭР представляется возможным предусмотреть правовые механизмы стимулирования эффективности, которые, в свою очередь, позволят решить основную задачу данного направления развития ТЭК, а именно максимально приблизиться к развитым странам по уровню энергоемкости ВВП как главного энергетического критерия развития экономики страны;

2) интеграция в мировой ТЭК представляется целесообразной не только через отражение в Концепции ЭБ государственных программ со странами-соседями, но и через имплементацию зарубежного опыта в определении основных направлений развития ТЭК на долгосрочную перспективу.

Закон Республики Беларусь от 8 января 2015 г. № 239-З «Об энергосбережении» [5] (далее – Закон об энергосбережении) закрепляет, что объектами отношений в сфере энергосбережения являются топливно-энергетические ресурсы и соответствующее оборудование, их производящее и потребляющее, технологические процессы, связанные с потреблением, транспортировкой и хранением топливно-энергетических ресурсов, капитальные строения (здания, сооружения) и другие объекты отношений в сфере энергосбережения. В качестве одного из принципов государственного управления в сфере энергоснабжения закреплена принцип системности и иерархичности управления, который на практике действительно находит свою реализацию.

В Республике Беларусь действовала Республиканская программа энергосбережения на 2016–2020 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 марта 2016 г. № 248 [6]. В соответствии с данной программой приоритетом развития страны на 2016–2020 годы являлось повышение конкурентоспособности экономики, обеспечение энергетической безопасности и энергетической независимости за счет повышения энергоэффективности и увеличения ис-

пользования собственных ТЭР, в том числе возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

Стратегическими целями же в области энергосбережения на период до 2021 года являются: сдерживание роста валового потребления ТЭР при экономическом развитии страны и дальнейшее увеличение использования местных ТЭР, в том числе ВИЭ (гл. 2 Закона об энергосбережении).

Стоит отметить, что в Государственной программе «Энергосбережение» на 2021–2025 годы целями являются: повышение энергетической самостоятельности страны за счет увеличения в структуре топливно-энергетических ресурсов местных видов топлива, увеличение использования энергии ветра, солнца и естественного потока воды, повышение энергоэффективности для обеспечения роста ВВП без значительного увеличения валового потребления топливно-энергетических ресурсов. На наш взгляд, определение именно таких целей рационально и обусловлено вводом в эксплуатацию первого энергоблока Белорусской атомной электростанции.

Следует отметить, что сегодня в среднем в мировом потреблении электроэнергии занимает всего лишь 20 %, остальное – нефть и газ. Поэтому главной задачей становится не только включить атомную станцию в энергосистему технически, но и, самое главное, глубоко электрифицировать экономику. По нашему мнению, для реализации этого положения стоит рассмотреть возможность правового закрепления данных механизмов, а также разработку и внедрение правовых механизмов стимулирования субъектов электрификации экономики. Кроме того, Президентом Республики Беларусь подчеркивалась необходимость более интенсивного вовлечения лесных ресурсов для обеспечения энергоресурсами граждан как альтернативе используемого природного газа. «Нам самим надо закрыть потребности, чтобы заместить для отопления природный газ. Чего мы жжем импортный ресурс, а у себя под ногами этот огромный ресурс. Поэтому я абсолютно поддерживаю ваше предложение, что нам на перспективу надо определить, сколько вы будете заготавливать этих дров, пеллет и щепы для внутренних потребностей. Мы должны отапливать дома, деревни, агрогородки, города дровами. У нас хватает этого возобновляемого ресурса. Таким образом мы можем сократить потребление природного газа, за который мы платим большие деньги», – отметил Президент.

Относительно возобновляемых источников энергии в Беларуси, следует отметить, что потенциал имеется, но их полноценное использование – технологически сложная и многоступенчатая задача. Сегодня важно разнообразить свои поставки не только по их направлениям, но и по видам энергоресурсов, выбор лишь одного источника является

губительным для экономики, так как поставщик может периодически навязывать условия, которые покупателю будут совсем невыгодны. Возможность выбора – важнейший элемент в энергобезопасности страны. Вышеописанные положения обозначаются одним определением – диверсификация, которое, в свою очередь, находит свое отражение в Концепции ЭБ.

Проанализировав правовое регулирование обеспечения энергетической безопасности зарубежных стран, является очевидным тот факт, что правовые вопросы энергосбережения в США решены на жесткой и обязательной основе. Пользователю энергоресурсами не предоставляется право выбирать или не выбирать путь энергоэффективного хозяйствования. Энергосбережение входит в число стратегических интересов США, которые понимают энергосбережение как способ уменьшить энергозависимость страны, сократить количество ввозимых нефтепродуктов, перейти на альтернативные источники энергии. У потребителя есть два варианта правомерного поведения: потребитель энергоресурсов выполняет требования федеральных органов и органов местного штата по энергосбережению или платит штрафы за невыполнение этих требований [7].

Таким образом, учитывая вышеизложенное, представляется возможным имплементация зарубежного опыта в части создания и закрепления специальных полномочий по энергосбережению на уровне местных органов управления (областей). Данное решение предоставит возможность на уровне областей заниматься разработкой стратегии развития отрасли, а также возможность распределения и контроля в сфере ЭБ.

Таким образом, энергетическая безопасность является необходимой и важной составляющей экономической безопасности, а экономическая безопасность, в свою очередь, – составляющей национальной безопасности. По нашему мнению, представляется целесообразным принятие правовых норм, обеспечивающих глубокую электрификацию экономики.

Список использованных источников

1. Авдеенко, С.С. Проблемы обеспечения энергетической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] / С.С. Авдеенко // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-obespecheniya-energeticheskoy-bezopasnosti-respubliki-belarus/viewer>. – Дата доступа: 20.12.2020.
2. Бородина, М.И. Механизм обеспечения экономической безопасности через призму развития энергосферы [Электронный ресурс] / М.И. Бородина // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-gosudarstva-cherез-prizmu-razvitiya-energofery/viewer>. – Дата доступа: 26.12.2020.

3. Ковалев, А.А. Национальные интересы: приоритеты и безопасность / А.А. Ковалев, А.И. Балашов. – Изд. дом «Финансы и кредит», 2017. – № 10. – С. 1896–1909.

4. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21501084>. – Дата доступа: 20.12.2020.

5. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11500239&p1=1>. – Дата доступа: 20.12.2020.

6. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21600248>. – Дата доступа: 20.12.2020.

7. Небольсина, И.И. Правовое регулирование энергетики зарубежных стран в XX–XXI веках [Электронный ресурс] / И.И. Небольсина // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-energetiki-zarubezhnyh-stran-v-hh-xxi-vekah/viewer>. – Дата доступа: 20.12.2020.

УДК 342.9

Н.Г. Букица, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.В. Гиммельрейх*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.В. Коляго*

ИНСТИТУТ ПРЕКРАЩЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ ДЕФЕКТНЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Исследуются понятия и элементы содержания института прекращения действия административных правовых актов. На основании анализа научно-теоретических трудов отечественных и зарубежных ученых, правоприменительной практики рассматривается правовая природа прекращения действия административных правовых актов вследствие их дефектности; проводится классификация критериев и дается содержательная характеристика отдельных способов прекращения их действия.

Понятие действия правового акта обычно связывается с его юридической силой. В науке существуют два ключевых подхода к установлению юридической силы правовых актов. В соответствии с первым подходом, который условно можно охарактеризовать «сопоставительным», под юридической силой подразумевается такое свойство правового акта, которое выражает его соответствие, соотносимость, соподчиненность с иными правовыми актами, т. е. демонстрирует роль и место данного

акта в системе правовых актов. Это место, согласно общему признанию, находится в зависимости, главным образом, от того положения, какое в государственном аппарате занимают принявшие акт орган либо должностное лицо. При втором подходе, который относительно можно охарактеризовать «содержательно-сопоставительным», вначале определяется содержание юридической силы – способность правового акта действовать, властно порождать определенные юридические последствия, а затем – ее степень (сопоставительный аспект) [1, с. 112–116].

Представляется, что последний подход позволяет более точно и полно охарактеризовать различные проявления юридической силы, как свойства правового акта. Исходя из этого, юридическая сила и действие правового акта управления соотносятся между собой следующим образом. Юридическая сила означает способность административного правового акта действовать, т. е. властно порождать те правовые последствия, на возникновение которых он направлен. В свою очередь, действие является проявлением, воплощением юридической силы акта, отражающим динамический аспект его бытия. В русском языке слово «прекратить» означает положить конец, предел чему-нибудь. Таким образом, прекращение действия дефектных административных правовых актов – это утрата ими способности действовать, властно порождать те правовые последствия, на возникновение которых они направлены, т. е. утрата данными актами их юридической силы. Институт прекращения действия распространяется не на все дефектные административные правовые акты. Им не охватываются те дефектные акты, которые изначально не имеют юридической силы, – ничтожные, а также незарегистрированные и (или) неопубликованные акты управления. Действие таких актов в принципе не может быть прекращено в силу специфики их юридической природы.

В науке устоялось мнение о том, что административные правовые акты могут прекратить свое действие в результате: во-первых, исполнения требований акта; во-вторых, наступления юридического события; в-третьих, истечения срока действия акта; в-четвертых, принятия нового акта, которым поглощается содержание старого акта; в-пятых, отмены акта во внесудебном порядке в связи с его незаконностью или нецелесообразностью, изменением обстановки, просьбой заинтересованного лица и т. д.; в-шестых, признания акта недействительным судом по мотивам незаконности [2, с. 79–80].

В зависимости от необходимости издания акта о прекращении действия выделяют два вида прекращения действия административных правовых актов – фактическое и юридическое (правовое) [3, с. 35–36].

При исследовании прекращения действия дефектных административных правовых актов важнейшее значение имеет то, по каким осно-

ваниям (причинам) прекращается их действие. Здесь необходимо различать следующие виды такого прекращения:

прекращение действия дефектных административных правовых актов управления вследствие их дефектности;

прекращение действия дефектных административных правовых актов по причинам, не связанным с их дефектностью.

Прекращение действия правовых актов управления вследствие их дефектности представляет собой особую правоохранительную меру. В связи с этим возникает вопрос о том, какое место данная мера занимает в системе мер охраны правопорядка. Ответ на него является дискуссионным. По этому поводу в отечественной юридической науке существуют два основных подхода, которые условно можно назвать «концепцией меры ответственности» и «концепцией специальной правоохранительной меры».

«Концепция меры ответственности». В соответствии с этим подходом прекращение действия административных правовых актов вследствие их дефектности представляет собой меру юридической ответственности органов и должностных лиц, принявших дефектные акты. Так, по мнению И.С. Самощенко, отмена незаконных правовых актов государственных органов выступает специфической мерой юридической ответственности, основная цель которой – охрана правопорядка путем ликвидации нарушений законности и их последствий, восстановление прежнего состояния, принудительное возвращение органов и должностных лиц на стезю законности. Косвенным образом такая отмена выполняет задачи общей и частной превенции [4, с. 212–213].

Д.Н. Бахрах выделял в системе мер административного принуждения восстановительные меры, которые по способу охраны правопорядка отличаются от наказания и пресечения. К числу таких мер, помимо прочих, он относил отмену незаконных актов государственного управления. Данный автор подчеркивал, что это особая форма государственного принуждения, средство обеспечения законности – отмена незаконных актов управления аннулирует созданные ими отношения, охраняет нарушенный правопорядок путем принудительного восстановления того правового состояния, которое было [5, с. 157–160, 192–193]. Он признавал применение и реализацию данной правоохранительной меры административной ответственности.

«Концепция специальной правоохранительной меры». Согласно данному подходу прекращение действия административных правовых актов вследствие их дефектности является особой правоохранительной мерой, которая не может быть приравнена к мерам юридической ответственности. Так, И.Л. Бачило отмечала, что далеко не все меры

воздействия однозначно укладываются в систему видов и форм ответственности. В частности, в нее не укладывается отмена незаконного решения органа управления или должностного лица. По мнению автора, в научном плане эта мера не входит в состав мер административной ответственности. Она считает отмену незаконного решения органа управления или должностного лица мерой, которая имеет восстановительный характер [6, с. 69].

Те, кто считает, что юридическая ответственность может быть не только штрафной (карательной), но и правовосстановительной, высказываются в духе «концепции меры юридической ответственности». Те, кто усматривает сущность юридической ответственности в наказании (каре) правонарушителя, предпочитает придерживаться «концепции специальной правоохранительной меры». Представляется, что прекращение действия административных правовых актов вследствие их дефектности, характеризуется следующими основными признаками.

1. Прекращение действия правовых актов управления вследствие их дефектности – это одна из разновидностей прекращения действия актов. Следовательно, ему присуще то, что характеризует прекращение действия любых, а не только дефектных, правовых актов. На основании таких позиций, прекращение действия правовых актов вследствие их дефектности заключается в лишении таких актов юридической силы, т. е. в утрате ими способности действовать, властно порождать те правовые последствия, на возникновение которых они направлены.

2. Прекращение действия правовых актов управления вследствие их дефектности – это одна из разновидностей юридического прекращения действия административных правовых актов. Значит, с одной стороны, оно характеризуется тем, что свойственно именно юридическому прекращению действия всех, а не только дефектных, административных правовых актов. В связи с этим действие правовых актов управления вследствие их дефектности прекращается путем издания уполномоченными на то органами и должностными лицами специальных решений о лишении дефектных актов их юридической силы.

3. С другой стороны, прекращение действия административных правовых актов вследствие их дефектности должно обладать чертами, которые отличают его от других разновидностей юридического прекращения действия актов. Такой чертой выступает основание лишения актов их юридической силы. Во-первых, дефектные административные правовые акты – это акты, принятые с нарушением предъявляемых к ним требований законности. Поэтому основанием лишения дефектных актов юридической силы является их незаконность, а само прекращение действия правовых актов вследствие их дефектности выступает одним

из способов обеспечения законности в государстве. Во-вторых, помимо нарушений требований законности, вторым основанием лишения дефектных административных правовых актов юридической силы, как правило, является нарушение принятием данных актов прав граждан и организаций, создание препятствий к осуществлению и реализации этих прав, незаконное возложение на граждан и организации каких-либо обязанностей или привлечение их к ответственности. Следовательно, прекращение действия правовых актов управления вследствие их дефектности также представляет собой способ защиты нарушенных прав граждан и организаций. В данном аспекте прекращение действия административных правовых актов вследствие их дефектности является правоохранительной мерой.

4. Правоохранительные меры дифференцируются в зависимости от оснований применения, а также целей и способов (методов) охраны правопорядка. Прекращение действия административных правовых актов вследствие их дефектности является реакцией на принятие публичной администрацией административных правовых актов с нарушением требований законности. В связи с этим возникает вопрос о том, к какому виду противоправного поведения относится принятие дефектных административных правовых актов управления.

На основании вышеизложенного можно сформулировать следующее определение. Прекращение действия административных правовых актов вследствие их дефектности – это правоохранительная мера, направленная на восстановление нарушенной законности путем издания уполномоченными на то органами и должностными лицами решений о лишении дефектных актов их юридической силы. По своей сущности прекращение действия административных правовых актов вследствие их дефектности является правовосстановительной мерой и занимает самостоятельное место в системе мер охраны правопорядка. В зависимости от конкретных обстоятельств наряду с прекращением действия актов вследствие их дефектности может иметь место привлечение виновных должностных лиц к ответственности, а также взыскание с субъектов убытков, причиненных изданием ими дефектных актов.

Анализ научно-теоретической литературы и правоприменительной практики, характерных признаков института прекращения действия административных правовых актов позволяет предложить классификацию способов прекращения действия дефектных административных правовых актов вследствие их дефектности:

по субъекту, который принимает решение о прекращении действия дефектных актов (кто принимает решение о прекращении);

по моменту, с которого дефектные акты утрачивают свою юридическую силу (как решение о прекращении действует во времени);

по объему, в котором дефектные акты утрачивают свою юридическую силу (как решение о прекращении действует по предмету).

1. По субъекту, который принимает решение о прекращении действия дефектного акта: внесудебное прекращение; судебное прекращение.

Внесудебное прекращение действия правовых актов управления вследствие их дефектности – это утрата ими юридической силы на основании решения внесудебного органа или должностного лица. В зависимости от субъекта, который принимает решение о прекращении действия дефектного акта, можно выделить следующие внесудебные способы такого прекращения:

отмена дефектного акта вышестоящим органом или должностным лицом;

отмена акта иным специально уполномоченным на то должностным лицом (здесь субъекты отмены не являются вышестоящими по отношению к тому органу или должностному лицу, дефектный акт которого ими отменяется);

отмена дефектного акта тем органом или должностным лицом, который его принял (правопреемником того органа или должностного лица, которые этот акт приняли). В зависимости от субъекта, который инициирует рассмотрение вопроса о прекращении действия дефектного правового акта управления, можно выделить следующие способы внесудебного прекращения действия актов вследствие их дефектности: по инициативе заинтересованных субъектов, не входящих в состав органов исполнительной власти (обращения граждан, организаций); по инициативе органов государственного управления; по инициативе органов законодательной власти; по инициативе прокуратуры.

Судебное прекращение действия правовых актов управления вследствие их дефектности – это утрата ими юридической силы на основании решения суда. Такое прекращение действия административных правовых актов вследствие их дефектности необходимо отличать от признания дефектных актов незаконными в процессе осуществления косвенного судебного контроля за деятельностью публичной администрации. Судебный контроль за законностью административных правовых актов может иметь место при рассмотрении любых дел – как дел, возникающих из публичных правоотношений, так и дел гражданских (в широком смысле слова), и уголовных. Как известно, судебный контроль за законностью административных правовых актов принято подразделять на прямой и косвенный [7, с. 14–25].

Прямой судебный контроль производится по делам об оспаривании нормативных и ненормативных административных правовых актов. Если в процессе осуществления прямого контроля суд установит неза-

конность проверяемого административного правового акта, то он прекращает его действие, лишая его юридической силы.

Косвенный судебный контроль производится по всем иным делам, предметом которых не является оспаривание самих правовых актов. При установлении в ходе такого контроля незаконности административного правового акта суд не прекращает его действие, юридическая сила данного акта не утрачивается.

На основании изложенного можно заключить, что судебное прекращение действия административных правовых актов вследствие их дефектности и признание дефектных актов незаконными в процессе осуществления косвенного судебного контроля за деятельностью публичной администрации представляют собой различные правоохранительные меры.

2. По моменту, с которого дефектный акт, действие которого прекращается, утрачивает свою юридическую силу: перспективное прекращение; ретроспективное прекращение. *Перспективное* прекращение действия дефектных административных правовых актов имеет место в ситуации, когда решение о прекращении их действия не имеет обратной силы, действует немедленно и распространяется только на будущее время. Дефектные акты утрачивают юридическую силу лишь с момента вступления в силу решения о прекращении их действия. В таком случае дефектный административный правовой акт считается действовавшим вплоть до его прекращения в установленном порядке. *Ретроспективным* является такое прекращение действия дефектных административных правовых актов, при котором решение о прекращении их действия имеет обратную силу и распространяется не только на будущее, но и на прошлое время. Здесь дефектный акт лишается юридической силы с момента его принятия, в прошлом времени. В таком случае все правовые последствия, порожденные его принятием, аннулируются, а дефектный акт считается никогда не действовавшим.

По общему правилу, внесудебное прекращение действия дефектных административных правовых актов является перспективным. В свою очередь, это влечет одно очень важное в практическом плане последствие – такое прекращение не может выступать основанием для восстановления прав граждан и организаций, нарушенных принятием прекращенных дефектных правовых актов.

На вопрос о том, с какого момента утрачивают свою юридическую силу дефектные ненормативные административные правовые акты в результате прекращения их действия судом, процессуальное законодательство четкого ответа не дает. Для восстановления в полном объеме нарушенных прав граждан и организаций одного судебного решения о

прекращении действия дефектного акта недостаточно. Как правило, далее необходимо дополнительно обращаться в суд с различными исковыми требованиями, направленными на восстановление прав, нарушенных принятием дефектных актов. При рассмотрении таких требований вопрос о том, какое материально-правовое влияние решение суда о признании акта незаконным оказало на дефектный акт, будет центральным.

Анализ правоприменительной практики показывает, что отсутствие в современном законодательстве четкого ответа на поставленные выше вопросы часто приводит к ситуациям, когда граждане и организации не могут восстановить свои права, которые были нарушены применением дефектных нормативных актов во время действия таких актов в период с момента вступления их в силу и до судебного признания их незаконными и недействующими. Классическим примером этого могут служить споры, связанные с судебным прекращением действия дефектных нормативных административных правовых актов, которыми устанавливаются тарифы на услуги организаций коммунального комплекса.

Представляется, что основная причина неудовлетворительного состояния законодательства и практики его применения в данной области заключается в том, что в современной правовой системе до сих пор отсутствует целостная концепция судебного прекращения действия административных правовых актов вследствие их дефектности. Законодатель так и не ответил на главные вопросы – в чем состоит материально-правовая сущность такого прекращения, как решение суда о признании дефектного акта незаконным влияет на его юридическую силу и действие, т. е. не ответил на вопрос, в чем же, в конечном итоге, заключается правосудие в данной сфере? В свою очередь, отсутствие четкого ответа на эти вопросы приводит к несогласованности материального и процессуального права, а порой и к невозможности для заинтересованных граждан и организаций восстановить свои права, нарушенные принятием дефектных административных правовых актов.

3. По объему, в котором дефектный акт, действие которого прекращается, утрачивает свою юридическую силу: во-первых, вследствие полного прекращения; во-вторых – частичного прекращения. В свою очередь, частичное прекращение можно подразделить на прекращение действия дефектного акта:

без внесения в него изменений;

с внесением в него изменений в дефектной части.

Такой способ прекращения действия дефектных административных правовых актов, как внесение в них изменений в дефектной части.

Таким образом, прекращение действия дефектных административных правовых актов – это утрата ими способности действовать, властно породить те правовые последствия, на возникновение которых они

направлены, т. е. утрата данными актами их юридической силы. Институт прекращения действия распространяется не на все дефектные административные правовые акты. Им не охватываются те дефектные акты, которые изначально не имеют юридической силы, – ничтожные, а также незарегистрированные и (или) неопубликованные нормативные административные правовые акты. Действие таких актов в принципе не может быть прекращено в силу специфики их юридической природы. Действие дефектных административных правовых актов может прекратиться как вследствие их дефектности, так и по причинам, не связанным с их дефектностью.

Список использованных источников

1. Дюрягин, И.Я. Право и управление / И.Я. Дюрягин. – М. : Юрид. лит., 1981. – 168 с.
2. Васильев, Р.Ф. Законность актов органов управления / Р.Ф. Васильев, П.К. Евдокимов, И.Н. Иванов [и др.] ; под ред. В.И. Новоселова. – М. : Юрид. лит., 1968. – 107 с.
3. Бахрах, Д.Н. Формы и методы деятельности государственной администрации : учеб. пособие / Д.Н. Бахрах, С.Д. Хазанов. – Екатеринбург : Б. и., 1999. – 176 с.
4. Самощенко, И.С. Ответственность по советскому законодательству / И.С. Самощенко, М.Х. Фарушкин. – М. : Юрид. лит., 1971. – 240 с.
5. Бахрах, Д.Н. Советское законодательство об административной ответственности : учеб. пособие / Д.Н. Бахрах ; Перм. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Пермь : [б. и.], 1969. – 344 с.
6. Бачило, И.Л. Ответственность в управлении / И.Л. Бачило, Х.Я. Калла, С.В. Катрич, А.Н. Ларьков [и др.] ; отв. ред.: Б.М. Лазарев, А.Е. Лунев. – М. : Наука, 1985. – 303 с.
7. Боннер, А.Т. Судебный контроль в области государственного управления : учеб. пособие / А.Т. Боннер, В.Т. Квиткин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 112 с.

УДК 343.985

Н.Г. Букишта, курсант факультета милиции
Д.Р. Болоболов, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.М. Шинкевич*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.А. Шаматульский*

МОШЕННИЧЕСТВО В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И СПОСОБЫ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Рассмотрены актуальные вопросы использования социальных сетей в преступных целях, выделена их классификация, а также предоставлены рекоменда-

дации для безопасного использования социальных сетей посредством сети Интернет.

Обман и злоупотребление доверием как способы мошенничества подразумевают достижение определенных промежуточных результатов перед окончательным получением чужого имущества или получением права на него, а именно введение в заблуждение собственника или владельца имущества таким образом, чтобы преступник впоследствии именно получил имущество от жертвы. В противном случае, это будет не мошенничество, а разновидность кражи, совершенной с применением особых способов.

В последние годы активное развитие получило мошенничество в сети Интернет. Представляется, что основное отличие данного вида преступлений от традиционного мошенничества состоит в особой обстановке совершения преступного посягательства.

Интернет-мошенничество, которое, с одной стороны, считается результатом эволюции традиционного мошенничества, поскольку определенные его виды встречаются в интернете без каких-либо серьезных изменений в методике реализации преступного замысла; с другой стороны – это качественно новая группа преступлений, так как при сходности методов реализации, конкретные способы имеют существенные отличия.

Из вышеизложенного вытекает определение *мошенничество в Интернете* – это совокупность преступлений, характеризующихся применением и использованием технологических и коммуникационных способностей компьютерных систем, подключенных к глобальной сети Интернет, для совершения обмана человека либо «обмана» компьютерной системы, а также корыстной мотивацией преступной деятельности.

Следует отметить, что исследованию интернет-мошенничества, совершаемому в социальных сетях, чья аудитория, по данным отчета компании «Digital 2020», в Беларуси на начало 2020 г. составила следующие цифры. На 9,5 млн жителей Республики Беларусь приходится 7,82 млн интернет-пользователей (глобальное проникновение интернета – 82,8 %). 41 % населения пользуется социальными сетями (3,9 млн). 95 % из этих пользователей используют социальные сети с мобильных устройств [1].

Если говорить о мировой статистике, то тут наблюдаются следующие цифры по данным отчета компании «Digital 2021». Население планеты на начало 2021 г. составляло 7,83 млрд человек. Количество интернет-пользователей на начало 2021 г. составило 4,66 млрд человек, что на 316 млн (7,3 %) больше, чем в прошлом году. Глобальное проникновение интернета составляет 59,5 %. Количество пользователей социальных сетей превысило отметку в 4,2 млрд человек. Это 53 % населения

мира. Рост за год составил 490 млн человек (+13 %). Среднестатистический пользователь социальных сетей сейчас проводит в социальных сетях 2 часа 25 минут каждый день, что соответствует примерно одному дню бодрствования в неделю. Количество обладателей мобильных телефонов составляет 5,22 млрд человек. Рост за год практически нулевой. В среднем человек проводит в сети Интернет почти 7 часов в день. Год назад этот показатель был равен 6 часам 43 минутам. Из этого следует сделать вывод, что современные социальные сети – это самый посещаемый ресурс в сети Интернет.

На наш взгляд, представляется весьма актуальным выявить правовые и организационные особенности мошенничества, совершаемого против пользователей социальных сетей, как преступления корыстной направленности в виртуальной реальности, занявшей в последнее десятилетие одно из главных мест в жизни общества, а также классифицировать его способы, выделить их особенности. Как отмечают С.В. Розенко и К.А. Мурзина, «учитывая совершенствование преступных действий мошенников их познания в современных технологиях, с мошенничеством не только сложно бороться, но и выявить, и предупредить его» [2, с. 114].

Специфика совершения преступных деяний в социальных сетях пока не нашла надлежащего отражения в действующем уголовном законодательстве.

На сегодня в отечественном законодательстве предусмотрена административная (ст. 10.5 «Мелкое хищение» КоАП Республики Беларусь) [3] и уголовная ответственность (ст. 209 «Мошенничество» УК Республики Беларусь, ст. 212 «Хищение путем использования компьютерной техники» УК Республики Беларусь) [4]. Административная ответственность наступает в случае хищения предмета преступного посягательства, не превышающего стоимость одной базовой величины (по состоянию на 20 марта 2021 г. одна базовая величина – 29 р.).

Правоохранительные органы отмечают рост числа преступлений в социальных сетях, связанных с мошенничеством, однако до настоящего времени число расследований и раскрываемость таких преступлений остается по-прежнему низкой, так как требует наличия специальных технических знаний и возможностей от правоохранительной системы, которыми она не располагает. Аналогичная проблематика в западных странах существует уже более двадцати лет.

Зарубежными учеными вопрос совершения преступлений в сети актуализировался с 1997 г., а сам термин «социальная сеть» появился в 1954 г. в исследовании Д. Барнса. *Социальная сеть* – онлайн-платформа, которая используется для общения, знакомств, создания социальных от-

ношений между людьми, которые имеют сходные интересы или офлайн-связи, а также для развлечения и работы.

Развитие социальных сетей в настоящее время носит взрывной характер. Они все в большей степени оказывают влияние не только на повседневную жизнь, но и на политику, и на сам характер общения между людьми. Данный феномен – социальные сети – не просто вторгается в нашу жизнь. Они, разумеется, в определенной степени, начинают трансформировать ее под себя.

В настоящее время популярны такие социальные сети, как «ВКонтакте», «Мой мир», «Одноклассники», Facebook, Twitter, Facebook Messenger, WhatsApp, Qzone, Viber, Telegram, Snapcha, Instagram и др.

В соответствии с исследованиями В.С. Соловьева преступления в социальных сетях интернета – это деяния, связанные с организованными при помощи технических средств взаимодействиями человека с человеком [5, с. 65].

Отличительными особенностями мошенничества в социальных сетях являются: молодой возраст преступников и их жертв, большой процент несовершеннолетних среди них, по утверждению А.С. Малахова и А.С. Дубинина, «наибольшую криминальную активность проявляют лица от 17 до 35 лет» [6, с. 187]; анонимный характер совершения преступлений; масштабность аудитории потенциальных жертв; постоянное обновление способов, методов и видов мошенничества в социальных сетях, чему способствует динамика развития современных технологий; принципы технологического построения социальных сетей, изначально дающих возможность размещения ложной информации, таким образом провоцирующие обман.

А.Л. Осипенко одной из особенностей преступности в сети выделяет рост ее организованности: «...отмечается тенденция объединения хакеров для осуществления преступной деятельности» [7, с. 12].

Возможности для распространения мошеннических схем в той или иной социальной сети напрямую зависят от ее политики конфиденциальности и анонимности, определенные предпосылки к распространению мошенничества создаются также односторонней сменой правил пользования социальной сетью и интеграцией сервисов друг с другом.

Попытку перечислить способы мошенничества в социальных сетях можно встретить у В.С. Соловьева. Ученый, упоминая имеющееся в зарубежной литературе деление мошенничества в социальных сетях на финансовое и нефинансовое, приводит собственную структуру способов мошенничества, куда относит:

- получение обманном путем пароля от электронного кошелька;
- предложения о лжесвидетельстве за деньги;

завладение сотовым телефоном путем обмана;
сообщение ложных сведений для завладения деньгами;
заведомо ложное предложение помощи в получении услуг;
займ денежных средств без намерений возврата;
убеждение оформить кредит;
ложное предложение об увеличении капитала.
Н.А. Фомина выделяет следующую структуру способов:
взлом личной страницы;
собираение денег на помощь близким людям;
переход по фиктивной ссылке;
присылание зараженных файлов;
брачные аферы;
фишинговые сайты;
получение предоплаты за покупку товара;
вредоносные сервисы, программы и приложения для поднятия популярности;

отправка от имени организации сайта письма пользователям с просьбой подтвердить путем отправки смс на указанный номер, что они реальные люди, в ином случае их страница будет безвозвратно удалена;
предложение дополнительного заработка [8, с. 447].

Обобщая вышеизложенную структуру, мошенничество в социальных сетях может осуществляться по двум направлениям:

обман либо злоупотребление доверием, направленные непосредственно на завладение чужими средствами;

обман либо злоупотребление доверием, направленные на завладение персональными данными, с помощью которых также осуществляется дальнейшее завладение чужими деньгами.

Проводя анализ выделенных способов мошенничества в социальных сетях, можно отметить, что их общей чертой является первоначальное создание преступником фейкового аккаунта. Пожалуй, именно эта особенность является главным отличием мошеннических схем в социальных сетях от подобных схем в интернете, так как в последнем большинство мошеннических действий начинается с создания фейковых сайтов.

Общая классификация способов совершения мошенничества в социальных сетях может быть следующей:

мошенничество под чужим именем;
создание фейковых «опросников»;
мошенничество в сфере услуг;
использование актуальной новостной информации.

На основании вышеизложенного можно выделить ряд рекоменда-

ций, которые помогут не оказаться в руках мошенников. К таковым относятся следующие:

внимательное изучение перед использованием всех условий предоставления услуг в социальных сетях;

не демонстрировать номер своего мобильного телефона в открытых формах;

не раскрывать посторонним и незнакомым лицам свои личные данные;

не осуществлять переходы по подозрительным ссылкам;
использовать только уникальный пароль для доступа в социальную сеть, состоящий из цифр, букв и знаков;

регулярно менять пароль от социальной сети (как правило, рекомендуется раз в месяц).

Подводя итог, можно с уверенностью сказать и признать, что сегодня социальные сети широко используются мошенниками для реализации своих корыстных целей, хищения денежных средств, а получение личных данных пользователей социальных сетей способствует совершению преступлений в сети Интернет.

Список использованных источников

1. Digital 2020: ежегодное глобальное исследование от We Are Social и Hootsuite [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belretail.by/article/digital-aktualnaya-statistika-i-auditoriya-sotsialnyih-setey-v-mire-i-belarusi>. – Дата доступа: 20.03.2021.
2. Розенко, С.В. Особенности квалификации мошенничества по уголовному законодательству Российской Федерации / С.В. Розенко, К.А. Мурзина // Вестн. Югор. гос. ун-та. – 2017. – № 1 (44). – С. 113–116.
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. – Минск : Амалфея, 2015. – 419 с.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь 9 июля 1999 г. № 275-3 (ред. от 11.11.2019 г.) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 15.10.1999, № 76, 2/50.
5. Соловьев, В.С. Преступность в социальных сетях интернета / В.С. Соловьев // Криминол. журн. Байк. гос. ун-та. – 2016. – № 1. – С. 60–72.
6. Малахов, А.С. Некоторые особенности раскрытия и расследования мошенничества в сети Интернет / А.С. Малахов, А.С. Дубинин // Науч. журн. «Актуал. проблемы гуманитар. и естеств. наук». – 2013. – № 9. – С. 187–190.
7. Осипенко, А.Л. Организованная преступность в сети Интернет / А.Л. Осипенко // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – 2012. – № 3. – С. 10–16.
8. Фомина, Н.А. Использование методов социальной инженерии при мошенничестве в социальных сетях / Н.А. Фомина // Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодежи. – Магнитогор. гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова, 2015. – С. 443–453.

С.О. Вацумирский, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Д.А. Воропаев*

Рецензент – кандидат исторических наук, доцент *С.А. Семенова*

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ ДЛЯ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО БОРЬБЕ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Рассматриваются личностные и профессиональные качества сотрудников подразделений по борьбе с экономическими преступлениями, особенности профессионального правосознания, его значение для оперативно-служебной деятельности.

Правовое сознание как юридическая и научная категория в условиях формирования правового государства, в котором правовые нормы играют ключевую роль в процессе регулирования общественных отношений, приобретает практическую ценность в связи с тем, что оно является феноменом, который неразрывно связан с правом и без которого существование права невозможно.

Под правосознанием понимают одну из форм общественного сознания, представляющую собой систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к действующему и желаемому праву, правовым явлениям, поведению людей в сфере права. Оно охватывает отношение людей к действующему праву, его оценку как справедливого или несправедливого, пожелания совершенствования права, принятия правовых норм, отвечающих потребностям общества [1, с. 284].

В условиях современности по-прежнему стоит вопрос о значимости профессионального правосознания, разновидностью которого является правосознание сотрудников подразделений по борьбе с экономическими преступлениями. Безусловно, повышение уровня профессионального правосознания позволит улучшить эффективность и качество правоохранительной деятельности, а также окажет существенное воздействие на повышение уровня правосознания и правовой культуры всего населения и общества.

В целом сотрудники подразделений по борьбе с экономическими преступлениями в Республике Беларусь выполняют однородные по характеру деятельности функции. В каждом структурном подразделении

деятельность сотрудников регулируется определенными нормативными правовыми актами, в которых устанавливается их компетенция.

Под сотрудником подразделений по борьбе с экономическими преступлениями в Республике Беларусь следует понимать должностное лицо, наделенное в установленном законодательстве порядке государственными полномочиями, деятельность которого регулируется специальными нормативными правовыми актами, выполняющее функции по профилактике, выявлению и пресечению экономических преступлений (далее – сотрудник).

Сотрудники выполняют свои функции в специфической сфере – сфере экономики. Деятельность государственных органов и организаций в этой сфере регулируется значительным количеством нормативных правовых актов, положениями которых они должны владеть.

Как было отмечено ранее, в юридически значимой сфере жизни общества важнейшую роль играет правосознание составляющих его индивидов, что особенно актуально к тем из них, кто занимается правоохранительной деятельностью. Безусловно, анализируя оперативно-служебную деятельность сотрудников, стоит рассмотреть значение правосознания при выполнении ими своих функций. Речь идет прежде всего о профессиональном правосознании.

Профессиональное правосознание – специализированное правосознание определенной профессиональной группы. Профессиональное правосознание имеет свои особенности.

Во-первых, юридические знания правоприменителя отличаются конкретностью и детализированностью. В отличие от обыденного профессионального правосознания не ограничивается общими знаниями о праве и правовых явлениях, которых достаточно для реализации основных прав и обязанностей.

Во-вторых, юридические знания правоприменителей отличаются специализированностью, поскольку в каждой конкретной области правоприменения требуются углубленные знания определенной отрасли права.

В-третьих, специализированность правового сознания правоприменителя проявляется в системности юридических знаний, что означает способность ориентироваться в различных отраслях права и сложившейся юридической практике.

В-четвертых, профессиональное правосознание отличают знание юридического инструментария и умение практического применения правовых предписаний.

В-пятых, специализированность идеологических компонентов правового сознания правоприменителя предопределяет и особый характер

его психологических компонентов, вызывающих активное позитивное правовое поведение [2, с. 26].

Особенности профессионального правосознания проявляются в восприятии определенной профессиональной группой, в частности, сотрудниками, ценностей права в комплексе, умении анализировать правовую действительность на уровне теоретических обобщений, принимать юридически обоснованные решения и грамотно осуществлять реализацию права, активно влиять на позитивное восприятие другими гражданами права.

Система правовых взглядов, юридических знаний сотрудников должна в полной мере соответствовать признакам профессионального правосознания, так как от этого зависит качество их деятельности.

Уровень правосознания современных сотрудников носит условный характер. Он зависит прежде всего от личности сотрудника. В этой связи следует отметить, что уровень профессионального правосознания отдельных лиц, связанных служебными или трудовыми отношениями с органами внутренних дел, не в полной мере соответствует требованиям современности, идеалам правового государства. Отмечается, что некоторые сотрудники при разрешении юридических дел не всегда строго придерживаются требований законов. Нередко они ориентируются на «оперативную обстановку» или на указание начальника, хотя при этом могут отступать от требований законодательства, что является недопустимым и влечет установленную законом ответственность.

Причины отклонения сотрудников от требований закона при разрешении юридических дел, ориентирования на «оперативную обстановку» могут быть разными. Например, отставание от требований жизни законодательства, наличие коллизий, правовых неопределенностей, пробелов. Немаловажным аспектом является низкий уровень профессиональной подготовки отдельных сотрудников подразделений по борьбе с экономическими преступлениями, который свидетельствует и о невысоком уровне профессионального правосознания.

Безусловно, для того чтобы сотрудник подразделений по борьбе с экономическими преступлениями эффективно выполнял свои функции, ему необходимо обладать определенными личностными и профессиональными качествами, которые необходимо постоянно совершенствовать. Следует также учитывать специфику оперативно-розыскной деятельности, которая предъявляет к оперативным сотрудникам определенные личностные и профессиональные требования.

В экономической сфере оперативно-розыскную деятельность всегда отличали действия повышенно рискованного характера. Это предъявляет к сотрудникам, занимающимся ею, высокие требования к морально-

психологической и профессионально-психологической подготовленности, устойчивости, преданности долгу, смелости, самообладанию [3, с. 377].

Экономические преступления – преступления, прежде всего интеллектуальные, что предполагает высокий образовательный уровень преступника, который оказывает безусловное влияние на привычки, мировоззрение, круг интересов, положение личности в социальной структуре общества. По образовательному уровню в числе совершивших экономические преступления доминирует группа с высшим и средним специальным образованием (более $\frac{2}{3}$) и лишь незначительная часть приходится на лиц со средним и неполным средним образованием.

В этой связи сотрудник должен обладать интеллектуальными способностями, хорошо ориентироваться в хозяйственном законодательстве. Сотрудники должны знать основные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок и условия осуществления хозяйственной деятельности в Республике Беларусь; основания, виды и формы государственного воздействия на экономику; правовое положение индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, порядок их государственной регистрации и прекращения деятельности; порядок лицензирования, стандартизации, сертификации, гигиенической регламентации; порядок приемки товаров по количеству и качеству; порядок деятельности товарных и фондовых бирж, оборота ценных бумаг и т. д. Сотрудник должен уметь квалифицировать хозяйственные правонарушения, определять виды санкций и меру ответственности, применяемые в хозяйственных правоотношениях, анализировать документацию на предмет соответствия ей действующему законодательству, связанную с образованием, государственной регистрацией и прекращением деятельности субъектов хозяйствования, реализацией продукции, товаров, работ, услуг, получения лицензии, финансирования и кредитования, инвестиционной деятельности, а также иметь навыки анализа деятельности субъектов хозяйствования, структуры и сущности их хозяйственных связей, документирования преступных действий в сфере экономики [4, с. 187].

Необходимость в знании сотрудниками вышеперечисленных аспектов обусловлена прежде всего правоприменительной деятельностью правоохранительных органов. Правоприменение – особый вид социальной деятельности, который предполагает наличие у его исполнителей не только специальных юридических знаний, но и высокого уровня профессионального правосознания, высоких нравственных качеств, опыта работы с людьми. Профессиональное правосознание формируется только в процессе профессиональной деятельности, на основе жизненных ситуаций. Юридические знания, необходимые для разрешения этих си-

туаций, должны носить комплексный характер и соединяться с их умелым практическим применением.

Для эффективного выполнения профессиональных задач необходима правовая подготовка, направленная на формирование таких качеств, как уважение и соблюдение прав и свобод человека, дисциплинированность, знание законов, честность, гордость за свою профессию, неподкупность, добросовестность, идейность, выдержанность, оперативность и др.

Между правосознанием и становлением сотрудника существует тесная связь: чем выше уровень правосознания, тем выше уровень профессионализма. Правосознание оказывает существенное влияние на профессиональные качества сотрудника, и в зависимости от того, высок или низок уровень правосознания, будут формироваться профессиональные качества сотрудника [5, с. 47].

Таким образом, правосознание для оперативно-служебной деятельности сотрудников в современных условиях имеет большое значение. От уровня профессионального правосознания сотрудников зависит эффективность и качество их деятельности.

Повышение уровня профессионального правосознания позволит улучшить эффективность и качество правоохранительной деятельности, а также окажет существенное воздействие на повышение уровня правосознания и правовой культуры всего населения и общества.

Список использованных источников

1. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под ред. В.А. Кучинского ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 3-е изд., пересмотр. – Минск : Академия МВД, 2019. – 478 с.
2. Горбатов, Н.А. Некоторые особенности формирования правосознания работников милиции / Н.А. Горбатов, Е.В. Борщева // Вестн. Акад. МВД Республики Беларусь. – 2002. – № 2. – С. 26–31.
3. Столяренко, А.М. Прикладная юридическая психология : учеб. пособие / А.М. Столяренко. – М. : ЮНИТА-ДАНА, 2001. – 639 с.
4. Гальцов, В.С. О роли хозяйственного права в подготовке сотрудников ОВД / В.С. Гальцов // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь : сб. материалов науч.-практ. конф., Минск, 28 янв. 2005 г. / под общ. ред. И.И. Басецкого. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – С. 186–187.
5. Титаренко, Т.А. Значение правосознания в становлении сотрудника ОВД / Т.А. Титаренко // Психопедагогика в правоохран. органах. – 2011. – № 1. – С. 45–47.

УДК 343.8

А.Н. Володащук, выпускник магистратуры

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Р.А. Середа*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Е.Н. Мазаник*

О РЕАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫМИ, СОДЕРЖАЩИМИСЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ- ПОСЕЛЕНИИ, ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ

Рассматриваются особенности реализации конституционного права на охрану здоровья в условиях отбывания наказания в исправительной колонии-поселении. Освещаются основные положения международного и национально-го правового регулирования в данной области, выявляются проблемы правоприменительной практики и формулируются предложения по ее усовершенствованию.

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь гражданам гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения, при этом государство создает условия доступного для всех граждан медицинского обслуживания.

Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХП «О здравоохранении» [1] закрепил правило, по которому граждане Республики Беларусь имеют право на доступное медицинское обслуживание, которое обеспечивается:

предоставлением бесплатной медицинской помощи на основании государственных минимальных социальных стандартов в области здравоохранения в государственных учреждениях здравоохранения;

предоставлением медицинской помощи в государственных организациях здравоохранения, негосударственных организациях здравоохранения и у индивидуальных предпринимателей, осуществляющих в установленном законодательством Республики Беларусь порядке медицинскую деятельность, за счет собственных средств, средств юридических лиц и иных источников, не запрещенных законодательством Республики Беларусь;

доступностью лекарственных средств;

осуществлением мер по санитарно-эпидемическому благополучию населения.

Говоря о реализации указанного права в отношении осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, следует отметить, что

данный вопрос явился предметом регулирования целого ряда международных стандартов пенитенциарной сферы.

Так, большинство международных стандартов по исполнению уголовных наказаний устанавливают правило: осужденные в местах лишения свободы должны получать медицинскую помощь в том же объеме, что и все граждане страны, без какой-либо дискриминации или ограничений.

Медицинская помощь осужденным должна быть бесплатной, соответствовать уровню оказания медицинской помощи на свободе и осуществляться квалифицированными медицинскими работниками. Медицинское обследование осужденных, как только они поступают в учреждение, во всем мире признается обязательным и служит средством не только индивидуальной медицинской помощи, но и защиты здоровья других лиц [2, с. 29].

Что касается общей медицинской помощи осужденным, то этот вопрос отдельно затрагивается большинством международных актов. В частности, Основные принципы ООН по обращению с заключенными предусматривают [3], что заключенные должны получать медицинскую помощь, оказываемую в стране без дискриминации, вытекающей из их юридического положения (принцип 9).

В Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению [4], определяется, что лицу, отбывающему наказание или задержанному в порядке избрания меры пресечения, должна быть предоставлена в короткие сроки возможность пройти надлежащее медицинское обследование после его прибытия в место задержания или заключения (принцип 24).

Пунктом 39 Европейских пенитенциарных правил, принятых Комитетом министров Совета Европы 11 января 2006 г., предусматривается, чтобы в каждом учреждении было организовано медицинское обслуживание, по крайней мере, одним квалифицированным врачом. Оно должно осуществляться в тесном контакте с органами здравоохранения населенного пункта, где находится учреждение [5].

При этом, согласно Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными (правило 22.1): «Все заведения должны иметь в своем распоряжении, по крайней мере, одного квалифицированного работника, имеющего познания в области психиатрии». При этом всех заболевших заключенных, которым требуется специальное медицинское лечение, необходимо перевести в специализированные медицинские учреждения или в гражданские больницы (правило 26.2).

Аналогичное положение отражено в Европейских пенитенциарных правилах, которые гласят, что осужденные, нуждающиеся в специализи-

рованной помощи, недоступной в колонии или тюрьме, должны переводиться в таких случаях в специализированные учреждения вне колонии или тюрьмы.

Следует отметить, что специальные международные стандарты обращения с осужденными в целом носят рекомендательный характер, однако их юридическое значение не нужно недооценивать. Можно согласиться с Е.А. Лукиной, что данные документы хотя и не имеют обязательного стандарта в международном праве, признаны международным сообществом в качестве правил, отражающих фактически существующее положение в наиболее прогрессивных системах обращения с осужденными [6].

Таким образом, оказание осужденным медицинской помощи в большинстве международных актов рассматривается как атрибут исполнения уголовных наказаний, лежащий в плоскости естественных прав осужденного. Стандарты по оказанию осужденным специализированной медицинской помощи уделяют пристальное внимание как виду заболевания, так и особенностям организации медицинской помощи тем лицам, которым она необходима.

Республика Беларусь также является приверженцем реализации указанных международных пенитенциарных стандартов, в том числе и в отношении реализации осужденными права на охрану здоровья.

Соответствующие принципы получили закрепление в ст. 96 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, согласно которой оказание медицинской помощи, санитарно-гигиеническая и противоэпидемическая работа в исправительных учреждениях организуются и проводятся в соответствии с белорусским законодательством о здравоохранении.

Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений содержат п. 357, согласно которому в учреждении осуществляются медицинский контроль за состоянием здоровья осужденных, амбулаторная и стационарная медицинская помощь. Для оказания экстренной и специализированной медицинской помощи, при отсутствии таковой в лечебно-профилактических учреждениях мест лишения свободы, осужденные в установленном порядке направляются в государственные организации здравоохранения с обеспечением их охраны.

Для реализации указанных положений в исправительных учреждениях организуются медицинские части, больницы, лечебные исправительные учреждения. Организация оказания медицинской помощи осуществляется на основании устанавливаемых законодательством государственных минимальных социальных стандартов в области здравоохранения.

Администрация исправительных учреждений несет ответственность за выполнение в исправительных учреждениях установленных санитарно-эпидемиологических требований, обеспечивающих охрану здоровья осужденных. Оказание медицинской помощи осужденным, а также государственный санитарный надзор в исправительных учреждениях осуществляются в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Вместе с тем реализация рассматриваемого права осужденными, отбывающими наказание в исправительных колониях-поселениях (ИКП), обладает рядом особенностей, обусловленных спецификой режима данных учреждений.

Большинство особенностей режима содержания в ИКП направлено на сохранение либо восстановление социальных навыков и связей. В этих целях осужденные пользуются правом свободного передвижения в пределах территории ИКП, им может быть разрешено проживание с семьей в собственном либо арендуемом жилом помещении, осужденные могут носить гражданскую одежду, иметь при себе деньги, ценные бумаги и вещи и т. п.

Кроме того, важнейшим отличием является перевод осужденных на практически полное самообеспечение, при котором питание и вещевое имущество они приобретают за свой счет, а также на общих основаниях оплачивают жилищно-коммунальные и культурно-бытовые услуги. При этом осужденные восстанавливают наиболее важные навыки, необходимые им для законопослушного поведения: навык трудиться для получения средств существования, навык самообслуживания (стирка одежды, приготовление пищи и т. п.), навык общения с трудовым коллективом. Однако достижение указанных целей нереально без соответствующих финансовых возможностей осужденного, обеспечиваемых адекватным вознаграждением за свой труд, сравнимым с заработной платой на свободе.

Таким образом, труд осужденных, содержащихся в ИКП, перерастает из разряда принудительных средств исправления и воспитания, характерных для иных категорий исправительных учреждений, в объективно-необходимый источник получения средств к существованию, аналогичный трудовой деятельности в свободном обществе. В связи с этим приобретают актуальность и соответствующие социальные гарантии, обусловленные реализацией права на охрану здоровья.

Рассматривая структуру ИКП, можно отметить, что штатным расписанием предусмотрена одна должность медицинского работника: фельдшер медицинской части. Для первичного приема пациентов предусмотрено помещение, удовлетворяющее требованиям санитарных

норм. При этом в выходные и праздничные дни, во время отпуска медицинского работника, при вакантной должности и во внерабочие часы возникают серьезные проблемы с медицинским обеспечением осужденных, особенно в условиях отдаленного расположения исправительного учреждения от развитых населенных пунктов.

Например, исправительное учреждение ИКП № 26 расположено на расстоянии 25 км от районного центра, что существенно увеличивает время оказания первичной помощи осужденному. Осужденные, имеющие хронические заболевания и заболевания, возникающие в период нахождения в учреждении, также обслуживаются в территориальных учреждениях здравоохранения. Выезд в такие учреждения осуществляется один раз в неделю. Осужденные за пределами учреждения имеют возможность передвижения под надзором, с этой целью для обеспечения надзора выезд осуществляется с сотрудником исправительного учреждения.

Проблемным аспектом реализации рассматриваемого права является также отсутствие возможности приобрести лекарственные препараты, так как на территории ИКП не предусмотрены аптечные пункты. При этом законодатель запрещает выдавать медикаменты осужденным на руки, а прием лекарств производится в присутствии медицинского работника, за исключением некоторых лекарственных веществ, не являющихся сильнодействующими.

Согласно п. 358 Правил внутреннего распорядка [7] (ПВР), по прибытии в исправительное учреждение все осужденные размещаются в специальных изолированных карантинных помещениях, как правило, сроком на 14 суток, где за ними устанавливается медицинское наблюдение, после чего они переводятся в жилую зону. В период пребывания в карантинном помещении вновь прибывшие осужденные привлекаются к выполнению работ без оплаты труда по коллективному самообслуживанию, в том числе по уборке и благоустройству учреждений и прилегающих к ним территорий, отдельно от других категорий осужденных. Таким образом, осужденный в условиях ИКП на протяжении этого периода не получает дохода, бесплатным питанием не обеспечивается. Возникает коллизия, при которой указанные карантинные требования, возможные для исполнения в иных исправительных учреждениях (где осужденные обеспечены бесплатным питанием), не приемлемы в условиях ИКП.

Не урегулирован вопрос с обеспечением материального положения осужденного в период болезни и в период реабилитации. Осужденным не оплачивается период отсутствия на работе по причине болезни. Содержание осужденного часто происходит из специального фонда по-

мощи осужденным, предусмотренного постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 22 декабря 2018 г. № 360 «Об утверждении Инструкции о порядке учета и использования денежных средств и имущества, переданных безвозмездно осужденными и иными физическими лицами исправительных учреждений» и за счет помощи родственников.

Полагаем, что с целью ресоциализации осужденных, прибывших для отбывания наказания в условиях ИКП, необходимо создать условия, при которых осужденный имел бы возможность получать медицинские услуги, не ограниченные условиями отбывания наказания. Возможность их получения в учреждениях здравоохранения за пределами учреждения позволяет человеку, изолированному долгое время от общества, постепенно, посещая поликлиники, чувствовать себя в традиционном социуме, получать восприятие о реальной действительности в обществе.

На наш взгляд, целесообразно приблизить возможность получения медицинских услуг осужденными, отбывающими наказание в условиях ИКП, к условиям свободы. Реализацию данного права можно осуществить путем использования мобильных контрольных устройств [8]. Это позволит осужденному с письменного разрешения администрации исправительного учреждения, в течение установленного времени, с применением мобильных контрольных устройств, самостоятельно обращаться в учреждения здравоохранения за получением медицинских услуг и проходить лечение за пределами исправительного учреждения.

Список использованных источников

1. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХП // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Перемолотова, Л.Ю. О личности осужденных, совершивших преступление в условиях исправительного учреждения / Л.Ю. Перемолотова // Уголов.-исполн. право. – 2013. – № 2. – С. 27–30.
3. Основные принципы обращения с заключенными : приняты резолюцией Генер. Ассамблеи ООН, 14 дек. 1990 г., № 45/111 // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4-х т. Т. 1 / сост. Е.В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – С. 584–585.
4. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме : принят резолюцией Генер. Ассамблеи ООН, 9 дек. 1988 г., № 43/173 // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4-х т. Т. 1 / сост. Е.В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – С. 578–583.
5. Международные соглашения и рекомендации, определяющие стандарты обращения с правонарушителями и основные направления подготовки персонала исправительных учреждений : сб. междунар. док. / сост. И.В. Слепцов. – Ч. 2. Костанай, 2012. – С. 124.

6. Лукина, Е.А. О международных нормах, регламентирующих охрану здоровья осужденных / Е.А. Лукина // Уголов.-исполн. право. – 2015. – № 1. – С. 49–54.

7. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (в редакции постановлений МВД от 21.03.2005 № 84, от 09.08.2006 № 221, от 25.09.2007 № 234, от 05.11.2008 № 321) [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 20 окт. 2000 г., № 174 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

8. Об определении перечня электронных средств контроля [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 13 апр. 2015 г., № 298 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 343.985

И.А. Гаманович, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Н. Лахтиков*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *П.Л. Боровик*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОГРАММНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛУЧЕНИЯ И АНАЛИЗА КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Рассматриваются вопросы, связанные с совершенствованием программно-технического обеспечения, используемого для собирания, оценки и анализа компьютерной информации, которая в дальнейшем может составить доказательную базу при выявлении и раскрытии преступлений. Рассмотрены особенности отдельных программных продуктов, используемых для решения задач, стоящих перед правоохранительными органами.

Современный этап развития общества по праву называют эпохой передовых технологий. Доступность интернета, быстрый поиск и обмен информацией не только облегчают жизнь современным людям, но и приводит к кардинальному изменению образа жизни. Люди все чаще обращаются к интернет-ресурсам для удовлетворения собственных потребностей. Наряду с постоянным развитием передовых технологий к ним приспосабливаются и преступники.

Анализ состояния преступности в Республике Беларусь показывает, что количество компьютерных краж остается относительно высоким из года в год и в целом увеличилось в последнее время, при этом значительно увеличился и материальный ущерб. Поэтому все методы

всесторонней компенсации и преследования виновных постоянно развиваются [1].

Однако суть компьютерных манипуляций не может заключаться только в обмане жертвы. Если человек после изменения компьютерной информации с помощью системы обработки информации предоставляет владельцу предмета преступления результат своей обработки (например, электронный документ), то он принимает решение о передаче имущества или права на него правонарушителю, и уже такое правонарушение в большинстве случаев классифицируется не как хищение компьютерных технологий, а как обычное мошенничество [2, с. 74–75].

Основными критериями разграничения хищений, совершаемых с использованием информационных технологий, и преступлений, совершаемых в области компьютерной информации (информационной безопасности), являются их объект и предмет. Однако наличие дополнительного субъекта увеличивает общественную опасность преступления в сфере компьютерной информации, и в некоторых случаях дополнительный субъект является более значимым и ценным, чем основной объект преступления.

В современных условиях, судя по этим отличиям, правоохранительные органы все чаще сталкиваются с необходимостью получения и анализа компьютерной информации при раскрытии различных видов преступлений, в том числе по линии уголовного розыска, экономических преступлений [3, с. 23].

В целях борьбы с преступниками правоохранительные органы используют различного рода программное обеспечение, имеющее всесторонние возможности, при формировании доказательной базы. К такому программному обеспечению можно отнести Cellebrite UFED, Belkasoft Evidence Center, NirSoft, «Мобильный криминалист» и др.

Целесообразно рассмотреть общую характеристику данных программ и непосредственно их возможности при извлечении, декодировании и анализе цифровых данных, информации из различных устройств и операционных систем.

Cellebrite UFED (UFED 4PC) – универсальный аппаратно-программный комплекс для криминалистических исследований, дающий возможность извлекать, декодировать и анализировать цифровые данные, полученные из мобильных устройств, на существующем ПК или ноутбуке. Комплекс поставляется с набором приложений UFED, периферийными устройствами и принадлежностями, нужными для успешного проведения исследований. UFED 4PC может работать как автономно, так и со сторонним программным обеспечением [4].

UFED 4PC позволяет поддерживать самого широкого диапазона типов данных, использовать все комплектующие средства для извлечения

данных, обеспечивает возможность извлечения данных, которые можно использовать в качестве доказательств в суде, одновременно выполнять операции на единой платформе, многоуровневую совместимость с различными операционными системами.

UFED 4PC выпускается в вариантах Ultimate и Logical:

UFED 4PC Ultimate включает в себя UFED Physical Analyzer для глубокого декодирования, анализа и подготовки отчетов;

UFED 4PC Logical включает в себя UFED Logical Analyzer для простого декодирования, анализа и подготовки отчетов.

Применение данного комплекса, связанного в дальнейшем с привлечением к уголовной ответственности за хищения, совершаемые с использованием информационных технологий, имеет многоуровневое практическое применение, которое обусловлено тем, что в настоящее время правонарушения, посягающие на отношения собственности, и непосредственно связанные с использованием компьютерных технологий и сети Интернет, получили широкое распространение и приобрели ярко выраженный интернациональный характер.

В подавляющем большинстве случаев люди не знают друг друга в реальной жизни, и их взаимодействие происходит с помощью виртуальных устройств идентификации. Таким образом, чтобы обеспечить тщательное извлечение доказательной базы информационной сферы, необходим постоянный поиск новых механизмов, в том числе правовых инструментов, которые легко анализируют причины, риски и угрозы высокотехнологичных преступлений против собственности [5, с. 56].

Belkasoft Evidence Center – программное обеспечение для производства компьютерно-технических экспертиз, компьютерной криминалистики, разработанное специально для заказчиков из правоохранительных органов, и используется различными отделениями полиции и структурами правопорядка по всему миру [6].

Belkasoft Evidence Center облегчает получение, поиск, анализ, хранение и передачу цифровых улик, находящихся внутри компьютеров и мобильных устройств. Программа быстро извлекает цифровые улики из различных источников путем анализа жестких дисков, образов, облачных приложений, содержимого рабочей памяти, резервных копий iOS, Blackberry и Android, UFED, JTAG и chip-off дампов. Belkasoft Evidence Center автоматически проанализирует источник данных и представит наиболее значительные улики для обзора, подробного изучения или включения в отчет.

Данное программное обеспечение может быть использовано в таких направлениях: поддержка промышленных стандартов (EnCase, AFF, DD, SMART); формирование отчетов; извлечение и анализ данных, нахождение скрытых или стертых доказательств.

Преимущества этого программного обеспечения: оно никогда не изменяет данные отсканированного диска или изображения, ищет скрытые данные, ищет необычные места и распознает файлы в неизвестных форматах, чтобы найти еще больше доказательств, анализирует информацию со скоростью передачи диска, используется для полевых исследований – портативная версия генерирует четкие и однозначные сообщения с любой флешки, подключенной к компьютеру, которая может быть запущена без установки и настройки, может быть доставлена в суд, обнаружена уничтоженная информация – технология вырезания позволяет найти данные, которые были удалены или никогда не хранились на диске в виде файлов (анализ файлов подкачки и гибернации или образов RAM);

Основные возможности используемого программного обеспечения позволяют управлять десятками гигабайтов данных, хранящихся в одном кейсе, сохранять результаты анализа в базе данных, отображать их в одном окне и просматривать все найденные события (почта, отправленные и полученные мгновенные сообщения, социальные сети и т. п.), восстанавливать поврежденные, фрагментированные и неполные базы данных, восстанавливать записи, удаленные из баз данных SQLite, записывать данные в ОЗУ в виде множества отдельных фрагментов, а также автоматически обнаруживать и анализировать файлы реестра Windows.

Таким образом, данный программный продукт ищет доказательства быстрее, чем большинство других программ, потому что Belkasoft Evidence Center не индексирует каждый отдельный файл, находящийся в источнике данных. Вместо этого программное обеспечение ищет наиболее важные типы и фрагменты данных в судебно-компьютерной экспертизе. Эффективное использование ресурсов ЦП и кода, написанного командой аналитиков данных, ускоряют обработку обращений.

Программное обеспечение «Мобильный криминалист» является многофункциональным инструментом для высокоскоростной и эффективной работы с данными из мобильных устройств, дронов, облачных сервисов [7].

Мобильные гаджеты и мультимедийные устройства создают физические образы устройств Android, Kai, создают логические образы устройств iOS, Android, BlackBerry, Windows Phone, Symbian, извлекают и расшифровывают все данные, в том числе удаленные, импортируют физические образы и резервные копии множества устройств, получают данные из дронов и выстраивают маршруты полетов.

Облачные сервисы позволяют авторизоваться в учетной записи и пройти 2FA, извлекать информацию из нескольких десятков облачных

хранилищ: Apple, Google, Yandex, iCloud, WhatsApp, Viber, Telegram, расшифровывать резервные копии.

Персональные компьютеры позволяют извлекать переписку, медиа-файлы и контакты из мессенджеров Viber, Unigram, Skype, Wickr Me, получать письма и контакты из почтовых агентов Mozilla Thunderbird, Microsoft Outlook, Microsoft Mail, извлекать данные из веб-браузеров Google Chrome, Mozilla FireFox, Opera, Microsoft Edge, Internet Explorer, получать информацию о системе.

Этот инструмент имеет ряд функций: он отображает связи между владельцами устройств и их контактами, объединяет контакты из разных источников, создает все события в хронологическом порядке, выполняет поиск данных на основе ключевых слов, регулярных выражений, хэш-наборов, номеров телефонов, паспортов и т. п. важных критериев, создает маршруты для одного или нескольких людей, отображает наиболее посещаемые места и выполняет поиск общих мест, выполняет поиск и считывает данные для входа, пароли и токены с мобильных устройств и компьютеров, включает браузеры для баз данных SQLite и файлов PLIST, позволяет импортировать и просматривать физические изображения и резервное копирование различных устройств, позволяет комбинировать несколько устройств в одном корпусе, создавая отчеты в разных форматах.

NirSoft Software занимает особое место в списке специального программно-технического обеспечения. Во-первых, инструмент представляет собой единое целое целой коллекции программ с определенной областью их применения [8]. Они извлекают информацию напрямую (с постоянных носителей, сетевых потоков, реестров и т. д.) из компьютеров Windows. Вы можете использовать их для восстановления утерянных паролей, мониторинга сети для просмотра и загрузки файлов cookie, кэша и другой информации, хранящейся в браузерах, сканирования файлов в вашей системе, а также для отслеживания изменений в файловой системе и реестре и др.

В полном списке программы разделены на следующие разделы: восстановление паролей, мониторинг сети, извлечение информации из веб-браузеров, работа с видео/аудио, работа с сетью Интернет, утилиты командной строки, настольные, дисковые, системные и пр.

Компьютерное криминалистическое программное обеспечение для Windows.

Browsing History View извлекает информацию об истории просмотра из всех основных веб-браузеров, включая Firefox, Chrome, Opera, Internet Explorer, Microsoft Edge. Data Protection Decryptor является мощным инструментом для Windows, который позволяет расшифровы-

вать пароли и другую информацию, зашифрованную системой DPAPI (Data Protection API) операционной системы Windows.

IE (History, Cache, Cookies, Pass) View извлекает информацию из файла истории и кэша (индекс.dat) из Internet Explorer, содержимое всех файлов cookie, хранящихся в Internet Explorer, пароли веб-узла, хранящиеся в Internet Explorer.

Mozilla (History, Cache, Cookies) View извлекает сведения обо всех файлах кэша и истории просмотров, хранящихся в Mozilla Firefox, содержимое всех файлов cookie, хранящихся в Mozilla Firefox.

My Last Search сканирует файлы кэша и истории четырех веб-браузеров (IE, Firefox, Opera и Chrome), а также находит все поисковые запросы, выполненные с помощью самых популярных поисковых систем (Google, Yahoo и MSN) и с популярных сайтов социальных сетей (Twitter, Facebook, MySpace).

Wireless Key View расшифровывает ключи беспроводной сети, хранящиеся в операционной системе Windows.

Утилиты NirSoft пользуются высокой популярностью и спросом среди ИТ-специалистов, администраторов и опытных пользователей. Все инструменты бесплатны, не требуют установки, не оставляют следов на вашем компьютере и после завершения не содержат рекламы.

Программы бесплатны, не требуют установки и не содержат вредоносных или рекламных компонентов. Программы имеют графический интерфейс, многие программы также поддерживают командную строку. Все программы поддерживают множество языков и почти все переведены на русский язык. В процессе своей работы программы ничего не записывают в реестр Windows, т. е. если они используются с USB-накопителя, они не будут отслеживаться.

Таким образом, узнав о программах NirSoft, вы сможете восстановить забытые пароли и другую информацию, а также оценить, что хранится на вашем компьютере и что злоумышленники могут получить от этого.

Использование современного программного обеспечения позволяет эффективно решать задачи правоохранительных органов, извлеченных из всего доступного программного обеспечения, которое лучше всего адаптировано для правоохранительных органов.

Список использованных источников

1. Статистика УРПСВТ за 2018 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by>. – Дата доступа: 20.02.2020.

2. Макаревич, А.В. Способы совершения хищений, не укладываемые в традиционные формы и требующие самостоятельной идентификации / А.В. Макаревич // Право.by. – 2011. – № 2. – С. 74.

3. Семернева, Н.К. Квалификация преступлений : науч.-практ. пособие : в 2 ч. / Н.К. Семернева. – Минск : Феникс : Высш. образование, 2010. – Ч. 2. – С. 158.

4. UFED Ultimate – Cellebrite [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.cellebrite.com>. – Date of access: 05.03.2020.

5. Гриб, Д.В. Хищение имущества путем использования информационных технологий в Уголовном кодексе Российской Федерации и Уголовном кодексе Республики Беларусь. Сравнительный анализ / Д.В. Гриб // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2019. – С. 58.

6. Evidence Center 2020 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://belkasoft.com/ru>. – Date of access: 03.03.2020.

7. Общие сведения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oxygensoftware.ru/ru>. – Дата доступа: 07.03.2020.

8. NirSoft – Freeware utilities [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.nirsoft.net>. – Date of access: 01.03.2020.

УДК 351.72:336.2

М.А. Гецевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Крайцова*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Дешук*

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматривается возникновение, становление и развитие банковской системы на территориях Республики Беларусь, ее особенности, и особенности деятельности банков. Согласно проведенному анализу выделено шесть основных этапов развития банковской системы.

В ст. 136 Конституции Республики Беларусь закреплено, что банковская система государства состоит из Национального банка Республики Беларусь и иных банков [1]. В соответствии с Банковским кодексом Республики Беларусь банковская система является двухуровневой [2].

Следует отметить, что сходная структура существует в подавляющем большинстве стран. Одноуровневая банковская система возможна, как правило, на ранних этапах развития банковского дела, когда в государстве еще нет центрального банка и банки могут осуществлять любые принятые операции, вплоть до эмиссии собственных денег.

Существуют различные мнения по вопросам раскрытия сущности банков. В научной литературе, в нормативных правовых актах, регули-

руюющих банковскую деятельность, имеется достаточно большое количество в той или иной степени отличающихся определений. Например, существует мнение, по которому банк является кредитным учреждением. Согласно другой позиции банк является финансово-кредитным учреждением. Третья точка зрения основывается на том, что банк – это особое предприятие. Существуют точки зрения, объединяющие указанные подходы [3, с. 3].

Время появления первых банков точно неизвестно. Можно утверждать, что прототипы современных банков существовали еще в глубокой древности. Так, например, во времена Нововавилонского царства (VII–VI вв. до н. э.) «деловые дома» выполняли многие банковские операции: осуществляли прием и выдачу вкладов, учет векселей, оплату чеков, безналичный расчет между вкладчиками и некоторые виды кредитных операций.

Банки современного типа начали появляться с XV в. Первыми были банк св. Георгия в Генуе, банки в Венеции и во Франции.

Белорусское законодательство XV–XVI вв. содержало многочисленные нормы, регулировавшие порядок осуществления тех или иных банковских операций. Однако банки в современном понимании появились несколько позднее [4, с. 58].

Появление первых банковских учреждений на территории нашего государства следует отнести к периоду инкорпорации белорусских земель в конце XVIII в. в состав Российской империи. Каких-либо свидетельств о частных или государственных финансовых институтах, напоминающих банковское учреждение и проводивших совокупность операций, присущих кредиторам по обслуживанию клиентов, действовавших в более ранние периоды, установить затруднительно.

Вместе с тем известно, что в ВКЛ как самостоятельном государстве и как субъекте федерации в составе Речи Посполитой кредитные отношения получили самое широкое распространение. Доминирующим являлось ростовщичество – исторически первая форма кредитных отношений, субъектами которых были широкие слои общества, а также различные формы кредитных отношений: ипотека, коммерческий кредит, аренда (лизинг) и др. Отношения займа на белорусских землях в то время довольно четко определяли Статуты ВКЛ.

В западноевропейских странах банки возникли еще в XIV–XV вв. В этот период в качестве первых банкиров выступали менялы, производившие покупку-продажу монет. Необходимость в таких «банкирах» была обусловлена отсутствием единообразной централизованной денежной системы. В обращении тогда находились платежные средства разных государств, городов и даже отдельных лиц. Специалисты-

менялы, разбиравшиеся в таком множестве обращавшихся монет, могли их оценить, обменять или дать советы по обмену.

В ВКЛ, ядром которого являлись белорусские земли, в XIV–XV вв. уже сформировалась собственная денежная система, начал функционировать Виленский монетный двор, чеканивший платежные средства установленного верховной властью образца. С образованием в 1569 г. федеративного государства – Речи Посполитой, объединившей ВКЛ и Польшу, произошла, хотя и с некоторым опозданием, унификация литовской и польской монетных систем. Поэтому переводные и кредитные операции, с которых на Западе началось превращение менял в банкиров, на территории Беларуси в основном осуществлялось участниками торговых и кредитных отношений.

Формирование кредитных учреждений на белорусских землях началось уже после первого раздела Речи Посполитой, когда в состав Российской империи вошли восточнобелорусские земли. К тому времени в России в целом сложилась докапиталистическая кредитная система, состоявшая из казенных банков и вполне адекватная производственным отношениям феодальной эпохи. Эту систему в первую очередь представляли Государственный заемный банк, Московская и Санкт-Петербургская сохранные казны, которые были учреждены при Опекунских советах Воспитательных домов, а также так называемые приказы общественного призрения.

В 1776 г., с образованием Полоцкой губернии, российским правительством было предписано «...Московской и Санкт-Петербургской банковским конторам, чтобы они по поступаемым от дворян помещиков объявлениям производили выдачу из банка займы денег под залог имений в Белоруссии находящихся». С этого фактически и началась деятельность российских казенных банков в белорусском крае.

В начале XIX в., когда белорусские земли полностью были включены в состав Российской империи, деятельность Московской и Санкт-Петербургской сохранных казн была распространена на всю Беларусь.

Однако собственно местными государственными кредитными учреждениями феодального периода можно считать приказы общественного призрения. Они были созданы в России в 1775 г. по распоряжению Екатерины II для управления «богоугодными заведениями».

После первого раздела Речи Посполитой в Беларуси был создан Полоцкий приказ общественного призрения, затем – Могилевский. С объединением этих губерний в 1796 г. в единую административную единицу определенное время действовал Белорусский приказ. С установлением окончательного административно-территориального деления в 1802 г. такие кредитные учреждения существовали в каждом губернском горо-

де. Приказы общественного призрения, в сущности, являлись самостоятельными местными губернскими банками.

В апреле 1797 г., когда Вспомогательный банк для дворянства только объявил о своем учреждении, в Белорусском приказе общественного призрения начали рассматривать заявления помещиков о переводе долгов в это кредитное учреждение.

В связи с началом войны 1812 г. приказы общественного призрения прекратили свою деятельность и только в 1820 г. возобновили операции.

Наименее распространенными на территории Беларуси были операции Государственного заемного банка, который начал свою деятельность здесь в конце 1787 г. и также являлся ипотечным кредитным учреждением [5, с. 15–19].

В результате развития капиталистических отношений, возникновения новых промышленных предприятий, крупных сельских хозяйств, строительства железных дорог и расширения торговых операций появилась необходимость в создании новой кредитной системы, которая бы сумела обеспечить различные категории населения дополнительными средствами. Так сложилось, что в Российской империи ведущее место в сфере коммерческого кредита заняли акционерные частные банки, учрежденные иностранцами немецкого или бельгийского происхождения. В белорусских губерниях ситуация была иной. Вследствие особенностей развития промышленности и сельского хозяйства, географического положения и национальных черт крупных акционерных банков здесь не было. Значительное распространение получили сельскохозяйственный кредит, учреждения мелкого кредита, небольшие банки, основанные на местном капитале, банкирские конторы и дома, занимавшиеся в основном учетом векселей.

Как и в целом по России, белорусские губернии пережили два этапа учреждения банков: 1870–1880-е гг., характеризующиеся стихийным возникновением разного рода установлений, и 80–90-е гг. XIX в., когда наблюдались концентрация банковского капитала и образование монопольных компаний. Можно также выделить еще один этап: 1909–1914 гг. – период стихийного развития мелкого кредита, появление многочисленных касс, капиталов, товариществ.

Банковская система белорусского региона второй половины XIX – начала XX в. была представлена следующими учреждениями: отделениями и конторами Государственного банка Российской империи в губернских центрах (Минск, Гродно, Витебск и др.); филиалами акционерных земельных (ипотечных) банков (Государственный дворянский банк, Крестьянский поземельный и Виленский частный коммерческий банк); филиалами российских акционерных коммерческих банков (Орловский

коммерческий банк, Московский международный банк, Николаевский сельский банк и др.); местными коммерческими банками (Минский коммерческий банк); городскими общественными банками (Гомельский, Витебский и др.); банкирскими домами и конторами («С.И. Ельясберг», «Идель Самуил Лурье», «Перлис и Гинцбург» и др.), а также обществами взаимного кредита (Минск, Витебск, Могилев и др.).

Первые годы работы отделениям Государственного банка разрешалось проводить строго установленный объем операций. Государственный банк всячески поддерживал инициативу открытия новых отделений, понимая, какую большую материальную выгоду они могут принести отдельной местности. После учреждения филиалов в центральных городах и крупных промышленных и торговых центрах внимание руководства переключилось и на более отдаленные местности, в частности, на западные районы империи.

В период развития капиталистических отношений помещик, лишенный государством бесплатного труда своих крепостных, не мог обойтись без найма, инвентаря и породистых животных. Сезонный цикл сельскохозяйственного производства помогал долгосрочному кредиту. Это и стало одной из причин появления в России в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. сети акционерных земельных банков, своеобразных ипотечных банковских учреждений, которые предоставляли денежные средства займы под залог недвижимости на довольно длительный срок. К таковым относились открытые в 1882 г. Крестьянский поземельный банк и в 1885 г. Государственный дворянский банк, а также Виленский частный коммерческий банк, основным видом деятельности которых были сделки с земельной собственностью. В белорусских губерниях отделения данных банков действовали в Витебске, Гродно, Минске и Могилеве.

60–70-е гг. XIX в. стали временем возникновения в Российской империи большого количества частных банков. Этот процесс не обошел стороной и территорию Беларуси. 21 апреля 1873 г. в Минске открылся Минский коммерческий банк. К слову, это был один из первых в России и единственный в дореволюционной Беларуси банк, который действовал в Минске в течение почти 40 лет: с 1873 по 1912 г. Кроме того, он был единственным на территории Беларуси акционерным коммерческим банком. Из Устава этого банка следует, что среди его учредителей были помещики, известные предприниматели и банкиры.

Особую роль в жизни губернских и уездных городов играли городские общественные банки. Их появление было продиктовано потребностями быстрорастущего товарного производства и часто нехваткой средств торговцев и мелких промышленников для реализации своих деловых проектов. До 1861 г., т. е. до отмены крепостного права, торговля

была неразвитой, отсутствовал внутренний рынок как таковой, не было сферы применения капитала, так как, по сути, отсутствовали и колонии. Поэтому, когда возникли условия развития предпринимательской инициативы, стали появляться первые частные кредитные учреждения. В большинстве своем они ориентировались на крупных помещиков, купцов и промышленников, обходя стороной мелких купцов, владельцев лавок и маленьких предприятий.

Особую нишу на денежном рынке страны заняли общества взаимного кредита, которые начали появляться с 1864 г. Поводом к учреждению первого общества взаимного кредита стал пожар в Петербурге 17 мая 1862 г., уничтоживший Шукин и Апраксин дворы со складами разнообразных товаров, в результате чего многие купцы были разорены. Для поддержки их в Санкт-Петербурге 17 мая 1864 г. было учреждено первое общество взаимного кредита. Данное учреждение организовывало свою деятельность на основе вступительных взносов его участников, которые принимали ответственность по своим обязательствам в десятикратной сумме внесенного взноса. Кредиты выдавались лишь членам общества. Общество взаимного кредита имело и запасной капитал, предназначенный для покрытия убытков, составлявшийся из получаемой прибыли. Число участников общества должно было быть не менее 50 человек. В белорусских губерниях данные учреждения действовали не только в Минске, но и в Витебске, Пинске, Слониме, Бобруйске, Гомеле, Слуцке и других городах.

Кроме этих учреждений в Беларуси были широко распространены банкирские дома и конторы. Сам факт широкого распространения данной категории банковских учреждений связан с национальным фактором: с 1791 г. белорусские губернии вошли в черту оседлости, что послужило началом переселения сюда еврейского населения. С 1859 г. в данный указ были внесены небольшие изменения: купцам 1-й гильдии, ремесленникам разрешалось выбирать место проживания для себя, своих семей, слуг и работников. Получить, а вернее купить, такое свидетельство могли позволить себе не все, а лишь довольно состоятельные граждане. Поэтому большинство купцов и ростовщиков предпочитало налаживать свое дело в белорусском регионе [7, с. 49–83].

В результате перестройки банковской системы с 1932 до 1959 г. в Беларуси функционировали Коммунальный банк; конторы с филиалами Госбанка СССР, Промбанка СССР, Сельхозбанка СССР, образовано Главное управление гострудсберкасс и госкредита БССР.

Вскоре после завершения послевоенного восстановительного периода Правительством СССР была проведена дальнейшая перестройка кредитно-денежной системы с целью усиления ее концентрации. Так, в

1959 г. упразднены специализированные банки, а их функции переданы Госбанку и Промстройбанку СССР. В 1962–1963 гг. сберегательные кассы были также переданы в ведение Госбанка СССР.

Со временем советская банковская система становилась все менее способной выполнять свои функции. К середине 80-х гг. она превратилась в огромную, неповоротливую, постоянно пробуксовывающую финансово-кредитную машину, во многом утратившую способность оперативно осуществлять кредитно-расчетное обслуживание, учитывая специфику различных отраслей экономики.

Несмотря на принятые в 1987 г. меры по усовершенствованию кредитной системы (создание двухуровневой банковской системы, включающей центральный (эмиссионный) банк и ряд государственных специализированных банков, наделение республиканских банков правами министерств союзных республик), она оставалась достаточно консервативной. Учрежденные государственные специализированные банки («Внешэкономбанк», «Промстройбанк», «Агропромбанк», «Жилсоцбанк», «Сберегательный банк»), унаследовав многие негативные черты прежней одноуровневой системы, не обеспечивали свободный перелив кредитных ресурсов в народном хозяйстве, не сложились у банков подлинно партнерские отношения с заемщиками, а у Госбанка не было эффективных методов управления совокупным денежным оборотом [9].

На рубеже 80–90-х гг. XX в. возникло качественно новое направление формирования банковской системы – появились первые негосударственные коммерческие и кооперативные банки. Особо важное влияние на этот процесс оказало принятие 27 июля 1987 г. постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании системы банков в стране и усилении их воздействия на повышение эффективности экономики», 26 мая 1988 г. – Закона «О кооперации в СССР», 1 сентября 1988 г. – постановления Совета Министров СССР № 1061 «Об утверждении Устава Госбанка СССР». 31 марта 1989 г. было принято постановление Совета Министров СССР № 280 «О переводе государственных специализированных банков СССР на полный хозяйственный расчет и самофинансирование».

Возникла необходимость в законодательных актах, регулирующих деятельность банковской системы. Верховным Советом СССР 11 декабря 1990 г. приняты законы «О Государственном банке СССР» и «О банках и банковской деятельности», которые устанавливали двухуровневую банковскую систему в виде Центрального банка (Госбанка), Сберегательного банка и коммерческих банков. Коммерческие банки получили самостоятельность в проведении кредитной политики, в привлечении вкладов, при определении процентных ставок [4]. С этого момента на-

чался современный этап развития банковской системы Республики Беларусь.

Таким образом, можно выделить *основные даты* в истории белорусской банковской системы: 8 января 1870 г. основан Гомельский городской общественный банк; 21 апреля 1873 г. основан Минский коммерческий банк; в 1881 г. открыто Минское отделение Государственного банка Российской империи; 3 декабря 1921 г. образована Белорусская контора Государственного банка РСФСР (начала работу 3 января 1922 г.); 21 декабря 1990 г. Верховный Совет БССР принял законы «О Национальном банке Белорусской ССР» и «О банках и банковской деятельности в Белорусской ССР» (вступили в силу 1 января 1991 г.)

Также можно выделить *основные этапы* развития банковской системы:

1-й этап: XIV–XVI вв. – первые упоминания в нормативных правовых актах о регулировании определенных банковских операций, начало функционирования Виленского монетного двора;

2-й этап: 1770–1880-е гг. – появление первых банковских учреждений Российской империи на территории Беларуси;

3-й этап: 80–90-е гг. XIX в. – концентрация банковского капитала и образование монопольных компаний;

4-й этап: 1909–1914 гг. – период стихийного развития мелкого кредита, появление многочисленных касс, капиталов, товариществ;

5-й этап: 1917–1920 гг. – фактическая ликвидация банковских учреждений;

6-й этап: 1920–1990 гг. – активное развитие банковской системы на территории Беларуси, создание двухуровневой банковской системы.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. № 2875-ХП [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 25 окт. 2000 г., № 441-З : принят Палатой представителей 3 окт. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 12 окт. 2000 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Уразова, С.А. Возникновение и развитие банковских систем (исторический аспект) / С.А. Уразова // Финанс. исслед. – 2004. – № 9. – С. 3–8.

4. Развитие банковской системы Беларуси (историко-правовой аспект) / Ю.П. Довнар // Право и демократия : сб. науч. тр. – Минск, 1988–2012. – Вып. 23. – С. 58–72.

5. Грузицкий, Ю.Л. Банки Беларуси (70-е гг. XIX – начало XX в.) / Ю.Л. Грузицкий. – Минск : Экоперспектива, 2005. – 167 с.

6. Дроздова, Е.А. Формирование банковской системы Беларуси (1861–1914 гг.) / Е.А. Дроздова. – Минск : Ковчег, 2008. – 162 с.

7. Масько, И. К вопросу о становлении банковской системы на территории Беларуси / И. Масько // Банк. вестн. – 2008. – № 13. – С. 65–69.

8. Правлением Национального банка Республики Беларусь принято решение об изменении начальной даты в истории банковской системы Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/press/1572>. – Дата доступа: 15.12.2020.

9. Чернявский, Ф.И. Банковская система Республики Беларусь: становление и развитие / Ф.И. Чернявский // Нар. асвета. – 2008. – № 3. – С. 8–12.

УДК 343.985

Д.А. Диковицкий, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *О.В. Савчук*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.А. Шаматкульский*

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СКЛОНЕНИЯ К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ

Рассматриваются особенности оперативно-розыскной характеристики склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также причин и условий, побуждающих к совершению данного преступления.

Немедицинское потребление наркотиков оказывает негативное воздействие на различные стороны жизни человека: здоровье, психику, семейную жизнь, нравственность, образование, культуру, экономику, общественный порядок.

Совокупность данных обстоятельств приводит общество к пониманию необходимости противодействия склонению к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Такое противодействие осуществляется с применением всего арсенала имеющихся средств государственного воздействия, среди которых первостепенное значение имеет оперативно-розыскная деятельность, направленная на своевременное предупреждение, выявление и пресечение наркопреступлений.

Такая форма наркотизации, как склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов стала актуальной проблемой для Республики Беларусь в конце 90-х гг. XX в. Актуальность этой проблемы обусловлена тем, что население начало активно потреблять наркотики, кто-то инициативно потреблял, кто-то поддался

влиянию, т. е. был склонен к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Наркопотребление – это негативное явление, болезнь государства, поражающая основные элементы социальной, экономической, политической сфер жизни общества [1, с. 98].

Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов влечет уголовную ответственность по ст. 331 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Под оперативно-розыскной характеристикой склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов понимается совокупность наиболее характерной, взаимосвязанной, имеющей оперативное значение, информации, о признаках и свойствах такого рода преступлений, способной служить основанием для выдвижения оперативно-розыскных версий о событии преступления и личности преступника, позволяющей верно оценить тактические ситуации, возникающие в процессе выявления и раскрытия наркопреступлений.

Выделяют следующие элементы оперативно-розыскной характеристики склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов:

- предмет преступления;
- место совершения преступления;
- способ подготовки и совершения преступления, сокрытие его следов и уклонения преступников от уголовной ответственности;
- следы совершенного преступления, подлежащие фиксации оперативно-розыскным путем, их носители и места обнаружения;
- обстановка приготовления, совершения преступления (время, место), а также складывающиеся после его окончания;
- особенности личности преступника;
- групповой характер преступления, распределение ролей;
- личность потерпевшего;
- мотивы и цели совершения преступления;
- закономерные взаимосвязи между перечисленными компонентами [2, с. 111].

Описывая способ совершения данного преступления, немаловажно отметить, что под склонением к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. 327–334 УК)», понимается совершение любых действий, направленных на возбуждение у других лиц желания к потреблению указанных

средств или веществ, в том числе однократного характера, посредством убеждения, путем обмана, ограничения свободы, применения насилия или угрозы насилия, издевательства над личностью. Склонение может выражаться лишь в активных действиях, как правило, в вербальной форме, жестах, символической или письменной форме [3].

Таким образом, склонение проявляется в форме воздействия на лицо путем перечисленных способов убеждения потребить указанные психоактивные вещества по своей воле, или принуждения к потреблению путем применения к личности физического или психического насилия, либо ограничения свободы.

Совершенное путем обмана, осознанное, направленное на добровольное потребление лицом психоактивных веществ, введение лица в заблуждение относительно характера потребляемого вещества, наличия или отсутствия вредных последствий потребления или иных обстоятельств также является разновидностью склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Для квалификации не имеет значения, потребляло ли лицо наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги ранее, а также частота и интенсивность наркопотребления, здесь важным квалифицирующим признаком является направленность воли лица, на которое оказывается противоправное воздействие [4, с. 98].

Изучив судебную практику о наркопреступлениях, видим, что Верховный Суд различает две формы действий, которые рассматриваются как склонение к потреблению наркотиков и психотропных веществ: насильственную и ненасильственную.

Ненасильственная форма склонения имеет место в случае, когда лицо добровольно, своей волей поступает согласно требованиям виновного, при насильственном склонении лицо подчиняется требованиям под принуждением, угрозой, вопреки своей воле.

Чаще всего воздействие на сознание и волю склоняемого лица осуществляется непосредственно, в частности, методом убеждения употребить тот или иной препарат наркотического или психотропного действия, однако нередко имеют место и способы опосредованного воздействия на волю, например курение марихуаны с демонстрацией сопровождающих приятных ощущений. Различные способы склонения к потреблению наркотика связаны с окружающей обстановкой, а также с особенностями личностных данных склоняемого и самого виновного.

Как правило, возникновение желания потребить наркотическое или психотропные вещества и предшествует его потреблению, однако нередко случаи, когда лицо вынуждено согласиться принять наркотик, избавив себя таким образом от нравственно невыносимых предложений, уговоров.

Не имеет место желание потерпевшего потребить наркотическое средство в тех случаях, когда к вышеуказанной категории применяются различные формы физического принуждения или угрозы его применения, такие действия снижают вероятность принятия личного решения. В этом случае согласие на потребление наркотического средства или психотропного вещества указывает лишь на боязнь реализации виновным своей угрозы.

Насилие может выражаться в нанесении ударов, истязании, а также в умышленном причинении вреда здоровью любой степени тяжести, страданий, связывании, насильственном удержании и ином применении физической силы.

Так, А.В. Гришин полагает, что применение насилия следует ограничивать рамками умышленного причинения вреда здоровью средней тяжести [5, с. 324]. Интересна точка зрения А.А. Энгельгарда, который называет насилие умышленным причинением легкого вреда здоровью или средней тяжести, либо тяжкого вреда, если оно причинено по неосторожности [6, с. 244]. Т.В. Кандрашова предлагает умышленное причинение тяжкого вреда здоровью квалифицировать по совокупности преступлений [7].

Угроза же применения насилия может заключаться в высказывании о нанесении телесных повреждений, изнасиловании или насильственном заражении ВИЧ-инфекцией, ограничении свободы и в других способах, физическом воздействии на родных, близких, знакомых.

С этой точки зрения мы выделили ряд типичных ситуаций, при которых имеет место склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов:

потерпевший не решил для себя, начинать ли ему потреблять указанные средства, вещества, сомневается в том, стоит ли ему это делать (воля лица не выражена явно);

потерпевший не желает начинать их потребление;

потерпевший не желает продолжать потребление каких бы то ни было психоактивных веществ;

потерпевший не желает потреблять его определенным способом, например, внутривенно.

На наш взгляд, следует выдвинуть наиболее часто используемые способы склонения к наркопотреблению:

предложение наркотиков бесплатно «на пробу»;

предложение потребить наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги для того, чтобы отвлечься от возникших жизненных трудностей или проблем;

групповое психологическое давление в молодежных компаниях, когда для утверждения авторитета от молодого человека требуют «уколоться» или «затянуться»;

склонение в местах массового потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов; под влиянием примера окружающих;

склонение к наркопотреблению состоятельных людей или детей, чьи родители выделяют достаточные денежные суммы на карманные расходы при недостаточном контроле над их тратой;

вовлечение в совершение различных незаконных действий с наркотиками за вознаграждение, после чего лицо втягивается в потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов;

покровительство, сопровождающееся приобщением склоняемого к развратному образу жизни, азартным играм, распущенному сексуальному поведению, пустой трате денег.

Часто лицо, склоняющее к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, одновременно совершает иные общественно опасные деяния: сбыт наркотиков, их хищение, изготовление, переработку, приобретение, хранение, перевозку или пересылку. В этих случаях действия лица квалифицируются по совокупности ст. 331, 327, 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Вместе с тем не подлежат квалификации как склонение действия лица, оказывающего помощь потребителю наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в их потреблении по просьбе последнего, а также передачи друг другу приспособлений для потребления наркотических средств, как пустых, так и содержащих наркотик.

Предметом преступления являются наркотические средства и психотропные вещества, а также их аналоги.

Склонение к потреблению средств или веществ, не являющихся наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами, не может быть квалифицировано по ст. 331 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Вместе с тем потребление иных средств и веществ, влекущих одурманивание, является фактором, способствующим склонению к наркопотреблению, особенно, когда лицо желает испытать более острые ощущения либо у него имеются сложности с получением привычного для него одурманивающего средства или вещества [8].

Действия лица, склоняющего к потреблению наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, могут совершаться лишь с прямым умыслом, т. е. помимо осознания этим лицом общественной опасности своих действий должно присутствовать его желание их совершения.

Мотив склонения к наркопотреблению часто корыстный, связанный с желанием преступника контролировать склоняемого после формирования у него наркозависимости, иметь возможность получения от него денежных средств для приобретения наркотических средств, психо-

тропных веществ или их аналогов, а также использовать склоняемого для совершения различных противоправных действий, в том числе незаконных операций с наркотиками.

Склонение к наркопотреблению часто является способом получения денежных средств для потребления наркотиков, психотропных веществ или их аналогов самим преступником: являясь для жертвы единственным источником приобретения данных средств, веществ, он продает склоняемому по завышенной цене приобретенные на стороне наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, предлагая после этого потребить их совместно, получая двойную выгоду. Корыстный мотив в действиях склоняющих лиц обусловлен тем, что они вынуждены тратить значительные средства на приобретение наркотиков, но при этом не имеют постоянного и достаточного для этого источника доходов. Иногда корыстный мотив сознательно маскируется под стремление помочь наркозависимым избавиться от болезненных симптомов. Такая мотивация, как правило, используется в качестве самооправдания или попытки смягчить уголовную ответственность за совершенное деяние.

Оперативно-розыскная деятельность по линии противодействия незаконному обороту наркотиков должна быть нацелена на выявление и пресечение фактов склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в быту, местах отдыха молодежи, различных учреждениях.

Характер и содержание умысла влияет на решение вопроса о том, является ли склонение очередной жертвы лишь эпизодом продолжающегося преступления или представляет собой обособленное деяние. Так, многократное склонение одного и того же лица, совершенное в разное время, либо многократное склонение нескольких лиц, если указанные деяния охватывались единым умыслом, рассматриваются как одно продолжаемое преступление. Если же при этом кто-то из лиц является несовершеннолетним, то эпизод склонения такого несовершеннолетнего учитывается как отдельное преступление. Если виновный склонил к потреблению сначала одно лицо, а позже – другое, что не охватывалось единым умыслом, то имеет место повторности.

Характеризуя личность преступника по рассматриваемому преступлению, необходимо отметить, что наиболее часто лицами, склоняющими к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, являются мужчины 18–35 лет, самостоятельно потребляющие наркотические средства, имеющие среднее или незаконченное среднее образование, не работающие, ранее судимые за совершение наркопреступлений или хищений имущества. По характеру лица, склоняющие к потреблению вышеуказанных средств и веществ, хитры, лживы, изво-

ротливы, хотя и не обладают высоким образовательным или профессиональным уровнем. Во взаимоотношениях между лицом, склоняющим к наркопотреблению, и склоненным присутствуют мнимые дружеские отношения, лживость, стремление к наживе за счет других людей, со стороны склоняющего лица. Лица, задержанные за совершение склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, часто идут на сотрудничество, однако со временем теряют интерес к сотрудничеству, поэтому отношения конфиденциального сотрудничества с ними носят, как правило, непродолжительный или разовый характер и основываются на компрометирующих материалах.

Особое опасение вызывает вовлечение несовершеннолетних в деятельность, направленную на склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Распространяющаяся среди несовершеннолетних и молодежи мода на наркотические средства и психотропные вещества, снижение духовности в молодежной среде, появление в средствах массовой информации материалов, косвенно пропагандирующих потребление наркотиков, наркокультуру, дискуссии об увеличении спроса и дальнейшей наркотизации общества, прежде всего молодого поколения.

Молодые люди из-за недостатка жизненного опыта слабо представляют себе, что они могут быть задержаны. Исходя из этого, следует учитывать дерзкую манеру поведения подростков, а также характеристику такого элемента оперативно-розыскной характеристики преступлений, как личность несовершеннолетних, связанных со склонением к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. С учетом особенностей преступлений, участниками которых являются несовершеннолетние, данный элемент приобретает первостепенное значение, так как выделяется именно специфичность возрастной категории его участников.

Неотъемлемым признаком личности, склоняющего к наркопотреблению является его материальное положение, низкий уровень которого может послужить первопричиной начала осуществления преступной деятельности. Лица, испытывающие затруднение в денежных средствах, при определенно сложившихся жизненных обстоятельствах, могут совершить наркопреступления.

Наиболее часто местом совершения склонения к потреблению являются квартиры, используемые для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, притоны, заброшенные строения, гаражи. Согласно материалам уголовных дел об организации либо содержании притонов, последние чаще все располагаются в домах коммунального или барачного типа, частном секторе и многоэтажных до-

мах. Квартыры, в которых организуются притоны, отличаются своей неухоженностью, запущенностью, под их дверями и окнами, а также на лестничных площадках нередко встречаются выброшенные ампулы, вата, шприцы со следами остатков вещества, упаковки из-под медикаментов.

Иным квалифицирующим признаком склонения является совершение данного деяния на территории учреждений образования, организаций здравоохранения, воинских частей, исправительных учреждений, мест проведения массового отдыха молодежи, а также должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, а равно повлекшее по неосторожности смерть человека в результате склонения к потреблению средств и веществ.

Свидетелями по делам о склонении к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, подлежащими к установлению, могут выступать: случайные очевидцы; посетители притонов; близкие и знакомые склоняющихся либо склоняемых лиц, которые могут располагать определенной информацией о связях, образе жизни разрабатываемых, источниках получения ими наркотиков, водители такси.

Большой промежуток времени после совершения наркопреступлений создает определенные затруднения оперативному сотруднику в их выявлении и раскрытии, поскольку материальные и идеальные следы могут быть уничтожены, изменены или искажены в силу природных обстоятельств или личностных свойств человека.

Ввиду вышеизложенного, полагаем, следует сделать вывод о необходимости незамедлительного реагирования на данный вид преступления, так как за его совершением сокрыт ряд других наркопреступлений: незаконный оборот наркотических средств, хищение наркотических средств, содержание наркопритонов, что составляет огромный пласт работы для подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Список использованных источников

1. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Особенная часть : учеб. пособие : в 2 ч. / А.В. Башан [и др.] / под общ. ред. В.Ч. Родевича / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2015. – Ч. 2. – 200 с.
2. Голякова, И.В. Наркомания и наркопреступность : монография / И.В. Голякова ; под ред. И.И. Басецкого. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2003. – 367 с.
3. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. 327–334 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 26 марта 2003 г., № 1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Аминев, Ф.Г. Организация предварительного расследования по фактам содержания наркопритонов : учеб. пособие / Ф.Г. Аминев, В.А. Колесников, В.И. Михайлов. – Уфа : УЮИ МВД РФ, 2010. – 104 с.

5. Гришин, А.В. Справочник по уголовному праву Российской Федерации / А.В. Гришин. – М. : Экзамен, 2006.

6. Энгельгард, А.А. Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная : учебник / А.А. Энгельгард. – М. : Юриспруденция, 1999.

7. Кондрашова, Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой сферы и половой неприкосновенности / Т.В. Кондрашова. – Екатеринбург : Гуманитар. ун-т, 2006.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь (постатейный) / отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М. : Волтерс Клувер, 2005.

УДК 343.985

Р.А. Дюко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.А. Шаматульский*

Рецензент – кандидат юридических наук,
доцент *В.М. Веремеенко*

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

Рассматриваются понятия таких терминов, как «предупреждение», «профилактика», а также точки зрения различных ученых-криминологов. Обращено внимание на меры по профилактике этого негативного явления общества.

В настоящее время наркомания достигла масштабов эпидемии. Ее распространение идет гораздо быстрее, чем принимаются меры по борьбе с этим страшным явлением. Поэтому немаловажное значение в современном обществе приобретает профилактика наркомании.

Одним из важнейших направлений деятельности органов внутренних дел является борьба с незаконным оборотом наркотиков. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов – оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, аналогов, осуществляемый в нарушение требований Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-З «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» и иных актов законодательства [1]. Деятельность эта многогранна, при этом одним из основных направлений является предупреждение преступлений, связанных с изготовлением (переработкой) наркотических

средств. В криминологии и профилактике преступлений предупреждение преступности является одним из основных элементов предмета данной науки. Тем не менее вопросы организации предупреждения преступлений рассматриваемого вида, определение приоритетов предупредительной деятельности требуют постоянного их изучения и актуализации, поскольку эффективно противодействовать наркопреступности можно лишь при условии правильной оценки масштабов этой проблемы и своевременном реагировании на изменения в развитии наркоситуации.

Предупреждение преступности – это система государственных и общественных мер, принимаемых для устранения, нейтрализации, ослабления действия детерминант, а также иных причин и условий преступности [2, с. 12].

В криминологической литературе и нормативных правовых актах применительно к конкретным преступлениям используются различные термины: «предупреждение», «профилактика», «превенция». Следует отметить, что мы придерживаемся равнозначности понятий вышеперечисленных терминов.

Аналогичной точки зрения придерживаются многие ученые-криминологи. Так, В.Н. Кудрявцев, Г.М. Миньковский, А.Б. Сахаров отмечают, что попытки некоторых специалистов разграничить понятия «предупреждение», «профилактика», «превенция» противоречат смысловому содержанию данных терминов [3, с. 42].

А.И. Алексеев в предупреждении преступности выделяет такие этапы (стадии), как профилактика, предотвращение, пресечение [4, с. 34]. Под предотвращением он понимает деятельность, направленную на недопущение замышляемых и подготавливаемых преступлений.

Профилактика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, заключается в выявлении специфических криминогенных обстоятельств с последующим осуществлением мероприятий, которые бы исключали возможность возникновения или затруднения совершения преступлений. Проводимые мероприятия должны быть целенаправленными, конкретными и действенными, способствовать формированию и закреплению у граждан непримиримого отношения к немедленному потреблению наркотических и иных средств, влекущих одурманивание. Выявление криминогенных обстоятельств достигается путем криминологического анализа правонарушений, связанных с наркотиками. Их устранение осуществляется либо непосредственно работниками органов внутренних дел, в пределах своей компетенции, либо внесением конкретных предложений организациям, предприятиям, учреждениям.

Немаловажное значение разъяснительной работы с населением, направленной на пропаганду здорового образа жизни и отказа от приема наркотиков. Способы такой деятельности разнообразны, например:

регулярные встречи и беседы специалистов (медиков, психологов, юристов и др.) с населением, осуществляющих разъяснительную работу, направленную на сокращение спроса на наркотические, токсические и сильнодействующие вещества;

специализированные теле- и радиопрограммы, рубрики, выступления в средствах массовой информации о вреде незаконного оборота и употребления наркотических средств;

проведение предупредительной работы на предприятиях, в учреждениях, трудовых коллективах;

распространение разнообразных предметов агитационного характера (буклетов, листовок, информационных бюллетеней и т. п.) [5, с. 104].

Проведение профилактических операций служит реальным и действенным средством борьбы с преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотиков.

Оперативно-розыскная деятельность по линии противодействия незаконному обороту наркотиков должна быть нацелена на выявление и пресечение деятельности подпольных нарколабораторий по изготовлению (переработке) наркотиков.

Нередко наркотические средства и психотропные вещества производятся в подпольных лабораториях. Технологию изготовления большинства наркотиков можно свободно найти в интернете. Посредством интернет-магазинов заказывают необходимые для производства прекурсоры и лабораторное оборудование. Особую опасность для нелегального изготовления наркотиков представляют преступления, связанные с использованием оборудования научно-исследовательских институтов, школ, техникумов и других учреждений, имеющих химические лаборатории и реактивы. К критериям отнесения объекта к лабораториям по незаконному производству наркотических средств и психотропных веществ является:

наличие помещения для производства (дом, квартира, гараж, подвал);

изготовление наркотиков в значительном объеме;

изготовление наркотиков для сбыта на постоянной основе;

синтез наркотических средств и психотропных веществ с использованием химико-лабораторной посуды и оборудования;

наличие лиц, имеющих специальное познание в области химии, специальной литературы, схем химических реакций.

Не являются лабораторией помещения, специально приспособленные для выращивания наркотикосодержащих растений, грибов, а также помещения, в которых осуществляется экстракция наркотических средств и психотропных веществ из семян мака, лекарственных препаратов.

Центральное место в профилактике преступлений, связанных с изготовлением (переработкой) наркотиков, должны занимать регулярные

проверки аптек, лечебных учреждений, химико-фармацевтических предприятий и других объектов на предмет соблюдения ими установленных ведомственными нормативными актами правил выполнения работ с наркотическими и сильнодействующими средствами. Проверка предполагает исследование документов, по которым поступили и отпущены наркотики, анализ соблюдения предельных норм хранения наркотиков и рецептурных бланков на них и ряд других вопросов.

Заготовленные или приобретенные наркотики, а также сырье преступники доставляют в крупные города и в отдаленные части страны. Поэтому важной общепрофилактической мерой является организация заслона на пути этого наркотрафика:

блокирование доступа заготовителей к дикорастущим зарослям наркотикосодержащих растений и их уничтожение;

выявление и уничтожение незаконных посевов наркотикосодержащих растений;

принятие к правонарушителям мер в соответствии с вышеуказанным законом;

совершенствование деятельности ОВД в пресечении распространения наркотиков, улучшение взаимодействия с ведомствами и организациями, заинтересованными в противодействии незаконному обороту наркотиков [6, с. 3].

Исключительно важным направлением в деятельности по борьбе с незаконным оборотом наркотиков является групповая и индивидуальная профилактика. В этой связи особое значение приобретает оказание предупредительного воздействия на неблагополучные семьи, группы, коллективы и т. д. К числу специальных мер можно отнести: систематическое обследование мест наиболее вероятного появления наркоманов, проведение профилактических рейдов, проверок, комплексных операций, направленных на пресечение деятельности наркопритонов, мест распространения и потребления наркотиков. Индивидуально профилактическая работа должна проводиться как в отношении самих наркоманов, так и сбытчиков (поставщиков) смертельного зелья, организаторов и содержателей притонов, лиц, склоняющих к употреблению наркотиков, пособников наркобизнеса. Приоритетным направлением остается деятельность, непосредственно связанная с ресоциализацией (адаптацией) лиц, страдающих наркозависимостью. При этом важно, чтобы помощь заинтересованных органов и должностных лиц по лечению, реабилитации, трудоустройству пострадавших от наркозависимости была оказана своевременно и на должном уровне [7, с. 57].

Однако одной работы с обществом будет все же мало для полного искоренения проблемы незаконного оборота наркотиков. Особое место в предупреждении любых видов преступлений занимает законодатель-

ство. Правовые основы государственной политики в сфере незаконного оборота наркотиков составляет Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-З «О наркотических средствах и психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах». В данном законе содержатся основные понятия и положения, регулирующие оборот наркотиков в Республике Беларусь. Ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, определена в Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК). В частности, этому посвящена гл. 29 «Преступления против здоровья населения» УК. При этом наркотическим или психотропным веществом может быть признано только средство, которое содержится в Республиканском перечне наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь. Проблема в том, что преступность не стоит на месте, регулярно создаются новые и более сильные вещества. Поэтому утверждается Стратегия государственной антинаркотической политики, в которой содержатся основные направления и тенденции развития противодействия незаконному обороту наркотиков.

В конечном счете вся антинаркотическая система профилактики должна быть направлена на формирование негативного отношения к наркотикам и выработку у населения потребности в здоровом образе жизни. Позитивные изменения общественного сознания могут произойти лишь при условии создания постоянно действующей системы мероприятий информационного, просветительного, идеологического, обучающего и воспитательного характера антинаркотической направленности [8, с. 122].

Таким образом, предупреждение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков является важной составляющей всего процесса по искоренению наркомании в обществе, ведь это проблема, с которой можно и нужно бороться. Полагаем, первостепенная роль должна уделяться не борьбе с наркоманией, а ее профилактике. Намного эффективней предотвратить проблему, чем разбираться с последствиями. Государство должным образом должно поддерживать людей и использовать мирные методы. Но от кардинальных мер в настоящее время никуда не деться. Именно поэтому существуют различные направления для предотвращения преступности, начиная с профилактических бесед и заканчивая уголовным сроком.

Список использованных источников

1. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г.,

№ 408-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Ананич, В.А. Криминология и профилактика преступлений : учебник / В.А. Ананич. – Минск : Академия МВД, 2019. – 394 с.

3. Теоретические основы предупреждения преступности / В.В. Клочков, А.С. Шляпчиков, В.Н. Кудрявцев [и др.] ; отв. ред. В.К. Звирбуль [и др.]. – М. : Юрид. лит., 1977. – 256 с.

4. Долгова, А.И. Криминология : учебник / А.И. Долгова. – М. : Норма, 1999. – 779 с.

5. Романова, Л.И. Приоритетные направления в профилактике распространения наркотиков / Л.И. Романова, А.И. Ролик // Уголов. право. – 2005. – № 2. – С. 104–106.

6. Невский, Е.П. Предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков [Электронный ресурс] / Е.П. Невский // Электронный научный журнал «Дневник науки». – 2019. – № 4. – Режим доступа: <https://dnevniknauki.ru/images/publications/2019/4/law/Nevsky.pdf>. – Дата доступа: 15.02.2021.

7. Шалагин, А.Е. О некоторых особенностях предупреждения незаконного оборота наркотиков на современном этапе / А.Е. Шалагин // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. – 2011. – № 2. – С. 53–58.

8. Шалагин, А.Е. О приоритетных направлениях предупреждения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ / А.Е. Шалагин // Науч. портал МВД России. – 2011. – № 4. – С. 118–122.

УДК 366.542

В.В. Иванов, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.Н. Яхновец*

Рецензент – кандидат юридических наук *Р.Ю. Березнёв*

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ

Рассматривается обзорно-критическое исследование аспектов защиты прав потребителей при реализации товара посредством сети Интернет. Обсуждается необходимость внесения изменений в законодательство, регламентирующее защиту прав потребителей, и представляется авторская редакция такого изменения.

На международном уровне обращено внимание на значимость электронной торговли, к которой следует относить торговлю с использованием компьютеров, мобильных телефонов и других сетевых устройств

[1]. Появление недостаточно урегулированного, быстроразвивающегося рынка товаров, реализуемых посредством сетей электросвязи обуславливает ущемление прав потребителя, а в некоторых случаях и прав предпринимателя. Таким образом, электронная торговля в рамках национального законодательства по аналогии закона регулируется правилами торговли по образцам. Настоящий статус правового регулирования не в полном объеме вписывается в сложившиеся в период своего развития общественные отношения рассматриваемой сферы. Для развития исследуемых общественных отношений необходимо их правовое урегулирование, которое способствовало бы укреплению доверия потребителей к электронной торговле. Проблема в обеспечении потребителю правовой защищенности, по меньшей мере, такой как в других формах торговли.

Необходимо учитывать тот факт, что электронная торговля входит в более широкое определение, охватывающее перемещение денежных средств при помощи компьютерных сетей, – это электронная коммерция. Для защиты прав потребителей электронная коммерция представляет интерес в части торговли предпринимателя с клиентом (не юридическим лицом). К такой торговле следует относить торговлю посредством интернет-магазина, мобильных приложений, социальных сетей (социальная коммерция). Ввиду специфики общественных отношений рассматриваемой группы следует, что интернет-торговля нуждается в правовом регулировании, а именно в введении в законодательство договора продажи товаров с использованием сети Интернет, а также закона, регулирующего правила осуществления электронной коммерции. До настоящего времени в законодательстве Республики Беларусь не предусмотрен договор купли-продажи, осуществляемой посредством сети Интернет, а значит интернет-торговля регламентируется нормами, регулирующими торговлю по образцам. С таким правовым регулированием продавцы, которые признаются сильной стороной договора, получают возможность ущемлять права потребителей. Пример возможности такого ущемления можно найти на сайтах популярных интернет-магазинов. Например, на сайте интернет-магазина «21vek.by», как правило, под описанием товара размещается надпись о том, что информация о товаре не является публичной офертой. Закон предусматривает под публичной офертой выставление товаров в месте продажи, демонстрации их образцов или предоставление сведений о продаваемых товарах, за исключением случая, когда продавец явно определил, что соответствующие товары не предназначены для продажи. Очевидно, что, несмотря на то что текст под описанием товара, написанный мелким шрифтом на сайте «21vek.by», указывает, что информация о товаре предоставлена для ознакомления и не является публичной офертой, следует признать, что в

таким описанием есть все признаки публичной оферты. Из этого следует, что договоры, заключаемые в интернет-торговле, где потребителю для ознакомления предоставляются описание, характеристики или изображение товара, необходимо признать публичной офертой.

Заслуживает внимания тот факт, что на межгосударственном уровне затрагивается вопрос защиты прав потребителей в рассматриваемой сфере. Коллегией Евразийской экономической комиссии от 21 ноября 2017 г. № 27 была разработана рекомендация «Об общих подходах к проведению государствами – членами Евразийского экономического союза согласованной политики в сфере защиты прав потребителей при реализации товаров (работ, услуг) дистанционным способом». Следует отметить, что нормы, указанные в приложении упомянутой рекомендации, могли бы частично заполнить пробелы в законодательстве, в части правового урегулирования защиты прав потребителей при заключении договора купли-продажи посредством сети Интернет. Однако до осуществления имплементации потребитель остается не защищенным в должной мере.

Для поиска путей усовершенствования законодательства представляется необходимым проанализировать специфику общественных отношений сферы защиты прав потребителей в электронной коммерции. К специфике следует относить форму заключения договора, способ доставки товара, порядок исполнения обязательств, информацию (персональную, размещаемую и иную обрабатываемую или хранящуюся у продавца). Форму заключения договора следует относить к особенности, так как нельзя точно утверждать о том, что она должна быть обязательно письменная. Например, когда товар был куплен посредством сети Интернет и был доставлен по почте, не следует утверждать о соблюдении классической письменной формы заключения договора. Особенностью способа доставки товара является заинтересованность потребителей в проверке качества товара при его получении. Такая проверка не всегда удобна или возможна. Особенно при получении товара по почте или от курьера, не являющегося работником продавца. Порядок исполнения обязательств является ключевым элементом, от которого зависит фиксация исполнения или неисполнения обязательств, механизмы проверки качества товара, приобретения и возмещения вреда или убытков. Полагаем, что разработка эффективного порядка исполнения обязательств, благоприятно повлияет на развитие электронной коммерции в целом. Отдельного внимания заслуживает информация, в размещении и хранении которой необходимо обязать продавца и размещение которой следует ограничить. К информации, которую следует ограничить, целесообразно относить персональные данные. По нашему мнению, стоит

запретить требовать у потребителей их персональные данные, так как для оборота товаров в электронной торговле в них нет необходимости. Отсутствие персональных данных приведет к обезличиванию субъектов права. По нашему мнению, кроме конфиденциальности проведения сделки потребители имеют право на анонимность, при этом защиту своих прав в полном объеме. Представляется рациональным обязать продавца каждый заказ и каждую транзакцию регистрировать и регистрационные номера указывать в чеке или ином документе, а также этот документ отправлять потребителям на адрес электронной почты, за исключением случаев, когда потребители отказались предоставлять такой адрес. Целесообразно также обязать продавца хранить информацию, которая стала ему известна о сведениях, включающих персональные данные потребителей и транзакциях с ними. Такую информацию следует признать охраняемой законом тайной, вторжение в которую допустимо лишь при наличии весомых оснований, которые должны быть определены законодательством. По нашему мнению, к такой информации также следует относить IP-адреса, как к данным, по которым можно идентифицировать потребителей.

Учитывая разновидности электронной коммерции целесообразно законодательно закрепить по меньшей мере три их вида. Отличать указанные «разновидности» следует по вступающим в правоотношения субъектам. Таким образом, заслуживают законодательного закрепления как виды электронной коммерции отношения посредством интернет-сайтов, мобильных приложений, социальных сетей между лицами, реализующими товар (предоставляющими услугу), приобретающими товар (заказывающими услугу). Представленными участниками правоотношений могут быть как физические, так и юридические лица. Особое внимание следует уделить видам электронной коммерции, когда ее участником является юридическое лицо. При этом необходимо учитывать возможного участника представленных правоотношений, лицо, занимающееся обработкой персональных данных и осуществляющее их передачу, если этим не занимается лицо, реализующее или приобретающее товар.

С точки зрения закона, торговля через интернет-магазин является частным случаем розничной торговли – продажи товаров по образцам. Это разновидность розничной продажи товаров, основанной на выборе товаров покупателем по образцам, выставленным в торговом зале магазина или ином помещении, а также путем ознакомления с их описанием, содержанием в различном информационном материале, в рекламе объявлений о продаже товаров [2, с. 73]. Деятельность интернет-магазинов должна соответствовать действующему законодательству о защите прав потребителей [2, с. 74]. Заслуживает внимания тот факт, как говорилось

ранее, что на сайтах интернет-магазинов, например, «21vek.by», как правило, размещается надпись о том, что информация о товаре не является публичной офертой. Закон предусматривает под публичной офертой выставление товаров в месте продажи, демонстрации их образцов или предоставление сведений о продаваемых товарах, за исключением случая, когда продавец явно определил, что соответствующие товары не предназначены для продажи. Полагаем, что торговлю через интернет-магазин необходимо осуществлять посредством публичной оферты во всех без исключения случаях. Таким образом, если при розничной торговле, проводимой посредством сети Интернет, продавец будет иметь возможность ссылаться на отсутствие публичной оферты, это даст ему возможность отказаться от заключения договора или отдельной части этого договора. Потребитель, в свою очередь, фактически потеряет право требовать продажи ему товара, предложенного интернет-магазином.

Для наиболее полного обеспечения защиты прав потребителей представляется целесообразным выделить имеющиеся сегодня неурегулированные формы электронной коммерции. Рассмотрим такие ее формы, в которых участвует потребитель. По нашему мнению, целесообразно закрепить в законодательстве следующие формы:

- интернет-магазин (гипермаркет);
- интернет-каталог;
- социальная торговля.

Полагаем, что интернет-магазин (гипермаркет) следует относить к услуге, предоставляемой юридическими лицами, представляющими из себя продавца, предлагающего заключение договора купли-продажи неопределенному кругу лиц посредством сети Интернет. Такие организации, как правило, имеют свой персонал, склады и другие атрибуты магазина или гипермаркета, однако способ реализации товара специфичен. По причине этой специфичности нормы закона, регламентирующие куплю-продажу, не защищают потребителя в полном объеме. Например, такой незащищенности следует отнести приведенные ранее примеры относительно «21vek.by».

Интернет-каталог представляет собой услугу, предоставляемую юридическим лицом, которое является посредником между продавцом и покупателем, предоставляя услуги по размещению предложений о заключении договора купли-продажи на своей интернет-площадке от своего имени в интересах продавца или от имени продавца. Представленное определение, сходное с приведенной дефиницией договора комиссии, однако в представленных правоотношениях, связанных с реализацией товаров посредством интернет-каталога, имеются существенные отличия. Во-первых, договор комиссии является возмездным договором, что

в случае рассматриваемых правоотношений необязательно. Во-вторых, форма заключения договора комиссии (письменная) не подходит для рассматриваемых правоотношений. В-третьих, порядок исполнения договора специфичен. Специфика выражается в субъектах и объектах. К субъектам, по нашему мнению, следует относить: лицо, размещающее предложение о реализации товара или услуги; участник правоотношений, предоставляющий интернет-каталог; потребитель размещенного товара или услуги; оператор персональных данных. Лицо, размещающее предложение, необходимо признать субъектом гражданских правоотношений, реализующим товар (-ы) или услуги. Стороной, предоставляющей интернет-каталог, является лицо, ответственное за размещение объявления, и связь лица, разместившего предложение с потребителем. Потребителем размещенного товара или услуги соответствует дефиниция потребителя в законодательстве.

Социальной торговлей признаем предложение заключить договор купли-продажи посредством интернета, размещенное в социальных сетях. Ввиду развития подобной формы розничной торговли целесообразно будет законодательно ее закрепить. Она выражается в предложении заключить договор купли-продажи, размещенный в социальных сетях. Сложно говорить об урегулировании порядка предложения товара и его доставки, кроме того следует учесть, что, как правило, указанным способом реализации товаров занимаются физические лица. По нашему мнению, необходимо в правовом регулировании таких правоотношений закрепить нормы, гарантирующие права как потребителя, так и продавца.

Из вышеизложенного следует, что существуют уже сложившиеся отношения, связанные с реализацией товаров через интернет. Эти отношения не урегулированы специальными нормами права, из чего следуют множественные пробелы законодательства. Отсутствует детальное правовое регулирование деятельности отдельных участников рассматриваемых правоотношений, а также порядка защиты своих прав. В силу значимости и недостаточности правовой регламентации исследуемых общественных отношений представляется обоснованным рассмотреть вопрос о возможности принятия Закона Республики Беларусь, который бы детально регламентировал интернет-торговлю. В данный нормативный правовой акт следует включить некоторые нормы из Приложения к Рекомендации коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 ноября 2017 г. № 27 «Общие подходы к проведению государствами – членами Евразийского экономического союза согласованной политики в сфере защиты прав потребителей при реализации товаров (работ, услуг) дистанционным способом». А именно нормы, содержащиеся в п. 2 (используемые понятия), п. 7 (информация, доводимая до сведения), п. 8

(информация об условиях, сроках и порядке расторжения договора), п. 15–17 (устанавливает предложение товара в его описании, обращенное к неопределенному кругу лиц, размещенное в интернете, как публичная оферта), п. 18 (дополнительные услуги). Необходимо также признать обязательными гарантии, установленные законодательством, регламентирующим защиту прав потребителей. Правовая регламентация форм торговли посредством интернет-магазина (гипермаркета), интернет-каталога или осуществляемая посредством социальных сетей позволит законодательно урегулировать деятельность продавцов, порядок заключения договоров розничной купли-продажи, осуществляемой посредством сети Интернет, защитить потребителей от нарушения их прав.

Пункт 1 ст. 20 Закона Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-3 «О защите прав потребителей» следует дополнить пунктом 1 примечания в следующей редакции: «В случае реализации товара посредством интернет-торговли, если описание товара не соответствовало представленным в публичной оферте, то потребитель имеет право требовать замены товара на товар, указанный в публичной оферте, или отказаться от заключения договора. В указанном случае все расходы, связанные с доставкой товара к потребителю и обратно продавцу, возлагаются на продавца. В случае невозможности соблюдения публичной оферты продавец несет ответственность в соответствии с законодательством». Указанные изменения сделают невозможным случаи, когда потребитель в соответствии с предоставленными ему описаниями приобретает один товар, а доставляют ему другой, другой марки, модели, комплектации, стоимости, а потребитель не имеет возможности защитить свои права. Пока указанная норма не принята, такие случаи возможны. Возвращаясь к ранее упомянутому интернет-магазину «21vek.by», то кроме упоминания о публичной оферте под описаниями товара, тем же мелким шрифтом указывается «производители оставляют за собой право изменять внешний вид, характеристики и комплектацию товара, предварительно не уведомляя продавцов и потребителей» [3], что подтверждает факт возможности нарушения прав потребителя.

Список использованных источников

1. Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций о защите прав потребителей [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/txnreg/depsanmer/consumer_rights/Documents/%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%9E%D0%9E%D0%9D%D0%97%D0%9F%D0%9F.pdf. – Дата доступа: 23.03.2020.

2. Кисель, О.С. Некоторые правовые аспекты электронной торговли в Республике Беларусь / О.С. Кисель // Юрист. – 2009. – № 4. – С. 73–75.

3. Онлайн-гипермаркет 21vek.by [Электронный ресурс] // ООО «Триовист». – Режим доступа: <https://www.21vek.by/>. – Дата доступа: 03.03.2020.

УДК 343.985

В.И. Каралёк, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Л. Харевич*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.А. Шаматкульский*

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ УДАЛЕННОГО ОСМОТРА СРЕДСТВ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ

Рост преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники, требует усовершенствования оперативно-розыскного законодательства. Формулируются предложения по введению нового оперативно-розыскного мероприятия «удаленный осмотр», направленного на борьбу с вышеуказанными преступлениями.

Одной из существенных черт цивилизованного государства является его способность противодействовать негативным, противоправным социальным явлениям. С точки зрения механизма правового регулирования, противодействие данным негативным явлениям осуществляют два вида самостоятельной деятельности правоохранительных органов: оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс. Правовая регламентация вышеуказанных видов деятельности отражается в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) и в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (УПК). Однако следует отметить, что если уголовный процесс более или менее статичен в области тактики осуществления, самого процесса и его законодательного регулирования, то оперативно-розыскная деятельность динамична.

Так, Закон об ОРД определил ряд мер противодействию различного рода преступности. В качестве средств решения таких задач оперативно-розыскной деятельности [1] были законодательно закреплены 14 оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ).

В настоящее время наблюдаются качественные изменения преступности, характеризующиеся все более частым использованием возможностей сетей передачи данных (интернет и др.), высокотехнологичных

средств и орудий совершения преступлений (средств компьютерной техники и др.). Примером использования интернета может служить сбыт наркотических средств и психотропных веществ в вышеуказанной глобальной сети и посредством использования так называемого DarkNeta, или «теневого интернета».

Стоит упомянуть, что совсем недавно Россию потрясли события в Санкт-Петербурге, а именно скандал, связанный с такими интернет-площадками по торговле наркотиками, как Russian Anonymouse Marketplace (или RAMP) и Hydra. Как отмечает директор Владимир Тодоров, главный редактор «Ленты.ру»: «Тема эта родилась в «темной» сети, но сейчас становится очевидной для всех, как и угроза, которую представляют отдельные ее сервисы и ресурсы. Россия, наверное, является мировым лидером по продаже и производству наркотиков, которые распространяются с помощью закладок, и мы пришли к выводу, что каждый день у нас закладывается наркотиков на 227 миллионов рублей (около шести миллиардов рублей в месяц и почти один миллиард долларов в год). Невозможно посчитать оптовые поставки, очень тяжело посчитать производство. Но просто нужно посмотреть, как производство и продажи распределены по всей России, и понять, что практически каждый город в нашей стране с населением больше 10 тысяч человек задействован в системе Hydra» [2].

Но это является проблемой не только для России, поскольку, стоит напомнить, что Таможенный союз убрал фактически все препятствия для перевоза приобретенных в России оружия и наркотических средств на территорию Республики Беларусь. И на самом деле не представляет особого труда зайти через специальный браузер, например, Tor в DarkNet, и приобрести наркотик и обычному белорусскому пользователю в России и перевезти его в Республику Беларусь.

В связи со складывающейся тенденцией необходимо вносить дополнения в действующее оперативно-розыскное законодательство, но стоит задать вопрос: что необходимо изменить для эффективной борьбы с вышеуказанными преступлениями?

Однозначного ответа на поставленный вопрос в настоящее время нет. Для его поиска необходимо обратиться за помощью к иностранным коллегам. Изучение зарубежного опыта показывает, что решением вышеназванных проблем во многих случаях может являться проведение негласных мероприятий, связанных с удаленным контролем того устройства, в котором создана или хранится представляющая оперативный интерес информация, в тот период, пока она не будет зашифрована или стерта. В последние годы соответствующие меры были предусмотрены в законодательстве Великобритании, России, Франции, ФРГ и

предложены для рассмотрения в качестве законопроектов в Австрии, Швейцарии [3, с. 127; 4].

Законодатель указанных стран планирует предусмотреть ОРМ, позволяющие совершить удаленный осмотр средств компьютерной техники (СКТ) с изъятием информации, необходимой для решения задач ОРД.

Стоит отметить, что в отечественном законодательстве в ст. 18 Закона об ОРД предусмотрены такие ОРМ, как «контроль в сетях электросвязи», «оперативный осмотр», «сбор образцов».

Как следует из определения ОРМ, закрепленного в ч. 1 ст. 31 Закона об ОРД, контроль в сетях электросвязи представляет собой получение, преобразование и фиксацию с помощью технических средств данных и сообщений, принимаемых, передаваемых, обрабатываемых, хранящихся в сетях электросвязи, и т. д. Из этого следует, что контроль в сетях электросвязи осуществляется в связи с передачей данных и сообщений по сетям электросвязи, или их хранением в инфраструктуре указанных сетей. Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 19 июля 2005 г. № 45-З «Об электросвязи» к указанным данным и сообщениям относятся: телефонные вызовы, телеграфные сообщения, служебные информационные сообщения, сетевые пакеты сетей передачи данных [5]. Хотя этот перечень является открытым, исходя из логики отнесения к нему отдельных элементов, можно утверждать, что хранящиеся на компьютере файлы не могут быть причислены к данным и сообщениям [6, с. 424]. Например, в случае изъятия файлов, хранящихся локально на СКТ и не предназначенных для передачи, будет проблематично обосновать их изъятие в рамках контроля в сетях электросвязи, исходя из содержания данного ОРМ.

Согласно ч. 1 ст. 26 Закона об ОРД оперативный осмотр представляет собой обследование жилища и иного законного владения гражданина, помещений, зданий, сооружений, транспортных средств, иных объектов и территории организации, участка местности в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД. Следует отметить, что данное ОРМ содержит закрытый перечень обследуемых объектов: жилища, участки местности и т. д., из чего следует, что удаленный осмотр СКТ в рамках данного ОРМ с изъятием интересующей информации произвести невозможно в связи отсутствием СКТ как объекта осмотра.

В ст. 23 Закона об ОРД предусмотрено, что ОРМ «сбор образцов» представляет собой копирование, изъятие предметов и документов в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД. Следовательно, для того чтобы изъять данные, их сначала необходимо обнаружить. Значит, проведение данного ОРМ не соответствует мероприятию, в рамках которого можно удаленно обнаружить и изъять интересующие данные, необходимые для решения задач ОРД.

Опираясь на вышеизложенное можно сделать вывод, что проведение таких ОРМ, как «контроль в сетях электросвязи», «оперативный осмотр» и «сбор образцов» не соответствуют необходимому для решения поставленной задачи ОРМ.

Основным вариантом ответа на вопрос «что необходимо изменить для эффективной борьбы с вышеуказанными преступлениями?» – это введение нового ОРМ «удаленный осмотр компьютерных сетей» или «удаленный осмотр».

Содержание данного мероприятия можно определить как «негласное обследование компьютерной системы или сети и сбор хранящихся в них данных, при которых исполнитель не находится в месте расположения указанной системы или сети, проводимые с использованием специализированного программного обеспечения в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД» [6, с. 428].

Для того чтобы избежать бездумного заимствования, следует выделить основные черты так называемого удаленного осмотра:

негласный характер проведения, обусловленный необходимостью преодоления мер противодействия раскрытию (расследованию) преступления, состоящих в применении криптостойкого шифрования или приемов анонимизации пользователя;

способ осуществления – удаленное проникновение и осмотр (копирование), при котором инициатор не находится в месте расположения обследуемого СКТ;

средства получения информации – специальные программы, разработанные и используемые инициатором проведения мероприятия;

информация, представляющая оперативный интерес, – файлы или данные, хранящиеся на обследуемом СКТ, подключенных к нему носителях информации или удаленных ресурсах, к которым имеется доступ с указанного СКТ [6, с. 423].

На основании этой классификации стоит отметить, что введение ОРМ «удаленный осмотр» действительно способствует получению необходимой для решения задач ОРД информации. Но как это законодательно регламентировать для недопущения нарушения конституционных и иных охраняемых законом прав?

Для решения этого вопроса необходимо предусмотреть комплекс законодательно закрепленных гарантий. Примером может служить получение санкции прокурора для проведения удаленного осмотра путем дополнения в часть пятую ст. 19 Закона об ОРД.

На основании вышеизложенного можно сделать следующий вывод современное оперативно-розыскное законодательство Республики Беларусь предусматривает достаточно полный комплекс мер для противодействия преступности. Тем не менее для улучшения эффективности ОРД необходи-

мо внесение дополнений в ст. 18 Закона об ОРД путем введения ОРМ «удаленный осмотр». Для недопущения нарушения конституционных и иных охраняемых законом прав следует установить комплекс законодательно закрепленных гарантий и требований к проведению данного ОРМ.

Список использованных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Как депутаты Госдумы узнали все о наркотиках, закладках и даркнете [Электронный ресурс] / Лента.ru. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2019/10/15/gdarknet/>. – Дата доступа: 03.11.2019.

3. Харевич, Д.Л. Негласное расследование в Германии : монография / Д.Л. Харевич ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД, 2010. – 287 с.

4. Харевич, Д.Л. О перспективах совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, направленной на борьбу с терроризмом и экстремизмом в сети Интернет / Д.Л. Харевич // Проблемы обеспечения национальной и региональной безопасности: правовые и информационные аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2 нояб. 2017 г. : в 2 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; редкол.: А.Л. Лычагин (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – Т. 2. – С. 38–42.

5. Об электросвязи [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 19 июля 2005 г., № 45-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 134-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

6. Харевич, Д.Л. Юридическое содержание удаленного осмотра компьютерных систем или сетей / Д.Л. Харевич // I Минские криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 20 дек. 2018 г.) : в 2 ч. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: М.П. Шруб (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2018. – Ч. 2. – С. 422–429.

УДК 349.2

А.Э. Каткова, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.В. Чигилейчик*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Войтюль*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВЫХ КОНТРАКТОВ С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ СПОРТСМЕНАМИ

Рассматривается правовое регулирование трудовых контрактов со спортсменами. Внесены предложения по усовершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере.

В настоящее время правовое регулирование трудовых контрактов с профессиональными спортсменами приобретает особую актуальность и значимость. Достижение спортивных результатов видится возможным исключительно при целенаправленной и планомерной подготовке спортсменов, реализации субъектами трудовых правоотношений в сфере профессионального спорта своих прав и обязанностей. Общеизвестно, что трудовые договоры со всеми категориями работников заключаются на основании общих положений, предусмотренных законодательством о труде Республики Беларусь. Профессиональные спортсмены в данном случае не являются исключением. Вместе с тем помимо общих условий трудового договора, предусмотренных ст. 19 Трудового кодекса Республики Беларусь (ТК), к договору со спортсменом предъявляются и другие специфические требования.

Исследование специфики правового регулирования трудовых отношений в сфере профессионального спорта занимались такие специалисты в области права, как А.И. Штейнер, который в одной из своих работ рассматривал непосредственно особенности заключения трудового договора со спортсменом [1], В.М. Овечко, также выделявший отличительные черты такого рода отношений, и немногочисленный ряд других юристов [2].

Трудовой деятельности спортсмена законодатель посвятил гл. 26¹ ТК «Особенности регулирования труда работников, осуществляющих деятельность в сфере профессионального спорта», закрепляющую основные правовые положения, касающиеся рассматриваемой области [3]. Понятие «профессиональный спорт» в регулировании труда относительно новое и разъясняется в Законе Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 125-3 «О физической культуре и спорте» (далее – Закон «О физической культуре и спорте»). Согласно п. 1 ст. 55 указанного выше нормативного правового акта под профессиональным спортом понимается часть спорта, включающая предпринимательскую, трудовую и иную не запрещенную законодательством деятельность, направленную на достижение высоких спортивных результатов и связанную с получением вознаграждений (доходов) от организации спортивных мероприятий и (или) участия в них [4].

Необходимо отметить, что трудовые отношения в сфере профессионального спорта, а также положения о заключении договора распространяются только на профессиональных спортсменов, что следует из ст. 314¹ ТК. Следовательно, необходимо знать, какие физические лица относятся к данной категории субъектов трудовых правоотношений. Понятие «профессиональный спортсмен» закреплено в п. 2 ст. 56 Закона «О физической культуре и спорте», который определяет его как

спортсмена, для которого занятие профессиональным спортом является основным видом деятельности, осуществляющего деятельность на основании трудового, гражданско-правового договора или в качестве индивидуального предпринимателя и получающего заработную плату и (или) вознаграждение (доход) за спортивную подготовку, участие в спортивных соревнованиях и достигнутые спортивные результаты [4].

Из определений «профессионального спорта» и «профессионального спортсмена» вытекает наличие между субъектами такого рода деятельности трудовых правоотношений, а также факт получения заработной платы или иного денежного вознаграждения, что является неотъемлемой чертой трудовой деятельности.

Статья 17 ТК предусматривает возможность заключения трудовых договоров на неопределенный срок и определенный срок не более пяти лет (срочный трудовой договор). При этом заключение срочного трудового договора имеет место быть в тех случаях, когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопределенный срок с учетом характера предстоящей работы или условий ее выполнения. Согласно ст. 314² ТК со спортсменами заключается срочный трудовой договор, если иное не предусмотрено ТК, другими законодательными актами [3]. Как отмечает Т.В. Радыно, в данном положении возник тот правовой случай, когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопределенный срок с учетом характера предстоящей работы или условий ее выполнения, в связи с чем трудовым законодательством предусмотрена необходимость заключения срочного трудового договора [5].

Таким образом, законодатель непосредственно закрепляет форму трудового договора, не оставляя за участниками трудовых правоотношений в профессиональном спорте право ее выбора, что, исходя из анализа норм ТК, является единственным в своем проявлении. И это положение, на наш взгляд, является весьма разумным, поскольку спортивная деятельность довольно специфична, динамична и требует непрерывного развития со стороны как работника, в улучшении своих физических показателей, так и наемателя, в организации эффективной работы своих подчиненных, создании условий для благоприятного осуществления своих трудовых обязанностей и предоставлении качественного оборудования и спортивного инвентаря, способствующих достижению высоких спортивных результатов.

Договор с профессиональными спортсменами имеет характерные черты, свойственные данному виду деятельности. В ст. 314² ТК прямо указаны обязанности наемателя, спортсмена и тренера, которые обязательно должны быть указаны в трудовом договоре [3]. Чтобы выразить специфику трудовых отношений в сфере профессионального спорта

достаточно проанализировать одну из таких обязанностей. Например, обязанность спортсмена соблюдать спортивный режим. Стоит обратить внимание, что выполнение конкретно этой обязанности выходит за рамки рабочего времени, поскольку спортивный режим включает в себя, помимо тренировочных и соревновательных мероприятий, соблюдение, как минимум, режима сна и правильного питания, что является некоторого рода уникальностью.

Исходя из положения, закрепляющего возможность заключения между субъектами трудовых правоотношений в сфере профессионального спорта срочного трудового договора, и учитывая то, что разновидностью такого договора является контракт, следует вывод о том, что между нанимателем с одной стороны и спортсменом, тренером с другой стороны может быть заключен контракт, правовое регулирование которого осуществляется в отдельном порядке.

Национальным трудовым законодательством, а именно постановлением Министерства спорта и туризма Республики Беларусь и Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 28 ноября 2014 г. № 73/102 «О некоторых вопросах заключения контрактов со спортсменами-инструкторами и тренерами национальной команды Республики Беларусь по виду спорта» (далее – постановление № 73/102), урегулированы содержание и порядок заключения контрактов со спортсменами, занимающимися инструкторской деятельностью и тренерами сборных Республики Беларусь по видам спорта. Указанное постановление утверждает Примерные формы таких контрактов и Инструкцию о порядке и условиях заключения контрактов со спортсменами-инструкторами и тренерами национальной команды Республики Беларусь по виду спорта (далее – Инструкция) [6].

Постановление № 73/102 не содержит определения термина «контракт», заключаемого именно со спортсменами, однако признает утратившими силу некоторые нормативные правовые акты, одним из которых является постановление Министерства спорта и туризма Республики Беларусь и Министерства труда Республики Беларусь от 31 января 2000 г. № 1/9 «О контрактах со спортсменами-инструкторами и тренерами национальной команды Республики Беларусь по виду спорта», которое определяет контракт со спортсменом, тренером как трудовой договор, заключенный в письменной форме на определенный в нем срок, содержащий особенности по сравнению с общими нормами законодательства о труде, и предусматривающий конкретную минимальную компенсацию за ухудшение правового положения спортсмена-инструктора, тренера национальной команды Республики Беларусь по виду спорта [7].

Следует отметить, что данными нормативными актами закрепляются лишь условия заключения контракта с определенным кругом лиц, профессионально занимающихся данным видом деятельности. Из этого следует, что заключение контракта с другими категориями спортсменов регулируется, помимо ТК, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 декабря 2019 г. № 882, которое закрепляет Примерную форму контракта нанимателя с работником [8].

В Примерной форме контракта со спортсменом-инструктором и тренером национальной команды Республики Беларусь по виду спорта закреплены следующие обязанности работника, которые непосредственно связаны со сферой профессионального спорта: принимать участие в спортивных соревнованиях только по указанию нанимателя (такая обязанность обусловлена тем, что наниматель затрачивает на подготовку спортсмена определенные средства с расчетом на его участие в конкретных соревнованиях, на что и направляет тренировочный процесс и, в данном случае, недопустимо уклонение спортсмена от прямых указаний нанимателя по поводу соревновательной деятельности, а также участие в спортивных состязаниях за другие спортивные организации); постоянно поддерживать высокий уровень спортивной подготовки (такое условие выступает необходимым требованием для успешной спортивной карьеры и для достижения результатов, установленных нанимателем); повышать престиж национальной команды Республики Беларусь за границей (закрепление такого положения выражает степень ответственности спортсмена за имидж страны, представителем которой он является); поддерживать репутацию нанимателя во время публичных выступлений в средствах массовой информации; проявлять уважение к соперникам, судьям, зрителям, соблюдать принцип честной спортивной борьбы; добросовестно выполнять указания и поручения тренеров в ходе учебно-тренировочного процесса; соблюдать антидопинговые правила Республики Беларусь, проходить допинг-контроль в соответствии с законодательством о физической культуре и спорте; исключать табакокурение, употребление алкогольных и слабоалкогольных напитков, пива, наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ (данная обязанность является, по нашему мнению, наиболее специфической из вышеперечисленных, поскольку выходит за рамки трудовых отношений, тем самым затрагивая свободное от работы время спортсмена) и т. д. [6].

Важно обратить внимание на то, что перечисленные выше обязанности в практической деятельности применяются и в отношении других спортсменов, на которых не распространяется действие постановления

№ 73/102, а часть из них прямо указана в п. 2 ст. 314² ТК как обязанности спортсмена.

Среди прав, предоставляемых спортсменам по двум Примерным формам контракта, закрепленным в постановлении № 73/102, закреплено право на государственное социальное страхование, обязательное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, гарантии в случае инвалидности и потери работы [6]. Полагаем, данное право, в частности предоставление возможности обязательного страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, закреплено некорректно. Термин «право» имеет диспозитивный характер и подразумевает возможность выбора способа действия, что, на наш взгляд, не сопоставимо с обязательством осуществления страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, которое носит императивный характер.

Следовательно, по нашему мнению, необходимо исключить данный вид страхования из перечня прав спортсмена и закрепить обязанность страхования от несчастных случаев на производстве за нанимателем, что будет более целесообразно.

Думаем, что создание Примерной формы контракта со спортсменами является весьма разумным решением, поскольку выделяет своеобразность трудовых отношений в профессиональном спорте и закрепляет обязанности спортсмена, которые являются непосредственным рычагом воздействия, способствующим достижению наиболее высокого результата и выработке спортивной дисциплины, что положительно влияет не только на самого спортсмена, но и на имидж страны в целом, в результате успешных выступлений на международных соревнованиях.

В п. 2 Инструкции закреплено положение о том, что контракт заключается между центрами олимпийской подготовки, центрами олимпийского резерва или Министерством спорта и туризма Республики Беларусь и работниками при приеме их на работу [6]. Следовательно, законодатель данным положением конкретизирует субъектов, которые могут выступать в качестве нанимателей при заключении такого рода контракта.

Согласно п. 3 Инструкции контракт со спортсменами заключается в письменной форме в двух экземплярах на срок действия не менее одного года, а конкретный срок определяется по соглашению сторон [6]. Это условие заключения контракта характерно не только для спортсменов, но и для всех категорий работников, т. е. является общим для всех и не содержит никаких особенностей.

В п. 7 Инструкции указаны условия, подлежащие обязательному включению в контракт, к ним относятся: дата подписания; место ра-

боты; должность работника; срок действия контракта; права сторон; обязанности и ответственность сторон; условия организации и оплаты труда работников; дополнительные меры стимулирования труда; размер минимальной компенсации за досрочное расторжение контракта с работником из-за невыполнения или ненадлежащее выполнение его условий по вине нанимателя [6]. По соглашению сторон в контракте могут предусматриваться и другие условия в соответствии с трудовым законодательством Республики Беларусь.

В соответствии с п. 7.5.1 Инструкции нанимателю предоставлено право уменьшения (лишения) премий всех видов независимо от привлечения работника к дисциплинарной ответственности за отсутствие на рабочем месте без уважительной причины [6]. Согласно ст. 31 ТК под рабочим местом понимается место постоянного или временного пребывания работника в процессе трудовой деятельности [3]. Однако представленное выше определение, данное трудовым законодательством, не совсем точно подходит для определения рабочего места работников в сфере профессионального спорта, поскольку в период осуществления своих трудовых обязанностей по реализации тренировочных или соревновательных программ спортсменам часто приходится менять свое местоположение, менять тренировочные локации и выезжать на соревновательные и иные спортивные мероприятия.

В связи с этим усложняется выполнение нанимателем обязанности, предусмотренной п. 6.4 Примерной формы контракта, закрепленной в постановлении № 73/102, по ведению учета фактически отработанного работником времени. Следовательно, при привлечении спортсмена к дисциплинарной ответственности, по основанию, предусмотренному п. 7.5.1 Инструкции, могут возникать разногласия между нанимателем и спортсменом по поводу правомерности и обоснованности применения мер дисциплинарного взыскания.

По нашему мнению, под рабочим местом спортсмена целесообразно понимать место осуществления профессиональным спортсменом своих трудовых обязанностей, способное изменяться в зависимости от метода выполнения поставленных перед ним задач и осуществления своих трудовых функций.

Таким образом, национальное законодательство Республики Беларусь о труде в сфере профессионального спорта, в части заключения со спортсменами трудовых договоров, ограничивается срочными трудовыми договорами и контрактами. При этом последние могут заключаться лишь с определенным кругом спортсменов, являющихся субъектами трудовых правоотношений, что, с нашей точки зрения, нерационально, поскольку возможность заключения контрактов имеется и у спортсме-

нов, не входящих в этот круг, которые также имеют нестандартные обязанности и, в целом, отличные от других категорий работников условия труда и способы реализации своих трудовых функций. Следовательно, было бы целесообразно разработать примерную форму заключения контракта с работниками, осуществляющими деятельность в сфере профессионального спорта, которая бы имела общий характер для данной категории лиц.

Список использованных источников

1. Штейнер, А.И. Правовое регулирование трудовых отношений в профессиональном спорте (часть 1) [Электронный ресурс] / А.И. Штейнер // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь». – Минск, 2016.
2. Овечко, В.М. Трудовой договор в области профессионального спорта: права и обязанности спортсмена через призму законодательства [Электронный ресурс] / В.М. Овечко // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь», – Минск, 2010.
3. Трудовой кодекс Республики Беларусь / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2020. – 189 с.
4. О физической культуре и спорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 125-3 : с изм. и доп. от 9 янв. 2018 г. № 92-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Радыно, Т.В. Особенности заключения трудового договора со спортсменами [Электронный ресурс] / Т.В. Радыно // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь». – Минск, 2015.
6. О некоторых вопросах заключения контрактов со спортсменами-инструкторами и тренерами национальной команды Республики Беларусь по виду спорта [Электронный ресурс] : постановление М-ва спорта и туризма Респ. Беларусь и М-ва труда и соц. защиты Респ. Беларусь, 28 нояб. 2014 г., № 73/102 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
7. О контрактах со спортсменами-инструкторами и тренерами национальной команды Республики Беларусь по виду спорта [Электронный ресурс] : постановление М-ва спорта и туризма Респ. Беларусь и М-ва труда Респ. Беларусь, 31 янв. 2000 г., № 1/9 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
8. Об изменении постановлений Совета Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 20 дек. 2019 г., № 882 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 343.985

Е.С. Ковалевский, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *А.Г. Желобкович*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.А. Шаматульский*

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Анализируются понятие и содержание оперативно-розыскной характеристики взяточничества, сопоставляются криминологическая, криминалистическая и оперативно-розыскная характеристики, элементы, входящие в структуру оперативно-розыскной характеристики взяточничества; раскрывается назначение оперативно-розыскной характеристики данного преступления.

Теория оперативно-розыскной деятельности (ОРД) выработала понятие характеристики преступлений, которое получило название оперативно-розыскной характеристики (ОРХ) [1, с. 14]. Она рассматривается с позиции деятельности субъектов ОРД. При этом из психологической, уголовно-правовой, криминалистической, криминологической характеристик выбираются наиболее важные поисковые признаки, которые позволяют правильно принять решение о применении сил, средств и методов, используемых в оперативно-розыскной деятельности, и в целом способствуют более эффективному и быстрому выявлению преступления, его раскрытию.

В литературе сформировалось множество мнений относительно такой научной категории, как «оперативно-розыскная характеристика преступлений». В.Д. Ларичев считает, что под ОРХ преступлений следует понимать научно разработанную систему данных о наиболее типичных оперативно значимых признаках преступления, проявляющихся в особенностях объекта преступного посягательства, способах совершения преступления, механизме слепообразования преступных действий, а также личностных данных субъекта преступления, знание которых является теоретической и информационной базой для разработки основных методических и тактических приемов выявления и раскрытия преступлений [2, с. 180].

Анализируя терминологический аспект определения понятия ОРХ, следует отметить, что, наряду со словосочетанием «оперативно-розыскная характеристика», в теории ОРД, преимущественно в научных трудах 1950–1960-х гг., употребляется словосочетание «оперативно-тактическая характеристика». Связано это может быть с тем, что большая часть указанных научных трудов посвящена исследованию тактиче-

ских аспектов ОРД. Однако считаем правильным мнение В.Ф. Луговика, который отмечает, что «тактикой оперативно-розыскная деятельность не исчерпывается» [1, с. 14].

Следует также согласиться с точкой зрения В.М. Ганичкина о том, что «оперативно-тактическая характеристика служит информационной базой для разработки тактических приемов предупреждения и раскрытия преступлений, а ОРХ, наряду с элементами первой, содержит информацию, позволяющую принять решение, лежащее, в том числе, и в организационно-управленческой плоскости» [3, с. 103]. Полагаем, что в теории ОРД имеют право на существование оба вида характеристик. Подобная позиция находит подтверждение в работах других авторов, которые считают, что ОРХ преступлений является более широким понятием, а ее элементы вполне могут применяться для описания всех уровней ОРД. Исходя из этого, отдаем предпочтение употреблению термина ОРХ преступлений.

Определение количества элементов ОРХ обусловлено в первую очередь особенностями того или иного преступления. Поэтому для каждого вида преступлений может устанавливаться определенный комплекс элементов ОРХ. Тем не менее к основным элементам ОРХ преступлений в литературе обычно относят: а) способ совершения преступления; б) обстановку совершения преступления, т. е. время, место; в) сведения о личностных особенностях субъекта преступления; г) предмет преступления. Указанные элементы, на наш взгляд, применимы и к характеристике рассматриваемого преступления.

Способ является первостепенным звеном любой из существующих характеристик преступления. Способ совершения преступления изучали в своих работах А.И. Бойко, Н.М. Букаев, Г.В. Бушуев, И.Ш. Жордания, Г.Г. Зуйков, В.П. Коняхин, Л.Л. Кругликов, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, А.А. Магомедов, В.Б. Малинин, И.А. Мухамедзянов, В.В. Новик, Н.И. Панов, А.Н. Романков, Г.В. Тимейко, А.Н. Трайнин, Г.И. Чечель и др.

В юридической литературе имеется множество трактовок способа совершения преступления, незначительно различающихся между собой. Н.И. Панов под способом понимает «определенный порядок, метод, последовательность движений и приемов, применяемых лицом при совершении умышленных или неосторожных преступлений, сопряженных с избирательным использованием средств совершения преступления» [4, с. 24]. И.Ш. Жордания определяет способ как систему целенаправленных актов поведения: действий, операций, приемов, движений, применяемых лицом при совершении преступления [5, с. 27].

По мнению А.Н. Васильева, под способом совершения преступлений следует понимать взаимосвязанную систему действий субъекта

(субъектов), обусловленных целью и мотивами криминального поведения, особенностями его (их) психического, физического состояния, должностного положения, которые могут проявляться при подготовке, совершении и сокрытии следов с использованием соответствующих орудий, средств и условий, места и времени [6, с. 118].

Исходя из вышеизложенного, способом совершения взятки, следует считать комплекс целенаправленных и взаимосвязанных действий должностного лица по подготовке, совершению и сокрытию получения предмета взятки. Применительно к получению взятки способ совершения следует рассматривать в единстве трех компонентов: способ поиска взяткодателя, способ передачи предмета взятки, способ выполнения обязательств в отношении взяткодателя.

Рассматривая личность преступника, необходимо отметить, что категория «взяточники» носит собирательный характер и включает в себя лиц, участвующих в получении взяток.

Переходя к определению понятия и содержания характеристики личности взяточника, нельзя не согласиться с В.Д. Ларичевым, по мнению которого «несмотря на определенное внимание к изучению лиц, совершивших преступление в сфере экономики, в теории ОРД и на практике не сформирован подход к их изучению, не создана целостная характеристика структурно-содержательных элементов этой характеристики, что обуславливает дальнейшее проведение исследований в этом направлении» [7, с. 12].

Проанализировав широкий спектр определений, с учетом авторского подхода к формированию содержания искомого понятия, под личностью взяточников следует понимать научно разработанную систему обобщенных данных о наиболее типичных оперативно значимых признаках указанных лиц: социально-демографических, нравственно-психологических качествах, осведомленность о силах, средствах и методах ОРД. Знание указанных признаков относительно личности взяточника необходимо для решения организационно-тактических задач ОРД.

Таким образом, в характеристику личности взяточника включены следующие элементы:

- социально-демографические данные;
- нравственно-психологические качества;
- осведомленность о силах, средствах и методах ОРД.

В число социально-демографических данных, имеющих значение для ОРД, входят пол, семейное положение, возраст, образование [8, с. 180].

Стержнем нравственно-психологической структуры личности взяточника являются потребностно-мотивационные свойства, интегрирующие ее жизненные установки и ориентации. Обращаясь к исследованию

мотивации преступного поведения указанных лиц, следует отметить, что для большинства из них характерны завышенные материальные потребности. Для взяточника характерно скрытое отрицательное отношение к общественным и государственным интересам с гипертрофированным приоритетом личных корыстных интересов и нужд, со стремлением к незаконному обогащению и реализации своих корыстных целей. Не только материальные затруднения, но и низкий нравственный уровень и пренебрежительное отношение к закону приводит таких лиц на путь взяточничества.

Анализ СМИ, уровня рецидива взяточничества, материалов уголовных дел позволяет прийти к выводу о том, что осведомленность взяточников в указанной сфере о силах, средствах и методах ОРД находится на довольно высоком уровне. Следует также учитывать, что взяточничество перестает носить разовый характер и переходит в систему, в связи с чем простой человеческий инстинкт к самосохранению подталкивает их к расширению объема знаний о вышеуказанных возможностях ОРД.

Необходимо иметь в виду, что субъектом получения взятки может быть только должностное лицо, признанное таковым в соответствии с ч. 4 ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) [9].

При выявлении фактов взяточничества следует тщательно анализировать характер выполняемых лицом обязанностей, вытекающих из его служебных полномочий или должности, на которую он назначен правомочными на то органами или должностными лицами.

Работники предприятий, учреждений, организаций, которые наряду с выполнением своих профессиональных функций по специальному полномочию выполняют обязанности должностного лица, также могут являться субъектами преступления, предусмотренного ст. 430 УК Республики Беларусь.

Главной характеристикой действий должностного лица является то, что эти действия должны носить правовую природу, иметь юридическое значение. К юридически значимым действиям следует относить принятие решений, входящих в компетенцию лица, в результате которых наступают или могут наступить юридически значимые последствия: возникновение, изменение или прекращение правоотношений, а также получение взяткодателем или представляемыми им лицами выгоды имущественного или иного характера [10].

Лицо, совершившее по своей инициативе действия, повлекшие или могущие повлечь за собой определенные правовые последствия для других лиц, но не наделенное для этого полномочиями, не может быть субъектом преступления, указанного в ст. 430 УК Республики Беларусь.

Отдельного внимания при выявлении взяточничества заслуживает обстановка совершения данного преступления.

Обстановка совершения преступления представляет собой взаимосвязь физической и социальной сред в механизме преступления, формирующая объективные закономерности его функционирования, развития преступного умысла или отказа от преступления [11, с. 9].

В свою очередь, А.А. Наумов придерживается следующего определения: «обстановка совершения преступления – это объективные условия, при которых происходит преступление» [12, с. 292].

В.К. Гавло считает, что обстановка совершения преступления – это объективная совокупность материальных объектов, явлений и процессов, происходящих в момент совершения преступления. Ситуация совершения преступления – это местоположение, состояние и роль элементов механизма взаимодействия субъекта и внешней обстановки, сложившейся до, вовремя и после совершения преступления [13, с. 49–50].

К обстоятельствам, характеризующим обстановку взяточничества, можно отнести:

- полномочия должностного лица;
- время и место совершения;
- отрасль деятельности учреждения, его структура и положение в ней должностного лица;
- систему документооборота, включая контроль и учет;
- процедуру принятия решений (единовластно, коллегиально) и систему подготовки материалов для них;
- законодательные акты и нормативные материалы, регулирующие деятельность органа;
- иную информацию, касающуюся юридического органа и должностных лиц.

Установление обстановки проводится путем получения информации от лиц, работающих на объекте, их родственников, друзей и знакомых; изучения нормативных документов организации и иной документации, направления запросов по предыдущим местам работы должностных лиц; получение информации от лиц с предыдущих мест работы.

Сфера, отрасль, конкретная хозяйственная деятельность на том или ином объекте экономики являются неотъемлемым и одним из наиболее важных элементов обстановки совершения взяточничества. В частности, отмечалось, что такие преступления совершаются с учетом знаний хозяйственных процессов, специфики хозяйственной деятельности, влияющей на выбор преступниками способа совершения преступлений. Следует отметить, что часто преступники, планируя совершение

преступлений, специально изучают специфику той или иной отрасли, порядок оформления документов, состояние рынка, консультируются у специалистов или своих знакомых, а порой даже с этой целью устраиваются на работу [14, л. 59]. Кроме того, как отмечает Н.Н. Сизов, выбор способа действий лиц, подготавливающих, совершающих, совершивших преступление, обусловлен рядом экономических факторов, определяющих обстановку на объекте оперативного обслуживания [15, с. 115]. Об этом же говорит и Д.Х. Быков, который отмечает, что на выбор способа совершения преступлений оказывают влияние объективные факторы – специфика производственно-хозяйственной деятельности обслуживаемого объекта, особенности производственных операций, которые могут быть использованы для совершения преступлений [16, л. 38].

Составной частью такого элемента, как обстановка, являются место и время совершения преступления. Изучение материалов уголовных дел показывает, что часто оперативные сотрудники, следователи ограничиваются установлением места и времени приема-передачи взятки, оставляя без внимания время и место совершения всего комплекса действий (бездействия), входящих в систему деятельности субъектов преступления, образующую способ взяточничества.

В результате искусственно сужается предмет документирования, доказывания, что приводит к ослаблению доказательственной базы и ее разрушению на стадии проверки, предварительного следствия.

Место и время должны быть установлены максимально точно для того, чтобы проверить достоверность показаний субъектов взяточничества, свидетелей и других доказательств, подтверждающих или опровергающих факты взяточничества. Для этих целей устанавливается не только адрес, но и характеристика, описание помещения, детали, которые не могут быть известны тем лицам, которые не были в нем. Время может быть установлено абсолютное (дата и час) и относительное (относительно какого-либо факта или события). Места взяточничества могут быть самыми разнообразными: служебный кабинет должностного лица, ресторан, автомобиль, парк, номер в гостинице и др. Достоверное определение места рассматриваемого преступления необходимо при планировании и осуществлении действий по выявлению, фиксации преступных действий, задержанию взяточников, установлению очевидцев и осуществлению первоначальных действий по раскрытию взяточничества.

Рассматривая предмет преступления, следует отметить, что данная категория в юридической литературе определяется учеными неоднозначно. Наиболее обоснованным является определение предмета преступления как предмета материального мира, в связи с которым или по

поводу которого совершается преступление, на которое непосредственно воздействует преступник, совершая преступление [17, с. 23]. Достаточно детально предмет преступления прописан в действующей редакции ст. 430 «Получение взятки» УК Республики Беларусь: «...в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав...». При этом, как бы ни детализировался предмет взятки, неизменным остается его основное содержание – имущественная выгода или имущественный характер незаконного вознаграждения [18, л. 23]. На основании постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 под предметом взятки могут быть материальные ценности (деньги, ценные бумаги, вещи и т. п.) либо выгоды имущественного характера независимо от их стоимости, предоставляемые должностному лицу исключительно в связи с занимаемым должностным положением (различного вида услуги, оказываемые безвозмездно либо на льготных основаниях, но подлежащие оплате, производство строительных, ремонтных, иных работ и т. п.) [10].

Таким образом, было рассмотрено понятие оперативно-розыскной характеристики преступлений, в том числе, применительно к взяточничеству, выделены элементы оперативно-розыскной характеристики взяточничества. К ним относятся: а) способ совершения преступления; б) обстановка совершения преступления, т. е. время, место; в) сведения о личностных особенностях субъекта преступления; г) предмет преступления. Установление перечня элементов ОРХ взяточничества позволит выработать алгоритм действий оперативных сотрудников при выявлении рассматриваемого вида преступлений. Актуальность и практическая востребованность результатов научной разработки ОРХ взяточничества сомнений не вызывает и может способствовать совершенствованию методических и тактических приемов выявления и документирования данного преступления.

Список использованных источников

1. Луговик, В.Ф. Проблемы формирования учения об оперативно-розыскной характеристике преступлений / В.Ф. Луговик // Оперативник (сыщик). – 2006. – № 4 (9). – С. 13–16.

2. Ларичев, В.Д. Роль и значение оперативно-розыскной характеристики экономических преступлений в оперативно-розыскной деятельности / В.Д. Ларичев // Оперативно-розыскная характеристика преступлений: понятие, сущность и содержание : материалы круглого стола, приуроч. к 60-летию заслуж. деятеля науки Рос. Федерации, д-ра юрид. наук, проф. В.Д. Ларичева. – М. : ВНИИ МВД России, 2009. – С. 179–187.

3. Ганичкин, В.М. О понятии оперативно-розыскной характеристики преступлений, связанных с подделкой документов / В.М. Ганичкин // Полиц. право. – 2006. – № 1. – С. 102–104.

4. Панов, Н.И. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления : учеб. пособие / Н.И. Панов. – Харьков, 1984. – 111 с.

5. Жордания, И.Ш. Психолого-правовая структура способа совершения преступления / И.Ш. Жордания // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 24. – М. : Юрид. лит. – 1976. – 73 с.

6. Васильев, А.Н. Предмет, система и теоретические основы криминалистики / А.Н. Васильев, Н.П. Яблоков. – М., 1984. – 143 с.

7. Ларичев, В.Д. Оперативно-розыскная характеристика личности экономического преступника и ее структура / В.Д. Ларичев // Оперативник (сыщик). – 2009. – № 2 (19). – С. 10–17.

8. Ларичев, В.Д. Методика построения криминалистической характеристики экономических преступлений / В.Д. Ларичев // Общество и право. – 2012. – № 5 (42). – С. 179–187.

9. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-3 : в ред. от 18 июля 2019 г. № 220-3 // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

10. О судебной практике по делам о взяточничестве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 26 июня 2003 г., № 6 : с изм. от 24 сент. 2009 г. № 8 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

11. Бабий, Н.А. Квалификация взяточничества по уголовному праву Беларуси и России : монография / Н.А. Бабий. – М. : Юрлитинформ. – 2014. – 859 с.

12. Наумов, А.А. Обстановка совершения преступления : слов. по уголов. праву / отв. ред. А.В. Наумов. – М., 1997. – 295 с.

13. Гавло, В.К. Обстановка преступления как структурный компонент криминалистической характеристики преступления / В.К. Гавло // Проблемы совершенствования тактики и методики расследования преступлений : сб. науч. тр. – Иркутск, 1980. – С. 49–50.

14. Алгазин, А.И. Методика расследования преступлений, совершаемых с целью получения страховой выплаты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.И. Алгазин. – Омск, 2000. – 120 л.

15. Сизов, Н.Н. Правовые и организационно-тактические вопросы проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий по делам оперативного учета (по материалам аппаратов БЭП) / Н.Н. Сизов. – М. : Эксмо, 2012. – 483 с.

16. Быков, Д.Х. Правовые, организационные и тактические проблемы борьбы с организованной преступностью в сфере переработки сельскохозяйственной продукции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Д.Х. Быков. – М., 2001. – 110 л.

17. Гаухман, Л.Д. Объект преступления : лекция / Л.Д. Гаухман. – М. : Академия МВД РФ. – 1992. – 27 с.

18. Букаева, И.Н. Обстановка совершения преступления, получение и использование информации о ней при расследовании уголовных дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.Н. Букаева. – Тюмень, 2005. – 222 л.

УДК 347.77

Е.М. Камков, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.В. Паращенко*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.Н. Яхновец*

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТОВАРНЫХ ЗНАКАХ КАК ОБЪЕКТАХ ПРАВА ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Рассматриваются вопросы понятия товарного знака и его характерных признаков. Выделяются основные этапы становления и развития законодательства о товарных знаках как объектах права промышленной собственности на отдельных этапах исторического развития человеческого общества.

Товарный знак представляет собой способ выделения своего товара из ряда аналогичных при помощи нанесения какого-либо выделяющего элемента. Исключительно право на товарный знак, согласно Гражданскому кодексу Республики Беларусь (ГК), принадлежит лицу, первому осуществившему его государственную регистрацию. Дальнейшее использование ранее зарегистрированного товарного знака допускается только при наличии согласия правообладателя. На современном этапе развития рыночных отношений он как никогда востребован. Но еще в период каменного века человек применял клеймение животных, шкур, а также других товаров, что свидетельствует о предпосылках возникновения современных средств индивидуализации товаров.

Первыми товарами, которые необходимо было индивидуализировать, были керамические изделия. Древнейший предмет из обожженной глины датируется 29–25 тыс. до н. э. Керамические изделия, найденные на территории современного Китая, содержали следующие отличительные знаки: имя императора, в период властвования которого было произведено изделие, и (или) имя или место его создателя.

Наличие общественных отношений по выбору и использованию таких знаков, а также нарушений интересов владельцев товарных знаков другими лицами объективно требовало правового регулирования. Такое

регулирование сначала не было полноценным, о нем лишь вскользь упоминалось в отдельных нормативных правовых актах, например, в 1266 г. английский парламент принял закон, в котором говорится, что каждый пекарь должен иметь собственный знак для каждого вида хлеба, чтобы покупатели знали, какой хлеб им предлагают [1, с. 876].

Только лишь в XIX в. в полной мере государство в лице своих органов начало оказывать правовое содействие предпринимателям при помощи введения уголовной и гражданской ответственности за несанкционированное использование товарных знаков собственников в ряде ведущих европейских государств.

В Республике Беларусь законодательство о товарных знаках свое развитие получило относительно недавно, и его основой выступают законы СССР, которые, в свою очередь, являлись доработкой к законодательству Российской империи. Появлению первых российских законов о средствах индивидуализации в России предшествовал период формирования нормативной базы о клеймении товаров. Первые упоминания об этом были еще во времена правления царя Алексея Михайловича (Новоторговый устав). В 1744 г. Указом об обязательном клеймении было введено клеймение товаров русских производителей в обязательном порядке [2, с. 79].

В 1896 г. товарный знак как самостоятельное средство индивидуализации товаров получило закрепление в Законе «О товарных знаках (фабричных и торговых марках и клеймах)». В соответствии с этим законом товарным знаком признавались знаки, которые ставились на производимых товарах для того, чтобы отличить их от товаров других собственников. Право на товарный знак возникало при регистрации в отделе промышленности и торговли [2, с. 84].

Одним из основных нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения по поводу товарных знаков был Декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) от 15 августа 1918 г. «О пошлине на товарные знаки». Исходя из его содержания, все свидетельства необходимо было зарегистрировать в Наркомате торговли и промышленности. В данном декрете также определялись размеры и порядок уплаты пошлины за регистрацию товарных знаков [2, с. 94].

Следующим этапом является принятие в 1919 г. постановления ВСНХ «О товарных знаках государственных предприятий». Прежние знаки были заменены на новые, которые носили справочный характер, товарное содержание у подобных знаков отсутствовало [2, с. 98].

10 ноября 1922 г. был издан Декрет СНК РСФСР «О товарных знаках», согласно которому промышленные и торговые предприятия, как государственные, так и частные, могли использовать для отличия своих

товаров внешние знаки и единолично пользоваться ими. Декрет не устанавливал единого способа выражения товарных знаков и допускал в качестве обозначения клейма, пломбы, метки, этикетки, ярлыки, рисунки и т. д. Разновидностями товарных знаков признавались оригинальные слова, сочетания слов [3, с. 2].

Но при этом предусматривались ограничения, т. е. те случаи, при которых товарные знаки не подлежали признанию, а именно:

вошедшие во всеобщее употребление, т. е. свободные знаки;

состоящие из рисунков, букв, цифр, сочетание которых не обладало отличительными признаками;

указывающие исключительно на его цену, способ, время производства, состав или качество и иное.

Запрещалось также пользоваться знаками, недостаточно отличающимися от уже зарегистрированных.

7 марта 1936 г. ЦИК и СНК СССР, ввиду изменившейся экономической ситуации в стране, принимают совместное постановление «О производственных марках и товарных знаках». Согласно этому постановлению все предприятия государственной промышленности, артели промысловой кооперации, предприятия общественных организаций были обязаны снабжать выпускаемые ими изделия производственными марками, содержащими наименование предприятия, местонахождение, наименование народного комиссариата, сорт товара и номер стандарта. Предприятия для целей отличия выпускаемых ими изделий также наделялись правом снабжать указанные изделия постоянными оригинально оформленными отличительными знаками (товарными знаками). При этом наличие товарного знака не освобождало предприятие от необходимости наличия производственной марки [3, с.4].

Следующий этап развития законодательства о товарных знаках был в 60-х гг. XX в., после принятия постановления Совета Министров СССР 15 мая 1962 г. «О товарных знаках». Целью принятия этого постановления было повышение ответственности предприятий за качество выпускаемой продукции [3, с.7].

В соответствии с п. 10 постановления Совета Министров СССР от 15 мая 1962 г. Комитетом по делам изобретений и открытий 23 июля 1962 г. было утверждено Положение о товарных знаках, которое содержало:

определение товарного знака;

перечень обозначений, не подлежащих применению в качестве товарного знака;

правило об обязательной государственной регистрации знаков до их применения;

перечень оснований в отказе от регистрации.

24 января 1967 г. Комитетом по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР были утверждены указания по составлению заявки на товарный знак, которыми определялись четыре вида товарных знаков (словесные, изобразительные, комбинированные и объемные) и давалась их характеристика требования и т. д.

8 января 1974 г. Госкомизобретений СССР утвердил новое Положение о товарных знаках, необходимость появления которого была вызвана присоединением СССР к ряду международных соглашений, в частности к Парижской конвенции, Ниццкому соглашению о международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков.

Указанное положение было призвано модернизировать существовавшие правила и привести их в соответствие с нормами международных договоров. В нем формулировались общие принципы правовой охраны и регистрации товарных знаков, давалось новое определение товарного знака, уточнялись требования.

3 июля 1991 г. был принят Закон СССР «О товарных знаках и знаках обслуживания». Но этот нормативный акт в силу так и не вступил в связи с распадом СССР.

После обретения независимости Республикой Беларусь в 1991 г. началось самостоятельное государственное строительство. Одно из необходимых условий – разработка и создание национальной системы интеллектуальной собственности, составной частью которой было формирование законодательства в части, связанной с созданием, использованием, охраной и защитой различных объектов, входящих в интеллектуальную собственность. Результатом этого выступило принятие Верховным Советом Республики Беларусь 5 февраля 1993 г. законов «О патентах на изобретения», «О патентах на промышленные образцы», «О товарных знаках и знаках обслуживания».

Разработка законов и иных нормативно-правовых актов, регулирующих правовые отношения в сфере интеллектуальной собственности, проводилась при учете требований ратифицированных международных договоров и соглашений, к которым Республика Беларусь, как суверенное и независимое государство, активно присоединялась. Например, Республика Беларусь вступила в Парижскую конвенцию по охране промышленной собственности (1883 г.) в 1993 г. и приняла Соглашение о патентной кооперации (1970 г.) и Мадридское соглашение о международной регистрации знаков (1891 г.).

С принятием Уголовного кодекса Республики Беларусь в 1999 г. была введена уголовная ответственность за нарушение авторских, смежных и патентных прав.

Далее в 2001 г. в Таможенном кодексе можно видеть изменения, касающиеся внесения положений о защите интеллектуальной собственности при перемещении товаров через таможенную границу Республики Беларусь.

В 2001 г. Советом Министров Республики Беларусь были утверждены Правила признания товарного знака общеизвестным. Первым на территории Беларуси был признан таковым товарный знак «Мілавіца».

Немаловажным направлением развития государственной политики в сфере интеллектуальной собственности явилась разработка и принятие Государственной программы по защите интеллектуальной собственности на 2004–2006 годы, которая была утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 июля 2004 г. № 843, а также Государственной программы по охране интеллектуальной собственности на 2008–2010 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 ноября 2007 г. № 1555.

В настоящее время на законодательном уровне такая правовая категория, как товарный знак урегулирована Законом Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. № 2181-ХІІ «О товарных знаках и знаках обслуживания», а также ст. 1017–1022 гл. 67 ГК. В данных источниках нормативных правовых актов отражены понятие товарного знака, его правовая охрана и иные права, которые имеют субъекты на товарный знак в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Таким образом, развитие института товарного знака в современном мире напрямую связано с функцией такого знака указывать происхождение товара и укреплять конкурентные преимущества правообладателя. Одновременно просматриваются тенденции к расширению правовой охраны знаков, которые приобрели известность в обороте, что нередко ведет к смещению баланса интересов участников оборота, снижает вероятность узнаваемости знака, поскольку знаком маркируются разнообразные товары и услуги одного правообладателя. Оценка нематериальных активов с учетом известных товарных знаков приводит к повышению цен со стороны правообладателей известных знаков, обеспечивая им дополнительные конкурентные преимущества в обороте. За относительно небольшой период в Республике Беларусь был принят обширный перечень нормативных документов, позволяющих эффективно регулировать общественные отношения, складывающиеся в сфере интеллектуальной собственности в целом и обороте товарных знаков в частности.

Список использованных источников

1. Greenberg, A.S. The Ancient Lineage of Trade-Marks / A.S. Greenberg. – New York ; Journal of the Patent Office Society, 1951. – № 33. – 915 p.

2. Белов, В.В. Интеллектуальная собственность. Законодательство и практика его применения : учеб. пособие / В.В. Белов, Г.В. Виталиев, Г.М. Денисов. – М., 1997. – 288 с.

3. Городов, О.А. Право на средства индивидуализации: товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров, фирменные наименования, коммерческие обозначения / О.А. Городов. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 448 с.

УДК 343.985

Н.Н. Король, студентка факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.А. Шаматульский*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.М. Веремеенко*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

В современных условиях коррупция постоянно адаптируется к изменению политических, экономических и социальных условий деятельности, имеет национальные особенности. Рассматривается зарубежный опыт борьбы с коррупцией на примере опыта Китая и России.

Коррупция – очень сложное политическое и социальное явление, в котором причина и следствие часто переплетаются между собой, и порой довольно затруднительно определить, является ли то или иное проявление коррупции следствием старого, или это проявления чего-то нового [1, с. 230].

Термин коррупция произошел от лат. *corruptio* – подкуп, продажность; порча, разложение; растление [2].

Советом Европы коррупцией признается предложение, просьба, принятие или дача, прямо или косвенно, взятки или любого другого неадекватного преимущества или обещания такового, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности, или поведение, требуемое от получателя взятки, неадекватного преимущества или обещания такового [3].

Современные виды коррупционного поведения должностных лиц далеко ушли за рамки простого взяточничества и подкупа. Тотальное распространение получили корыстный сговор должностных лиц, криминальный лоббизм, инвестирование коммерческих структур за счет государственного бюджета в ущерб интересам граждан и государства, бесосновательная и убыточная для общества передача государственного

имущества в управление коммерческим структурам, образование лже-предприятий, незаконные внешнеэкономические операции, совмещение государственной службы с участием в коммерческих организациях, неправомерное вмешательство в деятельность правоохранительных органов и судов. Коррупция самым непосредственным образом содействует криминализации общества, срачиваясь с коррумпированными группами чиновников и организованной преступностью, все больше усиливается, не только расширяет возможности отмывания денег, но и получает доступ к политической власти [4].

Проблема взяточничества в Беларуси, как и в других постсоветских странах, продолжает оставаться весьма острой. Например, данные социологического исследования в России свидетельствуют, что за постсоветский период население окончательно утратило доверие к судам. По итогам опроса получается, что 80 % опрошенных ответили, что не рассчитывают найти справедливость в суде, считая, что выигрывает дело тот, кто больше заплатит, а около 40 % лиц считали, что судьи могут творить что угодно и совершенно безнаказанно [5].

Следует признать то, что одной из значительных проблем, напрямую имеющих отношение к коррупции в России, Беларуси, как и в иных постсоветских странах, стали выборы в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Особенность состоит в том, что государственное финансирование выборов имеет скромные пределы, в основном все делается за счет средств кандидатов и избирательных объединений, а также пожертвований, которые в нашей стране официально разрешены и имеют масштабные объемы.

В современной литературе многосторонне описан, как один из эффективных способов борьбы с взяточничеством – изменение и совершенствование нормативных правовых актов. Однако исторический опыт свидетельствует, что бороться со взяточничеством только изданием новых или совершенствованием действующих нормативных правовых актов весьма проблематично. Так как коррупция – проблема комплексная, она должна решаться не только юристами и правоохранителями. Насильственные методы борьбы с этим негативным явлением создают дополнительные коррупционные соблазны у самих должностных лиц правоохранительных органов и судей. Поэтому существенное снижение уровня коррупции может быть достигнуто только в процессе осуществления реальных изменений в экономике [6].

Проведя анализ нормативных правовых актов, статей о международном опыте борьбы с коррупцией, литературных источников, можно сделать вывод о том, что в современных условиях проявления коррупции стали теми факторами, которые создают реальную угрозу демократи-

ческому развитию большинства стран мира. Под влиянием коррупции формируется неверие населения в справедливость, возрастает недоверие к органам государственной власти, в том числе к правоохранительным органам и судам, негативно влияют на все стороны общественной жизни. Объективные факторы свидетельствуют о том, что коррупция создает существенную опасность для жизнедеятельности многих стран мира, и сегодня масштабы ее распространения представляют угрозу для национальной безопасности любой страны. Проблема противодействия коррупции в современном обществе продолжает оставаться одной из актуальных. Факторы успешного противодействия коррупции уже давно известны и испытаны международным сообществом, главным образом – это прозрачность и понятность процедур принятия государственных решений, открытость власти, контроль за деятельностью государственных органов со стороны гражданского общества, свобода и независимость средств массовой информации.

Каждая страна имеет свои собственные новшества, информационные подходы, включающие современные методы, формулы и схемы в предупреждении и противодействии коррупции, ведь ментальность у всех разная, но существуют и некие общие приемы, помогающие бороться с этим злом, которое разлагает экономику изнутри, нанося огромный экономический ущерб. Современная социальная реальность характеризуется сложными процессами экономического развития и сотрудничества, ведущая к формированию взаимозависимого всемирного рынка, стимулирующего развитие многоуровневых социальных интеграционных процессов на всех уровнях функционирования социума. Ни одно национальное государство не существует в вакууме, оно априори включено в глобальную мировую систему социально-экономических и социально-политических отношений.

В последние годы гигантский скачок в своем экономическом развитии совершил Китай, который также страдает от коррупционных процессов. О жестких мерах, принимаемых китайскими властями, довольно часто сообщается в средствах массовой информации. Китайский опыт, сформированный на практике годами, может быть в чем-то полезен белорусской и российской стороне, ведь эти три страны связывают довольно тесные экономические и политические отношения.

Одним из методов борьбы с коррупцией, на практике подтвердившим свою эффективность, применяемым во всех органах власти Китая, является перемещение кадров с должности на должность, из отдела в отдел. Для активного противодействия коррупции внутри страны необходимо усилить контроль за периферийным звеном партийного и государственного аппарата, ограничить политический вес и излишнюю

самостоятельность провинциальных элит, которые были поставлены в более жесткие условия необходимости следовать линии центра [4].

В настоящее время прокуратурой Китая проводится активная работа по совершенствованию и созданию специального антикоррупционного законодательства – это является одним из наиболее существенных и значимых направлений в строительстве новой системы по борьбе с коррупцией в КНР. В начале 90-х гг. создание антикоррупционного закона было заложено в число приоритетных задач в плане развития страны на 8-ю пятилетку. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) уполномочил прокуратуру Китая составить такие законопроекты. ВСНП создало специальную группу по рассмотрению этой проблемы, и в течение довольно длительного периода было составлено около 17 проектов Закона по борьбе с коррупцией и взяточничеством [4].

Особенная часть Уголовного кодекса КНР содержит гл. 8 «Коррупция и взяточничество», объединяющая 15 статей. Согласно нормам, описанным в этой главе, коррупция в отношении общественных ценностей, совершенная государственными работниками с использованием служебного положения, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет либо арестом; при крупном размере суммы, отягчающих обстоятельствах – лишением свободы на пять и более лет; при особо отягчающих обстоятельствах – пожизненным заключением либо смертной казнью. Смертный приговор выносится в случаях, имеющих «крайне негативные последствия». Согласно постановлению Верховного народного суда и прокуратуры КНР по делам о коррупции приговорить к смертной казни можно признанного виновным в получении взятки на сумму от 3 млн юаней (около 463 тыс. долларов США). В тех случаях, когда смертная казнь может стать слишком жестким наказанием, осужденные могут быть приговорены к пожизненному заключению без права досрочного освобождения [7].

При анализе Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации противодействию коррупции посвящена гл. 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

В соответствии с нормами, указанными в гл. 30, получение взятки (ст. 290 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника, наказывается штрафом, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до

трех лет; в значительном размере – штраф, лишение свободы на срок до шести лет; в крупном размере – штраф, либо лишение свободы на срок до двенадцати лет; в особо крупном размере – штраф, либо лишение свободы на срок до пятнадцати лет. При этом дачей взятки в значительном размере признается сумма денег, стоимость ценных бумаг, услуг имущественного характера, превышающих 25 000 российских рублей (около 340 долларов США), крупным размером взятки – превышающие 150 000 российских рублей (около 2 тыс. долларов США), особо крупным размером взятки – превышающих 1 млн российских рублей (около 14 тыс. долларов США).

Таким образом, эффективность борьбы с коррупцией в Китае прежде всего связана с тем, что она ведется и велась в неразрывной связи с борьбой с организованной преступностью и с постоянным ужесточением мер ответственности. Жесткие меры наказания и активизация политических сил ведут Китай к снижению уровня коррупции.

В России и Беларуси, несмотря на значительную законодательную базу, активную антикоррупционную политику и борьбу с этим негативным явлением, приводит только к новым коррупционным схемам и образованиям. С чем это связано? Может, действительно необходимо применять жесткие меры наказания. Но в этом случае как же поступить с реализацией принципа гуманизма уголовного закона России и Беларуси? В современной уголовной политике Республики Беларусь вопрос о значении, гуманизации наказаний за преступное деяние относится к числу приоритетных. Указанное обстоятельство обусловлено тем, что в соответствии с частью первой ст. 2 Конституции Республики Беларусь человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства [8].

В настоящее время актуальным в Республике Беларусь остается вопрос об отсутствии единых и общепризнанных критериев по правовому разграничению предмета взяточничества. Несмотря на то что Уголовный кодекс Республики Беларусь дифференцирует ответственность, выделяя квалифицирующие признаки (крупный, особо крупный размер), при этом в уголовном законе не установлен минимальный размер, получение которого образует взятку, что затрудняет оценку степени тяжести совершенного деяния. Поэтому было бы целесообразным в законодательстве Беларуси, например, по опыту России или Китая, предусмотреть критерии малозначительности, как получения, так и дачи взятки.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что коррупция – это проблема не полицейская или правоохранительная одной отдельной страны в масштабах мира, коррупция сегодня – это эпидемия, которая поразила весь мир и не пытается останавливаться. Решение требует

прежде всего глубоких институциональных изменений, т. е. изменение правил игры, по которым живут политические и экономические представители государственной власти, и правила игры должны не только запрещать коррупцию, но делать ее прежде всего невыгодной для потенциальных участников. Борьба с коррупцией может быть эффективной, если усилия будут общими по всем фронтам и на всех направлениях, путем совершенствования нормативных правовых актов, увеличения государственного финансирования выборов, деятельности правоохранительных органов и судов, а также воспитания у населения недопустимости ко всяким, в том числе бытовым, проявлениям коррупции. Кроме этого, необходимо разрабатывать и внедрять универсальные правовые и организационные средства по ее предупреждению и пресечению в начальном проявлении.

Список использованных источников

1. Макаренко, В.А. Международный опыт борьбы с коррупцией / В.А. Макаренко, А.В. Лабудин // Науч. тр. СЗИУ РАНХиГС. – 2014. – № 3 (15). – Т. 5. – С. 230–235.
2. Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс] // Американская некоммерческая организация «Фонд Викимедиа». – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Коррупция>. – Дата доступа: 21.04.2020.
3. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию [Электронный ресурс] : [заключена в г. Страсбурге 04.11.1999 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Явление коррупции в Китае и реальность современной России: вопросы совершенствования законодательной базы [Электронный ресурс] / А.В. Макаров, А.С. Жукова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.
5. Взятничество: внешнее проявление и проблемы противодействия преступлению [Электронный ресурс] / М.В. Косович, Н.И. Лимож // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
6. Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы [Электронный ресурс] : коллектив. монография / С.А. Авакьян [и др.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.
7. Китайский опыт борьбы с коррупцией: состояние и тенденции [Электронный ресурс] / А.Н. Сухаренко, Ю.В. Трунцевский // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.
8. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации

5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 25.04.2018 г. № 17-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закон Респ. Беларусь от 11.11.2019 г. № 253-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 349.2

М.В. Косач, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.В. Чигилейчик*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Войтюль*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННОГО ТРУДА В УСЛОВИЯХ НЕБЛАГОПРИЯТНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Рассматривается правовое регулирование дистанционного труда в условиях неблагоприятного воздействия эпидемиологической ситуации. Внесены предложения по усовершенствованию законодательства о труде.

В период сложившейся неблагоприятной эпидемиологической ситуации в мире, вызванной распространением пандемии вируса COVID-19 в 2020 г., особую актуальность приобретает эффективная организация труда работников. Решить, как организовать работу и обезопасить работников от распространения инфекции, – первоочередная задача всех нанимателей, поскольку и Конституция Республики Беларусь, и Трудовой кодекс Республики Беларусь (ТК) гарантируют право каждого гражданина на здоровые и безопасные условия труда. Оптимальная и безопасная организация труда работников в современных условиях оказывает прямое влияние на производственную составляющую трудовых отношений, эффективность труда, его производительность.

Согласно рекомендациям Всемирной организации здравоохранения одним из базовых эффективных способов предупреждения коронавирусной инфекции является минимизация контактов с окружающими. Если характер работы позволяет работать и обмениваться результатами работы удаленно, то наниматель может предложить такой способ своим сотрудникам. С этой целью нанимателем может быть предложено два варианта организации труда: дистанционный труд и надомный труд.

Популярность удаленной работы в современном мире стремительно растет с каждым днем. Для обеспечения правового регулирования такой работы законодатель обеспечивает необходимое правовое регулирование, а наниматели используют новые технические средства и реализуют эффективные управленческие методики. Разработанная модель организации труда удобна не только для работника, которым удаленная работа позволяет не тратить время на дорогу и проводить рабочее время в комфортных для них условиях, но и для нанимателей, у которых значительно снижаются экономические издержки, связанные, например, с арендой помещений, коммунальными платежами, и т. п.

Практика организации труда в условиях неблагоприятного воздействия эпидемиологической ситуации постепенно получает свою реализацию в Республике Беларусь. Подтверждением этому является введение в Трудовой кодекс 28 января 2020 г. гл. 25¹, регулирующей общественные отношения, связанные с дистанционной работой. Стоит отметить, что до вступления в силу гл. 25¹ ТК к данному институту по аналогии закона применялись нормы гл. 25 «Особенности регулирования труда работников-надомников», однако, в отличие от работников-надомников, которые выполняют свои трудовые функции по месту своего жительства или в других помещениях по их выбору вне помещений нанимателя, дистанционные работники могут выполнять свою работу в любом удобном для них месте с использованием информационно-коммуникационных технологий. Как отмечает М.Х. Дугужева, «существенным отличием является вид труда. Дистанционная работа представляет собой интеллектуальный труд, а надомная – физический труд. Результатом надомной работы является создание материальной вещи, в то время как результаты дистанционной работы доставляются нанимателю по сети Интернет» [1, с. 424]. Относительно характера работы в теории трудового права, как указывает Т.Ю. Коршунова, выработан подход, в соответствии с которым «труд надомника... связывается с производственной деятельностью, отражает индустриальную направленность работы, которая, в свою очередь, не учитывает специфику творческой и интеллектуальной работы, более подходящей для конструкции дистанционного труда» [3, с. 182]. Также, по мнению М.К. Дугужевой, «следует отметить и разное понимание понятия «вне места нахождения нанимателя» для дистанционной и надомной работы. Если место выполнения надомной работы – это дом работника, то дистанционный работник может трудиться где угодно, кроме как на территории нанимателя» [1, с. 424].

Согласно ч. 1 ст. 307¹ ТК дистанционной работой считается работа, которую работник выполняет вне места нахождения нанимателя с использованием для выполнения этой работы и осуществления взаимо-

действия с нанимателем информационно-коммуникационных технологий [9].

Исходя из определения, можно выделить следующие характерные черты дистанционной работы: она выполняется вне места нахождения нанимателя; для ее выполнения и взаимодействия с нанимателем используются информационно-коммуникационные технологии.

В соответствии с ч. 2 ст. 307¹ ТК на работников, выполняющих дистанционную работу, распространяется действие законодательства о труде и иных актов законодательства с учетом особенностей, установленных гл. 25¹ ТК [9]. Эти особенности затрагивают такие институты трудового права, как рабочее время и время отдыха, порядок заключения и прекращения трудового договора, охрана труда работников, выполняющих дистанционную работу.

Переход на дистанционную работу может быть осуществлен двумя способами:

по соглашению сторон, причем инициатива таких изменений может исходить как от работника, так и от нанимателя;

по инициативе нанимателя, но такой вариант подразумевает существенное изменение условий труда.

Согласно ч. 1 ст. 32 ТК нанимателю предоставлено право в связи с обоснованными производственными, организационными или экономическими причинами изменять существенные условия труда работника при продолжении им работы по той же квалификации, должности служащего (профессии рабочего), определенным в трудовом договоре, и сделать это он может, предупредив работника письменно не позднее чем за один месяц [9]. Законодатель обязывает нанимателя при переходе на дистанционную работу представить доказательства, подтверждающие необходимость изменения существенных условий труда. Указом Президента Республики Беларусь от 24 апреля 2020 г. № 143 «О поддержке экономики» к причинам, вызывающим необходимость изменять существенные условия труда, отнесено неблагоприятное воздействие эпидемиологической ситуации на деятельность нанимателя, но о таких изменениях наниматель обязан предупредить работника письменно не позднее чем за один календарный день [6].

Заключение трудового договора с работником, выполняющим дистанционную работу, возможно только при личном присутствии такого работника, а если стороны достигают соглашения о переходе на дистанционную работу в период трудовых отношений, то данное условие оформляется дополнительным соглашением к трудовому договору. Как отмечает К.Л. Томашевский, «поскольку у работника уже есть заключенный трудовой договор с нанимателем, в ситуации обострения эпи-

демиологической обстановки, полагаем, нет необходимости перезаключать трудовой договор (контракт). Причем условие о дистанционной работе можно обусловить временным отрезком – до момента улучшения эпидемиологической обстановки в стране» [8].

При оформлении дополнительного соглашения обязательно должно быть указание на то, что работа является дистанционной, поскольку именно это условие определяет особенности правового статуса работника и обуславливает применение к нему специальных норм, предусмотренных гл. 25¹ ТК. Кроме этого, стороны должны достичь согласия по всем обязательным для трудового договора условиям, а именно: способы и периодичность рабочих контактов работника с нанимателем, условия обмена информацией между нанимателем и работником, порядок обеспечения работника оборудованием, программно-техническими средствами, средствами защиты информации и иными средствами, необходимыми для выполнения работником своих трудовых функций, порядок и условия предоставления работником отчетов о выполненной работе и т. п.

Согласно ТК трудовые отношения возникают с момента фактического допущения работника к работе, независимо от того, был ли прием на работу оформлен надлежащим образом. В ситуации с дистанционными работниками возникают определенные трудности, а именно: как работнику доказать, что он приступил к выполнению своих обязанностей. Установить момент начала работы бывает сложно, а это напрямую связано с установлением факта трудовых отношений. Дистанционный работник может столкнуться с нарушением своих прав нанимателем и неспособностью доказать, что трудовые отношения были установлены.

Кроме того, гл. 25¹ ТК, устанавливая правовые основы дистанционного труда, не содержит каких-либо ограничений по возрасту, соответственно, выполнять трудовые обязанности дистанционно могут и несовершеннолетние. Однако стоит помнить, что права таких работников должны быть надежно защищены, ведь несовершеннолетний работник не должен сам определять режим работы, он не может работать в ночное время и привлекаться к сверхурочным работам. Нанимателю необходимо установить надлежащий контроль над продолжительностью рабочего дня несовершеннолетних, ведь, как отмечает Е.В. Охотникова, «отсутствие надлежащего контроля над продолжительностью рабочего времени несовершеннолетнего работника, работающего дистанционно, может негативно отразиться на его здоровье. Законодательство должно учитывать, что несовершеннолетние в меньшей степени, чем взрослые работники, способны к самодисциплине, которая особенно необходима при работе дистанционно» [7, с. 130].

Отдельно следует остановиться на охране труда дистанционных работников. Принципом государственной политики в нашей стране в области охраны труда является приоритет жизни и здоровья работников по отношению к результатам трудовой деятельности, установление ответственности нанимателей за безопасность труда, совершенствование правовых отношений и механизмов в этой сфере. На дистанционных работников, как и на других работников, распространяются нормы гл. 16 «Охрана труда» ТК. Дополнение к общим нормам предусматривает ст. 307³ ТК, в силу которой в целях обеспечения безопасных условий и охраны труда работника, выполняющего дистанционную работу, наниматель обязан ознакомить такого работника с требованиями по охране труда при работе с оборудованием и средствами, предоставленными или рекомендованными нанимателем [5].

Вместе с тем, поскольку у дистанционного работника отсутствует рабочее место в традиционном его понимании, многие обязанности нанимателя в сфере охраны труда не могут быть им выполнены, ведь фактически наниматель не может оценить рабочее место работника на соответствие его установленным требованиям. Например, по мнению Е.В. Киселевой, наниматель не может «обеспечить контроль за состоянием условий труда на рабочем месте, принять меры по предотвращению аварийных ситуаций» [2, л. 28]. Сложности также возникают в случае, когда дистанционные работники получают травму или у них обнаруживается профессиональное заболевание. Основная проблема состоит в том, чтобы доказать, что работник получил такую травму в рабочее время, находясь на рабочем месте, особенно если трудовым договором предусмотрено, что работник может самостоятельно определять рабочее время. Кроме того, затруднительно будет доказать, что в момент получения травмы работник соблюдал все требования норм безопасности.

Относительно режима рабочего времени и времени отдыха дистанционных работников, согласно ст. 307⁴ ТК, на работников, выполняющих дистанционную работу, распространяются нормы продолжительности рабочего времени и времени отдыха, установленные ТК. Он устанавливается по согласованию с нанимателем трудовым договором либо определяется работником самостоятельно [9]. Иными словами, в отличие от обычных работников, в отношении которых режим рабочего времени в большинстве случаев регулируется Правилами внутреннего трудового распорядка, дистанционные работники пользуются льготами, они сами могут определять время начала и окончания работ, что ослабляет контроль над ходом ее выполнения со стороны нанимателя. Кроме этого, по мнению Е.В. Охотниковой, «работник может привлекать членов семьи

или других лиц для выполнения заданий без оформления трудовых отношений между ними и нанимателем, а вследствие этого у работника уменьшается количество рабочих часов в день и в неделю» [7, с. 132].

Статья 307⁵ ТК не закрепляет никаких специальных правил относительно оснований прекращения трудового договора между нанимателем и дистанционным работником, следовательно, стороны должны руководствоваться общими основаниями, регулируемые гл. 4 ТК. Эта же статья предусматривает два варианта ознакомления работника, выполняющего дистанционную работу, с приказом нанимателя о прекращении трудового договора: либо путем обмена электронными документами, либо при личном присутствии работника. Если ознакомление работника осуществляется путем обмена электронными документами, наниматель в день прекращения трудового договора обязан направить работнику, выполняющему дистанционную работу, оформленную надлежащим образом копию приказа на бумажном носителе заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении [9].

Порядок расторжения трудового договора с дистанционным работником также нуждается в уточнении. До сих пор неясно, что, например, будет считаться грубым нарушением дистанционным работником своих трудовых обязанностей? Будет ли к таковым относиться прогул?

В этой связи интересным является пример из зарубежной судебной практики. *Апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 23 марта 2018 г. по делу № 33-3223/2018 был восстановлен на работе работник, уволенный за прогул. «В ходе рассмотрения дела было установлено, что с работником был заключен трудовой договор о дистанционной работе, согласно которому работник должен был выполнять свою трудовую функцию по месту своего жительства, и обязался в рабочие дни с 9 до 18 часов быть доступным для работодателя с использованием предусмотренных средств связи. Несмотря на это, в течение нескольких дней работник не выходил на связь с работодателем, а также не предоставлял еженедельные отчеты и план работы на следующую неделю. Как следует из материалов дела, работник по электронной почте сообщил директору о поломке личного ноутбука, в связи с чем он не сможет выполнить свои обязанности. Работодатель посчитал такие действия работника прогулом, за что последний был уволен. Однако, по мнению суда, данные факты не могут свидетельствовать именно о том, что работник отсутствовал на работе. Как следовало из пояснений работодателя, по месту жительства работника его представители не выезжали и иных попыток установить факт отсутствия работника, кроме телефонных звонков, не предпринимали. В связи с*

этим суд посчитал факт прогула недоказанным и признал увольнение незаконным» [4].

Из вышеизложенного следует, что нанимателю уволить работника за прогул будет довольно сложно. Согласно ТК прогул подразумевает отсутствие работника на рабочем месте более трех часов в течение рабочего дня без уважительных причин [9]. Но, фактически, у дистанционного работника нет определенного рабочего места, и рабочее время, если это установлено трудовым договором, он может определять самостоятельно. По этой же причине будет сложно проконтролировать, не находился ли работник в рабочее время на рабочем месте в состоянии алкогольного опьянения.

Таким образом, обобщая изложенное, можно сформулировать следующие выводы:

1) правовое регулирование дистанционного труда в условиях неблагоприятного воздействия эпидемиологической ситуации приобретает особую актуальность. Новеллой белорусского законодателя является дистанционный труд, который находится в самом начале своего развития. Правовое регулирование дистанционного труда сегодня еще формируется, его теоретические основы требуют дальнейшей научно-теоретической проработки, а практика заключения трудовых договоров о дистанционном труде распространена не в достаточной мере. Изложенное свидетельствует об объективной необходимости детального изучения дистанционного труда, совершенствовании его правового регулирования;

2) для минимизации возможной конфронтации между дистанционным работником и нанимателем целесообразно в трудовом договоре исключить контроль со стороны нанимателя (отчеты о перемещениях, внесение записей в специальные программы, видеотрансляции и т. д.). Работник также должен иметь право на офлайн, что позволит ему сохранить работоспособность и рационально использовать время отдыха, гарантированное законодательством о труде. Отсутствие у работника определенного места работы создает сложности для нанимателя при определении, находился ли работник на рабочем месте. Полагаем, возможный выход – определение границ, в рамках которых наниматель сможет требовать от работника находиться на связи (онлайн) в определенное время;

3) основания прекращения трудового договора с дистанционным работником должны быть конкретизированы для того, чтобы избежать спорных ситуаций и двоякого толкования условий договора, они должны исключать дискриминационный характер. В связи с отсутствием в гл. 25¹ ТК ограничений по возрасту для дистанционных работников, полагаем возможным обозначить в данной главе особенности привлече-

ния к дистанционному труду несовершеннолетних, уточнить их режим рабочего времени.

Список использованных источников

1. Дугужева, М.Х. Особенности трудовых отношений в период пандемии / М.Х. Дугужева // Образование и право. – № 8. – 2020.
2. Киселева, Е.В. Особенности регулирования труда дистанционных работников : магистр. дис. : 40.04.01 / Е.В. Киселева. – Барнаул, 2017. – 76 л.
3. Коршунова, Т.Ю. Особенности правового регулирования трудовых отношений отдельных категорий работников : науч.-практ. пособие / Т.Ю. Коршунова, Е.Г. Азарова, М.А. Бочарникова [и др.] ; отв. ред. Т.Ю. Коршунова. – М. : Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2015. – 400 с.
4. Можно ли уволить за прогул дистанционного работника? [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – 2018. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/1216956/>. – Дата доступа: 11.12.2020.
5. Об изменении законов [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2019 г., № 219-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
6. О поддержке экономики [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 24 апр. 2020 г., № 143 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
7. Охотникова, Е.В. Проблемы правового регулирования труда дистанционных работников в России / Е.В. Охотникова // Ученые зап. Тамбов. отд-ния РoCМУ. – 2019. – С. 128–134.
8. Томашевский, К.Л. Оптимизация трудовых отношений в условиях пандемии коронавирусной инфекции / К.Л. Томашевский // Отдел кадров. – 2020. – № 4 (231).
9. Трудовой кодекс Республики Беларусь / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2020. – 189 с.

УДК 343.985

В.П. Кулаковский, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *С.В. Пиллюшин*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.А. Шаматульский*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ ГРАБЕЖЕЙ, РАЗБОЕВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВСЕМИРНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Рассматриваются проблемы научного определения Всемирной сети Интернет, использования в раскрытии грабежей, разбоев. Указан алгоритм действий по поиску информации в социальных сетях. Показаны положительные и отри-

цательные аспекты раскрытия грабежей и разбоев с использованием Всемирной сети Интернет.

Всемирная сеть Интернет сегодня проникла во все сферы человеческой деятельности и стала полноценным средством массовой информации. Анализ имеющихся в юридической литературе определений интернета позволяет сформулировать вывод: единого консолидированного доктринального определения интернета в юридической науке не существует. Данный вопрос рассматривали такие авторы, как В.П. Талимончик, С.В. Петровский, А.А. Тедеев, И.В. Невзоров, Г.Л. Акопов, Е.С. Андрищенко, В.А. Копылов, Г.Е. Добрякова, Е.М. Макарова и др. Авторы исходят из простого – собственно названия интернета, акронима, образованного из сочетания трех английских слов «International connected network», что в переводе означает «международное объединение сетей». Таким образом, понятие «интернет», по мнению этих авторов, является прежде всего техническим определением, как совокупность сетей или совокупность технических систем, состоящих из компьютеров, модемов, серверов, спутников связи и т. д. Поэтому в научном определении интернета должна быть четко выражена его амбивалентная природа; построение определения интернета, опирающегося только на техническую его составляющую, существенно обедняет теорию [1, с. 258].

За короткий промежуток времени Всемирная сеть Интернет стала незаменимым средством не только для государственных органов, уполномоченных осуществлять деятельность по охране правопорядка и законности, защите прав и свобод человека, с целью раскрытия грабежей и разбоев, получения необходимой информации, но и для обычных пользователей персональных компьютеров. Возникающая при его использовании социальная среда порождает специфичные виды социальных взаимодействий, сложнейшие процессы общественных явлений, совместное действие которых порождает преступность, без учета которых плодотворная борьба с противоправными действиями невозможна [2, с. 43].

Криминальный мир все чаще использует сеть Интернет в своей преступной деятельности: для осуществления удаленной связи между преступными группировками различной направленности; обмена преступным опытом; поиска соучастников готовящихся преступлений, жертв и орудий; сбыта имущества, добытого преступным путем; для реализации расчетно-денежных операций между лицами в условиях подготовки и совершения грабежей, разбоев; совершения преступлений посредством использования сетевого информационного пространства. В связи с чем постоянно и в огромном количестве появляются веб-сайты, с помощью которых участники организованных преступных формирований обме-

ниваются информацией, а также осуществляют вербовку новых участников, организывают популяризацию своих взглядов [2, с. 44].

Анализ информации, помещенной в интернете, может помочь раскрытию и расследованию грабежей, разбоев, обнаружения иных, неизвестных следствию, источников информации и доказательств. При подготовке к следственным действиям или оперативным мероприятиям, а также, приступая к расследованию преступления, совершенного с применением новых для следователя знаний, либо в незнакомой для него сфере человеческой деятельности, он может пополнить свои знания об этом с помощью информации из сети Интернет [3, с. 147]. Ложная анонимность распространения информации приводит к тому, что в ней содержатся сведения о противозаконной деятельности некоторых лиц и организаций.

Интернет помогает использовать и применять новые методы привлечения граждан к оказанию помощи в раскрытии и расследовании преступлений. Одним из самых простых и в то же время популярных способов получения информации от граждан в интернет-пространстве может стать создание специальных сайтов для регистрации информации, представляющей оперативный интерес, а также интернет-сайты могут служить для профессионального общения специалистов, работающих в различных подразделениях.

Множество публикаций в сети создаются для того, чтобы получить помощь от населения. На интернет-сайте следователя или следственного подразделения размещаются сведения о розыске преступников, представляющие угрозу жизни и здоровью гражданам, свидетелей, владеющих оперативной информацией, потерпевших, могущих знать информацию об обстоятельствах совершения общественно опасного деяния, вещественных доказательств, для предоставления в суде; объявление о вознаграждении за полезные для расследования сведения; советы о том, как уберечься от действий преступника; достоверная информация о расследовании конкретного уголовного дела при возможном ее искажении журналистами в прессе. На такого рода сайтах выделяются страницы, где можно заполнить форму сообщения о совершенных и подготавливаемых преступлениях, о предполагаемых преступниках, их связях и т. п. Передача сведений о преступной деятельности может осуществляться с сохранением анонимности заявителя. Хотя анонимные сообщения о преступлениях в соответствии с ч. 7 ст. 141 УПК не могут служить поводом для возбуждения уголовного дела, при наличии в них сведений о совершении преступления или приготвлении к совершению преступления их следует рассматривать в качестве оснований для проведения проверочных мероприятий [4, с. 118].

Использование сети Интернет дает множество способов и методов для проведения опросов. Самым эффективным является проведение легендированного опроса, при котором сотрудник скрывает свои истинные цели.

Использование во Всемирной сети Интернет мощных справочно-информационных систем дает возможность для получения информации при изучении размещенных там данных. Особое внимание уделяется анализу социальных сетей, так как большую часть информации о себе пользователи социальных сетей размещают в сети Интернет, информации о другом человеке (например, совместные фотографии, видео и др.). В результате данные о человеке могут находиться в интернете, даже если он не является активным пользователем. Например, социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники», Instagram, Twitter и многие другие активно используются правоохранными органами для выявления преступных связей, контактов подозреваемых. Относительно поиска информации по социальным сетям можно выделить следующий алгоритм: поиск страницы, анализ страницы – изучение открытой информации на странице, просмотр фотографий, комментариев как самого пользователя, так и гостей его страницы; поиск по «лайкам», поиск сторонних ссылок (например, на Instagram). Поиск общих друзей: зайти в список друзей, выбрать первого в списке (программа автоматически ранжирует друзей от более близкого знакомого к более дальнему, и эту процедуру нужно проделать до тех пор, пока не найдется общий знакомый). Единственный момент, который нужно учитывать, – это необходимость не принимать во внимание публичные и рекламные страницы [5, с. 58]. Также исследуются имеющиеся фото, видеоматериалы, диалоги, размещенные в социальных сетях, которые являются основным доказательством по делу, а также помогают установить местонахождение самого лица, так и средств, орудий, используемых для совершения грабежей, разбоев. Проведение поисковых мероприятий в сети Интернет не требует получения специальных разрешений, так как необходимая информация является открытой и общедоступной.

Несмотря на большой потенциал Всемирной сети Интернет, в деятельности оперативных сотрудников в раскрытии грабежей и разбоев имеются и отрицательные моменты.

Положительные моменты создания сайтов сотрудниками перекрывает латентность, так как одно дело иметь потенциальную аудиторию десятки миллионов людей, и совсем другое дело приобрести реальных посетителей сайта. В итоге, несмотря на доступность интернета, его использование для распространения информации в большинстве случаев может оказаться менее эффективным, чем использование традицион-

ных средств распространения информации. В этом заключается одно из основных противоречий интернета: масштабность потенциальной аудитории любого, без исключения, сайта и крайне низкая посещаемость основного количества сайтов. Прежде всего необходимо обозначить цель (информирование, поиск свидетелей и пр.) и круг потенциальных потребителей информации, и в согласовании с этим сочетать средства массовой информации.

Можно выделить негативные моменты, которые нужно решить в кратчайшие сроки. Безусловно, сотрудник для того, чтобы найти необходимую информацию, должен иметь опыт владения с ПК; обладать навыками и умениями осуществления поиска в сетевом пространстве интернета, а также анализировать полученные сведения. Однако в настоящее время сотрудники не обладают в достаточной степени необходимыми знаниями, умениями и навыками в осуществлении мониторинга в информационном пространстве, им приходится получать необходимые умения в условиях самообучения.

Следует отметить, что одним из негативных моментов является нехватка сотрудников в данной сфере, поскольку необходимые эксперты и специалисты рассматриваемого направления нужны по другим направлениям, в том числе деятельности хозяйствующих субъектов, где ресурсы для привлечения аналогичных лиц играют не последнюю роль. По нашему мнению, самой главной проблемой является техническая оснащенность ОВД. В настоящее время не у каждого отдела имеются современные компьютеры, не говоря уже о том, чтобы сотрудники пользовались высокоскоростным интернетом. Особое внимание необходимо уделить последнему. При необходимости использования сети Интернет оперативным сотрудникам приходится тратить свои деньги, при условии покрытия сети через Wi-Fi, или сотовых операторов через модем, причем высокая скорость интернета, например 4G, подвластна только городам областного подчинения, а городам районного подчинения можно только завидовать и довольствоваться тем, что есть. Другой вопрос, если есть возможность получения корпоративного интернета, который позволяет ликвидировать некоторые вопросы, связанные с легитимностью полученных доказательств в сети, который, как уже было указано, используется за счет денежных средств оперативных сотрудников. Использование сети Интернет также дает возможность ограничиться в предоставлении документов прокурору, впоследствии для дачи санкции. Все это в значительной степени делает работу проще в информационном пространстве Всемирной сети Интернет, а также позволяет сэкономить время и силы, дает возможность действовать селективно и получать достойный результат.

К тому же при проведении оперативно-розыскных мероприятий сотрудник может своими действиями нарушить приобретенные с рождения конституционные права граждан. Думаем, что, если такого рода информация стала известна сотрудникам во время мониторинга в информационном пространстве сети Интернет, использование полученных данных в качестве доказательств по уголовному делу нежелательно, ввиду обоснованно возможной оспариваемости их легитимности со стороны защиты. В данной ситуации полученная информация может быть вспомогательным элементом для успешного проведения иных оперативно-розыскных мероприятий и комплексов, избличающих вину лиц [6, с. 67].

Следующая проблема – неконтролируемое распространение материалов, размещенных в сети Интернет: электронная форма материалов позволяет легко их копировать. Кроме того, часто невозможно определить, кто именно скопировал конкретную информацию с сайта, а значит, невозможно проследить ее дальнейшее распространение, материал может внезапно «всплыть» практически в любой точке земного шара. Остановить распространение информации, однажды опубликованной в сети Интернет, практически невозможно. Даже если сайт будет закрыт, нельзя быть уверенным, что информация не скопирована одним из гостей сайта, и что она не окажется в интернете снова [7, с. 313].

Можно сделать вывод, что Всемирная сеть Интернет, несмотря на все ее особенности и недостатки, имеет огромный потенциал, но для его использования нужно приложить немало усилий, провести общий аналитический обзор определений интернета в юридической науке и попытку дачи наиболее подходящей дефиниции правовой составляющей интернета на основе этого обзора. Следует отметить один из негативных моментов – нехватка сотрудников в данной сфере, поскольку необходимые эксперты и специалисты рассматриваемого направления нужны по другим направлениям. Полагаем, стоит повысить уровень знаний в этой области оперативных сотрудников, а также организовать необходимую техническую оснащенность ОВД. Помимо этого, считаем целесообразным урегулировать данные общественные отношения в сети Интернет на законодательном уровне.

Список использованных источников

1. Абдуджалилов, А.В. К вопросу об определении понятия «Интернет» / А.В. Абдуджалилов // Евраз. юрид. журн. – 2017. – № 2. – С. 258–261.
2. Жуков, А.И. Современные проблемы использования интернета в раскрытии и расследовании преступлений / А.И. Жуков // Проблемы соврем. науки и образования. – 2017. – № 25. – С. 43–44.

3. Михайлов, М.А. Интернет в деятельности следователя и эксперта / М.А. Михайлов // Матеріали Міжнар. наук.-практ. конф. «Сучасні судово-експертні технології в кримінальному і цивільному судочинстві», Харків, 14–15 березня 2003 р. – Харків : Вид-во Нац. ун-та внутр. справ, 2003. – С. 147–150.

4. Ишин, А.М. Современные проблемы использования сети Интернет в расследовании преступлений / А.М. Ишин // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. – 2013. – Вып. 9. – С. 116–122.

5. Олиндер, Н.В. Проблемные вопросы поиска и восприятия информации о человеке в сети Интернет и ее использование при расследовании преступлений / Н.В. Олиндер, Е.А. Гамбарова // Юрид. вестн. Самар. ун-та. – 2016. – № 4. – С. 55–60.

6. Алябьев, А.А. Проблемы осуществления оперативно-розыскных мероприятий в информационном пространстве в сети Интернет / А.А. Алябьев, А.В. Лагуточкин // Проблемы правоохран. деятельности. – 2013. – № 1. – С. 66–69.

7. Гончарова, Е.А. Использование сети Интернет в раскрытии и расследовании преступлений / Е.А. Гончарова // Ученые зап. Тавр. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. – 2009. – № 1. – С. 310–315.

УДК 347.232.11

В.В. Курпиенко, курсант уголовного-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.В. Паращенко*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.Н. Яхновец*

КЛАД, НАХОДКА И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АРТЕФАКТ КАК ОСНОВАНИЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ: ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ

Рассматриваются понятие и характерные признакиклада, находки и археологических артефактов. Проводится отграничение между перечисленными правовыми категориями, а также анализируются основания приобретения права собственности на них.

Гражданское законодательство устанавливает различные основания приобретения права собственности. К основным из них относится приобретение права собственности на бесхозяйное имущество, в том числе на имущество, от которого собственник отказался или на которое утратил право, например, клад.

По законодательству Республики Беларусь, клад – это зарытые в земле или сокрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен либо в силу акта законода-

тельства утратил на них право (согласно ст. 234 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК)) [1].

Упомянутые в определении клада деньги или ценные предметы поступают в собственность лица, которому принадлежит имущество (земельный участок, строения и т. п.), либо лица, его обнаружившие, делят его в равных долях, если соглашением между ними не установлено иное, там, где клад был сокрыт.

Для детального рассмотрения клада как правовой категории необходимо выделить следующие его характерные особенности:

во-первых, клад – это обязательно ценный предмет, при этом не может признаваться кладом предмет, не являющийся значимым. Однако законодатель не указывает, какой именно ценностью должна обладать вещь: материальной или культурной (исторической);

во-вторых, клад – это бесхозяйная вещь, так как его законодательное закрепление аналогично понятию бесхозяйной вещи (п. 1 ст. 226 ГК);

в-третьих, клад – это всегда волевой аспект человека, а именно: деньги или ценные вещи не могут появиться сами по себе: один человек их прячет (зарывает в землю, иным способом скрывает), а другой их находит. Причем его действия направлены на отыскание (кладоискатели) либо предвидение возможности отыскания какого-либо предмета (раскопки в огороде, на поле, на рабочем участке и т. д.).

Проведя анализ норм ГК, регламентирующих основания приобретения права собственности, можно подчеркнуть, что понятие клада имеет схожесть с находкой и археологическим артефактом, поэтому необходимо провести точное разграничение между рассматриваемыми правовыми категориями.

Так, находка рассматривается как вещь, потерянная одним лицом (собственником) и случайно найденная другим лицом [2, с. 192]. Она может быть как ценной (деньги, телефон, ключи и т. д.), так и не иметь стоимостного признака (вещь, которая несет в себе значимость только для собственника). Найдка также относится к бесхозяйным вещам, так как их законодательное понятие аналогично и они являются составной частью друг друга. Важным аспектом отграничения представляется отсутствие воли у субъектов, при чем у обеих сторон. Именно стихийность происхождения и отделяет клад от находки.

Таким образом, кладом, в отличие от находки, можно считать лишь намеренно скрытые деньги или ценные предметы. Важным моментом в разграничении является волевой аспект. При находке вещи из владения собственника выходят помимо его воли, при обнаружении клада, наоборот, собственник сознательно прячет (скрывает) деньги или ценные предметы [3, с. 288].

Законодательного определения и признаков археологического артефакта в ГК не содержится. По мнению В.С. Богнарера, «Артефакт – это любой материальный объект, изготовленный или модифицированный человеком прошлого и выполняющий определенную культурную функцию» [4, с. 36].

По своей сути, археологические артефакты представляют собой вещи, обладающие исторической, научной значимостью и способные удовлетворять духовные потребности людей. Перечисленные положения объединяются суждением о том, что археологические артефакты являются культурной ценностью.

Критериями археологического артефакта, как культурной ценности, являются следующие:

во-первых, рассматриваемые объекты являются вещественным результатом всеобщего труда, создающим связь между людьми через производство конкретного определенного предмета труда;

во-вторых, они обладают признаком всеобщности, внешним проявлением которого обычно выступает уникальность объектов, признаваемых культурными ценностями;

в-третьих, как правило, осознание истинного значения рассматриваемых объектов происходит лишь со временем;

в-четвертых, культурные ценности осуществляют очень важную социальную функцию: они являются связующим звеном между разными поколениями и народами, играя важнейшую роль в формировании необходимого обществу типа личности [5, л. 30].

Необходимо отметить, что земля для археологии является «неисчерпаемым архивом вещественных документов» [6, с. 38]. Поэтому деление по месту отыскания клада и археологического артефакта, как и по определению ценности, не представляется возможным.

Однако законодатель все же разграничил регулирование данных понятий. В ст. 234² ГК определено, что археологические артефакты обнаруживаются при проведении археологических исследований (что могло служить основанием их разграничения по способу отыскания) либо иным образом (здесь же законодатель расширяет возможности обнаружения, что снова приводит к тождеству способа отыскания археологического артефакта и клада).

Возвращаясь к отграничению клада и археологического артефакта, можно сделать вывод, что в целом, они полностью сходны. Однако, так как законодатель разделил регулирование данных понятий, необходимо выделить следующее:

действие ст. 234 ГК не распространяется на лиц, в круг трудовых или служебных обязанностей которых входило проведение раскопок и

поиска, направленных на обнаружение клада. Действие же ст. 234² ГК наоборот регулирует данную деятельность и закрепляет, что при обнаружении археологического артефакта данные лица передают их в государственную собственность;

археологические артефакты имеют культурную (историческую) значимость, тогда как клад является и культурной, и материальной ценностью;

археологические артефакты проходят обязательную атрибуцию и идентификацию относительно иных однородных предметов, установление уникальности.

В целом, анализируя вышеизложенное, решение вопроса о принадлежности вещи к кладу либо археологическому артефакту должно принадлежать специалисту в области истории и археологии.

Необходимо также обозначить основания приобретения права собственности на клад и последствия его обнаружения.

Так, согласно ст. 88 Кодекса Республики Беларусь о культуре [7] перечислены обязанности субъектов, которые обнаружили материальную культурную ценность, которой может быть придан статус историко-культурной ценности и которая на момент ее выявления не имеет собственника. За отыскание такого клада предусмотрено вознаграждение, которое регулируется ГК и Кодексом Республики Беларусь о культуре [7].

Следует также учесть правило ст. 234¹ ГК, согласно которому обнаружение при проведении поисковых работ, раскопок либо иным образом находок (антикварные, исторические оружие и боеприпасы, иное вооружение или военная техника) передаются специализированной поисковой воинской частью в государственную собственность соответствующим органам [8]. Данная норма регулирует нелегальное кладоискательство и нелегальный оборот орудия.

Согласно ст. 234 ГК в случае обнаружения клада, содержащего материальные объекты, обладающие отличительной значимостью, необходимо передать их в государственную собственность.

При этом собственник земельного участка или иного имущества, где клад был сокрыт, и лицо, обнаружившее клад, имеет право на получение совместного вознаграждения в размере пятидесяти процентов от общей стоимости клада. Вознаграждение распределяется между ними в равных долях, если не установлено иное соглашение. В случае обнаружения клада лицом, производящим раскопки или поиски ценностей без согласия собственника земельного участка или иного имущества, где клад был сокрыт, вознаграждение этому лицу не выплачивается, а в полном объеме поступает собственнику земельного участка или иного имущества.

Иными словами, на право собственности клада могут претендовать три участника правоотношения: собственник земельного участка или иного имущества, лицо, обнаружившее клад, и государство.

Подводя итог, необходимо отметить, что клад является одним из оснований приобретения права собственности наряду с находкой и археологическими артефактами. Но данные понятия следует разделять, так как каждое из них имеет самостоятельное регулирование, а значит различные основания приобретения права собственности и определенные последствия их отыскания.

Клад, находка и археологический артефакт по законодательству Республики Беларусь являются бесхозной вещью. Данные правовые категории закреплены в отдельных нормах ГК, а значит, их регулирование различно. Основным отличием клада от находки является волевой признак. Основным отграничением археологического артефакта от клада является его способ отыскания, культурная ценность предмета и наличие уникальности.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. № 277-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Куприенко, В.В. Особенности правового регулирования находки в Республике Беларусь / В.В. Куприенко // Курсант. вестн. : сб. науч. ст. обучающихся / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь», 2020. – Вып. 5. – С. 191–196.
3. Колбасин, Д.А. Гражданское право : учеб. пособие : в 2 ч. / Д.А. Колбасин. – Минск : Академия МВД, 2016. – Ч. 1. – 496 с.
4. Бочкарев, В.С. К вопросу о системе основных археологических понятий / В.С. Бочкарев // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. – Л., 1975. – С. 34–42.
5. Сергеев, А.П. Гражданско-правовая охрана культурных ценностей в СССР : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А.П. Сергеев. – Л., 1990. – 413 л.
6. Амальрик, А.С., Монгайт, А.Л. Что такое археология / А.С. Амальрик, А.Л. Монгайт // Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва Просвещения РСФСР. – М., 1966. – 186 с.
7. Кодекс Республики Беларусь о культуре [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. № 277-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

8. Об утверждении Инструкции о порядке проведения полевых поисковых работ с участием членов общественных объединений и граждан [Электронный ресурс] : постановление М-ва обороны Респ. Беларусь, 7 авг. 2017 г., № 16 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 342.9

А.Н. Левчук, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.П. Семенюк*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.Н. Крюков*

ПРАВОСУДИЕ КАК ОБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Исследовано и уточнено понятие правосудия как объекта административно-правовой охраны. На основе анализа научной и учебной литературы, уголовного и административно-деликтного законодательства отмечается важность правосудия для регулирования современных общественных отношений, определяются его основные черты. Автор приходит к выводу, что совершенствование административно-деликтных норм, охраняющих общественные отношения в сфере правосудия, позволит повысить его эффективность.

Во все времена осуществление правосудия считалось важнейшей функцией государства. Судебная власть является одной из ветвей государственной власти. Именно она обладает абсолютной монополией на деятельность в данной сфере.

Охрана общественных отношений в области правосудия осуществляется нормами уголовного и административно-деликтного права. Для правильной конструкции данных норм используются признаки состава правонарушения, которые объединены в элементы.

Одним из важных признаков, необходимых для характеристики административных правонарушений, позволяющих дать оценку их социально-политической сущности, традиционно служит объект административно-правовой охраны либо как его еще именуют в теории административно-деликтного права объект административного правонарушения. На основании этого актуальность настоящего исследования определяется важностью установления объекта правосудия, позволяющего дать классификацию противоправным деяниям, рассмотреть их правовую природу.

Правосудие как объект административно-правовой охраны представляет собой сложный феномен, не имеющий материальной формы, однако объективно существующий в рамках общественных отношений, опосредованных нормами права. Для наиболее правильного подхода к пониманию объекта административно-правовой охраны необходимо изучить понятие «правосудие» как видовой объект административных правонарушений.

Правильное установление указанного видového объекта административных правонарушений против правосудия имеет большое значение для отграничения административных правонарушений против правосудия от иных административных правонарушений, также посягающих на государственную власть, в частности административных правонарушений против порядка управления.

Современное белорусское законодательство не раскрывает содержание понятия правосудия, однако оно употребляется в Уголовном кодексе Республики Беларусь, Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях, других нормативных правовых актах. В научной юридической литературе термин «правосудие» либо употребляется как общеизвестный, но разные авторы при раскрытии его содержания используют собственный подход и различное его понимание, в результате чего правосудие не всегда имеет однозначное толкование, что затрудняет правоприменительную практику.

Точное и правильное понимание правовых норм дает возможность правильного и единообразного применения Закона. На основании этого уточнение понятия «правосудие» имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Изучение исторических особенностей исследования данных вопросов позволяет указать на неоднозначность понимания правосудия учеными-правоведами.

Например, в учебнике гражданского процесса, изданного в 1940 г. под редакцией А.Ф. Клейнмана, указано, что правосудие как «разрешение специальными органами государственной власти вопросов о применении права к конкретным случаям жизни, фактам, действиям, отношениям является одной из важных государственных функций». А.Ф. Клейнман отмечал, что осуществлять правосудие – это значит судить о праве, разрешать спор о праве, подтверждать права и обязанности людей, учреждений, предприятий, хозяйственных и общественных организаций [1, с. 35].

Также заслуживает внимания и точка зрения А.А. Мельникова, изложенная в коллективной монографии «Конституционные основы правосудия в СССР», которая была издана в 1981 г. По его мнению, «...совет-

ское социалистическое правосудие – это одна из форм государственного управления, средство выполнения государством внутренней функции охраны социалистического правопорядка, социалистической собственности, прав и свобод граждан путем разрешения специальным органом государственной власти – судом гражданских и уголовных дел по правилам, предусмотренным гражданским и уголовно-процессуальным правом, т. е. путем применения от имени государства норм права к установленным в судебном заседании фактам и отношениям, а в необходимых случаях и мер принуждения к правонарушителям» [2, с. 23].

По мнению Н.Т. Арапова, советское социалистическое правосудие по гражданским делам представляло собой деятельность государственного суда и участвующих в нем лиц по рассмотрению и разрешению в установленной законом процессуальной форме споров о праве гражданском, семейном, трудовом, колхозном, земельном, а также иных правовых споров и дел, отнесенных к его ведению, в целях охраны общественного строя СССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности, защиты социально-экономических, политических и личных прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией СССР и советскими законами и охраняемых законом интересов государственных предприятий, учреждений, организаций, колхозов, иных кооперативных организаций, их объединений, других общественных организаций [3, л. 10].

В диссертационном исследовании «Правосудие как социально-правовая ценность (вопросы теории)» В.А. Телегина правильно отмечает, что социально-правовая ценность правосудия заключается в том, что, с одной стороны, оно является средством достижения законности, правопорядка и справедливости, выступает надежным механизмом защиты общества в целом и каждого человека в отдельности от нарушения прав и административного произвола, а с другой – защищает государство от действий, ставящих под угрозу его единство, целостность и безопасность [4, л. 9].

Представляется довольно сомнительной позиция А.А. Камардиной, которая определяет правосудие довольно узко, только как деятельность по осуществлению уголовного правосудия и судопроизводства. Она понимает под правосудием деятельность государственного органа в лице суда по рассмотрению уголовных дел по существу, назначению наказания, а также по рассмотрению и разрешению споров, которые связаны с исполнением приговоров [5, с. 17].

А.Е. Белоусов, О.О. Басова также рассматривают правосудие как деятельность судов по рассмотрению и разрешению уголовных дел. Однако они подчеркивают, что правосудие связано с вынесением акта право-

судия и решением дела по существу. Промежуточные акты, например, решение о мере пресечения, в виде заключения под стражу, домашнего ареста, или залога или в отношении производства следственных действий, которыми ограничиваются права и свободы человека, к деятельности по осуществлению правосудия они не относят [6, с. 194].

Более точным, полным и научно обоснованным представляется понятие правосудия, которое дано в Белорусском энциклопедическом словаре. По определению Е.В. Дубровина, под правосудием понимается разновидность государственной деятельности, осуществляемой судами в установленном законодательством порядке. Правосудие осуществляется только судом при рассмотрении дел в качестве суда первой инстанции, в апелляционном или кассационном порядке, в надзорном порядке и по вновь открывшимся обстоятельствам. Оно представляет собой деятельность, целью которой является охрана прав и свобод граждан, защита интересов общества и государства, укрепление законности и правопорядка. Отправление правосудия является основной функцией судебной власти. Сам порядок его осуществления регламентирован процессуальным законодательством.

Правосудием можно считать также деятельность суда, в результате которой окончательно разрешается правовой спор или конфликт. Отличительной особенностью правосудия является возможность применения к правонарушителям меры государственного принуждения [7, с. 199].

Большой вклад в определение понятия правосудия внес Г.А. Василевич в монографии «Конституционное правосудие» исследована роль и значение конституционного правосудия как главного средства защиты конституционных прав и свобод граждан. Конституционное правосудие рассматривается как часть общего понятия правосудия и как деятельность Конституционного Суда Республики Беларусь по защите личных, политических, экономических, социальных, культурных прав и свобод, по совершенствованию правовых отношений, участниками которых являются государство, граждане и субъекты хозяйствования. Рассмотрена также роль других органов государственного управления в обеспечении конституционного правосудия [8].

Анализируя различные точки зрения по определению понятия правосудия как объекта административно-правовой охраны, можно выделить его основные черты:

1. Вся процессуальная деятельность суда является правосудием. Если рассмотрение дела в суде и вынесение процессуального решения в форме приговора можно считать непосредственным правосудием, то меры наказания – это результат такого правосудия, который является неотделимой частью самого правосудия. Вынесение судебного решения и

есть акт правосудия, без него не достигается результат, к которому стремится суд, и в данном случае нельзя говорить о правосудии.

2. Термин «правосудие» нельзя употреблять только в отношении деятельности суда в уголовном процессе. Правосудие может осуществляться при разрешении дел об административных правонарушениях, по гражданским и хозяйственным делам. Особое значение в деятельности государственных органов занимает конституционное правосудие.

3. Исходя из общественной опасности либо вредности совершаемых противоправных деяний, законодатель закрепил нормы, охраняющие правосудие, в Уголовном кодексе Республики Беларусь и Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях.

4. Роль и значение правосудия обусловлены важностью деятельности, которая связана с разрешением конкретных правовых споров. В каждом случае могут затрагиваться права и законные интересы граждан, а также важные государственные и общественные интересы. От этого напрямую зависит авторитет государственной власти и ее способность правильно регулировать общественные отношения.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Правосудие – это особый вид государственной деятельности, осуществляемый в процессуальной форме, по рассмотрению конституционных, гражданских, административных, уголовных, иных дел и разрешению их путем вынесения общеобязательных решений с целью защиты прав, свобод и законных интересов личности, общества и государства.

2. Правосудие как объект административно-правовой охраны – это осуществляемая в установленной законом процессуальной форме правоприменительная деятельность, основанная на системе правовых норм и направленная на справедливое разрешение споров о праве.

3. Совершенствование административно-деликтных норм, охраняющих общественные отношения в сфере правосудия, позволит повысить эффективность осуществления правосудия как одной из функций государственной деятельности.

4. Правосудие является одним из важнейших гарантов защиты прав и законных интересов граждан.

Список использованных источников

1. Клейнман, А.Ф. Гражданский процесс / А.Ф. Клейнман. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 118 с.

2. Мельников, А.А. Правосудие как предмет конституционного регулирования / А.А. Мельников / Конституционные основы правосудия в СССР // В.М. Савицкий [и др.]. – М. : Изд-во «Наука», 1981. – 360 с.

3. Арапов, Н.Т. Проблемы теории и практики правосудия по гражданским делам / Н.Т. Арапов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 128 с.

4. Телегина, В.А. Правосудие как социально-правовая ценность (вопросы теории) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.А. Телегина. – Саратов, 2006. – 166 л.

5. Камардина, А.А. О понятии и сущности правосудия в уголовном судопроизводстве / А.А. Камардина / Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2014. – № 3 (164). – С. 14–17.

6. Белоусов, А.Е. О понятии правосудия по уголовным делам / А.Е. Белоусов, О.О. Басова // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия «Право». – 2015. – № 2 (21). – С. 191–198.

7. Дубровин, Е.В. Правосудие / Е.В. Дубровин / Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. Т. 3 / редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 623 с.

8. Василевич, Г.А. Конституционное правосудие / Г.А. Василевич. – Минск : Право и экономика, 2012. – 326 с.

УДК 342.9

М.А. Марчук, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *А.Л. Федорович*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *О.И. Левшуик*

МИРОВОЙ ОПЫТ В БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ СПИРТСОДЕРЖАЩИХ ЖИДКОСТЕЙ

Рассматривается проблема борьбы с незаконным оборотом спиртосодержащих жидкостей в странах Европейского союза, США и Австралии с 1970 по 2021 г. Рассматриваются основные меры борьбы с незаконным оборотом спиртосодержащих жидкостей, а также меры взысканий за совершение правонарушений в сфере незаконного оборота спиртосодержащих жидкостей. Проводится сравнительный анализ зарубежного и отечественного законодательства.

В 1970–1990-е гг. европейские страны, такие как Польша, Литва, Латвия и Эстония, а также США, Австралия, входили в пятерку стран с самым высоким уровнем потребления алкоголя в мире. Потребление на душу населения и преобладающие количество употребляемого алкоголя, т. е. высокое потребление за один раз, высокая доля людей, пьющих до состояния опьянения, и высокая частота ситуаций, когда алкоголь потребляется и негативные последствия его потребления переносятся в разные круги общественных отношений. В 1989 г. в ответ на эти вызовы Европарламент сформировал Европейскую службу по регулированию

алкогольного рынка и опубликовал концепцию стратегии по сокращению злоупотребления алкоголем и алкогольной зависимости на уровне населения на период 1970–1980 гг.

Оценивая вклад вышеуказанной концепции в эффективном регулировании алкогольного рынка, требуется изучить действующее зарубежное законодательство в рассматриваемой сфере [1, с. 54–48].

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, из 14 задач, регламентированных Конвенцией, семь были оценены как выполненные, а еще семь – как частично выполненные. Спустя десять лет после принятия концепции потребление алкоголя снизилось примерно на треть, а алкоголь рассматривается как фактор риска для здоровья населения Европы и США.

Алкогольная политика является частью единой стратегии в отношении борьбы с незаконным оборотом алкоголя, наркотических средств и допинга, а также Политика против табака (ППТ, англ. ANDT) (2010 г.) на период 2011–2015 гг.

Стратегия устанавливает цели, приоритеты и направления государственных мероприятий. Она содержит ряд долгосрочных целей, имеющих постоянную актуальность. С этим связан ряд приоритетных целей, которые необходимо достичь в период действия стратегии. Она охватывает широкий спектр областей от местных превентивных действий до мер, предназначенных для ограничения поставок, борьбы с незаконным оборотом спиртосодержащих жидкостей в Европейском союзе. Приняв пятилетнюю согласованную стратегию, правительство стремится облегчить долгосрочную перспективу и лучшую координацию, и сотрудничество между всеми заинтересованными сторонами. Это также подчеркивает ответственность всех вовлеченных участников. Муниципалитет отвечает за координацию и контроль на местном уровне [2, с. 135]. В Швеции вступил в силу новый Закон об алкоголе (2010 г.) в январе 2011 г. Вся торговля (розничная, оптовая, импорт и экспорт), производство и маркетинг алкогольных напитков регулируется Законом об алкоголе. Шведский национальный институт общественного здравоохранения в 2010 г. – национальный центр знаний и надзорный орган в сфере политики против табака. Институт отвечает за поддержку Координации политики против табака на всех уровнях. Административный совет графства имеет координирующую, управляющую и контролирующую функции на региональном уровне [3].

Административная структура профилактики незаконного оборота алкоголя в Австрии представляет комплекс профилактических мероприятий, таких как беседы с гражданами, вынесение предписаний, а также демонстрирование гражданам лиц, которые на протяжении долго-

го времени употребляют алкогольные изделия. Поскольку австрийские модели употребления алкоголя характеризуются скорее интегрирующей составляющей, большинство австрийцев не воспринимают пьянство, употребление алкогольных напитков как нечто негативное, так как большая часть населения Австралии имеет представление об алкоголе.

Поскольку в конце XX – начале XXI в. уголовное право считало алкогольное опьянение отягчающим обстоятельством, что и привело с давнего времени к предостережению граждан от употребления спиртных напитков. Злоупотребление алкоголем в Австралии давало право полиции на незамедлительный арест гражданина и штраф до 1 000 австралийских долларов, что равно 2 000 тыс. белорусских рублей по курсу Национального банка Республики Беларусь. Сильно напиться – не главная цель или, по крайней мере, не сознательная основная цель, для большинства австрийцев, употребляющих алкоголь. Пока опьяненный человек не был официально классифицирован как алкоголик или кем-либо чрезмерно употребляющим алкоголь, например, на работе или за рулем автомобиля в состоянии алкогольного опьянения, опьянение чаще всего воспринимается как что-то неуместное или пугающий инцидент.

Употребление алкоголя, а также его незаконный оборот в связи с особыми видами деятельности, создающими опасность для других, все больше кажутся проблемными. В первой половине 1990-х гг. менее 2 % взрослого населения Австрии, Европейского союза и США начали считать вождение автомобиля с уровнем концентрации алкоголя в крови за пределами установленных законом ограничений. Однако в то же время более чем треть владельцев автомобилей признали, что нарушили правила относительно вождения в нетрезвом виде, за что впоследствии и понесли соответствующую ответственность, начиная от штрафов и заканчивая лишением права на управление транспортным средством, а в некоторых случаях и лишением свободы [4, с. 87–88]. В Австрии и США множество законов, постановлений и мер, касающихся производства алкоголя, распределение и потребление были установлены в течение последних 30 лет. Большинство из них были в основном разработаны для обслуживания экономических и финансовых интересов государств.

Меры, связанные с борьбой против незаконного оборота алкоголя, были введены в основном независимо друг от друга различными административными органами и секторами для различных причин, и они никогда не согласовывались. Термин «алкогольная политика» ранее не воспринимался как официальный. Федеральная структура Австрии ставит многие вопросы здоровья, безопасности, социального обеспечения и образования в ответственность деятельности государства. Некоторые проблемы, такие как открытие и часы закрытия ресторанов и пабов, были возложены на местные административные органы.

В 1955 г. был создан Консультативный совет по вопросам алкоголя в странах Европы и США, затем такой же совет появился и в Австралии. Основан в Министерстве социальных дел, которое в то время также отвечало за здоровье граждан. Правление создано по просьбе союза психиатров и профсоюз рабочих трезвенников, главное отделение Австрийское движение трезвости, реорганизованное в 1948 г. Кроме делегатов Правление этих двух организаций состояло из делегатов девяти государственных правительств, Министерства социальных дел и Министерства образования. Система медицинского страхования, т. е. представители рабочих и служащих организаций, с одной стороны, и с другой – представители работодателей и фермерских организаций.

Основной целью Консультативного совета в период 1975–1982 гг. было восстановление амбулаторного и стационарного лечения алкоголиков. Был введен в европейских странах и США, но отменен в 1973–1974 гг.

Профилактика, которая была целью в период борьбы с незаконным оборотом спиртосодержащих жидкостей в 1962–1970 гг., дала незначительный результат своей деятельности, что послужило основанием для создания Консультативного совета в различных странах мира по борьбе с пьянством и незаконным оборотом спиртосодержащих жидкостей. Консультативный совет был организован в 1971 г., а реорганизован в 1981 г. С тех пор ему также пришлось заниматься незаконным оборотом и потреблением наркотиков, поэтому он был назван Консультативным советом, борьбой со злоупотреблением алкоголем и другими веществами, вызывающими зависимость (*Bekämpfung des Missbrauchs von Alkohol und anderen suchtmitteln*).

В первой половине 1980-х профилактические центры были установлены в каждом штате Австралии и США, помимо массового запрета на продажу алкоголя и его распространение эти меры профилактики не дали особого результата, а наоборот привели к массовому «подпольному» производству спиртных напитков в странах Европы и США, очень широко данное явление было распространено в США [5, с. 245]. Молодежь – одна из целевых групп профилактических центров, так профилактика алкоголя начиналась с разъяснения гражданам о последствиях злоупотребления, а уже после их изоляцией в специальных центрах.

Профилактика алкоголя была в некоторой степени возрождена благодаря деятельности Европейского регионального бюро Европейского союза. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ-ЕВРО) и интеграция Австрии в ЕС. С середины 1990-х гг. наблюдаются некоторые усилия федеральных властей для реализации целей, определенных Европейским союзом ВОЗ в области здоровья для всех на 2000 г. и в

первом Европейском плане действий в отношении алкоголя. В ответ на эти действия Министерство труда, здравоохранения и социальных дел издало справочник об употреблении алкоголя, проблемах, связанных с алкоголем, и мерах контроля в 1999 г. Это же министерство также разработало планы по финансированию координационных и информационных центров по алкоголю в крупнейший лечебный центр для алкоголиков и наркоманов, расположенный в Вене.

Деятельность центра заключается в собирании и распространении соответствующей информации об алкоголе и организации Консультативного совета для принятия политических решений в отношении алкоголя. Министерство также рассмотрело возможность создания межведомственной рабочей группы, ответственной за проблемы алкоголя и борьбу с алкоголем, проблемы на рабочем месте. Запланированная структура профилактики имеет сходства и отличия от бывшей [6, с. 26–29].

Главной организацией, продвигающей алкогольную политику в Австралии, по-прежнему остается Министерство здравоохранения. Следовательно, врачи, особенно психиатры – основная профессия, занимающиеся мерами контроля над алкоголем, здесь же и Министерство внутренних дел оказывают воздействие на граждан и оказывают помощь, о чем свидетельствуют различного рода нормативные правовые акты. Другими словами, Минздрав является основной организацией, продвигающей меры, связанные с алкоголем, и психиатры – основная профессия, определяющая меры противодействия в алкогольном вопросе [7, с. 99–101].

Профилактика, следовательно, усилия понимаются как профилактика зависимости и профилактика усилия в основном направлены на отдельных лиц и во многом определяют лечение как основной и окончательной мерой. Основное отличие плановой структуры профилактики состоит в том, что первая была государственной структурой, основанной на интеграции подверженных конфликтам социальных сил, фермеров и работодателей, с одной стороны, и рабочие и служащие, с другой стороны [8, с. 55].

Планируемая профилактическая структура – это государственная структура, основанная на финансируемой государством частной профессиональной экспертизе. Это происходит, чтобы увидеть, подходит ли планируемая структура для решения спорных социальных, экономических и региональных интересов, и особенно интересов сектора производства и торговли алкоголем. В любом случае традиционные негосударственные организации, заинтересованные в вопросах общественного здравоохранения или социальной политики в отношении противодействия потреблению алкоголя.

Ответственность за незаконный оборот спиртосодержащих жидкостей сыграла важную роль в борьбе с алкоголем в странах Запада, таких как США и Австралия, и Европы. Так, в западных странах основными видами ответственности являются предупреждение, штраф, арест, лишение права управления транспортным средством, а также помещение лица в лечебное учреждение [9, с. 91–96]. Создание лечебных учреждений традиционно было самой заметной и наиболее распространенной мерой, связанной с противодействием противоправному потреблению алкоголя. Лечение алкоголиков было и остается частью психиатрической системы. Лечение проводится в специальных учреждениях или в психиатрических отделениях, больницах. Сегодня в Австрии около 800 коек для алкоголиков, или больных алкоголизмом. Первый специализированный лечебный центр для алкоголиков был основан в 1922 г., отделение для добровольно и недобровольно госпитализированных алкоголиков при психиатрической больнице, в Вене. Это так называемое *Trinkerheilstätte* было закрыто в 1939 г. в начале Второй мировой войны. В 1961 г. появилась первая так называемая открытая клиника (*Offene Anstalt*), насчитывающая около 60 коек, была основана в Вен-Кальксбурге на окраине Вены [10, с. 29–33].

Что же касается предупреждения, то оно выносится в письменной форме и направляется по месту работы гражданина, а также при повторном совершении лицо будет помещено в социальное заведение на срок не более 10 дней.

Штраф может выражаться как в точно установленной денежной сумме, так и в процентном отношении в зависимости от совершенного деяния, так лицо, совершившее правонарушение, может получить штраф в точно установленном количестве, так и в процентном отношении от получаемой им заработной платы.

Арест лица, совершившего правонарушение, в состоянии алкогольного опьянения может составлять не более 10 суток в специальных учреждениях, но в случаях, предусмотренных законодательством, лицо, совершившее проступок, может отбывать его на дому.

Лишение управления транспортным средством наступает как дополнительное взыскание за оборот и (или) употребление спиртосодержащей продукции, на срок не более четырех лет.

В Республике Беларусь также выделяются меры правового регулирования в двух сферах, связанных с алкоголем: производства, оборота алкоголя; противоправного потребления. Исходя из вышперечисленного, следует акцентировать внимание на подходах различных стран к борьбе с незаконным оборотом спиртосодержащей продукции, так и пьянством граждан. Во многом действия государственных органов направлены на

профилактику лиц, совершивших проступки, так в большинстве случаев выносится предупреждение, реже – штраф. Главным видом ответственности за незаконный оборот спиртосодержащих жидкостей является штраф. Штраф считается наиболее существенной мерой ответственности для граждан. В настоящее время в Республике Беларусь уделено особое внимание борьбы с незаконным оборотом алкоголя, основанный на сравнении международного опыта анализ показывает, что Республика Беларусь имеет более либеральное законодательство по отношению к странам Запада.

Список использованных источников

1. Конвенция о борьбе с незаконным оборотом спиртосодержащих жидкостей, Канберра, 21 апр. 2005 г. / Канбер. гос. ун-т ; редкол.: А.А. Гранович (отв. ред.) [и др.]. – Канберра, 2005. – 239 с.
2. Уголовный кодекс Австралии [Электронный ресурс] : 1 янв. 1999 г., № 125-3 : текст кодекса по состоянию на 1 марта 2021 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. Алкоголь в Австралии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://datewiki.ru/wiki/Alcohol_in_Australia#Legislation_and_guidelines. – Дата доступа: 01.05.2021.
4. Международное публичное право : учеб. пособие / А.С. Кривонощенко, И.С. Кузнецова ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2017. – 182 с.
5. Административное право. Часть 2. Административно-деликтное право. Особенная часть : учеб. пособие для студентов специальностей 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право», 1-24 01 01 «Международное право», 1-23 01 06 «Политология» / [А.Н. Крамник [и др.] ; под ред. А.Н. Крамника]. – 2-е изд., стереотип. – Минск : Издат. центр Белорус. гос. ун-та, 2012. – 393 с.
6. Адмиралова, И.А. Пределы усмотрения в административной деятельности полиции в зарубежных государствах / Адмиралова Ирина Александровна // Междунар. публич. и част. право = Public international and private international law. – 2014. – № 4. – 142 с.
7. Адоевская, О.А. О проблеме унификации международных зарубежных и национальных норм о борьбе с коррупцией / Ольга Адоевская // Уголов. право. – 2013. – № 3. – 132 с.
8. Азаров, С.О. Роль и место международного и государственного права в формировании правового статуса конфедеративного государства / Азаров Сергей Олегович // Междунар. публич. и част. право. – 2011. – № 3. – 175 с.
9. Абдуллин, А.И. Генезис правовой охраны товарных знаков в Европейском Союзе: к вопросу о причинах и предпосылках гармонизационных процессов / А.И. Абдуллин // Междунар. публич. и част. право. – 2006. – № 1. – С. 21–26.

10. Абдуллоев, П.С. Понятие выдачи лиц в рамках международного сотрудничества по уголовным делам в постсоветских странах / П.С. Абдуллоев // Вестн. Моск. ун-та. Серия 11, Право. – 2017. – № 1. – С. 80–92.

11. Федорович, А.Л. Особенности проведения контрольной закупки с целью контроля за соблюдением правил торговли алкоголем в зарубежных странах / А.Л. Федорович // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 февр. 2019 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; [редкол.: А.В. Яскевич (отв. ред.) и др.]. – Минск, 2019. – С. 98–99.

УДК 342.9

В.Д. Матусевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.С. Кривонощенко*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.В. Коляга*

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СИСТЕМЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Исследуется проблема определения места органов внутренних дел в системе местного управления и самоуправления. Подвергаются анализу теоретико-правовые подходы к рассматриваемой проблематике. Проводится исследование зарубежного опыта интеграции органов внутренних дел в систему местного самоуправления. Делаются выводы о белорусской модели территориального управления сферой внутренних дел и взаимодействии органов внутренних дел с местными органами власти.

Одним из актуальных вопросов, которой наиболее активно обсуждаются в зарубежных государствах, является проблема определения места территориальных органов внутренних дел в системе местного управления и самоуправления, а в частности, создание подразделений так называемой муниципальной милиции (полиции), интегрированной в систему органов местного самоуправления. Представляется, что данная проблематика заслуживает анализа и применительно к современной ситуации, сложившейся в Республике Беларусь.

В соответствии с Законом Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» исполкомы и местные администрации в пределах своей компетенции в порядке, установленном законодательством, совместно с правоохранительными органами осуществляют деятельность по охране общественного порядка. Это обстоятельство обуславливает тот факт, что территориальные органы власти

находятся под управленческим воздействием местных исполнительно-распорядительных органов наряду с прямой субординационной связью с вышестоящими органами внутренних дел. Данная ситуация в научной литературе традиционно называется «двойным подчинением» либо «принципом двойного подчинения».

При этом, по мнению А.И. Курака, взаимодействие местных органов власти в этой сфере осуществляется преимущественно с милицией общественной безопасности. В процессе этой деятельности решаются вопросы, непосредственно входящие в компетенцию местных органов власти в области обеспечения законности, защиты прав и свобод граждан с учетом местных условий, обстановки и т. д. [1, с. 112]. Именно на милицию общественной безопасности прежде всего распространяется руководящее воздействие местных органов власти. Между ними существует наиболее тесное взаимодействие, и для решения правоохранительных задач в практике выработались различные его формы – проведение совместных мероприятий по укреплению законности и правопорядка, рассмотрение данных вопросов на сессиях Советов и заседаниях исполкомов (администраций) с принятием соответствующих решений и т. д. [2, с. 15].

Более того, А.И. Курак предлагает законодательство об органах внутренних дел Республики Беларусь дополнить положением о том, что «милиция общественной безопасности образуется, реорганизуется и ликвидируется районными, городскими, областными исполнительными комитетами (местными администрациями) по согласованию с вышестоящими органами внутренних дел. Она ответственна перед ними и подотчетна им, а также соответствующим Советам депутатов» [1, с. 113].

Позволим не согласиться с подобной точкой зрения. Представляется нецелесообразным реализация подобного предложения, так как в этом случае милиция общественной безопасности превращается в некое подобие муниципальной местной милиции. При этом А.И. Курак пишет о том, что милицию общественной безопасности не следует отождествлять с муниципальной (местной) милицией [2, с. 14], с чем следует согласиться. Милиция общественной безопасности входит в структуру МВД Республики Беларусь, главного управления внутренних дел Минского городского исполнительного комитета, управлений внутренних дел областных исполнительных комитетов, управлений, отделов внутренних дел городских, районных исполнительных комитетов (местных администраций).

В свою очередь, муниципальная (местная) милиция финансируется за счет средств местного бюджета и, соответственно, подчиняется органам местного самоуправления, что «возможно лишь при кардинальном

пересмотре, в том числе и в законодательном порядке, всего спектра взаимоотношений государства и местного самоуправления» [3, с. 24]. Представляется, что в Республике Беларусь для подобного пересмотра взаимоотношений государства, полномочий правоохранительных и органов местного управления и самоуправления, нет оснований.

В то же время отметим, что в исследовательской литературе велась и продолжает вестись дискуссия о формировании муниципальных органов общественного порядка – муниципальной милиции (полиции). Сторонники данной идеи указывают на необходимость создания муниципальной полиции, что позволит, на их взгляд, «удовлетворить потребности в обеспечении охраны общественного порядка» на обслуживаемой территории конкретного муниципального образования [4, с. 18]. Оппоненты указанной идеи, научно аргументируя противоположную точку зрения, ссылаются на то, что одной из главных проблем организации охраны общественного порядка органами местного самоуправления является «отсутствие четкого разграничения полномочий в вопросах охраны общественного порядка между... уровнями власти» [5].

Активное обсуждение аспектов организации муниципальной полиции ведется в Российской Федерации. Поддерживая мнение о необходимости создания рассматриваемых органов, отдельные ученые отмечают, что муниципальная полиция в качестве самостоятельной структуры охраны общественного порядка, входящей в систему исполнительных органов местного самоуправления, сможет осуществлять свою деятельность обособленно от системы органов внутренних дел [6, с. 112]. А.М. Кононов в своих работах научно обосновывает, что муниципальные органы охраны общественного порядка представляют собой «основной инструмент и наиболее действенное средство, с помощью которого органы местного самоуправления могут реально и самостоятельно решать возложенную на них задачу», а их создание позволит сформировать в России «принципиально иную систему организации охраны общественного порядка, основанную на сочетании элементов централизации и децентрализации, что будет способствовать развитию местного самоуправления и укреплению правопорядка в нашей стране» [7, с. 36].

Оппонируя сторонникам создания муниципальной полиции, другие ученые обосновывают возможность создания муниципальных органов охраны общественного порядка в России, но отмечают, что это процесс сложный и многоступенчатый [8, с. 97]. Появление нового института в системе муниципальных органов, по мнению Е.Ю. Шихова, выдвигает перед законодателем проблему выяснения социального назначения, содержания, а также целей и задач, возлагаемых на муниципальную полицию [9, с. 17].

Принимая во внимание современные политические и экономические реалии, требующие отвлечения значительных материальных и людских ресурсов, полагаем, что создание в Республике Беларусь муниципальной милиции в настоящее время нецелесообразно. Решение подобного вопроса допустимо в перспективе и лишь при наличии фактов, указывающих на проблемы в обеспечении правопорядка силами и средствами органов внутренних дел.

Вместе с тем отметим, что вопрос о борьбе с правонарушениями, управление полицией (милицией) за рубежом все больше становится прерогативой именно местных властей.

В западной полицейской модели чаще можно встретить классификацию, в которой выделяются три типа моделей охраны правопорядка по степени подчиненности органам государственной власти: централизованная, децентрализованная (фрагментарная) и интегрированная [10, с. 17].

В странах, где правоохранительная система строится на принципах централизации (как правило, унитарные государства с континентальной моделью организации власти и управления), полицейские силы находятся под прямым контролем национального правительства, а местные подразделения полиции больше подчинены высшим органам управления, чем местной власти. Сегодня высокий уровень централизации полицейских сил в Израиле, Дании, Норвегии, Португалии, Финляндии, Швеции, Японии и некоторых других странах [10, с. 17].

Например, в Финляндии, как и во всех скандинавских странах, полиция работает в виде централизованного государственного органа. Она подчинена министру внутренних дел. В МВД Финляндии основным является Департамент полиции, управляющий организационно обособленными полицейскими службами: уголовной полицией, полицией безопасности, мобильной (дорожной) полицией и местными полицейскими органами. Последние планируют свою работу в тесном сотрудничестве с провинциальными властями и общественными институтами в форме различных полицейских комитетов и советов [11, с. 48].

В отличие от централизованной модели фрагментарная характеризуется высокой степенью децентрализации полицейских сил и распределением ответственности за состояние правопорядка между полицейскими органами разного уровня. Как правило, она принята в демократических государствах с федеративным устройством, которые принадлежат к англосаксонской системе права и имеют одноименную модель организации местного самоуправления. В этих странах традиционные опасения граждан по поводу возможных злоупотреблений со стороны государственных силовых структур привели к созданию сети самостоятельных полицейских агентств, максимально приближенных к населению. Наиболее эффективным примером реализации такой модели является

США, где основной объем функций по контролю за преступностью и обеспечению общественного порядка выполняют небольшие местные полицейские агентства, которые не имеют не только федерального подчинения, но и контроля на уровне штатов. Имея статус муниципальной полиции, эти агентства подконтрольны органам местного самоуправления и подотчетны жителям соответствующих территориальных образований [12, с. 112].

В современной Европе модель вполне децентрализованной полиции, организованной на принципах самоуправления, сохраняется только в Швейцарии. В этой стране отсутствует единый и монолитный корпус государственной полиции. Численность органов правопорядка и принципы их функционирования определяют отдельные местные (кантональные) органы власти [12, с. 112].

Третий, интегрированный тип организации полицейской системы представляет собой нечто среднее между доминирующей в государственном масштабе централизованной моделью охраны правопорядка, тяготеющей к локальным формам, и фрагментарной моделью. При такой умеренно децентрализованной форме организации местные полицейские органы получают право на определенную самостоятельность, а центральная власть сохраняет возможность осуществлять определенный контроль за их деятельностью. Сейчас это довольно распространенная в зарубежных странах модель полицейских сил. С некоторым различием, обусловленным национальными особенностями, такая модель организации полицейской деятельности используется в Австралии, Австрии, Бразилии, Великобритании и некоторых других странах [12, с. 112].

Например, в Великобритании система охраны правопорядка основывается на сочетании полномочий государства и органов местного самоуправления. В компетенцию министра внутренних дел, на которого возложена формальная ответственность за охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, не входит непосредственное руководство местной полицией – полицией графств. По Закону от 1964 г. он обязан осуществлять надзор за работой управлений местных полицейских органов, также ему дано право увольнять не соответствующих занимаемой должности шефов-констеблей, возглавляющих территориальные полицейские управления. В каждом графстве созданы полицейская администрация и совет, который является коллегиальным органом управления и одновременно частью структуры местного органа власти. Совет, состоящий из представителей органов местного самоуправления и судей, правомочен определять бюджет полиции графства, организационную структуру, направления деятельности, а также выдвигать кандидатов на должность шеф-констебля. Одновременно с советами действуют общественные консультативные комитеты, образованные

из представителей разных слоев общества и разных профессиональных групп, их основная задача – определение потребностей общества в сфере охраны общественного порядка и внесение предложений по улучшению деятельности полиции [12, с. 71].

Во Франции префект – не просто главное должностное лицо общего административного плана, это еще и главный полицейский [14, с. 34].

Анализируя зарубежный опыт правоохранительных органов и органов местного управления и самоуправления в сфере охраны общественного порядка, можно отметить, что тип системы взаимоотношений между правоохранительными органами и местными территориальными органами управления обусловлен историческими традициями, особенностями политической системы, экономическими и социальными факторами развития общества и др. Представляется, что для Республики Беларусь характерна централизованная модель охраны правопорядка, в которой правоохранительные органы, в первую очередь, органы внутренних дел, во взаимодействии с местными органами управления и самоуправления осуществляют деятельность по охране общественного порядка. Подобная модель охраны правопорядка согласовывается с принципом единства системы органов внутренних дел и централизации управления ими. Республика Беларусь является унитарным государством, что также является важным фактором для типа взаимоотношений правоохранительных органов и местных органов власти. Поэтому вести речь о создании муниципальных органов охраны правопорядка в нашей стране не только преждевременно и нецелесообразно.

Список использованных источников

1. Курак, А.И. Правовые проблемы взаимодействия местного управления и самоуправления с органами внутренних дел в обеспечении законности и правопорядка / А.И. Курак // Весці Беларус. дзярж. ун-та. Серыя 3. – 2001. – № 2. – С. 108–113.
2. Курак, А.И. Организационно-правовая деятельность органов местного управления, самоуправления и внутренних дел в обеспечении правопорядка : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А.И. Курак ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2002. – 17 с.
3. Скрипкина, Ю. Г. Взаимодействие органов местного самоуправления с органами внутренних дел по охране общественного порядка на территории муниципального образования (конституционно-правовые и организационные основы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Ю.Г. Скрипкина ; С.-Петерб. гос. ун-т МВД, 2009. – 32 с.
4. Юсенис, Г.Ю. Административно-правовой статус муниципальных органов охраны общественного порядка : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Г.Ю. Юсенис ; Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД России, 2004. – 22 с.

5. Кириллов, Ю.П. Об эксперименте по созданию муниципальной милиции: научные дискуссии [Электронный ресурс] / Ю.П. Кириллов / Клуб муниципальных деятелей. – Режим доступа: <http://emsu.ru/Club/bullet/5-1.htm>. – Дата доступа: 03.09.2020.

6. Казанник, А.И. Правовые проблемы формирования муниципальной милиции в Российской Федерации / А.И. Казанник // Вестн. Ом. ун-та. – 2006. – № 3. – С. 110–114.

7. Кононов, А.М. Теоретические основы организации муниципальных органов охраны общественного порядка в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / А.М. Кононов ; Акад. упр. МВД России, 2000. – 41 с.

8. Попов, А.Н. Деятельность органов местного самоуправления по обеспечению охраны общественного порядка : монография / А.Н. Попов. – Тамбов : Тамб. фил. МосУ МВД России, 2005. – 124 с.

9. Шихов, Е.Ю. Организация местной (муниципальной) милиции в системе самоуправления (по материалам г. Москвы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Е.Ю. Шихов ; Акад. МВД Рос. Федерации. – М., 1995. – 19 с.

10. Андреященко, Т.П. Полиция Франции, реформы полицейского управления 60–80-х годов и проблемы общественного порядка : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Т.П. Андреященко ; Моск. гос. ун-т. – М., 1990. – 19 с.

11. Князев, С.М. Муниципальная полиция зарубежных государств / С.М. Князев // Право и жизнь. – 2013. – № 5. – С. 46–54.

12. Рудик, Н.Н. Использование зарубежного опыта охраны общественного порядка силами муниципальной (местной) полиции в Украине / Н.Н. Рудик // Visegrad Journal on Human Rights. – 2015. – № 5/1. – С. 100–115.

13. Мещеряков, А.Н. Полиция зарубежных стран (основы организации) : учеб. пособие / А.Н. Мещеряков, В.Я. Ванюшин. – Челябинск : Челяб. юрид. ин-т МВД России, 2005. – 95 с.

14. Фененко, Ю.В. Муниципальные системы зарубежных стран: правовые вопросы социальной безопасности / Ю.В. Фененко. – М. : МГИМО – Университет, 2004. – 401 с.

УДК 349.6

В.О. Мурга, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.И. Стельмах*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ КЛИМАТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Исследуются проблемы и перспективы развития климатического или климатоохранительного законодательства Республики Беларусь на основе Парижского соглашения. Актуализируется внимание на стремительном измене-

нии климата и необходимости принятия правовых, экономических, организационных мер, направленных на регулирование антропогенного воздействия на климат.

Изменение климата на международном уровне признано одной из важнейших проблем мирового масштаба современности, требующей незамедлительной разработки и реализации эффективных и научно обоснованных механизмов ограничения неблагоприятного антропогенного воздействия на климатическую систему. Республика Беларусь, выступая стороной многочисленных международных договоренностей в сфере охраны климата, приняла на себя в числе прочих и обязательство по созданию нормативно-правовой базы, обеспечивающей предотвращение опасных изменений климата.

Признавая значимость правовых основ, обеспечивающих охрану климата, в то же время следует отметить наличие пробелов регулирования, недостаток комплексности в правовом регулировании соответствующих отношений с учетом специфики климатической системы и многоаспектности негативных последствий климатических изменений (экологических, социальных, экономических). Анализ нормативных правовых актов, определяющих политику и меры Республики Беларусь в области сокращения выбросов парниковых газов и увеличения их абсорбции, позволяет сделать вывод о том, что в большей степени отечественный законодатель ориентируется на административные методы регулирования, которые формулируются в форме императивных запретов, ограничений, направленных на обеспечение энергосбережения, уменьшения удельных затрат (средств, энергии и т. п.). Распространены также такие меры государственного регулирования, как субсидирование из государственного бюджета деятельности отдельных субъектов хозяйствования, что имеет слабое стимулирующее воздействие к поиску низкоуглеродных сценариев развития производства и к сокращению издержек. Кроме того, различные условия и методики ценообразования и формирования тарифов для негосударственных производителей энергии и государственных организаций не способствуют обеспечению привлекательности энергоэффективного, направленного на сокращение парниковых газов развития субъектов хозяйственной деятельности. Необходимо также обратить внимание на наличие пробелов правового регулирования, недостаток комплексности в правовом регулировании соответствующих отношений с учетом специфики климатической системы и многоаспектности негативных последствий климатических изменений (экологических, социальных, экономических) [1, с. 365].

Все страны, включая Республику Беларусь, приняли национальные цели по снижению или ограничению выбросов парниковых газов на

2025–2030 годы. Эти планы позволят избежать самых катастрофических последствий и удержать глобальное потепление к 2100 г. на уровне 30 °С. По мнению экологов и представителей наиболее уязвимых стран, этого совершенно недостаточно. Им удалось добиться того, что в соглашении поставлена цель – сдержать потепление на уровне менее 20 °С, а в идеале – 15 °С. По новому соглашению, самые экономически неразвитые и уязвимые к изменениям климата страны получают серьезную помощь. Решено, что в 2020 г. финансовая поддержка этих государств достигнет 100 млрд долларов в год, а дальше будет продолжаться [1, с. 366].

В Парижском соглашении закреплены обязанности стран по организации, подготовке, предоставлению, корректировке, учету и т. п. определяемых на национальном уровне вкладов (ст. 4). Зафиксированы также обязанности всех стран иметь долгосрочную стратегию низкоуглеродного развития, национальный план адаптации к изменениям климата и отчитываться о принятых мерах (ст. 7, 13) [2]. Страны взяли на себя обязанности принимать меры, чтобы леса и почвы сохранялись как «хранилища» углерода (ст. 5), реализация этих обязанностей в Республике Беларусь должна привести к включению мер, направленных на увеличение стока углерода в лесах, в нормативные акты, обеспечивающие формирование лесной политики. Важным положением Парижского соглашения является декларация новых подходов к реализации проектных механизмов, направленных на сокращение выбросов парниковых газов. Так, в ст. 6 учрежден «механизм для содействия сокращению выбросов парниковых газов и поддержки устойчивого развития». В данном положении предпринята попытка сохранить лучшее, что есть в проектных механизмах Киотского протокола, но не допустить проектов, не удовлетворяющих критериям устойчивого развития. Предполагается, что новый механизм будет отличаться от механизмов чистого развития и совместного осуществления, а в его основу будут положены следующие принципы: соответствие проектов критериям устойчивого развития, добровольность участия и необходимость авторизации проектов странами, невозможность двойного учета (единицы снижения выбросов могут быть засчитаны либо стране-инвестору, либо принимающей проект стране), часть поступлений от деятельности в рамках механизма будет использоваться для покрытия административных расходов развивающихся стран, для реализации мер по адаптации уязвимых стран к изменяющемуся климату. В настоящее время преждевременно говорить о том, как будет работать механизм, детализация будет проведена в правилах реализации Парижского соглашения, которые будут приняты на будущей конференции Сторон соглашения. Однако в самом Парижском соглашении упо-

минается межгосударственная передача единиц сокращения выбросов «...которые включают использование передаваемых на международном уровне результатов предотвращения изменения климата для целей, определяемых на национальном уровне вкладов.» (п. 2 ст. 6) [3]. В соглашении нет упоминания о квотах, скорее всего страны и их хозяйствующие субъекты будут ориентироваться на иные выгоды реализации проектов, также предполагается возможность использования нерыночных подходов (п. 8, 9 ст. 6), существо которых также пока не очерчено.

С учетом подходов Парижского соглашения, по нашему мнению, особое внимание в Республике Беларусь должно быть уделено формированию климатического законодательства на региональном уровне, принимая во внимание реализацию Договора о Евразийском экономическом союзе, поскольку законодательство Республики Беларусь, Российской Федерации и Казахстана в этой сфере имеет существенные различия и различается значительно уровнем разработанности.

Так, в Российской Федерации на основе Климатической доктрины Российской Федерации 2009 г. принят Комплексный план реализации Климатической доктрины, который предусматривает также «разработку и внедрение экономических инструментов ограничения выбросов парниковых газов в промышленности». Одним из направлений этой работы является введение обязательной отчетности субъектов хозяйствования по выбросам парниковых газов. С 2016 г. в России передавать сведения о выбросах предписано компаниям, выбросы которых превышают 150 тыс. т CO²-эквивалента в год, а к началу 2019 г. представлять отчетность будут уже компании с выбросами от 50 тыс. т. Создание системы отчетности и проверки данных о выбросах парниковых газов рассматривается в России в качестве основы для введения «цены на углерод» или углеродного регулирования, основной целью которого является снижение выбросов парниковых газов. Здесь уместно отметить, что планы запуска национальных или региональных схем углеродного регулирования обнародовали уже около 90 развитых и развивающихся стран. Около 40 государств и более 20 регионов уже ввели цену на углерод в форме углеродных налогов или запуска рынков сокращений выбросов, которые покрывают примерно 12 % их мирового объема.

Казахстан также активно развивает внутреннюю климатическую политику, главным шагом которой стало создание национального углеродного рынка на основе гл. 9-1 Экологического кодекса Республики Казахстан. Статья 94-2 названного кодекса вводит запрет на «осуществление деятельности без получения квот на выбросы парниковых газов природопользователями, выбросы парниковых газов которых превышают эквивалент 20 000 двуокиси углерода в год». Квоты на выбросы парнико-

вых газов предоставляются в соответствии с Национальным планом распределения квот в порядке, установленном Правительством Республики Казахстан. В случае превышения установленного объема квот природопользователь вправе компенсировать свои обязательства по сокращению выбросов парниковых газов единицами квот, приобретенными у другого природопользователя, или углеродными единицами, полученными в результате реализации проектов, направленных на сокращение выбросов парниковых газов. В мае 2012 г. приказом министра охраны окружающей среды Республики Казахстан № 151-п были утверждены Правила торговли квотами на выбросы парниковых газов и углеродными единицами. Первый национальный план распределения квот Казахстана был разработан на 2013 г., второй – котирует выбросы двуокиси углерода от установок операторов на 2014–2015 гг., он охватывает 166 предприятий в энергетике, добыче угля, нефти и газа, а также промышленности.

Российская Федерация и особенно Казахстан демонстрируют прогресс в развитии рыночных механизмов климатической политики. Представляется, что этот опыт является весьма актуальным для Беларуси, особенно в контексте перспектив разработки специального климатического законодательства, реализации устремлений страны в направлении формирования «зеленой» экономики [1, с. 368].

В Парижском соглашении закреплены обязанности соглашения на основе РКИИК ООН и Киотского протокола. По нашему мнению, окажут значительное влияние на формирование законодательства Республики Беларусь. Так, в частности, требуется отражение климатоохранительной проблематики при разработке и принятии государственных стратегий, планов и программ, иных документов планирования в экономической сфере, актуализируется разработка национальной стратегии низкоуглеродного развития, национального плана (стратегии) адаптации к изменению климата.

Определяя перспективы формирования национального климатического законодательства, следует иметь в виду то, что рамки законодательства об охране атмосферного воздуха на определенном этапе становятся «узкими» для регулирования отношений в области антропогенного воздействия на климатическую систему с учетом ее комплексности и многообразия отношений, возникающих по поводу уменьшения антропогенного воздействия на эту систему и адаптации к изменяющемуся климату. Надо признать, что решение проблем, связанных с изменением климата, не может рассматриваться исключительно в плоскости установления жестких правовых императивов относительно уровня выбросов парниковых газов в атмосферный воздух в результате той или иной деятельности субъектов.

Неблагоприятное антропогенное воздействие на климат происходит в результате развития производства и потребления, и связанного с этим увеличения выбросов парниковых газов, также уменьшения площадей естественных поглотителей парниковых газов – площадей, занятых лесами и болотами, загрязнения Мирового океана, что приводит к снижению способности экосистем естественным образом поглощать парниковые газы.

В свою очередь, негативные изменения климата могут привести к значительным вредным последствиям для здоровья человека, имущества граждан, юридических лиц, государств, состава, восстановительной способности и продуктивности экосистем – окружающей среды в целом. В этой связи разработка организационных, экономических, правовых мер комплексного характера, регулирующих отношения в области антропогенного воздействия на климат, является одной из важнейших задач современной экологической политики всех государств и Республики Беларусь в частности. Признавая этот факт, логичной и объективно оправданной представлялась позиция, отраженная в Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, закрепившая перспективы разработки проекта Закона об охране климата. Эта идея весьма перспективна с учетом уже упомянутых законодательских процессов, развивающихся в других странах.

По нашему мнению, правовое понятие и сущность охраны климата следует определить в проекте закона с учетом комплексности климатической системы, многообразия экологических, экономических и социальных последствий изменения климата и соответствующих действий, прав и обязанностей субъектов, направленных на предотвращение изменений климата.

Контекст международно-правовой регламентации отношений в области климатических изменений дает основания утверждать, что правовое регулирование соответствующих отношений на национальном уровне должно строиться на основе сочетания публично-правовых принципов, методов и средств – для целей регулирования отношений в области выдачи разрешений на выбросы парниковых газов, их инвентаризации, ведения государственного кадастра парниковых газов, нормирования, планирования и контроля в области охраны климата, и частно-правовых – в целях регулирования имущественных отношений в рамках оборота углеродных единиц как особого имущества, прав на выбросы парниковых газов, удовлетворения частного имущественного интереса к снижению выбросов парниковых газов субъектов отношений. Эффективное сочетание этих методов позволит сформировать режим естественного стимулирования, экономической заинтересованно-

сти субъектов хозяйственной деятельности, направленной на снижение негативного антропогенного воздействия на климатическую систему, будет способствовать внедрению принципов «зеленой» экономики в Республике Беларусь [4].

Е.В. Лаевская поддерживает идею разработки и принятия специального законодательного акта, направленного на регулирование отношений в области регулирования антропогенного воздействия на климат и адаптации к изменяющемуся климату, в котором, по нашему мнению, следует отразить: понятие климата как климатической системы в понимании современных международно-правовых подходов, принципы охраны климата и регулирования воздействия на климат, в том числе принцип защиты нынешнего и будущих поколений от глобальных изменений климата, принцип государственного регулирования и управления в области охраны климата, включая использование рыночных механизмов сокращения выбросов парниковых газов, принцип экономического стимулирования в области охраны климата, принцип участия общественности в принятии государственных решений, оказывающих негативное влияние на климат; правовые меры смягчения воздействия на климат, снижения уязвимости, повышения адаптации природных комплексов, экономики, социальной системы к изменяющемуся климату; компетенцию государственных органов, осуществляющих государственное управление и контроль в области охраны климата; сущность экономических стимулов, направленных на снижение выбросов парниковых газов и увеличения их абсорбции поглотителями, включая организационно-правовые и экономические механизмы и инструменты национального распределения обязательств по сокращению выбросов, возникновения, перехода и прекращения прав на выбросы парниковых газов, в том числе путем совершения сделок; порядок подтверждения достигнутых сокращений выбросов парниковых газов при реализации конкретных проектов и видов деятельности; основные требования, обязательные для соблюдения субъектами, деятельность которых связана с выбросами и поглощением парниковых газов; нормирование в области охраны климата; порядок ведения государственного кадастра антропогенных выбросов парниковых газов, национального реестра углеродных единиц, мониторинга выбросов парниковых газов, контроля за соблюдением климатического законодательства и ответственности за совершение правонарушений в обозначенной области отношений [1, с. 370].

Таким образом, с учетом климатоохранительного фактора необходимо совершенствование системы государственного управления, развития инвестиционной политики и законодательства, укрепления сотрудничества между государствами в рамках ЕАЭС с целью разработки соответ-

ствующего климатического правового регулирования на региональном уровне. Для Республики Беларусь также представляется актуальным формирование правовых рамок для осуществления отчетности предприятий о выбросах парниковых газов – основы для использования рыночных и нерыночных механизмов регулирования воздействия на климат.

Список использованных источников

1. Лаевская, Е.В. Правовое регулирование воздействия на климат / Е.В. Лаевская // Экологическое право : учебник / С.А. Балашенко [и др.]. – Минск : Издат. центр БГУ, 2013. – С. 364–368.
2. Парижское соглашение по климату [Электронный ресурс] // Официальный сайт информационного агентства РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/spravka/20171212/1510681570.html>. – Дата доступа: 07.04.2020.
3. Положение о порядке представления, рассмотрения и мониторинга проектов по добровольному сокращению выбросов парниковых газов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 апр. 2009 г., № 466 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Лаевская, Е.В. Состояние и перспективы формирования климатического законодательства Республики Беларусь / Е.В. Лаевская // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Н.А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : СтройМедиаПроект, 2016. – Вып. 11. – С. 362–371.

УДК 343.985

В.Г. Овсянников, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Л. Харевич*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.А. Шаматульский*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОСНОВАНИЙ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ И ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКОВ ИХ ПРОВЕДЕНИЯ

Исследуются проблемы недостаточности оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий и исчисления сроков уведомления при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Принятие в 2015 г. новой редакции Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) явилось важным этапом развития правового регулирования данной деятельности, позволившим разрешить многие суще-

ствовавшие проблемные вопросы [1]. Вместе с тем практика применения указанного закона выявила существование некоторых неточностей в законодательном регулировании, требующих устранения.

Одной из них является определенная недостаточность оснований для прекращения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). Анализируя основания, приведенные в ст. 46 Закона об ОРД, можно отметить, что помимо обстоятельств процессуального характера, обусловленных процессуальными нормами (истечение сроков, отсутствие предусмотренных законом оснований для проведения ОРМ, прекращение дела оперативно-розыскного учета), в части второй ст. 46 Закона об ОРД присутствует основание, имеющее иную природу и являющееся ситуационно обусловленным [2]. Данное основание связано с отсутствием необходимости дальнейшего проведения некоторых ОРМ в связи с достижением их цели.

Основания для прекращения дел оперативно-розыскного учета указаны в части третьей ст. 17 Закона об ОРД. К ним относятся выполнение задач ОРД или установление обстоятельств, свидетельствующих об объективной невозможности выполнения этих задач. Такой подход соответствует теоретическим взглядам на данный вопрос [2, с. 283]. Эти основания носят ситуационно обусловленный характер и построены путем дихтомического (двучленного) деления. Сравнивая их с основанием для прекращения проведения ОРМ, изложенным в части второй ст. 46 Закона об ОРД, можно отметить отсутствие такого подхода, так как не приведены обстоятельства, обусловленные невозможностью достижения цели проведения ОРМ, что представляется не вполне последовательным. В ранее действовавшем межведомственном нормативном правовом акте, регламентирувавшем порядок проведения ОРМ, данные основания присутствовали.

В настоящее время некоторые из этих оснований указаны в качестве оснований для приостановления ОРМ в части второй ст. 44 Закона об ОРД, однако перечень мероприятий, к которым данные основания применимы (наблюдение, слуховой контроль, контроль в сетях электро-связи, контроль почтовых отправлений, оперативное внедрение), не учитывает ОРМ, приведенных в части второй ст. 46 данного Закона (оперативный опрос, наведение справок, сбор образцов, исследование предметов и документов, оперативное отождествление, оперативный осмотр, проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативный эксперимент). Специфика проведения последних предусматривает, как правило, разовый характер, направленность на решение конкретной задачи. Многим из них присущ негласный характер, являющийся основным фактором успешного решения данной задачи, поэтому изменение оперативной обстановки, принятие преступниками мер противодей-

ствия, возникновение опасности для жизни и здоровья лиц, принимающих непосредственное участие в проведении ОРМ, или иных лиц могут привести к необходимости досрочного прекращения мероприятия. Отсутствие оснований, предусматривающих такую необходимость, ставит инициатора проведения ОРМ перед необходимостью нарушения требований законодательства. Например, при возникновении угрозы жизни или здоровью лица, участвующего в ОРМ, инициатор мероприятия обязан принимать меры по защите жизни, здоровья граждан и прерывать дальнейшее проведение ОРМ, несмотря на отсутствие предусмотренных законом оснований для этого.

В связи с этим полагаем целесообразным дополнить часть вторую ст. 46 Закона об ОРД соответствующими основаниями для прекращения проведения ОРМ. С учетом тактических особенностей проведения отдельных ОРМ считаем, что мероприятиями, в отношении которых применимы указанные основания, являются оперативный опрос, сбор образцов, оперативный осмотр, проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативное внедрение, оперативный эксперимент [2].

Необходимо также отметить существование проблемы, связанной с исчислением сроков направления уведомлений при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Изучение правоприменительной практики в сфере оперативно-розыскной деятельности указывает на существование определенных сложностей в реализации норм, предусматривающих выполнение таких юридически значимых действий, как уведомления, направляемые в ограниченный промежуток времени – в течение 24 и 48 часов. Установленные сроки в 24 и 48 часов не превышают длительности выходных, праздничных и нерабочих дней, что не позволяет надлежащим образом соблюсти установленные сроки в указанные дни в связи с тем, что службы, осуществляющие обработку ведомственной корреспонденции, не работают. Возможно несколько способов разрешения указанного противоречия. Одним из них является наделение соответствующего лица правом уведомления с использованием технических средств связи, например, по факсу или электронной почте. Однако в связи с тем, что органы и должностные лица, которым адресуются перечисленные выше уведомления, не работают в выходные, праздничные, нерабочие дни, и поэтому не могут принять каких-либо юридически значимых решений, более практичным для правоприменения является предложение установить в ст. 40 Закона об ОРД особый порядок исчисления срока для перечисленных ситуаций, заключающийся в возможности его продления на длительность выходных, праздничных и нерабочих дней, если начало срока, его течение или прекращение приходится на такие дни [4].

Следует также отметить наличие проблемы, связанной с правовым регулированием сроков проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан. В Закон об ОРД был внесен ряд новых норм, ранее неизвестных оперативно-розыскному законодательству. Так, согласно ст. 42 в определенных случаях допускается установление сроков проведения оперативно-розыскных мероприятий в пределах срока ведения дела оперативного учета (ДОУ), а в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 46 прекращение ДОУ рассматривается в качестве основания для прекращения проведения ОРМ.

Полагаем, что данные нормы вступают в противоречие с некоторыми принципами права и иными нормами указанного закона. Возникает несогласованность указанных норм с принципами права, а именно, что сроки проведения ОРМ являются одной из важнейших норм, входящих в предмет правового регулирования Закона об ОРД. В соответствии с общими положениями теории права общеизвестность является одним из признаков права, вследствие чего существует запрет на принятие секретных нормативных правовых актов, затрагивающих права граждан. Так, в ст. 65 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3 «О нормативных правовых актах» указано, что «нормативные правовые акты, касающиеся прав, свобод и обязанностей граждан, вступают в силу только после их официального опубликования».

Частью 5 ст. 17 Закона об ОРД сроки ведения ДОУ, не указанных в части четвертой названной статьи, основания и порядок их продления и прекращения установлены закрытыми, не подлежащими официальному опубликованию нормативными правовыми актами ведомств, органы которых наделены правом ведения оперативно-розыскной деятельности, поэтому такими нормативными правовыми актами не могут вводиться нормы, касающиеся прав, свобод и обязанностей граждан. Поскольку рассматриваемые нормы Закона об ОРД определяют, в том числе, сроки проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, становится очевидным их противоречивость общим принципам права.

Вследствие отмеченной взаимосвязи возникает необходимость пересмотра вида нормативного правового акта, регламентирующего вопросы ведения ДОУ в органах внутренних дел, поскольку согласно ч. 3 ст. 18 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» нормативные правовые акты, касающиеся прав, свобод и обязанностей граждан, необходимо принимать в форме постановлений.

Стоит также обратить внимание на определенные несоответствия указанных норм с иными нормами Закона об ОРД. Поскольку рассматриваемые нормы применимы к ОРМ, ограничивающим конституционные права граждан, то ведение ДОУ или его прекращение относится, в том

числе, к юридическим фактам, влияющим на порядок осуществления указанной категории ОРМ. Хотя, по нашему мнению, это противоречит норме части шестой ст. 17 Закона об ОРД, согласно которой «факт заведения дела оперативного учета не является основанием для ограничения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций». Очевидно, что последняя норма исключает возможность принятия решения о начале проведения ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан, на основании лишь факта наличия заведенного ДОУ. Для такого решения должны иметься иные основания, указанные в Законе об ОРД или иных открытых нормативных правовых актах. Вместе с тем эту норму можно также толковать как исключительную зависимость от факта ведения ДОУ любых решений, ведущих к ограничению конституционных прав граждан (например, о продлении срока проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права). В то же время согласно нормам части первой и второй ст. 42 и абзаца пятого части первой ст. 46 Закона об ОРД решения об установлении срока ОРМ, ограничивающего конституционные права, его продолжении, продлении или прекращении находятся в такой зависимости. Возникает вопрос о возможных путях разрешения указанных противоречий.

В этой связи отметим, что в нормотворческой практике используются различные способы указания сроков. Наиболее предпочтительным, с точки зрения простоты понимания содержания нормы, является способ явного указания срока. Более сложен для понимания и правоприменения неявный способ указания (например, путем использования отсылочных норм, указывающих на иные нормы, или бланкетных норм, устанавливающих правила в самой общей форме). В последнем случае, исходя из изложенных выше рассуждений, необходимо, чтобы упомянутые правила были доступны для лиц, права и интересы которых они затрагивают. Примером может являться норма, указанная в части третьей ст. 42 Закона об ОРД, ссылающаяся на решение об окончании предварительного следствия по уголовному делу, порядок принятия которого указан в УПК Республики Беларусь. В этой связи одним из возможных вариантов изменения нормы части первой ст. 42 Закона об ОРД является явное указание сроков проведения ОРМ по аналогии с использованным в частях одиннадцатой – шестнадцатой ст. 13 ныне недействующей редакции Закона Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 289-3 «Об оперативно-розыскной деятельности». Возможным способом разрешения противоречий в отношении обеих рассматриваемых норм (ч. 1 и 2 ст. 42 и абз. 5 ч. 1 ст. 46) является изложение в открытом нормативном правовом акте (например, в Законе об ОРД) сроков и порядка продления и прекращения ведения ДОУ [5].

Таким образом, представляется необходимым дополнить ст. 46 Закона об ОРД частью третьей следующего содержания: «Основанием для прекращения проведения оперативного опроса, сбора образцов, оперативного осмотра, проверочной закупки, контролируемой поставки, оперативного внедрения, оперативного эксперимента, кроме оснований, указанных в частях первой и второй настоящей статьи, являются: 1) возникновение угрозы сохранению в тайне оперативно-розыскного мероприятия, проводимого негласно; сведений о должностных лицах органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность; гражданах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, которые участвуют в оперативно-розыскном мероприятии; гражданах, привлеченных органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, к подготовке проведения оперативно-розыскного мероприятия и (или) участию в нем; 2) угроза потери контроля над обстановкой проведения оперативно-розыскного мероприятия со стороны органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность; 3) возникновение угрозы жизни и здоровью людей».

Представляется целесообразным дополнить ст. 40 Закона об ОРД частью девятой следующего содержания: «Срок, установленный в части шестой ст. 28, части пятой ст. 29, частях шестой, седьмой ст. 31, части третьей ст. 35, части второй ст. 37, части второй ст. 38, абзаце втором части пятой и части седьмой ст. 50 настоящего Закона, не считается пропущенным, если его начало, течение или прекращение приходится на выходные, праздничные и нерабочие дни. В таких случаях соответствующие сроки исчисляются без учета времени в часах, приходящегося на выходные, праздничные и нерабочие дни». Название указанной статьи необходимо изложить в следующей редакции: «Исчисление сроков проведения оперативно-розыскных мероприятий и совершения иных действий».

Полагаем целесообразным явное указание в частях первой и второй ст. 42 и абзаце пятом части первой ст. 46 Закона об ОРД сроков и порядка продления и прекращения ведения ДОУ.

Список использованных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Харевич, Д.Л. О совершенствовании некоторых норм Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» / Д.Л. Харевич // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2019. – № 1. – С. 100–103.
3. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / И.А. Климов [и др.] ; под ред. И.А. Климова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 407 с.

4. Харевич, Д.Л. Об исчислении сроков направления уведомлений при осуществлении оперативно-розыскной деятельности / Д.Л. Харевич // Актуальные проблемы обеспечения пограничной безопасности : материалы III Междунар. заоч. науч.-практ. конф., Минск, 20 февр. 2019 г. : в 2 ч. / Гос. учреждение образования «Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь» ; редкол.: П.И. Миронюк [и др.]. – Минск : ГУО «ИПС Респ. Беларусь», 2019. – Ч. 2 – С. 259–262.

5. Харевич, Д.Л. О проблемах правового регулирования сроков проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, и способах их разрешения / Д.Л. Харевич // Актуальные вопросы оперативно-розыскной деятельности : тез. докл. респ. науч.-практ. конф., Минск, 2 июня 2017 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – С. 135–137.

УДК 343.985

М.А. Осадчук, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук
доцент *И.А. Шаматувский*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.М. Веремеенко*

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ПРОФИЛАКТИКА УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ТЕЛЕСНОГО ПОВРЕЖДЕНИЯ

Рассматриваются точки зрения различных исследователей на понятие профилактики как таковой, обращено внимание на причины совершения рассматриваемого деяния и исходя из них предложены меры по профилактике этого негативного явления общества.

В последнее время важное значение имеет вопрос, связанный с профилактикой преступлений. В юридической науке на первом месте в борьбе с антисоциальными явлениями, в том числе преступлениями, стоит их профилактика.

Пожалуй, одним из первых ученых, разработавших понятие профилактики преступлений, был А.Г. Лекарь. К профилактике он относил «деятельность государственных органов, общественных организаций, трудящихся по выявлению и устранению причин, порождающих преступления, и условий, способствующих их совершению» [1, с. 3].

Авторы всех последующих исследований, формулируя рассматриваемое определение, в главном отражали позицию А.Г. Лекаря. Так, В.А. Плешаков представил отдельно понятие общей и индивидуальной профилактики. Общая профилактика понимается им как «деятельность государственных, негосударственных органов, общественных организаций и их представителей по выявлению причин и условий преступно-

сти, видов и групп преступлений, разработке и реализации программ и планов мероприятий по их устранению либо нейтрализации действия, а также по оказанию воздействия на население с целью правового воспитания, формированию антикриминального общественного воздействия, недопущения совершения преступления» [2, с. 109–110]. Индивидуальную профилактику В.А. Плешаков рассматривает как «деятельность государственных и негосударственных органов, общественных организаций и их представителей по выявлению лиц, от которых можно ожидать совершения преступления, оказанию воздействия на них и окружающую их среду с целью позитивной коррекции поведения этих лиц, ликвидации либо нейтрализации криминогенных факторов, действующих в данной среде» [2, с. 122].

Исследованием профилактики занимались также такие исследователи, как, например, А.И. Алексеев, С.С. Галахов, И.И. Иванов и др. И несмотря на многочисленные исследования в данной области, все же остается много дискуссионных вопросов, что отрицательно сказывается на практической деятельности органов внутренних дел в этом направлении [3, с. 53].

Немало авторов рассматривают данную форму в качестве составной части криминологии, называя ее оперативно-розыскной криминологией. А.И. Алексеев, признавая взаимосвязь криминологии и теории оперативно-розыскной деятельности, отмечает, что оперативно-розыскные меры должны опираться на криминологические знания о закономерностях современной преступности, ее тенденциях, особенностях личности и т. д., а в ряде случаев они являются почти единственно возможным вариантом недопущения совершения преступления [4, с. 15].

С.С. Галахов определяет оперативно-розыскную профилактику как комплексное осуществление мер предупредительного воздействия и контроля в отношении лиц, состоящих на оперативно-розыскных и профилактических учетах органов внутренних дел, с целью недопущения совершения с их стороны преступлений, а также по изучению и принятию мер по нейтрализации факторов, влияющих на их криминальную активность [5, с. 18].

Ученые, отстаивающие самостоятельность профилактики как отрасли права, формулируют ее понятие следующим образом: «профилактика – это особый вид социального управления, призванный обеспечить безопасность правоохранительных ценностей и заключающийся в разработке и осуществлении системы целенаправленных мер по выявлению и устранению причин преступлений, условий, способствующих их совершению, а также оказанию предупредительного воздействия на лиц, склонных к противоправному поведению» [6, с. 26].

В теории и практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел сложилась и развивается ее относительно автономное направление – оперативно-розыскная профилактика преступлений. Это свидетельствует о том, что по меньшей мере в теории и образовательном процессе вопросам оперативно-розыскной профилактики придается важное значение [7, с. 383].

Таким образом, единый подход к понятию профилактики, а также к процедуре ее проведения, до сих пор не выработан, что усложняет ее осуществление в отношении лиц, которые могут совершить любое общественно опасное деяние, в том числе и умышленное причинение тяжкого телесного повреждения. Обобщая мнения исследователей в данной области, можно сказать, что профилактика – это комплекс проводимых мер предупредительного воздействия и контроля государством и обществом в отношении лиц, которые наиболее подвергнуты к антиобщественному поведению, направленные прежде всего на устранение причин преступлений, условий, способствующих их совершению, оказанию необходимой социальной, материальной или иной помощи, которая способствовала бы предупреждению преступлений.

В ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности имеет место общая превенция, которая реализуется путем розыска виновного лица и в последующей реализации принципа неотвратимости наказания, что в конечном счете воздействует на сознание всех граждан государства о неотвратимости и неизбежности справедливого наказания, за совершение общественно опасного деяния [7, с. 385].

Совершению исследуемого вида преступлений способствует безразличное отношение окружающих к фактам общественно опасного поведения отдельных лиц. Названным деяниям часто предшествуют обстоятельства, свидетельствующие о соответствующих намерениях преступника, они обычно выражаются в угрозах убийством, в преследованиях жертвы, в ее побоях, истязаниях и сопровождаются неоднократным учинением хулиганских действий. Подобное поведение, естественно, становится известно широкому кругу людей: соседям, сослуживцам, представителям общественных организаций по месту жительства или работы семейного дебошира [8].

В большинстве случаев умышленному причинению тяжких телесных повреждений сопутствует пьянство, так как употребление спиртных напитков, а тем более систематическое, способствует угасанию тонких, эмоциональных переживаний, ослаблению или потере самоконтроля, проявлению жестокости, грубости, вспыльчивости и агрессивности. Опьянение резко обостряет и другие отрицательные качества характера, чувства мести, ревности.

Данное преступление часто совершается в сфере семейно-бытовых отношений. Одной из важных криминологических характеристик бытовых преступлений является время их совершения. Пик бытовых насильственных преступлений приходится на выходные дни, вечерние и ночные часы (между 18 и 22 часами). На это время приходятся и наиболее интенсивная продажа, потребление спиртных напитков, а также частые межличностные контакты и столкновения [9, с. 42].

Вопросы взаимоотношений жертвы и лица, причинившего вред здоровью, весьма часто привлекают внимание исследователей. Действительно, для объективного установления всех обстоятельств преступления и недопущения повторения содеянного, весьма важно принять во внимание связи, сложившиеся у преступника с жертвой. В ряде случаев рассматриваемое противоправное деяние совершается в отношении лиц из ближайшего окружения – родственников, членов семьи, сожителей. Это преступление может иметь случайный характер, или следовать из образа жизни преступника, его отношения к близким людям [10, с. 214–215].

В случае установления среди связей, а также из числа родственников, соседей, коллег лица, способного оказывать на профилируемого положительное влияние, целесообразно сформировать с ним доверительные отношения для установления сотрудничества и привлечения к оперативно-профилактической работе [11, с. 216].

Необходимо проанализировать не только уголовно-правовые средства реагирования на собственно причинение тяжких телесных повреждений, но и меры воздействия на причины и условия, способствующие совершению данного преступления.

Так как основным условием нанесения тяжких травм является пьянство, то нужно бороться с ним в рамках общего предупреждения. Хотя бы стоит ограничить продажу крепкого алкоголя в вечернее время.

Большое воздействие оказывают профилактические беседы об ответственности за совершение преступлений против жизни и здоровья, в частности, за умышленное причинение тяжкого телесного повреждения. Также к мерам по профилактике данного вида преступления некоторые ученые относят: своевременное реагирование на все поступающие сигналы о правонарушениях в сфере семейно-бытовых отношений, без отлагательств и полное осуществление в соответствии с законодательством проверки поступающих жалоб, заявлений и другой информации об имевших место высказываний угроз расправой с последующим принятием всех мер правового характера; своевременная профилактика ранее судимых лиц; выявление и постановление на оперативный и профилактический учет лиц, склонных к совершению правонарушений и преступлений против жизни и здоровья граждан в сфере семейно-бытовых отношений.

Организуя борьбу с преступлениями против личности в быту, не следует забывать о выявлении и постоянном наблюдении за людьми, страдающими различными нервно-психическими заболеваниями. В необходимых случаях к ним должны быть применены меры медицинского характера. В этой связи граждане в обязательном порядке должны информировать органы внутренних дел, либо организации здравоохранения о таких лицах. В противном случае это также может привести к трагическим последствиям [8].

В процессе изучения личности профилируемого лица разрабатывается комплекс мер профилактического воздействия по предупреждению совершения им умышленного причинения тяжких телесных повреждений. Выбор мероприятий по предотвращению и пресечению преступления зависит не только от источников полученной информации, но и от побудительных мотивов, действий и степени общественной опасности профилируемого.

Немаловажное значение в предупреждении такого деяния имеет правильное взаимодействие с медицинскими учреждениями. Нередко обращения или поступления граждан, получивших травмы криминального характера, а также состоящие на медицинских учетах, позволяет вовремя принять требуемые меры. Следовательно, в этом направлении необходимо наладить четкое взаимодействие по безотлагательному информированию обо всех случаях обращения за медицинской помощью.

В общем плане, основные направления по профилактике можно представить в таком виде:

повышение качества индивидуальной профилактической работы с гражданами, которые допускали насилие в семье и бытовое пьянство;

своевременное определение круга лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, для решения вопроса о принудительных направлении и лечении их в ЛТП;

периодическое проведение профилактических бесед с лицами, которые допускали насилие в семье и бытовое пьянство, страдающих хроническим алкоголизмом;

воздействие на профилируемого посредством общения с его близким окружением;

организация взаимодействия с медицинскими учреждениями, в которые поступают граждане с травмами криминального характера;

ограничение реализации крепких спиртных напитков в вечернее время.

Таким образом, оперативно-розыскную профилактику умышленного причинения тяжких телесных повреждений следует рассматривать в двух аспектах: в широком смысле – как часть общей профилактики пре-

ступности в целом, в узком – как специальную деятельность органов внутренних дел, включающую проведение необходимых оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности», в том числе направленных на обеспечение защиты граждан.

Однако главным направлением профилактики остается совершенствование системы экономических и социальных условий жизнедеятельности современного общества. Поэтому комплексное использование экономических, социально-культурных, воспитательных и правовых мер является основным условием эффективного предупреждения умышленного причинения тяжких телесных повреждений.

Список использованных источников

1. Лекарь, А.Г. Профилактика преступлений / А.Г. Лекарь. – М. : Юрид. лит., 1972. – 104 с.
2. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел : учебник / под ред. В.Я. Кикотя, С.Я. Лебедева, Н.В. Румянцева. – Изд. 2-е. – М. : ЮНИТИ : Закон и право, 2010. – 486 с.
3. Лахтиков, Д.Н. Сущность оперативно-розыскной профилактики / Д.Н. Лахтиков // Вестн. Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – 2013. – № 1. – С. 53–56.
4. Иванов, И.И. Криминалистическая превенция : монография / И.И. Иванов. – СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД России, 2003. – 139 с.
5. Алексеев, А.И. Предмет, понятие, метод и система советской криминологии // Криминология и профилактика преступлений : учебник / А.И. Алексеев [и др.] ; под ред. А.И. Алексеева. – М. : МВШМ МВД СССР, 1989. – 431 с.
6. Блувштейн, Ю.Д. Профилактика преступлений / Ю.Д. Блувштейн, М.И. Зырин, В.В. Романов. – М. : Университетское, 1986. – 286 с.
7. Борин, Б.В. Понятие оперативно-розыскной профилактики преступлений / В.В. Борин, Я.Г. Ищук // Пробелы в рос. законодательстве. – 2017. – № 3. – С. 381–386.
8. Отдел Департамента охраны Вороново [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.voronovo.grodno-region.by/>. – Дата доступа: 08.02.2021.
9. Ананич, С.В. Бытовая преступность в Республике Беларусь: криминологический и уголовно-правовой аспекты / С.В. Ананич, Н.А. Легенченко // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2015. – № 1. – С. 115–120.
10. Павлова, Л.В. Связанные отношения жертвы и преступника как обстоятельство, подлежащее учету в профилактике насильственных преступлений / Л.В. Павлова // Криминология в условиях трансформационных процессов : национальный и международный аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 12–13 окт. 2018 г. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: И.В. Вегера [и др.]. – Новополоцк, 2018. – С. 214–221.
11. Проблемы предупреждения отдельных видов преступности / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В.А. Ананича ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь», Ассоц. высш. учеб. заведений м-в внутр. дел (поли-

ции) государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полиции). – Минск : Академия МВД, 2017. – 385 с.

УДК 349.6

Д.С. Рудаковский, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.Г. Сачек*

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ, И МЕРАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ

Исследуются преступные деяния, совершаемые в киберпространстве. Экономическая деятельность осуществляется в киберпространстве, часто направлена на систематическое получение прибыли. Перенос ее в киберпространство осуществляется для того, чтобы избежать лишних затрат и регистрации, создает все условия для существования теневой экономики, а также черного рынка товаров и услуг в сети Интернет.

Понятия «киберпреступность» и «киберпространство» в настоящее время используются достаточно широко. Так, киберпреступность (англ. *cybercrime*) – это преступность, связанная как с использованием компьютеров, так и с использованием информационных технологий и глобальных сетей. Под киберпространством (англ. *cyberspace*) понимается физическое и нефизическое пространство, созданное или сформированное следующим образом: компьютеры, компьютерные системы, сети, их компьютерные программы [1, с. 104–106].

С развитием современных технологий сформировались условия к появлению нового вида преступлений (киберпреступлений), совершаемых в киберпространстве. Большинство из этих преступлений являются экономическими и способны причинить реальный вред отношениям собственности и нормальному порядку осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности.

В этой связи данному новому виду преступности необходимо противопоставить действенные меры, в число которых входят и меры уголовно-правового воздействия. Однако действующее отечественное законодательство не всегда успевает реагировать на вызовы современной преступности. Поэтому новые реально опасные деяния, совершаемые в киберпространстве, нередко остаются вне сферы действия зако-

нодательства, а в отношении уже криминализованных деяний возникают существенные проблемы их правовой оценки [2].

Актуальность данной проблеме придает и тот факт, что размер причиняемого экономическими киберпреступлениями ущерба за последние годы многократно вырос. По мнению ученых, доходы теневого бизнеса в сети Интернет могут сравниться с прибылью от незаконной торговли наркотиков. Ежегодные потери мировой экономики от экономических преступлений, совершаемых в киберпространстве, составляют более 500 млрд долларов. Тенденция роста киберпреступлений имеется и в Республике Беларусь, где уже ежедневно совершаются хищения из систем дистанционно-банковского обслуживания [3, с. 3]. Более того, согласно докладу Европола: мировая экономика ежегодно теряет 32,7 млрд долларов из-за телеком-мошенничества. Мошенничество в сфере коммуникаций (телеком-мошенничество) – разновидность киберпреступлений, совершаемых в киберпространстве, растущий быстрыми темпами криминальный промысел и низко рискованная альтернатива «традиционным» финансовым преступлениям. Одновременно на эффективность противодействия преступлениям, совершаемым в киберпространстве, негативно влияет высокий уровень латентности, как экономических преступлений, так и преступлений в сфере компьютерной информации.

Теме противодействия киберпреступности и ответственности за совершение компьютерных преступлений посвящены работы В.Б. Вехова, Р.И. Дремлюги, Н.В. Зигуры, Т.П. Кесаревой, Н.Н. Лыткина, И.М. Расолова, М.В. Старичкова, Т.Л. Тропиной и др. Эти ученые внесли определенный вклад в исследование киберпреступлений и киберпространства, однако проблема экономических преступлений, совершаемых в киберпространстве, была затронута лишь частично. В этой связи вопросы понятия, объекта и предмета киберпреступности в сфере экономики, способы совершения экономических киберпреступлений и уголовно-правовых мер противодействия им сегодня не теряют своей актуальности и требуют дальнейшей разработки.

Анонимность киберпространства – это основной принцип его существования. Все пользователи сайтов, форумов или социальных сетей в киберпространстве изначально не имеют ни имен, ни внешнего вида – они эфемерны, и нередко информационные ресурсы сами присваивают таким пользователям имя «anonymous», т. е. аноним. Сайты предлагают каждому своему пользователю самостоятельно выбрать имя и внешний вид и в подавляющем большинстве случаев пользователи злоупотребляют такой возможностью, представляясь чужими именами и используя чужие фотографии. Следующий уровень анонимности – это

сокрытие своих технических данных (IP-адрес, номер порта компьютера, потока данных и др.). Таким образом, создаются целые анонимные информационно-телекоммуникационные сети (TOR, ANts P2P, Freenet). Зарегистрировавшись под чужим именем, любой может безнаказанно обманывать, совершать анонимные платежи и переводы денежных средств, совершать хищения, вымогательства и иные экономические киберпреступления. Действующие способы вычисления виновных способны установить точное место, откуда виновный совершил вход в киберпространство, с точностью до квартиры, и приблизительную личность виновного, включая его национальную принадлежность, однако в самом киберпространстве существуют тысячи способов скрыть свою личность. Это подтверждают материалы судебной практики, где все чаще используются такие формулировки, как «неустановленное лицо», «в неустановленное время», «в неустановленном месте», «с неустановленного компьютера» и т. д. Анонимно могут совершаться такие экономические киберпреступления, как мошенничество (основной состав), мошенничество в сфере компьютерной информации, вымогательство, получение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, что составляет основную массу из общего количества экономических киберпреступлений.

Сегодня современные технологии сильно упростили и удешевили процесс создания собственного дела благодаря сети Интернет. Для открытия магазина, салона или фирмы в киберпространстве не требуется арендовать торговую площадь и ездить на работу – сегодня достаточно открыть собственный сайт и заниматься предпринимательской деятельностью «онлайн». Благодаря избавлению от подобных издержек, занятие интернет-предпринимательством получило широкое распространение. Так, по данным исследовательского агентства «Data Insight», в 2010 г. объем рынка электронной коммерции на территории СНГ составил более 240 млрд рублей.

В связи с такой популярностью в сети Интернет появился новый вид предпринимателей – так называемые фрилансеры. Однако мало кто из фрилансеров осознает, что для предпринимательской деятельности необходимо как минимум зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя. Как следствие, с появлением возможности резко сократить расходы на осуществление предпринимательской деятельности, перенеся ее в киберпространство, многие предприниматели просто стали игнорировать требования отечественного законодательства и осуществлять свою предпринимательскую деятельность без регистрации и лицензии [4].

В киберпространстве распространены следующие виды предпринимательской деятельности: электронная коммерция; банковская деятельность; предоставление услуг связи, передачи и хранения компьютерных данных; хостинг; рекламная деятельность; оказание иных услуг (оформление сайтов, верстка электронных файлов и т. д.).

Стоит отметить, что подобная экономическая деятельность направлена исключительно на систематическое получение прибыли. Перенос ее в киберпространство для того, чтобы избежать лишних затрат и регистрации, создает все условия для существования теневой экономики, а также черного рынка товаров и услуг в сети Интернет.

Другим видом предпринимательской деятельности, осуществляемым в киберпространстве, является банковская деятельность. Интернет-банкинг – не новое понятие для Республики Беларусь. Изначально банки давали возможность лишь проверять состояние счета или осуществлять безналичный расчет в киберпространстве, однако с развитием телекоммуникационных технологий появилась возможность открывать счета, вклады и оформлять кредиты через сеть Интернет. Данные операции являются банковскими и в соответствии с законодательством Республики Беларусь осуществление таких операций производится только на основании лицензии, выдаваемой Национальным банком Республики Беларусь.

В киберпространстве распространены интернет-казино, покерные турниры, виртуальные рулетки, а также эмуляторы игровых автоматов, которые не могут быть признаны азартными играми, так как ставки в подобных играх осуществляются без денежных средств. Игровая валюта, используемая в таких играх, предназначена для развлечения и удобства пользователей, но не для получения реального выигрыша, так как данный выигрыш невозможно вывести из игры и тем более из киберпространства в материальный мир. Более того, во многих из них отсутствует возможность даже вносить денежные средства. Однако в погоне за прибылью организаторы интернет-казино в качестве игровой валюты нередко используют реальные денежные средства, т. е. принимают ставки и выплачивают выигрыши электронными либо безналичными денежными средствами или иной криптовалютой. В таком случае подобная деятельность уже является незаконной [4].

Несовершенство законодательства создает условия для существования киберпреступности. Отечественный законодатель часто не успевает ответить на новые вызовы киберпреступников. Скорость развития киберпространства и скорость, с которой появляются новые способы совершения преступлений, превышает скорость реагирования на них со стороны государства. При этом, учитывая существующие сегодня и возможные в будущем технические уязвимости самого киберпространства,

складывается мнение о неэффективности правового регулирования. Как было отмечено ранее, действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь вызывает ряд вопросов, поскольку его положения не были ориентированы на появление новых технологичных видов преступлений и новых способов их совершения.

Делая предварительный вывод, можно выделить следующие основные положения:

возможность извлечения в киберпространстве крупного дохода при минимальных затратах и невысоком риске, будь то незаконное интернет-предпринимательство, легализация (отмывание) денежных средств, полученных преступным путем, либо мошенничество;

низкий уровень осведомленности в области информационной безопасности у пользователей системы «Интернет-банкинг» (дистанционного банковского обслуживания) и пользователей Онлайн-кошельков, в частности, у мобильных пользователей данных систем;

анонимность пользователей глобальной информационной сети Интернет, существование иных анонимных информационно-телекоммуникационных сетей, таких как TOR, анонимность финансовых операций, проходящих в информационно-телекоммуникационных сетях;

наличие программных уязвимостей разного уровня во всех экономически значимых информационных системах сети Интернет, позволяющих нейтрализовать систему защиты, используя вирусы и иные вредоносные программы;

уровень латентности экономических киберпреступлений невероятно высок. Правоохранительным органам становится известна лишь одна пятая, в лучшем случае, одна четвертая часть из всех совершаемых экономических киберпреступлений.

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать следующие выводы о данных составах киберпреступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности:

1) в киберпространстве сложились все условия для осуществления незаконной предпринимательской и банковской деятельности, а также для организации и проведения азартных игр;

2) осуществление данных киберпреступлений создает условия для образования в киберпространстве теневой экономики и черного рынка товаров и услуг, что без должного правового регулирования может причинить существенный ущерб всему обществу.

Список использованных источников

1. Сериева, М.М. Киберпреступность как новая криминальная угроза / М.М. Сериева // Новый юрид. вестн. – 2017. – № 1. – С. 104–106.

2. Простосердов, М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.А. Простосердов. – М., 2016. – 232 л.

3. Криминология : учеб. для юрид. вузов / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб., 1998.

4. Информационный ресурс «Бизнес ФМ». Электронная торговля отправится в регионы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bfm.ru/news/101235>. – Дата доступа: 19.03.2020.

УДК 343.2

Н.Д. Стулевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Н.И. Козелецкая*

Рецензент – кандидат юридических наук *Ю.Е. Духовник*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дан исторический анализ уголовной ответственности юридических лиц в отечественном праве. Проведено исследование развития коллективной уголовной ответственности на территории современной Республики Беларусь. Рассматриваются вопросы исторической обусловленности института уголовной ответственности юридических лиц.

Одним из наиболее дискуссионных в отечественной науке уголовно-права является вопрос об установлении уголовной ответственности юридических лиц. Споры ученых о том, возможно ли признать юридическое лицо субъектом преступного деяния, имели место быть еще в дореволюционное время, однако на современном этапе дискуссия приобрела более острый характер. Предпосылки возникновения необходимости установления данного института исходят из современного характера развития общественных отношений с возрастающей ролью юридических лиц в гражданском и хозяйственном обороте, а соответственно и ростом общественной опасности возможных противоправных деяний, совершаемых в связи с деятельностью юридического лица. Помимо всего прочего, многие сторонники установления уголовной ответственности юридических лиц обращают внимание на расширение ответственности корпорации в рамках международного права, а также в национальном законодательстве многих зарубежных стран. Вместе с тем противники

введения института утверждают, что уголовная ответственность юридических лиц противоречит основополагающим принципам уголовного права, а ее установление повлечет нецелесообразные траты бюджетных средств, связанных с необходимостью изменения и дополнения множества актов законодательства. Кроме того, к числу основных аргументов противников уголовной ответственности юридических лиц необходимо отнести признание административной ответственности юридических лиц достаточной для успешного противодействия их противоправным деяниям, а также отсутствие специфических мер наказания, отличных от уже имеющихся административных взысканий, которые могли бы применяться к юридическим лицам.

Несмотря на весомость аргументов противников уголовной ответственности юридических лиц, вопрос о ее установлении в Республике Беларусь невозможно снять окончательно, что обусловлено множеством факторов. Так, введение уголовных санкций в отношении юридических лиц позволит возместить вред, причиняемый юридическим лицом вследствие совершения преступления по ряду статей (например, экологических преступлений, содержащихся в гл. 26 Уголовного кодекса Республики Беларусь), чего виновное физическое лицо сделать не в состоянии. Кроме того, в рамках глобализации коллективная уголовная ответственность позволит создать более качественные условия для международного сотрудничества в сфере борьбы с экономическими, коррупционными, экологическими и иными видами преступлений, совершаемых корпорациями, в частности транснациональными. Необходимо упомянуть о том, что институт уголовной ответственности юридических лиц позволит обеспечить надлежащую правовую защиту не только охраняемых общественных отношений, но и самих юридических лиц, поскольку расследование дел будет осуществляться в рамках уголовного процесса, предполагающего более строгую процессуальную форму.

Таким образом, важность дальнейшего изучения вопроса установления уголовной ответственности юридических лиц не вызывает сомнения. Для принятия научно обоснованного решения о признании или непризнании юридического лица субъектом уголовной ответственности необходимо учитывать аргументацию как сторонников, так и противников введения института уголовной ответственности юридических лиц, обращая внимание на законодательную практику в зарубежных странах. Представляется, что подобный анализ не будет достаточно полным без обращения к историческому аспекту как юридической ответственности организаций в частности, так и коллективной ответственности субъектов в целом.

История развития отечественного уголовного законодательства свидетельствует о том, что уголовные санкции применялись к коллектив-

ным образованиям с глубокой древности. Так, например, в ст. 4 Русской Правды (Пространной редакции) упоминалось о штрафе (так называемой дикой вире), который платили сообща члены верви (общины) за убийство, происшедшее на ее территории, когда убийца неизвестен или вервь не хотела его выдать [1, с. 64]. Обязанность членов общины противодействовать преступности и выдавать преступников (отводить от себя след) обеспечивалась такой процессуальной мерой, как «сочение следа» (преследование преступника по следу).

Аналогичные положения содержатся и в Соборном уложении 1649 г. (далее – Уложение), в котором было предусмотрено уголовное преследование общин, сел, городов за укрывательство преступников и недоносительство за ряд имущественных преступлений. В ст. 60–62 гл. XXI «О разбойных и татинных делах» Уложения законодатель формулирует розыскной порядок преследования укрывательства преступников и недоносительства. Лицо, пойманное за воровство, пытали на предмет выяснения, кто знал его в том месте, где он был задержан. При этом предусматривалось два вида возможных показаний на пытке: преступник был известен всем жителям данного села, деревни, посада и преступник был известен только части коллективного образования. Исходя из этого, возлагались взыскание государевой пени (штрафа) и погашение иска на все население или только на его часть [2].

Таким образом, можно утверждать, что в древнерусском праве присутствовала ответственность территориальной общины за укрывательство особо тяжких преступлений, происшедших на ее территории. Однако говорить о наличии уголовной ответственности юридических лиц на данном этапе достаточно рано вследствие отсутствия юридического лица как такового. Кроме того, данные меры не применялись как наказание в уголовно-правовом смысле, а представляли собой меры административно-политического характера, поскольку не шло речи об уголовном судопроизводстве, о признании общины виновной и назначении ей наказания.

Уголовная ответственность коллективных образований существовала и в дореволюционном праве. О коллективной ответственности военных организаций говорится в Воинском артикуле Петра I, входящем в состав Воинского устава 1716 г. Н.Н. Смирнов приводит следующий пример: артикул 97 устанавливал ответственность всей части в том случае, если воинская часть бежала с поля боя – стоять вне лагеря без знамен [3]. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. законодателем были установлены нормы, которые позволяли применять взыскания к юридическим лицам. Именно в этот период государствен-

ная власть стремилась к пресечению злоупотреблений со стороны корпораций посредством применения к ним уголовных санкций. В частности, были закреплены нормы о применении денежного взыскания: к обществу, когда их должностные лица, виновные в присвоении или растрате, были не в состоянии возместить причиненные убытки; к рекрутским участкам за нарушение правил постановки рекрутов на учет и взыскания рекрутских повинностей (ст. 511–515); к сельскому обществу за укрывательство военных беглецов, если беглец не был обнаружен и приведен к начальству самим обществом (ст. 528); к еврейскому обществу за укрывательство военных беглецов из евреев, если оно само не обнаружило беглеца и не предоставило его начальству (ст. 530); к обществам, которые вторично отпустили по паспортам или свидетельствам немощных лиц (по старости, дряхлости, болезни, калечеству и пр.) и впоследствии были избалованы в прощении милостыни (ст. 985) [4].

В тот период вопрос об установлении уголовной ответственности юридических лиц начал впервые рассматриваться на теоретическом уровне, и отношение к данному институту было неоднозначным. Как отмечал Н.С. Таганцев: «Признание принципа ответственности юридических лиц вносит крайний произвол и неопределенность в установление объема и условий этой наказуемости» [5, с. 309]. Высказывались и противоположные позиции. Так, И.А. Покровский, не исключая уголовную ответственность юридических лиц, в 1917 г. писал, что юридическое лицо представляет собой живое продолжение физических лиц, а воля и личность физических лиц как бы продолжает жить в создаваемых ими образованиях [6, с. 267].

Таким образом, развитию дискуссии об установлении уголовной ответственности юридических лиц в доктрине отечественного уголовного права положено начало в середине XIX в. в Российской империи.

Период с 1917 г. до конца 1980-х гг. характеризуется полным отрицанием уголовной ответственности юридических лиц в науке, поскольку для того времени было характерно доминирование централизованно-плановой экономики с ее «государственными» юридическими лицами. Вместе с тем уголовные санкции в отношении коллективных образований можно отыскать и в советском уголовном законодательстве на первых этапах его становления. Так, в соответствии с постановлением Совета Рабочей и Крестьянской Обороны РСФСР от 3 июня 1919 г. «О мерах по искоренению дезертирства» в тех случаях, когда местное население упорно укрывает дезертиров или не оказывает содействия к их задержанию, Губернским Комиссиям по борьбе с дезертирством предоставляется право налагать штрафы на целые волости, села и деревни

за круговой порукой всего населения или назначать для них принудительные общественные работы (п. 8) [7].

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября 1922 г. «О привлечении населения к трудовой и гужевой повинности для ликвидации стихийных бедствий» в случае нарушения правил привлечения населения к работам в порядке трудовой и гужевой повинности уездные и волостные исполнительные комитеты привлекались к уголовной ответственности за превышение власти по ст. 106 Уголовного Кодекса РСФСР 1922 г. (примечание к ч. 3) [8]. Постановление СНК РСФСР от 27 марта 1929 г. «О мерах борьбы с лжекооперативами», принятое в соответствии с постановлением СНК СССР от 28 декабря 1928 г. «О мерах борьбы с лжекооперативами», предусматривало два вида наказания для юридических лиц – пробацию и ликвидацию. В первом случае предписывалось при обнаружении неправильного характера деятельности организаций, большинство членов которых составляли трудящиеся и деятельность которых могла быть выправлена, применять меры «оздоровления» (перевыборы органов управления и ревизии; усиление контроля со стороны подлежащих органов и пр.). Те организации, которые не могли быть оздоровлены указанными мерами, подлежали второму виду наказания – безусловной ликвидации (ст. 5) [9].

Институт уголовной ответственности юридических лиц в советском уголовном законодательстве просуществовал вплоть до первой половины XX в. и включал такие виды наказаний, как штраф, ликвидацию, запрет заниматься определенным видом деятельности, временное прекращение деятельности, конфискацию и др.

В дальнейшем советское уголовное законодательство развивалось применительно к уголовной ответственности физических лиц. Как было указано выше, наука уголовного права давала однозначно отрицательный ответ на вопрос о возможности установления уголовной ответственности юридических лиц. «Не могут быть субъектами преступления юридические лица. Совершенное от имени юридического лица то или иное преступление делает его субъектом преступления... Поэтому в случае нарушения на каком-либо предприятии правил охраны труда к уголовной ответственности может быть привлечено не само предприятие, а лишь физические лица, виновные в несоблюдении этих правил. За выпуск каким-либо предприятием недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции в уголовном порядке отвечает не само предприятие, а определенные физические лица из числа административно-технического персонала; виновные в выпуске такой продукции» [10, с. 206]. А.Н. Трайнин, ссылаясь на провозглашенную еще в римском праве

концепцию невозможности совершения юридическими лицами преступлений, обосновывал подобную позицию неспособностью юридических лиц действовать умышленно, вменяемо и подлежать физическому наказанию. Доказывая нецелесообразность уголовной ответственности юридических лиц, он приводил примеры махинаций американских корпораций по легализации преступных доходов, описывал научные суждения о возможности перенесения на юридическое лицо уголовно-правовых последствий преступных деяний, совершенных органами юридического лица – физическими лицами, анализировал законодательную работу по созданию проекта международного уголовного кодекса, предлагающего в качестве юридического лица привлекать к уголовной ответственности государство. Ученый сформулировал однозначный вывод: положения материального уголовного права об ответственности основываются на вине (в формах умысла или неосторожности), институтах вменяемости, стадиях совершения преступления, соучастия, наказания. Все названные понятия и институты неприменимы к уголовной ответственности юридических лиц – они не могут быть вменяемы или невменяемы, находиться «на скамье подсудимых или за решеткой тюрьмы». Ответственность юридических лиц может быть материальной или моральной, но никак не уголовно-правовой. В связи с этим, по его мнению, наиболее эффективной санкцией в отношении юридических лиц являются финансовые взыскания, иными словами, применение различных экономических ограничений [11, с. 717].

Таким образом, советская доктрина уголовного права не предусматривала возможности установления уголовной ответственности юридических лиц.

Обобщая изложенное, отметим, что история развития института уголовной ответственности юридических лиц в отечественном праве свидетельствует о применении санкций к коллективным образованиям со времен Русской Правды. Вместе с тем собственно уголовная ответственность юридических лиц начала применяться лишь в середине XIX в. в Российской империи. Советский период характеризовался признанием субъектом уголовной ответственности только физического лица. Таким образом, нельзя в полной мере утверждать о наличии исторических предпосылок установления уголовной ответственности юридических лиц. Вместе с тем необходимо отметить наличие практики применения санкций к коллективным образованиям, а также законодательное закрепление института в праве Российской империи наряду с возникновением дискуссии в доктрине уголовного права, рассмотрение которых оказать определенную помощь при анализе проблемных аспектов института уголовной ответственности юридических лиц.

Список использованных источников

1. Российское законодательство X–XX веков : [Тексты и коммент.] / под общ. ред. О.И. Чистякова : Т. 1 : Законодательство Древней Руси / [подгот. О.И. Чистяковым, Я.Н. Шаповым, Т.Е. Новицкой и др.] ; отв. ред. В.Л. Янин. – М. : Юрид. лит., 1984. – 432 с.
2. Памятники русского права. Вып. 6 : Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. / Е.Г. Баскакова, И.Д. Мартысевич, О.И. Чистяков [и др.] ; под ред. К.А. Софроненко. – М. : Госюриздат, 1957. – 503 с.
3. Смирнов, Н.Н. О юридическом лице как субъекте ответственности в истории права Российского государства [Электронный ресурс] / Н.Н. Смирнов // История государства и права. – 2012. – № 5. – СПС «Консультант» / Б.И. Назаренко // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.
4. Лафитский, В.И. Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса «proetcontra» / В.И. Лафитский, О.И. Семькина // Журнал рос. права. – 2014. – № 2. – С. 5–13.
5. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право : Часть общая / Н.С. Таганцев. – Тула : Автограф, 2001. – Т. 1. – 798 с.
6. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – 4-е изд., испр. – М. : Статут, 2009. – 351 с.
7. О мерах по искоренению дезертирства [Электронный ресурс] : постановление Совета Рабочей и Крестьянской Обороны РСФСР, 3 июня 1919 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: <http://www.libussr.ru>. – Дата доступа: 20.11.2020.
8. О привлечении населения к трудовой и гужевой повинности для ликвидации стихийных бедствий [Электронный ресурс] : Декрет ВЦИК и СНК РСФСР, 21 сент. 1922 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: <http://www.libussr.ru>. – Дата доступа: 15.11.2020.
9. О мерах борьбы с лжекооперативами [Электронный ресурс] : постановление СНК РСФСР, 27 марта 1929 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: <http://www.libussr.ru>. – Дата доступа: 15.11.2020.
10. Курс советского уголовного права : в 6 т. / [Акад. наук СССР, Ин-т государства и права] ; редкол.: А.А. Пионтковский [и др.] : Т. 2 : Преступление / [А.А. Пионтковский]. – М. : Наука, 1970. – 516 с.
11. Трайнин, А.Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества : Избранные труды / А.Н. Трайнин ; сост. Н.Ф. Кузнецова. – СПб., 2004. – 898 с.

УДК 343.985

Н.М. Тарасов, выпускник факультета милиции
И.А. Гаманович, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Н. Лахтиков*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.А. Шаматульский*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕТИ ИНТЕРНЕТ ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

Рассматриваются проблемы использования сети Интернет в предупреждении и выявлении наркопреступлений. Рассмотрены некоторые аспекты поиска информации в социальных сетях и информационных ресурсах.

С каждым днем научно-технический прогресс оказывает воздействие на повседневную жизнь граждан, в том числе это проявляется в совершенстве информационно-телекоммуникационных сетей, различных мобильных приложений, создании нового программного обеспечения и т. д. Это улучшает уровень жизни, однако в то же время и повышает эффективность в незаконной деятельности в сфере незаконного оборота наркотических средств. Доступ к наркотикам значительно упрощен, любой пользователь, владеющий компьютером, имеет вероятность приобрести различные виды наркотиков, не обладая при этом специальными знаниями и связями в преступной среде.

В настоящее время все более участились случаи незаконного оборота наркотиков с использованием телекоммуникационной сети Интернет и различных мобильных приложений, это стало все более распространенной практикой, позволяющей преступникам увеличить объемы поставки наркотиков и в то же время оставаться вне поля зрения органов внутренних дел. Современные технологии используются при организации незаконного оборота наркотиков на всех стадиях преступной деятельности.

Одним из важных факторов, влияющих на осложнение ситуации, в настоящее время выступает «активное использование Интернета для приобретения наркотиков, распространение наркотиков преимущественно бесконтактным способом через сеть мелкорозничных сбытчиков» [1, с. 155]. Наркомания, распространение наркотиков и наркопреступность не только представляют собой угрозу государственной и общественной безопасности, но и ведут к деградации и вымиранию всего человечества [2, с. 3].

В ходе анализа статистики за 10 месяцев текущего года было установлено, что ситуация в Республике Беларусь претерпела небольшие изменения, но продолжает оставаться контролируемой и стабильной, о чем свидетельствует снижение на 6,5 % числа зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Всего в январе – октябре 2019 г. органами внутренних дел выявлено около 4 тыс. преступлений, связанных с наркотиками, половина которых связана со сбытом наркотических средств.

Продолжает снижаться уровень рецидивной преступности, связанный с незаконным оборотом наркотических средств. С начала года количество преступлений, совершенных ранее судимыми лицами, уменьшилось на 21,6 %.

В сравнении с десятью месяцами 2018 г. задержано всего лишь на один больше подростков, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств.

Выявлено и пресечено 23 канала поставок наркотиков в Республику Беларусь из-за границы, а также их транзитных перевозок. Зарегистрировано 48 преступлений, связанных с перемещением наркотиков и психотропов через Государственную границу Республики Беларусь (ст. 328¹ УК).

О сохраняющейся наркотической угрозе свидетельствует объем изымаемых из незаконного оборота психоактивных веществ. Так, в этом году, по сведениям государственной статистики (первоначальных экспертиз), изъято более 630 кг наркотических средств и 60 кг психотропных веществ.

Органом внутренних дел пресечена деятельность трех подпольных нарколабораторий и 27 помещений, специально приспособленных и оборудованных для выращивания наркосодержащих растений. Возбуждено 47 уголовных дел за содержание наркопритонов.

В Министерство информации Республики Беларусь направлены уведомления о необходимости ограничения доступа к 401 сайту и четыре видеоролика, размещенным на видеохостинговом сайте YouTube, содержащим сообщения или материалы, направленные на незаконный оборот наркотиков [3].

С точки зрения системного подхода преступность в сфере незаконного оборота наркотических средств в сети Интернет понимается как социальная система, которая выносится на обозрение человеческой деятельности особого вида – преступная деятельность, влияющая на две сферы: с одной стороны – это незаконный оборот наркотических средств, с другой – сеть Интернет. Признак преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотических средств в общем является

родовым или общим применительно к видам наркопреступности. Видовым системообразующим признаком выступает специфический вид преступной деятельности, который использует компьютерные технологии (сети Интернет) в преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств.

Пристальное внимание необходимо обращать на то, что выявление преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств осложняется тем, что «наркотики уже давно ушли с улицы в Интернет». И последние технологии, которые сейчас усиленно развиваются, к сожалению, используются в преступных целях. В настоящее время 90 % наркотических средств распространяются через сеть Интернет бесконтактным способом путем закладок. Иными словами, потребитель не взаимодействует напрямую с дилером, путем личных встреч в обусловленных местах. Распространение принимает формы и совершенствуется по законам сетевого маркетинга и, соответственно, это уже не только криминальное, но и экономическое явление.

В сообществах, так называемых наркофорумах, каждый за определенную плату может поместить информацию о продаже наркотических средств, которая подразумевает под собой вид, цену, способ приобретения и ссылку на свой интернет-сайт. В том числе на таких форумах любой из зарегистрированных пользователей может принимать активное участие в обсуждении тех или иных видов наркотиков и оценке деятельности представленных интернет-магазинов.

Имеются два основных типа распространения наркотических средств через сеть Интернет:

- через интернет-сайты автоматических продаж;
- с использованием программ для мгновенного обмена сообщениями.

Уровень взаимодействия и профессионализма участников продолжает расти. Последние технологии дают возможность полностью исключить проблему встречи фигурантов сделки, а тем более с организатором, обеспечив этим бесконтактный способ распространения наркотиков. В связи с этим усложняется процесс проведения и осуществления специальных мер реагирования, которые направлены на выявление и пресечение фактов незаконного оборота наркотических средств. Как следствие, при таких схемах удастся легко изобличить и привлечь к уголовной ответственности лишь простых участников, таких как курьеров и закладчиков. А выявить и привлечь к уголовной ответственности организаторов в настоящее время практически нереально, что сказывается на использовании участниками современных телекоммуникационных технологий с соблюдением мер конспирации, использованием зашифрованных сетевых ресурсов, псевдонимов и кодовых слов. Так, самый

распространенный способ сбыта наркотических средств в настоящее время осуществляется путем оставления их в тайниках, так называемых закладках, который подразумевает под собой способ бесконтактного сбыта, когда руководство действиями и обмен информацией с участниками, а также с заказчиком, осуществляется путем социальных сетей и мобильных приложений, таких как VKontakte, Instagram, Telegram, Viber, WhatsApp, Jabber и т. д.

Таким образом, под угрозой находятся не только наркоманы со стажем, но и подростки, решившие попробовать наркотики впервые. Человек, стремящийся к получению легких денег, не задумываясь, может вступить в ряды преступников. Сегодня лицо наркодилера существенно изменилось. Как правило, оно представляет собой высокообразованного молодого человека, обладающего широкими познаниями в информационно-телекоммуникационной сфере, ранее не судимого.

Использование сетевых ресурсов позволяет членам сообщества находиться на больших расстояниях друг от друга, в том числе и в разных странах, что усложняет деятельность правоохранительных органов по установлению высших звеньев преступных сообществ в данной сфере [4, с. 87].

Посредством проведения мониторинга в сети Интернет можно установить информационный сайт, в котором можно получить значимую информацию о продаже наркотиков.

Такой комплекс может включать в себя:

целевой поиск – мониторинг (по ранее известной информации поиск в конкретных интернет-ресурсах, т. е. поиск по уже известному перечню сайтов, торгующих наркотиками);

нецелевой поиск – глайдинг (скольжение), установление объектов, имеющих характерные для наркотических и психотропных веществ признаки, в частности где обсуждаются изготовление, культивирование, препараты для изготовления наркотических веществ;

тематический поиск – когда поисковые мероприятия связаны с проверкой, подтверждением данных по той или иной оперативной информации (при этом используются общие ресурсы интернета и поисковые системы, отслеживается фигурирование информации в новостных сайтах);

персонифицированный поиск – в отношении конкретного лица либо организованной преступной группы [5, с. 110].

При установлении лица можно использовать социальные сети, например, «ВКонтакте», «Одноклассники» и другие, так как они активно используются органами внутренних дел для выявления преступных связей, контактов подозреваемых. При этом исследуются имеющиеся фото,

видео, какие-либо данные, материалы, диалоги, размещенные в социальных сетях, имеющие первостепенное значение и могущие выступить доказательством по делу.

К тому же при наличии у органов внутренних дел сведений о личности подозреваемых могут быть использованы всевозможные информационные ресурсы. Любой интернет-пользователь в поисковой строке может указать данные о лице, недвижимости, транспортных средствах, после чего можно получить информацию о его месте работы, интересах, участии в каких-либо конкурсах и т. п. Анализ полученной информации может также использоваться при проверке причастности лица к совершению незаконного оборота наркотических средств или установлению следов преступления и дополнительных доказательств, также выявить причастность к другим преступлениям.

Таким образом, поиск и использование информации в сети Интернет, а также использование общедоступных и поисковых средств является необходимым условием эффективного и целесообразного раскрытия и расследования преступлений. Активное совершенствование методов поиска информации в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, использование возможностей информационных ресурсов и различных информационных ресурсов позволяет всех причастных к преступлениям привлечь к уголовной ответственности.

Международный комитет по контролю над наркотиками «рекомендует государствам постараться собрать информацию о незаконном обороте наркотиков через интернет, в том числе о незаконной торговле веществами, находящимися под международным контролем, и рассмотреть возможность создания соответствующих органов по контролю, таких как группы киберпатрулирования». Подразделение киберпатрулирования должно создаваться в системе органов МВД и которое подчинялось бы только МВД. В компетенцию данного подразделения надо вносить такие функции и задачи, которые помогали бы выявлять и пресекать незаконную деятельность по незаконному обороту наркотических средств посредством сети Интернет, анализировать состояние наркопреступности в сети Интернет, идентифицировать лиц, которые склоняют, распространяют либо причастны к незаконному обороту наркотических средств с использованием сети Интернет, отслеживать почтовые и электронные отправления с подозрительных сайтов и т. д. [6, с. 10].

Таким образом, использование традиционных источников информации в совокупности с возможностями сети Интернет позволяет повысить эффективность деятельности по использованию сети Интернет при противодействии наркопреступности. Сеть Интернет в современных условиях становится одним из каналов поступления информации для решения задач органов внутренних дел.

Список использованных источников

1. Тепляшин, П.В. Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции / П.В. Тепляшин // *Lex Russica*. – 2017. – № 10. – С. 147–157.
2. Щурова, А.С. Незаконный оборот наркотических средств и их аналогов с использованием компьютерных технологий (сети Интернет) : уголовно-правовое и криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.С. Щурова. – Санкт-Петербург, 2017. – 256 с.
3. Обзор наркоситуации в республике за 10 месяцев 2019 года [Электронный ресурс] / Официальный сайт МВД Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/guniptl/narkokontrol>. – Дата доступа: 01.12.2019.
4. Чистанов, Т.О. Незаконный сбыт наркотических средств с использованием телекоммуникационных сетей и устройств / Т.О. Чистанов // *Международ. науч.-исслед. журн.* – 2016. – № 11 (53). – Ч. 1. – С. 86–88.
5. Бабкин, Л.М. О некоторых аспектах оперативно-розыскного противодействия сбыту наркотических средств, осуществляемого посредством сети «Интернет» / Л.М. Бабкин, С.В. Булатецкий // *Вестн. Алт. акад. экономики и права*. – 2018. – № 2. – С. 109–114.
6. Руководство для правительств по предупреждению незаконной торговли через Интернет веществами, находящимися под международным контролем [Электронный ресурс] / МККН ООН. – Режим доступа: <http://www.ifap.ru/library/book415.pdf>. – Дата доступа: 01.12.2019.

УДК 349.6 + 338(476)

Е.Б. Тетерук, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

Рецензент – кандидат экономических наук, доцент *А.И. Авраменко*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ «ЗЕЛеной» ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются проблемные вопросы формирования «зеленой» экономики. Подчеркиваем, что «зеленая» экономика – неотложное и необходимое направление современного развития, позволяющее решить в настоящее время наиболее острые вопросы.

Переход к «зеленой» экономике представляет собой необычайно сложную и комплексную проблему, связанную с многочисленными общими задачами. Их глубина и серьезность обусловлены беспрецедентными вызовами, стоящими перед человечеством. Требуется глубокое

преобразование не только мировой экономики, фактически речь идет об изменении всего хозяйственного уклада и образа жизни людей. До настоящего времени, несмотря на ускорение процессов разработки и реализации модели «зеленого» роста, процесс шел недостаточными темпами и явно отстает от скорости нарастания экологической деградации планеты.

Среди объективных проблем осуществления стратегии «зеленого» роста в первую очередь следует отметить совокупность вопросов, связанных с технологической перестройкой мировой экономики, прежде всего энергетического сектора. В настоящее время около 90 % всей энергетики основано на традиционных технологиях, и даже при условии достижения паритета с ними по издержкам технологий возобновляемой энергетики существенные преобразования требуют длительного времени в связи со сложностью трансформации всей энергетической инфраструктуры [1, с. 68].

Значительное число необходимых для «зеленой» экономики технологий уже имеется: это ветровая и солнечная энергетика, улавливание диоксида углерода, биоразлагаемые материалы и пр. Вместе с тем ускорение вытеснения ими традиционных технологий требует их совершенствования, снижения стоимости, а также наличия дополнительных стимулов в виде как сохранения достаточно высоких цен на традиционные источники энергии, так и проведения соответствующей политики.

Существует значительная степень неопределенности последствий внедрения новых технологий. Так, «зеленая» революция в сельском хозяйстве имела двойные последствия: с одной стороны, позволила снизить остроту продовольственной проблемы, с другой – вызывает обеспокоенные опасения, связанные с применением пестицидов и ГМО. Недавний глобальный продовольственный кризис вновь поставил перед человечеством вопросы последствий использования новых технологий [2, с. 50].

Проблема необходимости создания и распространения «зеленых» технологий усугубляется достаточно жесткими временными рамками, учитывая серьезность экологической ситуации. Как показывают сценарии, «зеленая» технологическая революция должна совершиться в ближайшие три-четыре десятилетия. Это чрезвычайно сложная задача, учитывая время, необходимое для разработки, внедрения и распространения новых технологий. Предыдущие технологические революции совершались в значительно более длительные сроки, около 70 лет и более. Помимо этого, повышение энергоэффективности «перекрывается» ростом населения и соответственно увеличения объема потребления. В связи с этим существует необходимость в технологических «прорывах».

К числу ключевых проблем построения «зеленой» экономики относятся финансово-экономические. Перестройка экономики – дорогостоящий процесс. Оценки затрат на него, выполненные международными организациями, значительно варьируются – от 2 до 25 % мирового ВВП и более. В отличие от оценки ЮНЕП в 2 % в десять ключевых отраслей экономики, доклад Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН оценивает только глобальную замену существующей энергетической инфраструктуры (основанной на ископаемом топливе и использовании атомной энергии) в 15–20 трлн долларов, т. е. может достигать до $\frac{1}{4}$ мирового ВВП. Некоторые исследования свидетельствуют о том, что издержки реализации ряда экологических законов перевешивают потенциальную экономическую выгоду и негативно влияют на экономический рост [3, с. 12]. Другими словами, немедленных выгод «зеленая» экономика может и не дать, в большей степени речь идет о долгосрочных преимуществах.

Сложности реализации «зеленой» стратегии обусловлены также значительной степенью неопределенности перспектив. Это связано, в частности, с неясностью скорости развития процессов деградации окружающей среды, быстрыми изменениями в мире, направлением развития и эффективностью применения новых технологий. Опыт последних лет показал, что ситуация может меняться очень быстро. Например, как считают ученые, процессы деградации экосистем могут резко ускориться [4, с. 71]. Примером изменения ситуации на рынках может служить стремительный рост производства сланцевых газа и нефти, что уже повлияло на рынки энергоносителей и вызвало снижение мотивации для развития альтернативных источников энергии.

Помимо объективных имеется много субъективных препятствий для реализации стратегии «зеленого» роста, в том числе политических. Вопреки заявлениям политиков, она явно недостаточно сориентирована на решение комплексных задач, включая сохранение природного капитала и регулирование социальных проблем. Это обусловлено как ограниченной информированностью, политической волей, инертностью мышления и сиюминутными интересами руководства страны, граждан и компаний, так и возможностью использовать природный капитал других государств, особенно в условиях глобализации. Вместе с тем, как указывалось ранее, построение «зеленой» экономики может создать реальные возможности увеличения занятости, особенно в возобновляемой энергетике, транспорте, лесном хозяйстве, что позволит решать и социальные задачи [5, с. 28].

Государственная политика часто отличается непоследовательностью: наряду со стимулированием экологически чистого производства

сохраняется высокий уровень субсидирования «грязных» отраслей, в первую очередь производства ископаемого топлива, а также сельского хозяйства, что способствует увеличению экологической нагрузки.

Одним из важнейших препятствий является противоречие между сущностью любого бизнеса, нацеленного на извлечение прибыли, и задачами построения «зеленой» экономики. Несмотря на появление новых возможностей для коммерческой деятельности, значительное число компаний все еще негативно относятся к «озеленению» своей деятельности, расценивая экологические мероприятия как дополнительные издержки.

Решение большинства указанных проблем заключается в дальнейшей интеграции концепции «зеленого» роста в государственные стратегии, усиление роли государства в ее продвижении и инвестировании в «зеленые» инновации, активизацию государственной экологической политики, включая значительное расширение экономического стимулирования соответствующей хозяйственной деятельности и постепенное снижение субсидирования производства не возобновляемых источников энергии, увеличение внимания к культурной, информационной и образовательной составляющей национальной политики в сфере экологии.

Существуют серьезные противоречия между странами в оценке стратегии «зеленой» экономики [6, с. 137]: отношение варьируется от полного одобрения до резко негативного, что обусловлено различиями в понимании цели «зеленой» экономики, уровне и особенностях развития, а также интересах государства, зависимых от экспорта энергоносителей, и вызвать их сопротивление.

Активную позицию в реализации стратегии занимают ЕС, Япония, Китай, Республика Корея, Таиланд, Бразилия, а также некоторые другие страны и интеграционные объединения. Значительная группа развивающихся стран не поддерживает эту идею, так как считает ее односторонней, охватывающей только экологические аспекты и не включающей разрешение проблем развития и неравенства в отличие от концепции устойчивого развития. Они также обеспокоены возможным единообразным подходом ко всем странам независимо от уровня развития, что поставит их в неравные условия с развитыми государствами. Другие опасения, высказываемые в первую очередь экологическими и иными общественными организациями, связаны с возможной коммерциализацией всех природных ресурсов и других аспектов жизни людей, что послужит преимущественно увеличению прибылей компаний и дальнейшему разрушению природной среды вопреки общественным интересам. Так, горнодобывающие компании продолжают наносить серьезный урон окружающей среде, нарушая природные экосистемы и «компенсировать» урон

финансовой поддержкой. Вместе с тем «озеленение» экономики может способствовать сохранению природной среды, являющейся основным источником доходов, в первую очередь наиболее бедных стран, решению водной, продовольственной и других проблем, повышению занятости и уровня жизни людей [7, с. 55].

Существует много возможностей «озеленения» экономического роста в Беларуси. Законодательство Республики Беларусь развивается в сторону гармонизации с европейским законодательством, и некоторые важные меры для этого были или скоро будут приняты. Более того, инвестиции в экологическую инфраструктуру, и особенно в водоснабжение и канализацию, а также в обращение с отходами, являются важными элементами экономического развития.

На стратегическом уровне в Республике Беларусь хорошо развита система политик, программ и планов. Были предприняты важные шаги: экологические принципы были введены в национальную экономику, снизив экологические риски и создав условия для улучшения уровня жизни населения.

Чтобы достичь целей устойчивого развития, Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. [8] определила области развития для основных компонентов белорусской модели: экономика, окружающая среда и социальная сфера.

На ближайшую перспективу направления реализации принципов «зеленой» экономики в Республике Беларусь таковы:

- 1) дальнейшее развитие природоохранного законодательства и применение наиболее успешных практик в вопросах управления воздухом, водой, почвами и обращения с отходами;
- 2) расширение сектора органического сельского хозяйства, введение сертификатов на органическую продукцию в стране и увеличение импорта органической продукции;
- 3) продвижение решений по эко-инновациям, основанным на высоком исследовательском потенциале Республики Беларусь;
- 4) использование законодательных и экономических инструментов для смягчения последствий изменения климата и поддержки мер по адаптации к изменениям климата;
- 5) введение мероприятий по энергоэффективности в городах Республики Беларусь;
- 6) привлечение прямых иностранных инвестиций и создание «зеленых» рабочих мест.

Как отметил на конференции «Зеленый и ресурсоэффективный бизнес: вызовы и практические решения» заместитель министра экономи-

ки Беларуси Дмитрий Матусевич, ведя речь о принятии и внедрении принципов «зеленой» экономики, нужно говорить о трансформации всей экономики страны.

«Это уже доказано, что циркулярная экономика способна изменить отдельные сектора, создать новые рабочие места, и еще это инвестиции, основанные на инновациях. В целом это новое качество экономики. С точки зрения макроэкономических прогнозов, все расчеты показывают, что внедрение принципов циркулярной экономики может обеспечить прирост ВВП на 12–15 %», – сказал он.

На повестке дня в Республике Беларусь – поступательный переход к «зеленым» технологиям. Республика Беларусь также присоединяется к цели ООН по ответственному производству и потреблению.

«И здесь мы должны говорить о готовности общества к такому переходу. Некоторые вещи уже закреплены законодательно и уже реализуются энергоэффективные технологии, внедряются технологии по снижению и переработке отходов, вовлечению в топливный баланс возобновляемых источников энергии. Уже есть государственный заказ на металллом, макулатуру, отходы стекла», – рассказал он.

Говоря об отходах, Дмитрий Матусевич отметил, что нужно разделять отходы коммунальные и отходы производства, которые в разы больше первых. По его словам, сегодня в стране перерабатывается около 20 % коммунальных отходов, и поэтому здесь встает задача по увеличению данной цифры и созданию цепочки добавленной стоимости.

«Также сегодня в Беларуси активно прорабатывается внедрение депозитно-залоговой системы для тары из пластика и стекла. Будет выстроена система, обеспечивающая прозрачное движение, учет и последующее вовлечение собираемых вторичных ресурсов в экономику», – отметил заместитель министра.

В то же время «зеленая» экономика не является панацеей и вряд ли позволит решить все глобальные и государственные проблемы: неравенства доходов и качества жизни, доступа к ресурсам и др. Планета действительно имеет свои пределы и не сможет обеспечить высокий уровень жизни для непрерывно растущего населения. Вместе с тем «зеленая» экономика – неотложное и необходимое направление современного развития, позволяющее решить наиболее острые вопросы в настоящее время.

Список использованных источников

1. «Зеленая» экономика. Новая парадигма развития страны / С.Н. Бобылев [и др.] ; под общ. ред. А.В. Шевчука. – М. : СОПС, 2014. – С. 66–71.

2. Михайлова, А.А. «Зеленая» экономика: концепция, роль в мировом сообществе и Республике Беларусь / А.А. Михайлова ; науч. рук. Л.П. Авдашкова // Актуальные проблемы мировой экономики и менеджмента : материалы Междунар. интернет-конф. студентов и магистрантов, Гомель, 21 дек. 2017 г. / Белкоопсоюз, Беларус. торг.-экон. ун-т потреб. кооперации ; под науч. ред. М.В. Тимошенко. – Гомель, 2017. – С. 50–51.

3. Никоноров, С.М. К «зеленой» экономике через «зеленые» финансы, биоэкономику и устойчивое развитие / С.М. Никоноров // Рус. политология. – 2017. – № 3. – С. 12–15.

4. «Зеленые финансы» в мире и России : монография / Б.Б. Рубцов [и др.] ; под ред. Б.Б. Рубцова. – М. : РУСАЙНС, 2018. – 168 с.

5. Пискулова, Н.А. Помощь развивающимся странам в области охраны окружающей среды / Н.А. Пискулова // Вестн. междунар. орг. – 2011. – № 2 (33). – С. 26–34.

6. Бобылев, С.Н. Новая «зеленая» экономика для мира и России / С.Н. Бобылев // Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. «Устойчивое развитие: вызовы Рио» / под ред. С.Н. Бобылева. – Программа развития ООН, ООН РА ИЛЬФ. – М., 2013. – С. 81–94.

7. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] : одобр. протоколом заседания Президиума Совета Министров Респ. Беларусь, 2 мая 2017 г., № 10. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.by>. – Дата доступа: 15.11.2020.

8. Мурина, И. Как мотивировать предприятия, чтобы они пошли по пути зеленой экономики? [Электронный ресурс] / Е. Мурина. – Режим доступа: <https://ej.by/news/economy/2019/03/01/kak-motivirovat-predpriyatiya-chtoby-oni-poshli-po-puti-zelenoy.html>. – Дата доступа: 15.11.2020.

УДК 343.985

Е.Б. Тетерук, курсант следственно-экспертного факультета

В.Г. Овсянников, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,

доцент *Д.Л. Харевич*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.А. Шаматульский*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, ПРОВОДИМЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Рассмотрены проблемные вопросы дефиниции понятия «оперативно-розыскная деятельность». Выделены недостатки законодательного определения указанного понятия. На основании анализа научных подходов к формиро-

ванию его сущности различными учеными выделены некоторые сущностные черты, позволяющие более полно раскрыть рассматриваемое понятие.

В настоящее время наблюдаются качественные изменения в преступности, характеризующиеся все более частым использованием возможностей сетей передачи данных (Интернет), средств компьютерной техники (СКТ) и др.

Осуществляется адаптация правовой регламентации тактических возможностей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, с целью эффективного противодействия такой преступности. Например, ряд мер был предусмотрен в новой редакции Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД).

Вместе с тем принятие вышеуказанных изменений лишь частично решило имеющиеся проблемы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием сети Интернет, что часто обусловлено использованием преступниками алгоритмов стойкого шифрования данных. Изучение зарубежного опыта показывает, что решением вышеуказанных проблем во многих случаях может являться проведение негласных мероприятий, связанных с удаленным контролем того устройства, в котором создана или хранится представляющая оперативный интерес информация, в период, пока она не будет зашифрована или стерта. В последние годы соответствующие меры были предусмотрены в законодательстве Великобритании, России, Франции, ФРГ и предложены для рассмотрения в качестве законопроектов в Австрии, Швейцарии [1, с. 39].

Обзор определений таких негласных мероприятий в зарубежном законодательстве позволяет выделить их следующие характерные черты:

1) негласный характер проведения, обусловленный необходимостью преодоления мер противодействия раскрытию (расследованию) преступления, состоящих в применении криптостойкого шифрования или приемов анонимизации пользователя;

2) способ осуществления – удаленное проникновение и осмотр (копирование), при которых инициатор не находится в месте расположения обследуемого СКТ;

3) средства получения информации – специальные программы, разработанные и используемые инициатором проведения мероприятия;

4) информация, представляющая оперативный интерес, – файлы или данные, хранящиеся на обследуемом СКТ, подключенных к нему носителях информации или удаленных ресурсах, к которым имеется доступ с указанного СКТ [2, с. 422–423].

Как видно из вышеприведенного перечня характерных признаков, совокупность производимых действий образует тактический комплекс,

имеющий определенное сходство с такими предусмотренными в Законе об ОРД оперативно-розыскными мероприятиями (ОРМ), как «контроль в сетях электросвязи», «оперативный осмотр», «сбор образцов». С ОРМ «контроль в сетях электросвязи» их объединяет направленность на получение хранящихся в цифровом виде данных, которые могут передаваться или передаются с использованием сетей передачи данных и иных сетей электросвязи; с ОРМ «оперативный осмотр» – содержание производимых действий, по аналогии с осмотром состоящих в обследовании и последующем изъятии объектов, представляющих оперативный интерес; последняя из названных операций указывает на сходство с ОРМ «сбор образцов».

Нужно найти различия между указанными мероприятиями, и отметить, что в ходе обсуждения данной проблематики многие исследователи высказывали точку зрения о том, что исследуемые высокотехнологические мероприятия (действия) являются разновидностью ОРМ «контроль в сетях электросвязи». При доказывании тождественности указанных высокотехнологических мероприятий (действий) и контроля в сетях электросвязи делалась ссылка на то, что в ходе таких мероприятий получение информации осуществляется с использованием сетей электросвязи и в отношении информации, хранящейся в таких сетях (ст. 31 Закона об ОРД). Однако если следовать этому аргументу, то к ОРМ «контроль в сетях электросвязи» следует также отнести разновидности оперативного опроса с использованием указанных сетей, а также слухового контроля, при которых информация передается по указанным сетям (в обоих случаях общим является как способ передачи информации, так и ее характер), что однозначно не соответствует подходу, отраженному в действующем оперативно-розыскном законодательстве (ст. 21 и ст. 30 Закона об ОРД).

Можно предположить, что причисление исследуемых высокотехнологических мероприятий (действий) к контролю в сетях электросвязи будет идти вразрез тенденции к дифференциации отдельных понятий и институтов оперативно-розыскного права, ставшей лейтмотивом при разработке нового оперативно-розыскного законодательства Беларуси.

Как следует из определения ОРМ «контроль в сетях электросвязи», приведенного в ст. 31 Закона об ОРД, оно осуществляется в связи с передачей данных и сообщений по сетям электросвязи или ее хранением в инфраструктуре указанных сетей. Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 19 июля 2005 г. № 45 «Об электросвязи» к указанным данным и сообщениям относятся телефонные вызовы, телеграфные сообщения, служебные и информационные сообщения, сетевые пакеты сетей передачи данных. И хотя этот перечень является открытым, исходя

из логики отнесения к нему отдельных элементов, можно утверждать, что хранящиеся на компьютере файлы не могут быть причислены к данным и сообщениям [3].

Рассматривая особенности исследуемых высокотехнологических мероприятий (действий), следует подчеркнуть, что существующие способы проведения ОРМ «контроль в сетях электросвязи» не подразумевают установление контроля над самим СКТ, которым пользуется лицо, представляющее оперативный интерес; осуществляется лишь перехват информации, находящейся в сети операторов электросвязи в то время, когда она передается через указанные сети или хранится в них.

Установление непосредственного контроля над СКТ правоохранительным органом зарубежного государства, в законодательстве которого регламентирована возможность проведения исследуемых высокотехнологических мероприятий (действий), значительно расширяет тактические возможности при их осуществлении данным зарубежным правоохранительным органом в сравнении с предусмотренными ОРМ «контроль в сетях электросвязи», поскольку позволяет такому правоохранительному органу проводить удаленное обследование аппаратной и программной конфигурации целевого СКТ и подключенных к нему устройств, перехват паролей шифрования и т. д. [2, с. 427].

Таким образом, определенная часть производимых действий связана с проведением обследования СКТ, что сложно рассматривать как составную часть ОРМ «контроль в сетях электросвязи».

В теории ОРД имеются теоретические основания для разграничения ОРМ «контроль в сетях электросвязи» от исследуемых высокотехнологических мероприятий (действий). Стоит отметить, что в оперативно-розыскном законодательстве Республики Беларусь одним из оснований деления ОРМ на виды выступает такой признак, как метод познания окружающей действительности, лежащий в основе соответствующего ОРМ. Если в основе ОРМ «контроль в сетях электросвязи» лежит метод, содержание познавательных действий которого составляет негласное восприятие, слежение, контроль за представляющими оперативный интерес лицами, их поведением, а также объектами и обстановкой на них [4, с. 37], то содержание познавательных операций, имеющих место при проведении второго из сравниваемых тактических комплексов, в большей степени отражает обследование материальных объектов с целью отыскания и фиксации следов преступной деятельности [5, с. 32].

Следует отметить, что в ранних трудах исследователей теории ОРД (Д.В. Гребельский, А.Ф. Возный, В.Г. Самойлов) приведенные познавательные действия рассматривались как единое целое, однако в последующем А.Е. Чечетиным обоснована точка зрения относительно их

самостоятельности. Аргументами в пользу этого являлись различия в целях (установление происходящих событий, изучение поведения лиц в первом случае; поиск и фиксация следов преступной деятельности во втором); пассивный познавательный характер, подразумевающий отсутствие непосредственного контакта с наблюдаемым объектом в первом случае в противовес активному, инициативному характеру действий во втором; более широкий пространственный охват в первом случае и ограниченная локализация поиска во втором.

С учетом приведенных рассуждений представляется, что отделение ОРМ «контроль в сетях электросвязи» от исследуемых высокотехнологичных мероприятий (действий) имеет под собой не только логическое, правовое, но и научное обоснование [2, с. 427–428].

Разграничение между ОРМ «сбор образцов» и рассматриваемыми высокотехнологичными мероприятиями (действиями) можно провести по признаку того, в какой степени инициатор ОРМ обладает информацией о местонахождении объектов, представляющих для него оперативный интерес. Нельзя произвести сбор образцов, если неизвестно их местонахождение. В этой связи в оперативно-розыскной практике сбору образцов предшествует проведение ОРМ «оперативный осмотр», направленное на решение названной задачи. Аналогичный подход использован в уголовном процессе и криминалистике для отграничения обыска от выемки. Таким образом, действия, составляющие ОРМ «сбор образцов», можно представить как содержание последующего этапа проведения изучаемых высокотехнологичных мероприятий (действий).

Проведенное рассмотрение позволяет сделать обоснованный вывод о необходимости расширения перечня тактических комплексов, предусмотренных Законом об ОРД, новым высокотехнологичным мероприятием (действием) с целью приведения тактических возможностей органов, осуществляющих ОРД, в соответствие с потребностями в эффективном раскрытии преступлений, совершаемых в сети Интернет. Это позволит решить такие потенциальные проблемы ведения ОРД в сети Интернет, как признание действий оперативных сотрудников незаконными и невозможность использования собранных таким образом материалов ОРД в уголовном процессе [2, с. 427].

На основании изложенного, полагаем, следует акцентировать внимание на повышении эффективности решения задач ОРД в противодействии преступлениям, совершаемым с использованием СКТ, современных средств телекоммуникации и компьютерных сетей, которое возможно путем дополнения Закона об ОРД новой разновидностью оперативного осмотра под наименованием «удаленный осмотр». Содержание данного мероприятия можно определить как негласное обследо-

вание компьютерной системы или сети и сбор хранящихся в них данных, при которых исполнитель не находится в месте расположения указанной системы или сети, проводимые с использованием специализированного программного обеспечения в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД.

Список использованных источников

1. Харевич, Д.Л. О перспективах совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, направленной на борьбу с терроризмом и экстремизмом в сети Интернет / Д.Л. Харевич // Проблемы обеспечения национальной и региональной безопасности: правовые и информационные аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2 нояб. 2017 г. : в 2 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; редкол.: А.Л. Лычагин (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – Т. 2. – С. 38–42.
2. Харевич, Д.Л. Юридическое содержание удаленного осмотра компьютерных систем или сетей / Д.Л. Харевич // I Минские криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 20 дек. 2018 г.) : в 2 ч. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2018. – Ч. 2. – С. 422–429.
3. Об электросвязи [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 19 июля 2005 г., № 45 : в ред. от 18.12.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
4. Четин, А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий : монография / А.Е. Четин. – М. : ИД Шумиловой И.И., 2006. – 180 с.
5. Басецкий, И.И. Терминологический словарь к Закону Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» / И.И. Басецкий, В.С. Гайдельцов ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. – 66 с.

УДК 342.9

А.А. Ткачев, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *А.Л. Федорович*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *О.И. Левшук*

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС СОТРУДНИКА МИЛИЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЕГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

На современном этапе развития белорусского государства милиция общественной безопасности играет ключевую роль в защите прав и свобод граждан, законных интересов общества и государства. Проанализировано правовое

закрепление административно-правового статуса сотрудника милиции, отражены права и обязанности сотрудников милиции, сформулированы научно обоснованные предложения по усовершенствованию данного направления деятельности.

Административно-правовой статус (АПС) сотрудника милиции общественной безопасности (МОБ) является ключевым понятием в правовом регулировании его деятельности. Залог эффективности такой деятельности – качественное правовое закрепление задач, функций и полномочий сотрудника. Если задачи органов внутренних дел (ОВД) получают практическое воплощение в функциях, то последние реализуются через совокупность полномочий. Целью нормативной формулировки системы полномочий сотрудника ОВД является создание правовой базы, которая обеспечивала бы решение стоящих перед ОВД задач путем гарантированного применения норм законодательства, а также недопущения бездействия при их реализации.

Определяющее значение в установлении границ правового статуса сотрудника ОВД имеют права и обязанности, поскольку они определяют наличие особенностей в методах правового регулирования службы в ОВД и определяют содержание полномочий. Это позволяет сделать вывод о том, что полномочия сотрудника ОВД формируются системой его служебных прав и обязанностей, определяемых стоящими перед ОВД задачами и функциями.

Построить эффективную систему полномочий сотрудников ОВД без качественного закрепления функций этих органов невозможно, так как без должного оформления системы полномочий таких должностных лиц невозможно добиться эффективного функционирования ОВД.

В системе организации АПС сотрудника ОВД теоретически возможно выделение трех уровней: общий (АПС сотрудника ОВД, основы организации которого рассмотрены выше), специальный (АПС сотрудника отдельного функционального звена (например, милиции), органа, организации, подразделения или службы) и индивидуальный (АПС конкретного, отдельно взятого сотрудника). Ключевую позицию в приведенной иерархии, полагаем, занимают специальные правовые статусы [1, л. 88–89].

Выделение правового статуса такой степени конкретизации имеет смысл в отношении сотрудников отдельных функциональных звеньев, организаций, органов и подразделений системы МВД. Исходя из компетенции, обусловленной функциональным предназначением того или иного органа (управления, организации, подразделения) внутренних дел, проходящие в них службу сотрудники наделяются специальными правовыми статусами, в том числе статусом сотрудника милиции [1,

л. 89]. Данное разграничение позволяет более детально проработать АПС отдельных категорий сотрудников.

Вместе с тем в числе самостоятельных функциональных звеньев системы ОВД наряду с подразделениями по гражданству и миграции, охраны, финансов и тыла, уголовно-исполнительной системы в ст. 11 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-3 «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Закон об ОВД) указывается милиция. В ст. 14 Закона об ОВД установлено положение об общем назначении милиции как одного из функциональных звеньев ОВД, а в ст. 15 и 16 закреплены стоящие перед системой ее подразделений специфические задачи, что определяет особенности в системе и содержании выполняемых ею функций и определяет необходимость разграничения правовых статусов сотрудников, деятельность которых состоит в решении задач милиции общественной безопасности (МОБ).

Особенностью реализуемых милицией общественной безопасности функций является ярко выраженный правоохранный характер: для правового статуса сотрудника МОБ нехарактерно выполнение обеспечивающих и организационных функций. Однако ввиду отсутствия качественного оформления системы функций милиции (на что обращалось внимание выше) достоверно определить, чем должна и чем может заниматься в современных условиях милиция, практически невозможно. Несформированность правового статуса милиции как основного функционального звена системы ОВД не позволяет утверждать о наличии необходимых условий и предпосылок для оформления АПС сотрудника милиции, а тем более о его самостоятельности.

Анализ особенностей нормативной фиксации обязанностей сотрудников ОВД (ст. 23 Закона об ОВД) позволяют прийти к выводу, что характеристики АПС сотрудника ОВД обязывают его оценивать ситуации возможных нарушений правовых норм, а на основе результатов такой оценки решать, обязан ли он действовать при сложившихся условиях определенным образом либо, имея право на совершение соответствующих действий, он вовсе не обязан это право реализовать [1, л. 96]. Поэтому, по нашему мнению, необходимо вести речь не обо всех полномочиях, а о такой их группе, которые предоставляют право выбора действий сотруднику в определенных ситуациях (например, право на применение физической силы).

О применимости приведенных аргументов в отношении норм законодательства Республики Беларусь свидетельствует предусмотренное ст. 25 Закона об ОВД право сотрудника требовать от граждан соблюдения общественного порядка. Следуя логике приведенных суждений, указанное право является ни чем иным, как средством реализации за-

крепленной в ст. 23 названного закона обязанности сотрудников принимать возможные меры по пресечению правонарушений [2].

Уклонение от реализации такой обязанности является нарушением служебной дисциплины и влечет за собой при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния, предусмотренного ст. 425 «Бездействие должностного лица» УК [3], применение мер дисциплинарной ответственности, вплоть до увольнения из ОВД.

При этом исполнение указанного требования ст. 23 Закона об ОВД с учетом закрепленных ст. 26 данного закона условий правомерности применения мер пресечения предусматривает выполнение такой обязанности посредством предъявления к правонарушителю требования о соблюдении общественного порядка (например, применению физической силы и специальных средств должны предшествовать требование сотрудника прекратить противоправное поведение и предупреждение о намерении их применить).

Другими словами, определяя условия реализации личных прав сотрудников милиции, законодатель выстраивает модель их надлежащего поведения, отклонение от которой может привести к применению санкций к самому сотруднику милиции. Однако чаще всего нормы, позволяющие сотруднику ОВД совершать определенные действия, не содержат описания обстоятельств их выполнения и не связывают эту возможность (необходимость) с конкретными юридическими фактами. В таких случаях, формально устанавливая только общие рамки (пределы) возможного поведения сотрудников МОБ, закон дает им альтернативу для выбора конкретных полномочий для выполнения своих обязанностей, при этом предоставляя свободу усмотрения в выборе таких средств правовой защиты (например, произвольно проверять ручную кладь при въезде на территорию, охраняемую ОВД (объект охраны), для выполнения обязанности по контрольно-пропускному режиму). Полномочия сотрудника ОВД, имеющего право оценивать ситуацию и на их основе принимать решение о возможности (необходимости) действовать и, если да, то каким образом, определяет наличие более сложной взаимосвязи между его служебными обязанностями и соответствующими правами.

Исходя из этого, в зависимости от содержания все служебные полномочия сотрудников ОВД можно условно подразделить на абсолютно определенные (служебные полномочия сотрудника ОВД, основания, порядок, условия и пределы реализации которых закреплены нормативно) и абсолютно неопределенные (полномочия, при реализации которых сотруднику ОВД предоставляется выбор одного из нескольких решений в рамках одной нормы). Предоставление сотруднику конкретного права при возможности выбора различных вариантов его поведения не означа-

ет, что это право будет им реализовано. Приведенные доводы позволяют в целом согласиться с высказыванием С.П. Чигринова, что «в широком философском смысле... субъективное право выражает возможность, а полномочие – необходимость» [4, с. 83]. Такой же позиции придерживается Конституционный Суд Республики Беларусь, который в одном из своих решений указал, что «термин „полномочие“ рассматривается в публичном праве как составная часть статуса государственного органа или должностного лица» и «предполагает наличие у определенного субъекта прав и обязанностей действовать в определенных ситуациях способами, предусмотренными нормативными правовыми актами». При этом «полномочие, реализуемое в рамках публично-правовых отношений, обеспечивается возможностью принятия уполномоченным субъектом... решений... в которых сформулированы предписания, обязательные для исполнения другими лицами» [5, п. 3].

Специфика реализации основных направлений деятельности ОВД требует четкого, единообразного определения функциональной категории лиц, уполномоченных применять те или иные принудительные меры в рамках их реализации. Это подтверждается следующим примером.

Во исполнение предписаний ст. 25 Закона об ОВД, закрепляющей за сотрудником ОВД право на остановку транспортных средств, нормы п. 9 Правил дорожного движения [6] (далее – Правила) обязывают водителей транспортных средств останавливаться по требованию сотрудников ГАИ, а также иных должностных лиц, прямо указанных в части третьей подп. 9.1 п. 9 Правил. Содержащиеся в приведенной норме Правил общие, унифицированные для всех должностных лиц правоохранительных органов, требования к остановке транспортных средств предусматривают обязательные условия реализации такой меры: сотрудник должен находиться в форменной одежде, специальном жилете повышенной видимости, а для реализации указанного права должен использовать диск со световозвращателем красного цвета. Таким образом, закрепленное в ст. 25 Закона об ОВД право сотрудника ОВД на остановку транспортного средства и обязанность водителя транспортного средства остановиться носит усеченный характер и возникает только при обязательном соблюдении в совокупности всех требований.

Из буквального толкования норм данной статьи следует, что остановка транспортного средства посредством использования иных способов и приемов недопустима и не влечет для водителя транспортного средства обязанности остановиться. Исключением из данных правил пользуются сотрудники ГАИ. Согласно части второй подп. 9.1 п. 9 Правил требование сотрудника ГАИ об остановке транспортного средства должно быть подано им своевременно, понятно водителю и выражено

путем подачи сигнала жезлом, жестом руки, с помощью громкоговорящего устройства или посредством включения на транспортном средстве оперативного назначения маячка красного цвета. В данном случае наблюдается расширение выбора приемов остановки транспортных средств для выполнения возложенных на сотрудника ГАИ задач вплоть до возможности подачи такого требования жезлом, жестом руки и др.

Однако проанализированные положения правовых актов не представляют сотруднику ОВД, не наделенному правовым статусом сотрудника ГАИ, правомочий по остановке транспортного средства во время движения на автомобиле оперативного назначения.

С учетом этого сотрудники МОБ (как и любого иного подразделения милиции, за исключением ГАИ) в случае выявления представляющего угрозу личной или общественной безопасности события в соответствии со ст. 23 Закона об ОВД обязаны принять возможные меры по пресечению правонарушения (преступления) и задержанию лиц, его совершивших. Законность остановки транспортного средства при таких условиях будет обеспечиваться исключительно посредством использования приемов, допускаемых законодательными актами. Однако Правила не позволяют сотрудникам ОВД (за исключением сотрудников ГАИ) использовать весь комплекс мер по остановке транспортного средства. При этом следует отметить, что в данном случае юридические основания к остановке транспортного средства в результате подачи таким сотрудником ОВД сигнала жестом руки, жезлом или с помощью громкоговорящего устройства как таковые отсутствуют. Поэтому применение сотрудниками ОВД иных мер по остановке транспортного средства может быть признано незаконным. Реализация данного права в указанных ситуациях может быть обеспечена лишь в случае, если каждый сотрудник будет постоянно носить специальный жилет повышенной видимости, а при себе иметь диск со световозвращателем красного цвета, что выполнить не предоставляется возможным.

Таким образом, выполнение задач по защите жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов граждан от преступных и иных противоправных посягательств может быть затруднено в связи с ограничением сотрудника в возможности реализации отдельных статусных прав. Это может привести к невозможности реализации иных основных задач ОВД.

Вышеуказанные обстоятельства показывают важность оформления компетенции милиции и ее сотрудника в соответствии с решаемыми ими задачами и реализуемыми функциями. Решение же частной проблемы, вытекающей из приведенного примера, возможно посредством внесения в п. 9 Правил изменения, предусматривающего обязанность

водителей транспортных средств останавливаться по требованию сотрудника милиции при решении возложенных на милицию задач и перечень способов такой остановки должен быть расширен.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что функции милиции и статусные элементы ее сотрудников в настоящее время в должном объеме четко не определены. Это требует корректировки положений ряда нормативных правовых актов, определяющих правовой статус сотрудников ОВД. В частности, необходимо внести в п. 9 Правил изменение, предусматривающее обязанность водителей транспортных средств останавливаться по требованию сотрудника милиции при решении возложенных на милицию задач, расширив при этом перечень способов остановки транспортного средства.

Список использованных источников

1. Касьянчик, С.С. Административно-правовой статус сотрудника органов внутренних дел Республики Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / С.С. Касьянчик. – Минск, 2016. – 249 л.
2. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. Чигринов, С.П. Юридическая категория «полномочие гражданина» в актах законодательства, правовой доктрине и решениях Конституционного Суда / С.П. Чигринов // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. – 2012. – № 1. – С. 82–88.
5. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О наименованиях географических объектов» [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 10 нояб. 2010 г., № Р-509/2010 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
6. О мерах по повышению безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 28 нояб. 2005 г., № 551 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 10.08.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

А.С. Томашков, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Т.Л. Щерба*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Н.А. Марцынкевич*

БОРЬБА С УКЛОНЕНИЕМ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Рассматривается процесс возникновения и совершенствования расследования уклонения от уплаты налогов на территории современной Республики Беларусь в различных исторических периодах.

Уклонение от уплаты налогов, как и любое другое преступление, имеет свою историю: генезис, развитие, а также методы борьбы со стороны государства с данным преступным деянием и их дальнейшее совершенствование. Уклонение от уплаты налогов как преступление начало свое существование со времен возникновения первых государств, которым в первую очередь требовалось «финансирование» посредством сбора налогов для поддержания функционирования и развития государственности. Налоги необходимы для достижения двух целей: оплатить работу людей, управляющих государством, и обеспечивать функционирование государственных институтов для улучшения условий и качества жизни людей, живущих в государстве. Первые упоминания о борьбе с уклонением от уплаты налогов также прослеживаются с этого периода, так как представители верховной знати первых государств осознали, что могут возникнуть проблемы непосредственно со сбором налогов и нехватка налоговых выплат в казну государства может повлиять на функционирование государства. Вследствие таких домыслов и первых фактов уклонения от уплаты налогов появлялись методы борьбы с уклонением от уплаты налогов.

Во времена раннего Средневековья на Руси с конца IX в. с момента образования Древнерусского государства начала складываться налоговая система. Основным источником доходов княжеской казны была дань, которая изначально собиралась в некоторых случаях и со временем становилась более систематическим прямым налогом. В Древней Руси было и поземельное обложение. Косвенное налогообложение существовало в форме торговых и судебных пошлин. Пошлина «мыт» взималась при провозе товаров через горные заставы, пошлина «перевоз» – за перевоз через реку, «гостинная» пошлина – за право иметь склады, «торговая» пошлина – за право устраивать рынки. Пошлины «вес»

и «мера» устанавливались соответственно за взвешивание и измерение товаров, что было в те годы довольно сложным делом.

Налоги для Руси, как и для любого другого государства, являлись основным источником пополнения казны. Первоначально налоги собирались для уплаты жалования дружинникам и с течением времени появлялись различные виды налогов в результате частых войн Руси с другими государствами и племенами, так как военное ремесло требовало гораздо больших затрат на выплату жалования гораздо большому количеству войск, по сравнению с дружинниками, и горожанам, которые в случае войны привлекались к ратному делу, а также на обеспечение их продовольствием, снаряжением и иными нуждами по необходимости. В случае уклонения от уплаты налогов расследование, подтверждающее факт совершенного преступления, не проводилось. Над неплательщиком проводилось судебное разбирательство, и после вынесения решения к нему чаще всего применяли меры наказания в форме нанесения телесных повреждений кнутом либо батогами (палками). В случае побега преступников, уклонившихся от уплаты налогов, в отношении их никакие розыскные мероприятия не проводились.

В Новое время Российское государство нуждалось в реформации государственного строя, в частности, налоговой системы. Петр I, видя всю ситуацию, происходящую в государстве, упраздняет все налоги, которые были введены до его правления, в связи с тем, что сборы данных налогов были либо неэффективны, либо бессмысленны и вводит единый налог, тем самым упрощая налоговую систему с целью наиболее эффективного сбора налогов. Однако новый налог не приносил много доходов: большинство мужчин избегали регистрации в подушной переписи, подкупая «налоговых чиновников». Это объясняется немалой налоговой ставкой, которую в обязательном порядке требовалось уплатить в государственную казну. При введении в начале XVIII в. подушной переписи налоговый контроль стал распространяться также на лиц, ответственных за предоставление информации, необходимой для налогообложения [1].

Вследствие уклонения от уплаты налогов предусматривались следующие меры наказания для тех лиц, которые были ответственны за организацию и учет подушной переписи:

увольнение из должности губернаторов, которые скрывали факты укрывательства лиц, не внесенных в подушную перепись;

побои кнутом старост деревень, которые укрывали лиц, не внесенных в подушную перепись;

конфискация имущества у помещиков, которые укрывали $\frac{1}{3}$ и более лиц своего поместья, не внесенных в подушную перепись.

Применимые меры наказания к крестьянскому сословию: побои палками, другими телесными наказаниями; содержание под арестом до момента выплаты налога; конфискация имущества, продуктов питания и скота с целью компенсации уплаты подушного налога [1].

Несмотря на жестокость вышеуказанных наказаний, какого-либо расследования по факту уклонения от уплаты налогов не проводилось. Достаточно было только факта несвоевременного поступления денег в казну либо укрывательство лиц от уплаты налогов, которое обнаруживалось сборщиками налогов при проверке подушной переписи и сопоставления с численностью населения в поместье.

В XIX в. Российская империя претерпела множество изменений в налоговой системе. При Александре I изменения в акты законодательства вносились в части следующих фискальных сборов и налогов: оборочный сбор; гильдейский сбор; пошлина с наследств; горная подать; гербовый сбор; питейный сбор. Вводились новые обязательные платежи, например, процентный сбор с доходов от недвижимого имущества; кибиточная подать; попудный сбор с меди. Существенному пересмотру подвергалась система земских денежных и натуральных повинностей. Была реформирована система организации сбора налогов. В связи с проведением крестьянской реформы 1861 г. была изменена система сбора промыслового налога, введено налогообложение земли, введены подошмовый налог, земские налоги и сборы. Указом от 1 января 1863 г. винные откупа заменены акцизными сборами со спиртных напитков. Важнейшими источниками государственной казны стали: подушный налог; питейный и таможенный сборы; соляной налог; акциз на дрожжи; акциз на керосин; акциз на табак [2].

При становлении России как одной из самых влиятельных империй тех времен и для удержания этой позиции требовалось в первую очередь поддерживать военный потенциал страны. С течением времени на реформу налоговой системы изначально повлиял период Отечественной войны 1812 г., который вынудил российскую власть установить новые налоги для наиболее быстрого пополнения государственной казны с целью бесперебойного финансирования армии в войне с Францией. Последующие налоговые реформы, преимущественно во второй половине XIX в., проводились с целью наиболее эффективного сбора налогов для реформирования государственной системы, которая, по мнению императорской власти, была устаревшей, и, как показало поражение России в Крымской войне, для проведения мобилизации армии и флота, а также построения паровозов и железных дорог для эффективной транспортировки как товаров, так и армии, и их снабжения для последующих войн.

В России XIX в. уже существовали органы предварительного расследования. Это подтверждается тем, что канцелярией Александра II был разработан законопроект «О следствии», на основании которого функции предварительного расследования передавались суду, в результате чего следователи были отнесены к судебной власти. Указом Императора Александра II от 8 июня 1860 г. на них возлагалась обязанность производить расследование по всем преступлениям, относящимся к ведению судов, а менее тяжкие преступления и проступки были переданы в ведение полиции [3].

Эффективность налоговой системы в большинстве случаев определяется работой правоохранительных органов. Расследование налоговых преступлений в Российской империи было малоэффективным в связи с недостатком специальных знаний в области криминалистики и следственной практики. В связи с этим налоговая система Российской империи после многочисленных реформ длительное время оставалась неэффективной.

Период советских времен характеризуется своей особенной экономической моделью развития, на которую значительно повлияла коммунистическая идеология. В своем автореферате Н.Р. Тупанчески отметил, что до 1990 г., не считая стран Западного мира, в законодательстве стран Центральной и Восточной Европы не существовало понятия «уклонение от уплаты налогов» [4, с. 4]. Это связано в большинстве случаев с пребыванием данного круга стран в составе СССР либо в социалистическом лагере, в которых были особые методы экономического регулирования. Экономическая система данных стран характеризовалась переходным (социалистическим) этапом от капиталистической модели экономики к коммунистической. Данный этап представляет собой некоторые капиталистические основы (денежный оборот, ценообразование, налоги), без которых в принципе невозможно существование государства, с коммунистическими нововведениями (плановая экономика, социальное равенство). Социалистический строй советского типа (характерно для стран социалистического лагеря европейской части и СССР, исключая такие страны, как КНР, КНДР и т. д., которые имеют свои отличительные черты) подразумевает под собой тотальный контроль экономических процессов посредством оперативно-административного управления со стороны государственных органов управления, в частности правящей Коммунистической партии, которая в первую очередь стремилась «искоренить» капиталистическую модель экономики, руководствуясь коммунистическими догмами. Вследствие таких государственных преобразований капиталистическая (рыночная) модель экономики прекратила свое «легальное» существование, попытки дея-

тельности которой в социалистических странах пресекались уголовным законодательством, например, как спекуляция (ст. 154 УК РСФСР) [5], предпринимательство (частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество) (ст. 153 УК РСФСР) [5] и иные статьи, указывающие на виды деятельности, относимые к рыночным отношениям. Законодательство в этих странах было практически идентичным: насколько известно, что из общего всесоюзного законодательства происходило «копирование» законодательства для каждого союзного государства, тем самым создавая некоторую иллюзию административной самостоятельности союзных республик, входящих в состав СССР, или в случае со странами социалистического лагеря, отдельных от СССР, которые стремились сформировать законодательную базу, соответствующую коммунистической идеологии. Причины отсутствия состава уклонения от уплаты налогов в уголовном законодательстве объясняются тем, что в данных странах предприятия (организации, фабрики, заводы, учреждения) находились исключительно в государственной собственности, а уклонение от уплаты налогов характерно в большинстве случаев для частных предприятий, руководители которых владеют предприятием лично и вправе самостоятельно распределять прибыль, полученную за реализацию товаров либо услуг. Зависимость частной собственности от государства прослеживается в основном в сферах налогового и трудового законодательства. Отсутствие состава уклонения от уплаты налогов в социалистических странах объяснимо тем, что на их территории отсутствовали частные предприятия, так как их деятельность пресекалась по строгости уголовного законодательства и не была допустима под влиянием коммунистической идеологии.

Формирование частной криминалистической методики по расследованию налоговых преступлений началось после распада СССР в связи с возникновением рыночных отношений и криминализации в уголовном законодательстве состава уклонения от уплаты налогов. Наибольший вклад в развитие специальных криминалистических знаний для наиболее эффективной организации и проведения расследования уклонения от уплаты налогов внесли Р.А. Алексеев, М.Г. Арутюнян, А.А. Коновод, Р.А. Лежнин, С.В. Лукашевич, А.В. Перепелицын, М.Ю. Холкин и др.

В своем монографическом исследовании А.А. Коновод рассмотрел возможные способы совершения и сокрытия уклонения от уплаты налогов физическим лицом [6]. В свою очередь, Р.А. Алексеев дал более точную криминалистическую характеристику уклонения от уплаты налогов с организации [7] и в другом монографическом исследовании рассмотрел особенности тактики следственных и иных процессуальных действий на этапах расследования уклонения от уплаты налогов с орга-

низации [8]. М.Ю. Холкин рассматривал преступные схемы, применяемые при совершении уклонения от уплаты налогов [9]. М.Г. Арутюнян уделила внимание обстановке совершения уклонения от уплаты налогов [10]. А.В. Перепелицын анализировал способы уклонения от уплаты налогов кредитными организациями [11]. В исследовании С.В. Лукашевича представлены особенности проверки и оценки доказательств по уголовным делам об уклонении от уплаты налогов [12]. Р.А. Лежнин проанализировал способы уклонения от уплаты налогов, которые могут быть легализованы путем использования «пробелов» в законодательстве [13].

Ретроспективный анализ борьбы с уклонением от уплаты налогов показал, что в Древней Руси виновность за совершенное уклонение от уплаты налогов доказывалась непосредственно фактом обнаружения уклонения от уплаты налогов и борьба с данным преступлением проявлялась в привлечении неплательщика к ответственности и в мерах наказания, применяемых к нему с целью устрашения населения. Но такие методы борьбы с преступлением работали неэффективно, так как большинство неплательщиков уклонялись от наказания путем побега. Во времена правления Петра I при наличии факта уклонения от уплаты налогов также сразу привлекали к ответственности, не проводя никакого предварительного расследования. В Российской империи XIX в. уже на постоянной основе существовали органы предварительного расследования. Однако неэффективность налоговой системы указывает на низкий уровень качества расследования данных преступлений. Во времена СССР, в частности в период «хрущевской оттепели», методика расследований преступлений в целом развивалась стремительными темпами и эффективность деятельности следственных подразделений была гораздо выше, чем во времена множественных реформ в Российской империи в XIX в. Однако понятие «уклонение от уплаты налогов» в уголовном законодательстве в то время так и не появилось, что связано с некоторыми особенностями экономической модели развития государства, которая была зависима от коммунистической идеологии. После распада СССР с появлением рыночных отношений состав уклонения от уплаты налогов был криминализован, что закономерно определило развитие частной криминалистической методики расследования уклонения от уплаты налогов.

Список использованных источников

1. Майбуров, И.А. Уклонение от уплаты налогов. Проблемы и решения : монография для магистрантов, обучающихся по программам направления «Финансы и кредит» / И.А. Майбуров, А.П. Киреенко, Ю.Б. Иванов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 383 с.

2. Эволюция налоговой системы России в XIX веке [Электронный ресурс] // statehistory. – Режим доступа: <https://statehistory.ru/5537/Evolyutsiya-nalogovoy-sistemy-Rossii-v-XIX-veke>. – Дата доступа: 06.04.2021.

3. Андреева, О.А. Реформирование российских следственных органов в XIX в.: динамика смены моделей деятельности [Электронный ресурс] / О.А. Андреева, М.Ю. Фисаков // cyberleninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformirovanie-rossii-skih-sledstvennyh-organov-v-XIX-v-dinamika-smeny-modelei-deyatelnosti>. – Дата доступа: 06.04.2021.

4. Тупанчески, Н.Р. Уклонение от уплаты налогов : компаративный анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Н.Р. Тупанчески ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2002. – 40 с.

5. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. [Электронный ресурс] // libussr. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5602.htm. – Дата доступа: 29.03.2021.

6. Коновод, А.А. Расследование уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А.А. Коновод ; Кубан. гос. аграр. ун-т. – Краснодар, 2016. – 31 с.

7. Алексеев, Р.А. Криминалистическая характеристика уклонения от уплаты налогов с организации [Электронный ресурс] / Р.А. Алексеев // cyberleninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-ukloneniya-ot-uplaty-nalogov-s-organizatsii>. – Дата доступа: 07.04.2021.

8. Алексеев, Р.А. Тактика следственных и иных процессуальных действий на этапах расследования уклонения от уплаты налогов с организации [Электронный ресурс] / Р.А. Алексеев // cyberleninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/taktika-sledstvennyh-i-inyh-protsessualnyh-deystviy-na-etapah-rassledovaniya-ukloneniya-ot-uplaty-nalogov-s-organizatsii>. – Дата доступа: 07.04.2021.

9. Холкин, М.Ю. Преступные схемы уклонения от уплаты налогов, используемые в России [Электронный ресурс] / М.Ю. Холкин // cyberleninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnye-shemy-ukloneniya-ot-uplaty-nalogov-ispolzuemye-v-rossii>. – Дата доступа: 07.04.2021.

10. Арутюнян, М.Г. Обстановка совершения преступления в сфере уклонения от уплаты налогов [Электронный ресурс] / М.Г. Арутюнян // cyberleninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obstanovka-sovsheniya-prestupleniya-v-sfere-ukloneniya-ot-uplaty-nalogov>. – Дата доступа: 07.04.2021.

11. Перепелицын, А.В. Способы уклонения от уплаты налогов кредитными организациями (банками) [Электронный ресурс] / А.В. Перепелицын // cyberleninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-ukloneniya-ot-uplaty-nalogov-kreditnymi-organizatsiyami-bankami>. – Дата доступа: 07.04.2021.

12. Лукашевич, С.В. Проверка и оценка доказательств по уголовным делам об уклонении от уплаты налогов [Электронный ресурс] / С.В. Лукашевич // cyberleninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/proverka-i-otsenka-dokazatelstv-po-ugolovnym-delam-ob-uklonenii-ot-uplaty-nalogov>. – Дата доступа: 07.04.2021.

13. Лежнин, Р.А. О выявлении «законных» способов уклонения от уплаты налогов [Электронный ресурс] / Р.А. Лежнин // cyberleninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vyyavlenii-zakonnyh-sposobov-ukloneniya-ot-uplaty-nalogov>. – Дата доступа: 07.04.2021.

УДК 342.9

К.А. Томчик, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.В. Гиммельрейх*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.В. Коляго*

МЕТОД ПРАВОВОГО ПООЩРЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

Исследуются понятия и элементы содержания института правовых поощрений. На основании анализа научно-теоретических трудов отечественных и зарубежных ученых, правоприменительной практики формулируется определение понятия «правовое поощрение», рассматривается связь данного метода с иными социальными категориями, выделяются его атрибутивные признаки, дается их содержательная характеристика.

Специфика развития современных общественных отношений обуславливает потребность изменения и совершенствования методов их правового регулирования. В современных условиях роль права и закона в жизни общества меняется кардинальным образом. Правовые реформы ставят целью устранение прежних механизмов, которые сковывали общественную активность, а также «реанимировать» такие проверенные временем юридические методы, которые позволили бы эффективно воздействовать на инициативу и самостоятельность индивида [1, с. 50]. В связи с этим особую актуальность и социальное звучание приобретает проблема поощрительного метода регулирования.

Актуализация применения поощрительного метода объясняется прежде всего тем, что при использовании адекватных человеческой природе стимулов деятельности и отсутствии жесткого контроля, личности предоставляется большая свобода для проявления инициативы и творческой активности. Механизм поощрительного воздействия можно рассматривать как своеобразный волеформирующий стимулятор позитивного варианта поведения. Создавая режим, благоприятствующий выбору активного правомерного поведения, указанный метод призван содействовать проводимым реформам, способствующим повышению эффективности социально-экономических процессов.

Проблема поощрительного метода весьма многогранна. Она имеет нравственный, социальный, экономический и политический аспекты. Расширение сферы действия указанного метода символизирует собой либерализацию всего регулирующего воздействия на общественные отношения [2, л. 3].

Касааясь перспектив развития соотношения убеждения, принуждения и поощрения, в рамках правового воздействия, можно с полной уверенностью отметить: в перспективе национальное законодательство станет, на наш взгляд, уделять больше внимания поощрению правомерной деятельности своими специфическими средствами, влияющими на формирование новых правовых предпосылок, расширяющих возможности включения личности в общественную жизнь, реализацию ее позитивного внутреннего потенциала.

В связи с этим весьма очевидна одна из актуальных задач современной отечественной юридической науки – детальная разработка и моделирование необходимых мотивационных стимулирующих механизмов правомерных действий и закрепление их в соответствующих нормативно-правовых актах; создание комплекса правовых поощрений, благодаря которому существенно возрастет социальная ценность права как общественного регулятора и будут максимально реализованы творческая инициатива и активность личности.

В этой связи на первый план выходит необходимость определения понятия правового поощрения и выделения признаков, его характеризующих.

В течение последних десятилетий теоретические проблемы правового поощрения освещались в специальных работах В.М. Баранова [3], Г.М. Петрова [4], А.В. Малько [5], В.Н. Кудрявцева [6], А.С. Налбандяна [7] и др.

Изложены различные взгляды ученых на понятие и содержание правового поощрения. Так, А.П. Корнев считает, что поощрение – это сформулированное в норме права *указание* на публичное признание заслуг и меры вознаграждения, которые применяются к органу, организации, служащему или гражданину за успехи, достижения в выполнении правовых обязанностей или общественного долга [8, с. 8] (курсив наш. – К.Т.). К позиции А.П. Корнева близка точка зрения С.С. Каринского [9, с. 10]. Данные мнения не лишены определенных достоинств, но все же нуждаются в уточнении. Поощрение – это не *указание на меру вознаграждения*, сформулированное в норме права, а непосредственно *мера одобрения и оценки* государством поведения, деятельности управомоченного субъекта. Конечно, любое разрешенное нормой права поведение гражданина есть прежде всего действие, одобренное государством.

Законодатель, учреждая поощрение, подчеркивает особую значимость предписанного им поведения субъектов, стимулируя учреждением поощрения направленность и добросовестность определенного поведения, одобряя правомерность поощряемого действия субъектов. Заинтересовывая граждан в особой добросовестности и результативности исполнения государственного предписания, поощрение выступает регулятором их качественного поведения, мерой ответа на социальную активность личности [10, с. 15].

Заслуживает внимания определение, предложенное В.М. Барановым, в соответствии с которым он предлагает считать поощрением лишь ту меру государственного одобрения, которая устанавливается, а затем применяется за заслуги (отличия). Данное положение не вызывает никаких возражений.

Но далее он формулирует свое понимание заслуги и свойственные ей черты, которые приводят его к выводу: «Вряд ли будет правильным поощрять участников общественной жизни за выполнение в срок и при надлежащем качестве повседневных принятых обязательств, так как это юридическая обязанность стороны, вступившей в то или иное правоотношение» [11, с. 23].

С приведенным положением вряд ли можно согласиться в полной мере. Ограничение заслуг только сферой добровольного, необязательного поведения не соответствует правовой действительности.

Действительно, заслуга предполагает совершение таких положительных действий, которые, как правило, превосходят обычные нормы. Однако границы «обычного» правомерного поведения очень подвижны и определяются с учетом конкретной социальной действительности. Объектом поощрения может быть добросовестное выполнение повседневных обязанностей, когда они имеют большое общественное значение. В частности, согласно ст. 160 Трудового кодекса Республики Беларусь в качестве разновидности дополнительного выделяется поощрительный отпуск. Указанный отпуск может устанавливаться коллективным договором, соглашением или нанимателем всем работникам, отдельным их категориям (по специальностям и видам производств, работ, структурных подразделений), а персонально – трудовым договором. Показателями, за выполнение которых сотрудникам организации предоставляется *поощрительный отпуск*, могут быть: напряженность работы; качество труда; расширение трудовой функции; высокая производительность; специфика работы (например, повышенное внимание водителя при управлении автомобилем); разъездной характер работы; частые командировки; здоровый образ жизни, не допускающий прогулов без уважительных причин. Таким образом, заслугой в ряде случаев

может считаться добросовестное выполнение работником своих повседневных трудовых обязанностей, а мерой ее оценки – поощрения, предоставляемые отдельным категориям работников.

Заслуга и одобрение – две стороны одной медали. Если действия, одобряются, отмечаются, то имеет место и признание заслуги. Заслуга, свидетельствующая об успехах, достижениях, всегда должна быть одобряема, иначе не будет важного стимула к новым положительным действиям.

Говоря о сущности поощрения как меры одобрения поведения человека, следует также учитывать психологические аспекты необходимости одобрения положительного поведения субъекта. Поощрение как мощный побудитель социально-правовой активности, создает у человека позитивный психологический настрой, вдохновляет к проявлению инициативы, к творчеству. Личная радость победы значительно возрастает, если она одобрена, оценена, поощрена обществом, государством. Награждение, поощрение придает общественную значимость правомерному поведению личности, побуждает личность к достижению более высоких результатов при выполнении своих обязанностей. В целях развития субъективных качеств работника, которые не всегда могут быть выражены в точно фиксированных объективных результатах, законодатель может учреждать поощрения за поведение, характеризующееся как нормальное повседневное исполнение трудовых обязанностей. Например, существуют премии за безаварийную работу и др.

Все это дает основание сформулировать следующее понятие *правового поощрения* – это особое средство позитивного социально-правового воздействия на поведение людей с целью порождения и поддержания общественно значимой активности, в результате применения которого вознаграждается заслуженное поведение субъекта и реализуется взаимный интерес личности, общества и государства.

Анализ научной литературы, законодательства и правоприменительной практики позволяет выделить следующие признаки правового поощрения:

1) фактическим основанием для возникновения правового поощрения является заслуга. Это своего рода шкала, в соответствии с которой осуществляется оценка результатов правомерного поведения субъекта. Нулевой отметкой в данном случае выступает обычное достижение общественно полезных результатов, а верхней точкой – «сверхисполнение» и подвиг;

2) признак добровольности предполагает, что закрепленная мера юридического поощрения порождает у субъекта добровольное желание поступать соответствующим образом, по собственной воле;

3) юридическая одобряемость, свойственная правовым поощрениям, означает возникновение позитивных юридических последствий в связи с выполнением требований, указанных в правовой норме;

4) наличие позитивного стимулирующего характера;

5) взаимовыгодность для общества и субъекта.

Рассмотрим более подробно названные признаки.

Первый из них – *заслуга*, под которой понимается общепризнанная полезность чьих-либо поступков, деятельности.

Исследуя механизм воздействия поощрения на общественные отношения, В.М. Баранов отмечает: «Поощрение воспринимается как справедливое, если оно: а) назначается за действительные заслуги перед государством и обществом; б) по своему значению соответствует усилиям, затраченным на совершение полезного, как правило, превосходящего обычные требования действия; в) назначается всем, кто достиг поощряемых государством результатов; г) предоставляется за результаты, достигнутые средствами, полностью соответствующими требованиям законности и морали» [3, с.110].

Таким образом, весьма определенно прослеживается взаимосвязь поощрения и справедливости. Как известно, справедливость – это емкая ценность, которая распространяется на такие сферы человеческой жизни, как соотношение между ролью в обществе отдельных людей, социальных групп и их социальным положением, между размером, качеством труда и его вознаграждением, между преступлением и мерой наказания за него, между подвигом и наградой и т. д. Назначение справедливости заключается во внесении моральной проблематики и наполненности в отношения, регулируемые правом. Несоответствие перечисленных сторон оценивается как несправедливость.

Справедливость, трактуемая в наиболее общем виде как мера воздаяния за добро и зло [12, с. 162], лежит в основе формирования активного отношения человека к праву, выражающегося в его целенаправленных действиях. Если справедливость рождает личную сопричастность, то несправедливость воспринимается как личное оскорбление.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод о том, что заслуга является реальной мерой справедливости, и соотносятся они как общее и часть, при этом более широкое, родовое понятие – справедливость, заслуга же – видовое понятие. Справедливо поощряя заслуженное поведение, законодатель стремится объективировать субъективные ценности, существующие в обществе, тем самым обеспечивая эффективность одноименных средств.

Второй признак поощрения – его *добровольность*. Субъект, поступая в соответствии с поощряемым поведением, делает это по своей воле, без

оказания давления извне. Вместе с тем выбор такого поведения подкрепляется обещанием предоставить лицу определенные дополнительные блага. Следовательно, поощрение в своем регулирующем воздействии на личность жестко не предписывает тот или иной вид социально-ценного поведения, но оказывает непринудительное воздействие благодаря привлекательности и выгоды обещанных в установленной норме последствий. Оно косвенно, через интересы, эмоции, сознание воздействует на волю поощряемого, стимулируя, побуждая его.

Третий признак поощрения – *юридическое одобрение в форме конкретной награды*. Действительно, поощрение – разновидность одобрения. Если одобрение рассматривать как родовое понятие (более широкое), то поощрение будет видовым. Для последнего необходимы лишь определенные формы одобрения – юридические – с соответствующими количественными и качественными характеристиками (мерой), в зависимости от степени заслуг.

Четвертый признак выражается в том, что поощрение, как и наказание, относят к числу *юридических стимулов*. От других видов позитивного стимулирования поощрение отличается прежде всего тем, что оно всегда предоставляется за совершение общественно полезных действий [1, с. 52]. Но поощрительное воздействие может выполнять и определенную ограничивающую роль, что является его побочным эффектом. Например, премия не только побуждает человека к активной трудовой деятельности путем заинтересованности в достижении поощряемого результата, но и косвенно сдерживает (опять же позитивными способами) от поведения антиобщественного, противозаконного.

Пятый признак – *взаимовыгодность* поощрения, как для субъекта, так и для общества и государства. Она учитывает различные интересы и гармонизирует их. Это одно из немногих юридических средств регулирования, активно и ненавязчиво «работающее» на общий интерес (корпоративный, государственный, общественный) [13, с. 365]. Но тем не менее следует сразу же указать на то, что данный признак не может выступать самоцелью, а служит лишь средством для решения основных задач и выполнения функций государства. Например, устанавливая поощрение за развитие тех или иных видов деятельности, государство стремится развить определенные сферы экономики, искусства и т. д. и тем самым реализовать свои функции.

Таким образом, рассмотрев понятие, сущность, содержание поощрений и их регулирующий потенциал, можно сделать ряд выводов и обобщений.

1. Поощрение – публичное признание заслуг, награждение, оказание общественного почта лицу в связи с достигнутыми успехами в выпол-

нении правовых обязанностей, реализации правомерного поведения или общественного долга. Поощрение предназначено для стимулирования активной деятельности субъектов управленческих отношений, формирования законопослушного поведения, укрепления дисциплины в государственном управлении.

2. Поощрительный метод сегодня олицетворяет собой наиболее действенный стимул в развитии всех сфер общества. В связи с чем в ряде случаев отмечается особая эффективность поощрения, а не наказания, поскольку в ситуации положительной мотивации в качестве побудительной силы желаемого поведения выступают не только внешние предписания, но и интерес субъекта.

3. В качестве признаков выделяют заслугу, добровольность, юридическое одобрение в форме конкретной награды, поощрение, как и наказание, относят к числу юридических стимулов, взаимовыгодность поощрения, как для субъекта, так и для общества и государства.

4. В качестве перспективы развития правовых и моральных поощрений в системе государственного управления можно отметить расширение сферы действия поощрительных норм, разработку различных по направленности и содержанию нормативных актов, содержащих правовые поощрения; развитие новых и совершенствование традиционных видов поощрения, связанных с необходимостью активизации различного рода правоотношений.

Список использованных источников

1. Ведяхин, В. Правовые стимулы: понятие, виды / В. Ведяхин // Правоведение. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. – № 1. – С. 50–55.
2. Киселева, О.М. Поощрение как метод правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О.М. Киселева. – Саратов : Саратов. гос. акад. права, 2000. – 197 л.
3. Баранов, В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права / В.М. Баранов ; под ред.: М.И. Байтин. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – 147 с.
4. Петров, Г.М. Поощрение в государственном управлении (правовые аспекты) : учеб. пособие / Г.М. Петров. – Ярославль : Яросл. гос. ун-т, 1993. – 80 с.
5. Малько, А.В. Поощрение как правовое средство / А.В. Малько // Правоведение. – 1996. – № 3. – С. 45–54.
6. Кудрявцев, В.Н. Правовое поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1982. – 287 с.
7. Налбандян, А.С. Применение поощрительных норм российского права. Проблема теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.С. Налбандян. – Н. Новгород, 1994. – 288 л.
8. Корнев, А.П. Применение норм советского административного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.П. Корнев. – Л., 1971. – 39 с.

9. Каринский, С.С. Поощрения за успешный труд по советскому праву / С.С. Каринский. – М. : Госюриздат, 1961. – 151 с.

10. Липинский, Д.А. Формы реализации юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д.А. Липинский. – Саратов, 1999. – 22 с.

11. Баранов, В.М. Правовые формы поощрения в развитом социалистическом обществе: сущность, назначение, эффективность // В.М. Баранов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1975. – 51 с.

12. Кохановский, В.П. Современная философия: словарь и хрестоматия // отв. ред. В.П. Кохановский. – Ростов н/Д : Феникс, 1995. – 511 с.

13. Малько, А.В. Понятие, признаки и функции правовых поощрений / А.В. Малько // Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / А.Г. Бережнов [и др.] ; под ред.: М.Н. Марченко. – М. : Проспект, 1999. – С. 364–369.

УДК 343.64

А.С. Часнок, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *Ю.Ф. Маухалер*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Н.И. Козелецкая*

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УБИЙСТВА С ОТЯГЧАЮЩИМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ

Даны криминологическая характеристика убийства с отягчающими обстоятельствами, характеристика личности лица, совершающего убийства с отягчающими обстоятельствами. Проанализированы теоретические взгляды на исследуемую тематику, использованы статистические данные, а также предложены пути предупреждения убийств с отягчающими обстоятельствами.

Убийства с отягчающими обстоятельствами включены в группу наиболее общественно опасных посягательств. Данное преступление не только затрагивает наиболее важные в цивилизованном обществе ценности, но и имеет много криминологически значимых черт и признаков.

Убийство с отягчающими обстоятельствами занимает в структуре всей преступности относительно скромное место. На ее долю приходится в среднем 3–6 % в общей совокупности всех уголовно наказуемых деяний.

Анализ убийств с отягчающими обстоятельствами включает изучение и таких криминологически значимых признаков, как место, время, способы их совершения.

Большинство убийств совершается в городской местности, что в первую очередь объясняется тем обстоятельством, что в настоящее время в городах и иных населенных пунктах городского типа проживает

основная часть всего населения страны. Исследования показывают, что в населенных пунктах типа рабочих поселков складывается нередко весьма сложная криминологическая обстановка. Здесь наблюдается более высокий уровень умышленных убийств, среди которых чаще (чем в иных местах) встречаются убийства при отягчающих обстоятельствах. Установлено наличие тесной зависимости между уровнем преступности и долей населения, проживающего в рабочих поселках.

Подавляющая часть убийств с отягчающими обстоятельствами совершается по месту жительства граждан, на улицах. В жилых помещениях приходится две трети умышленных убийств (речь идет о местах совместного проживания преступника и потерпевшего). Чаще всего местом совершения преступления выступают отдельные квартиры или личные дома.

Исходя из важных криминологических характеристик рассматриваемого преступления, можно выделить время их совершения. Анализ можно осуществлять по ряду показателей: время года, день недели, время суток. По данным выборочных исследований, свыше половины убийств приходится на три дня недели – пятницу, субботу и воскресенье. Сравнения, проведенные по разным годам, постоянно показывают, что самым криминогенным днем недели является пятница. Что касается времени суток, то и здесь имеются свои криминогенные полосы. Прежде всего это вечер, точнее промежуток времени с 18 до 22 часов. В эти часы, как правило, идет интенсивная продажа (и особенно потребление) спиртных напитков. На этот отрезок времени приходится один из пиков межличностных контактов и столкновений, связанных с окончанием рабочего дня у основной массы трудящихся [1, с. 388].

Неоднозначная позиция складывается по личности преступника. Криминологическая характеристика личности, совершившей убийство при отягчающих обстоятельствах, складывается из трех основных блоков:

социально-демографических параметров;
поведенческих (до совершения последнего преступления) характеристик;
субъективно-ситуационных признаков.

Социально-демографическое описание личности включает такие составляющие, как пол и возраст. Среди субъектов убийств при отягчающих обстоятельствах главным образом встречаются лица мужского пола. Важен и возраст преступника. Наибольшей криминогенностью отличаются лица в возрасте от 25 до 29 лет.

Личность преступника стоит связать и с образовательным уровнем. Основная масса – лица со средним и неполным средним образованием.

Важным элементом социально-демографического портрета личности является социальное положение. Оно демонстрирует занятость

личности, прежде всего участие (или неучастие) в основных сферах общественного производства. Для криминологической характеристики представляют интерес сведения о лицах, уклоняющихся от труда. Незанятость в сфере общественного производства свидетельствует о склонности к ведению паразитического образа жизни, к такому антиобщественному явлению, как тунеядство. Большая часть лиц, совершивших убийства при отягчающих обстоятельствах, чаще всего нигде не работают.

Поведенческая характеристика личности, совершившей убийство при отягчающих обстоятельствах, не связана лишь рамками сведений о преступном прошлом. Во-первых, более половины преступников не являются рецидивистами. Во-вторых, их прошлое негативное поведение выражается не только в форме уголовно наказуемых деяний, но чаще связано с привлечением к административной ответственности (например, мелкое хулиганство, распитие спиртных напитков в общественном месте). Однако это говорит о том, что указанные лица могут быть в последующем связаны с совершением преступлений и требуют определенного контроля со стороны правоохранительных органов. Немаловажное значение для определения характера прошлого поведения преступника играют и другие данные, имеющиеся в материалах.

Субъективно-ситуационная характеристика включает мотивы совершения преступления. Мотив – это внутреннее убеждение, связанное с удовлетворением определенных потребностей. Установление мотивов убийств при отягчающих обстоятельствах относится к числу наиболее сложных задач. В настоящее время представления о мотивах основываются на результатах изучения поводов к совершению убийства при отягчающих обстоятельствах и характера взаимоотношений, протекающих между преступником и потерпевшим.

Исследования показывают, что большая часть убийств при отягчающих обстоятельствах совершается вследствие личных неприязненных отношений между преступником и жертвой. Как следствие, самый распространенный мотив – месть. В определенных случаях месть переплетается с хулиганскими побуждениями. Если речь идет о корыстных мотивах, то, согласно разным исследованиям, их доля колеблется в интервале от 4 до 16 %. Помимо названных, среди мотивов убийств при отягчающих обстоятельствах присутствуют и другие, например, умышленное противоправное лишение жизни другого человека по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды, а равно по мотивам вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы.

Среди элементов ситуации, влияющих на возникновение, развитие и последствия преступного поведения, немалая роль принадлежит таким ее составляющим, как наличие или отсутствие соучастников преступле-

ния, присутствие очевидцев преступления и характер их поведения в рамках данной ситуации. Следует указать на удельный вес убийств с отягчающими обстоятельствами, которые могут совершаться группой лиц. Например, убийства из хулиганских побуждений или сопряженные с изнасилованием, разбоем.

Особый интерес представляют сведения о личности потерпевшего, его предыдущих отношениях с преступником, его поведении к моменту совершения против него преступного посягательства.

Потерпевшими от убийств с отягчающими обстоятельствами в большинстве своем выступают лица, связанные с преступником более или менее длительными взаимоотношениями. Наблюдается и доля потерпевших, с которыми преступник был ранее знаком в связи с проведением досуга (например, совместное распитие спиртных напитков).

Несмотря на указанные категории потерпевших, в их общей совокупности продолжают доминировать потерпевшие, связанные с преступником семейно-бытовыми отношениями. Среди них каждый третий потерпевший – родственник преступника, каждый второй находился с преступником в зарегистрированном (супруги) или незарегистрированном (сожители) браке. Необходимо говорить о женах и сожительницах, поскольку именно они и становятся в основном потерпевшими. С другой стороны, можно проанализировать убийства с отягчающими обстоятельствами в регионах и населенных пунктах, где отмечается неблагоприятная криминологическая ситуация, и среди потерпевших чаще можно встретить мужей и сожителей.

Мужчины составляют значительную часть среди убитых родственников. В ситуациях такого рода относительно чаще приходится сталкиваться с несколькими жертвами (в основном не более двух). К особенностям убийств родственников можно отнести и весьма значительные перепады возрастных характеристик потерпевших – от убитых новорожденных до лиц пенсионного возраста.

Достаточно высока доля лиц пожилого возраста и среди потерпевших – соседей преступника. Своеобразной чертой убийств соседей является и то, что они в каждом втором случае совершаются в сельской местности.

Изучение личности потерпевшего необходимо и для выяснения поводов к совершению убийства с отягчающими обстоятельствами. Существует тенденция увеличения числа и доли случаев, когда поведение потерпевшего носит социально неприемлемый характер – с точки зрения норм права и (или) морали. Один из вариантов отмеченных поводов образуют случаи, когда поведение потерпевшего было по существу правильным, социально одобряемым, но выражалось в грубой, унижающей второго участника межличностного взаимодействия форме [2].

Широко распространены ситуации, когда преступление становится финалом конфликта, возникшего в ходе совместного распития спиртных напитков.

В целом применительно к убийствам некорыстного характера можно говорить об определенной схожести социального статуса и морально-правового облика потерпевших и преступников, проявляющегося, в частности, в социально нежелательных формах их поведения до момента совершения насильственного посягательства. Чем выше степень криминогенности микросреды, к которой они принадлежат, тем заметнее это выравнивание.

Изучив материалы Национального статистического комитета за 2017 г., стоит отметить, что за указанный год зарегистрировано 348 убийств, в том числе и покушений на убийство (на 89 меньше, чем в 2016 г.) [3].

Большая часть лиц, привлеченных к уголовной ответственности за убийства при отягчающих обстоятельствах, находились в момент совершения преступления в нетрезвом виде, нигде не работали и не учились, являются ранее судимыми. Около половины потерпевших также находились в состоянии алкогольного опьянения. Многие из них (около 60 %) нигде не работали и не учились. Эти данные свидетельствуют о серьезных упущениях в работе правоохранительных и иных государственных органов, необходимо принятие мер по обеспечению трудовой занятости населения.

Продолжает оставаться высоким удельный вес лиц, которые на момент совершения особо тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан не работали и не учились.

Таким образом, в результате проведенного исследования установлено, что данный вид преступления характерен для мужчин среднего возраста, которые имеют среднее или неполное среднее образование, чаще всего нигде не работают. Убийства при отягчающих обстоятельствах совершаются: в городах и поселках городского типа; в частных жилых домах и квартирах; в пятницу и выходные дни; в вечернее и ночное время; лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, являющимися по отношению к потерпевшим близкими родственниками или знакомыми; на почве личных неприязненных и семейно-бытовых отношений; путем нанесения потерпевшим телесных повреждений колюще-режущими, рубящими, а также тупыми предметами.

Для усовершенствования уголовного законодательства за убийства при отягчающих обстоятельствах необходимо в первую очередь предупредить их совершение. Предупреждение основывается на общих положениях профилактики преступлений и включает меры как общесоциального, так и специально-криминологического характера.

Общесоциальное предупреждение убийств при отягчающих обстоятельствах осуществляется в ходе социально-экономического строительства, в процессе развития общества. В свою очередь, специально-криминологическая профилактика включает меры по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений данного вида, а также меры индивидуально-профилактического воздействия на конкретных лиц. К мерам по устранению причин и условий относятся:

выявление и устранение отрицательных факторов в семье и быту; нейтрализация бытовых и семейных конфликтов, на почве которых могут возникнуть противоправные действия;

обеспечение своевременной регистрации заявлений об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и быстрого реагирования на них органов внутренних дел;

усиление контроля над соблюдением специальных правил приобретения и хранения огнестрельного оружия; привлечение к ответственности лиц за незаконное ношение, хранение, изготовление или сбыт оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ;

организация правового обучения и воспитания населения.

Список использованных источников

1. Кудрявцев, В.Н. Криминология : учебник / В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминова. – М. : Юристъ, 1997. – 512 с.
2. Долгова, А.И. Криминология : учеб. для вузов / А.И. Долгова. – М. : Изд-во «НОРМА», 2001. – 784 с.
3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 10.10.2020.

УДК 343.985

Н.В. Черницкий, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *А.Г. Желобкович*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.А. Шаматкульский*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ФОРМИРОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализируются основные аспекты понятия и содержания принципов права, исторические предпосылки формирования и правового закрепления принципов оперативно-розыскной деятельности как в Республике Беларусь, так и на постсоветском пространстве. Рассматриваются современное состояние и структура принципов оперативно-розыскной деятельности в Республике Беларусь, раскрываются их понятие и значение.

Термин «принцип» (от лат. *principium* – начало, первооснова) воспринят всеми науками, в том числе и юриспруденцией. Теоретическую и практическую значимость данной категории переоценить невозможно. Правильное понимание принципов и руководство ими имеют колоссальное значение для каждого человека. Из всех принципов, свойственных тем или иным явлениям, особо важное значение имеют правовые принципы, потому что только право является единственным базовым общесоциальным, универсальным, интегративным, обязательным, охраняемым государством и постоянно совершенствуемым регулятором всех жизненно важных общественных отношений [1, с. 27–33].

Большинство правоведов полагают, что принципы права не являются результатом субъективных суждений законодателей, а представляют собой объективно присущие праву качества [2, с. 149–150]. Еще в начале XX в. Н.Н. Алексеев утверждал: «Существует огромная сложность в формулировании общих принципов права... Догматическая юриспруденция разбилась на целый ряд отдельных и в значительной степени самостоятельных дисциплин, не связанных никакой общей идеей и не объединенных общей системой. Каждая юридическая дисциплина имеет свою общую часть и свои общие понятия... и это различие местных нужд каждой отдельной дисциплины порождало избыточную противоречиями множественность логических определений» [3, с. 6–11].

В свою очередь, В.М. Реуф, определяя отличительным признаком принципов права их отражение в правовых нормах, отмечает, что принципы права «носят основополагающий характер, выражают сущность права и в концентрированном виде характеризуют его содержание. То есть принципы права – это, образно выражаясь, душа права, его сердцевина. На основе принципов можно судить не только о праве в целом, его сути, но и о тенденциях его дальнейшего развития» [4, с. 7–8].

В теории права принято подразделять принципы права на общеправовые, межотраслевые и отраслевые.

К числу общеправовых принципов, получивших наибольшее распространение, следует отнести законность, равенство и справедливость [5].

К отраслевым принципам относится, например, принцип индивидуализации наказания в уголовном праве. Как правило, отраслевые принципы содержатся в нормах, соответствующих нормативных правовых актов (НПА).

К межотраслевым принципам относится принцип состязательности в гражданском и уголовно-процессуальном праве. Отраслевые и межотраслевые принципы рассматриваются в курсах соответствующих отраслевых наук [6, с. 155–156].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что принципы можно рассматривать как основополагающие, отправные начала, ру-

ководящие идеи, требующие необходимого нормативного закрепления. Принципы определяют сферу правового регулирования, их закономерность, назначение и правовую сущность. Стоит отметить, что и принципы такой сферы, как оперативно-розыскная деятельность (ОРД) не являются исключением.

Рассматривая принципы данной сферы, нельзя не затронуть исторические истоки ОРД, поскольку благодаря познанию источников и предпосылок ее происхождения можно понять сущность и назначение принципов, судить, на каких этапах формирования ОРД они строились и существуют в современном состоянии.

Китайский философ Сунь Цзы, живший в конце V – начале VI вв. до н. э., придавал большое значение сбору информации и проведению специальных операций. Он рекомендовал использовать помощь людей, знающих, что делается «у врага», для предвидения различных событий. В своем Трактате о военном искусстве он детально анализировал некоторые формы и методы осуществления ОРД [7, с. 113–114].

В древнеиндийском литературном памятнике I–III вв. н. э. «Артхашастра» говорится об особых агентах, которые под видом молодых бандитов должны были внедряться в банды, провоцировать членов банд на совершение преступлений и тем самым разобщать и обезвреживать их. Эти агенты должны были также контролировать попавших под подозрение в незаконных доходах судей, других представителей власти и, с целью их изобличения, предлагать последним взятки за вынесение неправосудного решения [8, с. 11–12].

Анализ средневековых источников права, действовавших на территории современной Беларуси (Статуты ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг.), позволяет сделать вывод о том, что прообраз современной ОРД прослеживался уже в данных законодательных актах.

Необходимо выделить отдельное положение Статута ВКЛ 1529 г. артикула 2 разд. 13, где изложено: «Если бы кого-нибудь вел доноситель или кто-нибудь за поличным по следу пришел в чей-либо дом, но не мог иметь вижа от того пана, чей человек, или от повета, тогда должен в присутствии посторонних людей произвести обыск в доме. И если бы нашел украденную вещь, то должен вести того человека к тому, под чьей юрисдикцией находится этот человек...» [9].

Можно отметить, что прототип данного артикула прослеживается в современных принципах законности и конспирации в ОРД, поскольку данная процедура проходила с соблюдением норм Статута ВКЛ 1529 г. и выполнением действий по содействию граждан определенным на то время уполномоченным органам.

О преследовании преступника по следу говорится в артикуле 9 разд. 14 Статута ВКЛ 1588 г., где розыскные мероприятия по поиску

преступников осуществлял «возный» – прообраз нынешнего оперативного работника [10].

Как было изложено выше, деятельность «возного» в ВКЛ является примером современного оперативного работника. Некоторые действия, производимые «возным», напоминают оперативный опрос, сбор образцов и др. Содержательная часть этих действий имела оперативно-розыскной характер [11, с.112].

Важно отметить, что в описанных положениях Статута ВКЛ 1566 г. также возможно усмотреть схожесть с современными принципами законности и конспирации при осуществлении ОРД.

После вхождения белорусских земель в состав Российской империи произошел новый виток развития ОРД. Это было связано с начавшимся задолго до этого преобразованием Петра I в начале XVIII в. и проведением, в частности, полицейской реформы. Предпосылкой для проведения реформы послужили рост и повышение профессионального уровня преступности, и ОРД приобрела форму скрытого, негласного инструмента подавления криминалитета.

В дальнейшем развитие ОРД получило после создания в 1802 г. Министерства внутренних дел, а в 1811 г. Министерства полиции. Особую роль в становлении ОРД сыграло создание в 1826 г. такого органа политической полиции, как Третье отделение, а в 1827 г. – его исполнительного аппарата – корпуса жандармов. С 1880 г. стали действовать отделения по охране общественной безопасности и общественного порядка, которые внесли значительный вклад в развитие ОРД, а уже 6 июля 1908 г. был принят Закон «Об организации сыскной части» [12, с. 125–132].

Кроме того, по мнению С.Н. Жарова и Н.С. Спришевского, создание в 1908 г. системы имперского уголовного розыска на основании Закона «Об организации сыскной части» (далее – Закон от 6 июля 1908 г.) неизбежно потребовало систематизации существовавших к тому времени норм регулирования ОРД и фиксации в НПА еще не закрепленных форм и методов сыска [13, с. 12].

Следует отметить, что в Законе от 6 июля 1908 г., во-первых, не нашли детального отражения цели и задачи сыскной полиции, не была четко определена ее компетенция; во-вторых, не было предусмотрено создание сыскных отделений в уездах; в-третьих, ничего не говорилось о создании единого центрального органа, в обязанности которого вменялось бы управление деятельностью сыскных отделений. Практическая деятельность полиции требовала принятия нормативного правового акта, более детально регламентирующего деятельность сыскных отделений. Подготовка такого нормативного правового акта заняла чуть более двух лет. И 9 августа 1910 г. была принята Инструкция чинам сыскных отделений [14, л. 56].

В Инструкции чинам сыскных отделений от 9 августа 1910 г. (далее – Инструкция), изданной во исполнение этого закона, нашлось место предписаниям, направленным на соблюдение законности и прав личности. В частности, в ней запрещалось «производить розыски и собирать какие-либо сведения по делам совершенно частного характера, не имеющего ничего общего с обязанностями полиции по предупреждению, пресечению и расследованию преступлений». Иными словами, здесь речь идет о запрете на ограничение права на неприкосновенность частной жизни [15, с. 23].

Основным методом работы сыскных отделений была работа с использованием наружного наблюдения и негласных сотрудников. В § 2 Инструкции указывалось: «...отделения через своих чинов имеют систематический надзор за преступными и порочными элементами путем негласной агентуры и наружного наблюдения» [16, с. 45–79].

Подчеркивая конспиративность их действий в п. 40 «Особого наказа чинам сыскной полиции», являющийся частью этой Инструкции, гласил: «Чины сыскной полиции во время нарядов или наблюдений в публичных местах не должны, без особой нужды, вступать в разговоры или раскланиваться с чинами наружной полиции, носящими форму, или отдавать им честь» [17, с. 142].

Регламентируя использование лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, «Совершенно секретные правила» устанавливали ряд требований ее конспирации, контроля и взаимодействия чинов сыскных отделений с осведомителями из преступной среды [18, с. 38].

Можно сделать вывод, что во второй половине XIX – начале XX вв. сыск приобретает такие существенные признаки, как разведывательно-поисковый характер, конспирация, сочетание гласности и негласности, использование специальных методов и средств при его осуществлении [19].

После Октябрьской революции 1917 г. полиция в России была упразднена, а вместо нее 20 ноября 1917 г. создана Всероссийская чрезвычайная комиссия, одной из задач которой было проведение розыскных и иных оперативных негласных мероприятий [20, с. 7–11].

5 октября 1918 г. произошло событие, с которого начинается отсчет истории современного уголовного розыска и основ ОРД. В этот день на заседании коллегии Народного комиссариата внутренних дел РСФСР была утверждена Инструкция об организации отделов уголовного розыска [21, с. 22].

Изучая советский период стоит отметить, что на данном этапе развития основ оперативной работы начинается формирование и правовая регламентация принципов ОРД, которые изначально были закреплены в

различных НПА, регулирующих в целом правоохранительную систему, в том числе и рассматриваемую деятельность, как в досоветский, так и в советский период.

Об организации органов уголовного розыска и деятельности их в уголовном производстве некоторое представление дает Инструкция НКВД РСФСР от 20 марта 1928 г. «О работе органов уголовного розыска». В ней говорилось, что «борьба органов уголовного розыска с уголовной преступностью осуществляется в трех основных видах: в предупреждении готовящихся, в пресечении начавшихся и раскрытии совершенных преступлений». Средствами ее осуществления служат: наблюдение за преступным элементом и производство дознаний негласного розыска [22, с. 2–11].

Стоит отметить, что этим был заложен принцип специализации сотрудников по направлениям оперативной работы.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 17 августа 1962 г. № 901 «Об утверждении Положения о советской милиции» в гл. 3 разд. 2 изложено, что милиция по борьбе с преступностью принимает необходимые оперативно-розыскные меры в целях обнаружения признаков преступления и лиц, их совершивших [23].

В свою очередь, принятие в 1973 г. постановления Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании правового регулирования деятельности советской милиции» не позволило утратить вышеизложенным задачам по борьбе с преступностью своего нормативного закрепления, примером этому может служить следующее положение: милиция в соответствии с поставленными перед ней задачами принимает необходимые меры к пресечению совершаемых преступлений и других нарушений общественного порядка, а также оперативно-розыскные и иные предусмотренные законом меры в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших [24].

Исходя из этого, можно отметить, что в вышеуказанных НПА закреплены отдельные положения, касающиеся современных принципов ОРД, которые в последующем нашли свое нормативное определение в законодательстве об оперативно-розыскной деятельности на постсоветском пространстве. Период с 1992 г. по современный этап в отечественной истории правовой регламентации ОРД можно назвать наиболее значительным.

Новейший этап развития Республики Беларусь после распада СССР неизбежно повлек за собой критическое осмысление правовой базы прошлого и отказ от некоторых сложившихся стереотипов, в том числе в области правоохранительной деятельности. В связи с этим возникла необходимость в правовом регулировании ОРД, и 12 ноября 1992 г. Вер-

ховный Совет Республики Беларусь принял Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД») [20, с. 7–11].

В соответствии со ст. 4 Закона «Об ОРД» от 12 ноября 1992 г. выделялись три принципа: законности, соблюдения прав человека и свобод личности, подконтрольности и подотчетности высшим органам государственной власти [25]. Стоит отметить, что в этом законе не было отдельных статей, которые могли бы толковать положения и применение данных принципов.

Закон Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 289-3 «Об ОРД» в соответствии со ст. 4 выделял уже такие принципы, как законность, соблюдения прав и свобод личности, а также конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств. Но, как и ранее, отдельных статей, которые могли бы раскрыть содержание этих принципов, в законодательстве не было [26].

Более детальную правовую регламентацию принципы ОРД получили с принятием Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об ОРД».

В соответствии с Законом «Об ОРД» осуществляется на принципах законности, соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, конспирации, проведения ОРМ гласно и негласно [27]. Данные принципы действуют и сегодня и раскрыты в отдельных статьях Закона «Об ОРД».

Таким образом, ОРД был придан официальный статус государственно-правовой формы борьбы с преступностью. С принятием Закона «Об ОРД» была создана правовая основа данного вида деятельности, в нем было дано не только ее определение, но и раскрыты содержание, задачи и главное – принципы ОРД. Эти принципы определяют, чем необходимо руководствоваться органам при осуществлении ОРД [20, с. 17].

Причем определение данных принципов имеет не только теоретико-познавательное, но и прикладное значение [28, с. 18–19].

Условно принципы ОРД Республики Беларусь можно подразделить на два вида: конституционные, к которым относятся принципы законности и соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, и отраслевые, к которым относятся принципы конспирации, проведения ОРМ гласно и негласно [20, с. 18].

Важнейшим из всех этих принципов является конституционный принцип законности. Его содержание состоит в том, что только закон определяет точное и безусловное соблюдение всеми органами и должностными лицами требований Конституции, Закона «Об ОРД», иных законов и подзаконных НПА.

Принцип законности в оперативно-розыскной деятельности заключается прежде в наличии юридической ответственности между оперативным работником и государством, престижа оперативной работы.

Принцип соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций гласит, что государство гарантирует соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций при осуществлении ОРД... [27]. Соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций имеет большое значение также для лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе.

Современный период становления принципа обеспечения прав личности в ОРД можно определить как постсоветский. На этом этапе произошло изменение парадигмы юридической науки, в которой начинает доминировать идея верховенства права и равенства сторон во взаимоотношениях гражданина и государства. Начало этому положено принятием Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г. Декларации прав и свобод человека [29].

Среди отраслевых принципов ОРД на первое место поставлена конспирация, которая отображает специфический характер данного вида деятельности и под которой в ОРД понимается комплекс методов, используемых ее субъектами для сохранения в тайне определенных аспектов своей работы, что позволяет оградить от преступников и окружающих информацию о силах, средствах и методах ОРД, организационных и тактических аспектах ее осуществления.

По мнению М.П. Смирнова, «под исследуемым понятием необходимо подразумевать сохранение в тайне от преступников действий правоохранительных органов по их разоблачению, охране от несанкционированного доступа к информации о тех или иных аспектах ОРД» [30].

Исходя из этого, конспирация как принцип заключается в осуществлении ОРД таким образом, чтобы сохранить в тайне от посторонних лиц тактику, формы, методы, силы и средства подготовки и совершения оперативно-розыскных мероприятий.

С конспирацией неразрывно связаны гласные и негласные методы и средства, которыми обеспечивается проведение ОРМ и проверяется достоверность полученной оперативной информации, правильность принимаемых решений, обоснованность выдвигаемых версий и др. Предотвращение и раскрытие преступлений, розыск преступников и лиц, без вести пропавших, обеспечивается в основном применением негласных сил, средств и методов ОРД. При этом ОРД будет более эффективной и действительной, когда негласные методы и средства будут самым тесным образом сочетаться с гласными мероприятиями при обязательном

условии зашифровки оперативных возможностей. Такое сочетание гласных и негласных средств, методов ОРД обусловлено необходимостью проверки и подкрепления негласно полученной информации гласными материалами [20, с. 20–21].

Еще с исторических источников видим, как поэтапно формировались и дополнялись многие принципы ОРД. Значение истории развития ОРД для современного этапа исследования состоит прежде всего в том, что история выступает хранительницей накопленного опыта борьбы с преступностью, поэтому принципы ОРД требуют глубокого исследования под углом зрения не только перспективы, но и исторического происхождения.

Список использованных источников

1. Проблемы развития юридической науки и совершенствование правоприменительной практики : сб. науч. тр. / БГУ ; редкол.: С.Г. Дробязко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2005. – С. 27–33.
2. Матузова, Н.И. Теория государства и права : курс лекций // Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1997. – С. 149–150.
3. Алексеев, Н.Н. Общее учение о праве: курс лекций, прочитанных в Таврическом университете в 1918/19 году / Н.Н. Алексеев. – Симферополь, 1919. – С. 6–11.
4. Реуф, В.М. Специально-юридические принципы права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.М. Реуф ; Самар. гос. экон. акад. – Волгоград, 2004. – 24 с.
5. Аникушин, С.В. Онтология общеправовых принципов в качестве источников права [Электронный ресурс] / С.В. Аникушин // Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ontologiya-obshepravovyh-printsipov-v-kachestve-istochnikov-prava/viewer>. – Дата доступа: 12.03.2021.
6. Вишневецкий, А.Ф. Общая теория государства и права : учеб. пособие / А.Ф. Вишневецкий, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский. – Изд. 3-е, пересмотр. – Минск : Акад. МВД, 2019. – 478 с.
7. Сунь-Цзы Трактаты о военном искусстве / Сунь-Цзы, У-Цзы ; пер. с кит.; предисл. и коммент. Н.И. Конрада. – М. : Изд-во АСТ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. – 404 с.
8. Галахов, С. Правовая основа оперативно-розыскной деятельности / С. Галахов // Практика уголовного сыска : науч.-практ. сб. / сост. А. Ваксян. – М. : Лига Разум. – 1999. – С. 11–12.
9. Статут Великого княжества Литовского 1529 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-40/Statut1529/text13.htm>. – Дата доступа: 12.03.2021.
10. Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://law.bsui.by/pub/11/Statut_1588_Ubileinoe%20izdanie_2.pdf. – Дата доступа: 13.03.2021.

11. Хлус, А.М. Статут Великого княжества Литовского 1566 года как правовой источник криминалистических знаний : материалы респ. науч. практ. круглого стола, Минск, 1 апр. 2017 г. / А.М. Хлус // Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Т.И. Довнар (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – С. 112.

12. Степанов, О.В. Ретроспективный анализ становления и развития теоретических взглядов в деятельности сыскных служб в XVIII веке – начале XX века / О.В. Степанов // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2001. – № 2 (2). – С. 125–132.

13. Жаров, С.Н. О создании системы правового регулирования политического и уголовного сыска России в XIX – начале XX веков / С.Н. Жаров, Н.С. Спришевский // Вестн. Юж.-Ур. гос. ун-та. – 2012. – № 20. – С. 12.

14. Гомонова, С.А. Полицейские учреждения Самарской губернии в 1851–1917 гг. : дис. ... канд. юрид. наук : 07.00.02 / С.А. Гомонова. – Самара, 2012. – 303 л.

15. Шматов, М.А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук / М.А. Шматов. – Волгоград : ВА МВД России, 2001. – 228 с.

16. Елинский, В.И. История уголовного сыска в России (X – начало XX в.) : учеб. пособие // В.И. Елинский. – М. : Инфра-М, 2004. – С. 45–79.

17. Римаренко, Ю.И. Инструкция чинам киевской сыскной полиции 1905 г. Антология сыска: от полиции к внешней разведке. Т. 1 : Уголовный сыск: документы и материалы (XI – начало XX ст.) / Ю.И. Римаренко, Е.М. Моисеев, В.Н. Чисников. – Киев, 2006. – 611 с.

18. Матиенко, Т.Л. Методы деятельности сыскной полиции Российской империи (1866–1917): к вопросу о становлении разведывательно-поискового характера оперативно-розыскной деятельности / Т.Л. Матиенко // Журнал «Оперативник». – 2009. – № 2. – С. 38.

19. Организация работы сыскных отделений по Закону от 6 июля 1908 г. «Об организации сыскной части» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studbooks.net/982665/pravo/organizatsiya_raboty_sysknyh_otdeleniy_zakonu_iyulya_1908_organizatsii_sysknoy_chasti. – Дата доступа: 14.03.2021.

20. Швед, А.И. Оперативно-розыскная деятельность : пособие для студентов вузов / А.И. Швед [и др.]. – Минск : Тетралит, 2014. – 352 с.

21. Еропкин, М.И. Развитие органов милиции в Советском государстве : учеб. пособие / М.И. Еропкин. – М. : Высш. шк. МООН СССР, 1967. – 87 с.

22. Гирько, С.И. Функции милиции в досудебном производстве и хронология их формирования / С.И. Гирько // Журнал «Рос. следователь». – 2004. – № 3. – С. 2–11.

23. Об утверждении Положения о советской милиции [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров СССР, 17 авг. 1962 г., № 901 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901975571>. – Дата доступа: 14.03.2021.

24. Положение о советской милиции [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров СССР, 8 июня 1973 г., № 385 // История отечественных спецслужб и правоохранительных органов. – Режим доступа: <http://shieldandsword.mozohin.ru/documents/statement8673.htm>. – Дата доступа: 14.03.2021.

14.03.2021.

25. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь, 12 нояб. 1992 г., № 1932-XII // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. – 1992. – № 32. – Ст. 4.

26. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 289-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

27. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

28. Блинов, Ю.С. Принципы оперативно-розыскной деятельности / Ю.С. Блинов // Оперативно-розыскная деятельность : учеб. пособие / редкол.: К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова, А.Ю. Шумилова. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : ИНФРА-М, 2004. – С. 18–19.

29. О Декларации прав и свобод человека и гражданина [Электронный ресурс] : постановление Верхов. Совета РСФСР, 22 нояб. 1991 г., № 1920-1 // КонсультантПлюс. Законодательство Рос. Федерации. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3788/. – Дата доступа: 04.01.2021.

30. Смирнов, М.П. Комментарий оперативно-розыскного законодательства Российской Федерации и зарубежных стран : учеб. пособие / М.П. Смирнов. – М., 2002. – 544 с.

УДК 342.9

Е.А. Шастайло, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.В. Козелецкий*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *О.В. Гиммельрейх*

СЛУЖЕБНАЯ (ВОИНСКАЯ) ДИСЦИПЛИНА КАК АТРИБУТИВНЫЙ ПРИЗНАК ВОЕНИЗИРОВАННОЙ СЛУЖБЫ

На примере анализа правового регулирования служебной (воинской) дисциплины органов внутренних дел и Вооруженных Сил исследуется понятие и элементы содержания дисциплины как неотъемлемого признака военизированной службы и организационно-правового института. На основании анализа нормативных правовых актов (НПА), исторического опыта регулирования данных служебных отношений, научно-теоретических трудов отечественных и зарубежных ученых дается авторское определение служебной дисциплины, обеспечительных средств ее поддержания. Раскрывается значение служебной дисциплины как сущностной характеристики государственной военизированной службы.

Важнейшим условием успешного выполнения задач, стоящих перед военизированными организациями, к числу которых относятся и органы внутренних дел (ОВД), выступает неуклонное соблюдение служебной дисциплины, являющееся организующим началом служебной деятельности их сотрудников.

Служебная дисциплина в ОВД, по мнению А.А. Подупейко, является разновидностью государственной дисциплины. Она имеет самую непосредственную связь с понятием государственной службы, являясь необходимым элементом ее организации. Исследование сущности дисциплины в государственном управлении позволяет сделать вывод, что понятие служебной дисциплины лиц рядового и начальствующего состава ОВД может быть раскрыто на основе признания ее комплексного характера и рассмотрения ее в двух аспектах: в объективном – как совокупность правовых норм, устанавливающих служебные права, обязанности по реализации полномочий, и в субъективном – как практическое выполнение и соблюдение ими этих правил (фактическое их поведение при выполнении служебных полномочий) [1, с. 8].

Кроме того, заслуживает внимания позиция А.Д. Сафронова, который убедительно доказывает, что сознательное пренебрежение требованиями дисциплины и безопасности, сформулированными в уставах, наставлениях и инструкциях, часто приводит к трагическим последствиям [2, с. 69].

Анализ нормативного правового материала, касающегося прохождения военизированной (правоохранительной) службы, позволяет увидеть тот факт, что формирование законодательства о службе в ОВД происходило, во многом, на основании действовавшего в то время массаiva НПА о военной службе. По широкому перечню характерных черт, в частности, в отношении служебной дисциплины, взаимоотношений между сотрудниками, правил ношения форменной одежды и др., служба в Вооруженных Силах и ОВД были и остаются близки. Необходимо обратить внимание и на то, что в ОВД всегда уделялось особое внимание не только служебной дисциплине, но и другим аспектам, влияющим на нее, а также на авторитет милиции с точки зрения граждан. Так, в Правилах внутренней службы милиции, введенных в действие НКВД СССР в 1926 г., указывалось, что все работники милиции «обязаны строго соблюдать советские законы и дисциплину, дорожить званием работника милиции. Правила конкретизировали общие и специальные служебные обязанности сотрудников милиции: своевременно являться на службу, называть друг друга по должности, обращаться по служебным вопросам только к своему непосредственному начальнику и лишь по его разрешению к вышестоящим, быть всегда чисто и опрятно одетым и др.»

[3, л. 108]. Иными словами, можно заключить, что законодатель пытался придать отношениям при прохождении особого вида государственной службы максимальную в его понимании правовую регламентацию и точность, что, безусловно, имеет важное значение с точки зрения недопущения самоуправства и превышения полномочий, а с другой стороны, облегчает сотруднику ОВД выбор нормы для урегулирования определенных служебных отношений.

Подобный «симбиоз» НПА можем наблюдать в настоящее время в законодательстве о службе в Вооруженных Силах Республики Беларусь. В частности, Указом Президента Республики Беларусь от 26 июня 2001 г. № 355 одновременно утверждены Устав внутренней службы Вооруженных Сил Республики Беларусь, Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Республики Беларусь и Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Республики Беларусь.

В ст. 2 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Республики Беларусь раскрывается ее предназначение: для поддержания в воинской части внутреннего порядка и воинской дисциплины, обеспечивающих постоянную боевую готовность воинской части, учебу личного состава, организованное выполнение им других задач в повседневной деятельности и сохранение его здоровья. Кроме того, в ст. 2 Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Республики Беларусь отмечается, что целями гарнизонной службы являются обеспечение поддержания высокой воинской дисциплины среди личного состава гарнизона, необходимых условий для повседневной жизни и подготовки войск, проведение гарнизонных мероприятий с их участием.

В то же время в ст. 2 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Республики Беларусь закреплено, что воинская дисциплина есть строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими порядка и правил, установленных в общевоинских уставах Вооруженных Сил и иных актах законодательства.

Иными словами, налицо нормативная взаимообусловленность и взаимосвязь указанных уставов Вооруженных Сил, отражающие особую значимость и сложность такого понятия, как «воинская дисциплина», условия и средства ее соблюдения. Однако «закрытый» характер служебных отношений в армии по своему характеру отличается от служебных отношений в ОВД.

Так, выполнение данных как бы «внутренних» обязанностей направлено исключительно на качественное и полное выполнение возложенных на ОВД задач, основная масса которых подразумевает непосредственный контакт с населением, удовлетворение законным интересам общества и государства в сфере обеспечения общественной безопас-

ности. Именно поэтому так остро и резонансно звучит в СМИ каждый факт ненадлежащего выполнения сотрудниками ОВД возложенных на них обязанностей, с закономерной реакцией граждан на факты нарушения служебной дисциплины и требованиями применения жестких мер реагирования за указанные проступки.

Справедливо в данном ключе мнение российских ученых В.В. Гордиенко, Л.М. Колодкина, Д.К. Нечевина, которые выделяют систему гарантий легитимности, разумности и добросовестности, здравого смысла при выполнении должностных обязанностей сотрудниками ОВД. При этом в данную систему ученые включают такие составные части, как режим законности, служебная дисциплина и нормы профессиональной этики [4, с. 3].

Поэтому неслучайно отдельным блоком в правовом регулировании отношений при прохождении службы в ОВД выступают нормы, формирующие такое понятие, как «служебная дисциплина». При этом законодатель в п. 118 Положения о прохождении службы в ОВД Республики Беларусь, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 15 марта 2012 г. № 133, по данному вопросу отсылает к Дисциплинарному уставу.

При детальном изучении Дисциплинарного устава ОВД Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2003 г. № 218, можно увидеть, что в нем осуществлена попытка объединить сразу несколько НПА, регламентирующих различные стороны правоотношений при прохождении службы в ОВД.

Так, определение служебной дисциплины в ОВД в п. 2 Дисциплинарного устава ОВД Республики Беларусь включает в себя требование о строгом выполнении сотрудниками ОВД своих *служебных обязанностей, заключенных контрактов о службе и приказов начальников*. По крайней мере, требования трех нормативных правовых актов в части служебных взаимоотношений синтезировались в одном понятии. При этом происходит его дальнейшее расширение посредством трактования служебных обязанностей через призму регулирования их актами законодательства, Уставом, а также Присягой, утвержденными соответствующим Указом Президента Республики Беларусь, и Правилами профессиональной этики, утвержденными приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 4 марта 2013 г. № 67. Налицо возникающая сложность в понимании, что же все-таки входит в круг общественных отношений служебной дисциплины?

Если обратимся к Дисциплинарному уставу Вооруженных Сил Республики Беларусь, то в ст. 2 закреплено, что воинская дисциплина есть строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими порядка и пра-

вил, установленных в общевоинских уставах Вооруженных Сил и иных актах законодательства. Иными словами, логика законодателя в данном случае видна и понятна: военнослужащий обязан строго и точно соблюдать порядок и правила, которые установлены, а соответственно, они раскрываются в общевоинских уставах и иных актах законодательства, которыми могут выступать и ведомственные приказы.

В Дисциплинарном уставе ОВД Республики Беларусь, по нашему мнению, предпринята не совсем удачная попытка объединить требования различных НПА. Так, в нем закреплены элементы внутренней службы Вооруженных Сил, например, понятие приказа, условия и порядок его выполнения, понятие начальников, подчиненности сотрудников друг другу, которые должны быть отражены в Уставе внутренней службы. Однако в Дисциплинарном уставе ОВД Республики Беларусь не нашли своего отражения такие основополагающие позиции служебной дисциплины, раскрывающие ее сущность, как *принцип единоначалия, всестороннее обеспечение начальником выполнения приказа, ответственность начальника за отданный приказ и последствия его выполнения, обязанности сотрудника по соблюдению и поддержанию служебной дисциплины*. Вышеуказанные элементы службы имеют значение не только для применения к сотрудникам мер поощрения или ответственности. Они жизненно необходимы для соблюдения и поддержания служебной дисциплины, как основы качественного выполнения стоящих перед ОВД задач в общем и служебных обязанностей каждого сотрудника в частности.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о существенных правовых пробелах в урегулировании отношений служебной дисциплины. На наш взгляд, в Уставе не закреплена важная позиция о том, что *при отдаче приказа командир (начальник) обязан предусмотреть всестороннее обеспечение его выполнения*, приказ должен иметь точную формулировку, не вызывающую двоякого толкования (сомнения) у подчиненного, *а также он несет полную ответственность за отданный приказ и последствия его выполнения (ст. 37 Устава внутренней службы Вооруженных Сил) и непринятие мер по обеспечению его выполнения (п. 24 Дисциплинарного устава ОВД Российской Федерации)*, а не только за письменно подтвержденный им неправомерный приказ, как это отмечалось выше. Поэтому, по всей видимости, законодатель в Уставе внутренней службы Вооруженных Сил не предусмотрел обстоятельств, когда военнослужащий не может выполнить приказ, так как начальник точно его сформулировал и обеспечил выполнение. А в случае необходимости убедиться в правильном понимании отданного приказа, как закреплено в ч. 2 ст. 39 Устава внутренней службы Вооруженных

Сил, командир (начальник) может потребовать краткого его повторения, а военнослужащий, получивший приказ, – обратиться к командиру (начальнику) с просьбой повторить (уточнить) его.

Вместе с тем незакрепление в Дисциплинарном уставе ОВД Российской Федерации обязанностей сотрудников по соблюдению и поддержанию служебной дисциплины в ОВД свидетельствует о понимании ее сути и значения односторонне, как необходимости лишь для руководящего состава.

Так, в Дисциплинарном уставе ОВД Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377, неслучайно в гл. 2, перед главой об обязанностях руководителей (начальников), закреплены обязанности сотрудника по соблюдению и поддержанию служебной дисциплины, среди которых: а) знать и соблюдать основные и служебные обязанности, порядок и правила выполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных ему прав; б) выполнять приказы и распоряжения руководителей, отданные в установленном порядке и не противоречащие законам; в) соблюдать требования к служебному поведению; г) соблюдать субординацию; д) проявлять уважение ко всем сотрудникам вне зависимости от их служебного положения и места службы; е) содействовать руководителю (начальнику) в поддержании служебной дисциплины и др.

Указанными положениями подчеркивается, что не только начальник должен обеспечивать соблюдение подчиненными сотрудниками служебной дисциплины, но и сотрудник, как непосредственный носитель субъективных прав и обязанностей в области правоохранительной деятельности, должен соблюдать требования НПА и приказов при осуществлении своей деятельности, быть эталоном гражданина, обладающего высокой моралью и этикой, и во внеслужебное время.

Таким образом, анализ научно-теоретической литературы, посвященный определению сущности, содержания и назначения административных актов и нормативных правовых актов, регламентирующих основания и порядок введения и поддержания служебной дисциплины в процессе прохождения военизированной службы, позволяет сделать следующие выводы.

1. Служебная дисциплина, выступая составной частью государственной дисциплины, отражает степень соответствия реального поведения и деятельности сотрудников ОВД общественным и профессиональным нормам, содержащимся в законах, подзаконных актах и уставах, качество выполнения своих служебных обязанностей, условий заключенных контрактов о службе, приказов начальников, и предусматривающих возможность привлечения за их нарушение к дисциплинарной ответственности.

Служебная дисциплина, будучи сложным социальным явлением, имеет различные виды (формы), различается по своему субъекту; имеет в своем содержании различные компоненты, характеризующиеся количественными и качественными показателями.

2. В качестве обеспечительных средств поддержания служебной дисциплины в ОВД выступают: единоначалие; неукоснительное соблюдение законности; высокие моральные и профессионально-деловые качества каждого сотрудника, сознательное отношение к службе; персональная ответственность за порученный участок работы; поддержание каждым сотрудником соответствующего уровня квалификации; контролем и требовательностью начальников, умелым и обоснованным использованием поощрений и применением дисциплинарных взысканий; персональной ответственностью начальников за ее состоянием среди подчиненных.

3. Дальнейшее совершенствование правового регулирования института служебной дисциплины в военизированных организациях видится:

3.1. в нормативном закреплении в Дисциплинарном уставе ОВД позиции о главенстве во взаимоотношениях и правовом регулировании отношений при прохождении службы принципа единоначалия, так как начальник наделен всей полнотой распорядительной власти по отношению к подчиненным и несет полную ответственность за все стороны жизнедеятельности подразделения.

Отсутствие подобной нормы закономерно приводит к несостоятельности всех остальных инструментов поддержания служебной дисциплины.

3.2. во включении в объем данного понятия, наряду с выполнением сотрудниками служебных обязанностей, условий заключенных контрактов, приказов начальников, положения, закрепленного в ст. 8.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, которым предусмотрено освобождение от административной ответственности военнослужащих и иных лиц, на которых распространяется действие дисциплинарных уставов или специальных положений о дисциплине с передачей материалов о правонарушениях соответствующим органам для решения вопроса о привлечении их к дисциплинарной ответственности.

Список использованных источников

1. Подупейко, А.А. Служебная дисциплина в органах внутренних дел и организационно-правовые средства ее обеспечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А.А. Подупейко ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск, 2000. – 18 с.

2. Сафронов, А.Д. Правовая природа службы в органах внутренних дел и профессиональное сознание молодых сотрудников / А.Д. Сафронов // Вестн. Барнаул. юрид. ин-та МВД России. – 2007. – № 13. – С. 68–72.

3. Маюров, Н.П. Дисциплинарные правоотношения в советской милиции (1917–1991 гг.) : историко-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Маюров Николай Петрович. – Санкт-Петербург, 2005. – 495 л.

4. Гордиенко, В.В. Полицейская этика: научно-правовой и исторический аспект / В.В. Гордиенко, Л.М. Колодкин, Д.К. Нечевич // Тр. Акад. упр. МВД России. – 2013. – № 3(27). – С. 3–12.

УДК 342.734

Г.В. Шарбун, курсант уголовного-исполнительного факультета

Научный руководитель – *О.В. Волчкевич*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Р.А. Серета*

ПРАВО НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Рассмотрены понятие здоровья и нормативное закрепление права на охрану здоровья. Указаны проблемы реализации права на охрану здоровья в условиях распространения коронавирусной инфекции в современном обществе.

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь, закрепленное в ст. 45 Конституции Республики Беларусь, является важнейшим элементом правового статуса личности, во многом определяющим взаимоотношения человека и современного государства. Содержание данного права предопределено социальной ценностью здоровья как личного и общественного блага. В связи с процессами старения населения и уменьшения численности трудоспособного населения повышается значение здоровья, как важнейшего ресурса, необходимого для производства материальных благ.

Надлежащая реализация права на охрану здоровья и медицинскую помощь является необходимым условием развития личности, гарантией эффективной реализации основных конституционных прав, в том числе права на жизнь, права на труд, права на доступ к государственной службе, а также играет важную роль для обеспечения демографического потенциала современного государства.

Среди основных угроз состоянию здоровья населения отмечаются массовое распространение ВИЧ-инфекции, туберкулеза, распространение психоактивных и психотропных веществ, распространение эпидемий, вызываемых новыми, неизвестными ранее вирусами, происходящие и ожидаемые изменения климата, лидирующими факторами риска заболеваемости являются курение и алкоголь, неправильное питание. В связи с этим в условиях функционирования современного общества

существенно возрастает значение конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь [1].

В связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19 в настоящее время происходит значительное увеличение части населения, нуждающейся в правовой и социальной поддержке со стороны государства, что требует сохранить, а вместе с тем существенно увеличить объем гарантий по реализации указанных прав. Важно учитывать также тот факт, что проблема обеспечения права на охрану здоровья имеет интегративный характер, заключающий в себе взаимодействие публичных и частных начал.

Сегодня среди ученых, юристов существуют разногласия по поводу того, что такое право на здравоохранение.

Среди диссертационных исследований, посвященных проблемам реализации гражданами конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь, следует отметить работы В.П. Бушуевой, В.В. Влащенко, Ю.В. Данилочкиной, С.А. Дюжикова, Ю.В. Кавалерова, Н.В. Косолаповой, Е.В. Лазаревой, Т.А. Холодовой, Е.В. Шленевой.

Нельзя не отметить и ряд зарубежных авторов, широко освещающих проблемы охраны здоровья и медицинской помощи, среди которых Б. Тобес, Р.Б. Салтман, Дж. Фигейрас.

Однако реализация конституционного права на охрану здоровья в период распространения пандемии COVID-19 не нашла должного отражения в трудах ученых.

Пандемия коронавируса сегодня определяет правила поведения обществу и государствам. Эти правила также касаются и области прав человека.

В связи с тем что мировое сообщество столкнулось с пандемией COVID-19, анализируя влияние и последствия данного вируса, можно сделать вывод, что право на охрану здоровья является неотъемлемой частью права на жизнь.

Это право относится ко второму поколению прав человека, которое получило свое развитие в конце XIX – начале XX в. в связи с борьбой рабочих за справедливое отношение к себе и достойное вознаграждение, временные рамки зарождения социальных прав, а также права на труд и др. Социальные права и свободы так же, как и экономические, относятся к позитивным, потому как для их реализации необходимо государство, так как оно осуществляет такую деятельность по планирующей, координирующей, организационной, учредительной и иной деятельности по обеспечению указанных прав.

В Уставе Всемирной организации здравоохранения 1946 г. понятие «здоровье» определяется как состояние полного физического, душев-

ного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов. Именно из-за этого понятие «здравоохранение» включили в состав последующих нормативных правовых актов, связанных с социальными правами, и в различные международные договоры и конвенции.

В результате Нюрнбергского процесса, который проходил в 1945–1946 гг., Токийского процесса, который имел место в 1946–1948 гг., была принята Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с использованием достижений биологии и медицины, в соответствии со ст. 2 которой интересы и благо отдельного человека должны превалировать над интересами общества и науки. На основании вышеуказанного можно сделать вывод, что человек становится одним из главных ценностей в современном обществе.

Право на охрану здоровья в нашей стране впервые получило нормативное закрепление в БССР с принятием Конституции 1978 г. Статья 40 Конституции закрепляла право на охрану здоровья. Следует отметить, что в Конституции 1919, 1927, 1937 г. данное право закреплено не было. Вообще в предыдущих Конституциях не были в большом объеме регламентированы права человека, в отличие от новых, в которых человек становится высшей ценностью общества, эта тенденция развития права начинает проявляться с середины XX в., после Второй мировой войны и принятия Всеобщей декларации прав человека.

Согласно п. 1 ст. 25 Всеобщей декларации прав человека каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, который необходим для поддержания здоровья его самого и его семьи.

В соответствии со ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах участвующие в данном пакте государства признают право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья. Меры, которые должны быть приняты для осуществления этого права, включают мероприятия, в том числе необходимые для создания условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни.

Международные обязательства Республики Беларусь по признанию и обеспечению права человека на охрану здоровья, пользованию современными услугами системы здравоохранения и средствами лечения болезней и восстановления здоровья указаны также в соглашениях регионального характера, заключенных в рамках Содружества Независимых Государств и Евразийского экономического сообщества (Соглашение о сотрудничестве в области охраны здоровья населения от 26 июня 1992 г., Соглашение о сотрудничестве в области оказания высокотехнологичной медицинской помощи гражданам государств – членов Евразийского экономического сообщества от 28 сентября 2012 г. и др.).

Согласно нормам международных правовых актов право на медицинское обслуживание имеет каждый человек независимо от своего положения в обществе и своих национальных принадлежностей. Здесь государство должно обеспечивать все услуги здравоохранения, запрет дискриминации, разъяснение обществу, что каждый человек имеет право на доступ к здравоохранению.

В современном обществе проживают люди с некоторыми ограничениями по состоянию здоровья, в связи с этим право на охрану здоровья приобретает огромную популярность. Сегодня здоровье человека по всей своей сути зависит от отношения человека к своему здоровью, которое заключается в его образе жизни. В понятии «образ жизни» заключается многое: от здорового сна до употребления здоровой пищи.

Для обеспечения правовых основ в целях реализации права человека на охрану здоровья государства помимо закрепления данного права в Конституции также издаются законодательные акты, с помощью которых дают расширенное представление о конкретных направлениях, обеспечивающих реализацию права на охрану здоровья, понятии здоровья. Например, Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении» (далее – Закон о здравоохранении), Закон Украины от 19 ноября 1992 г. № 2801-XII «Основы законодательства Украины о здравоохранении», Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Кодекс Республики Казахстан от 18 сентября 2009 г. № 193-IV «О здоровье народа и системе здравоохранения», Закон Азербайджанской Республики от 26 июня 1997 г. № 360-IQ «Об охране здоровья населения», Закон Республики Армения от 4 апреля 1996 г. № ЗР-42 «О медицинской помощи и обслуживании населения», Закон Республики Молдова от 28 марта 1995 г. № 411-XIII «Об охране здоровья», Кодекс здравоохранения Республики Таджикистан от 30 мая 2017 г. № 1413, Закон Республики Узбекистан от 29 августа 1996 г. № 265-I «Об охране здоровья граждан».

Право на охрану здоровья в Республике Беларусь имеет комплексное содержание, которое, согласно ст. 45 Конституции Республики Беларусь, включает бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения, медицинское обслуживание. Право граждан Республики Беларусь на охрану здоровья обеспечивается также развитием физической культуры и спорта, мерами по оздоровлению окружающей среды, возможностью пользования оздоровительными учреждениями, совершенствованием охраны труда.

Конституционный Суд Республики Беларусь в своем решении от 5 июня 2014 г. № Р-924/2014 отметил, что право на охрану здоровья от-

носится к числу важнейших конституционных прав человека в силу особой сущности и значимости охраняемого блага. По мнению Конституционного Суда Республики Беларусь, ценность здоровья, являющегося по своей сути неотчуждаемым благом, заключается в том, что без него уменьшается либо утрачивается значение многих других благ и ценностей. Этим предопределяется и характер обязанностей Республики Беларусь как социального государства, признающего свою ответственность за сохранение и укрепление здоровья граждан и обеспечение надлежащего правового регулирования отношений, связанных с реализацией конституционного права на охрану здоровья.

Согласно законодательству здоровье определяется как состояние полного физического, духовного и социального благополучия человека, а не только отсутствие заболеваний [2].

Здоровье имеет различные конституционные аспекты, а именно:

- 1) объектом права на охрану здоровья человека и гражданина закреплено ст. 45 Конституции Республики Беларусь;
- 2) общественным достоинством, которое закреплено ст. 21 Конституции Республики Беларусь;
- 3) объектом права на неприкосновенность личной жизни, которое гарантировано ст. 28 Конституции Республики Беларусь.

В настоящее время право на охрану здоровья относится к праву на социальную помощь. В Республике Беларусь это право имеет большое значение, так как известно, что наше государство с социально-рыночной экономикой. Здоровье населения является показателем социально-экономического развития в государстве, наличия в стране действенной системы социальных гарантий, характеризующих степень ответственности государства перед гражданами.

Социальное направление государства предполагает заботу государства о здоровье населения. В связи с этим государство пропагандирует здоровый образ жизни среди населения, а также реформирует свою национальную систему здравоохранения. Государство поддерживает инициативы по созданию новых больниц и поликлиник.

Охрану здоровья можно охарактеризовать как деятельность государства, а также граждан, направленную на сохранение здоровья. Если говорить о государстве, то его деятельность в направлении реализации данного права очень широка и не всегда связана с медициной. В нее входят медицинская помощь, санитарно-гигиенические, противозидемические меры, охрана окружающей среды, обеспечение здоровых и безопасных условий труда, отдых и обучение, контроль за производством и реализацией продуктов питания, развитие физической культуры и спорта, а также другие меры.

В п. 14 ст. 1 Закона о здравоохранении определен комплекс медицинских профилактических мероприятий по охране здоровья населения. Указанные мероприятия включают, в частности, проведение медицинских осмотров, диспансеризации населения, мероприятий по формированию здорового образа жизни, обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения, в том числе по проведению профилактических прививок.

В ст. 18 Закона о здравоохранении регламентируются методы оказания медицинской помощи. В ней также указано, что к лицам, которые не достигли своего совершеннолетия, может применяться медицинская помощь, только с согласия опекунов или родителей. Также в статье отмечено, что человеку, который не способен для принятия осознанного решения, оказывается помощь с письменного согласия родственника или супруги (супруга). Исходя из изложенного, следует указать, что оказание помощи идет осознанно с двух сторон – государства и человека (либо лица, его заменяющего, по состоянию здоровья больного) [2].

Конституционное право граждан на медицинскую помощь содержит в себе ряд предусмотренных законодательством Республики Беларусь полномочий гражданина на различных этапах получения медицинской помощи, а также обязанность государства по обеспечению необходимого объема медицинской помощи, оказываемой бесплатно. Иными словами, каждый человек может воспользоваться системой национального здравоохранения, которое заключается в посещении человеком медицинских работников и получить от них полную и необходимую помощь – бесплатно.

Современные Конституции закрепляют несколько видов оказания медицинской помощи людям.

Либеральная медицина, которая действует под лозунгом «Здоровье – Деньги», суть которой заключается в том, что медицинское обслуживание могут получать люди, которые имеют достаточный уровень дохода для излечения своей болезни. Данный вид оказания медицинских услуг характерен для стран Западной Европы, в связи с этим мы также должны понимать, почему у них статистика смертности и заражения так велика.

Страховая медицина – эта медицина по своей сути является договорной между человеком в лице больного и государства в лице лечащего. Эта медицина хороша тем, что с помощью договора о страховании накладываются обязательства на человека, а также повышения качества услуг со стороны государства.

Государственная медицина. Суть данной медицины заключается в финансировании из государственного бюджета, который пополняется за счет налогов с граждан, т. е. мы сами за себя оплачиваем медицинские

услуги. Но есть минусы, так как в бесплатной медицине медицинский персонал может проявлять недобросовестность, исполняя свои обязанности, невнимательность к человеку, пришедшему к нему за оказанием помощи [3, с. 113].

В странах, которые входили в состав Советского Союза, используются три данных вида оказания медицинских услуг.

Но сегодня ситуация с COVID-19 способствует реализации социального права – права на охрану здоровья.

Из-за эпидемиологической обстановки в мире начинает распространяться мнение о том, что COVID-19 – это болезнь людей пожилого возраста. В обществе и средствах массовой информации появляются лозунги о том, что люди пожилого возраста являются обременительным элементом общества. Можно привести множество примеров из стран Западной Европы, особенно из Италии и Испании. Эти государства очень сильно ощутили нехватку аппаратов ИВЛ во время первой волны COVID-19, когда количество зараженных в день превышало 20 000 человек и умирало более 1 000. Врачам приходилось становиться перед выбором оставлять аппарат ИВЛ у тяжело больного пожилого человека или же отключить его и передать молодому человеку, зараженному той же инфекцией. В США дома пенсионеров становились общей могилой для лиц пожилого возраста из-за недостатка лекарственных средств и времени на их лечение. Из изложенного следует вывод: некоторые государства ограничивали права пожилых людей на право на жизнь и охрану здоровья.

Опыт преодоления первой и второй волны COVID-19 показал обществу и государствам, что необходимо обеспечивать должное внимание к системе здравоохранения и уважение к медикам-профессионалам, благодаря которым были спасены человеческие жизни. Всеобщий доступ к медицинским услугам содействует созданию эффективных мер по борьбе с коронавирусом, в первую очередь это оказание помощи уязвимым слоям населения, а именно – вакцинация их. В некотором смысле вакцинация сегодня – это эксперимент борьбы человека и коронавируса. В соответствии с п. 1 Нюрнбергского кодекса, принятого в 1947 г., необходимым условием проведения такого массового эксперимента является добровольное согласие человека [4].

Следует отметить, что в настоящее время государству очень тяжело поддерживать политику в обеспечении права человека на охрану здоровья, так как политики и лидеры мирового сообщества не ожидали, что эпидемия COVID-19 будет такой сильной и долгой. В связи с этим гражданам нужно поддерживать свое государство, также и государство обязано поддерживать население. Сегодня во многих странах очень сильно развит рынок услуг, но из-за ситуации с пандемией они не востребо-

ваны, как результат – компании проходят процедуру банкротства, работники остаются без работы, государства не оказывают им должной поддержки, а граждане выходят на митинги и подвергают себя опасности.

Понимая, что государственная медицина оказала огромное влияние на борьбу с пандемией, в целях дальнейшего улучшения качества получения медицинских услуг следует ввести систему обязательного страхования. Это поможет реализовать качественное получение медицинских услуг, и, безусловно, повысит ответственность государства перед гражданами в оказании медицинской помощи, а также повысит ответственность граждан за несоответствующее выполнение своих обязательств, связанных с ненадлежащим контролем за своим здоровьем.

Необходимо также совершенствовать на законодательном уровне белорусское здравоохранение с учетом распространения коронавирусной инфекции и принимаемых мер по борьбе с ней. Это сложная сфера общественных отношений, правовое регулирование в ней целесообразно для развития национальной безопасности Беларуси.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. В Республике Беларусь, как социальном государстве, здоровье рассматривается в качестве объекта, нуждающегося в установлении правового режима охраны.

2. Здоровье человека и в целом населения закрепляется в Конституции Республики Беларусь и законодательных актах в качестве ценности, так как обеспечение здоровой и активной жизни населения является основной задачей государственной социальной политики, здоровье населения признается как стратегический потенциал страны, фактор ее национальной безопасности.

3. Ценность права на охрану здоровья определяется мерой тех реальных возможностей, которые оно способно предоставить и предоставляет человеку в конкретных условиях, особенно в период распространения пандемии COVID-19.

4. Специфика нормативного содержания права на охрану здоровья во многом определяется сочетанием публичных и частных интересов в процессе правового регулирования отношений по охране здоровья, где важнейшими являются нормы конституционного права.

5. Конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь можно определить как ценностно значимые и формально закрепленные гарантированные возможности каждого по укреплению и сохранению здоровья, его восстановлению, гарантированные правовыми, финансовыми, организационными ресурсами государства и общества.

6. За последние годы в сфере охраны здоровья граждан проделана значительная работа по созданию системы гарантий получения меди-

цинской помощи, в сфере здравоохранения получили поддержку государственная и частная системы здравоохранения, существенно укреплены материально-техническая база учреждений здравоохранения.

7. Необходимо ввести систему обязательного страхования, что поможет реализовать качественное получение медицинских услуг, так как это повысит ответственность государства перед гражданами в оказании медицинской помощи, а также повысит ответственность граждан за несоответствующее выполнение своих обязательств, связанных с ненадлежащим контролем за своим здоровьем.

Список использованных источников

1. Колоцей, И.А. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь как конституционная ценность : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / И.А. Колоцей. – Архангельск, 2010. – 230 л.

2. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХП : с изм. и доп. от 21 окт. 2016 г. № 433-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник : в 4 т. / отв. ред. Б.А. Страшун. – 3-е изд., обновл. – М. : Изд-во «БЕК», 2000. – Т. 1–2. – 784 с.

4. Нюрнбергский кодекс 1947 года [Электронный ресурс] // Права и свободы в психиатрии. – Режим доступа: <http://www.psychepravo.ru/law/int/nyurnbergskiy-kodeks.htm/>. – Дата доступа: 26.02.2021.

УДК 342.9

В.В. Шугов, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.С. Кривонощенко*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.В. Коляго*

ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ ФОРМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Исследуются административно-правовые формы обеспечения прав и свобод граждан в деятельности органов внутренних дел. Анализируются теоретико-правовые подходы к рассматриваемой проблематике. Проводится классификация административно-правовых форм деятельности органов внутренних дел по обеспечению правового статуса граждан, формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования данной сферы правоотношений.

Являясь, по сути, внешним проявлением реализации конкретных направлений деятельности субъекта управления, форма управления представляет собой практическое воплощение его функций, в связи с чем, как справедливо отмечают С.С. Бородин и С.С. Громыко, «от использования тех или других форм в значительной мере зависит успех управленческой деятельности. Формы призваны обеспечивать наиболее целесообразное выполнение функций управления, достижение целей управления с наименьшими затратами сил, средств и времени» [1, с. 161].

Как верно отмечает Е.А. Пушкарев, «деятельность органов внутренних дел в сфере обеспечения прав и свобод граждан направлена на создание необходимых благоприятных условий (гарантий) для самостоятельной, правомерной качественной и полной реализации гражданами своих прав и свобод» [2, с. 17].

Чтобы рассматривать формы деятельности органов внутренних дел по обеспечению административно-правового статуса гражданина, для начала необходимо определить содержание такой деятельности.

По мнению А.А. Постниковой и И.Л. Федчука, содержание административной деятельности органов внутренних дел составляет реализация целей, задач и функций органов внутренних дел, осуществляемых в установленных формах и соответствующими методами. Непосредственно речь идет о создании условий для реализации гражданами своих прав и законных интересов и выполнения возложенных на них обязанностей, нормальной работы предприятий, учреждений, организаций; контроле и надзоре за соблюдением общеобязательных правил, действующих в сфере правопорядка; профилактике и пресечении правонарушений; регистрации и учете граждан; выдаче лицензий и других действиях [3, с. 29].

При этом следует рассмотреть соотношение таких категорий, как «охрана» и «защита» прав и свобод граждан. В действующем законодательстве представленные понятия достаточно часто рассматриваются как тождественные, однако в научной литературе нередко взгляды на их соотношение расходятся.

Например, И.В. Потапенкова пишет, что «охрана осуществляется тогда, когда нет непосредственного нарушения прав и законных интересов граждан. В свою очередь, когда есть само правонарушение, тогда и должна наступать защита» [4, с. 25]. Такой подход достаточно типичен, поэтому рассмотрим его более подробно. Так, П.П. Сергун пишет, что по вопросу соотношения таких категорий, как «охрана» и «защита», в научной литературе нет четкой позиции. Одни авторы вообще не проводят различий между обозначенными категориями, другие отмечают, что понятие «защита» более широкое, чем понятие «охрана». Ряд специалистов полагают, что дефиниция «охрана» более содержательна, нежели

«защита». Сам же П.П. Сергун констатирует: «В основу соотношения и разграничения таких категорий, как «охрана» и «защита», должен быть положен объективный критерий, который должен прямо указывать на наличие или отсутствие нарушенного права» [5, с. 7].

Исходя из вышеизложенного, представляется, что функциональность административной деятельности органов внутренних дел в сфере охраны и защиты прав и свобод граждан должна учитывать объективные реалии, а также имеющиеся правовые средства и возможности их реализации. Функциональность работы органов внутренних дел в рассматриваемой сфере должна исходить из содержательного наполнения соответствующих функций. В этой связи нужно разобраться, что понимается под такими функциями.

В.В. Игнатенко функцией называет «некоторое правовое явление по отношению к другому явлению. В связи с этим оно воспроизводит определенное отношение, касающееся соотношения части к целому и целого к части в границах определенных правовых реалий» [6, с. 196].

Органы внутренних дел осуществляют самые разнообразные функции, связанные с обеспечением правопорядка. В процессе этой деятельности порой решаются весьма специфические задачи, в том числе связанные с охраной и защитой прав и свобод человека и гражданина. Функции органов внутренних дел по охране и защите прав и свобод граждан достаточно разнообразны, поэтому у каждого подразделения своя компетенция в данной сфере [7, с. 29].

Таким образом, приходим к выводу, что функции органов внутренних дел, исходя из содержания их деятельности, представляют собой основные направления по решению поставленных перед ними задач.

На органы внутренних дел возложен целый ряд обязанностей по охране общественного порядка, однако вклад различных их служб в дело охраны общественного порядка далеко не равнозначен. Различные службы органов внутренних дел участвуют в охране общественного порядка в пределах своей компетенции, при этом они используют соответствующие формы и методы воздействия на участников соответствующих отношений в пределах своей компетенции, а также соответственно реально складывающейся в рассматриваемой сфере обстановке [8, с. 49].

Под формами административной деятельности органов внутренних дел понимаются однородные по своему характеру и правовой природе группы административных действий, с помощью которых сотрудники органов внутренних дел охраняют общественный порядок и обеспечивают общественную безопасность, ведут борьбу с преступностью [3, с. 33].

Фактически от формы, выбранной для реализации той или иной задачи в административной деятельности органов внутренних дел, зави-

сит ее эффективность. Выделяют правовые и неправовые формы административной деятельности органов внутренних дел.

Правовые формы носят государственно-властный и управленческо-исполнительный характер. Они делятся на две группы: нормотворческую и правоприменительную.

Нормотворческая форма деятельности органов внутренних дел присуща руководящим органам и реализуется путем издания нормативных актов. Основная ее цель – регулирование различных сторон функционирования органов внутренних дел, при этом стоит отметить, что главная цель любой деятельности правоохранительных органов – защита прав и свобод граждан.

В свою очередь, правоприменительная форма является наиболее действенным элементом механизма реализации правовых норм и принятия государственно-властных решений по индивидуально-конкретным делам. Сущность правоприменения заключается в действиях должностных лиц по подведению конкретного юридического факта под соответствующую правовую норму и принятие на этой основе государственно-властных решений. В зависимости от своего содержания она может быть регулятивной и правоохранительной.

Регулятивная форма административной деятельности имеет место: при решении организационных и управленческо-распорядительных вопросов;

для реализации прав и законных интересов граждан, государственных органов, общественных организаций.

Правоохранительные формы требуются для охраны общественных отношений в сфере деятельности органов внутренних дел, обеспечивая их неприкосновенность. Основанием для их применения является наличие обстоятельств негативного характера, препятствующих осуществлению субъективных прав или нарушающих их, а также случаев отказа от исполнения юридических обязанностей. Отличительной особенностью является правоохранительная ориентация, таким образом правоприменение подчинено задачам правоохранения. Для ликвидации негативных обстоятельств и восстановления нарушенных прав органы внутренних дел наделяются широкими полномочиями, вплоть до использования принудительных мер воздействия на нарушителей.

В зависимости от способа выражения правоприменительные формы можно разделить:

на словесные (в устном и письменном виде);

конклюдентные.

Наиболее распространена письменная форма в виде документа определенной формы для решения вопросов, требующих фиксации право-

применения. При этом широко используется и устная форма в виде приказов и иных видов распоряжений, направленная на решение повседневных вопросов. При осуществлении деятельности отдельных служб органов внутренних дел также достаточно распространена и форма конклюдентных действий, явно выражающих решение субъекта административной деятельности.

К неправовым формам административной деятельности органов внутренних дел относятся организационные и материально-технические действия. Эти формы не имеют прямого отношения к деятельности органов внутренних дел по обеспечению административно-правового статуса граждан, однако существуют для нормального функционирования всей правоохранительной системы и косвенно способствуют непосредственному осуществлению сотрудниками органов внутренних дел своих функций, в том числе и по обеспечению административно-правового статуса граждан.

Таким образом, следует констатировать, что основной формой деятельности органов внутренних дел по обеспечению административно-правового статуса граждан, влекущей юридические последствия и имеющей наиболее важное значение, является правовая. Именно правовые формы деятельности органов внутренних дел выражают сущность обеспечения ими реализации прав, свобод и обязанностей граждан.

Относительно нормотворческой формы деятельности органов внутренних дел следует отметить, что Министерство внутренних дел наделено правом издания постановлений. Вместе с тем можно выделить множество ведомственных правовых актов, утвержденных либо постановлениями Министерства внутренних дел, либо приказами Министра внутренних дел.

Основным нормативным правовым актом в Республике Беларусь, регламентирующим деятельность органов внутренних дел по обеспечению административно-правового статуса граждан, является Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», в котором определены цели, задачи деятельности органов внутренних дел, полномочия сотрудников органов внутренних дел и т. д. Однако комплексность и многогранность решаемых органами внутренних дел вопросов, широкий спектр реализуемых ими функций обуславливает наличие довольно большого количества иных правовых актов локального характера, которые устанавливают порядок административной деятельности отдельных категорий служб и подразделений.

Так, соответствующими инструкциями регламентируется деятельность участковых инспекторов милиции, сотрудников патрульно-

постовой службы милиции, сотрудников инспекций по делам несовершеннолетних, лицензионно-разрешительной работы и др. Все эти акты так или иначе предусматривают вопросы реализации данными службами административной деятельности, связанной с обеспечением прав и свобод граждан. Вместе с тем отсутствие единого нормативного правового акта, регламентирующего данную сферу правоотношений, не позволяет определить содержание, цели, принципы, методы, формы данной деятельности и ряд иных вопросов.

В связи с этим представляется необходимой систематизация правовых норм, закрепляющих вышеуказанные вопросы путем принятия единого нормативного правового акта. Думается, что таким актом может выступить Закон Республики Беларусь «Об административной деятельности органов внутренних дел». Издание подобного закона поспособствовало бы, в первую очередь, охарактеризовать целеполагание данной деятельности, определить общие принципы ее реализации, основные формы и методы ее осуществления. Кроме того, на наш взгляд, данный закон даст возможность унифицировать локальные правовые акты, регламентирующие порядок административной деятельности отдельных подразделений органов внутренних дел в части изложенных вопросов.

Список использованных источников

1. Бородин, С.С. Административное право. Общая и Особенная части : курс лекций / С.С. Бородин, С.С. Громько. – СПб. : С-Петербург. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения, 2007. – 432 с.
2. Пушкарев, Е.А. Законность и ее гарантии в системе обеспечения прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е.А. Пушкарев. – Ростов н/Д, 2003. – 24 с.
3. Постникова, А.А. Административная деятельность органов внутренних дел / А.А. Постникова, И.Л. Федчук. – Минск : Академия МВД, 2016. – Ч. 1. – 454 с.
4. Потапенкова, И.В. Административно-правовой статус подразделений и служб полиции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности / И.В. Потапенкова. – М., 2014. – 118 с.
5. Сергун, П.П. Охрана прав и свобод личности в производстве по делам об административных правонарушениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / П.П. Сергун. – Саратов, 1987. – 23 с.
6. Игнатенко, В.В. Административно-деликтное законодательство: понятие и функции / В.В. Игнатенко // Административное право на рубеже веков. – Екатеринбург, 2003. – № 4 (10). – С. 196–208.
7. Грищенко, А.Н. К вопросу об охране и защите прав и свобод граждан в деятельности полиции / А.Н. Грищенко // Современ. право. – 2017. – № 8. – С. 29–34.

8. Адмиралова, И.А. Правовое положение граждан в сфере общественного порядка и роль полиции в его обеспечении / И.А. Адмиралова // Административное право и процесс. – 2014. – № 8. – С. 45–49.

УДК 371:004

Д.А. Якунина, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *С.В. Кузьменкова*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *П.Л. Боровик*

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Рассматриваются особенности и порядок организации дистанционного обучения осужденных в исправительных учреждениях Республики Беларусь. Выявляются пути решения вопросов, связанных с усовершенствованием процесса получения образования осужденными посредством внедрения компьютеризированных технологий и дистанционного обучения.

Право на образование является одним из основных прав человека. Оно способствует духовному и интеллектуальному развитию личности, ее социализации и самореализации. Так, право на образование провозглашается в ст. 49 Конституции Республики Беларусь, которая гарантирует доступность и бесплатность общего среднего и профессионально-технического образования, доступность среднего специального и высшего образования в соответствии со способностями каждого [1]. Государственные гарантии обеспечения прав всех граждан на получение образования закреплены и в ст. 3 Кодекса Республики Беларусь об образовании. В ст. 2 Кодекса Республики Беларусь об образовании также предусмотрен принцип государственной политики, заключающийся в обеспечении равного доступа к получению образования [2].

Применительно к осужденным, лишенным свободы, реализация этого права имеет большое значение, поскольку получение образования такими лицами в соответствии с ч. 3 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК) также является одним из основных средств достижения уголовной ответственности [3]. Тем не менее, несмотря на то что и Конституция Республики Беларусь, и Кодекс Республики Беларусь об образовании гарантируют право на образование

всем без исключения гражданам нашей страны, до сих пор существуют проблемы, связанные с обеспечением этого права в местах лишения свободы.

В настоящее время актуальным остается вопрос, связанный с организацией и усовершенствованием процесса получения образования осужденными в местах лишения свободы посредством внедрения компьютеризированных технологий и дистанционного обучения, и, кроме того, поиска новых средств, методов, приемов, применение которых на практике будет способствовать дальнейшей социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных через призму развития их образовательного уровня и личностного потенциала.

Сегодня ряд ученых постсоветского пространства занимаются исследованием особенностей использования информационно-коммуникационных технологий в целях получения образования осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы. Значительный вклад в развитие вышеизложенного направления внесли следующие ученые: О.Н. Баханов, Ю.Н. Галагузова, Е.М. Турецкая, В.Т. Волков, Д.М. Десятов, В.С. Иванов, О.М. Карпенко, А.А. Сергеевко, Е.И. Панкратов, Д.Ю. Райчук, С.Г. Сидельников и др.

В условиях изоляции осужденных от общества информационные технологии представляют собой уникальную форму трансляции знаний, виртуальный портал, напрямую воздействующий на сознание осужденного, минуя социально-психологический барьер. В организации образовательного процесса на базе дистанционных телекоммуникационных технологий педагог выполняет вспомогательную роль, не контролируя непосредственно деятельность обучающегося. Он помогает реализации педагогического процесса, консультируя и предоставляя дополнительную информацию по предмету. Так удается избежать психологических преград и сопротивления со стороны обучающихся [4, с. 95].

Применение в процессе обучения лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях Республики Беларусь, информационно-образовательных технологий является важнейшим фактором упорядоченного развития социальной устойчивости личности осужденного, способствует повышению степени и роли социальной адаптации, если будут выполнены следующие условия: при организации образовательного процесса должны быть учтены особенности социальной адаптации осужденных; предусмотрено овладение базовой компьютерной грамотностью, понимаемой как формирование первичных представлений об использовании компьютерной техники, приобретение первичных навыков работы с персональным компьютером. Кроме того, информационно-образовательные технологии будут

охватывать сферу самопознания личности осужденного (психологический компонент), образовательную сферу (когнитивный компонент), общекультурную сферу (развивающий компонент). Кроме того, исследования, проведенные зарубежными учеными, показывают, что благодаря применению телекоммуникационных технологий в образовательном процессе у осужденных развиваются и укрепляются целеустремленность, ответственность, способность принимать конструктивные решения, значительно повышается уровень их интеллекта, что способствует достижению цели исправления лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы [5].

Следует отметить, что сотрудниками Департамента исполнения наказаний Республики Беларусь на Международном семинаре, состоявшемся в Минске в 2010 г., получены разъяснения у представителей из Германии, которые пояснили, что в их государстве дистанционная форма обучения в отношении лиц, лишенных свободы, не используется по причинам экономического порядка: «...в этом у общества нет потребности». Несомненно, что и в исправительных учреждениях Республики Беларусь организация получения образования с использованием современных информационных и коммуникационных технологий требует существенных материальных затрат. Но, разработав логически обоснованный план по организации дистанционного образования с соответствующей помощью со стороны государства, минимизация материальных затрат является достижимой. В целях минимизации затрат считаем целесообразной специализацию исправительных колоний для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, на предоставлении определенного уровня образования (при условии изучения уровня образования и сферы интересов осужденных в отношении направления учебного процесса до направления в исправительную колонию): в одной (двух) из рассматриваемых исправительных колоний создать условия для получения высшего образования в дистанционной форме, в другой – среднего специального. Консолидация всех потенциальных студентов из числа осужденных в одном (или нескольких) исправительном учреждении позволит более рационально использовать техническую базу и снизить материальные затраты на техническое оснащение малочисленных пунктов дистанционного обучения. Кроме того, полагаем, что существенно облегчить процесс создания материально-технической базы для получения образования с использованием телекоммуникационных технологий может активное привлечение общественных и благотворительных организаций.

Нельзя оставить без внимания тот факт, что почти 20 % женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных

учреждениях Республики Беларусь, указали, что вынуждены были прервать обучение в профессионально-техническом училище, среднем специальном или высшем учреждении образования в связи со вступлением в силу приговора суда, что указывает на актуальность обеспечения непрерывности образования в местах лишения свободы [4, с. 103]. В исправительной колонии № 4 (ИК № 4) эта проблема частично решена благодаря созданию пункта получения образования в дистанционной форме (Центр доступа к электронной образовательной среде) и эксперименту по предоставлению высшего образования осужденным женщинам, стартовавшему в октябре 2015 г. в рамках реализации международного проекта «Образование открывает двери», организованному Департаментом исполнения наказаний совместно с представительством зарегистрированного общества «Deutscher Volkshochschul-Verband e.V.» (ФРГ) в Республике Беларусь и Гомельским областным общественным объединением «Социальные проекты».

Помимо вышеизложенного актуальными остаются вопросы доступа к среднему специальному образованию, а также расширения спектра специальностей в рамках профессионально-технического образования. Учитывая, что в ИК № 4 создан компьютерный класс для получения высшего образования в дистанционной форме, эти проблемы можно решить посредством развития сотрудничества между администрацией исправительной колонии и средними специальными и профессионально-техническими учреждениями образования и внедрения электронного обучения с использованием гибких образовательных программ, выстраиваемых «в соответствии со спецификой выполняемой задачи, склонностями и способностями конкретного обучающегося», использование которых предусмотрено Концепцией информатизации системы образования Республики Беларусь на период до 2020 г. [6]. Основными целями данной концепции являются создание для населения равных возможностей получения качественных образовательных услуг на уровне современных требований национальных и международных стандартов вне зависимости от места проживания и обучения с использованием современных информационно-коммуникационных технологий и формирование личности, адаптированной к жизни в информационном обществе со всеми его возможностями, угрозами, вызовами и рисками.

Одним из основных направлений информатизации системы образования Республики Беларусь является распространение дистанционной формы получения образования. В данной форме образовательного процесса предусмотрено взаимодействие Министерства образования Республики Беларусь и Министерства внутренних дел Республики Беларусь в сфере обеспечения доступа к получению дистанционного образования

осужденными к лишению свободы с использованием информационных и коммуникационных технологий.

В соответствии с Отраслевой программой информатизации образования на 2014–2015 гг. в республике осуществляется разработка электронных средств обучения (ЭСО) и электронных образовательных ресурсов, которые концентрируются по уровням образования в профильных институтах: научно-методическом учреждении «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь, учреждении образования «Республиканский институт профессионального образования», учреждении «Главный информационно-аналитический центр Министерства образования Республики Беларусь» и предоставляются учреждениям образования.

Представляется, что кроме взаимодействия на ведомственном уровне важным является и взаимодействие разных исправительных учреждений друг с другом для обмена опытом организации образования осужденных к лишению свободы. Полагаем, что создание центра, в котором будет аккумулироваться опыт разных исправительных учреждений по внедрению образовательных программ, формирование электронной базы таких программ, апробированных в исправительных учреждениях, в значительной степени поспособствует развитию образования в местах лишения свободы и повышению эффективности применения образования как одного из основных средств достижения целей уголовной ответственности.

На наш взгляд, ИК № 4 лучше всего подходит для создания такого центра, поскольку является единственным исправительным учреждением Республики Беларусь, в котором содержатся и несовершеннолетние, и взрослые осужденные, в котором есть и школа, и ПТУ, созданы условия для получения высшего образования в дистанционной форме, имеется опыт организации дополнительного образования взрослых, приобретенный с 2010 по 2013 г. в рамках реализации проекта «Образование взрослых для ресоциализации и профессионализации в исправительных учреждениях Гомельской области».

Таким образом, перспективным направлением в области усовершенствования дистанционного обучения осужденных в исправительных учреждениях будет внедрение ЭСО, созданных с использованием компьютерных информационных и коммуникационных технологий. По своему практическому и методическому назначению ЭСО можно подразделить на следующие виды:

1) обучающие программные средства – информационные средства, основное назначение которых заключается в сообщении количества полученных знаний и навыков учебной и практической деятельности и

обеспечение необходимого уровня усвоения, устанавливаемого обратной связью, реализуемой средствами программы;

2) программные средства (системы) – тренажеры, предназначенные для усвоения полученных знаний и отработки навыков, полученных в ходе учебной деятельности, а также осуществления самоподготовки на должном уровне. Данные средства используются при повторении или закреплении ранее пройденного материала;

3) контролирующие программные средства – программы, предназначенные для контроля (самоконтроля) уровня овладения учебным материалом путем проведения тестирования, и т. д.;

4) информационно-поисковые, информационно-справочные программные средства, основное назначение которых заключается в возможности выбора и вывода необходимой пользователю информации. Их методическое назначение – формирование и развитие умений и навыков посредством систематизации информации;

5) имитационные программные средства – упорядоченные системы, предоставляющие и обособляющие отдельно выбранный фрагмент реальности для изучения его основных структурных или функциональных компонентов с помощью некоторого ограниченного числа параметров;

6) моделирующие программные средства произвольной композиции – средства, которые предоставляют в распоряжение обучающегося основные элементы и типы функций для моделирования определенной реальности. Главная задача моделирующих программных средств произвольной композиции заключается в создании модели объекта, явления, процесса или ситуации (как реальных, так и «виртуальных») с целью их изучения, исследования;

7) демонстрационные программные средства, обеспечивающие наглядное представление учебного материала, визуализацию изучаемых явлений, процессов и взаимосвязей между объектами;

8) учебно-игровые программные средства, предназначенные для «проигрывания» учебных ситуаций (например, с целью формирования умений принимать оптимальное решение или выработки оптимальной стратегии действия);

9) досуговые программные средства, используемые для организации деятельности обучающихся во внеаудиторной работе, имеющие целью развитие внимания, реакции, памяти и т. д. [7].

В настоящее время ЭСО отличаются многообразием форм реализации, которые обусловлены как спецификой учебных предметов, так и возможностями современных компьютерных технологий. Современные ЭСО могут быть представлены в виде: компьютерных тренажеров, тестирующих и контролирующих программ, игровых обучающих про-

грамм, программно-методических комплексов; виртуальных лабораторий, лабораторных практикумов; предметно-ориентированных сред (микромиров, имитационно-моделирующих программ); электронных учебников, текстовый, графический и мультимедийный материал которых снабжен системой гиперссылок; наборов мультимедийных ресурсов, справочников и энциклопедий; информационно-поисковых систем, учебных баз данных, интеллектуальных обучающих систем.

Приведенный перечень не может являться исчерпывающим, поскольку в настоящее время происходит активное развитие и модернизация компьютерных технологий, проектирование и создание новых программных продуктов, появляются новые виды ЭСО и формы их реализации.

ЭСО, используемые в образовательном процессе, должны соответствовать общеустановленным требованиям: научности, наглядности, актуальности, доступности, системности и последовательности предъявления материала, самостоятельности и активности деятельности, прочности усвоения знаний, сознательности обучения, единства образовательных, развивающих и воспитательных функций.

Из числа эргономических требований к ЭСО, которые основываются на учете возрастных особенностей учащихся, целесообразно выделить требование, связанное с обеспечением гуманного отношения к обучающемуся, организации в ЭСО интуитивно понятного интерфейса и простоты навигации, свободной последовательности и темпа работы (кроме работы с контрольными и тестовыми заданиями, где время работы строго регламентируется).

Следует отметить значение использования информационно-коммуникационных технологий для формирования информационной культуры осужденных, поскольку только при работе со средствами информационно-коммуникационных технологий осужденные смогут приобрести умения и навыки, необходимые для жизни в информационном обществе, что и предполагает воспитание информационной культуры.

Таким образом, одной из наиболее перспективных форм получения образования осужденными к лишению свободы в Республике Беларусь является обучение с использованием информационно-коммуникационных и образовательных технологий. Внедрение и реализация дистанционного образования в местах лишения свободы является незаменимым аспектом исправления осужденных, их личностного роста и становления, кроме того, способствует дальнейшей социальной адаптации и реабилитации, обеспечивает личностно-ориентированный подход, который предполагает одновременно и дифференциацию, и индивидуализацию обучения.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на реп. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 11-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2020. – 62 с.

2. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 янв. 2011 г., № 243-3 : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-3 : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.12.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Катцова, Т.М. Образование осужденных к лишению свободы как средство достижения уголовной ответственности / Т.М. Катцова ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2018. – 162 с.

5. Использование информационно-образовательных технологий в процессе обучения осужденных как фактор их социальной адаптации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/ispolzovanie-informacionno-obrazovatelnyh-tehnologij-v-processe-obuchenija.html>. – Дата доступа: 21.10.2020.

6. Концепция информатизации системы образования Республики Беларусь на период до 2020 года [Электронный ресурс] : утв. Министром образования Респ. Беларусь, 13 июня 2013 г. // Министерство образования Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://edu.gov.by/doc-437693>. – Дата доступа: 20.10.2020.

7. Использование информационно-коммуникационных технологий и электронных средств обучения в образовательном процессе [Электронный ресурс] // Законодательство Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://belzakon.net>. – Дата доступа: 21.10.2020.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

IX научно-практическая конференция «Совершенствование уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь и практики его применения» (30 апреля 2020 г.)

УДК 343.143

К.В. Карпицкий, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПОНЯТЫХ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Институт понятых в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве существует достаточно давно. Будучи созданным несколько веков назад как средство удостоверения фактов проведения некоторых процессуальных действий, он до настоящего времени сохранился в белорусском уголовно-процессуальном праве и достаточно активно используется при производстве по уголовным делам. Вместе с тем отдельные его положения достаточно дискуссионны и не раз подвергались критике со стороны ученых-процессуалистов из-за трудностей, возникающих как при подборе лиц, привлекаемых в качестве понятых, так и при непосредственном их участии в следственных действиях.

Одним из проблемных аспектов участия понятых в уголовном процессе является соблюдение требований ст. 12 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК), согласно которым «при производстве по материалам и уголовному делу запрещаются действия и решения, унижающие честь и умаляющие достоинство либо *создающие опасность для жизни и здоровья участников уголовного процесса*» (курсив наш. – *К.В. Крапивницкий*) [1].

Анализируя вышеуказанную норму, можно прийти к выводу, что любые действия, которые можно трактовать как опасные для жизни и здоровья понятых будут противоречить одному из основополагающих принципов уголовного процесса – принципу законности. Следует отметить, что в настоящее время в УПК не содержится нормы, разъясняю-

щей, какие действия и решения следует считать опасными для жизни и здоровья участников уголовного процесса. В этой связи ранее в научной литературе уже возникали вопросы о том, является ли безопасным для понятого присутствие при производстве следственного действия, в котором также принимают участие подозреваемый, обвиняемый, имеющие какие-либо инфекционные заболевания (туберкулез, гепатит и т. п.), которыми может заразиться понятой.

В настоящее время в связи с начавшейся во всем мире в марте 2020 г. пандемией коронавируса COVID-19 затронутая проблема представляется особенно актуальной.

Согласно данным новостного интернет-портала «РБС», по состоянию на 30 апреля 2020 г. в мире зарегистрировано 3,21 млн случаев заражения данным вирусом и 227 тыс. летальных исходов. Следует учитывать, что имеют место и латентные случаи, которые не отражены в статистике [2].

Стремительное стихийное распространение заболевания обусловлено достаточно высокой контагиозностью вируса и продолжительным скрытым инкубационным периодом течения болезни. Одной из официальных рекомендаций по предупреждению распространения заболевания, которую дает Всемирная организация здравоохранения, является сокращение числа личных контактов, соблюдение дистанции в общественных местах [3]. По имеющимся данным, коронавирусная инфекция (COVID-19) передается в основном при непосредственном контакте с больным (рукопожатия, объятия), а также воздушно-капельным путем (при кашле, чихании и общении на близком расстоянии). Учитывая вышеизложенное, не вызывает сомнений, что пандемия COVID-19 существенно повлияет на возможности использования института понятых в уголовном процессе, так как граждане будут стремиться уклониться от участия в производстве следственных действий в качестве понятых, чтобы не подвергать себя дополнительному риску инфицирования. И в рассматриваемой ситуации их действия будут вполне обоснованными, так как клинические проявления заболевания и возможность летального исхода свидетельствуют о том, что привлечение понятых к участию в следственном действии в период пандемии коронавируса создает опасность для жизни и здоровья участников уголовного процесса, а такие действия и решения прямо запрещены ст. 12 УПК.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Зако-

нодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Веб-сайт «РосБизнесКонсалтинг» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/19/04/2020/5e2fe9459a79479d102_bada6. – Дата доступа: 10.04.2020.

3. Веб-сайт «Всемирная организация здравоохранения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public>. – Дата доступа: 10.04.2020.

УДК 343.1

В.В. Клачко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

О ГЕНЕЗИСЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ПОДХОДОВ К КЛАССИФИКАЦИИ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Институт мер процессуального принуждения имеет существенное значение как в теории, так и в практической деятельности органов, ведущих уголовный процесс. Рассмотрение данного вопроса позволяет проследить, какие теоретические подходы к классификации мер процессуального принуждения существовали в различные исторические периоды.

В отечественной литературе попытки подразделить меры процессуального принуждения на группы предпринимались еще в дореволюционное время.

Так, например, И.Я. Фойницкий в учебном пособии «Курс уголовного судопроизводства», вышедшем в 1915 г., выделял такие виды мер процессуального принуждения, как:

- меры получения доказательств;
- меры обеспечения явки подсудимого;
- меры обеспечения судебного разбора [1, с. 327].

Е.Г. Васильева различает две группы, которые составляют систему мер уголовно-процессуального принуждения:

- меры обязательного принуждения, в каждом случае применения которых обязательно присутствует принуждение (задержание, меры пресечения, привод и меры уголовно-процессуальной ответственности);
- меры возможного принуждения, в которых принуждение заложено потенциально (следственные действия, для которых предусмотрен принудительный порядок осуществления, отобрание соответствующих подписок и предупреждения об ответственности) [2, с. 23].

В свою очередь, В.Н. Рошин выделяет три группы мер принуждения: меры пресечения;

меры получения доказательств, необходимых для разрешения дела; меры обеспечения порядка в судебных заседаниях [3, с. 75].

З.Ф. Коврига делит меры процессуального принуждения на две большие группы:

- средства пресечения;
- средства обеспечения.

К первой он относит обязательство о явке, задержание, привод, розыск, этапирование, отстранение обвиняемого от должности на период производства предварительного расследования, меры, применяемые к нарушителям порядка в судебном заседании, и т. п.

Ко второй группе он считает целесообразным относить обыск, выемку, помещение обвиняемого в медицинское учреждение, наложение ареста на имущество [4, с. 164].

На наш взгляд, самую точную и подробную классификацию мер процессуального принуждения предложил И.Л. Петрухин.

В качестве критерия разграничения рассматриваемых мер он выделил:

- сферу доказывания;
- сферу обеспеченности законности процессуальных правовых актов;
- сферу реагирования на противоправное поведение;
- сферу гарантий прав личности и сферу превенции.

К сфере доказывания он прежде всего отнес производство следственных и судебных действий по обнаружению и проверке доказательств вопреки желанию соответствующих субъектов уголовного процесса (обыск, выемка, освидетельствование, эксгумация, осмотр, взятие образцов для сравнительного исследования, следственный эксперимент, допрос и иные следственные действия).

В сферу реагирования на противоправное поведение он предложил включить такие меры принуждения, как штрафные санкции в отношении участников, нарушивших уголовно-процессуальный закон, дополняемые в ряде случаев санкциями других отраслей права.

Сфера гарантий прав личности включила в себя принуждение участников к осуществлению их процессуальных прав (процессуальные гарантии в отношении несовершеннолетних, лиц с психическими и физическими недостатками и иных категорий участников уголовного процесса, привлечение переводчика вопреки желанию обвиняемого и т. п.).

К мерам, входящим в сферу превенции, И.Л. Петрухин отнес три подгруппы:

- меры пресечения;

меры предупреждения возможных правонарушений и иных нежелательных действий обвиняемого (отстранение от должности, наложение ареста на имущество);

изменение меры пресечения на более строгую или обращение в доход государства внесенного залога (ст. 120, 124 УПК) [5, с. 294].

Анализ приведенных классификаций позволяет сделать вывод о том, что ученые-процессуалисты, работавшие в разные исторические периоды, приходили к мнению о том, что меры пресечения необходимо выделять в отдельную группу мер принуждения. При этом большинство из них относили к мерам пресечения те средства воздействия на обвиняемого и подозреваемого, которые перечислены в гл. 13 ныне действующего УПК.

Представляется необходимым также обратить внимание на то, что большинство классификаций мер процессуального принуждения относятся к 70–80 гг. прошлого века. С тех пор в отечественном законодательстве произошли серьезные изменения. Кроме того, накоплен определенный опыт использования мер процессуального принуждения в странах ближнего зарубежья, которые подготовили тексты своих уголовно-процессуальных законов в соответствии с Модельным УПК для государств – участников СНГ. Все это обусловило появление новых подходов к классификации мер процессуального принуждения.

В соответствии с уже действующим белорусским уголовно-процессуальным законодательством меры процессуального принуждения классифицируются следующим образом:

задержание;

меры пресечения;

иные меры процессуального принуждения.

Анализ содержания приведенных выше авторских позиций свидетельствует о том, что многие из них в той или иной мере совпадают с современным законодательным подходом.

В заключение следует отметить, что роль теоретической классификации мер процессуального принуждения весьма велика, поскольку позволяет в зависимости от выбранного классификационного основания структурировать всю имеющуюся совокупность мер, придать ей определенную системность и внутреннюю логику, что способствует лучшему пониманию содержания и значения мер процессуального принуждения и их правильному применению.

Список использованных источников

1. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2 / под ред. А.В. Смирнова. – СПб. : Альфа, 1996. – 607 с.

2. Васильева, Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения / Е.Г. Васильева. – Уфа : Изд-во Башкир. гос. ун-та, 2003. – 136 с.

3. Роцин, В.Н. Процессуальное положение подозреваемого в советском уголовном процессе / В.Н. Роцин // Совет. государство и право. – М., 1957. – № 9. – С. 69–75.

4. Коврига, З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение / З.Ф. Коврига. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. – 175 с.

5. Петрухин, И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью) / И.Л. Петрухин. – М. : Юристъ, 1989. – 392 с.

УДК 343.1:004

И.А. Обчинников, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Ю.С. Климович*

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ КАК ПУТЬ ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Исторически сложилось так, что бумага является основным носителем информации по уголовному делу. Различные следственные действия, решения следователя и суда так или иначе находят отражение в письменных процессуальных документах. Даже фотографии, полученные по результатам осмотра места происшествия и иных следственных и процессуальных действий, приобщались к уголовному делу в качестве фототаблиц, оформленных на бумажном носителе. Сложность и многоэпизодность уголовного дела, многочисленные судебные экспертизы, значительное число обвиняемых, свидетелей и потерпевших неизбежно приводит к большому количеству материалов расследования, что, в свою очередь, способствует появлению на свет объемных и тяжеловесных томов уголовного дела. Судебная практика знает немало случаев, когда объем уголовного дела составлял свыше 100 томов. Кроме того, бумага никак не защищена от воздействия огня, вследствие чего уголовное дело легко поддается уничтожению. К сожалению, судебная практика знает ряд случаев, когда уголовные дела подвергались своеобразной девастации и вместе с ними исчезали бесследно все сведения о преступлениях и о лицах, их совершивших [1].

В направлении информатизации уголовного процесса Следственный комитет работает несколько лет. Оптимизировать и упростить работу здесь пытаются именно за счет внедрения различного рода информационных технологий. Конечной целью должно стать создание электрон-

ного уголовного дела. При этом белорусские следователи учитывают наработки и ошибки зарубежных партнеров. В частности, элементы электронного уголовного дела уже внедрены в уголовном процессе Грузии, Казахстана, Армении. По инициативе Следственного комитета, в том числе, внесены изменения в уголовно-процессуальный закон. «Уже более года мы можем допрашивать людей на расстоянии с помощью видеоконференцсвязи. Мы внесли и ряд иных предложений по изменению уголовно-процессуального законодательства. В частности, предлагаем различного рода информационные источники, в том числе видеозапись, рассматривать как самостоятельный источник доказательства. Мы предлагаем избавиться от такого анахронизма в уголовном процессе, как участие понятых, и заменить его каким-то цифровым носителем, в частности, видеозаписью», – отметил И. Носкевич. По его мнению, инновации в уголовном процессе должны укладываться в рамки действующего законодательства [5]. В связи с этим немаловажен вопрос совершенствования уголовно-процессуального законодательства, обеспечение его соответствия требованиям времени, с чем, полагаем, стоит полностью согласиться. Для того чтобы реализовать цели, которые ставит перед собой наука в направлении информатизации уголовного процесса, необходимо в первую очередь адаптировать под эти цели уголовно-процессуальное законодательство. Например, полицейское расследование в Великобритании, осуществляемое сотрудниками полиции, позволяет максимально использовать все современные электронные устройства и компьютерные технологии для фиксации доказательственной информации. Закрепленную в электронных устройствах информацию сторона обвинения представляет в суд и использует при даче устных показаний. В Канаде создана полная регистрация и отслеживание всех произведенных документов, а веб-интерфейс позволяет участникам процесса получать доступ к пакетам раскрытия информации, знакомиться с материалами уголовного дела.

Уголовно-процессуальный закон Германии не исключает использование искусственного интеллекта для осуществления автоматизированного розыска по электронным архивам уголовных дел и иным базам данных (ст. 98а УПК ФРГ). Особенностью австрийского уголовного процесса является также наличие такого следственного действия, как сравнение данных (ст. 141 УПК Австрийской Республики). Данное действие заключается в автоматизированном сравнении информации из одной базы данных, в которой хранятся сведения о возможных подозреваемых, с другими базами данных с целью установления конкретного лица. В рамках такой процедуры обычно сравниваются базы данных различных судов, автоматическому анализу подвергаются персональ-

ные данные, собранные в ходе производств по иным уголовным делам. Сравнение информации осуществляется с помощью специальных программ, основанных на технологиях автоматизированного и интеллектуального поиска [4].

Особенностью четвертой технологической революции являются прорывы в самых различных областях, вследствие чего происходит синтез технологий и их взаимодействие в физических цифровых и биологических доменах. В качестве технологических трендов выступают большие данные, искусственный интеллект, смешанная реальность, нано- и биотехнологии, которые уже трансформируют общество [2].

Главным показателем прогресса является мера принятия обществом технологических новшеств [3, с. 17]. Предполагается создание цифрового государства, настройка законодательства «на новую технологическую реальность» [3].

По нашему мнению, форма уголовного процесса зарубежных стран отражает эффективную оценку борьбы с преступностью, однако использование информационных технологий напрямую зависит от экономики и научного потенциала соответствующего государства. Полагаем, что в настоящее время единственная уголовно-процессуальная форма доказывания, где превалирует бумажно-письменный порядок собирания информации, фактически сдерживает приход информационных технологий в уголовно-процессуальную форму. Необходимо осознать, что в текущий момент уже невозможно качественно синхронизировать новые электронные способы получения и обработки данных с протокольной процедурой следственного действия. Игнорирование этого факта ведет к тому, что сотрудники органов уголовного преследования с опаской используют системы видеоконференцсвязи для допроса, видеозапись вместо участия понятых, так как не уверены, что обеспечат допустимость полученных данных требованиям уголовно-процессуального закона.

Список использованных источников

1. Абдувалиев, А.Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов [Электронный ресурс] / А.Ф. Абдувалиев // Юридические исследования. – 2013. – № 5. – С. 150–164. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=345. – Дата доступа: 25.02.2020.

2. Александров, А.С. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации / А.С. Александров, О.И. Андреева, О.А. Зайцев // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2019. – № 448. – С. 199–207.

3. Шваб, К.М. Четвертая промышленная революция / К.М. Шваб // Исторический контекст : пер. с англ. / К.М. Шваб. – Минск : Изд-во «Эксмо», 2017. – Гл. 1. – С. 208.

4. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран / коллектив авт. под ред. С.В. Зуева ; редкол.: Д.В. Бахтеев [и др.]. – Минск, 2020. – С. 216.

5. Официальный сайт Следственного комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sk.gov.by/ru/news-ru/view/v-minske-proxodit-mezhdunarodnaja-konferentsija-organizovannaja-sledstvennym-komitetom-6254/>. – Дата доступа: 25.02.2020.

УДК 343.1:004

Д.С. Подтероб, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Ю.С. Климович*

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНФОРМАТИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Современное развитие нашего общества неразрывно связано с введением во все сферы жизнедеятельности информационных технологий. Это также коснулось и уголовного процесса. Информатизация в рамках уголовного процесса предполагает переход с бумажного ведения дела на электронное, что приведет к оптимизации и упрощению ведения уголовного делопроизводства.

Сегодня Следственный комитет Республики Беларусь активно разрабатывает собственное электронное уголовное дело.

В Минске 12–13 апреля 2018 г. впервые прошла Международная научно-практическая конференция, посвященная вопросам совершенствования следственной деятельности в условиях информатизации. Были обозначены основные положительные моменты данного процесса. В частности, речь шла:

о сокращении сроков рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях;

расследовании уголовных дел за счет автоматизации процесса составления процессуальных документов, получения необходимых сведений и справочной информации из государственных информационных ресурсов, баз и банков данных организаций путем удаленного доступа; санкционировании процессуальных решений, принимаемых прокурором или судом удаленно в электронном виде;

об ознакомлении с материалами уголовного дела участников в электронном виде;

использовании электронных форм уведомления и вызова участников процесса;

уменьшении риска уничтожения и подделки документов;

сокращении бумажного документооборота;

укреплении гарантий граждан через возможность подавать заявления, ходатайства, обращения в электронном виде, знакомиться с информацией о прохождении документов по инстанциям;

улучшении качества статистических сведений о состоянии преступности и следственной работы [1].

Таким образом, наше государство уже стоит на пороге начала информатизации в области уголовного процесса. Однако, несмотря на все доводы в пользу информатизации уголовного процесса, готова ли наша уголовно-процессуальная форма к таким кардинальным преобразованиям? Для ответа на поставленный вопрос следует вернуться к классической модели понимания уголовного процесса.

Прежде всего следует помнить, что наша смешанная форма уголовного процесса «заточена» под письменную форму, что несколько тормозит развитие уголовного процесса. Нужно для начала внести ряд изменений в уголовный процесс, что позволит более оперативно изменять его с развитием науки и общества в целом. Например, уголовный процесс Германии, как и белорусский, взял свои начала из уголовного процесса французского, несмотря на это у законодателя Германии более «мягкий» уголовный процесс, он сделал его более поддающимся изменениям. Примером такого раскрепощения может служить отсутствие в УПК этой страны определений. Законодатель понимает, что эта сфера прежде всего ученых, и дабы не тормозить развитие процесса, не закрепляет их на законодательном уровне.

В Российской Федерации происходят аналогичные процессы. Там они называются цифровизацией, однако такие российские ученые, как И.Н. Цветкова, А.С. Александров, С.В. Зуев склоняются к тому, что принципиально важна следующая последовательность в преобразованиях правовой основы противодействия преступности: вначале осуществление реформы досудебного производства, что позволит в полной мере применять новшества информатизации и упростит работу органов предварительного расследования, а уже потом цифровая трансформация уголовно-процессуального устройства.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что в первую очередь необходимо определить основные моменты, препятствующие развитию информатизации, устранить их на законодательном уровне путем внесения изменений в уголовно-процессуальный закон, а уже потом переходить к процессам развития информационных технологий [2, с. 625].

Белорусский уголовный процесс крайне сходный с процессом Российской Федерации. Как в Российской Федерации, так и в Республи-

ке Беларусь основным источником доказательств является протокол следственного действия. Ученые склоняются к тому, что сохранение его в качестве основного средства фиксации доказательственной информации не соответствует сущности информации, представленной в электронном виде. Соответственно возникает вопрос, как «синхронизировать» требования процессуальной формы в части составления протокола с необходимостью исследования виртуальных следов, находящихся в различных компьютерных сетях и облачных хранилищах данных. В технологическом плане сотрудники давно готовы самостоятельно либо с помощью специалистов проводить онлайн-обыски, допросы с помощью видеоконференцсвязи, извлекать информацию с различных электронных носителей. Однако все это тормозится боязнью нарушить требования о допустимости таких данных, которые нужно «упаковать в прокрустово ложе» протокольной формы. Большую часть доказательственной информации получают в ходе оперативно-розыскной деятельности, а также фиксируют автоматизированными системами контроля в общественных местах. Бесполезным и бессмысленным является копирование таких данных при производстве следственного действия в протокол. Применение технических средств фиксации хода и результатов следственных действий при обнаружении и исследовании следователем, специалистом, другими участниками процесса следов преступления более эффективно, чем протоколирование [3, с. 201].

В случае неисполнения данных условий электронное уголовное дело не ускорит уголовное производство, а лишь загрузит органы предварительного расследования и превратится в простое дублирование бумажного дела.

В итоге можно сделать вывод о том, что наш уголовный процесс еще не готов для полномасштабной информатизации. Необходимо постепенно изменить доктринальные подходы к пониманию уголовно-процессуального доказательства, сформировав понятие «электронное доказательство». В противном случае это приведет не к облегчению и оптимизации работы, а к лишней нагрузке и дублированию бумажных носителей информации.

Список использованных источников

1. Официальный сайт Следственного комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sk.gov.by/ru/news-ru/view/v-minske-proxodit-mezhdunarodnaja-konferentsija-organizovannaja-sledstvennym-komitetom-6254/>. – Дата доступа: 25.02.2020.

2. Зуев, С.В. О современной концепции развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве (РИТВУС) / С.В. Зуев // ФГАОУ ВО «Южно-Ур. гос. ун-т». – 2019. – С. 619–629.

3. Александров, А.С. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации / А.С. Александров, О.И. Андреева, О.А. Зайцев // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2019. – № 448. – С. 199–207.

УДК 343.98

Е.Д. Прусенко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Г.А. Павловец*

О РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА ПО НЕПОСРЕДСТВЕННО ВОЗНИКШЕМУ ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В ходе производства по материалам и уголовному делу участники уголовного процесса, защищающие свои права, далеко не всегда могут в полной мере обеспечить реализацию своих прав и свобод. Причиной тому во многом служит их естественная юридическая некомпетентность ввиду отсутствия соответствующего образования. Отсюда возникает необходимость в юридической поддержке таких лиц со стороны государства.

Право на юридическую помощь – одно из важнейших процессуальных средств, при помощи которых закон обеспечивает защиту граждан. Оно закреплено в международных договорах и в нормах Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция).

Так, согласно п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах: «Каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения как минимум на следующие гарантии на основе полного равенства: если он не имеет защитника, быть уведомленным об этом праве и иметь назначенного ему защитника в любом случае, когда интересы правосудия того требуют» [1].

В свою очередь, ст. 62 Конституции устанавливает, что каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде [2].

Данная норма закрепляет одну из гарантий прав и свобод человека, в роли которой выступает право на квалифицированную юридическую помощь. Важно осознать, что осуществление прав и свобод, их защита требуют правовых познаний, причем нередко – специальных, которые доступны лишь профессиональным юристам. Право является, пожалуй,

самым сложным видом социальных норм, но именно оно определено в ст. 7 Конституции верховным регулятором общественных отношений. Статус личности в Беларуси закрепляется не только Конституцией, но и международными договорами, законами, другими нормативными правовыми актами. Довести нормативные правовые акты до всеобщего сведения, как того требует часть четвертая ст. 7 Конституции, не значит довести их до всеобщего понимания. Отслеживать все эти акты, глубоко разбираться в их положениях под силу только юристам [3, с. 1053].

Согласно п. 6 ч. 2 ст. 41 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) подозреваемый имеет право иметь защитника или нескольких защитников с момента объявления ему постановления органа уголовного преследования о возбуждении против него уголовного дела, о признании его подозреваемым, о задержании или постановления о применении меры пресечения [4, с. 39–40].

Данное положение конкретизируется в ч. 2 ст. 45 УПК, где указано, что участие защитника обеспечивается с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела в отношении лица, а также с момента фактического задержания, применения меры пресечения, признания лица подозреваемым или предъявления обвинения, а также с момента заявления подозреваемым (обвиняемым) ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [4, с. 45].

Определенный интерес представляет именно участие защитника с момента фактического задержания лица. Нужно отметить, что на практике вопрос о своевременности реализации права подозреваемого на защитника при такой трактовке законодателя остается нерешенным по некоторым моментам. Во-первых, задержание по непосредственно возникшему подозрению может происходить, если лицо застигнуто при совершении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния или непосредственно после его совершения. Во-вторых, при фактическом задержании лица в таких условиях нередко местом его задержания является местность, «далекая от юридической консультации», а время задержания предсказать заранее невозможно, по естественным причинам. Как результат – должностные лица, осуществившие задержание, физически неспособны обеспечить гражданину реализацию его конституционного права на юридическую помощь, несмотря на то, что УПК и предписывает обязательное участие защитника при фактическом задержании лица.

Учитывая вышеизложенное, стоит отметить, что в настоящее время существует правовая неопределенность в вопросе об обязательности участия защитника при фактическом задержании лица. Представляется, что наиболее взвешенным решением может стать редактирование соот-

ветствующей статьи, регулирующей обязательность защитника, а именно удаление обеспечения участия защитника именно при фактическом задержании лица, при этом правовой статус подозреваемого не теряет своего содержания.

Список использованных источников

1. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : принят резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генер. Ассамблеи ООН 16 дек. 1966 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.
2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на реп. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0; 2004. – № 188. – 1/6032.
3. Пляхимович, И.И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь : в 2 т. Т. 2 / И.И. Пляхимович. – Минск : Амалфея, 2015. – 984 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 343.1

Н.Т. Савельев, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

О ПЕРСПЕКТИВАХ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Стремительное развитие информационных технологий, современные способы фиксации и передачи информации затрагивают все сферы человеческой деятельности, оказывая влияние и на сферу правосудия.

Перспективы использования информационных технологий в области досудебного и судебного производства привели к появлению нового понятия «электронное правосудие». С точки зрения И.Ю. Кирвеля, «под электронным правосудием следует понимать государственную деятельность, осуществляемую судом по рассмотрению и разрешению гражданских и уголовных дел, с использованием информационных технологий в процессуальной форме» [1].

По содержанию этот термин представляет собой способ реализации правосудия, который основан на использовании информационных технологий.

Полномасштабное применение элементов электронного правосудия в экономических судах Республики Беларусь началось в 2010 г., позволив оптимизировать судопроизводство и минимизировать время рассмотрения судебных дел. Уже тогда применялись следующие элементы «электронного правосудия»:

- подача электронных копий документов;
- электронное расписание судебных заседаний;
- размещение резолютивной части отдельных постановлений в online-режиме на портале судов Республики Беларусь [2].

Впоследствии процесс внедрения электронного правосудия продолжился и сегодня проник уже во все сферы судопроизводства (от конституционного до уголовного).

Активно идет внедрение систем электронного правосудия и за рубежом. Результаты этой деятельности позволяют выделить ряд положительных моментов:

- во-первых, внедрение электронной коммуникации между судом и участниками процесса приводит к сокращению сроков рассмотрения дел и снижению почтовых затрат;

- во-вторых, ведение дела в электронной форме позволяет мгновенно получать доступ к необходимым документам или судебным актам, а также избавляет от ручной транспортировки дел из архива;

- в-третьих, использование специально разработанных автоматизированных электронных систем для судопроизводства значительно облегчает контроль над процессуальными сроками, датами судебных заседаний, существенно влияет на срок рассмотрения дела в целом, позволяет сортировать, систематизировать и представлять судье информацию о деле и его участниках;

- в-четвертых, несомненным является преимущество в использовании электронных архивов, так как это ведет к снижению экономических затрат на архивацию, а также позволяет хранить документы более длительный срок без ущерба для них [3].

Вместе с тем использование информационных технологий не всегда возможно, так как отсутствует надлежащая законодательная база, которая регулировала бы установленный порядок обращения с ними. Отраслевое законодательство меняется достаточно сдержанно и постепенно, что не в полной мере способствует активному внедрению и развитию электронного правосудия.

В настоящее время в системе судов общей юрисдикции продолжается целенаправленная работа по внедрению информационных технологий в сферу судопроизводства. Прежде всего она направлена на повышение качества и эффективности правосудия, его оперативности и доступности.

сти. При этом необходимо понимать, что технологии не должны подменять и вытеснять суть и сущность правосудия и к тому же они должны сопровождаться своевременными корреспондирующими изменениями на законодательном уровне [4].

В 2018 г. Верховный Суд Республики Беларусь приступил к разработке основной и самой масштабной подсистемы автоматизированной системы судов общей юрисдикции (АИС СОЮ) – подсистемы судебного делопроизводства. В рамках модернизации АИС СОЮ к 2021 г. предполагается обеспечить, во-первых, автоматизацию выполнения функций судебного делопроизводства. Однократный ввод материалов уголовного дела в АИС СОЮ позволит минимизировать обрабатываемую информацию, исключить ее дублирование в системе, предоставить судам разных инстанций возможность работать с одним электронным делом. Во-вторых, автоматизированное формирование статистических и иных отчетов как по конкретному суду, так и по выбираемой группе судов, по областям, республике. В-третьих, будет обеспечена возможность для судебного администратора получать информацию о движении конкретного уголовного дела, а также об исполнении поручений по всей судебной системе. Предполагается создание единой, гибкой системы поиска информации, расширение применения технологии электронной цифровой подписи для обеспечения легитимности электронных документов в рамках электронного документооборота и судебного делопроизводства, а также мобильного клиента и системы защиты информации [5].

Новым перспективным направлением в сфере информатизации является развитие нашей национальной системы аудио-, видеофиксации, протоколирования и видеоконференцсвязи (подсистема фиксации), которая станет аналогом дорогостоящих зарубежных систем. Уникальность такой подсистемы фиксации в возможности ее полной интеграции с подсистемой судебного делопроизводства АИС СОЮ и системой видеоконференцсвязи [5].

Таким образом, несмотря на то что действующее законодательство Республики Беларусь базируется преимущественно на бумажной форме документов, однако на современном этапе развития общества внедрение электронного правосудия уже неизбежно. Этот процесс начат и ведется достаточно активно. Вместе с тем расширение сферы использования электронных технологий должно сопровождаться своевременными соответствующими изменениями на законодательном уровне.

Список использованных источников

1. Кирвель, И.Ю. Электронное правосудие: понятие, сущность, перспективы [Электронный ресурс] / И.Ю. Кирвель // Электронная библиотека УО «Гроднен-

ский государственный университет им. Янки Купалы». – Режим доступа: <http://elib.grsu.by/katalog/152806-315013.pdf>. – Дата доступа: 28.04.2020.

2. О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам совершенствования гражданского судопроизводства [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 1 июля 2014 г., № 175-3 : в ред. Закона от 15.07.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр» ; Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=68483. – Дата доступа: 28.04.2020.

3. Хацук, Ж.В. Электронные доказательства в судебном процессе / Ж.В. Хацук // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Серыя 4, Правазнаўства. – 2014. – № 4. – С. 37–46.

4. Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice/press_office/724d3b1d11664278.html. – Дата доступа: 28.04.2020.

5. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2019/june/36284>. – Дата доступа: 28.04.2020.

УДК 343.1

Н.Д. Стулевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Г.А. Павловец*

О ЗАКРЕПЛЕНИИ ЗА ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦОМ СТАТУСА УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Прежде чем ввести в уголовный процесс Республики Беларусь юридическое лицо в качестве одного из участников уголовного процесса, следует остановиться в целом на возможности привлечения юридического лица к уголовной ответственности. В теории по данному вопросу нет единой позиции. Ряд авторов придерживаются точки зрения, согласно которой введение института уголовной ответственности юридических лиц является объективной необходимостью [1]. Приверженцы противоположного мнения убеждены, что юридические лица не могут быть субъектом преступления и подлежат лишь гражданско-правовой и административной ответственности, меры которых вполне эффективны [2]. Учитывая масштаб возможных изменений законодательства, которые могут быть вызваны введением подобных мер, необходимо подробнее рассмотреть позицию ученых, выступающих за признание юридического лица субъектом уголовной ответственности. В числе предпосылок, по мнению сторонников института, – значительная роль

организаций в гражданском обороте, что определяет большую общественную опасность их противоправных деяний. Как следствие, меры юридической ответственности, предусмотренные отечественным законодательством (административным, гражданским), представляются им недостаточными для решения задач по противодействию преступности. К числу основных аргументов сторонников привлечения юридических лиц к уголовной ответственности необходимо также отнести трудность определения реальных виновных лиц, что вызвано, с одной стороны, невозможностью однозначно определить ответственное за принятие незаконного решения лицо, а с другой стороны, проблемой определения вины лица, которое хотя и знало о незаконной деятельности юридического лица, но ничего не могло с этим сделать [3]. Кроме того, сложилась такая ситуация, когда за одно и то же деяние, совершенное физическим лицом от имени или в интересах юридического лица, возбуждаются и расследуются дела в рамках уголовного и административного процессов. Для обеспечения рационального расходования государственных средств представляется целесообразным расследование совершенных юридическими лицами или от их имени преступлений в рамках уголовного процесса, что требует закрепления юридического лица как участника уголовного процесса. Поэтому данный вопрос заслуживает особого внимания, поскольку подобная новелла потребует системной перестройки не только уголовного законодательства, но и иных отраслей права.

В настоящее время юридическое лицо не может быть признано подозреваемым или обвиняемым в преступлении, поскольку оно не является субъектом преступления и не подлежит уголовной ответственности. Вместе с тем юридическое лицо может нести материальную ответственность за действия физического лица, совершившего преступление, поскольку, согласно ст. 54 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК), оно может быть признано гражданским ответчиком. Так, гражданским ответчиком признается физическое или юридическое лицо, на которое в силу закона и в связи с предъявленным в ходе производства по уголовному делу иском может быть возложена материальная ответственность за действия обвиняемого, причинившего вред в результате совершения указанного в уголовном законе общественно опасного деяния, и в отношении которого орган, ведущий уголовный процесс, вынес постановление о признании его гражданским ответчиком [4].

В случае введения института уголовной ответственности юридических лиц представляется необходимым закрепить процессуальный статус юридического лица, привлекаемого в качестве обвиняемого.

Учитывая особенность юридического лица как субъекта правоотношений, необходимо определить особый порядок ведения производства по материалам и уголовным делам в отношении юридических лиц. Представляется целесообразным обратиться к опыту иностранных государств, уже имеющих закрепленный в уголовном законе институт уголовной ответственности юридических лиц. Так, согласно ст. 521 Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова уголовное преследование в случае привлечения к ответственности юридического лица осуществляется при участии законного представителя юридического лица. В случае когда начато уголовное преследование в отношении юридического лица ведется по тому же деянию или по смежным деяниям и в отношении его законного представителя, орган уголовного преследования назначает представителя юридического лица для представления юридического лица в качестве обвиняемого. Законный представитель или, в зависимости от обстоятельств, назначенный представитель юридического лица представляет юридическое лицо при осуществлении процессуальных действий [5]. Аналогичный порядок содержится и в Уголовно-процессуальном кодексе Азербайджанской Республики. Так, согласно ст. 487-2 УПК Азербайджанской Республики производство по применению уголовно-правовых мер в отношении юридического лица осуществляется при участии представителя юридического лица. Статья 487-3 УПК Азербайджанской Республики устанавливает, что в качестве представителя юридического лица, в отношении которого ведется производство по применению уголовно-правовых мер, выступает лицо, которое обладает удостоверенной в нотариальном порядке доверенностью для представления его законных интересов. Представитель пользуется всеми правами и выполняет все обязанности, которые предусмотрены для обвиняемого (осужденного), за исключением прав и обязанностей, которые могут быть отнесены только к физическому лицу [6].

Таким образом, в государствах, в которых введен институт уголовной ответственности юридических лиц, производство по уголовным делам в отношении юридического лица, совершившего преступление, осуществляется при участии представителя юридического лица, через которого оно осуществляет свои права и исполняет обязанности. Вышеописанный опыт, а также опыт других государств, закрепивших институт уголовной ответственности юридических лиц, необходимо учитывать в случае внесения отечественным законодателем изменений и дополнений, устанавливающих уголовную ответственность юридических лиц.

Список использованных источников

1. Качалов, В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против [Электронный ресурс] / В.В. Качалов // Научная электронная библиотека. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>. – Дата доступа: 21.04.2020.
2. Власов, И.С. О введении в России института уголовной ответственности юридических лиц [Электронный ресурс] / И.С. Власов // Научная электронная библиотека. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>. – Дата доступа: 21.04.2020.
3. Кашепов, В.П. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления [Электронный ресурс] / В.П. Кашепов // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп., внес. Законом Респ. Беларусь от 9 янв. 2019 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 480 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 14 марта 2003 г., № 122-XV : в ред. Закона Респ. Молдова от 29.11.2018 г. // Центр документов Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>. – Дата доступа: 24.04.2020.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : 14 июля 2000 г., № 907-IQ : в ред. Закона Азербайдж. Респ. от 01.05.2018 г. // Центр документов Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>. – Дата доступа: 24.04.2020.

УДК 343.98

Т.Н. Уласевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Г.А. Павловец*

УСЛОВИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ЗАДЕРЖАНИЯ

Обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан в настоящее время является одним из приоритетных направлений деятельности государства. Так, в соответствии со ст. 21 Конституции Республики Беларусь «Обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства... Государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства» [1]. Ярким примером применения этих норм является обеспечение прав и

законных интересов лица, задержанного по подозрению в совершении преступления должностными лицами органа уголовного преследования, применявших такую меру процессуального принуждения, как задержание.

Так, задержание напрямую связано с ограничением конституционных прав и свобод человека и гражданина. В настоящее время действующее уголовно-процессуальное законодательство устанавливает целый ряд условий, которые нужно соблюсти, чтобы задержание было законным. В соответствии с ч. 2 ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) задержание может быть применено только:

1) к лицу, подозреваемому в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы или ареста;

2) к обвиняемому для предъявления обвинения либо в случае нарушения условий примененной к нему меры пресечения;

3) к осужденному, в отношении которого имеется представление уполномоченного на то органа об отмене приговора, определения, постановления суда об условном неприменении наказания, отсрочке исполнения наказания или условно-досрочном освобождении от отбывания наказания [2].

В настоящее время самым распространенным видом задержания является задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления в порядке ст. 108 УПК. В связи с этим необходимо особое внимание уделить именно этому виду задержания.

Как отмечал В.В. Бабурин: «Вмешательство в личную свободу, стеснение прав не может быть беспредельным, не ограниченным определенными рамками, ибо в таком случае возможна трансформация принуждения из правоохранительного средства в орудие произвола» [3, с. 17]. Эти границы допустимости задержания устанавливают предусмотренные процессуальными нормами основания задержания.

Под основаниями задержания понимают предусмотренные уголовно-процессуальным законом определенные фактические данные, позволяющие подозревать лицо в совершении преступления [4, с. 23].

В ч. 1 ст. 108 УПК указано, что лицо, подозреваемое в совершении преступления, может быть задержано действующим в пределах своей компетенции органом уголовного преследования при наличии любого из следующих оснований:

1) если лицо застигнуто при совершении указанного в уголовном законе общественно опасного деяния или непосредственно после его совершения.

Указанное основание условно можно подразделить на два момента: при совершении преступления и после его совершения. Первый момент

означает, что лицо находится в момент задержания вблизи места совершения преступления, т. е. оно задерживается, когда непосредственно выполняет объективную сторону преступления. Ко второму моменту стоит относить случаи, если к моменту обнаружения лица, совершившего преступление, противоправные действия уже завершены, либо это лицо застигнуто уже в ином месте, но непосредственно после ухода с места происшествия.

2) если очевидцы происшествия, в том числе и лицо, пострадавшее от преступления, прямо укажут на данное лицо как на совершившее общественно опасное деяние, указанное в уголовном законе, или захватят его в порядке, предусмотренном ст. 109 УПК.

Это основание отражает связь лица, совершившего преступление, с преступлением посредством мысленного образа, запечатленного в сознании лица непосредственно наблюдавшего за его деяниями.

3) если на этом лице, при нем, на его одежде или других используемых им вещах, в его жилище, иных используемых им помещениях, на рабочем месте или транспортном средстве обнаружены явные следы, указывающие на его причастность к совершению общественно опасного деяния, указанного в уголовном законе.

Говоря о восприятии следовой картины, законодатель ведет речь именно о материальных следах, предметах и веществах, которые указывают на причастность лица к совершению преступления. А также ключевым является наличие не просто материальных следов, а явных следов. К таким можем отнести следы, абсолютно точно указывающие на причастность лица к совершению преступления, что исключает возможность другого объяснения их некриминального происхождения.

4) если имеются другие достаточные основания подозревать в совершении преступления лицо при условии, что оно пыталось скрыться с места преступления или от органа уголовного преследования, или не имеет постоянного места жительства, или проживает в другой местности, или не установлена его личность.

Под другими достаточными основаниями можно понимать любые сведения, которые позволяют выдвигать версии о причастности лица к преступлению.

По мнению Л.И. Кукрещ, последнее основание применимо при наличии двух его составляющих:

должны иметь место фактические данные (доказательства), указывающие на причастность лица к преступлению. Но достоверность этих данных не столь убедительна, как в первых трех вышеизложенных основаниях. Например, один из соучастников преступления указывает на участие в совершении общественно опасного деяния другого лица; на месте

происшествия были обнаружены предметы, принадлежащие этому лицу, и другие обстоятельства, указывающие на возможность его участия в преступлении. Это могут быть и оперативно-розыскные данные, и показания лица, не являющегося очевидцем преступления, и т. п.;

задержать по указанным основаниям можно только при наличии хотя бы одного из предусмотренных законом условий, а именно: лицо пыталось скрыться с места преступления или от органа преследования; лицо не имеет постоянного места жительства; лицо проживает в другой местности; не установлена личность лица. Именно эти условия при наличии указанных, чаще всего подвергаемых сомнению, оснований обуславливают необходимость и возможность задержания лица, попавшего под подозрение [5, с. 226].

Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев в своих трудах говорят о том, что для задержания лица существуют не только основания, а существует еще определенный перечень обязательных условий, соблюдение которых необходимо при задержании лица, подозреваемого в совершении преступления. К данным условиям относятся:

1) наличие в отношении лица подозрения в совершении преступления, за которое Законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы;

2) задержание должен осуществлять специально на то уполномоченный субъект;

3) возбужденное уголовное дело по факту преступления, в совершении которого лицо подозревается [6, с. 169–170].

Считаем, что соблюдение последнего условия в приведенном перечне необязательно, так как в соответствии с ч. 2 ст. 108 УПК задержание по основаниям, предусмотренными ч. 1 и 1¹ настоящей статьи, может производиться до возбуждения уголовного дела.

Таким образом, только наличие в каждом индивидуальном случае целей, условий, мотивов и оснований задержания будет свидетельствовать о законности и обоснованности задержания лица, подозреваемого в совершении преступления.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс]: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. (с изм. и доп.) // Консультант-

Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Бабурин, В.В. Незаконное задержание: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты : монография / В.В. Бабурин, П.Л. Сурихин. – Красноярск : Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2004. – 196 с.

4. Ахрамеева, О.В. Права граждан при задержании : учеб. пособие / О.В. Ахрамеева. – Ставрополь, 2015. – 43 с.

5. Кукреш, Л.И. Уголовный процесс. Общая часть : учеб. пособие / Л.И. Кукреш. – Минск : Тесей, 2005. – 352 с.

6. Алексеев, Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев ; науч. ред.: Н.С. Алексеев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 252 с.

Научно-практическая конференция «Актуальные вопросы совершенствования правового регулирования экономических отношений в Республике Беларусь» (16 июня 2020 г.)

УДК 343.4

И.И. Андреева, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.С. Гальцов*

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

С точки зрения истории правового регулирования государственных закупок, начало становления системы государственных закупок в Республике Беларусь относится к 1993 г. К основным нормативным правовым актам, регулировавшим порядок осуществления закупок товаров (работ, услуг) за счет государственных средств того периода, можно отнести Гражданский кодекс Республики Беларусь, а также Закон Республики Беларусь от 24 ноября 1993 г. № 2588-ХІІ «О поставках товаров для государственных нужд», вступивший в силу с 1 января 1994 г.

Законом были установлены основные требования к порядку формирования, размещения и выполнения на контрактной (договорной) основе заказов на поставку товаров для государственных нужд, а также установлено обязательство по определению поставщиков на конкурсной основе.

В законодательстве Республики Беларусь понятие закупки товаров, работ и услуг впервые было сформулировано в Положении о подготовке и проведении тендеров на закупку товаров, работ и услуг за счет средств республиканского бюджета, а также по проектам, финансируемым за счет средств иностранных кредитов, привлекаемых под гарантии Правительства Республики Беларусь, утвержденном Министерством экономики Республики Беларусь 12 июня 1996 г. № 14/08-1418, Министерством финансов Республики Беларусь 14 июня 1996 г. № 40 и Министерством внешних экономических связей Республики Беларусь 14 июня 1996 г. № 1/3142. Это положение было признано утратившим силу в связи с принятием постановления Совета Министров Республики Беларусь от 13 декабря 1999 г. № 1944 «О некоторых вопросах осуществления закупок товаров, работ и услуг за счет средств республиканского бюджета и внешних государственных займов» (далее – постановление № 1944).

Согласно Положению о порядке осуществления закупок товаров, работ и услуг за счет средств республиканского бюджета и внешних государственных займов, утвержденному постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 декабря 1999 г. № 1944, закупка – это приобретение путем заключения договоров (контрактов закупки) купли-продажи (поставки), аренды (включая финансовую) товаров, подряда, выполнения научно-исследовательских опытно-конструкторских и технологических работ, возмездного оказания услуг, перевозки, транспортной экспедиции, полностью или частично финансируемое за счет средств республиканского бюджета (полностью или частично), кредитов, льготлируемых за счет средств республиканского бюджета, и внешних государственных займов.

Действовавшим законодательством определялись перечень процедур закупок, возможных к применению для приобретения товаров (работ, услуг), условия и порядок их проведения. Конкурентность и открытость проводимых процедур закупок обеспечивались размещением информации о их проведении в газете «Рэспубліка», а также в любом другом официальном печатном издании. Кроме того, заказчику предоставлялась возможность дополнительно опубликовать тендерное приглашение в любых других печатных изданиях, в том числе и имеющих международное распространение, а также направить персональное приглашение известным ему поставщикам.

Следующим этапом в развитии системы государственных закупок в Республике Беларусь можно назвать период действия постановления Совета Министров Республики Беларусь от 19 мая 2003 г. № 652 «О некоторых вопросах осуществления закупок товаров, работ и услуг», сменившего постановление № 1944, в котором понятие закупки товаров, работ

и услуг было в целом сохранено, лишь уточнялись источники финансирования закупок, которыми являлись (полностью или частично) средства республиканского бюджета, государственных целевых бюджетных, внебюджетных и инновационных фондов, внешних государственных займов, а также иные средства организаций, имущество (доли в уставных фондах) которых находится в республиканской собственности.

Абсолютным нововведением функционирования системы государственных закупок в данный период явилось требование о размещении информации о проводимых процедурах закупок в специализированном печатном издании – информационно-аналитическом бюллетене «Конкурсные торги в Беларуси и за рубежом», а также в открытом доступе в сети Интернет – информационной системе «Тендеры».

В 2004 г. постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 26 октября 2004 г. № 236 утверждена и введена в действие Инструкция о порядке размещения приглашений к участию в тендерах и иных видах процедур закупок, информации о проведенных тендерах. Согласно данной инструкции у заказчиков возникает обязательство по размещению всех приглашений к участию в конкурентных процедурах закупок, а также сообщений о результатах их проведения в открытом доступе в информационной системе «Тендеры». Таким образом, начиная с 2004 г. сайт <http://www.icetrade.by/> становится единым источником информации о закупках Республики Беларусь.

25 августа 2006 г. был издан Указ Президента Республики Беларусь № 529 «О государственных закупках» (далее – Указ № 529), а также принято постановление Совета Министров Республики Беларусь от 7 декабря 2006 г. № 1632 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 529» (далее – постановление № 1632). Данные нормативные правовые акты дают определения понятию «государственная закупка».

На смену Указу № 529 и постановлению № 1632 в 2008 г. приходят Указ Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2008 г. № 618 «О государственных закупках в Республике Беларусь» (далее – Указ № 618) и постановление Совета Министров Республики Беларусь от 20 декабря 2008 г. № 1987 «О некоторых вопросах осуществления государственных закупок».

Согласно данным нормативным правовым актам государственные закупки, проводимые заказчиками, тесно привязываются к годовому плану закупок, утверждаемому еще в начале года. Указом № 618 дается определение ориентировочной стоимости закупки как стоимости приобретаемых товаров (работ, услуг), рассчитанной исходя из потребности в предмете закупки, определенной в годовом плане государствен-

ных закупок, с учетом конъюнктуры товарного рынка и представляющую собой общую сумму платы за нее, включая налог на добавленную стоимость и другие возможные налоги, сборы и платежи.

Кроме того, нововведением 2008 г. можно назвать законодательное закрепление запрета на изменение условий договора, заключенного по результатам проведения процедуры государственной закупки, если такие изменения влекут дополнительное расходование бюджетных средств либо уменьшение количества закупаемых товаров (работ, услуг), либо ухудшение их качества.

9 декабря 2010 г. правительствами Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан было подписано Соглашение о государственных (муниципальных) закупках, которое установило единые требования к системе организации и проведения процедур государственных закупок в государствах – членах Таможенного союза.

Таким образом, абсолютным нововведением для Республики Беларусь явилось введение в перечень видов процедур государственных закупок еще одной процедуры – электронный аукцион. Основным отличием указанной процедуры от ранее применяемых явилось то, что подача предложений, да и в целом весь документооборот в рамках процедуры, должна была осуществляться только в форме электронных документов. Кроме того, участникам было предоставлено право в режиме реального времени сформировать цену своего предложения, поэтапно снижая ее в ходе торгов.

УДК 343.4

Н.А. Есаков, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.С. Гальцов*

ОЦЕНКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПОЗИЦИИ РИСКА

Обращение к статистическим данным итогов работы Комитета государственного контроля (КГК) и других контролирующих органов Республики Беларусь свидетельствует о том, что Республике Беларусь присущ определенный уровень нарушений в сфере хозяйственной деятельности. Так, например, по данным КГК, Департаментом финансовых расследований КГК выявлено 834 преступления (в 2017 г. – 1 130), 48 % из которых – тяжкие. По результатам проведенных мероприятий в до-

ход государства обращено денежных средств, в том числе от реализации товарно-материальных ценностей, в размере 71,5 млн р. (84,7 млн р.). Пресечена деятельность десяти организованных преступных групп. Данные статистики позволяют задать правомерный вопрос: операции, которые были признаны нарушающими законодательство Республики Беларусь, носили ли правомерный рискованный характер или все же это был плод некомпетентности сотрудников субъектов хозяйствования и их нигилистического отношения к законодательству, регулирующему хозяйственную деятельность? Интересен также вопрос, учитывают ли контролирующие органы проблематику риска при выявлении нарушений при ведении хозяйственной деятельности и определение ответственности за них?

По нашему мнению, при осуществлении контрольной деятельности и оценке бизнеса обязательным является оценка различного рода рисков, а также способы его снижения. По общему правилу любой предпринимательской деятельности органически присущ риск. Так, если обратиться к понятию «предпринимательской деятельности – это самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления», можно отметить присутствие термина «риск», указанное в Гражданском кодексе Республики Беларусь, можно сделать вывод о том, что предпринимательская деятельность предполагает ведение хозяйственной деятельности в условиях риска.

Определение риска, его место в предпринимательской деятельности, источники риска, способы управления риском трактуются руководителями субъектов хозяйствования и должностными лицами контролирующими органами по-разному. Так, руководители должностных лиц считают оправданным совершать рискованные, экономические и финансовые операции, что, по их мнению, позволит преодолеть проблемные аспекты и в конечном итоге получить прибыль.

В свете изложенного ставим перед собой задачу: определение макро- и микроэкономической сущности предпринимательского риска. Так, по общему правилу риск определяется как вероятность ущерба (убытка, неудачи) вследствие неопределенности результата. В свою очередь, риск в экономической деятельности заключается в возможности недостиже-

ния цели, ожидаемых результатов реализации принятого решения или осуществления запланированной деятельности вследствие объективно существующей неопределенности. Следует констатировать, что риск в экономической деятельности возникает при любых видах хозяйственной деятельности, связанной с производством и реализацией продукции, товарно-денежными и финансовыми операциями, что, в сущности, не противоречит юридическому содержанию понятия «предпринимательская деятельность».

Как правило, риск воспринимается как возможность потери, хотя по определению любое возможное отклонение (+/–) от прогнозируемой величины есть отражение риска.

Учитывая то, что управленческие решения принимают конкретные люди, можно сказать, что фактор риска носит субъективный характер: оценщики, уверенные в будущем росте компании, определяют ее текущую стоимость выше по сравнению с аналитиком, составляющим пессимистический прогноз. Различия в оценках рисков ведут к множеству заключений о стоимости предприятия. При этом в условиях развития цифровой экономики и внедрения информационно-коммуникационных технологий факторы риска будут носить компьютерно-программный характер.

Оценка деятельности фондовых рынков и торговых площадок позволяет сделать вывод о том, что текущая стоимость компании, деятельность которой связана с высоким риском, ниже, чем текущая стоимость аналогичной компании, но функционирующей в условиях меньшего риска.

Анализ научных источников позволяет разделить риски на макроэкономические и микроэкономические (внутрифирменные).

В свою очередь, макроэкономические риски можно разделить на мировые и региональные.

К мировым макроэкономическим рискам следует отнести: отсутствие политических и социальных катаклизмов в ведущих мировых странах; военных конфликтов в регионах, оказывающих влияние на мировые экономические процессы; стабильность финансовых рынков; мировые цены на энергоносители, и т. д.

К региональным макроэкономическим факторам следует отнести: уровень инфляции; темпы экономического развития страны; изменение ставок процента; изменение обменного курса валют; уровень политической стабильности в регионе и т. д.

Плагаем, следует рассмотреть некоторые региональные макроэкономические факторы.

Инфляционный риск – это риск непрогнозируемого изменения темпов роста цен. Инвестор стремится получить доход, покрывающий инфляционное изменение цен.

Высокая или непрогнозируемая инфляция может свести к нулю ожидаемые результаты производственной деятельности, обеспечивает перераспределение доходов в экономике и повышает предпринимательский риск. Результатом является занижение реальной стоимости имущества предприятия.

В процессе оценки сопоставляются данные ретроспективные, текущие и будущие (прогнозируемые). Стоимость, полученная в различные годы, может сравниваться только в том случае, если стоимость денежной единицы не меняется. Однако практически изменение стоимости денежной единицы происходит каждый год (как правило, в сторону повышения).

Рассматривая риск, связанный с изменением темпов экономического развития, можно отметить, что цикличность рыночной экономики определяет необходимость учитывать при расчетах общее состояние экономического развития и ожидаемые темпы экономического роста на ближайшую перспективу.

Таким образом, следует отметить, что существует четыре основных способа снижения риска в деятельности производственной системы.

1. Распределение риска между всеми участниками проекта, т. е. передача части риска другим исполнителям.

2. Страхование деятельности – передача риска страховой компании.

3. Резервирование средств на покрытие непредвиденных расходов и потерь.

4. Диверсификация деятельности. Под диверсификацией понимается сокращение риска с помощью портфельных инвестиций (приобретение широкого круга ценных бумаг).

Каждый из этих методов снижения риска имеет определенную цену.

УДК 349.6

В.О. Мурга, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

ПРАВОВАЯ ОХРАНА КЛИМАТА: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ

Одна из важнейших проблем мирового масштаба современности, требующая незамедлительной разработки и реализации эффективных и научно обоснованных механизмов ограничения неблагоприятного

антропогенного воздействия на климатическую систему является изменение климата на международном уровне. Республика Беларусь выступает стороной многочисленных международных договоренностей в сфере охраны климата, а также приняла на себя обязательство по созданию нормативно-правовой базы, которая обеспечивает предотвращение опасных изменений климата.

Сравнительно недавно актуализировались экологические проблемы на нашей планете – к концу прошлого века. Обострение их связано с интенсивным увеличением численности населения мира, с необходимостью использования огромного количества природных ресурсов, с проблемой утилизации отходов, перерабатывающей промышленности, развитием автомобилестроения и т. д. В результате эти факторы явились причиной возникновения глобальных проблем в сфере экологии, решить которые возможно посредством реализации принципа международного сотрудничества государств. Таким образом, решение экологических проблем на планете возможно лишь путем установления диалога между государствами при определении направлений сотрудничества в сфере охраны окружающей среды.

Климат (от греч. klima – наклон) – многолетний режим погоды в той или иной местности, определяемый географическими условиями этой местности; результат климатообразующих процессов, непрерывно протекающих в атмосфере: приток, преобразование, отдача и перенос тепловой, кинетической и других форм энергии, испарение, конденсация и перенос влаги и т. д. [1, с. 287].

Большинство ученых считают, что основным фактором, влияющим на потепление климата, которое продолжается уже более 100 лет, являются промышленные выбросы газов, создающих парниковый эффект и способствующих повышению температуры атмосферы [2, с. 36].

Глобальное потепление – это повышение средней температуры климатической системы Земли. Парниковый эффект – это задержка атмосферой Земли теплового излучения планеты. Данное явление каждый из нас наблюдал. Например, в теплицах температура всегда выше, чем снаружи.

Способность адаптации к изменениям климата зависит от благосостояния страны. Беднейшие страны станут наиболее уязвимыми. Они имеют право требовать от развитых стран, которые в большей степени ответственны за значительную часть выбросов парниковых газов, принятия решительных мер, направленных на снижение негативных последствий изменения климата.

Всю серьезность изменений, к которым привела экономика индустриально развитых стран, необходимо осознать и предвидеть их. Важ-

но помогать наиболее уязвимым экосистемам адаптироваться к новым климатическим условиям. Правительства разных стран уже сейчас обязаны учитывать эти новые условия при долгосрочном планировании экономического развития государств.

Что касается выбросов парниковых газов, то Рамочная конвенция отводит международному рынку выбросов парниковых газов важнейшую роль в решении данной проблемы. Следует отметить, что условием для совершения углеродных сделок и оборота углеродного товара является инвентаризация выбросов парниковых газов, формирование национального реестра углеродных единиц. В Республике Беларусь сформирована нормативная правовая база, которая обеспечивает создание институциональной организационной системы для формирования углеродного рынка, поэтому в Республике Беларусь создан национальный реестр углеродных единиц, государственный кадастр выбросов парниковых газов, определены принципы инвентаризации парниковых газов, порядок представления, рассмотрения и мониторинга климатических проектов, принимаются меры, направленные на сокращение налоговой нагрузки при реализации проектов с эффектом сокращения выбросов парниковых газов.

Законодателями Республики Беларусь уже проделана значительная работа в направлении нормативного урегулирования вопросов антропогенного воздействия на климат. Но на данный момент в Беларуси отсутствует определение понятия климата, которое было бы легальным, а законодательство о его охране нуждается в усовершенствовании. В связи с тем, что изменение климата является, в том числе, естественной научной проблемой, при определении его понятия как объекта права и переводе его свойств в юридическую плоскость.

Киотский протокол сыграл немаловажную роль в решении глобальных климатических проблем в связи с выбросом парниковых газов, однако у этого документа имеются и недостатки. Страны, на долю которых приходится основной объем выбросов парниковых газов, не заинтересованы в его выполнении. Неравномерно распределены обязанности между странами – участниками Киотского протокола. Из-за этого страны с переходной экономикой находятся в аналогичных условиях наряду с развитыми странами, которые в большей мере влияют на изменения климата. Например, развивающиеся страны тратят в 50–100 раз меньше средств на сокращение выброса одной тонны CO₂, нежели индустриальные страны с высоким уровнем промышленного производства. Киотский протокол имеет и множество противоречий. Но обязательства по первому периоду Киотского протокола выполнены полностью, а по второму периоду, рассчитанному до 2020 г., выполняются.

Необходимо усовершенствование системы государственного управления с учетом климатоохранительного фактора, развития инвестиционной политики и законодательства, укрепления сотрудничества между государствами экономического союза, с целью разработки соответствующего климатического правового регулирования на региональном уровне. Для Беларуси формирование правовых рамок для осуществления отчетности предприятий о выбросах парниковых газов – основы для использования рыночных и нерыночных механизмов регулирования воздействия на климат представляется актуальным.

Белорусское законодательство требует преобразований по вопросам охраны климата в части более активного и комплексного использования как традиционных административных, так и экономических методов регулирования в целях снижения объема выбросов парниковых газов, перехода на новые (возобновляемые) источники энергии и повышения энергоэффективности, использования наиболее современных экологически безопасных технологий, а также стимулирования добровольных инициатив хозяйствующих субъектов и гражданского общества по сокращению антропогенного воздействия на климат, включая применение налоговых льгот и субсидирования (с учетом территориальных особенностей различных регионов страны) и другие методы.

Список использованных источников

1. Экологическое право : учеб. пособие / С.А. Балащенко [и др.] ; под ред. Т.И. Макаровой, В.Е. Лизгаро. – Минск : БГУ, 2008. – 379 с.
2. Константинов, В.М. Охрана природы / В.М. Константинов. – М. : Издат. центр «Академия», 2000. – 240 с.
3. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХП : в ред. от 16.12.2019 г. № 269-3 // Бизнес-инфо. Беларусь / ООО «Профессиональные правовые системы», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 349.6

Д.С. Рудаковский, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ, КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Сегодня мир живет в эпоху, когда информационные технологии и киберпространство стали неотъемлемой частью общества и каждого индивида в отдельности. Киберпространство представляет огромные

возможности для упрощения и улучшения всей жизнедеятельности человечества, однако возникают и новые угрозы, связанные с появлением преступности в данной сфере.

Киберпреступность (англ. *cybercrime*) – это преступность, связанная как с использованием компьютеров, так и с использованием информационных технологий и глобальных компьютерных сетей. Под киберпространством «*cyberspace*» понимается физическое и нефизическое пространство, созданное или сформированное следующим образом: компьютеры, компьютерные системы, сети, их компьютерные программы [1].

Основой киберпреступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности, являются незаконные предпринимательская и банковская деятельность, а также организация и проведение азартных игр, что, в свою очередь, приводит к созданию теневой экономики и черного рынка товаров и услуг. Однако если еще несколько десятилетий назад все операции осуществлялись банками, то сегодня международный перевод денежных средств можно совершить в киберпространстве. Благодаря своей анонимности и «безграничности» киберпространство дает почти любые возможности по приданию легальной формы преступному доходу. Интернет является местом осуществления всей мировой торговли, где возникают предпосылки для «отмывания денег», что является еще одним способом легализации. Данное обстоятельство образует множество трудностей в вопросах квалификации деяний, поиска и привлечения к ответственности виновных лиц, усложняет доказывание совершенных преступлений, а также создает условия для укрепления организованной киберпреступности. Глобальная всемирная паутина и образованное ею киберпространство создали единственную среду и уникальные условия для осуществления киберпреступлений. Поэтому возникают трудности в правоприменительной практике, и это, в свою очередь, приводит к необходимости усовершенствования законодательства [2].

Инновационные средства взаимосвязи технологизируют интеллектуальную активность. Появляется определенно новая система иного характера, в критериях данной системы технологизация интеллектуальной активности заменяет культуру в целом; информационные системы перевоплощаются в базу всех передовых технологий. Информационные системы приняли статус интеллектуального метода решения научно-технических, юридических, теоретических задач. Данный термин представляет собой интенсивный вариант информационного сообщества. Эту теорию следует определить как новый шаг теоретического осмысления задач информационного общества [3].

Меры правового характера предупреждения экономической преступности в первую очередь должны быть ориентированы на повышение качества законотворческой деятельности, практики исполнения за-

конов, усиления гражданско-правовых, экономических, корпоративных средств поддержания порядка в сфере экономики, упреждающих ее криминализацию.

В заключение отметим, что предупреждение экономической преступности в Республике Беларусь следует рассматривать на двух уровнях – общесоциальном и специально-криминологическом. Однако специфика детерминации подобной преступности дает основание полагать, что в ее предупреждении целесообразно делать акцент именно на общесоциальный уровень предупреждения, т. е. на реализацию мероприятий социально-экономического, политического, идеологического и правового характера. Таким образом, продуманная и четко выстроенная стратегия предупреждения экономической преступности в Республике Беларусь на общесоциальном уровне направлена на оздоровление криминологической обстановки в стране, что позволяет в некоторой степени нивелировать необходимость осуществления мероприятий предупредительного характера на специально-криминологическом уровне, касающихся в большей своей части выявления и устранения факторов, способствующих совершению отдельных видов преступлений в сфере экономической деятельности.

Список использованных источников

1. Сериева, М.М. Киберпреступность как новая криминальная угроза / М.М. Сериева // Новый юрид. вестн. – 2017. – № 1.
2. Киданова, Н.Л. Актуальные проблемы современности – экономические преступления, совершаемые в киберпространстве / Н.Л. Киданова // Вестн. Бел. ЮИ МВД России. – 2018. – № 1.
3. Одинцов, С.А. Развитие теорий информационного общества и понятия «киберпространство» / С.А. Одинцов, А.В. Ващенко // Науч. журн. КубГАУ. – 2016. – № 121.

УДК 349.6

Е.Б. Тетерук, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

ПРИНЦИПЫ «ЗЕЛеной» ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Принципы «зеленой» экономики устанавливают важнейшие параметры состояния экономической системы. Перечень включает в себя десять принципов, они были предложены Коалицией «зеленой» экономики на Совете управляющих ЮНЕП. Рассмотрим принципы подробнее.

Устойчивость как принцип означает, что посредством формирования «зеленой» экономики достигается стабильность развития. «Зеленая» экономика выступает способом реализации и обеспечения устойчивости. «Зеленая» экономика определяет здоровое состояние природной среды и направлена на развитие благосостояния для всех. «Зеленая» экономика включает в себя цели устойчивого формирования экологического, социального и экономического порядка и вырабатывает смешанные методики и планы, которые направлены на достижение эффективных результатов во всех вышеперечисленных направлениях [2, с. 50].

Справедливость как принцип указывает на то, что «зеленая» экономика нацелена на справедливость и равноправие между государствами, а также между поколениями. Данная экономика обеспечивает реализацию прав человека и культурного развития, гендерного равенства и принимает в учет знания, умения, навыки, опыт и вклад каждого человека.

Достоинство как принцип означает, что «зеленая» экономика каждому индивиду стремится обеспечить достойный уровень жизни и снизить процент нищеты. «Зеленая» экономика приводит к тому, что растет уровень человеческого развития во всех государствах. Она устремлена на то, чтобы обеспечить высокий уровень обеспеченности продовольствием, доступ для всех к услугам здравоохранения, получению образования, обеспеченности чистой водой, должному уровню санитарии и др. [1, с. 68].

В связи с необходимостью восстановления утраченного биоразнообразия и возрождения разрушающихся природных механизмов большое значение имеет такой принцип «зеленой» экономики, как принцип здоровой планеты. В данном контексте «зеленая» экономика помогает уменьшать уровень загрязнения нашей планеты, занимается охраной экологических систем, поддерживает целостность биологического разнообразия, помогает рачительно расходовать природные ресурсы. Благодаря этому перспективы будущих поколений не ставятся под угрозу.

Принцип участия подразумевает, что «зеленая» экономика инклюзивна и прозрачна, ее основа – это научные исследования, активное и открытое участие всех заинтересованных субъектов. «Зеленая» экономика принимает в учет существующие возможности граждан, а также содействует тому, что все люди на всех уровнях могут принимать участие в управлении [3, с. 13].

Такой постулат «зеленой» экономики, как надлежащее управление и подотчетность, включает в себя то, что должны обеспечиваться измеримость и прозрачность данной экономики. «Зеленая» экономика устанавлиывает границы для проведения оптимального контроля над всеми производствами и рынками, при этом итоги движения вперед можно определить и на микро-, и на макроуровне.

Гибкость как принцип означает, что «зеленая» экономика занимается улучшением всех действующих систем социальной защиты, охраны природы, «зеленая» экономика стремится обеспечить готовность к возникновению экстремальных ситуаций, климатических бедствий, а также быструю адаптацию к ним [3, с. 14].

Применительно к «зеленой» экономике такой принцип, как эффективность и достаточность, означает то, что благодаря ему реализуется правило «загрязнитель платит». Благодаря этому достигаются нулевая эмиссия и нулевые расходы, поддерживаются ресурсоэффективность и оптимальное использование воды, внедряются экологические, социальные, экономические нововведения.

Очень важен принцип поколений, который заключается в том, что «зеленая» экономика вкладывает средства и силы как в настоящее, так и в будущее. Благодаря этому достигается справедливость между поколениями, сохраняются ресурсы, растет уровень качества жизни в перспективе, оказывается воздействие на сферу финансов для того, чтобы она вкладывала деньги в развитие «зеленых» технологий [2, с. 50].

Принцип равного распределения богатства подразумевает, что назначение «зеленой» экономики – это содействие справедливому распределению всех благ внутри государств и между государствами, снижение разрыва между богатыми и бедными и достижение как социальной, так и экономической справедливости для справедливого и устойчивого размещения мировых ресурсов.

Такой принцип, как экономическая справедливость, означает, что «зеленая» экономика, применяя правило общей и дифференцированной ответственности, имеет цель формирования таких экономических партнерств, которые бы передавали значимую денежную и техническую помощь странам со слабой экономикой для того, чтобы уменьшить разрыв между богатым и бедным миром и защитить экологическую устойчивость на планете [4, с. 32].

Принцип равенства между поколениями подразумевает, что все наличные экологические ресурсы, действующие экосистемы необходимо детально контролировать и охранять для того, чтобы повысить значимость экологических активов планеты для потомков. Благодаря реализации такого принципа будет достигнуто справедливое удовлетворение их нужд и процветание.

Необходимо соблюдать принцип предосторожности «зеленой» экономики, так как в случае научной неопределенности могут не приниматься нужные меры для предотвращения разрушения природной среды.

Такой принцип, как право на развитие, подразумевает, что развитие индивида согласованно и гармонично с природной средой существен-

ным образом влияет на достижение устойчивого развития. Для этого важно обеспечивать такие условия, чтобы как отдельные люди, так и целые общества имели возможность добиваться хороших социальных и экологических результатов [2, с. 51].

Принцип интернализации внешних эффектов включает в себя тот факт, что формирование реальной эколого-социальной ценности необходимо выдвинуть в ключевую цель политики. Для этого рыночные цены должны показывать истинные как социальные, так и экологические издержки и выгоды. Благодаря этому загрязнитель будет покрывать все издержки на загрязнение.

Большое значение имеет также такой принцип, как международное сотрудничество, так как использование экологических нормативов и стандартов в отдельных странах необходимо организовать во взаимодействии со всем международным сообществом с учетом понимания потенциального влияния на возможности развития других государств [5, с. 83].

Международная ответственность. Действия в пределах национальных границ могут вызывать экологические последствия за пределами национальных юрисдикций.

Устойчивое потребление и производство. Необходимо внедрять устойчивое производство и потребление при рациональном и справедливом использовании ресурсов.

Справедливый переход. Безусловно, для перехода к низкоуглеродной «зеленой» экономике в целях устойчивого развития необходимы затраты. Некоторые государства и субъекты могут лучше перенести эти издержки при переходе, чем другие, так как они более устойчивы к подобным переходным изменениям [3, с. 15].

Новые показатели благополучия. Необходимо пересмотреть показатели благополучия – ВВП является неподходящим инструментом измерения социального благосостояния и целостности окружающей среды. Многие социально-экологические действия приводят к росту ВВП – например, эксплуатация ископаемых видов топлива.

Так, в соответствии с принципами «зеленой» экономики в Республике Беларусь уделяется особое внимание экологическим вопросам: реализуются государственные программы, совершенствуется законодательство, разрабатываются основополагающие документы в области охраны окружающей среды и рационального природопользования.

Список использованных источников

1. «Зеленая» экономика. Новая парадигма развития страны / С.Н. Бобылев [и др.] ; под общ. ред. А.В. Шевчука. – М. : СОПС, 2014. – С. 66–71.

2. Михайлова, А.А. «Зеленая» экономика: концепция, роль в мировом сообществе и Республике Беларусь / А.А. Михайлова ; науч. рук. Л.П. Авдашкова // Актуальные проблемы мировой экономики и менеджмента : материалы Международ. интернет-конф. студентов и магистрантов, Гомель, 21 дек. 2017 г. / Белкоопсоюз, Белорус. торг.-экон. ун-т потреб. кооперации ; под науч. ред. М.В. Тимошенко. – Гомель, 2017. – С. 50–51.

3. Никоноров, С.М. К «зеленой» экономике через «зеленые» финансы, биоэкономику и устойчивое развитие / С.М. Никоноров // Рус. политология. – 2017. – № 3. – С. 12–15.

4. Пискулова, Н.А. Помощь развивающимся странам в области охраны окружающей среды / Н.А. Пискулова // Вестн. междунар. орг. – 2011. – № 2 (33). – С. 26–34.

5. Бобылев, С.Н. Новая зеленая экономика для мира и России / С.Н. Бобылев // Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. Устойчивое развитие и вызовы Рио / под ред. С.Н. Бобылева ; Программа развития ООН, ООН РА ИЛФ. – М., 2013. – С. 81–94.

Круглый стол
«Проблемы применения и совершенствования
уголовного законодательства»
(22 октября 2020 г.)

УДК 343.23

Д.П. Балахонов, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *Ю.Ф. Маиталер*

О ДОБРОВОЛЬНОМ ОТКАЗЕ
ОТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В белорусском уголовном законе одной из поощрительных норм является «добровольный отказ от преступления». Данное обстоятельство рассматривается Уголовным кодексом Республики Беларусь (УК) как основание отказа государством от привлечения лица к уголовной ответственности. С помощью этой нормы государство стимулирует лицо отказаться от начатой преступной деятельности.

В соответствии со ст. 15 УК добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовительных действий либо прекращение действия или бездействия, непосредственно направленного на совершение преступления, если лицо сознавало возможность дове-

дения преступления до конца. Деяние, в отношении которого осуществлен добровольный отказ, не влечет уголовной ответственности. Лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности лишь в том случае, если фактически совершено им деяние содержит признаки иного преступления.

Исходя из данного понятия, по нашему мнению, условиями добровольного отказа являются: добровольность, окончательность, возможность доведения преступления до конца.

Добровольность отказа от совершения преступления означает, что решение было принято лицом только по своей воле, без принуждения другими лицами либо из-за смены обстановки. Лицо, отказывающееся от преступления, руководствуется различными мотивами: раскаяние, жалость к жертве, страх, трусость и т. п. Если лицо сознавало возможность завершить начатое преступление, то отказ от преступления будет добровольным независимо от содержания мотива принятого решения. В случае совершения отказа от преступления под принуждением либо из-за смены обстановки общественная опасность лица сохраняется, а следовательно, признак добровольности исключается.

Окончательность отказа от преступления означает, что лицо раз и навсегда отказывается от совершения преступления. При этом у лица отсутствуют намерения продолжить совершение преступления в будущем. У лица исчезает умысел на совершение преступления. Однако если лицо приостанавливает совершение преступления для того, чтобы совершить его в более удобное время или при более удобных обстоятельствах, общественная опасность и необходимость уголовной ответственности сохраняется.

Возможность доведения преступления до конца означает осознание лицом того, что оно может успешно и беспрепятственно завершить преступление. Например, виновный с целью изнасилования довел потерпевшую до беспомощного состояния, применив алкогольные напитки или наркотики, и, осознавая, что он может довести преступление до конца и никто ему не помешает это сделать, пожалел жертву и отказался от изнасилования.

Указанные признаки взаимосвязаны, однако являются самостоятельными, поэтому только установление их совокупности дает возможность правильно выявить наличие в деянии лица добровольного отказа. К тому же совокупность вышеуказанных признаков позволяет определить стадии, на которых возможен добровольный отказ.

Проведенный анализ позволил выявить одну из проблем данного института, которой является вопрос стадий, на которой лицо может добровольно отказаться от преступления. Возможность добровольного отказа

от преступления на стадии приготовления и неоконченного покушения, как полагают ученые, является очевидной и бесспорной. Тем не менее по поводу осуществления добровольного отказа от преступления на стадии оконченного покушения единого мнения нет.

Большинство специалистов считают возможным добровольный отказ на стадии оконченного покушения (Э.А. Саркисова, Н.Ф. Кузнецова, А.А. Абдульманов, Р.С. Балаев, В.М. Хомич и др.) [1, с. 230; 2, с. 177; 3, с. 211; 4, с. 108; 5, с. 36]. Однако ряд ученых (Н.А. Бабий, Е.В. Новикова, Н.Д. Дурманов, К.А. Панько и др.) [6, с. 252; 7, с. 217; 8, с. 202; 9, с. 74] считают это невозможным.

Изучив детально материалы по данной проблематике, можно прийти к выводу, что под добровольным отказом понимается добровольное и окончательное прекращение лицом преступных деяний на стадии приготовления и неоконченного покушения, когда лицо сознает возможность завершения преступления. Считаем, что осуществить добровольный отказ возможно тогда, когда еще не завершено выполнение объективной стороны преступления. Так, на стадии оконченного покушения объективная сторона выполнена полностью и продолжать уже нечего, а следовательно, не от чего отказываться. При этом добровольный отказ как раз и предполагает осознание лицом возможности продолжить свои действия. Равным образом не может быть признан добровольный отказ при отказе от повторной попытки после неудачной первой [9, с. 202; 10, с. 57].

Таким образом, норма, которая дана в современном уголовном законе Республики Беларусь не дает ответа, на какой стадии возможен добровольный отказ от преступления. Считаем, что отсутствие единого мнения по этому вопросу затрудняет процесс квалификации добровольного отказа от совершения преступления и ставит правоприменителя в трудное положение. Решение данной проблемы поможет устранить противоречия между теорией и практикой, облегчить процесс правильного установления в деяниях добровольного отказа, а также улучшит обеспечение принципов уголовного закона и уголовной ответственности.

Список использованных источников

1. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть : учебник / Э.А. Саркисова ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд., пересмотр. и доп. – Минск : Академия МВД, 2017. – 599 с.
2. Учебник уголовного права. Общая часть / [С.В. Бородин, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова и др.] ; под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М. : Спарк, 1996. – 411 с.
3. Уголовное право России : учебник : в 2 т. Т. 1 : Общая часть / под ред. Н.Г. Кадникова. – М. : ИД «Юриспруденция», 2018. – 436 с.

4. Балаев, Р.С. Добровольный отказ от совершения преступления (уголовно-правовой и социально-психологический подход к исследованию проблемы) / Р.С. Балаев // Вестн. Калинингр. фил. С.-Петербур. ун-та МВД России. – 2014. – № 4. – С. 106–109.

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. : [с учетом изм. и доп., по сост. на 19 июля 2019 г.] / Т.П. Афонченко [и др.] ; под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 997 с.

6. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н.А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 663 с.

7. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. И.О. Грунтова, А.В. Шидловского. – Минск : Издат. центр БГУ, 2014. – 727 с.

8. Дурманов, Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н.Д. Дурманов. – М. : Госюриздат, 1955. – 210 с.

9. Панько, К.А. Добровольный отказ от преступления по советскому уголовному праву / К.А. Панько ; [науч. ред. В.В. Труфанов]. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. – 147 с.

10. Гринь, М. Отказ от повторной попытки совершения деяния не свидетельствует о добровольном отказе от преступления / М. Гринь, А. Клюев // Рос. юстиция. – 2003. – № 1. – С. 57–58.

УДК 343.615.1

А.М. Кайко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Ю.Е. Духовник*

ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УМЫШЛЕННОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКИХ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ

Жизнь и здоровье являются одними из наиболее важных охраняемых государством благ человека. Уголовное законодательство отводит приоритетное место охране жизни и здоровью человека, что отражено в задачах Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК), среди которых указана охрана человека, а также подтверждается местом расположения преступлений против жизни и здоровья человека в системе Особенной части УК, которые расположены сразу за преступлениями против мира и безопасности человечества. В связи с этим, на наш взгляд, представляется небезынтересным рассмотреть отдельные проблемные аспекты регламентации ответственности за посягательства на указанные блага.

Самым распространенным общественно опасным деянием среди преступлений против жизни и здоровья является умышленное причинение тяжких телесных повреждений (ст. 147 УК). Так, в 2019 г. среди всех осужденных за преступления указанной группы практически 27 % составили лица, осужденные за умышленное причинение тяжких телесных повреждений [1]. При этом в следственной и судебной практике при применении уголовно-правовых норм об ответственности за умышленное причинение тяжких телесных повреждений возникают затруднения, в связи с чем, на наш взгляд, стоит определить возможные направления совершенствования ст. 147 УК с целью устранения вышеуказанных затруднений.

Предлагаем обратить внимание на следующие направления:

1) в ч. 1 ст. 147 УК одним из не опасных для жизни тяжких телесных повреждений указано прерывание беременности. В то же время ничего не говорится о психическом отношении виновного лица по отношению к данному общественно опасному последствию, которое выражается в заведомости для него такого состояния потерпевшей. Подобного рода ситуация позволяет предположить, что в отношении лица в результате чьих действий наступит прерывание беременности допустимо объективное вменение, которое будет выражено в том, что лицо привлечет к уголовной ответственности без наличия вины, т. е. без осознания им наличия состояния беременности потерпевшей. Но такое толкование недопустимо, так как к уголовной ответственности привлекается лишь лицо при установлении его виновности за совершенное преступление.

При этом анализируемое преступное деяние с субъективной стороны совершается только умышленно и в виду конструкции состава преступления как материального, то умысел лица должен быть направлен именно на причинение общественно опасных последствий в виде тяжких телесных повреждений. Поэтому считаем, что для устранения ситуаций, порождающих правовую неопределенность, и в целях единообразного толкования данного вида общественно опасных последствий правоприменителем необходимо внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 147 УК и изложить в следующей редакции: «... прерывание беременности женщины, заведомо для виновного находящейся в таком состоянии ...»;

2) в ч. 1 ст. 147 УК заболевание наркоманией либо токсикоманией как разновидность не опасных для жизни тяжких телесных повреждений не включено в допустимый вариант. Считаем, что указанные заболевания обладают той степенью общественной опасности, которая характерна для возможных последствий в результате преступного деяния, в связи с чем целесообразно ввести данное последствие в диспозицию ч. 1 ст. 147

УК в следующей редакции: «...повлекшего ... психическое расстройство, заболевание наркоманией либо токсикоманией...»;

3) представляется, что привлекательность и приятность для окружающих и самого человека в его образе не заключается только в таких частях тела, как лицо или шея, но имеет более широкий спектр. Так, для человека несомненно важна с точки зрения привлекательности и приятности форма его ног и рук, состояние кожных покровов тела, и в случае причинения им вреда в виде обезображивания также причинит значительные психические страдания потерпевшему, вплоть до попыток суицида.

В связи с этим предлагаем изменить анализируемый вид общественно опасных последствий и изложить его в ч. 1 ст. 147 УК в следующей редакции: «...неизгладимое обезображивание части тела»;

4) также считаем необходимым разобраться в словообразовании термина «обезображивание», используемого при определении тяжких телесных повреждений.

Данный термин образуется от глагола совершенного вида «обезобразить», что означает «обезображивание» является результатом обезображивания. Обезображивание от глагола несовершенного вида «обезображивать», т. е. это процесс. Из этого следует, что обезображивание можно определить как действие, направленное на повреждение черт лица в результате воздействия различных факторов (например физических, химических, биологических и др.). Исходя из проведенного анализа, представляется закономерно использовать термин «обезображивание» как более корректный. В связи с этим предлагаем внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 147 УК и изложить в следующей редакции: «...либо выразившееся в неизгладимом обезображивании лица или шеи».

Таким образом, проведенное исследование позволяет резюмировать, что реализация вышеопределенных направлений совершенствования законодательства об уголовной ответственности за умышленное причинение тяжких телесных повреждений, как представляется, позволит придать единообразие следственно-судебной практике применения ст. 147 УК, а также в большей мере будет способствовать соблюдению уголовно-правовых принципов законности, равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма.

Список использованных источников

1. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2019 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/. – Дата доступа: 21.05.2020.

И.Л. Нечаев, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *Ю.Ф. Маиталер*

ОБ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЗНАКАХ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Сегодня белорусское уголовное законодательство состоит из множества статей, которые содержат оценочные понятия. Они расположены как в Общей части уголовного закона, так и в Особенной. В Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК) часто встречаются такие оценочные понятия, как «существенный вред», «малозначительность», «особая жестокость», «тяжкие последствия» и др.

В уголовном законе имеются и признаки, сходные с оценочными, но не являющиеся таковыми. Так, например, хищением в значительном размере признается хищение на сумму, в 40 и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, что закреплено в примечании к гл. 24 УК. Особенностью же оценочных признаков является то, что они не закреплены в уголовном законе, а разъясняются в процессе правоприменительной деятельности.

В белорусском уголовном праве главную роль в разъяснении оценочных понятий играет Верховный Суд Республики Беларусь. Так, например, в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2005 г. № 8 «О судебной практике по делам о нарушении правил безопасности при производстве работ, правил охраны труда и пожарной безопасности (ст.ст. 302–306 УК)» дается разъяснение термина «строительные работы»: «Применительно к ст. 303 УК к строительным работам следует относить все виды таких работ, производимых как на строительной площадке, так и вне ее. К работам, выполняемым на строительной площадке в связи с возведением, реконструкцией, ремонтом, передвижением или сносом жилых зданий, помещений и сооружений, относятся земляные, каменные, бетонные, монтажные, демонтажные, изоляционные, кровельные, отделочные, погрузочно-разгрузочные и другие. Работы вне строительной площадки связаны с ремонтом и прокладкой линий связи, электросетей, дорог, канализации, коммуникаций газоснабжения, водоснабжения, теплоснабжения и иных инженерных сетей.». В свою очередь, выносить решение по уголовному делу, основываясь на постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, нельзя,

поскольку источником уголовного законодательства является только УК (ч. 2 ст. 1 УК).

Однако нельзя забывать о важности разъяснений оценочных понятий, осуществляемых Пленумами Верховного Суда Республики Беларусь, на которых основывается формирование общих определений (дефиниций), так как именно от них впоследствии должны отталкиваться субъекты в процессе уголовного судопроизводства и в них Верховный Суд пытается реагировать на совершаемые ошибки, связанные с применением норм, имеющих оценочные понятия, которые приводят к изменению или отмене судебного приговора.

Главными причинами совершения ошибок, по нашему мнению, которые суды допускают при применении оценочных норм, являются: отсутствие рекомендаций касательно содержания оценочных понятий, установление круга явлений, входящих в охват определенных оценочных понятий, включение в число признаков, которые характеризуют конкретные оценочные понятия, других оценочных понятий.

Таким образом, улучшению эффективности применения уголовно-правовых норм, включающих в себя оценочные понятия, могут способствовать разработки объективных критериев, которые помогли бы конкретизировать нормы с оценочными понятиями. Однако до сих пор отсутствуют комплексные исследования на данную тему. Например, к критериям можно было бы отнести отсутствие в конкретизируемых нормах иных оценочных понятий либо отсылочных норм.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. О судебной практике по делам о нарушении правил безопасности при производстве работ, правил охраны труда и пожарной безопасности (ст.ст. 302–306 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 28 сент. 2005 г., № 8. – Режим доступа: http://www.court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/vspup/dcac6bd740963e4b.html. – Дата доступа: 10.10.2020.

Н.Д. Стулевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Н.И. Козелецкая*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

В ходе дискуссии о необходимости установления уголовной ответственности юридических лиц в Республике Беларусь выявляется ряд проблемных аспектов реализации указанного института, которые нуждаются в более детальном изучении и проработке. Основными аргументами противников уголовной ответственности юридических лиц являются: несоответствие краеугольным принципам уголовного права, необходимость системной перестройки уголовного и смежного с ним законодательства, отсутствие специфических для уголовного права санкций в отношении юридических лиц, а также признание фиктивного характера юридических лиц в качестве субъекта ответственности, что не позволяет привлекать их к уголовной ответственности.

Напротив, сторонники введения уголовной ответственности юридических лиц утверждают, что в настоящее время у Республики Беларусь есть ряд международных обязательств, которые, по их мнению, невозможно выполнить без введения уголовной ответственности юридических лиц, благодаря чему отечественное законодательство было бы приведено в соответствие с международными стандартами.

Одна из наиболее значимых сфер применения института уголовной ответственности юридических лиц, по мнению ряда экспертов, является борьба с коррупцией [1]. Положения о введении уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения содержатся в ряде международных договоров, участницей которых является Республика Беларусь.

Так, ст. 18 Конвенции Совета Европы 1999 г. об уголовной ответственности за коррупцию предписывает принять законодательные и иные меры, направленные на то, чтобы юридические лица могли быть привлечены к ответственности в связи с совершением физическим лицом уголовных правонарушений, заключающихся в активном подкупе, злоупотреблении влиянием в корыстных целях и отмыывании доходов. Для привлечения юридического лица к ответственности необходимо, чтобы физическое лицо действовало лично или в составе органа юриди-

ческого лица, занимало руководящую должность в юридическом лице, а также выполняло представительские функции от имени юридического лица либо осуществляло право на принятие решений от имени юридического лица, либо осуществляло контрольные функции в рамках юридического лица [2].

Коррупционные деяния, которые могут вменяться юридическим лицам, конкретизируются в Конвенции Организации Объединенных Наций (ООН) против коррупции 2003 г. Согласно ст. 26 Конвенции ООН каждое государство-участник обязуется установить ответственность юридических лиц за участие в преступлениях, связанных с коррупцией. В частности, документ предусматривает возможность установления уголовной ответственности юридических лиц за участие в таких преступлениях, как подкуп национальных и публичных должностных лиц (ст. 15), подкуп иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций (ст. 16); злоупотребление влиянием в корыстных целях (ст. 18); подкуп в частном секторе (ст. 21); отмыывание доходов от преступлений (ст. 23); сокрытие (ст. 24); воспрепятствование осуществлению правосудия (ст. 25) и др. [3].

Таким образом, Конвенция ООН устанавливает обязанность государств-участников предусмотреть в рамках национального законодательства ответственность юридических лиц за участие в коррупционных преступлениях. Вместе с тем установление уголовной ответственности носит лишь рекомендательный характер, поскольку документ предусматривает возможность установления и гражданско-правовой и административной ответственности.

В Республике Беларусь за совершение коррупционных преступлений к уголовной ответственности может привлекаться лишь физическое лицо (например, по ст. 424, 426, 430 УК). Юридические лица в случае совершения административного правонарушения подвергаются санкциям административно-правового характера.

Между тем целесообразность привлечения юридических лиц к уголовной ответственности за коррупционные правонарушения обусловлена многими факторами. Юридические лица, придерживающиеся коррупционных практик, имеют преимущество в конкурентной борьбе и вытесняют с рынков законопослушных субъектов предпринимательской деятельности; выявление физических лиц, совершивших коррупционные деяния, не всегда возможно; часто юридические лица используют схемы номинального руководства, при которых лицо, фактически управляющее организацией, юридически не имеет отношения к его органам управления; привлечение физического лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности, не препятствует продолжению

противоправной деятельности юридического лица; юридическое лицо располагает значительными ресурсами для возмещения ущерба, причиненного в результате актов коррупции, и др. [4, с. 87].

Многие эксперты убеждены, что применение уголовных санкций в отношении юридических лиц окажет эффективное сдерживающее воздействие и на организованную преступность, которая активно проникает в различные сферы легального бизнеса с целью отмывания доходов, полученных преступным путем. В этой связи следует обратить внимание на Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., ст. 10 которой рекомендует государством-участникам принимать такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в серьезных преступлениях, к которым причастна организованная преступная группа, и за преступления, признанные таковыми в соответствии со ст. 5, 6, 8 и 23 настоящей Конвенции (речь идет об организованной и коррупционной преступности, преступности, связанной с отмыванием полученных доходов и осуществлением преступной деятельности, направленной на воспрепятствование осуществлению правосудия) [5].

Республика Беларусь ратифицировала и Международную конвенцию о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. (далее – Конвенция), которая представляет собой ответную меру международного сообщества на эскалацию насилия и рост терроризма в форме усиления ответственности корпораций за финансирование и иное содействие террористической деятельности. В частности, в п. 1 ст. 5 Конвенции особо отмечается, что каждое государство-участник, основываясь на принципах своего внутреннего права, принимает необходимые меры по привлечению юридического лица, находящегося на его территории или учрежденного по его законам, к ответственности в случае совершения физическим лицом, ответственным за управление этим юридическим лицом, или контроль за ним, которое выступает в своем официальном качестве, преступления, указанного в ст. 2 [6].

Таким образом, следует отметить, что современное развитие международного права свидетельствует о том, что уголовная ответственность физического лица больше не воспринимается международным сообществом как эффективное средство противодействия преступлениям в различных сферах, а имплементация Республикой Беларусь документов ООН и Совета Европы в части уголовной ответственности организаций еще раз подтверждает тезис о необходимости более детального изучения вопроса об установлении в отечественном законодательстве уголовной ответственности юридических лиц.

Список использованных источников

1. Бирюков, П.Н. Об уголовной ответственности юридических лиц в международном праве и законодательстве РФ [Электронный ресурс] / П.Н. Бирюков // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.
2. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, 27.01.1999 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, 31 октября 2003 г. [Электронный ресурс] // Конвенции и соглашения. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml. – Дата доступа: 20.10.2020.
4. Антонова, Е.Ю. Исторические и современные предпосылки законодательной регламентации института уголовной ответственности юридических лиц / Е.Ю. Антонова // «Черные дыры» в рос. законодательстве. – 2009. – № 1. – С. 87–90.
5. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, 15 ноября 2000 г. [Электронный ресурс] // Конвенции и соглашения. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml. – Дата доступа: 15.10.2020.
6. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма [Электронный ресурс] : [заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1999 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

VI курсантский научный круглый стол «Актуальные вопросы уголовно-исполнительного права, криминологии и противодействия коррупции» (22 декабря 2020 г.)

УДК 343.8

В.В. Курпиенко, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – *С.Л. Гайкович*

СУЩНОСТЬ ИСПОЛНЕНИЯ И ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПОЖИЗНЕННОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Пожизненное заключение является одним из основных видов наказания, перечисленных в Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК). Однако он не содержит определения данному виду наказания, поэтому авторы и исследователи предлагают различные дефиниции. Например, по мнению Э.А. Саркисовой, пожизненное заключение – это такое на-

казание, назначаемое в качестве основного, которое заключается в изоляции осужденного от общества без определения срока его отбывания с помещением лица в исправительную колонию особого режима или тюрьму [1, с. 370].

Так, пожизненное заключение является одним из строгих наказаний в системе наказаний Республики Беларусь. Также согласно ст. 58 УК данный вид наказания является альтернативой смертной казни [2].

Рассматриваемый вид наказания назначается судом лицу, совершившему преступление, сопряженное с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах [1, с. 371]. На практике данное наказание назначается в исключительном случае.

Осужденные, которым судом назначено пожизненное заключение, отбывают наказание в исправительных колониях особого режима (ИК № 13 г. Глубокое) или в тюрьме (тюрьма № 8 г. Жодино) [3]. Такая категория осужденных содержится отдельно от других осужденных, отбывающих наказание в колонии. Они содержатся в помещениях камерного типа или в обычных жилых помещениях исправительной колонии особого режима, камерах тюрьмы и носят одежду специального образца. Особенностью также является наличие пометок в виде «ПЗ» (пожизненное заключение) на верхней одежде в области груди и спины.

Осужденные к пожизненному заключению имеют большое количество правоограничений по отношению к осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы, которые выражаются в ограничении количества денежных средств, расходуемых на приобретение продуктов и предметов первой необходимости; сокращении краткосрочных свиданий, посылок и бандеролей, мелких пакетов; установлении времени на прогулку; отсутствии длительных свиданий.

Необходимо отметить также, что при назначении и исполнении пожизненного заключения не преследуется основная цель уголовно-исполнительного права – исправления. Здесь режим как средство исправления (как способ реализации кары) представляет основное содержание исполнения наказания. Другие же средства не всегда используются. Например, в ч. 5¹ ст. 173 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь определено, что осужденные к пожизненному заключению не получают образование, однако администрацией исправительного учреждения создаются условия для самообразования, не противоречащие порядку и условиям отбывания наказания. Труд осужденных к пожизненному заключению организуется с учетом требований содержания осужденных в камерах. Они могут трудиться в специаль-

ных помещениях камерного типа, где находится оборудование для производственной деятельности. Но чаще всего такая категория осужденных в Республике Беларусь не привлекается к труду, что обусловлено сложностью организации и реальной необходимостью труда осужденных к пожизненному заключению.

Существенным признаком пожизненного заключения является его бессрочность. Согласно словарю Ожегова и Шведовой, пожизненность не имеет срока, т. е. предполагает определение «до конца жизни» [4, с. 1364]. Однако оно может быть заменено лишением свободы на определенный срок. Такая замена допускается при наличии следующих условий:

осужденный должен отбыть 20 лет заключения;

решение принимает суд с учетом поведения осужденного, состояния его здоровья или возраста.

Таким образом, проанализировав признаки данного вида наказания, можно выделить следующее определение: пожизненное заключение – это наказание, установленное законодательством, которое заключается в бессрочном содержании осужденного в строгой изоляции от общества и в существенных правоограничениях в сравнении с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, а также неполного применения средств исправления к данной категории осужденных.

Список использованных источников

1. Саркисова, Э.А. Уголовное право / Э.А. Саркисова. – Минск : Амалфея, 2005. – 488 с.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.11.2019 г. № 253-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-3 : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.06.2020 г. № 51-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова // РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : ИТИ Технологии, 2008. – 2314 с.

УДК 342.9

Н.Г. Букишта, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.В. Гиммельрейх*

О ПОВЫШЕНИИ УРОВНЯ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Общественная безопасность – одна из важнейших составляющих системы безопасности государства, поскольку в демократическом правовом государстве человек, личность с его правами и свободами является высшей ценностью, а соблюдение баланса жизненно важных интересов личности, общества, государства является отражением демократических преобразований в стране.

Важным направлением поддержания социально приемлемого уровня общественной безопасности выступает организационно-управленческая и правоохранительная деятельность по ее административно-правовому обеспечению, включающая в себя различные аспекты. Согласно действующему законодательству под обеспечением общественной безопасности следует понимать *«формирование и проведение государственной политики в сфере общественной безопасности по созданию и поддержанию необходимого уровня защищенности посредством осуществления мер правового, организационного, правоохранительного и иного характера, адекватных угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства»* [1].

В то же время следует отметить, что формирование и проведение соответствующей государственной политики предполагает разработку и принятие концептуальных документов стратегического характера, поэтому регулирование общественной безопасности в аспекте рассмотренного положения не соответствует ее значимости и уровню правового регулирования.

Вместе с тем анализ действующего законодательства по вопросам общественной безопасности свидетельствует об отсутствии системы взаимосвязанных и иерархически структурированных актов, касающихся вопросов обеспечения общественной безопасности и наличия определенных недостатков в формировании нормативно-правовой базы

в этой сфере, с учетом принципов стратегического управления. В частности, имеет место недостаточная научная обоснованность нормативных правовых актов с позиции их перспективной направленности, декларативность положений, отсутствие стратегического подхода при определении сущности, структуры, содержания, механизма разработки и утверждения программных документов по вопросам обеспечения общественной безопасности.

Ряд нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере безопасности носят рамочный и оперативно-тактический характер, что в современных условиях не удовлетворяет в полной мере потребностей в правовом регулировании отношений и в сфере общественной безопасности, которое требует определения ключевого вектора его дальнейшего развития.

В то же время анализ нормативного регулирования государственной стратегического планирования в Республике Беларусь в области национальной безопасности, свидетельствует о наличии четко выстроенной системы, отражающей конкретные уровни управления и виды документов, закрепляющих правовые основы разработки документов стратегического планирования применительно к конкретным видам безопасности:

1. Конституция Республики Беларусь (ст. 10, ч. 1 ст. 21, ст. 25, ст. 59) закрепляет правовые основы обеспечения безопасности личности, общества, государства;

2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (п. 2, п. 61, п. 64) нормативно выделяет конкретные виды безопасности и выступает в качестве методологической основы для разработки документов стратегического планирования [2];

3. Основные направления внутренней и внешней политики Республики Беларусь определяют принципы, стратегические цели, основные задачи и сферы внутренней и внешней политики государства [3].

В частности, применительно к предметно-практической области деятельности ОВД в рамках обеспечения общественной безопасности:

стратегическими целями внутренней политики Республики Беларусь определены: обеспечение прав и свобод человека и гарантии их реализации;

основными задачами внутренней политики Республики Беларусь являются: обеспечение защиты прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, прав и законных интересов организаций, общественных и государственных интересов.

Внутренняя политика реализуется в следующих сферах: борьба с преступностью и иной противоправной деятельностью, направленной

на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь.

4. Государственные прогнозы (на долгосрочную, среднесрочную перспективу и краткосрочный период) и программы социально-экономического развития [4].

5. Документы стратегического планирования, обеспечивающие конкретные виды национальной безопасности.

Таким образом, в Республике Беларусь на государственном уровне сформирована правовая база для разработки документов стратегического планирования в области национальной безопасности.

Вместе с тем, как показывает анализ, правовая обеспеченность составных элементов конкретных видов национальной безопасности стратегическими документами, которые принимаются в развитие базовых документов стратегического планирования, осуществляется неравномерно.

В частности, общественная безопасность не является самостоятельным видом национальной безопасности и выступает в качестве составного компонента такого вида, как «социальная безопасность». Не возражая против такого структурно-логического построения Концепции национальной безопасности, в то же время полагаем, что общественная безопасность объективно нуждается в повышении уровня правового регулирования и разработке концептуального документа стратегического характера (на уровне Концепции общественной безопасности Республики Беларусь). В то же время в системе стратегических документов имеется Концепция обеспечения безопасности дорожного движения в Республике Беларусь [5], которая выступает составной частью общественной безопасности. Иными словами, налицо разрыв, несбалансированность правового регулирования между различными уровнями управления.

При разработке концептуального понимания и видения общественной безопасности, представляется, необходимо максимально учитывать соответствующие положения Конституции Республики Беларусь, Концепции Национальной безопасности Республики Беларусь, профильных законов и других актов, рассмотренной системы построения документов стратегического планирования, а также взгляды ученых на эту проблему [6].

В качестве исходной основы для изучения и разработки собственного концептуального документа в области обеспечения общественной безопасности может быть взята Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. № Пр-2685). Она стала первоначальным документом стратегического планирования, определяющим государственную по-

литику в сфере обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации. Ее принятие устранило ранее существовавшие пробелы понятийного аппарата, позволило концептуально определить основные направления деятельности в сфере обеспечения общественной безопасности на основе положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и Концепции долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 года.

1. Повышение уровня правового регулирования данного социально-правового института в аспекте стратегического подхода предполагает разработку Концепции общественной безопасности Республики Беларусь, выступающей промежуточным звеном между Концепцией национальной безопасности и обеспечением безопасности отдельных направлений (дорожного движения, профилактики правонарушений и безнадзорности среди несовершеннолетних и других направлений).

2. Концепция должна стать основополагающим документом стратегического планирования, определяющим государственную политику в сфере обеспечения общественной безопасности, а также основой для конструктивного взаимодействия в этой сфере сил обеспечения общественной безопасности и институтов гражданского общества, граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства.

3. Научная разработка системы теоретических воззрений относительно понимания и разработки концепции обеспечения общественной безопасности в Республике Беларусь будет иметь важное теоретико-прикладное значение, а полученные результаты способствуют упорядочению и развитию законодательства в указанной сфере, увязке по уровням принятия и реализации в едином русле долгосрочной перспективы.

Список использованных источников

1. Об утверждении Положения о применении систем безопасности и телевизионных систем видеонаблюдения [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 11 дек. 2012 г., № 1135 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 13.12.2013 г. № 1074 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : с изм. и доп. от 24.01.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 нояб. 2005 г., № 60-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.06.2015 г. № 275-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 мая 1998 г., № 157-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.06.2015 г. № 157-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 июня 2006 г., № 757 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

6. Гирько, С.И. О Концепции общественной безопасности в Российской Федерации до 2020 года и перспективах развития законодательства в сфере обеспечения общественной безопасности / С.И. Гирько // Аналит. вестн. Совета Федерации. – 2013. – № 18 (502). – С. 34–41.

УДК 351.74(09)(476)

Н.С. Бут-Гусаим, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.Ф. Лапанович*

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1941–1953 гг.)

Великая Отечественная война – одна из самых героических и драматических страниц в летописи белорусской истории. Эта война явилась тяжчайшей проверкой и школой мужества для многонационального советского народа. В военные годы высокий героизм показали все виды Вооруженных сил и разного рода войска. Война обошлась СССР огромными людскими и материальными потерями. Согласно данным 1993 г., общие потери человеческих жизней составили 26,6 млн. Нацисты нарушали все нормы морали, этики, правовые нормы. Оккупанты проводили массовые разграбления богатств страны, массовые убийства и угон на принудительные работы мирного населения [1, с. 105].

Немаловажный вклад в достижение Великой Победы внесли органы внутренних дел (ОВД). Многие видные советские командующие высоко оценили сотрудников милиции и их вклад в общую победу над фашизмом. Трижды Герой Советского Союза, маршал Советского Союза С.М. Будённый в своих воспоминаниях отмечает: «Память сохранила немало имён смелых и мужественных работников милиции, их дисциплинированность, выдержку и самообладание. Под бомбёжками,

артиллерийским огнём они поддерживали в прифронтовых городах порядок и организованность, а когда требовалось – вступали в бой с врагом. Так было под Москвой и Ленинградом, Одессой и Севастополем. Подвиг советской милиции – это яркая страница в летописи Великой Отечественной войны» [2, с. 47].

В годы Великой Отечественной войны органы внутренних дел осуществляли множество различных служебно-боевых задач. Сотрудники милиции отважно противоборствовали фашистам и давали им отпор, обеспечивали безопасность тыла фронта, участвовали в охране величественных объектов и учреждений, действовали в составе истребительных батальонов и партизанских отрядов, занимались организацией местной противовоздушной обороны, обезвреживали неприятельских диверсантов, вели войну с бандитизмом и криминальностью, обеспечивали общий порядок в прифронтовых и тыловых городах и населенных пунктах, проводили отселение из прифронтовых районов лиц, которые признавались социально опасными, участвовали в выполнении особых задач по выселению некоторых народов и этнических групп и др. [3].

22 июня 1941 г. в день начала Великой Отечественной войны с нацистской Германией вводится в действие Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», по которому в местностях, объявленных на боевом положении, все функции органов государственной власти относятся к военным советам, а там, где их нет – высшему командованию армейских объединений. Все органы администрации, общие учреждения, организации и предприятия обязаны проявлять содействие военному командованию в обеспечении общественного порядка и безопасности. За неповиновение военным властям, а также за преступления виновные несли уголовную ответственность по закону военного времени. Это был основной закон, но далеко не последний, регламентирующий функционирование государственной власти в военное время и правоохранительной системы в частности.

20 июля 1941 г. наркомат государственной безопасности (НКГБ), выделенный в феврале 1941 г. из Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), снова соединяется с наркоматом внутренних дел СССР, причем основные звенья строения органов внутренних дел не претерпели существенных изменений, но были усилены меры по эффективности следственной и оперативной работы.

Структура центрального аппарата НКВД СССР включала такие подразделения, как главные управления: госбезопасности, пограничных и внутренних войск, рабоче-крестьянской милиции, уголовного розыска рабоче-крестьянской милиции, исправительно-трудовых лагерей, по делам военнопленных и интернированных, пожарной охраны, по борьбе

с бандитизмом, шоссейных дорог. А также управление войск по охране тыла действующей армии и административно-хозяйственное управление, отделы: водной и железнодорожной милиции, службы, кадров, политический; контрольно-инспекторская группа, штаб истребительных батальонов. Сотрудники указанных подразделений массово уходили на фронт добровольцами, другие продолжали нести службу в тыловых районах страны. Свой вклад в борьбу с преступностью и укрепление обороны страны внесли работники паспортных аппаратов милиции. Только в 1944–1945 гг. были документированы 37 млн человек, в ходе документирования выявлено пособников фашистов 8 187, бывших полицаяв – 10 727, служивших в немецких учреждениях – 73 269, судимых – 2 221 человек [4].

После успешных операций Красной Армии и перелома в ходе войны в 1943 г. произошло новое разделение НКВД СССР на три ведомства: НКВД СССР, НКГБ СССР и Управление контрразведки «Смерш» Народный комиссариат обороны СССР. В связи со значительными масштабами националистического движения Отдел по борьбе с бандитизмом 1 декабря 1944 г. был реорганизован в Главное управление, в его состав был включен и штаб истребительных батальонов. Для усиления борьбы с бандформированиями в указанных регионах были созданы округа внутренних войск, а на местах – управления и отделы по борьбе с бандитизмом. Однако и после войны потребовалось несколько лет упорной борьбы по окончательной ликвидации бандитизма [5].

В годы войны наилучшие кадры милиции и были задействованы в боевых действиях, сражаясь с врагом, сократился выпуск специалистов учебными заведениями НКВД. Потому в первое послевоенное время не хватало количества и качества кадров в особенности рядового состава. Из-за этого наружные посты милиции засекретили по СССР на 74 %. Довольно актуальным был и кадровый вопрос, общий некомплект по ОВД СССР составлял от 5 до 50 %. В ряде ведомственных актов МВД СССР 1946 г. – начала 1947 гг., констатировались: 1) низкий уровень общеобразовательной (в особенности юридической) подготовки сотрудников; 2) высокое число правонарушений, срывов дисциплины среди личного состава; 3) неудовлетворительные материально-повседневные условия личного сотрудников милиции [6].

В условиях послевоенного кризиса на службу в милицию принимали не отвечающих требованиям по возрасту, состоянию здоровья и образованию: демобилизованных солдат и офицеров, в первый раз столкнувшихся со спецификой милицмейской службы, где вызывались профессиональные знания, навыки и многосторонняя подготовка. Но бывалые солдаты и офицеры, изучившие школу войны, одобрительно воздей-

ствовали на упрочение дисциплины, рост строевой выучки и боевого мастерства личного состава. НКВД принял меры по упрочению аппаратов Уголовного Розыска, преимущественно, в крупных индустриальных центрах [6].

6 мая 1951 г. Совет Министров СССР принял постановление о преобразовании конвойных войск в конвойную и внутреннюю охрану и значительном сокращении их численности. Внутренние войска Министерства государственной безопасности (МГБ) и войска правительственной ВЧ отношения были включены во внутреннюю охрану МГБ СССР [7].

Постановление определяло следующую структуру войск и охраны: Важнейшее управление внутренней охраны МГБ СССР с отвечающими управлениями и отделами; управление охраны округа; отдел (бывшей дивизии); отряд (вместо полка); дивизион (вместо батальона); команда (вместо роты); группа (вместо взвода). Цепь комплектования и прохождения службы личным составом оставался давно прошедшим, аналогичным порядку Советской Армии. Конвойная охрана освобождалась от охраны кутузок МВД и МГБ, особенных лагерей, где содержались лица, совершившие тяжкие преступления, а также лагерей с военными преступниками из числа имевшихся военнопленных. Эти задачи были уложены на военизированную охрану Главного управления лагерей (ГУЛАГа) МВД СССР, куда подавался для дальнейшего прохождения службы личный состав распущенных частей. За конвойной охраной оставалось выполнение задач по эшелонному, плановому и городскому конвоированию осужденных. Число конвойной охраны урезалось более чем в два раза [7].

Органы внутренних дел обеспечивали порядок в военное время и послевоенное, обеспечивали охрану порядка и являлись опорой для всего советского государства и его народа.

Список использованных источников

1. История органов внутренних дел Беларуси : курс лекций / А.Ф. Вишневецкий [и др.] ; под ред. А.Ф. Вишневецкого ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2010. – 218 с.
2. Будённый, С.М. Пройдённый путь. Книга первая / С.М. Будённый. – М. : Воениздат, 1958. – 448 с.
3. Григуть, А.Е. Роль и место органов НКВД СССР в осуществлении уголовно-правовой политики советского государства в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 г. : дис. ... канд. юрид. наук / А.Е. Григуть. – М., 1999. – 220 л.
4. Очерки истории милиции Белорусской ССР (1917–1987) / под ред. В.А. Пискарева ; редкол.: А.Ф. Вишневецкий [и др.] ; авт. кол.: В.Н. Савичев [и др.]. – Минск : Беларусь, 1987. – 536 с.

5. Учебные материалы онлайн studwood.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studwood.ru/1195175/pravo/gody_velikoy_otechestvennoy_voyny_1941_1945. – Дата доступа: 01.01.2021.

6. Сальников, В.П. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 / В.П. Сальников ; ВПУ МВД СССР. – Л., 1976. – С. 138–147.

7. Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1960. Справочник. – М. : МФД, 1997. – 352 с. – (Россия. XX век. Документы).

УДК 351.74(09)

Я.В. Василёнок, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.Ф. Лапанович*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В ССРБ – БССР В 1920 г.

В конце 1920 г. – начале 1921 г. Советская Социалистическая Республика Беларусь (ССРБ) находилась в сложнейшем экономическом и политическом положении. Это было следствием Первой мировой и Гражданской войн, а также политики «военного коммунизма», которую пыталась проводить партия большевиков. Еще одним последствием военного времени стало широкое распространение детской беспризорности и безнадзорности. Тяжелое положение в стране привело к тому, что в 1920–1921 гг. во многих частях бывшей Российской империи начался голод. На X съезде Российской Коммунистической партии большевиков (РКП(б)) в марте 1921 г. принята решение о переходе к новой экономической политике (нэпу). 30 декабря 1922 г. открылся съезд Советов СССР, который юридически оформил образование СССР. В таких сложных условиях проходило становление и развитие пенитенциарной системы в ССРБ – БССР [1, с. 232].

Большевики провозгласили полный отказ от государственной традиции Российской империи, поэтому создавали свои учреждения, в том числе в сфере исполнения наказания. Большой объем работы в этом направлении возлагался на Народный комиссариат юстиции (НКЮ), именно это ведомство, руководствуясь резолюцией съезда народных судей и следственных комиссий ССРБ от 13 февраля 1919 г., указывающий на то, что в основу карательной политики должны быть положены трудовое начало и широкая культурно-воспитательная работа среди заклю-

ченных, стало создавать первые места лишения свободы и разрабатывать нормативные правовые акты, регламентирующие их деятельность [7, с. 49].

Задачи и структура НКЮ полно и конкретно были определены в Положении о Народном Комиссариате Юстиции ССРБ в 1922 г. Многофункциональность НКЮ определила разветвленную структуру органов юстиции. В состав НКЮ вошли Общий отдел, отдел Охраны Революционной Законности, Законодательно-Кодификационный отдел, Исправительно-Трудовой отдел. В течение 1922 г. структура органов юстиции претерпела некоторые изменения: Совет Народных Судей и Революционный Трибунал были объединены в единый Высший Суд Республики, при НКЮ учрежден отдел Прокуратуры [10].

В условиях перехода к нэпу параллельно с функцией управления развивалась задачи НКЮ РСФСР по руководству следствием, органами прокуратуры, постановкой дела защиты и юридической помощи гражданам, нотариатом и организацией правовой службы в народном хозяйстве, общими местами лишения свободы (до 1922 г.). Особое значение приобрела обязанность НКЮ РСФСР участвовать в разработке законопроектов и заключений на подготовленные другими органами управления нормативные акты. Своеобразие этого периода деятельности НКЮ, который сконцентрировал в своих руках руководство указанными органами и учреждения юстиции, порождало специфику методов управления [9, с. 7–8].

Поскольку в этот период ССРБ де-факто находилось под контролем партийных и государственных органов РСФСР, нормативные правовые акты последней действовали и на нашей территории. Среди них: постановление НКЮ РСФСР от 24 января 1918 г. «О тюремных рабочих командах», которым в тюрьмах вводился общественно полезный труд, провозглашенный одним из основных средств исправления; Временная Инструкция от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового», которая имела большое значение для становления новых мест заключения. Были закреплены результаты организационной и правотворческой деятельности по созданию новой системы мест лишения свободы, а также отменены старые царские нормативные акты в области исполнения наказаний [2, с. 25–26].

22 августа 1920 г. при НКЮ ССРБ был образован карательный отдел. На этот орган приходилась основная работа по организации новой системы мест заключения. Первоочередными задачами карательного отдела НКЮ ССРБ были подбор и расстановка кадров, а также разработка нормативных актов, которые могли бы стать правовой основой для деятельности мест лишения свободы. Одним из важных документов, принятых

в начальный период, организация исправительно-трудовых учреждений на территории ССРБ (которая после второго провозглашения включала только шесть уездов Минской губернии), было Положение о распределительной комиссии. Определенный интерес представляют и Правила об образовании в каждой камере старосты и его обязанностях.

15 апреля 1919 г. параллельно учреждениям, сосредоточенным в Центральном карательном отделе НКЮ, в системе Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) была введена новая организационная форма – лагеря принудительных работ. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) при Совете народных комиссаров (СНК) РСФСР учредила концентрационные лагеря. Армейские структуры также стремились удержать имевшиеся и получить новые автономные от других ведомств места лишения свободы. Ведомственные места заключения при НКЮ, НКВД, ВЧК-ГПУ, в Красной Армии существовали автономно до 25 июля 1922 г. После этого началась передача уголовно-исполнительных учреждений в ведение НКВД, но процесс этот затянулся. НКЮ пытался оставить за собой тюремную систему, приводя аргумент, что обладает кадрами, способными организовать процесс перевоспитания преступников. НКВД же гарантировал, что сумеет обеспечить самокупаемость системы. Чашу весов перевесил довод, что среди руководителей последнего ведомства было значительно больше членов РКП(б). Создание Главного управления местами заключения в структуре НКВД ускорило после личного вмешательства Ф.Э. Дзержинского. Мотивируя важность данного преобразования, он направил письмо в Политбюро ЦК РКП(б), где отмечал: «Подчинение мест заключения Наркомюсту отвлекало бы данный комиссариат от его прямых обязанностей надзора за соблюдением социалистической законности в местах лишения свободы». Кроме того, основатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский считал, что возможность подключения к решению этих вопросов органов НКВД при исполкомах местных Советов сократит управленческий аппарат [5, с. 12].

25 июля 1922 г. СНК РСФСР принял постановление о подчинении всех мест заключения Народному комиссариату внутренних дел (НКВД), на основании чего НКЮ и НКВД РСФСР приняли постановление от 12 октября 1922 г. «О передаче всех мест заключения в ведение НКВД РСФСР». В мае 1922 г. сессия ВЦИК приняла Уголовный кодекс, что знаменовало переход действий на основе действий на основании декретов и постановлений к деятельности согласно советскому законодательству. Тогда же ВЦИК утвердил Государственную прокуратуру и принял Положение об адвокатуре. 9 мая 1924 г. был издан циркуляр НКВД и НКЮ БССР «О мерах к поднятию производительности труда

заключенных в местах лишения свободы». В нем получили дальнейшее развитие многие положения о работе исправительно-трудовых учреждений (ИТУ). Циркуляр регламентировал рабочее время заключенных, оплату их труда, сверхурочные работы [2, с. 28–34].

Со временем деятельность ИТУ стала регулироваться значительным количеством нормативных актов. С целью систематизации этих документов, обобщения опыта работы, а также для более четкой регламентации ИТУ был разработан проект Исправительно-трудового кодекса БССР, принятого с поправками 2 июля 1926 г. 3-й сессией Центрального Исполнительного Комитета БССР VII созыва. Кодекс был введен в действие 15 ноября 1926 г., что явилось важным событием в развитии республиканского исправительно-трудового законодательства. Кодекс состоял из 22 глав и предусматривал: органы исправительно-трудового дела, виды ИТУ, порядок помещения заключенных в ИТУ, классификацию заключенных, общие правила содержания заключенных, меры дисциплинарного воздействия, правила содержания в сельскохозяйственных, фабрично-заводских и ремесленных колониях, культурно-просветительскую работу, медико-санитарное обслуживание, организацию помощи заключенным и освобожденным из ИТУ. Задачей ИТУ, согласно ст. 1, являлось установление и осуществление системы исправительно-трудовых мероприятий в целях приспособления преступных элементов к условиям трудового свободного общежития [2, с. 36–37].

Таким образом, необходимо отметить, что НКЮ и НКВД БССР и РСФСР прилагали значительные усилия по созданию советской пенитенциарной исправительно-трудовой деятельности, которая развивалась в СССР вплоть до его распада [3, с. 75].

Список использованных источников

1. Аргучинцев, Г.К. История государства и права Беларуси : учеб. пособие для студентов специальности «Правоведение» / Г.К. Аргучинцев. – 2-е изд. – Минск : Амалфея, 2015. – 380 с.
2. Шарков, А.В. Уголовно-исполнительное право : учебник / А.В. Шарков. – 3-е изд. – Минск : Тесей, 2012. – 384 с.
3. История исправительно-трудовых учреждений Беларуси : курс лекций / А.В. Шарков, В.Б. Шабанов, В.П. Павлов [и др.]. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 1999. – 223 с.
4. История органов внутренних дел Беларуси : учеб. пособие / А.В. Венисов [и др.] ; под общ. ред. В.А. Данилова, А.С. Жмуровского ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2015. – 158 с.

5. История пенитенциарной системы в составе Минюста России / Ю.А. Ре-ент // Уголов.-исполн. право. – 2013. – № 2.

6. Нарышкина, Н.И. Функционирование тюрем в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы: организационный и правовой аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.И. Нарышкина. – Рязань : Алмис, 2006. – 237 л.

7. Мулукаев, Р.С. История органов внутренних дел Советского государства : учеб. пособие / Р.С. Мулукаев. – М. : Акад. МВД СССР, 1986. – 204 с.

8. Олейник, И.И. Организационно-правовые основы становления и развития органов управления юстицией в РСФСР : автореф. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / И.И. Олейник ; Федер. гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Владимир. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний». – Владимир, 2006. – 443 с.

9. Комитет государственной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kgb.by/ru/>. – Дата доступа: 20.02.2021.

10. Министерство юстиции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minjust.gov.by>. – Дата доступа: 20.02.2021.

УДК 34.01

В.Н. Вахович, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *В.А. Волков*

РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К СОДЕРЖАНИЮ ПОНЯТИЯ «ПРАВОСОЗНАНИЕ»

На современном этапе развития юридической науки появляется большое количество мнений, убеждений и теорий относительно содержания понятия «правосознание». Например, некоторые американские ученые рассматривают правосознание через отношение людей к оскорбительным действиям на улице. Л. Нильсен полагает, что правосознание – это отношение людей к официальной правовой системе. Но необходимо знать, что понимается под термином «право».

В английском языке термины «закон» и «право» имеют единый перевод на английский «law», и чаще всего закон обозначается, по крайней мере в трудах американского юриста М. Хертоу, как «official law». Отечественные же ученые считают, что правосознание – это система представлений, взглядов, убеждений, а также идей и теорий, как всего общества, так и его отдельных представителей или социальных групп по отношению к существующему и желаемому праву, закону, юридической действительности. Правосознание обычно выражается в правовом поведении людей. Каждый исследователь предлагает свое определение

понятия «правосознание», но смысл может быть одинаковый при совершенно разной трактовке, в изменении слов.

Следует отметить, что уровень правосознания общества является актуальной темой, как для нашего государства, так и для всего мира в целом. Каждый ученый, занимающийся правосознанием, привносит свой вклад в изучение данной темы. Рассмотрим несколько трактовок понятия правосознания на примере некоторых стран двух больших политических блоков: Европы и Запада. Современная ситуация на Западе и в Европейских странах показывает, что со временем правосознание людей очень сильно меняется. Примером могут быть различные реакции населения (акции, протесты, митинги) на изменения в правовой жизни государства.

Европейский блок (Беларусь, Украина, Россия)

В этот блок включим ученых-юристов Беларуси, Украины и России. В сознании белорусского общества с давних времен утверждалось представление о том, что государство не дает, не жалует основные права, а призвано защищать свободы и права, которыми человек наделен с рождения, что законы должны защищать человека. Еще в середине XVII в. известный политический мыслитель и правовед А.А. Олизаровский писал: «Правители не могут ввергнуть своих поданных в неволю не только силой, но и установлением прав. Этому принципиально противится божественное право, естественное право и право народа. Ибо никакие законы не могут санкционировать несправедливость...» [1, с. 81]. Отмеченное выше позволяет утверждать, что соблюдение прав человека имеет в Беларуси глубокую историю и богатые традиции, заложенные в самой психологии, поведении и национальном характере белорусов.

В настоящее время в правовой литературе и в периодической печати отмечается невысокий уровень правосознания и правовой культуры белорусского общества. Об этом свидетельствует уровень преступности и количество других совершаемых правонарушений.

В современной Беларуси сложилось два подхода к праву. Первый предполагает признание огромной ценности права как средства упорядочения и развития общественных отношений, второй – безразличное или же открыто скептическое, враждебное отношение к праву. Е.В. Перепелица по данному поводу пишет: «Правосознание белорусов исходит из особенностей исторических условий развития белорусского менталитета» [2, с. 93].

Что же говорят юристы из Украины? Правосознание – явление идеальное, непосредственное, не наблюдаемое. Оно представляет собой сферу или область сознания, отражающую правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и прак-

тике его реализации, социально-правовых установок и ценностных ориентиров, регулирующих поведение людей в юридически значимых ситуациях.

На нынешнем этапе развития украинского общества юридическая наука, в частности, рассматривает правосознание как одну из важнейших норм сознания человека и общества рядом с политическим сознанием, моралью, искусством, религией и философией. В настоящее время в Украине происходит множество политико-правовых изменений, которые требуют наличия высокого уровня правосознания не только у представителей властных структур, но и у всех граждан. Иными словами, существует необходимость в создании единой системы правового воспитания, основной функцией которого будет не только формирование правосознания у молодежи в образовательных учреждениях, но и приобщение к этому старшего поколения.

Третьей страной будет Россия. На основе изученных статей по уровню правосознания в России можно констатировать, что оно испытывает большой кризис. Основной причиной является нестабильность политических и идеологических ориентаций в обществе. На современном этапе практически исчезли духовные гарантии законности, а ведь совсем недавно они были общепринятыми составляющими их жизни, отмечаясь беднота правосознания.

Из-за чего все эти проблемы? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить исторический опыт России. Развитие историческое и географическое происходило на пересечении многих, не похожих культур и народов, которые оставили свой отпечаток на русской земле. Со временем можно сделать модернизацию российского правосознания, взять что-то из зарубежных стран, но полностью поменять систему правосознания и навязать новую, чужую, невозможно.

Вторая проблема – это правовой нигилизм. Одним из решений может быть смена поколений. Многие начнут со временем мыслить толерантно, ценить и уважать Родину, перестанут бояться государственных органов, но современный уровень правосознания россиян может привести и к другим проблемам. Как писал великий русский поэт Ф. Тютчев о правосознании: «И пройдет время, – пожалуй, много времени, – прежде чем несчастная Россия, – та Россия, какую ее сделали, – осмелится позволить себе более живое сознание своего Я и своего Права, чем может иметь хорошо расположенный к ней иностранец» [3, с. 65–66].

В заключение по первому блоку следует отметить, что все три страны объединяют славянские корни и традиции. Первые зачатки формирования правосознания были на Руси, там, где расположены современные территории Беларуси, Украины и России. У этих стран отмечаются

сходные особенности правовой культуры, наличие правового нигилизма и своя реакция на правовую жизнь государства.

Западный блок (США, Германия, Франция)

Западный блок будет представлен Соединенными Штатами Америки, Францией и Германией, как тремя сверхдержавами Запада.

В США ученые часто придерживаются понятия правового сознания, содержащего ответ на вопрос: что люди думают об официальном праве? Ограниченность правосознания рамками законодательства в США и само понятие «правосознание» хорошо отмечено в работе Л. Нильсен. Ученый рассматривает правосознание как отношение людей к официальной правовой системе. США позиционирует себя как правовое государство, ядром которого является правовая культура населения. Одной из наиболее серьезных проблем в США является девиантное поведение молодежи.

Так, согласно статистике за 2017 г., за совершение преступлений было задержано 2 408 подростков. Решением данной проблемы является повышение правовой культуры подростков, позволяющее искоренить подростковую преступность в целом. Еще одной проблемой в США является то, что население страны имеет трудный доступ к правовой информации. Решение этой проблемы заключается в правовом воспитании населения. Правовые предметы в США преподаются со школьных лет [4, с. 312].

Рассмотрим особенности немецкого правосознания. Немецкое правосознание можно считать поистине уникальным явлением. Германия является первой страной Запада, которая первой выдвинула идею создания правового государства и последовательно шла к реализации этой цели. Правоведы считают, что немецкое правосознание тесно связано с российским, но в то же время и далеко от него. Можно сделать вывод, что изучение немецкого права помогает лучше понять российские правовые институты. Несмотря на очень сложную законодательную систему Германии, граждане отличаются своей педантичностью и законопослушностью, высоким уровнем правосознания и правовой культуры. Сегодня немецкие правоведы рассматривают правосознание Германии в разных аспектах. Речь идет, например, о связи правосознания с традициями и обычаями немецкого народа, религиозными корнями, с государственным и общественным устройством, общественным мнением и средствами массовой информации.

Третьей страной в этом блоке будет Франция. Французское общество придерживается исторических традиций и обычаев. На протяжении всей истории Франции она формировалась как правовое государство. В трудах французского просветителя Гельвеция обоснована взаи-

мосвязь соблюдения законов и воспитания. Доказывая обусловленность моральных представлений интересами личности, Гельвеций стремился утвердить сочетание индивидуализма с общественными интересами в качестве критерия морального поведения личности. Превращение интереса в критерий моральных суждений, определяющих силу поведения людей, по мнению философа, зависит от воспитания. При этом Гельвеций писал о том, что все люди с рождения обладают умственными задатками, а различие их психического и морального склада объясняется особенностями среды, в которой они воспитывались.

Формирование правосознания Франции прошло через многое. На современном этапе можно отметить то, что молодое поколение Франции изучает право со школьных лет и занимается самовоспитанием правовой культуры. Молодежь активно участвует в правовой жизни Франции, следит за средствами массовой информации, но нельзя не сказать, что проблемы правового нигилизма также присутствуют. Решение видится очень простым: совершенствование правовой культуры через технические средства обучения, посредством техники.

В заключение по Западному блоку следует отметить, что эти страны связывает то, что они являются сверхдержавами. Складывающаяся ситуация в указанных странах показывает негативную реакцию населения на изменения в правовой жизни государства. Митинги, протесты, различные акции, нежелание принять тот или иной закон из-за того, что люди не понимают или не разбираются в праве должным образом, слабый уровень правовой культуры, правовой нигилизм: все эти проблемы решаемы, но как они будут решены, зависит от общества в целом.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что представленные блоки похожи по ряду событий, происходящих в современном мире. Практически в каждой стране происходят протесты, акции, несогласия с принятием некоторых нормативных правовых актов. Это проблему нужно решать через воспитание высокого уровня правосознания и совершенствование правовой культуры.

Список использованных источников

1. Анталогія філасофскай думкі Беларусі : дапаможнік : у 3 т. Т. 1 / склад.: А.А. Лягчылін [і інш.]; пад рэд. А.А. Лягчыліна, А.Ю. Дудчыка. – Мінск : БДУ, 2017. – 311 с.

2. Перепелица, Е.В. Миссия методологии в современной юридической науке / Е.В. Перепелица // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: В.И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : ФУАинформ, 2013. – Вып. 8. – С. 92–100.

3. Хронова, И.А. Причины трудового нигилизма сотрудников российских организаций / И.А. Хронова, А.Г. Даниелян // Науч. тр. КубГТУ. – 2020. – № 1. – С. 64–74.

4. Шестак, В.А. Особенности правовой культуры молодежи в США / В.А. Шестак // Образование и право. – 2020. – № 2. – С. 310–315.

УДК 351.74(09)

Н.Д. Вергей, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.Ф. Лапанович*

СОЗДАНИЕ И КОМПЕТЕНЦИЯ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Создание Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) имело важное значение в формировании и развитии всей советской правоохранительной системы. Наркомат внутренних дел РСФСР был одним из первых комиссариатов, образованных в соответствии с декретом «Об учреждении Совета Народных Комиссаров», который был принят на втором Всероссийском съезде Советов 26 октября (по старому стилю) 1917 г. К реализации указанных идей отдел приступил немедленно после своего образования. Вскоре был создан НКВД и на территории Беларуси [1].

Борьба с политической и уголовной преступностью входило в компетенцию разных ведомств. Так, 28 октября 1917 г. НКВД по полномочию СНК издал постановление «О рабочей милиции», которое явилось первым нормативным актом, определяющим создание советской милиции как исполнительного органа местных Советов рабочих и солдатских депутатов [2]. А 7 декабря 1917 г. Совнарком принял постановление «О создании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюционной спекуляцией и саботажем». Возглавил Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюционной спекуляцией и саботажем (ВЧК) член ЦК РКП(б) Ф.Э. Дзержинский [3, с. 199].

К числу важных задач этого органа входили: преследование и ликвидация контрреволюционных элементов, предание суду всех саботажников и т. д. ВЧК была наделена большими правами и полномочиями. В качестве карательных мер ВЧК применяло конфискацию имущества, лишение карточек, опубликование списков «врагов народа» [4, с. 47].

6 февраля 1922 г. ВЦИК принял декрет «Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и о правилах производства обысков, выемок и арестов». Их задачи передавались Государственному политическому управлению (ГПУ) при НКВД РСФСР. ГПУ поручалась борьба со шпионажем, бандитизмом, подавление вооруженных выступлений, охрана транспортных коммуникаций и границ республики, расследование всех противогосударственных выступлений [5, с. 27].

Впоследствии была утверждена структура Народного Комиссариата Внутренних дел, которая состояла из нескольких главных управлений (ключевое – Главное управление милицией) и следующих отделов:

- местного управления;
- местного хозяйства;
- финансового; иностранного;
- управления медицинской частью;
- ветеринарного; секретариата;
- бюро печати;
- контрольно-ревизионной комиссии [6].

15 декабря 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О ликвидации наркоматов внутренних дел союзных и автономных республик». Эта ликвидация в постановлении объяснялась тем, что эти наркоматы ведали не только милицией и местами лишения свободы, но и коммунальным хозяйством, местным благоустройством и руководили работой местных Советов. Их многоотраслевой характер вел к тому, что они были трудноуправляемы. Руководство милицией и уголовным розыском возлагалось на создаваемые при СНК союзных и автономных республик Управления милиции и уголовного розыска [7].

Однако уже через несколько лет в рамках мероприятий по организации единой системы органов внутренних дел постановлением Центрального исполнительного комитета СССР от 10 июля 1934 г. учреждался Народный комиссариат внутренних дел СССР [8].

В составе общесоюзного НКВД были созданы Главное управление государственной безопасности, Главное управление рабоче-крестьянской милиции, Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений, Отдел актов гражданского состояния, Административно-хозяйственное управление и ряд других подразделений [9, с. 76].

13 июля 1934 г. НКВД СССР издал приказ «Об организации НКВД на местах». Они были сформированы в союзных республиках. ЦИК БССР 15 июля 1934 г. принял постановление об образовании НКВД БССР, который действовал на основе Положения об общесоюзном Наркомате внутренних дел, подчиняясь СНК республики и НКВД СССР. Счита-

лось, что двойное подчинение органов внутренних дел даст возможность обеспечить применение единых норм и методов работы по охране общественного порядка и борьбе с преступностью, позволит местным советским органам направлять и контролировать их деятельность. На практике высокая степень централизации системы органов внутренних дел, сосредоточение власти на высших уровнях государственного управления лишали Советы возможности влиять на организацию и деятельность милиции, превращали руководство ею на местном уровне в формальность. Кроме того, жесткая централизация в построении и работе вела к тому, что сотрудники на местах были ограничены в проявлении инициативы, самостоятельности, ожидали директив и указаний от вышестоящих структур [10, с. 42].

Согласно Положению от 24 августа 1934 г. об НКВД в административных центрах, имеющих городские Советы, подчиненные непосредственно краю (области) или республике, организовывались городские отделы Народного комиссариата внутренних дел. В административных центрах, имеющих одновременно городские и районные Советы, самостоятельно подчиненные непосредственно краю (области) или республике, формировались горрайотделы НКВД. Наконец, в самых низовых административно-территориальных единицах (районах) учреждались районные отделы НКВД [8].

Таким образом, НКВД занимает особое место в государственном механизме. С самого начала он развивался как связующее звено между центральными и местными органами власти, и изданные ими нормативные акты во многом определили территориальные, организационные и другие основы местных Советов. НКВД сам стал органом большой власти. Его структура предусматривала наличие ряда органов как ключевых подразделений, обладающих широким кругом полномочий.

Список использованных источников

1. Мазуркевич, М.И. История создания органов внутренних дел на территории Беларуси / М.И. Мазуркевич // О некоторых вопросах и проблемах современной юриспруденции : сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Инновационный центр развития образования и науки. – Челябинск, 2016. – С. 111–117.
2. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wiki2.org/ru/>. – Дата доступа: 15.12.2020.
3. История советского государства и права. Кн. 1. – М. : Наука, 1968. – 589 с.
4. История советского государства и права Казахстана. – Т. 1. 1917–1925 гг. – Алма-Ата, 1961. – 605 с.
5. Аккулин, М. Как возникли массовые репрессии / М. Аккулин // Агитатор. – 1989. – № 15. – С. 25–31.

6. Меняйло, Д.В. История органов внутренних дел в схемах и таблицах : учеб.-метод. пособие / Д.В. Меняйло. – Белгород : БЮИ МВД России, 2009.

7. Управление МВД России по Ярославской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://76.mvd.rf/300-лет-российской-полиции/history/8>. – Дата доступа: 15.12.2020.

8. Эволюция системы НКВД–МВД СССР (1934–1956 гг.) [Электронный ресурс] / А.Л. Кузьминых // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-sistemy-nkvd-mvd-sssr-1934-1956-gg/viewer>. – Дата доступа: 15.12.2020.

9. История органов внутренних дел Беларуси : курс лекций / А.Ф. Вишневецкий [и др.] ; под ред. А.Ф. Вишневецкого ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2010. – 218 с.

10. Краткий курс истории органов внутренних дел Беларуси : справочник / А.С. Жмуровский ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 138 с.

УДК 340.1

Д.В. Горбачев, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат философских наук,
доцент *А.А. Козел*

ОТНОШЕНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО С МОСКОВСКИМ ГОСУДАРСТВОМ В КОНЦЕ XIV–XV вв.

Как известно, большую часть территории Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского составляли земли нынешней Беларуси и Украины. Как ВКЛ, так и Московское государство стремились объединить Древнюю Русь под своим началом, что обусловило их соперничество. Темой нашего исследования являются отношения ВКЛ и Московского государства в период правления Витовта.

Витовт (*Витольд*; около 1350 – 27 октября 1430). Сын Кейстута, племянник Ольгерда и двоюродный брат Ягайло. Князь гродненский в 1370–1382 гг., луцкий в 1387–1389 гг., трокский в 1382–1413 гг., великий князь литовский с 1392 г. Один из наиболее известных князей. Великого княжества Литовского, еще при жизни прозванный Великим. Был трижды крещен: в 1382 г. по католическому обряду под именем Виганд; в 1384 г. по православному обряду под именем Александр и в 1386 г. по католическому обряду также под именем Александр.

В конце XIV в. в отношении ВКЛ с Московской Русью начала активно вмешиваться Польша. Она искала союза с Великим княжеством

Литовским для совместной защиты от Тевтонского ордена. Для ВКЛ этот союз был также выгоден. В 1385 г. был закреплен союз Польши и ВКЛ на съезде в замке Крево. Кревская уния предусматривала брак Ягайлы с польской королевой Ядвигой, занявшей престол в 1382 г., а также провозглашала его королем обоих государств. Против Кревской унии выступил Витовт, что стало одной из причин его противостояния с Ягайло. Гражданская война в Великом княжестве Литовском 1381–1384 гг. первый этап борьбы за власть между двоюродными братьями: Великим князем Литовским Ягайло и князем Витовтом. Война началась после заключения тайного Довидишковского договора между Ягайло и великим магистром Тевтонского ордена Винрихом фон Книпрوده. Договор был направлен против Великого князя Литовского Кейстута, отца Витовта и дяди Ягайло. Кейстут быстро завладел властью в ВКЛ, однако в ходе мирных переговоров они с сыном были пленены и перевезены в Кревский замок. Через неделю Кейстут скончался, Витовту же удалось бежать, после чего он обратился за поддержкой к тевтонским рыцарям. Хотя вторжение в Литву объединенных войск Витовта и крестоносцев окончилось неудачей, с помощью Ордена Витовту удалось укрепиться в Северной Литве – Жемайтии.

Война не решила противоречий, второй этап династической борьбы пришелся на 1389–1392 гг. и завершился заключением Островского соглашения. Ягайло признал Витовта Великим князем Литовским, а тот, в свою очередь, признал Ягайло верховным сюзереном Литвы.

В 1386 г. будущий великий князь московский Василий совершил побег из Орды от Тохтамыша и, пробираясь в Москву через земли ВКЛ, встретился с Витовтом и его семьей. В результате за оказанную помощь Василий пообещал жениться на дочке Витовта – Софье. Став великим князем, он сдержал свое обещание. В связи с этим Витовт мог рассчитывать на поддержку Московского княжества в борьбе с Ягайло. Вместе с тем расширять свои владения Витовт пытался за счет Московской Руси. Так, например, в 1395 г. во время междоусобицы в Смоленске между Юрием Святославовичем и его братьями Витовт появился под Смоленском, воспользовавшись этим. Он велел передать князьям, что он рассудит их справедливо и по жребию разделит между ними вотчины. Князья выехали к нему с дарами, однако великий князь, забрав дары, отослал смоленских князей в ВКЛ и назначил в Смоленске своих наместников [1, с. 83].

В 1397 г. между князьями Василием и Витовтом произошла очередная размолвка в связи с их политикой относительно Новгорода. Оба князя послали к новгородцам послов с требованием разорвать отношения с немцами. Кроме этого Витовт также потребовал подчиниться ВКЛ.

Новгородцы отказали Витовту и он объявил им войну. О стремлении Витовта присоединить Новгород свидетельствует и договор с Орденом от 1398 г., в котором он обещал поддержать Орден в завоевании Пскова, а Орден обязался помочь Витовту в завоевании Новгорода. Однако война с Новгородом была отложена из-за вмешательства Витовта в дела Золотой Орды. Изгнанный из трона ханом Темир-Кутлумешом Тохтамыш попросил помощи у Витовта. Великий князь согласился с условием, что хан поможет ему овладеть Москвой. Битва армии ВКЛ с Золотой Ордой на реке Ворскле в 1399 г. закончилась поражением Витовта, что ослабило его позиции в отношении с Московским государством [2, с. 312]. В 1400 г. он вынужден был заключить мир с новгородцами. Этой ситуацией воспользовались смоляне, которые не хотели оставаться под управлением наместника ВКЛ и вступили в переговоры со своим князем Юрием Святославовичем. В 1401 г. Юрий вместе с рязанским князем Олегом, пронским, муромским и козельским князьями выступили к Смоленску и после недолгой осады его взяли. Наместник Витовта и его бояре были казнены. После взятия Смоленска Олег Рязанский совершил поход в земли ВКЛ. Витовт отреагировал на эти события военным походом. Осенью того же года он привел свое войско под Смоленск, но, простояв четыре недели, отступил. В 1404 г. Витовт опять попытался взять Смоленск. Три месяца его войска, применяя артиллерию, пытались захватить город, однако вынуждены были отойти. Юрию стало ясно, что один устоять против ВКЛ он не сможет и стал просить помощи у московского князя Василия, который согласился помочь смоленскому князю, но не выполнил свое обещание. Витовт сразу захватил город. Жену князя Юрия, дочь Олега и часть бояр отправили в ВКЛ, других бояр, которые отказались подчиниться Витовту, убили. В городе опять были посажены наместники Витовта.

Юрий же уехал княжить в Новгород. Новгородцы заключили договор с Юрием, с условием, чтобы он помог им противостоять немцам и Витовту. В 1405 г. Витовт опять объявил войну Новгороду, а сам пошел в Псковскую землю. Войска ВКЛ взяли город Коложе и вывели 11 тыс. пленных [1, с. 87]. Затем Витовт пошел на Вороначай. Два дня жители защищались, и для того чтобы деморализовать их, Витовт приказал наполнить две лодки мертвыми детьми и пустил их по течению реки в город. Псковичи попросили помощи у Новгорода и те прислали им троих воевод с полками. Однако к этому времени Витовт увел свои войска обратно в ВКЛ. Псковичи хотели преследовать войска Витовта, но новгородцы отказались их поддержать. Псковичам пришлось выступить в поход самостоятельно. Захватив Ржев и взяв стяг коложский в Великих Луках, возвратились обратно. Не надеясь своими силами противостоять

Витовту, псковичи и новгородцы стали просить помощи у московского великого князя. Нападение Витовта на псковские волости изменило позицию Василия. Мир с Витовтом был разорван. В ВКЛ вошли московские войска. Они подошли к Вязьме, Серпейску и Козельску, однако взять их не смогли. В отместку Витовт велел перебить всех москвичей, находившихся в его владениях.

Эти события обострили отношения между московским и литовским великими князьями. Они позволяли жителям ВКЛ, которые были недовольны Кривской унией, перейти на сторону единоверного московского князя. Первым со своими людьми приехал из ВКЛ в Москву Александр Нелюб. Князь Василий отдал ему во владение Переяславль. Вскоре в Москву прибыл северский князь Свидригайло Ольгердович, родной брат короля Ягайлы и двоюродный брат Великого князя Литовского Витовта. Вместе со Свидригайло в Москву приехал владика черниговский, шесть русских князей и множество черниговских и северских бояр. Свидригайло получил во владения Владимир, Волок Ламский, Ржев и половину Коломны.

ВКЛ и Московское княжество готовились к войне. В 1406 г. московский князь выступил в поход. К войску князя Василия присоединились тверские и татарские полки. Витовт вышел навстречу зятю также с сильным войском, с поляками и жмудью. Однако битва не состоялась. Великие князья заключили перемирие на год и разошлись. В 1407 г. Военные действия возобновились и войска Витовта взяли г. Одоев. Московский князь захватил город Дмитровец, но, встретившись с Витовтом у Вязьмы, опять заключили перемирие. В 1408 г. князь Василий со своим войском подошел к реке Угра. На другом берегу реки стоял Витовт с поляками, немцами и жмудью. И на этот раз князья заключили мир [1, с. 89].

Таким образом, Витовт не смог объединить Древнюю Русь под своим началом, так как получил серьезное сопротивление со стороны Московского государства и был вынужден заключить с ним мир.

Список использованных источников

1. Чигринов, П.Г. Белорусско-российские отношения: история и современность : учеб. пособие / П.Г. Чигринов. – Минск : Академия МВД Респ. Беларусь, 1999. – 607 с.
2. Пресняков, А.С. Образование Великорусского Государства / А.С. Пресняков. – М. : Юрайт, 2018. – 435 с.

Е.С. Дементей, студентка факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.В. Григорьев*

О НЕТИПИЧНЫХ И ГИБРИДНЫХ ФОРМАХ ПРАВЛЕНИЯ

Исходя из основополагающих положений общей теории государства и права, любому из существующих в настоящее время государств присущ свой «способ организации высших органов государственной власти, а также порядок взаимодействия таких органов между собой и с населением» [1, с. 53], т. е. свойственна своя форма правления. Последняя, помимо того, что характеризует систему высших органов государственной власти, порядок их формирования, степень участия народных масс в их формировании и деятельности, имеет также немаловажное значение для изучения конституционно-правового регулирования организации и функционирования государства [2, с. 33].

Вместе с тем существенную долю научного интереса со стороны отечественных и зарубежных исследователей в данной теме составляет вопрос о классификации форм правления и характеристиках их отдельных разновидностей. При этом стоит отметить, что данное направление развития научной мысли имело отражение как в трудах древних мыслителей, в частности Аристотеля, Платона и т. д., так и в трудах последующих поколений научных деятелей, на протяжении всего исторического периода от становления и постепенного формирования институтов «государство» и «право».

Так, например, как отмечает Е.С. Турянская, «Платон в своих учениях выделял правильные и неправильные формы правления. К первым он относил аристократию, монархию; ко вторым – олигархию, тиранию, демократию и тимократию» [2, с. 33].

При этом Е.С. Турянская в своем труде «Исследование нетипичных форм правления в Античном и Средневековом мире» охарактеризовывает каждую из выделяемых Платоном форм правления:

1. Аристократия – правление лучших с одобрением народа;
2. Монархия – власть одного;
3. Тимократия – власть осуществляется военными;
4. Олигархия – власть личностей, «которые смогли сосредоточить в своих руках большое количество денег»;
5. Демократия – народовластие (власть бедняков);
6. Тирания – наихудшая форма правления, при которой власть осуществляется путем вероломства и насилия [2, с. 33–34].

Еще одним важным аспектом в этой классификации является мнение Платона о поочередной сменяемости данных форм правления, что «сопровождается порчей человеческих нравов, и, чтобы выйти из этого, все возвращается к изначальному строю – аристократии – правлению мудрых» [2, с. 34].

Тем не менее, по мнению О.С. Галайдиной, «формы правления современных государств складывались на протяжении многих столетий, на что большое влияние оказывали политические и исторические традиции, условия образования государств, а также их внутривластные развитие, международное положение и иные факторы. В зависимости от того, осуществляется ли власть одним лицом, или же принадлежит коллективному органу, традиционно выделяют монархическую и республиканскую формы правления, с их внутренним делением на абсолютную, дуалистическую, парламентскую монархию, президентскую и парламентскую республику» [3, с. 305].

Вместе с тем данный автор указывает на появление в XIX–XX вв., наряду с вышеуказанными формами правления, принципиально новых форм, образовавшихся посредством совмещения, соединения и появления новых признаков, в соответствии с которыми нельзя отнести эти новые формы правления ни к монархиям, ни к республикам – появление нетипичных форм правления [3, с. 305].

Как отмечает А.С. Первушова, «появление нетипичных форм правления в большинстве случаев связано с адаптацией стандартных форм правления к конкретным экономическим, политическим, социальным и духовным особенностям, сложившихся на территории определенного государства» [4, с. 504].

Об этом также говорит С.С. Цуканов в своей работе «Современные нетипичные формы правления государством»: ««чистых» классических форм правления в последнее время становится все меньше. Такие изменения происходят по причине того, что традиционные формы правления имеют недостатки из-за своей «однобокости» и «негибкости», поэтому в данном случае создание «гибридных» форм позволяет устранить существующие минусы «чистых» классических форм правления путем их совмещения с положительными чертами иных форм правления» [5, с. 89–90].

Однако нельзя не согласиться с мнением Д.М. Худолей о том, что «гибридные разновидности форм правления стоит отличать от атипичных форм правления. Последними являются республики с монархическим элементом и монархии с республиканским элементом» [1, с. 64].

Республикой с монархическим элементом, по мнению Д.М. Худолей, «является любая диктатура. Так, диктатуры А. Гитлера, Ф. Франко

являются примерами республик с монархическим элементом. Такие государства лишь на бумаге называются республиками. Президенты таких государств, как правило, осуществляют свои полномочия пожизненно. Привлечь к юридической или политической ответственности их невозможно. Нередко республики с монархическим элементом трансформируются в монархии» [1, с. 64].

«Монархии с республиканским элементом – особые разновидности монархий, в которых присутствуют элементы ответственности монарха перед населением или другими органами власти. Так, главы Малайзии, ОАЭ избираются из числа монархов-руководителей субъектов указанных федеративных государств» [1, с. 64].

Данный автор также приводит уточнение к своим высказываниям: «атипичные формы правления – симбиозы различных форм правления (республики и монархии). Гибридные формы правления – симбиозы различных видов монархий и республик» [1, с. 65].

Таким образом, необходимо выделить формы правления, являющиеся гибридными. В частности, Д.М. Худoley выделяет следующие гибридные разновидности монархий:

- парламентская монархия, тяготеющая к дуалистической;
- дуалистическая монархия, тяготеющая к парламентской;
- дуалистическая монархия, тяготеющая к абсолютной [1, с. 58].

Среди республик данный автор также выделяет гибридные разновидности:

- парламентские республики, тяготеющие к смешанным (парламентские республики с сильной президентской властью);
- смешанные республики, тяготеющие к парламентским (смешанные республики с сильным парламентом);
- смешанные республики, тяготеющие к суперпрезидентским (смешанные республики с сильной президентской властью) [1, с. 58].

Некоторые ученые, например С.С. Цуканов, приходят к выводу о том, что формирование нетипичных (гибридных) форм правления оказывает благоприятное влияние на взаимодействие органов государственной власти, и как следствие – стабильность в управлении страной. «Появление новых, неклассических форм правления способствует более функциональному развитию государств, помогает обеспечить достойную жизнь их граждан, позволяет оперативно реагировать на внутривнутриполитические вызовы и возникающие сложности» [5, с. 90].

На основании вышеизложенного считаем целесообразным в дальнейшем акцентировать внимание на доктринальном развитии данной темы, поскольку, помимо ее неоспоримой актуальности, решение ряда вопросов о формировании более совершенной формы правления, при

принятии во внимание различных историческо-культурных, социально-политических факторов, может оказать существенное благоприятное влияние на развитие государства и всего общества в целом.

Список использованных источников

1. Худoley, Д.М. Основные, гибридные и атипичные формы правления / Д.М. Худoley // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2010. – № 4. – С. 53–65. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-gibridnye-i-atipichnye-formy-pravleniya>. – Дата доступа: 22.05.2021.
2. Турянская, Е.С. Исследование нетипичных форм правления в античном и средневековом мире / Е.С. Турянская // Юридическая наука. – 2020. – № 9. – С. 33–35. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-netipichnyh-form-pravleniya-v-antichnom-i-srednevekovom-mire>. – Дата доступа: 22.05.2021.
3. Галайдина, О.С. Нетипичные формы правления современности / О.С. Галайдина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 4. – С. 305–308. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/netipichnye-formy-pravleniya-sovremennosti>. – Дата доступа: 22.05.2021.
4. Первушова, А.С. К вопросу о нетипичных формах правления в XXI веке / А.С. Первушова // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». – 2019. – № 3. – С. 502–504. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-netipichnyh-formah-pravleniya-v-xxi-veke>. – Дата доступа: 22.05.2021.
5. Цуканов, С.С. Современные нетипичные формы правления государством / С.С. Цуканов // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 5. – С. 89–90. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-netipichnye-formy-pravleniya-gosudarstvom>. – Дата доступа: 22.05.2021.

УДК 340.1

Н.Д. Манько, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Д.А. Воронаев*

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Профессиональная правовая культура занимает особое место в правовой культуре общества, поскольку именно от уровня данного вида правовой культуры зависит качество правоприменительной деятельности, совершенствование правовых актов, эффективность осуществления юридической практики, да и в целом уровень правовой культуры общества.

В современной юридической науке существует огромное множество понятия «профессиональная правовая культура». Так, профессиональная правовая культура понимается как одна из форм правовой культуры общества, свойственная той общности людей, которая профессионально занимается юридической деятельностью, требующей специального образования и практической подготовки [1, с. 514]. В то же время необходимо отметить, что данное понятие предопределяется таким институтом, как правовая культура, которую современные ученые рассматривают как совокупность правовых ценностей, выработанных человечеством, отражающих прогрессивно-правовое развитие общества [2, с. 41].

Особое место в структуре профессиональных юристов занимают сотрудники органов внутренних дел. К ним предъявляются особые требования в части не только знать и понимать закон, но и правильно его применять, обладать высоким уровнем правопонимания и вследствие высоким уровнем правовой культуры. Исходя из специфики работы сотрудников органов внутренних дел, правовая культура объективно отличается от правовой культуры любого другого профессионального юриста.

Считаем, что эффективность деятельности сотрудников органов внутренних дел в значительной степени зависит от уровня их правовой культуры, равно как и сама их деятельность является материальным ее выражением.

Следовательно, в структуру правовой культуры сотрудника органов внутренних дел можно включить знание закона, правовую информированность, уважение к праву, к закону как к ценности.

Таким образом, полагаем, что профессиональная правовая культура сотрудников органов внутренних дел понимается как одна из форм общественной культуры, присущая непосредственно сотрудникам органов внутренних дел и заключающаяся в их глубоком знании и понимании права и формировании высоких идеалов, необходимых для уважительного отношения к праву, считая его высшей ценностью.

Формирование профессиональной правовой культуры – достаточно трудоемкий процесс и связан с различными факторами. Прежде всего, как отмечается в современной юридической науке, формирование происходит внутри определенной социально-демографической группы, т. е. указывается на то, что формирование правовой культуры происходит в процессе социализации. Именно в процессе социализации развиваются социальные качества, развиваются общепринятые ценности и нормы, присущие определенной категории лиц, а также закладываются основы общей культуры человека.

В то же время современные ученые юристы выделяют такое понятие, как «правовая социализация», которая отождествляется с процес-

сом получения и усвоения человеком правовой информации. Именно в процессе социализации сотрудник органов внутренних дел получает правовые знания, его правовая культура развивается. Однако в современных условиях правовая информация обладает динамичностью и сотруднику органов внутренних дел приходится усваивать такую информацию потоком.

Правовая информация является необходимым средством, влияющим на эффективность деятельности сотрудника органов внутренних дел, а также на правовую культуру такого сотрудника. В то же время возникает вопрос: как сотрудник получает правовую информацию? Так, ученые считают, что правовую информацию сотрудник органов внутренних дел получает посредством правового образования и правового воспитания.

Целями правового обучения являются формирование теоретической основы правового сознания и правовой культуры, обеспечение необходимого уровня систематизации знаний о праве, развитие правовых интересов, чувств, правового мышления, формирование научного правового мировоззрения [3, с. 109].

Имеет место сказать, что знание сотрудником органов внутренних дел права, не всегда указывает на то, что он будет поступать правомерно. Сотрудник органов внутренних дел должен не просто знать законы, но и правильно их применять, осознавая всю социальную значимость правовых предписаний, установленных государством.

Правовое обучение и правовое воспитание неразрывно связаны между собой. Совместно они определяют уровень образования сотрудника. Правовое образование является необходимой составляющей формирования правовой культуры в части усвоения, принятия и реализации сотрудниками правовых ценностей общества, идей, переживаний чувств и эмоций людей, а также правовых оценок, норм и моделей поведения.

В.Е. Толпыкин выделяет задачи правового образования. Во-первых, ликвидацию правовой безграмотности населения и должностных лиц государства; во-вторых, охват всех граждан, должностных лиц систематическим правовым обучением как важнейшим условием социализации человека в обществе; в-третьих, привитие каждому человеку как правовому существу внутренне осознанной потребности и способности активно использовать правовые знания для удовлетворения как личных, так и общественных интересов; в-четвертых, формирование цивилизованного отношения к действующему законодательству должно способствовать искоренению правового нигилизма; в-пятых, процесс правового обучения должен быть дифференцированным для различных групп населения [4, с. 36].

Главенствующую роль в правовом образовании, а в дальнейшем и в формировании правовой культуры, играет получение сотрудником ор-

ганов внутренних дел юридического образования. На этом этапе институт образования закладывает в сознание сотрудника основные теоретические категории, необходимые для выполнения своих задач. Помимо этого, важным фактором формирования правовой культуры является институт семьи. Семья формирует у будущего сотрудника отношение к праву, положительное или отрицательное. В зависимости от семейных установок формируется либо равнодушное отношение к праву, либо уважительное отношение к нему.

Основной особенностью правовой культуры сотрудников органов внутренних дел является то, что она носит нормативный характер, т. е. все требования к манерам поведения при выполнении служебных обязанностей закреплены в нормативных правовых актах и являются обязательными для соблюдения.

Об уровне правовой культуры сотрудника органов внутренних дел свидетельствуют различные категории, к которым можно отнести юридические знания, навыки, правовые установки, ценностные ориентации, которые проявляются: 1) в правильном понимании сотрудником своих функций; 2) в умении толковать нормы права по конкретному делу; 3) в точном исполнении им предписаний закона; 4) в обеспечении прав и законных интересов граждан; 5) в правильном выборе варианта решения и т. д. [5, с. 51].

Активная роль в формировании правовой культуры отведена государству. Государство воздействует на правосознание посредством государственных органов и общественных организаций. Большое значение для формирования правовой культуры имеет также государственная правовая политика. В идеале результатом ее проведения должно быть повышение правосознания, но на практике возможно и противоположное воздействие – негативное отношение к праву. Именно правосознание способно повысить уровень правовой культуры сотрудника или, наоборот, способствовать его деформации.

В заключение стоит отметить, что изучение профессиональной правовой культуры сотрудников органов внутренних дел носит не только теоретический, но и практический характер, который заключается в работе с сотрудниками подразделений в части формирования и развития данного социально-правового феномена.

Список использованных источников

1. Скакун, О.Ф. Теория государства и права : учебник / О.Ф. Скакун. – Харьков : Консум ; ун-т внутр. дел, 2000. – 704 с.
2. Вопленко, Н.Н. Правосознание и правовая культура : учеб. пособие / Н.Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. – 52 с.

3. Певцова, Е.А. Правовая культура и правовое воспитание в России на рубеже XX–XXI веков / Е.А. Певцова. – М. : Новый учебник, 2003. – 416 с.

4. Толпыкин, В.Е. Правовая культура общества и личности как комплексная, системообразующая проблема философии права / В.Е. Толпыкин // Философия права. – 2009. – № 4. – С. 35–36.

5. Воспитательная работа с личным составом в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации : учебник / под общ. ред. В.Я. Кикотя. – М. : ЦОКР МВД России, 2009. – 480 с.

УДК 341.1.1

П.И. Протащук, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.В. Григорьев*

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА КАК ИСТОЧНИКА ПРАВА В СТРАНАХ РОМАНО-ГЕРМАНСКОГО МИРА

В современной зарубежной, в том числе и отечественной юридической литературе, большое внимание уделяется проблемам глобализации, конвергенции правовых семей, систем, а также формирование на этой основе «унифицированной глобальной юриспруденции» [1, с. 5].

Посредством компаративистического подхода, в частности, решаются поставленные задачи. Не составит труда проследить процесс конвергенции, который проникает во все сферы жизнедеятельности: экономика, культура, право и т. д. Довольно иллюстрационными примерами могут служить исследования, относящиеся к институту судебных прецедентов в странах романо-германского мира, и то как внедряются в правовой массив (Беларусь, Россия, Германия, Швейцария, Финляндия и т. д.) этих стран. Актуальность данной тематики также обусловлена и тем, что юридический прецедент имеет неоднозначные подходы, как с точки зрения науки, так и с точки зрения правоприменительной практики.

Ни для кого не секрет, что, согласно доктрине, Республика Беларусь принадлежит к странам романо-германского мира. Не представляет труда проследить это в Основном Законе государства – Конституции. Так, согласно части первой ст. 4 «В Республике Беларусь устанавливается принцип верховенства права» [2, с. 4]. В результате этого можно сделать вывод о том, что Беларусь относится к странам романо-германской семьи и ее особенностью является то, что судебный прецедент не является

источником права. Однако в юридической мысли, а также в современной правоприменительной практике он имеет место быть.

Бесспорно, является то, что правовая природа судебного прецедента приходится на страны англосаксонской правовой семьи, с этой целью акцент исследования сосредоточен на особенностях функционирования судебного прецедента в странах романо-германской семьи и то, как он внедряется в законодательный массив стран, где основным источником права является нормативный правовой акт. Нормативный правовой акт и судебный прецедент – это две, одновременно, противоположные и взаимосвязанные категории, которые накладывают свой отпечаток на объективную законодательную реальность.

В чем заключается сущность общего права в контексте правовых семей романо-германского мира?

Во-первых, дуализм среди источников права: с одной стороны, его формально-юридическом непризнании, а напротив, фактически его использование, т. е. фактическое признание и существование. Проблематичен вопрос о том, насколько и в каком его внешнем проявлении осуществляется это признание в виде источника права?

Такого рода вопросы не являются примитивными, а вовсе дискуссионными, ведь дело в том, что, юридически закрепляя фактическое существование прецедента как источника романо-германского права, ученые данной области весьма по-разному оценивают факт признания прецедента, так и его значение.

Например, в Дании, где и Верховный, и нижестоящие суды не признают соблюдение собственных решений как обязательное. Естественно, предпочтительнее решения Верховного суда Дании, выступают своего рода в форме обычая, традиции [3, р. 8].

В Австрии признание судебного прецедента в качестве источника права также несколько иное. Судебный прецедент выступает в качестве «своеобразного катализатора», формирующего основу для развития традиционного права [4, р. 18].

А вот во Франции, Швейцарии дела обстоят иначе, где прецедент воспринимается как не только источник права, но и как определяющего степень тенденции усиления роли решений вышестоящих судов для нижестоящих, которые, исходя из традиционных соображений, воспринимаются как обязательные.

Если речь идет о скандинавских странах, то доминирующую роль играют Судейские правила (Rules of Judges), устанавливающие судьям принцип действовать по справедливой воле судьи.

Во-вторых, дифференцированный характер применения прецедента по отношению к различным отраслям права.

Так, например, в правовой системе Франции степень внедрения прецедента определяется в разных отраслях права весьма неоднородно. Так, предпочтение отдается судебным прецедентам в административном праве, по мнению соответствующих специалистов в данной сфере. Это отнюдь не означает, то что в этой отрасли в целом отсутствует статутное право. Напротив, административное право Франции формируют императивные нормы, которые находят свою правовую природу в судебных прецедентах, но дело ведь в том, что они не создают единый кодифицированный правовой массив.

Согласно исследованиям, в правовой системе Швеции прецедент в гораздо большей степени применяется в сфере коммерческого права, где нормативно-правовой акт тоже играет доминирующую роль, хотя и прецеденты тоже имеют определенное значение.

В-третьих, неоднородность правовой основы и дифференцированность юридической силы прецедентов.

Проводя сравнительный анализ нормативных правовых актов в странах романо-германской правовой семьи, то не представляет труда сделать вывод о том, что ни в одном из них нет закона либо подзаконного акта, который регламентировал бы правовой статус судебного прецедента как источника права, т. е. устанавливающий фактический характер существования судебного прецедента, его юридическую силу.

Необходимо понимать, что в судебном прецеденте важна не формально-юридическая сторона данной проблематики, а сами возникающие в объективной действительности, конкретные дела, разрешаемые путем отправления в предыдущие дела и рассматриваемые на их основе.

Поскольку формально-юридически прецедент не закреплен, но и не запрещается, поэтому можем проследить «юридический баланс» между формальным непризнанием прецедента, с одной стороны, и отсутствием запрета на его практическое использование, с другой.

Безусловно, в каждой стране имеются правовые акты, которые иным образом затрагивают институт судебного прецедента, но никак не признают его формально-юридическое значение.

Например, в Испании – это прежде всего Конституция (ст. 117), обязывающая все судебные органы действовать в соответствии с конституционными принципами и актами толкования Конституции [5].

Данные нормативных правовых актов весьма разнородны и даже противоречивы, относительно вопросов юридической силы прецедента, места и роли его как источника права в системе других источников романо-германского права.

Значение прецедента в романо-германской правовой семье проявляется в практике придания решениям Конституционного Суда общеоб-

зательной силы, наделение такими полномочиями, как придание решениям Конституционного Суда юридической силы наравне с законами, позволяет говорить о том, что значение судебного прецедента, в условиях современных глобализационных реалий, недооценен.

На основе правового наполнения, создаваемого Конституционным Судом: заключений, решений, постановлений, определений, осуществляется рассмотрение дел, что, в свою очередь, является признаком наличия в актах Конституционного Суда элементов судебного прецедента, осуществление толкования правовых норм и отправление правосудия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что судебный прецедент в романо-германской правовой семье занимает особенное положение: непризнание в формально-юридическом смысле слова, а с другой стороны – активное использование института судебного прецедента в правоприменительной практике, каждая из стран имеет различные подходы к определению места и роли судебного прецедента в правовой системе отдельной страны и правовой семье в целом.

Список использованных источников

1. Марченко, М.Н. Особенности судебного прецедента в системе романо-германского права // Журнал зарубеж. законодательства и сравн. правоведения = Journal of foreign legislation and comparative law. – 2016. – № 1. – С. 5–13.
2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумам 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
3. Introduction to Dutch Law / J. Choris [et al.]. – Boston, 1993. – P. 16.
4. Kourilsky Ch., Racz A. Ch., Schaffer H. (eds.). The Sources of Law / A Comparative Empirical Study. – Budapest, 1982. – P. 32.
5. Конституция Испании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/SPAIN.HTM>. – Дата доступа: 22.04.2021.

УДК 93/94

П.С. Соболевский, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.А. Семенова*

УЧАСТИЕ МИЛИЦИИ В ОБОРОНЕ ГОРОДА МОГИЛЕВА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

22 июня 1941 года... Для многих жизней эта дата стала роковой. Именно в этот день германские войска, нарушив пакт Молотова-Риббентропа, вероломно напали на Советский Союз, используя тактику глубоких обходов советских группировок, массированных бомбардиро-

вок крупных городов и промышленных центров, а также уничтожения приграничных аэродромов и железнодорожных узлов. Началась Великая Отечественная война советского народа против нацистской Германии.

В истории Великой Отечественной войны множество фактов героических сражений советских солдат с немецкими оккупантами. Однако на фоне регулярных частей Красной Армии, непосредственно принимавших участие в боях, теряются факты участия сотрудников органов внутренних дел в борьбе с врагом. Особое внимание стоит уделить участию сотрудников милиции в обороне города Могилева в 1941 г.

Милицейский батальон, о котором пойдет речь, был сформирован 11 июля 1941 г. по инициативе управления НКВД по Могилевской области и занимал оборону в соответствии с приказами штаба 172-й стрелковой дивизии, оборонявшей Могилев. Возглавил батальон лейтенант милиции Константин Григорьевич Владимиров, который к началу войны своим послужным списком от солдата Красной Армии, участвовавшего в Гражданской войне, до начальника отдела службы и боевой подготовки УРКМ УНКВД Могилевской области, доказал, что достоин вести за собой в бой против врага личный состав.

Вверенный ему батальон состоял из трех рот, а количество личного состава насчитывалось более 250 бойцов, однако точную цифру назвать трудно, так как информации о численности батальона не сохранилось. Этими бойцами стали работники Могилевской милиции, курсанты Могилевской межкравежной школы НКВД–НКГБ, а также преподаватели и курсанты Минской и Гродненской школ милиции.

В день формирования личный состав дал клятву: стоять насмерть, защищать Могилев до последнего патрона, до последнего дыхания. С этой клятвой они выполнили свой воинский долг, отважно сражаясь с врагом, многократно превышающим их численность.

Боевые действия, которые вел батальон на протяжении долгой и мучительной недели сражений, вызывает чувства гордости и восторга. После того как батальон был поднят по тревоге 12 июля, бойцы заняли окопы в районе деревень Старое Пашково, Гаи, где уже днем начались столкновения с немецкими группами, рвавшими в город. Эта линия обороны находилась северо-западнее Могилева и батальону была поставлена задача прикрывать железнодорожный узел со стороны Шкловского шоссе. Но уже на следующий день бойцы вступили в ожесточенный бой с врагом.

13 июля, после того как Могилев был полностью окружен германскими войсками, два немецких батальона мотопехоты после жестокого боя смогли овладеть деревней Старое Пашково. Первой роте пришлось отойти в запасные окопы, однако бойцы смогли захватить значительные

трофеи, с которыми они долгое время сражались с врагом. Не допуская нацистов к железнодорожному узлу, несколько дней бойцы мужественно сражались. В условиях ожесточенного сопротивления врага, постоянного обстрела минометов и артиллерии, бомбежек милиционеры ни только не отступили, но даже смогли ночью 14 июля вернуть под свой контроль деревню Старое Пашково. Однако немецкое командование, вводя в бой все новые резервы, к вечеру того же дня смогло стабилизировать обстановку и вновь захватить деревню. Но под контролем милицейского батальона все еще оставалась деревня Гаи, находившаяся под постоянным обстрелом врага. Владимир, понимая, что в скором времени немцы начнут атаку, приказал личному составу батальона перегруппироваться по флангам относительно деревни, а несколько сотрудников оставил в самой деревне для создания видимости нахождения в населенном пункте основных сил. План удался. Враг начал массированный минометный и артиллерийский обстрел, после которого вряд ли кто-то бы выжил, если бы Владимир не предпринял этот тактический ход. После обстрела немцы начали наступление, совершенно не ожидая какого-либо сопротивления, однако их встретили огнем бойцы батальона, которые смогли обратить в бегство противника.

16–17 июля немецкие войска не прекращали попыток сломить сопротивление милиционеров, успешно отбивающих все атаки. Имея ограниченные силы, лишь один раз подкрепленные 3-й ротой из числа курсантов Гродненской школы милиции, и постоянно наращивающего свои силы врага, бойцы осознавали свое тяжелое положение. Однако клятва, данная ими в день формирования, оставалась у них в сердцах и поддерживала боевой дух.

18 июля – день, который стал последним для батальона и большинства милиционеров... На заре группа немцев получила приказ добраться к позициям батальона по левому флангу, но эта попытка не увенчалась успехом. Группа противника была уничтожена метким пулеметным огнем. Сразу после этой атаки последовал массированный артиллерийский обстрел, после которого противник опять начал наступление, однако и в этот раз ничего не удалось. Выжившие милиционеры вспоминали, что после такой атаки «был уничтожен гай, от которого не уцелело ни одного дерева. Высота, на которой находились позиции батальона, превратилась в груды взрытой опаленной земли, и казалось, что там нет ничего живого...».

Судьба милиционеров батальона Владимирова была предрешена к полудню, после того как противник подтянул к городу значительные соединения, состоящие из бронетанковых частей и пехоты. Собрав мощные силы, немецкие войска хлынули ударным натиском на позиции

батальона. Нависла угроза захвата железнодорожной станции Могилева и непосредственного прорыва противника в город.

Милиционеры держались стойко и мужественно, осознавая свою роль в обороне города. То, что силы батальона и немцев были неравны, было видно невооруженным глазом. Раненный лейтенант Владимир, понимая положение дел, поднял батальон в последнюю контратаку, которая не поддерживалась ни артиллерийским огнем, ни каким-либо другим соединением. Последними его словами были: «Вперед, за Родину!!!»

Все, кто мог держать в руках оружие и стоять на ногах, поднялись за своим командиром в последний бой. Бойцы смело вступали в схватку с врагом, но огонь противника выводил из строя все больше отважных милиционеров... Так, от разорвавшегося снаряда погиб командир батальона, а после него и многие другие бойцы... [1, с. 44–48].

Точной цифры оставшихся в живых милиционеров неизвестно до сих пор. После войны многие историки и корреспонденты проводили работы по поиску материалов о подвиге батальона. Одним из них был подполковник милиции в отставке Михаил Рыськов. Ему довелось пообщаться с выжившими героями. Он смог побеседовать с Василием Ивановичем Горбачевым, выполнявшим до войны обязанности заместителя начальника Минской школы милиции. Василий Иванович смог рассказать, что после того как батальон был разбит, он и 20–30 бойцов добрались до железнодорожного переезда, который находился недалеко от вокзала, где держало оборону подразделение Василия Костюшина. Большинство милиционеров остались там, а после того, как вокзал был занят немцами, уцелевшие бойцы вместе с ополченцами переправились через Днепр. Некоторые смогли прорваться к своим, многие попали в плен и были освобождены лишь после войны [2].

О подвиге милицейского батальона, защищавшего Могилев, долгое время практически ничего не было известно. Но в 80-е гг., после активного участия ветеранов органов внутренних дел в работе по восстановлению памяти о героях войны и инициированного проведения раскопок на предполагаемых местах сражений, началось сооружение мемориального памятника батальону милиции. В честь памяти командира батальона по ходатайству Могилевского областного Союза ветеранов ОВД совместно с руководством УВД Могилевского облисполкома К.Г. Владимирову было посмертно присвоено звание капитана милиции, а также он был посмертно награжден орденом Ленина. В память о нем его имя было зачислено в список почетных солдат 1-й патрульной роты войсковой части 5523 [1, с. 50].

Однако непрекращающиеся споры о легендарном батальоне стали причиной начала новой поисковой компании, которая позволила бы уточнить подлинную численность бойцов подразделения, их фамилии и имена. В 2017 г. были начаты поисковые работы. В первые дни раскопок ориентиром был обелиск, построенный в честь героев, и местоположение которого долгое время считали местом боевых действий. Однако позже выяснилось, что он стоит не на высоте, занимаемой батальоном, а так чтобы его было видно с дороги. Поэтому за два дня раскопок поисковикам не удалось найти ничего существенного, что могло бы хоть как-то пролить свет на местонахождение останков павших бойцов батальона. Но вскоре посередине поля были обнаружены винтовки Токарева образца 1940 г. и саперная лопата, которые помогли раскрыть местоположение окопа, в котором оборонялись защитники. Чуть позже были найдены и другие предметы погибших, в том числе пряжки от ремней и посмертный медальон одного из милиционеров, которые подтверждали, что именно на этом месте находились позиции батальона Владимирова. После завершения раскопок найденное оружие и ценные вещи были переданы в Могилевский РОВД, где хранятся и в настоящее время [3].

Отдавая дань памяти героям, несмотря на запрет, жители деревни похоронили погибших милиционеров, делая это тайно, ночью, под постоянным страхом быть обнаруженными и расстрелянными за нарушение германского приказа.

Несмотря на продолжительное время, которое прошло с момента тех страшных дней, и постепенное утрачивание потомками интереса к событиям Великой Отечественной войны, мы должны делать все, чтобы сохранять память о защитниках Отечества. Те тяжелые дни войны, которые выпали на долю наших предков, должны служить настоящим примером мужества и героизма, стойкого желания выполнять свой долг перед Родиной, защищать своих родных и близких. Ведь от этого зависит наше будущее. Необходимо помнить истину: кто не знает своего прошлого, у того нет будущего.

Список использованных источников

1. Солдаты Могилевской милиции : науч.-популяр. изд. / под общ. ред. С.И. Степановича. – Могилев : УПКП С60 «Могилев. обл. укрупн. тип. им. Спиридоны Соболя», 2004. – 456 с.
2. Коздерко, О. Бойцы знали, что обречены, но стойко выполняли свой долг / О Коздерко // На страже. – 2017. – № 13. – 31 марта. – С. 15.
3. Коздерко, О. Батальон Владимирова. Поиски продолжаются / О. Коздерко // На страже. – 2017. – № 19. – 12 мая. – С. 8.

УДК 340.1

А.С. Уласик, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат философских наук,
доцент *А.А. Козел*

ИНСТИТУТ ИМПИЧМЕНТА ПРЕЗИДЕНТА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

В политической системе США важное значение имеет институт импичмента президента. В соответствии с Конституцией США Конгресс может отстранить президента от исполнения своих должностных обязанностей в случае совершения им государственной измены, взяточничества и других тяжких преступлений и проступков. Данную формулу законодатели США заимствовали в Великобритании, где с 1376 г. использовали ее для отстранения от власти королевских особ. Это не означает буквальное нарушение уголовного законодательства, речь, скорее всего, шла о злоупотреблении властью должностным лицом.

Процедура импичмента начинается с того, что юридический комитет Палаты представителей (или специально собранный комитет) формулирует статьи обвинения и представляет их всей Палате. Затем начинается голосование, если хотя бы одна из статей набирает большинство голосов, президент считается подвергнутым импичменту (обвиненным, но пока не отстраненным).

Затем материалы передаются на рассмотрение в сенат – верхнюю палату американского парламента. Сенат, как правило, контролируют члены одной из ведущих политических партий США: республиканцы или демократы. Сенат проводит аналог судебного процесса под руководством главного судьи Верховного суда. Четких правил, описывающих данную процедуру, не существует, возможно, Сенат опирается на предыдущий опыт. Команда из Палаты представителей играет роль обвинения, у президента могут быть адвокаты, а сенаторы выступают в роли присяжных.

Чтобы отстранить президента, нужно, чтобы две трети сенаторов согласились со стороной обвинения. В случае если такого числа не наберется, президент остается в своем офисе [1, с. 146].

В истории США процедуре импичмента подвергались четыре президента: Эндрю Джонсон в 1868 г., Ричард Никсон в 1974 г. и Билл Клинтон в 1999 г. и Дональд Трамп в 2019 г.

Президент Эндрю Джонсон в мае 1865 г. представил свой план Реконструкции Юга, целью которого было решение политических, социальных и экономических проблем, возникших с возвращением в союз

одиннадцати штатов. Эндрю Джонсон характеризовался относительно мягкой политикой по отношению к конфедератам – де-факто независимое государство, существовавшее с 1861 по 1865 г. в южной части Северной Америки, выступавшим против освобожденных рабов, так называемые черные кодексы. В ответ на эти действия в апреле 1866 г. Конгресс, в котором республиканцы составляли большинство, принял закон о гражданских правах, разрешающий чернокожим подавать иск, свидетельствовать в суде, а также покупать собственность. В свою очередь, Джонсон наложил вето на данный законопроект, оправдывая свое решение тем, что он может вызвать расовые волнения. Конгресс смог преодолеть президентское вето большинством в один голос. С этого момента и началось обостренное противостояние Президента и Конгресса, закончившееся процедурой импичмента.

В июне 1866 г. Конгресс принял 14-ю поправку, которая серьезно расширяла гражданские права чернокожих и запретила штатам принимать законы, нарушающие эти права. В результате в 1867 г. Конгресс вопреки воле президента принял закон о военной реконструкции Юга, в соответствии с которым бывшая Конфедерация делилась на пять военных округов под командованием генералов Союза.

После того как 21 февраля 1868 г. президент Джонсон заменил генерального прокурора США Эдвина Стэнтона генералом-адъютантом Лоренсо Томасом, нарушив закон о пребывании на должности, Конгрессу потребовалось всего три дня для осуществления импичмента за «тяжкие преступления и проступки». Тем временем Стэнтон отказался покинуть свой пост и даже арестовал Томаса за попытку взять на себя полномочия военного министра. 11 статей импичмента были поддержаны Палатой представителей, однако в Сенате на голосовании по импичменту 16 мая 1868 г. не хватило одного голоса, чтобы сместить президента. Таким образом, Эндрю Джонсон остался в должности до конца срока, окончательно лишившись поддержки населения. Через 100 с лишним лет в связи с раскрытием фактов причастности Белого дома к «уотергейтскому скандалу» – 17 июня 1972 г. (за четыре месяца до президентских выборов, на которых кандидат от Республиканской партии Ричард Никсон был переизбран на второй срок) в штабе кандидата в президенты от Демократической партии Джорджа Макговерна, расположенном в Вашингтонском комплексе «Уотергейт», были задержаны проникшие в отель пять человек. Как выяснилось, они занимались настройкой подслушивающей аппаратуры и фотографировали внутренние документы штаба демократов.

До сих пор не доказана связь именно этого инцидента с администрацией Никсона. Известно, что у него действительно имелись пленки с

нелегально записанными переговорами демократов. Но та «прослушка» заведомо не имела отношения к отелю «Уотергейт». В то же время общественность интересовало не только, стоял ли Никсон за конкретной группой пяти взломщиков, но реакция его самого и его штаба на события постфактум – в том числе и с точки зрения объективного их расследования. В апреле 1973 г. подали в отставку глава управления делами президента Боб Холдман, советник президента Джон Эрлихман и генеральный прокурор США Ричард Клейнденст. В конце 1974 г. все они были приговорены к заключению. В этом же году Палата представителей США постановила начать процедуру импичмента президента. Никсон отказался предъявлять следствию имеющиеся у него материалы. Верховный суд единогласно постановил, что Белый дом обязан передать следователям Конгресса США пленки с записями разговоров президента и его ближайшего окружения. В августе Никсон передал в Конгресс магнитные пленки с записями разговоров в Овальном кабинете. Из них стало известно, что Белый дом имел непосредственное отношение к слежке за своими политическими оппонентами и президент лично был вовлечен в сокрытие преступления (приказал своим помощникам лгать сотрудникам ЦРУ и ФБР, чтобы помешать расследованию) и на протяжении двух лет лгал о своей неосведомленности. Позднее Никсон, не дожидаясь решения Сената, добровольно подал в отставку. Это единственный в истории США случай, когда президент досрочно прекратил исполнение своих обязанностей. В сентябре этого года президент США Джеральд Форд издал указ о «полном, безусловном и абсолютном прощении вины» Никсона. В 1977 г. экс-президент США извинился за свои ошибки перед американским народом.

17 августа 1998 г. Клинтон стал первым президентом в истории, давшим показания под присягой суду присяжных вследствие с процедурой импичмента. Суть обвинений сводилась к лжесвидетельству, когда Билл Клинтон под присягой заявил, что не имел сексуальных контактов с молодой практиканткой Моникой Левински в своем кабинете в Белом доме [2, с. 28].

Однако на самом деле, следы биологического материала на платье Монике Левински, обнаруженные в ходе расследования, показали, что заявления Клинтона были ложью, в чем позднее он сам признался.

Данный факт лжесвидетельства давления на свидетелей стал поводом для импичмента. В Палате представителей были одобрены ст. I и III обвинения. Голоса в Сенате разделились 50 на 50, а для импичмента необходимо было две трети голосов.

Сорок пятого президента США Трампа демократы обвиняли в 2019 г. по двум пунктам. В первом пункте речь о том, что президент США требовал от президента Украины В.А. Зеленского возобновить антикорруп-

ционное расследование против газовой компании Burisma Holdings, а в противном случае грозил заморозить военную помощь украинским силовикам. Именно в этой компании трудился Хантер Байден – сын бывшего вице-президента Джозефа Байдена, который являлся на то время одним из наиболее вероятных конкурентов Трампа на президентских выборах-2020. Демократы полагали, что президент использовал рычаги своей власти, чтобы добыть компромат на своего политического оппонента. За то, чтобы обвинить главу Белого дома в злоупотреблении властью, высказались 230 законодателей, против – 197 (в том числе два демократа), один воздержался. По второму пункту, главу Белого дома обвиняли в том, что он препятствовал следствию, а именно – запрещал своим советникам выступать свидетелями и предоставлять документы. Проголосовали «за» 229 законодателей, высказались «против» 198 конгрессменов (в том числе три демократа), один депутат вновь воздержался. Голосовали «за» только оппозиционные Белому дому демократы, а высказались «против» республиканцы. В конечном итоге Трамп был оправдан Сенатом, большинство в котором принадлежит республиканцам.

Таким образом, институт импичмента президента сегодня считается инструментом политической борьбы демократической и республиканской партий для достижения своих политических целей.

Список использованных источников

1. Домрин, А.Н. Конституционная процедура импичмента в США / А.Н. Домрин // Журнал рос. права. – 2004. – № 7. – С. 146.
2. John F. Harris ‘Washington Was About to Explode’: The Clinton Scandal, 20 Years Later // Politico. – 2018.

УДК 351.74(09)

А.А. Шемет, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.Ф. Лапанович*

БОЛЬШЕВИЦКАЯ ПРОГРАММА ВСЕОБЩЕГО ВООРУЖЕНИЯ НАРОДА КАК АЛЬТЕРНАТИВА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ (1917 – НАЧАЛО 1920 гг.)

Полиция Российской империи в конце XIX – начале XX вв. находилась в кризисном состоянии. В 1907 г. П.А. Столыпин предложил реформу полицейского аппарата, цель которой состояла в расширении

штата сотрудников, увеличении заработной платы (для борьбы с коррупцией) и создании учебных заведений для подготовки квалифицированных сотрудников. Однако реформа не состоялась из-за нехватки финансовых ресурсов и косности бюрократического аппарата. В итоге правительство только увеличило штат губернских жандармерий управлений [1, с. 22].

В начале XX в. в Российской империи было создано огромное количество партий, политических движений, целью которых являлось свержение самодержавия [2, с. 142]. Одной из таких фракций являются большевики. Большевики – радикальное крыло (фракция), наряду с меньшевиками, Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Позднее стали самостоятельной партией. Вопреки принятому в то время среди российских социал-демократов мнению, приоритетное место среди взаимодействовавших в обществе сил большевики отводили субъективному фактору, главному образованию пролетарской партии – «авангарду рабочего класса». Большевики продолжили радикальное направление в российском революционном движении: оставаясь на почве марксизма, большевизм в то же время вобрал в себя элементы идеологии и практики революционеров второй половины XIX в. (Н.Г. Чернышевского, П.Н. Ткачёва, С.Г. Нечаева). Большевики использовали опыт Французской революции XVIII в., прежде всего периода якобинской диктатуры. Главой партии являлся марксист Владимир Ильич Ленин (также известен под фамилией Ульянов и двойной – Ульянов-Ленин), имевший в партии исключительный авторитет лидера и главного идеолога [3, с. 606].

25 октября 1917 г. в России победила революция, утвердившая диктатуру пролетариата, сформировавшая новый тип государства – социалистическую республику Советов [1, с. 27]. Второй Всероссийский съезд Советов провозгласил образование Советского государства и юридически закрепил ликвидацию Временного правительства и его органов в центре и на местах.

В числе 13 наркоматов, вошедших в состав первого советского правительства, был и Народный комиссариат по внутренним делам (НКВД). Наряду с другими задачами он ведал охраной общественного порядка в стране, ведь стабильный общественный порядок – главное свидетельство силы и твердости устанавливаемой пролетарской диктатуры, необходимая предпосылка социально-экономических и политических преобразований [4, с. 172].

В свое время основоположники научного коммунизма исходили из того, что после свержения власти буржуазии и слома старой государственной машины перед трудящимися возникнут проблемы, связанные

с организацией революционного правопорядка, защитой нового строя от контрреволюции, анархии и уголовной преступности. Их предположение состояло в том, что естественной формой охраны общественного правопорядка станет периодическое несение милицейской службы каждым гражданином. Идея всеобщей милицейской повинности противопоставлялась буржуазной практике использования полицейских структур в интересах капиталистического государства. К. Маркс и Ф. Энгельс считали необходимостью разрушить буржуазный аппарат насилия и создать всенародную милицию на основе сознательного и безвозмездного участия каждого из трудящихся в поддержании общественного порядка.

Теоретические и практические основы построения милицейской службы в социалистическом обществе развил В.И. Ленин. Для марксистов было ясно, что наиболее эффективно и просто обеспечить порядок в обществе можно путем введения всеобщей милицейской повинности.

28 октября 1917 г. НКВД РСФСР по инициативе В.И. Ленина принял постановление «О рабочей милиции», которое явилось нормативным документом, определяющим создание милиции как исполнительного органа Советов рабочих и солдатских депутатов. В нем говорилось: «1. Все Советы Рабочих и Солдатских депутатов учреждают Рабочую милицию. 2. Рабочая милиция находится всецело и исключительно в ведении Совета Рабочих и Солдатских депутатов. 3. Военные и гражданские власти обязаны содействовать вооружению рабочей милиции и снабжению ее техническими силами, вплоть до снабжения казенным оружием». Таким образом, юридически закреплялось создание органа охраны революционного порядка – советской милиции, которая, как показала жизнь, отличалась от полиции буржуазного государства и милиции Временного правительства тем, что служила политическим целям пришедшей к власти партии [1, с. 27].

Местным органам государственной власти предоставлялась полная свобода в организации аппарата милиции, так как постановление НКВД от 28 октября 1917 г. не определяло ни формы организации, ни структуры, ни компетенции милиции. И это нельзя считать случайным. В условиях повсеместного утверждения и упрочения власти Советов, по мнению руководства партии большевиков, юридическое закрепление единых организационных форм милиции не имело принципиального значения. «Советы на местах, – писал В.И. Ленин, – сообразно условиям места и времени могут видоизменять, расширять и дополнять те основные положения, которые создаются правительством. Живое творчество масс – вот основной фактор новой общественности». Следовательно, хотя постановление НКВД от 28 октября 1917 г. не решало всех вопросов организации органов охраны общественного порядка, не

уточняло, что следует понимать под рабочей милицией (всенародную милицию, Красную гвардию или наемную милицию), все же создание Советами рабочих и солдатских депутатов пролетарской милиции осуществлялось на основе ленинских положений о всеобщем вооружении народа, его указаний о роли народной милиции в установлении и упрочении диктатуры пролетариата. Народная милиция, полагал В.И. Ленин, должна была соединить «в себе функции народной армии с функциями полиции, с функциями главного и основного органа государственного порядка и государственного управления». К весне 1918 г. Советское государство в основном завершило реорганизацию милицейского аппарата, созданного в период Временного правительства, и образовало в форме рабочей милиции и Красной гвардии свои первые органы охраны порядка, твердо вставшие на защиту завоеваний Октябрьской революции. Эти вооруженные отряды в течение определенного периода (3–4 месяца) выполняли задачи по укреплению власти Советов и поддержанию общественного порядка [4, с. 173]. Однако в связи с обострением международного и внутреннего положения создание и укрепление определенного вооруженного формирования трудящихся для борьбы с контрреволюцией и преступностью являлось крайне необходимым условием дальнейшего благополучного развития государства.

В 1918 г. развернулась работа по формированию частей и соединений Красной Армии, основой которых были отряды Красной гвардии. Требовалось определить функции армии, не смешивая их с милицейскими (т. е. охраной общественного порядка и борьбой с преступностью). На начальном этапе данная задача оказалась сложной. Считалось, что борьба против преступных элементов есть борьба за советскую власть. Возникла необходимость создания органа охраны порядка, имеющего постоянный штат и состоящего из профессиональных работников. С особой силой данная необходимость стала ощущаться в начале весны 1918 г., когда обострилась внутренняя обстановка в стране и ее международное положение [1, с. 29]. И в марте 1918 г. на заседании СНК рассматривался вопрос «О сохранении и преобразовании милиции». С докладом выступил член коллегии НКВД большевик М.И. Лацис. Однако Совнарком не принял конкретного решения, но, придавая исключительно важное значение этому делу, поручил НКВД выработать положение о советской милиции. Выполняя указание правительства, НКВД начал интенсивную работу по созданию милиции с постоянным штатом. С обоснованием потребности в создании такой милиции 24 апреля 1918 г. выступил в печати член коллегии НКВД В.А. Тихомирнов со статьей «О милиции». «Условия чрезвычайного времени, требующие спешного установления революционного правопорядка, – писал автор, – принуждают отказать-

ся от полного уничтожения милиции как специального штата наемных лиц, несущих охрану внутренней, личной и имущественной безопасности граждан... Условия международного положения России требуют быстрого укрепления внутреннего порядка, а это, последнее, вынуждает создать специальный штат лиц, отдающих себя на основах Советской власти всецело этому делу».

В связи с развернувшимся строительством аппарата советской милиции на штатных началах большое значение имело завершение юридического оформления основ ее организации и деятельности. СНК 21 августа 1918 г. рассмотрел проект Положения о советской милиции и поручил НКВД по согласованию с НКЮ переработать проект Положения в инструкцию и издать ее за подписями наркомов внутренних дел и юстиции. После необходимой подготовительной работы 12 октября 1918 г. Инструкция «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции» (далее – Инструкция) была утверждена. В ней закреплялись правовые основы функционирования советской милиции в качестве штатного государственного органа охраны общественного порядка. Инструкция четко определяла задачи, компетенцию и структуру органов советской милиции в центре и на местах, определяла место, занимаемое милицией в системе органов Советского государства. Согласно Инструкции милиция являлась исполнительным органом власти на местах, находившимся в «двойном» подчинении: в непосредственном ведении местных Советов и НКВД [4, с. 174–175]. 10 июня 1920 г. ВЦИК и СНК Р.С.Ф.С.Р. утвердили Декрет (первое Положение) «О рабоче-крестьянской милиции», обобщающее и законодательно закрепляющее опыт строительства милиции, накопленный в первые годы советской власти. С изданием данного положения в основном завершился процесс организационного становления советской милиции [5, ч. 13].

Усилия по централизации милицейского аппарата БССР были приняты 13 августа 1920 г., когда руководство Минской губернской милиции переименовывается в Управление рабоче-крестьянской милиции республики. В октябре 1920 г., когда Минская губерния была освобождена от польских войск, организовывается центральный орган рабоче-крестьянской милиции Советской Белоруссии – Главное управление рабоче-крестьянской милиции (Главмилиция) ССРБ. 30 ноября 1920 г. было принято первое Положение об Главмилиции ССРБ. В структурном отношении милиция республики подразделялась на Главмилицию, минскую городскую милицию и шесть органов уездно-городской милиции с резервами [5, ч. 15].

Список использованных источников

1. Жмуровский, А.С. Краткий курс истории органов внутренних дел Беларуси : справочник / А.С. Жмуровский ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 138 с.
2. Вішнеўскі, А.Ф. Рэвалюцыйны радыкалізм у парэформеннай Расіі – прадвеснік рэпрэсіўнага палітыка-прававога рэжыму бальшавікоў / А.Ф. Вішнеўскі // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2011. – № 1. – С. 141–146.
3. Розенталь, И.С. «Банкетная кампания» 1904 – Большой Иргиз. – М. : Большая рос. энцикл., 2005. – (Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов ; 2004–2017, т. 28).
4. Вишневский, А.Ф. Проблемы научного осмысления реализации ленинской идеи «всеобщего вооружения народа» на примере становления советской милиции / А.Ф. Вишневский // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2017. – № 1. – С. 170–177.
5. <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/stanovlenie-i-razvitie-organov-vnutrennikh-del-respubliki-belarus>.

*Круглый стол,
посвященный 90-летию Анатолия Андреевича Примаченка,
профессора кафедры уголовного права и криминологии,
кандидата юридических наук, доцента,
«Проблемы применения и совершенствования
уголовного законодательства»
(22 апреля 2021 г.)*

УДК 343.721

Д.П. Балахонов, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *Ю.Ф. Маиталер*

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ МОШЕННИЧЕСТВА В ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Защита уголовным законом собственности юридических и физических лиц является наиболее актуальной задачей для Республики Беларусь. Об этом свидетельствуют статистические данные, согласно которым хищения занимают лидирующее место среди всех зарегистрированных преступлений, из которых мошенничество на втором [1].

В ст. 213, 214, 215 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) выделяется две формы собственности: государственная и частная. Субъ-

ектами государственной собственности являются Республика Беларусь и административно-территориальные единицы. Субъектами частной собственности являются физические и негосударственные юридические лица. Формы собственности равны перед законом и права всех собственников защищаются в равной мере как нормами уголовного права, так и других отраслей права (п. 5 ст. 213 ГК) [2].

В качестве предмета мошенничества выступает как движимые, так и недвижимые вещи. Согласно ст. 130 ГК к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты и все, что прочно связано с землей, т. е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе леса, многолетние насаждения, здания, сооружения. К недвижимым вещам также приравниваются предприятие в целом как имущественный комплекс, подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, суда плавания «река-море», космические объекты. Законодательными актами к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество. Вещи, не относящиеся к недвижимости, включая деньги и ценные бумаги, признаются движимым имуществом.

Вопрос о непосредственном объекте мошенничества в теории и практике применения остается дискуссионным. Так, при изучении научной литературы мы столкнулись с тем, что в теории уголовного права точки зрения относительно объекта мошенничества различны. Так В.А. Круглов, В.А. Кашевский, Л.Л. Кругликов, А.Н. Пашнин, М.М. Пронина и другие считают объектом мошенничества отношения собственности [3, с. 154; 4, с. 218; 5, с. 216; 6, с. 176]. Однако А.И. Бойцов, проводя классификацию мошенничества по объекту, выделяет два непосредственных объекта уголовно-правовой охраны: при мошенническом завладении имуществом объектом являются отношения собственности, а при мошенническом приобретении права на имущество объект – иные вещные отношения (ограниченные вещные права) [7, с. 108]. В.В. Хилюта указывает также на двойственность объекта, однако по-своему. Если речь идет о завладении имуществом объектом в данном случае выступает собственность как экономико-правовая категория, а в случае приобретения права на имущество объектом являются вещные и обязательственные отношения [8, с. 446–447].

Предметом рассматриваемого преступления являются имущество и право на имущество. В.В. Хилюта определяет имущество как вещь материального мира, имеющая определенную ценность [8, с. 419]. В.А. Кашевский под понятием имущества понимает совокупность предметов материального мира, обладающих определенной экономической

ценностью (потребительской стоимостью) [4, с. 202]. А.Н. Пашнин и М.М. Пронина считают, что имущество представляет собой совокупность вещей, предметов внешнего мира, которые обладают свойствами социально экономической полезности [6, с. 160–161]. По нашему мнению, понятие имущества можно сформулировать следующим образом: предметы материального мира, в которых овеществлен труд человека, обладающие экономической ценностью (потребительской стоимостью). В теории уголовного права для определения имущества как предмета преступления принято выделять физический, экономический и юридический признаки имущества. Под физическим признаком имущества понимают наличие вещи в материальном мире, а также то, что имущество имеет определенные размеры, габариты, вес. Под экономическим признаком следует понимать наличие стоимости предмета (экономическая ценность вещи) и способность удовлетворять определенные потребности человека (потребительская стоимость). Данный признак также означает то, что к данному предмету приложен труд человека (что является критерием разграничения преступлений против собственности и экологических преступлений). Юридический признак имущества означает, что имущество является чужим по отношению к виновному. Согласно абз. 2, п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» имущество или право на него считается чужим, если на момент завладения виновный не являлся его собственником или владельцем на законных основаниях. Не является преступлением против собственности посягательство в отношении собственного имущества. Е.В. Благов и В.Н. Лимонов выделяют четыре признака имущества: три вышерассмотренных и социальный (вычлененный из общего понимания экономического признака), что в их понимании означает, что к соответствующей вещи должен быть приложен человеческий труд, вычлняющий ее из естественного состояния и вовлекающий в товарооборот [9, с. 38; 10, с. 166].

Понятие уголовно-правовой категории «право на имущество» также не имеет единства мнений среди ученых. Например, З.А. Незнамова толкует право на имущество как юридическую категорию, включающую в себя определенные полномочия собственника, т. е. права владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему имуществом. Причем право на имущество не может быть идентифицировано с имущественными правами [12, с. 261]. Б.В. Волженкин включает в понятие права на имущество право собственности и право требования имущества. Он считает, что при мошенничестве получение права на имущество может быть связано с приобретением незаконным путем не только отдельных

правомочий собственника на чужое имущество, но и права требования имущества: вклад в банке, безналичные деньги, бездокументарные ценные бумаги, заложенное имущество и др. [13, с. 22]. В свою очередь, В.А. Кашевский и Л.Л. Кругликов полагают, что право на имущество может быть закреплено в различных документах [4, с. 218; 5, с. 216–217]. А.И. Бойцов определяет право на имущество как права владельца ограниченного вещного права, исходя из того, что он выделяет две разновидности мошенничества по объекту. По его мнению, мошенничество – приобретение права на чужое имущество посягает на иные вещные отношения (ограниченные вещные права) [7, с. 317]. Также А.И. Бойцов считает, что предметом мошенничества не может быть само право на имущество, а только имущество, принадлежащее потерпевшему на праве собственности, либо имущество, которым владеет потерпевший в качестве субъекта ограниченного вещного права [7, с. 319]. По нашему мнению, позиция А.И. Бойцова наиболее точно соответствует действительности. И под правом на имущество, как предметом мошенничества, на наш взгляд, следует считать имущество, которым владеет потерпевший на основании ограниченного вещного права.

Таким образом, к непосредственному объекту мошенничества, по нашему мнению, следует относить вещные отношения, включающие в себя как отношения собственности, так и ограниченные вещные правоотношения, что зависит от предмета рассматриваемого преступления. Предметом мошенничества являются имущество и право на имущество. На наш взгляд, имущество – это предметы материального мира, в которых оуществлен труд человека, обладающие экономической ценностью (потребительской стоимостью). Право на имущество – это имущество, которым владеет потерпевший на основании ограниченного вещного права. Однако среди ученых до сих пор нет единства мнений относительно объекта мошенничества и его составляющих элементов. Полагаем, что более глубокое изучение этого вопроса позволит преобразовать современное законодательство и облегчить правоприменение в данной области.

Список использованных источников

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь / [Электронный ресурс] / Преступность в Республике Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-excel/Oficial_statistika/Godovwe/Сrime-2020.xls. – Дата доступа: 15.05.2021.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.05.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Круглов, В.А. Уголовное право. Особенная часть : курс лекций / В.А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2012. – 592 с.

4. Уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие / Е.А. Авраменко [и др.] ; под ред. В.А. Кашевского ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012. – 736 с.

5. Уголовное право России. Часть Особенная : учеб. для вузов / отв. ред. Л.Л. Кругликов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 880 с.

6. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / П.В. Агапов [и др.] ; отв. ред. Р.А. Сабитов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Тюмень : Тюм. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. – 668 с.

7. Бойцов, А.И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов ; Ассоц. Юрид. центр. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 775 с.

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т.П. Афонченко [и др.] ; под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

9. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 21 дек. 2001 г., № 15. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/vsprop/b0fe95ca82137cce.html. – Дата доступа: 15.05.2021.

10. Уголовное право России. Общая и особенная части : учебник / Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. – М. : Контракт, НИЦ ИНФРА-М, 2017. – 384 с.

11. Лимонов, В.Н. Мошенничество: уголовно-правовая и криминологическая характеристики : учеб. пособие / В.Н. Лимонов. – М. : Акад. упр. МВД России, 2000. – 89 с.

12. Уголовное право. Особенная часть : учебник / И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. – 3-е изд., изм. и доп. – М. : НОРМА, 2001. – 960 с.

13. Волженкин, Б.В. Мошенничество: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе» / Б.В. Волженкин. – СПб., 1998. – 36 с.

УДК 343.23

В.Д. Булакевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Н.И. Козелецкая*

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В УСЛОВИЯХ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ

Согласно ст. 36 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) «Не является преступлением действие, совершенное в состоянии крайней необходимости, то есть для предотвращения или устранения опасности,

непосредственно угрожающей личности, правам и законным интересам данного лица или других лиц, интересам общества или государства, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный». В состоянии крайней необходимости сталкиваются охраняемые уголовным правом общественные отношения. При этом для спасения более важного интереса в жертву приносится менее важный интерес. Поэтому действие, совершенное в состоянии крайней необходимости, выполняет общественно полезную функцию. Это и определяет правовую природу крайней необходимости.

Условия, относящиеся к грозящей опасности, характеризуют прежде всего основания возникновения состояния крайней необходимости. Источником грозящей опасности может выступать, помимо стихийных сил природы, нападений животных, физиологического состояния человека, также общественно опасное и противоправное поведение людей, связанное с нарушением ими каких-либо прав, возникновением аварийной ситуации. Говоря об общественно опасных действиях человека как источнике создания опасности, следует иметь в виду, что в правовом отношении они должны состоять только в уголовно наказуемом деянии. Если опасность создана административным правонарушением, то ее устранение не может оцениваться по ст. 36 УК, так как причиненный вред, ответственность за который предусмотрена уголовным законодательством, всегда будет больше предотвращенного.

Грозящая опасность должна быть наличной, т. е. создавать непосредственную и неминуемую опасность общественным отношениям (если опасность еще не возникла или уже устранена, она не считается наличной). Кроме того, опасность должна быть реально существующей. Если она надумана, воображаема, то причинение вреда общественным отношениям не может считаться совершенным в состоянии крайней необходимости.

Правомерность действий по устранению грозящей опасности характеризуется также рядом условий.

Опасность устраняется путем причинения вреда другим охраняемым интересам. Соответствующие действия должны быть своевременными, т. е. совершаться в промежутке времени с момента возникновения угрозы и до ее прекращения. Когда угроза общественным отношениям не могла быть устранена иначе, как путем причинения вреда другим охраняемым интересам, это является оправданием причинения вреда другим благам. Если устранение опасности возможно без его причинения, то состояние крайней необходимости исключает-

ся. Причиненный вред должен быть меньшим, чем предотвращенный. В противном случае он становится общественно опасным.

Действия, совершенные в состоянии крайней необходимости, правомерны лишь при наличии всех перечисленных условий. Если же при устранении опасности причинен больший вред, чем предотвращенный, если опасность можно было устранить иным способом, то такие действия наказуемы на общих основаниях. Само же превышение мер, допущенное в состоянии крайней необходимости, рассматривается как обстоятельство, смягчающее ответственность.

Действие по устранению опасности правоохраняемым общественным отношениям имеют право осуществлять все граждане, но для определенной категории лиц, например, для сотрудников органов внутренних дел, они являются правовой обязанностью, неисполнение которой может повлечь за собой уголовную или дисциплинарную ответственность.

Рассматривая крайнюю необходимость в деятельности органов внутренних дел, всегда поднимается вопрос о правомерности ее применения. Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Закон) предусматривает основания использования сотрудником органов внутренних дел огнестрельного оружия в рамках крайней необходимости.

Согласно ст. 26 Закона сотрудник органов внутренних дел не несет ответственности за вред, причиненный в результате применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники, если он действовал в условиях обоснованного профессионального риска или крайней необходимости.

При этом сотрудник органов внутренних дел имеет право на обоснованный профессиональный риск для достижения общественно полезной цели. В ст. 37 Закона определены три условия, при наличии которых профессиональный риск признается обоснованным. К ним относятся: совершенное сотрудником органов внутренних дел деяние объективно вытекало из сложившейся обстановки; поставленная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями; сотрудник органов внутренних дел, допустивший риск, принял все возможные меры для предотвращения вреда охраняемым законом интересам.

Совершенное действие – это такое поведение сотрудника органов внутренних дел, которое потенциально связано с возможностью причинения вреда. Например, при использовании оружия для остановки транспортного средства путем его повреждения имеется возможность причинения вреда водителю.

Законная цель – это определенный законом или служебными обязанностями социально значимый результат профессиональной деятельно-

сти сотрудника органов внутренних дел. В рассматриваемых случаях такой законной целью может быть задержание лица, совершившего преступление, остановка транспортного средства и т. д.

Классическим примером применения данных положений является в последние годы использование оружия для остановки транспортного средства путем его повреждения, если водитель не подчиняется заведомо очевидным для него неоднократным законным требованиям сотрудника органов внутренних дел об остановке транспортного средства и его действия создают реальную угрозу жизни или здоровью граждан либо имеются достоверные данные о том, что транспортным средством управляет лицо, совершившее тяжкое или особо тяжкое преступление (ст. 29 Закона).

Рассматривая данное обстоятельство следует обратить внимание на то, что, используя оружие, сотрудник органов внутренних дел может причинить материальный ущерб правонарушителю или третьему лицу, чем вызвать юридический конфликт между данными лицами и сотрудником органов внутренних дел. Материальный ущерб может выражаться повреждением транспортного средства правонарушителя или повреждением частной собственности третьего лица, если водитель транспортного средства не смог справиться с управлением.

В приведенных выше ситуациях, очевидно, что сотрудник органов внутренних дел не будет привлечен к уголовной ответственности в соответствии со ст. 36 УК независимо от размера ущерба, ибо даже достаточно большой материальный вред всегда меньше даже небольшого физического вреда, который может быть причинен общественно опасными действиями водителя.

Однако возникает другая правовая ситуация, связанная с гражданско-правовой (материальной) ответственностью, выраженная в праве лица, понесшего материальный ущерб, истребовать его возмещения.

Для решения данного вопроса следует обратиться к Гражданскому кодексу Республики Беларусь, где ст. 936 предусмотрен порядок возмещения материального вреда, причиненного в результате крайней необходимости. Вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, должен быть возмещен лицом, причинившим вред. Учитывая обстоятельства, при которых был причинен такой вред, суд может возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или частично как это лицо, так и лицо, причинившее вред.

В сложившейся ситуации суд должен учитывать, что лицо, причинившее вред, – сотрудник органов внутренних дел, исполнявший служебные обязанности по остановке транспортного средства; водитель же

транспортного средства своими противоправными действиями создает реальную угрозу жизни и здоровью граждан. Поэтому, на наш взгляд, сотрудник органов внутренних дел, причинивший материальный ущерб при правомерном использовании огнестрельного оружия, должен полностью освобождаться от возмещения вреда.

Если общественно опасные действия водителя не создают угрозы жизни и здоровью граждан, а сотрудник органов внутренних дел заблуждается относительно реальности такой угрозы, образуется ситуация, аналогичная так называемой мнимой обороне (ст. 37 УК). Соответственно и причинение вреда здоровью или жизни водителя следует оценивать по тем критериям, которые выработаны судебной практикой и рекомендованы к обязательному применению в подобных ситуациях.

Так, если сотрудник органов внутренних дел заблуждается относительно реальности угрозы жизни и здоровью граждан, которая порождалась опасными действиями водителя, и использовал оружие для остановки транспортного средства, но причинил физический вред водителю, этот вред приравнивается к правомерному, причиненному в состоянии необходимой обороны. Такой подход обусловлен добросовестной, извинительной ошибкой.

И, наконец, если сотрудник органов внутренних дел использует оружие для остановки транспортного средства, заблуждаясь в наличии реальной угрозы жизни и здоровью граждан, но по обстоятельствам происходящего должен и имеет возможность сознавать ошибочность этого своего предположения, причинение вреда приравнивается к неосторожному преступлению.

УДК 343.615.1

А.М. Кайко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Ю.Е. Духовник*

ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКИХ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ

Квалифицирующие признаки преступления подразумевают под собой дифференцированную форму совершения преступного деяния, а именно совершение преступления при наличии дополнительных признаков, усиливающих ответственность. Квалифицирующие (отягчающие) признаки присущи преимущественному количеству общественно

опасных деяний, за которые устанавливается ответственность Уголовным кодексом Республики Беларусь (УК). Перечень таких признаков содержится в ст. 64 УК.

Самым распространенным общественно опасным деянием среди преступлений против жизни и здоровья является умышленное причинение тяжких телесных повреждений (ст. 147 УК). Так, в 2020 г. среди всех осужденных за преступления указанной группы практически 28 % составили лица, осужденные за умышленное причинение тяжких телесных повреждений [1]. При этом в следственной и судебной практике при применении уголовно-правовых норм об ответственности за умышленное причинение тяжких телесных повреждений возникают затруднения в оценке отдельных квалифицирующих признаков, в связи с чем стараемся определить возможные направления их совершенствования с целью устранения вышеуказанных затруднений.

Предлагаем обратить внимание на следующие направления:

1) в п. 3 ч. 2 ст. 147 УК закреплён признак совершения преступления «способом, носящим характер мучения или истязания», но при этом ничего не говорится о совершении рассматриваемого преступления с особой жестокостью. На наш взгляд, понятие «особая жестокость» является более широким по отношению к понятиям «издевательство», «мучения», «истязания», «садизм» и включает их в себя, раскрывая при этом различные свои проявления. При этом аналогичный квалифицирующий признак используется в ст. 139 «Убийство» УК. В связи с этим предлагается исключить вышеуказанные частные проявления «особой жестокости» из числа квалифицирующих признаков состава преступления, а также из числа обстоятельств, отягчающих ответственность (п. 5 ч. 1 ст. 64 УК). Такой же позиции придерживается И.А. Шаматульский [2, с. 130].

Исходя из изложенного, предлагаются следующие изменения:

п. 3 ч. 2 ст. 147 УК изложить в следующей редакции: «*совершенное с особой жестокостью*»;

Указанное изменение придаст системности в формулировании квалифицирующих признаков в уголовном законодательстве;

2) уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого телесного повреждения в отношении похищенного человека или заложника предусмотрена п. 2 ч. 2 ст. 147 УК. Следует отметить, что УК уголовную ответственность за похищение человека или захват заложника, совершенные с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, также предусматривает и в других статьях (п. 7 ч. 2 ст. 182 УК, п. 3 ч. 2 ст. 291 УК). На наш взгляд, преступное деяние должно квалифицироваться именно по этим статьям в случае применения насилия, опас-

ного для жизни или здоровья, не только во время захвата потерпевшего или его перемещения, но и в случае применения указанного насилия во время удержания. В данном случае дополнительная квалификация по п. 2 ч. 2 ст. 147 УК, на наш взгляд, является излишней. Поэтому предлагается п. 2 ч. 2 ст. 147 УК «в отношении похищенного человека или заложника» исключить;

3) в п. 4 ч. 2 ст. 147 УК предусмотрена уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого телесного повреждения с целью получения трансплантата.

Определения понятию «трансплантат» в бланкетном медицинском законодательстве не дается. В Законе Республики Беларусь от 4 марта 1997 № 28-3 «О трансплантации органов и тканей человека» дается определение понятию «трансплантация», под которой понимается замещение у реципиента путем проведения медицинского вмешательства отсутствующих или поврежденных органов и (или) тканей человека, не способных выполнять свои жизненно важные функции, органами и (или) тканями человека, полученными в результате забора органов [3]. Таким образом, в приведенном понятии используется словосочетание «органы и (или) ткани человека».

Поэтому предлагается внести изменения в п. 4 ч. 2 ст. 147 УК, изложив его редакцию следующим образом: «*в целях использования органов и (или) тканей потерпевшего*». Данное изменение будет способствовать большему соответствию УК бланкетному законодательству, к которому он отсылает.

Таким образом, проведенное исследование позволяет резюмировать, что реализация предлагаемых направлений совершенствования квалифицирующих признаков умышленного причинения тяжких телесных повреждений, как представляется, позволит придать единообразия следственно-судебной практики применения ст. 147 УК, а также в большей мере будет способствовать соблюдению уголовно-правовых принципов законности, равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма.

Список использованных источников

1. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2020 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/. – Дата доступа: 30.04.2021.

2. Шаматульский, И.А. Уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.А. Шаматульский. – М., 2015. – 247 л.

3. О трансплантации органов и тканей человека [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 марта 1997 г., № 28-З : в ред. Закона от 18.06.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

УДК 343.2

О.А. Лазаренко, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Е.А. Реутская*

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ КРАЖИ, СОВЕРШЕННОЙ ИЗ ОДЕЖДЫ ИЛИ РУЧНОЙ КЛАДИ

Преступления против собственности, в особенности хищения, представляют интерес для науки уголовного права и для правоприменительной деятельности ввиду их распространенности: преступления, запрещенные гл. 24 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК), под угрозой применения уголовной ответственности составляют более половины от всего массива преступлений, совершаемых ежегодно. Среди хищений, в свою очередь, наиболее часто применяется кража (ст. 205 УК), в связи с чем следует более подробно остановиться на отдельных проблемных вопросах квалификации указанной формы хищения.

Одним из проблемных вопросов квалификации является так называемая карманная кража. Переходя к данному вопросу стоит обратить внимание на примечание к гл. 24 УК, а именно на ч. 4 – где указано, что если лицо совершает кражу чужого имущества из одежды или ручной клади, находившейся при потерпевшем, то независимо от стоимости похищенного имущества это лицо должно привлекаться к уголовной ответственности [1].

Карманные кражи отличаются своеобразными особенностями субъекта данного преступления, который, как правило, является представителем профессиональной преступности и специализируется на совершении карманных краж или других сходных преступлений.

Кража из одежды или ручной клади, как правило, происходит в местах массового скопления людей. Например, в транспорте или магазине. Для совершения карманной кражи или кражи из ручной клади, от виновного требуется проявить навыки наблюдательности и быстроты реакции. Кроме этого, совершение преступления предполагает и подготовительные действия. Заранее подготовленный сценарий действий, по которому преступник совершает кражу, является немаловажным аспектом. Совокупность этих факторов свидетельствует о специфиче-

ских особенностях совершения кражи из одежды или ручной клади и применяемых преступником форм своей противоправной деятельности [2, с. 34].

По данным криминалистических исследований, карманный вор-профессионал совершает в месяц минимум 25–30 краж и изобличается на 191-й подобной краже. Из этого можно сделать вывод, что данное противоправное деяние имеет повышенную общественную опасность. При краже, совершенной из одежды или ручной клади, говорить о малозначительном деянии не приходится. В ч. 4 примечания к гл. 24 УК указан случай, когда хищение не признается мелким вне зависимости от стоимости похищенного, а также в данном случае отсутствуют признаки ч. 4 ст. 11 УК. Малозначительным признается деяние, которое не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам [1]. Для того чтобы данное деяние признать малозначительным, необходимо наличие двух обстоятельств. Во-первых, деяние формально содержит все признаки состава преступления – является уголовно противоправным, а во-вторых, в содеянном должен отсутствовать характерный для преступления признак – общественная опасность [4, с. 51]. Но в рассматриваемом случае при совершении кражи из одежды потерпевшего у виновного присутствует неопределенный умысел. Виновное лицо предвидит наступление общественно опасных последствий неопределенной степени тяжести.

Обращаясь к характеристике субъективной стороны карманной кражи, следует отметить, что часто у виновного при краже кошелька из одежды потерпевшего присутствует неопределенный умысел, т. е. виновное лицо предвидит наступление общественно опасных последствий неопределенной степени тяжести. При неопределенном умысле (в случае совершения карманной кражи) лицо желает наступления любых вредных последствий, однако точно и ясно не предвидит, в какой денежной сумме они могут быть выражены. В этом случае уголовная ответственность должна наступать за фактически причиненные последствия из числа охватываемых умыслом виновного.

Стоит более подробно разобраться с признаками кражи, совершенной из одежды или ручной клади. Понятие «одежда» следует понимать как совокупность предметов, в которые может быть одет потерпевший или которые покрывают тело человека, а ручной кладью следует считать, пакеты, кейсы, чемоданы и другие средства, предназначенные для хранения различных небольших вещей и их перемещения. Нельзя вменить указанный признак в случае, когда похищаются сами сумки, одежда или ручная кладь, находящиеся при потерпевшем. Необходимо, что-

бы кража совершалась из одежды или ручной клади, т. е. лицо должно проникнуть внутрь одежды, сумки, ручной клади и совершить хищение. Если виновный совершает тайное хищение из кармана одежды, которая висит в гардеробе или ином помещении при отсутствии владельца вещи или из ручной клади, оставленной без присмотра, и размер похищенного не превышает двух базовых величин, данные действия будут квалифицироваться по ст. 11.1 «Мелкое хулиганство» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

В настоящее время спорным является вопрос относительно признания ручной кладию или одеждой специальных чехлов на ремнях или шее для мобильных телефонов. Эти вещи представляют собой предметы одежды (пусть и дополнительные), поэтому разрешение этого вопроса должно быть единым. Напротив, к данному признаку нельзя отнести кражу цепочек, кулонов (даже если признать их частью одежды), как и иных предметов, ведь уголовная ответственность наступает не за кражу одежды, а за хищение из одежды или ручной клади [3, с. 32].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что в настоящее время правоприменительной практикой выработан единообразный подход к квалификации карманных краж. Так, важным условием квалификации кражи по признаку «из одежды или ручной клади» является необходимость проникновения виновным внутрь одежды, сумки, ручной клади в целях совершить хищение. С неконкретизированным умыслом при краже кошелек из одежды или ручной клади уголовная ответственность должна наступать за фактически причиненные последствия из числа охватываемых умыслом виновного.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Хилюта, В.В. Кража, совершенная из одежды или ручной клади / В.В. Хилюта // Юстыця Беларусі. – 2012. – № 6. – С. 33–35.
3. Хилюта, В.В. Кража имущества у спящего человека: преступление или правонарушение? / В.В. Хилюта // Юстыця Беларусі. – 2016. – № 11. – С. 31–33.
4. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н.А. Бабий. – Минск : ГИУСТ ВГУ, 2010. – 663 с.

УДК 343.3

П.И. Протащук, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.И. Бахур*

ОСОБЕННОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬЕ

Уголовно-правовая политика Республики Беларусь имеет ярко выраженную гуманистическую направленность и выражаются такого рода тенденции в виде уменьшения числа приговоров, связанных с реальным лишением свободы, минимизацией количества женщин, несовершеннолетних, одиноких мужчин, имеющих детей в возрасте до 14 лет, инвалидов в местах лишения свободы, замена карательных методов профилактическими и т. д. Это подтверждается и широко применяемым институтом освобождения от уголовной ответственности и наказания.

При написании статьи подвергались компаративистскому анализу литературные источники и нормы зарубежного законодательства. Сложность работы заключается в том, что представители семьи общего права, на примере Соединенных Штатов Америки (США) имеют федеративную систему государственного устройства, что доставляет трудности при исследовании данной проблематики, так как в каждом отдельном штате есть свое национальное законодательство. В связи с этим мы не указываем конкретные положения типа «как в одном кодексе написано, или как в другом», а обобщаем общие тенденции всех штатов и пытаемся ответить на вопрос: существует ли институт освобождения от уголовной ответственности и наказания в англосаксонской правовой семье? Если есть, то каков механизм его применения? Каковы основания и условия применения данного института?

Основная задача – проанализировать опыт стран англосаксонского мира, у которых несколько иное понимание права, при этом учитываем глобальные тенденции, конвергенцию права, так как каждое политико-организованное общество не функционирует обособленно, каждая политико-организованная единица стремится быть частью общемировых стандартов в области права.

Проведение компаративного анализа позволит усовершенствовать национальное законодательство.

Безусловно, при анализе института освобождения от уголовной ответственности и наказания в странах романо-германского и англосаксонского мира существуют свои различия.

Например, если речь идет о романо-германской правовой системе, то можно отметить гуманизацию пенитенциарной системы, ориентацию превентивного воздействия на индивидуумов, а в системе стран общего права наблюдается, напротив, усиление ответственности, применение длительных сроков, суровых мер наказания, таких как пожизненное заключение, смертная казнь и т. д.

Следует учесть тот факт, что в странах англосаксонского мира прекращение уголовного судопроизводства на досудебной стадии, имеет различные формы, и не носит, устоявшееся у нас название «освобождение от уголовной ответственности и наказания».

Например, в англосаксонской правовой семье существуют так называемые альтернативные меры, такие как институт probation, добровольное возмещение ущерба, примирение с потерпевшим, родственные связи между обвиняемым и потерпевшим, прекращение уголовного дела в связи со старостью обвиняемого и т. д. Некоторые виды альтернативных мер мы изучим.

Например, говоря о США, нужно отметить, что среди удельного количества всех штатов распространен институт probation, свидетельствующий о деятельном раскаянии. Обращается внимание на оказание обвиняемым помощи в установлении, задержании, преследовании любого лица, совершившего преступление, – это является основанием применения института probation к лицу, совершившему преступление. Имеются также, кроме оснований и условия применения института probation к лицу, совершившему преступление: выполнение обвиняемым, выдвигаемых судом, требований по осуществлению реституции, компенсация убытком или ущерба, в том размере, в котором позволяет его материальное положение [1, с. 7].

Если сравнивать с Англией, то там институт probation (условное освобождение) – это исполнение наказания с помещением на это время преступника под индивидуальный надзор с обеспечением над ним руководства и действует на протяжении длительного времени. Основания и условия условного освобождения (института probation) применялись различные, в том числе признаки и предполагает освобождение лица, установление виновности лица в совершенном преступлении, наказуемость данного преступления тюремным заключением, наличие оснований, связанных с состоянием здоровья, возрастом, образом жизни и т. д. Следует также обращать внимание и на то, что если лицо достигло 14-летнего возраста, то probation возможна только при согласии самого виновного, а в случае несогласия, к нему применяются более строгие меры уголовно-правового воздействия. Исключением применения института probation составляла та категория лиц, которым вменялось наказание, связанное

со смертной казнью, пожизненным заключением, а также тюремным заключением на срок свыше двадцати лет [2, с. 195].

Обобщая законодательство других штатов, отметим, что там присутствуют дополнительные условия применения института probation, такие как отсутствие судимости, назначение наказания не свыше десяти лет, возмещение всех судебных издержек, которые понес суд в процессе осуществления уголовного судопроизводства.

Правовая природа условной отсрочки исполнения наказания берет свое начало в Англии в 1967 г., когда приняли Закон об уголовной юстиции. В случае когда лицо подлежит тюремному заключению на срок до двух лет, то суд имел право отсрочить исполнение наказания на условии правопослушного образа жизни. Длительность такого срока составляла от одного года до трех лет. В отличие от института probation в США отсутствовал профилактический надзор уполномоченным на то лицом по probation.

На территории США действует Комиссия по назначению наказаний ее цель обеспечить справедливое назначение наказания. В составе этой комиссии семь членов: Генеральный атторней, три федеральных судьи США, три – специалисты в различных областях: профессор уголовного права, экономист, представитель исправительного учреждения [3].

Интересен с юридической точки зрения тот факт, что Комиссия по назначению наказаний разработала «Федеральное руководство по назначению наказаний», где содержатся конкретные данные о качественном и количественном критерии наказания (вид наказания, минимальный и максимальный срок наказания) и что более примечательно, что Верховный суд признал это руководство конституционным.

Таким образом, правовая система США попыталась гармонизировать в нем цели наказания и устранить излишнюю криминализацию преступных деяний, выносимых судами США.

Необходимо отметить, что вопрос об «альтернативных мерах» был поднят в рамках VII Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с преступностью. По ее итогам пришли к следующим выводам: система уголовного законодательства, применяемая в англосаксонской правовой семье излишне криминализована; деятельность органов уголовного преследования с точки зрения уголовной экономики, нецелесообразна, так как в некоторых случаях (например, при совершении преступлений, не представляющих большой общественной опасности, подход к определению наказания следует начинать с превентивного воздействия, а не сразу же применять суровые карательные меры) [4, с. 26].

Особенность института освобождения от уголовной ответственности и наказания в странах общего права в том, что там отсутствует класси-

фикация «освобождение от уголовной ответственности» и «освобождение от наказания», их классификация носит более казуальный характер, нежели кодифицированный, это обусловлено правовой природой источников права англосаксонской правовой семьи.

Так, в Своде законов США нет деления статей по объекту посягательства, все правовые предписания расположены в алфавитной последовательности [5].

Продолжительность применения института освобождения от уголовной ответственности и наказания в каждом штате разная и подход к определению этих сроков тоже различается. Например, продолжительность probation в одних штатах определяется судьей, в других – принято, что срок probation не должен превышать срока тюремного заключения, к которому лицо приговорено, и т. д.

Таким образом, анализ мер освобождения от уголовной ответственности и наказания в странах англосаксонского мира показал, что оно имеет свои особенности, связанные с правовой природой источников права. Среди мер освобождения от уголовной ответственности и наказания имеется институт probation, который существует на протяжении длительного времени, а также институт условной отсрочки исполнения наказания и условного осуждения от наказания. В США были приняты попытки гармонизировать меры уголовной ответственности в рамках «Федерального руководства назначения наказаний». Анализ опыта стран англосаксонского мира позволит в дальнейшем совершенствовать уголовно-правовую мысль Республики Беларусь. В зависимости от того, насколько законодатель будет учитывать опыт иностранных государств, настолько он будет приспособлен к вызовам нашего времени.

Список использованных источников

1. Уолкер, Р. Английская судебная система / Р. Уолкер. – М., 1980. – 34 с.
2. Уголовный кодекс штата Техас / науч. ред. И.Д. Козочкина ; пер. с англ. Д.Г. Осипова, И.Д. Козочкина. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. – 576 с.
3. Уголовный кодекс США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кодекс_США. – Дата доступа: 17.05.2021.
4. Ключанова, Т.М. Уголовное право зарубежных стран / Т.М. Ключанова. – СПб., 1998. – 340 с.
5. Освобождение от наказания. Институт probation в мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-2217>. – Дата доступа: 17.05.2021.

УДК 343.45

К.А. Чиркун, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Н.И. Козелецкая*

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Процесс глобализации, являясь, с одной стороны, важной характеристикой современных общественных отношений, с другой – создает ряд определенных проблем, которые существенно влияют на все сферы жизнедеятельности общества.

Одной из существенных характеристик глобализации на современном этапе является активное развитие системы информационных отношений, влекущее за собой изменение статуса человека в информационном пространстве и требующее создания определенных особых условий для реализации предоставленных ему естественных и неотчуждаемых прав и свобод. Попадая в поле информационного пространства, человек остается человеком с его многообразными правовыми и общественными статусами, хотя и, как указывают некоторые исследователи, начинает терять свою идентичность и становится одиноким.

Современные технические средства дают возможность собирать и обрабатывать значительные объемы социально значимых сведений, важных для жизнедеятельности человека, общества и государства. Стремительное развитие компьютерной и цифровой техники дает возможность получать доступ и использовать всевозможные банки данных практически любым субъектам информационных отношений. При этом скорость получения и распространения любого вида информации с каждым днем лишь только возрастает. Полагаем, крылатая фраза Натана Ротшильда «Кто владеет информацией – тот владеет миром» подтверждает мысль о том, что основной ценностью информации является ее достоверность, при этом, как показывает практика, стоит помнить об информационной безопасности.

Человек, как субъект многих правоотношений, является наиболее уязвимым в информационном поле, поскольку реализация его прав и свобод связана с собиранием личной информации о нем – персональных данных, которые, являясь особым видом информации, представляют собой во многих случаях необходимое условие реализации субъектом тех или иных прав и свобод, поскольку субъект, вступая в правоотношение, должен идентифицировать себя, «обособить» от всех остальных участников. Поскольку отношения, связанные с установленным законом оборотом персональных данных, могут подвергаться серьезным опасностям,

то общественные отношения по обороту персональных данных должны рассматриваться в качестве объекта уголовно-правовой охраны.

Вопросы правового обеспечения безопасности персональных данных в последнее время стали объектом пристального внимания со стороны многих стран, включая и Республику Беларусь. Рост числа преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе, затрагивающих неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при обработке персональных данных с использованием информационных технологий, вызывает особую обеспокоенность и требует от государств обеспечить надлежащий механизм правовой охраны такой информации.

В настоящее время защита информации о частной жизни предусмотрена ст. 179 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) [1]. Если же речь идет о разглашении сведений об усыновлении, о наличии у лица заболевания, либо, если нарушена тайна переписки, телефонных переговоров, телеграфных или иных сообщений, ответственность наступает по специальным нормам – ст. 177, 178 и 203 УК Республики Беларусь соответственно.

Стоит отметить, что в настоящее время в науке и практике имеет место, на наш взгляд, расширительное толкование понятия «частная жизнь». Так, авторы комментария к УК Республики Беларусь считают, что к числу сведений о частной жизни, составляющих личную или семейную тайну, относятся, в том числе, и паспортные данные гражданина (фамилия, имя, отчество, место регистрации, идентификационный номер) [2, с. 373].

Полагаем, не стоит соглашаться с таким мнением, поскольку предметом преступления, указанного в ст. 179 УК Республики Беларусь, являются не любые данные о человеке, а только те, которые составляют либо его личную тайну (например, сведения об интимной жизни этого человека, состоянии его здоровья, половой ориентации и т. п.), либо семейную (например, сведения, касающиеся членов его семьи или близких родственников, в том числе и умерших).

Считаем, что персональные данные стоит рассматривать в качестве самостоятельной категории информации, распространение которой ограничено законодательством. На это обращает внимание и Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации».

К сожалению, в правоприменительной практике отсутствует единообразный подход в применении нормы, предусматривающей ответственность за незаконное собирание либо распространение информации о частной жизни. Так, в одних случаях судебные органы не усматривают признаков состава преступления, указанного в ст. 179 УК Республики

Беларусь, считая, что уголовная ответственность по указанной статье установлена только в отношении посягательств, касающихся информации о частной жизни, составляющих личную и семейную тайну, и не распространяется на защиту иных видов информации, включая персональные данные. В других случаях принимается противоположное решение – персональные данные признаются сведениями о частной жизни лица и виновные привлекаются к уголовной ответственности. Так поступили, например, в Центральном районном отделе Следственного комитета г. Минска, где было возбуждено уголовное дело по факту незаконного собирания и распространения информации о частной жизни. Согласно материалам уголовного дела женщина, работая в должности почтальона, собрала и распространила в сети Интернет посредством одного из мессенджеров сведения о фамилиях, именах, отчествах и местах проживания граждан, чем причинила вред их правам и свободам, а также нарушила их конституционное право на защиту от незаконного вмешательства в личную и семейную жизнь [3].

Считаем, что в целях обеспечения единообразного толкования признаков преступления ст. 179 УК Республики Беларусь стоит рассмотреть вопрос о расширении предмета рассматриваемого преступления и установлении запрета на нарушение неприкосновенности не только информацией о частной жизни граждан, составляющей личную или семейную тайну, но и персональных данных лица. Такой подход содержится, например, в законодательстве Узбекистана (ст. 141¹ и 141² УК) и Грузии (ст. 157 и 157¹ УК).

Так, например, ст. 141² УК Республики Узбекистан предусматривает ответственность за незаконный сбор, систематизацию, хранение, изменение, дополнение, использование, предоставление, распространение, передачу, обезличивание и уничтожение персональных данных. При этом обязательным условием наступления уголовной ответственности в диспозиции статьи указана административная преюдиция. Вне зависимости от привлечения лица к административной ответственности нарушение законодательства о персональных данных влечет повышенную ответственность, если те же действия были совершены: а) по предварительному сговору группой лиц; б) повторно или опасным рецидивистом; в) из корыстных или иных низменных побуждений; г) с использованием служебного положения; либо д) повлекли тяжкие последствия [4].

На необходимость установления уголовной ответственности именно в сфере работы с персональными данными указывают международно-правовые акты. Одним из основных документов, закрепляющих необходимость правовой охраны персональных данных, стала Конвенция Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных», принятая 28 января 1981 г. [5]. В Конвенции со-

держится одно из важных предписаний о необходимости принятия надлежащих мер для того, чтобы основные принципы защиты данных были реализованы в национальном праве. Это положение является важным ключевым моментом, повлиявшим, на наш взгляд, на появление в зарубежном уголовном законодательстве норм об охране персональных данных.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст по состоянию на 6 янв. 2021 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т.П. Афонченко [и др.] ; под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

3. Следственный комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sk.gov.by/ru/news-usk-gminsk-ru/view/pochtaljon-rasprostranila-lichnye-dannye-desjatkov-pravoohranitelej-rassledovanie-zaversheno-9471/>. – Дата доступа: 04.12.2020.

4. Уголовный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс] : 22 сент. 1994 г. ; с изм. от 2020 г. // Центр документов Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>. – Дата доступа: 25.03.2021.

5. О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [Электронный ресурс] : Конвенция Совета Европы : [заключена в г. Страсбурге 28.01.1981] : (вместе с поправками к Конвенции о защите физ. лиц при автоматизир. обработке персон. данных (СДСЕ № 108), позволяющими присоединение европ. сообществ, принятыми Ком. Министров в Страсбурге 15.06.1999 г.) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2021.

XI курсантские научные чтения «Актуальные проблемы теории и истории государства и права» (29 апреля 2021 г.)

УДК 34.09

В.Н. Вахович, курсант факультета милиции

Научный руководитель – ***В.А. Волков***

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И БОРЬБА С НЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Все дети вырастают, но именно подростковый период часто является самым сложным в жизни каждого – как самого ребенка, так и его родителей. Именно в этом возрасте идет активный поиск и проверка

того, что разрешено, а что находится за пределами дозволенного. Однако даже если границы установлены, по тем либо иным причинам несовершеннолетние совершают противоправные поступки. Поэтому очень важно четко обозначить существующие пределы разрешенного и запрещенного.

В настоящее время несовершеннолетние совершают большое количество преступлений. Причиной тому может служить неблагополучие в семье, плохая компания, влияние общества, отсутствие занятости во внеурочное время и недостаточный контроль со стороны родителей и педагогов, а также ряд других факторов и причин. Преступность несовершеннолетних и методы борьбы с ней являются актуальной проблемой нашего времени. Актуальность обусловлена тем, что у подростков присутствует правовой нигилизм, правосознание некоторых подростков направлено на отрицание правовых норм, их несоблюдение и неисполнение [1].

Ежегодно в Республике Беларусь специалисты Министерства внутренних дел, Национального статистического комитета готовят статистические отчеты по совершенным преступлениям несовершеннолетними, а также такие данные обобщает Верховный Суд Республики Беларусь.

На протяжении последних трех лет, с 2018 по 2020 г., в большей степени несовершеннолетними были совершены такие преступления, как хищения, хулиганства, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств. В связи с этим особую значимость приобретают мероприятия по предупреждению преступности среди несовершеннолетних. Сотрудники прокуратуры, инспекции по делам несовершеннолетних, а также участковые, сотрудники ГАИ в целях профилактики активно проводят с несовершеннолетними беседы, лекции и круглые столы. Учитывая, что профилактика преступности несовершеннолетних является одним из приоритетных направлений, работа всех субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних должна носить целенаправленный, системный и скоординированный характер и иметь направленность прежде всего на снижение подростковой преступности.

За 2018 г., по данным судебной статистики, за совершение различных преступлений осуждено 993 несовершеннолетних.

Из них за совершение преступлений:

против мира, безопасности человечества осужден один несовершеннолетний;

жизни и здоровья осуждено 26 несовершеннолетних;

собственности и порядка осуществления экономической деятельности осуждено 595 несовершеннолетних;

общественной безопасности и здоровья населения осуждено 66 несовершеннолетних;

общественного порядка и общественной нравственности осужден 261 несовершеннолетний;

государства и порядка осуществления власти и управления осуждено 36 несовершеннолетних.

За 2019 г., по данным судебной статистики, за совершение различных преступлений осуждено 727 несовершеннолетних, т. е. судимость несовершеннолетних снизилась на 26,8 % по сравнению с предыдущим годом.

Из них за совершение преступлений:

против жизни и здоровья осуждено 40 несовершеннолетних;

половой неприкосновенности или половой свободы осуждено девять несовершеннолетних;

личной свободы, чести и достоинства осужден один несовершеннолетний;

собственности и порядка осуществления экономической деятельности осуждено 385 несовершеннолетних;

экологической безопасности и природной среды осуждено два несовершеннолетних;

общественной безопасности и здоровья населения осуждено 58 несовершеннолетних;

общественного порядка и общественной нравственности осуждено 197 несовершеннолетних;

информационной безопасности осужден один несовершеннолетний;

государства и порядка осуществления власти и управления осуждено 34 несовершеннолетних.

За 2020 г., по данным судебной статистики, за совершение различных преступлений осуждено 605 несовершеннолетних, т. е. судимость несовершеннолетних снизилась на 16,8 % по сравнению с предыдущим годом.

Из них за совершение преступлений:

против мира, безопасности человечества осужден один несовершеннолетний;

жизни и здоровья осуждены 35 несовершеннолетних;

половой неприкосновенности или половой свободы осуждено восемь несовершеннолетних;

личной свободы, чести и достоинства осужден один несовершеннолетний;

собственности и порядка осуществления экономической деятельности осужден 351 несовершеннолетний;

общественной безопасности и здоровья населения осуждено 50 несовершеннолетних;

общественного порядка и общественной нравственности осуждено 145 несовершеннолетних [2].

Подводя итог по приведенным статистическим данным, можно констатировать, что уровень совершенных преступлений несовершеннолетними снижается. Основная масса преступлений приходится на преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности. В то же время изменения по годам по различным категориям преступлений происходят скачкообразно. Поэтому следует затронуть вопрос путей совершенствования борьбы с преступлениями несовершеннолетних.

Органы внутренних дел используют как старые методы, так и новые методы борьбы с преступлениями несовершеннолетних. Одним из современных методов является профайлинг. Это метод, пришедший из такой науки, как психология. Известно, что характерологические особенности личности участвуют в формировании индивидуального стиля поведения, который внешне проявляется в привычной для данной личности форме активности [3, с. 5]. Другими словами, существуют ключевые признаки в невербальном и вербальном поведении подростков, которые профайлер способен выявить. Данное условие объясняет практическую эффективность профайлинга в борьбе с преступностью. Речь идет о том, что профайлер на основе анализа внешнего вида, мимики и жестов, стиля мышления и речи, эмоционального реагирования и поведения человека составляет его психологический профиль, который дает представление об особенностях характера анализируемого, его убеждениях и жизненных ценностях, мотивационной сфере, поведенческих стереотипах. Это позволяет предсказать его действия в конкретных ситуациях, выявить склонности и предпочтения в различных сферах жизнедеятельности. Таким образом, в процессе составления психологического профиля профайлеру необходимо прежде всего проанализировать природу и сущность преступления, совершенного подростком, изучить типы лиц, совершивших подобные преступления в прошлом, проанализировать место расследуемого преступления, подробно изучить ближайшее окружение, занятия и интересы жертвы, выявить возможные побуждающие мотивы всех привлекаемых к расследованию лиц, и наконец составить профиль преступника на основе внешних поведенческих проявлений его предлагаемой психологической сущности. Метод формирования потенциального преступника получил название милицейского профайлинга [4, с. 12].

Таким образом, изучение профайлинга должно стать важной составляющей профессионально-психологической подготовки будущего

специалиста. Владение данным методом поможет глубоко и сосредоточенно наблюдать и анализировать окружающую обстановку, поведение людей, выявлять подозрительные признаки в их поведении и на основе получаемой информации делать выводы, искать и выстраивать причинно-следственные связи в следственном процессе.

Список использованных источников

1. Сайт Администрации Центрального района г. Минска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://centr.minsk.gov.by/sfery-deyatelnosti/zakonnosti-pravoporyadok/pravookhranitelnye-organy/prokuratura-tsentralnogo-raiona-g-minska/2890-podrostkovaya-prestupnost>. – Дата доступа: 25.04.2021.
2. Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children. – Дата доступа: 25.04.2021.
3. Кулик, А. Что такое профайлинг? / А. Кулик, К. Митрошин // Мастер переводов. – 2016. – № 8. – С. 4–6.
4. Статный, В.М. Применение технологий профайлинга в деятельности органов внутренних дел : монография / В.М. Статный, Е.В. Спирица, А.М. Иванова. – М. : ДГСК МВД России, 2014. – 120 с.

УДК 340.1

С.О. Ващумирский, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Д.А. Воронаев*

РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Сотрудники органов внутренних дел Республики Беларусь (далее – сотрудники) – должностные лица, наделенные в установленном законодательстве порядке государственно-властными полномочиями, осуществляющие свою деятельность в правоохранительной системе и выполняющие различные по направлению деятельности задачи. Несмотря на то что сферы деятельности сотрудников различаются, очевидно, что профессиональное правосознание и профессиональная этика в их деятельности играет ключевую роль, так как решение задач, возложенных на правоохранителей, невозможно вне постоянного контакта с заявителями, правонарушителями и иными категориями граждан. В этой связи сотрудники должны уделять достаточное внимание нормам профессиональной этики в целях установления доверительных отношений с гражданами, достижения уважения и одобрения с их стороны.

Проблема роли профессиональной этики в деятельности сотрудника изучена недостаточно, о чем свидетельствует отсутствие качественно новых направлений профессионально-нравственного совершенствования сотрудников. На это обстоятельство указывают, например, А.В. Симзяев, А.В. Сакович, А.М. Шелепова и др.

Проблематика рассматриваемого вопроса заключается в том, что профессиональная этика сотрудников непосредственно связана с уровнем профессионально-нравственного воспитания, который в настоящее время нуждается в повышении. На то есть ряд причин:

во-первых, возросла активность различных политических партий и общественных движений, стремящихся оказать влияние на сотрудников;

во-вторых, значительно увеличилась физическая, моральная и психологическая нагрузка на сотрудников, резко усилилось воздействие на них со стороны правонарушителей;

в-третьих, имеет место недостаточная социально-правовая защищенность личного состава, необходимость его юридической, материальной, моральной и психологической поддержки;

в-четвертых, фиксируются признаки нравственной деформации, эстетическая невоспитанность и низкого общекультурного уровня отдельных сотрудников, что отрицательно влияет на состояние служебной деятельности, дисциплины и законности.

Безусловно, профессия сотрудника органов внутренних дел обладает огромной социальной значимостью, так как с ее помощью защищаются права, свободы и законные интересы человека, общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств. Происходит перманентный процесс взаимодействия населения и сотрудника, что требует от последнего наличия качественных знаний в области права и высоких профессионально-этических качеств.

Таким образом, необходимость совершенствования форм и методов профессионально-нравственного воспитания сотрудников не вызывает сомнений. Какие же направления его совершенствования могут оказаться эффективными в настоящее время?

Несмотря на то что в органах внутренних дел Республики Беларусь воспитательная работа, которая включает в себя гражданско-патриотическое, государственно-правовое, профессиональное, духовно-нравственное и семейно-бытовое воспитание, индивидуальную воспитательную работу, осуществляется на системной основе, не все используемые формы представляются достаточно эффективными.

Часто сотрудник, прослужив в органах внутренних дел достаточно длительный период, начинает профессионально деформироваться, забывать о нравственных началах его деятельности. Общаясь с людьми,

сотруднику необходимо быстро и грамотно конструировать мысли и излагать их. В некоторых служебных коллективах сложилась привычка использовать обсценную лексику в межличностном общении, а иногда и оскорблять друг друга. В свою очередь, молодой сотрудник, попавший в такую социальную среду, в рамках коммуникации с коллегами вынужден сквернословить, что приводит к ухудшению его моральных и деловых качеств.

Для того чтобы минимизировать негативное воздействие данного обстоятельства, предлагаем в приказном порядке запретить использовать нецензурную брань при общении в служебном коллективе и с гражданами. С нашей точки зрения, хорошим подспорьем в этом направлении может стать выпуск печатных изданий «карманного» формата, которые будут содержать основные правила этикета на службе и в быту, фразы, с которых следует начинать диалог, заканчивать его. Данное направление видится актуальным в применении как для практических подразделений, так и учебных заведений Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД Республики Беларусь).

Полагаем, что важным моментом в воспитательной работе является постепенный уход от использования традиционных форм гражданско-патриотического, правового, духовного воспитания, которые проводятся на безальтернативной основе, что особенно актуально в период обучения в учреждениях образования системы МВД Республики Беларусь, когда личность молодого офицера продолжает формироваться. Очевидно, что отсутствие собственного желания воспитуемого совершенствоваться в обозначенных направлениях не приведет к положительным результатам. Например, анализируя воспитательную работу в Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – Академия МВД), следует отметить, что просмотр курсантами военно-патриотических фильмов, заслушивание докладов, касающихся важнейших событий общественно-политической жизни в стране, в личное время является малоэффективным. Более результативными формами осуществления воспитательной работы в данных направлениях, исходя из личного опыта, является проведение среди обучающихся Академии МВД различных конкурсов на знание истории Беларуси, ее общественно-политической жизни, мировых достижений деятелей науки, литературы и искусства, а также правовых олимпиад, при подготовке к которым актуализируются знания в приоритетных для деятельности органов внутренних дел отраслях права.

Важнейшим звеном в воспитательной работе являются и лица, ее осуществляющие, – начальники строевых подразделений (факультетов, курсов и т. д.), прежде всего по той причине, что непосредственно от них зависит, в каких формах она будет проводиться. Процесс воспитания сотрудников имеет педагогические и психологические начала. Безу-

словно, командир подразделения должен владеть основами психологии и педагогики, уметь правильно управлять коллективом.

Думается, современная система подготовки руководящих кадров требует совершенствования. Значительная часть руководителей территориальных органов внутренних дел, служб и подразделений, в том числе в ведомственных учебных заведениях, не имеют управленческого, психологического или педагогического образования либо получают его параллельно с исполнением своих служебных обязанностей (заочно). Полагаем целесообразным определить в органах внутренних дел Республики Беларусь перечень должностей, занимать которые могут только лица, имеющие помимо юридического образования еще одно из вышеперечисленных либо прошедшие дополнительную подготовку, что позволит осуществлять профессионально-нравственное воспитание своих подчиненных более эффективно.

Таким образом, мы отметили несколько аспектов, которые подтверждают актуальность роли профессиональной этики в деятельности сотрудников. Учитывая, что последняя имеет непосредственную связь с профессионально-нравственным воспитанием сотрудников, были предложены некоторые направления его усовершенствования.

Список использованных источников

1. Симзяев, А.В. Профессионально-этическая культура сотрудника ОВД / А.В. Симзяев // Психопедагогика в правоохран. органах. – 2009. – № 3. – С. 12–15.
2. Сакович, А.В. Профессиональная этика сотрудников ОВД. Деонтологическая подготовка кадров полиции за рубежом / А.В. Сакович // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2003. – № 2 (6). – С. 84–91.
3. Шелепова, М.А. Мораль и право в деятельности сотрудников органов внутренних дел / М.А. Шелепова, А.С. Петрова // Вестн. Тюм. ин-та повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2014. – № 1 (2). – С. 113–118.

УДК 34(09)(476)

Е.В. Ковалева – курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.А. Семенова*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Отношения, складывающиеся в семье, всегда являлись предметом дискуссий. Брачно-семейные отношения, сформировавшиеся в современном обществе, во многом являются результатом эволюции представ-

лений о семье и браке, которые складывались на протяжении долгих лет. Нормами брачно-семейного права регулируются не только отношения между супругами, но и отношения между родителями и их детьми. Для нас особый интерес представляет правовое регулирование отношений между родителями и детьми в Статутах Великого княжества Литовского.

Симеон Полоцкий – один из знаменитых людей периода Средневековья – считал, что главная задача воспитания лежит на родителях ребенка. Отец должен быть в доме «солнцем», а мать – «луной». Родители должны являться примером поведения для своих чад. Они не должны губить ребенка чрезмерным «ласканием», но могут допускать телесные наказания. Родители обязаны изолировать ребенка от «злого общества». С самых ранних лет детей следует учить рукоделию, прививать им любовь к труду [1].

На белорусских территориях в эпоху феодализма были известны два основных типа семьи: малая и большая. Малая семья состояла из родителей и неженатых детей. В большой семье родители вели домашнее хозяйство вместе с женатыми и неженатыми детьми, неразделенными братьями и сестрами или другими родственниками [2].

В то время государство старалось уделять особое внимание регулированию брачно-семейных отношений и развитию брачно-семейного права. Это и послужило одной из причин создания Статутов Великого княжества Литовского (ВКЛ) 1529, 1566 и 1588 гг.

Среди норм Статутов ВКЛ, регламентирующих отношения между родителями и детьми, особое место отводилось нормам об опеке. Опека устанавливалась над несовершеннолетними и их имуществом. Ее назначали для юношей до 18 и девушек до 13 лет, однако если девушка не выходила замуж после этого возраста, она все равно оставалась под опекой. По закону опекунами считались отец или мать несовершеннолетнего, а также близкие родственники в отсутствие родителей. Опекуны могли быть назначены по воле родителей или по решению суда. Из-за классового характера общества опекун принадлежал к тому классу, к которому принадлежал состоящий под опекой, потому что опекун должен был нести все обязанности, предъявляемые к собственности последнего, и имел не меньшую правоспособность, чем владелец, покинувший дом.

Семейное право, которое оформилось в ВКЛ, наиболее ярко сохранило древние обычаи и нормы обычного права, но и в него были внесены некоторые изменения, касающиеся отношений родителей и детей. Так, закон предусматривал, что любой, кто выдал свою «дочь замуж и дал ей приданое или документ», должен перед выдачей ее взять у будущего зятя запись, по которой он напишет жене одну треть его имени. Брак должен был состояться с согласия брачующихся, а также требо-

валось согласие родителей невесты, близких родственников или опекунов. Если девушка выходила замуж без согласия родителей, близких родственников или опекунов, она могла быть лишена приданого и права наследования. Но в случае смерти родителей и запрета братьев, других родственников или опекунов выходить замуж девушке, она могла получить разрешение на брак в государственной администрации и после этого не была лишена приданого и другого имущества.

Особое внимание в новых нормах брачно-семейного права, вошедших в Статут ВКЛ 1588 г., было уделено имущественным отношениям между родителями и детьми. Имущественные права детей в семье ограничивались. Признавалось только их право на имущество, полученное ими для личных нужд, в наследство или дар. Доля детей в общем имуществе семьи не была четко определена. Однако отец не мог без причины лишить сына или дочь наследства и завещать все имущество посторонним. До 1566 г. существовало правило, по которому владелец «отечества» имел право продать только треть его, а остальное оставалось детям. Право жены и детей на долю в общем имуществе подтверждается помилованием, выданным от имени всей семьи. Родители могли добровольно передать часть своего имущества детям.

В Статуте ВКЛ 1588 г. нормы наследственного права содержались в 32 артикулах, содержащихся в разд. 3, 5, 7 и 8. В этом Статуте закреплено общее положение о том, что «по смерти отцов и маток дети их сынове и дочки от отчизны и материзны не мають быти отъдалены але они сами и их щадки властные кровные и близкие правом прирожаным и слушнетнабытым звычайем стародавным, и теж статутом первым и теперешним, мають прсегнути и одержати и тые добра на пожиток свой вечными часы» [2]. По закону наследниками являются в первую очередь дети наследователя и их потомки, но только те, кто родился в законном браке, не объявлен родителями незаконнорожденным и не лишен права наследования. При наличии сыновей дочери не наследуют недвижимое имущество отца, а получают только четверть стоимости имущества независимо от количества детей. Имущество матери дочерьми наследуется наравне с братьями. После смерти мужа жена получала часть имущества мужа, но не более трети, пожизненно, а наследниками были дети или родственники мужа по мужской линии [3].

Подводя итог, необходимо отметить, что взаимоотношения родителей и детей во многом определяются внешними факторами, к которым относятся материальное благополучие, социальный статус семьи. К внутренним факторам, определяющим взаимоотношения между родителями и детьми, относятся культура и воспитание, духовность и нравственность, осознание духовной ценности семьи, брака, отношений между близкими [4].

В Великом княжестве Литовском взаимоотношениям в семье придавалось особое значение. Государство поддерживало авторитет отцовской власти, а также заботилось о детях и их будущем.

Список использованных источников

1. История образования и педагогической мысли Беларуси / авт.-сост.: В.В. Пашкевич, А.С. Баранова, И.И. Колбаско ; под общ. ред. В.В. Пашкевича. – Мозырь : Содействие, 2008. – 56 с.
2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Давед. Камент. / Беларусь. Сав. Энцыкл. ; рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1989.
3. Юхо, І. Крыніцы беларуска-літоўскага права / І. Юхо. – Мінск, 1991.
4. Абраменкова, Н.Ф. Взаимоотношения между родителями и детьми в семье / Н.Ф. Абраменкова [и др.] // Аспекты и тенденции педагогической науки : материалы III Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, дек. 2017 г.). – Санкт-Петербург : Свое изд-во, 2017. – С. 186–189.

УДК 34.01

Е.Ю. Кулаковский, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *В.А. Волков*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Если рассмотрим право как регулятор общественных отношений, то сможем сделать вывод, что оно не является универсальным регулятором человеческого поведения, а поэтому его воздействие на общественные отношения имеет границы. Например, не регулируются частные отношения людей, такие как дружба, любовь и т. п. Следовательно, есть определенные границы или пределы, за которые право, как регулятор общественных отношений, не должно переступать, а государственное вмешательство в систему общественных отношений должно заканчиваться на этом рубеже. Можно сказать, что пределы правового регулирования, это некая невидимая линия, которая способна отделить правовое от неправового, и определить те границы, за которые право заступать не может [1, с. 19].

Поэтому можем констатировать тот факт, что разработка и изучение этих границ является одной из актуальных задач юриспруденции. Особым фактором, который подталкивает на изучение и развитие теоретического материала по данной тематике, является то, что субъекты,

осуществляющие правовое регулирование, совершают ошибки в процессе установления границ. Например, границы сферы правового регулирования в них порою определяются не на основе аргументированных доктринальных критериев, а путем простого обобщения эмпирических данных [2, с. 91].

Для рассмотрения пределов правового регулирования общественных отношений следует выделять определенные разграничения. Например, объективные и субъективные пределы, которые подразделяются на внешние и внутренние [3, с. 7].

Внешние границы выступают общими для любых видов правового регулирования, поскольку отделяют область правового регулирования:

1) от сфер человеческого бытия, которые регулируются:

а) законами природы, определяющими биологические, физиологические, геологические, климатические и т. п. процессы и явления, половозрастную, расовую дифференциацию людей;

б) близкими к ним по характеру социальными закономерностями (например, опосредующими процесс формирования и развития языка). Эту разновидность внешних границ правового регулирования можно назвать естественно-природными;

2) от иных сфер социального регулирования, не требующих специального юридического воздействия. Общественным отношениям, охватываемым этими сферами, имманентны иные регулятивные системы (религиозная, нравственная, эстетическая и т. д.). Данный вид внешних границ целесообразно именовать социальными.

Внутренние пределы отграничивают друг от друга различные виды юридического регулирования, используемые в правовой сфере. Ими фиксируются рамки национального и международного, отраслевого и межотраслевого, централизованного и децентрализованного правового регулирования и т. д. Их можно назвать специальными пределами правового регулирования.

Наиболее частным случаем в сфере правового регулирования являются общественные отношения. И поэтому ставится вопрос, как определить эти границы. Общественные отношения можно конкретизировать по определенным признакам:

1) это отношения, в которых заключены как индивидуальные интересы общества, так и интересы общесоциальные;

2) в этих отношениях реализуются взаимные интересы их участников, каждый из которых идет на какое-то ущемление своих интересов ради удовлетворения интересов другого;

3) эти отношения строятся на основе согласия выполнять определенные правила, признания обязательности этих правил;

4) эти отношения требуют соблюдения правил, обязательность которых подкреплена достаточно действенной силой.

Примером в методике разрешения общественных отношений может служить использование возможности и необходимости правового регулирования. Иными словами, определяется верхняя и нижняя граница, где верхняя граница – это возможный предел правового регулирования. Нижняя же граница определяется важностью общественных отношений для государства и общества. Этот метод позволяет более гибко решать проблемы в области пределов правового регулирования общественных отношений, но полностью не закрывает вопрос в разрешении пределов правового регулирования. В настоящее время данный вопрос не изучен, а значит, необходимо глубокое исследование различных методов решения проблем в области пределов правового регулирования.

Таким образом, определение границ (пределов) правового регулирования общественных отношений – проблема, на которую следует обратить внимание, ведь она затрагивает различные аспекты жизнедеятельности. Полагаем, данный вопрос очень важен, требует более глубокого и детального изучения.

Список использованных источников

1. Волков, В.А. Пределы правового регулирования общественных отношений / В.А. Волков // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Воронеж, 23 мая 2018 г. : в 2 ч. / Воронеж. ин-т МВД России ; редкол.: О.И. Бокова [и др.]. – Воронеж, 2018. – Ч. 2. – С. 19–21.
2. Лившиц, Р.З. Теория права : учебник / Р.З. Лившиц. – М. : БЕК, 1994. – 224 с.
3. Малько, А.В. Правовые средства как общетеоретическая проблема / А.В. Малько // Правоведение. – 1999. – № 2. – С. 7–8.

УДК 34(09)(476)

Д.И. Кусенкова, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.А. Семенова*

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Хроника неравноправного положения женщин во всем мире уходит в глубину столетий. Становление человеческого мира вершилось в процессе развития семьи: от варварского группового союза вплоть до

человеческого рода. Первоначально доминировал материнский род. Однако с ходом времени представители сильного пола начали доминировать над представительницами слабого пола, а существование женщин предусматривалось исключительно с целью бытовых дел.

Правовой статус женщины в период Великого княжества Литовского (ВКЛ) можно охарактеризовать как принадлежность супруги супругу, однако женщина имела большой диапазон прав, в особенности имущественные. На наш взгляд, исследование данного вопроса имеет важную роль в отслеживании развития гендерного неравенства.

Как уже было изложено выше, правовому положению женщины ВКЛ уделялось большое внимание. Однако данная проблема не в полной мере освещена в научной литературе.

В Статуте ВКЛ 1529 г. впервые были систематизированы общепризнанные нормы, которые определяли положение женщины в структуре общества ВКЛ.

Так, большинство артикулов разд. IV Статута ВКЛ 1529 г. посвящено юридическому оформлению имущественного положения женщин. В частности, в артикуле IV разд. I закреплена норма, касающаяся отдельных частей женского имущества: приданое, вено, оправа, венец и др. Кроме того, Статут ВКЛ 1529 г. отображает терминологию, употреблявшуюся в отношении статуса вдовы: вдовый столец, венована вдова, пустая вдова и др. Довольно большое число общепризнанных мер приурочены закреплению привилегий представительниц различных сословий. Так, в Статуте ВКЛ 1529 г. есть артикул, который защищал права всех женщин [1]. В частности, за изнасилование женщины вне зависимости от ее сословного положения насильник подвергался смертной казни. Артикул 9 разд. III Статута ВКЛ 1529 г. предусматривал право дочерей шляхты на наследование родового имущества. При этом исключительным правом шляхтянок было право на приданое, а также «вено» – обеспечение супругом в собственных поместьях и ином имуществе суммы, в два раза превышающей размер приобретенного приданого. Именно по этой причине знатные шляхтянки представляли большую и значительную роль в жизни ВКЛ.

Статут ВКЛ 1588 г. юридически закреплял формальное равенство всех перед законом, но фактически принцип равенства перед законом не соблюдался [2]. Наиболее полной правоспособностью обладали представители высшего сословия мужского пола. Определяющим в формировании правового статуса женщины считалась ее сословная принадлежность. Однако отдельные нормы Статута ВКЛ 1588 г. были преобразованы в этом отношении. Нормы о правовом положении женщин содержались практически во всех разделах, но в основном, в разделах, относящихся к гражданскому и семейному праву.

Гражданская дееспособность у девушек согласно Статуту ВКЛ 1588 г. наступала с 13 лет и совпадала с минимальным возрастом вступления в брак (у мужчин – с 18 лет).

В соответствии со Статутом ВКЛ 1588 г. женщина любого сословия имела возможность владеть имуществом и передавать его по наследству. По закону супруга не входила в число наследников; женщина не имела возможности выступать свидетелем при составлении завещания или скреплять его печатью. Материнское имущество дочери наследовали в равных долях с братьями, а от отцовской собственности получали $\frac{1}{4}$ имущества, в то время как сыновья приобретали все недвижимое имущество.

Сословный статус женщины определялся статусом супруга. Так, в случае заключения брака между шляхтичем и простолюдинкой, она и их совместные дети признавались шляхтичами, но при расторжении этого брака и вступлении женщины в новый брак ее положение определялось статусом нового мужа.

Отдельно необходимо отметить отличительные черты правового положения женщины-вдовы. Она обладала более широким объемом прав по сравнению с замужней женщиной. Вдова могла самостоятельно вести свои дела в суде или поручать их адвокату. Если овдовевшая женщина имела «вено» от покойного мужа, она получала $\frac{1}{3}$ имущества мужа в пожизненное владение.

В нормах семейного права усматривается изменение идеала женщины высшего сословия. С распространением в ВКЛ идей Ренессанса, повышением роли светского писаного права в девушке-шляхтянке начинают приветствоваться скромность, благородство, воспитанность и умение вести хозяйство. Это обусловило изменение правовых норм моральной направленности: смертная казнь вводится за супружескую измену, прелюбодеяние, сводничество, аборт.

В целом Статут ВКЛ 1588 г. предусматривал особую защиту прав и интересов женщин уголовно-правовыми нормами. Происходила гуманизация наказаний (запрет на смертную казнь беременной женщины), ответственность за преступления, где потерпевшей выступала женщина, была более серьезной, и материальные взыскания уплачивались в двойном размере; вводились специальные составы преступлений: убийство жены, матери, дочери, сестры в целях завладения имуществом, принуждение женщины к вступлению в брак и т. д.

Процессуальная правоспособность женщины была ограничена. Хотя в земских поветовых книгах сохранились записи о женщинах-истцах, по Статуту ВКЛ 1588 г. в суде женщина могла выступать только в качестве свидетеля. В отношении женщин не могли применяться пытки.

Таким образом, права женщин оформились именно в эпоху Великопольского княжества Литовского, одного из немногих государств, где женщины

обладали значительными правами. В свою очередь, обзор текста Статута ВКЛ 1529 г. позволяет сделать вывод о том, что в феодальном обществе правовой статус женщины напрямую зависел от ее социального и имущественного положения.

Согласно Статуту ВКЛ 1588 г. наибольшим объемом правоспособности обладала бездетная вдова-шляхтянка, имевшая «вено». Нормы Статута ВКЛ 1588 г. расширяли объем прав женщин, существенно улучшали их положение в обществе, отражая общую тенденцию к гуманизации правовой сферы.

Список использованных источников

1. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под ред. акад. АН Литовской ССР К.И. Яблонского. – Минск : Изд-во Академии наук БССР, 1960. – 253 с.
2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1989.

УДК 347.823.4

К.Я. Лис, студентка факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.В. Григорьев*

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

До начала XXI в. беспилотные летательные аппараты (БПЛА) применялись исключительно в военных целях. В настоящее время БПЛА получили широкое применение в различных сферах деятельности современного общества, не являясь исключением и такая наука, как география.

В географии БПЛА используются для получения геопространственных данных с помощью беспилотных систем, данный метод является менее трудоемким, более точным и быстрым способом в сравнении с традиционными.

В условиях развития информационных технологий, повышения доступности его результатов расширились масштабы использования БПЛА, в том числе незаконного.

Поэтому в последние годы в Беларуси был принят ряд нормативных правовых актов, регулирующих порядок использования БПЛА, в том

числе и авиамоделей (Указ Президента Республики Беларусь от 25 февраля 2016 г. № 81 «Об использовании авиамоделей», постановление Совета Министров Республики Беларусь от 16 августа 2016 г. № 636 «О некоторых вопросах использования авиамоделей в Республике Беларусь», постановление Министерства обороны Республики Беларусь от 27 сентября 2017 г. № 19 «О внесении изменения в постановление Министерства обороны Республики Беларусь от 22 августа 2016 г. № 18 «Об установлении перечня зон, запрещенных для использования авиамоделей в Республике Беларусь»).

В документах дано не только четкое определение, что понимается под авиамоделью (БПЛА), но и устанавливаются правила их использования в Республике Беларусь. Под авиамоделью понимается летательный аппарат без человека на борту, управление полетом, которого возможно только при условии визуального контакта с ним, а также неуправляемый свободнолетающий аппарат; использование авиамоделей в воздушном пространстве Республики Беларусь осуществляется без разрешений органов Единой системы организации воздушного движения в порядке, определяемом Советом Министров Республики Беларусь [1, п. 1]. В частности, в правилах запрещается использование авиамоделей:

в пределах зон, запрещенных для использования авиамоделей, без согласования с государственными органами (организациями), в интересах которых установлены такие зоны;

в случаях, определяемых Службой безопасности Президента Республики Беларусь в соответствии с Законом Республики Беларусь от 8 мая 2009 г. № 16-3 «О государственной охране»;

на высоте, превышающей 100 метров от уровня земной (водной) поверхности;

общей массой более 0,5 килограмма без соответствующей маркировки авиамодели [2, п. 5].

Кроме того, в правилах указано, что перечень зон, запрещенных для использования авиамоделей, устанавливается Министерством обороны по согласованию с Министерством транспорта и коммуникаций Республики Беларусь. В настоящее время постановлением Министерства обороны Республики Беларусь от 27 сентября 2017 г. № 19 этот список расширен с 16 до 80 зон, где в Республике Беларусь запрещено использование БПЛА [3, п. 2]. В этом же документе в описании зон указаны также координаты границ (или центра) зоны во Всемирной системе геодезических координат 1984 г. (WGS-84) и радиус зоны запрета полетов (при наличии).

В Воздушном кодексе Республики Беларусь согласно ст. 20 сертификации в области гражданской авиации подлежат в том числе и авиа-

ционные работы, к которым относятся воздушные съемки [4]. При выполнении полетов в коммерческих целях необходимо обязательно получить сертификат (свидетельство) эксплуататора воздушного судна, который удостоверяет его соответствие установленным законодательством требованиям. Через процедуру сертификации контролируется деятельность эксплуататора в части подготовки пилотов, технического персонала, поддержания летной годности воздушных судов и многие другие аспекты, влияющие на обеспечение безопасности полетов [4, ст. 24].

Перед каждым полетом оператору необходимо заполнить заявку на использование воздушного пространства на сайте fpl.ban.by (Республиканское унитарное предприятие по аэронавигационному обслуживанию воздушного движения «Белэронавигация»). Там указывается регистрационный номер БПЛА, которым будет выполняться полет, время полета, высота полета, координаты, границ зоны полета, точка взлета и посадки, фамилия оператора и цель проведения полета. Для выполнения аэрофотосъемки обязательно разрешение на ее проведение в Генеральном штабе Вооруженных Сил, также необходимо разрешение от местных органов власти, в зависимости от планируемой территории съемки.

После завершения заполнения заявки выполняется согласование с предприятием «Белэронавигация», которое регулирует воздушное движение на территории Республики Беларусь.

После получения условий полета оператор имеет право запускать БПЛА.

После запуска БПЛА оператор сообщает военному согласователю время начала работ в воздухе. Ту же информацию оператор передает и в службу ПВО. Иногда необходимо согласовывать место полета с другими гражданскими операторами, которые выполняют полет в этой же зоне или рядом с ней. В таком случае осуществляется информирование другого оператора и возникает договоренность о времени и зонах границ полета, которые нельзя пересекать.

После завершения полета следует проинформировать об этом ПВО, военного согласователя и гражданских операторов, при выполнении ими в этой же зоне полета.

Говоря об основных проблемах правового регулирования в области БПЛА, следует выделить такую, как присвоение бортового номера. Без него пройти процедуру регистрации практически невозможно. Бортовой номер присваивается, когда судно регистрируется в реестр. Для попадания в реестр следует предоставить документы об обучении пилота,

а также о летной годности, т. е. прохождении техосмотра. Между тем отсутствует методика обучения. Важно разграничить любителей и профессионалов. В настоящее время рассматривается вопрос о том, чтобы сферу действия авиационных правил по БПЛА расширить. Малые БПЛА, возможно, стоит вывести из поля зрения правил гражданской авиации, которые разработаны для воздушных судов в классическом понимании.

Основной целью, с точки зрения безопасности полетов, является регулирование процесса так, чтобы диспетчерские службы, которые управляют воздушным движением, владели максимально достоверной информацией обо всех полетах, в том числе и БПЛА, для исключения возможности столкновения. Нужно, чтобы все владельцы БПЛА оповещали о своих полетах. Возможно, посредством онлайн-сервиса по регистрации, учету операторов, которые поднимают дроны.

В исследуемой проблематике рассматриваются проблемы правового регулирования применения беспилотных летательных аппаратов в географических исследованиях, но следует отметить, что БПЛА в перспективе будут охватывать еще больше новых сфер деятельности человека, поспособствуют решению определенных технических проблем, чтобы сократить время на получение необходимой информации.

Список использованных источников

1. Об использовании авиамodelей [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 25 февр. 2016 г., № 81 // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2005. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/P31600081_1456520400.pdf. – Дата доступа: 15.04.2021.
2. О некоторых вопросах использования авиамodelей в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 16 авг. 2016 г., № 636 // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2005. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/C21600636_1471467600.pdf – Дата доступа: 15.04.2021.
3. О внесении изменения в постановление Министерства обороны Республики Беларусь от 22 августа 2016 г. № 18 [Электронный ресурс] : постановление М-ва обороны Респ. Беларусь, 27 сент. 2017 г., № 19 // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2005. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W21732459&p1=1>. – Дата доступа: 19.04.2021.
4. Воздушный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 мая 2006 г., № 117-3 : принят Палатой представителей 3 апр. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 24 апр. 2006 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=Hk0600117>. – Дата доступа: 21.04.2021.

УДК 340.1

Н.Д. Манько, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Д.А. Воронаев*

ОСОБЕННОСТИ ДЕФОРМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В настоящее время право стало одним из составляющих элементов современной системы общества. Практически нет таких отношений, которые бы не регулировались данным социальным регулятором. В связи с этим в условиях значительной правовой информатизации населения немалую роль играют люди, не просто наделенные правовым знанием, а способные правильно понимать и применять на практике те правовые доктрины, существующие в обществе. Следовательно, в данном контексте нельзя не говорить о таком правовом феномене, как профессиональное правосознание.

Данная правовая категория прежде всего вытекает из такого понятия, как «правосознание». В теории права под правосознанием понимается сфера или область сознания, отражающая правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, социально-правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение людей в юридически значимых ситуациях [1, с. 159]. В то же время встречаются и альтернативные мнения, базирующиеся на иных методологических и прежде всего мировоззренческих подходах. Так, известный русский религиозный философ и мыслитель И.А. Ильин утверждал, что правосознание есть особого рода инстинктивное правочувствие, в котором человек утверждает свою собственную духовность и признает духовность других людей [2, с. 82].

Несомненно, нельзя не подчеркнуть тот факт, что ученые в своих воззрениях в большинстве своем разделяют мысль о том, что именно правосознание определяет отношение человека к праву.

Что касается профессионального правосознания, то оно рассматривается как комплекс представлений, чувств, юридических, политических и морально-нравственных установлений, мотивирующих поведение юристов и иных субъектов юридической практики, обуславливающих их отношение к праву и правовому порядку, зависящих от особенностей конкретного государства и правовой системы, сложившихся в национальной правовой культуре стереотипов и императивов [3, с. 5].

Носителями профессионального сознания являются лица, которые обладают юридическими знаниями (юристы, сотрудники правоохра-

нительных органов и т. д.), пониманием необходимости следовать нормативно-установленным образцам поведения и, что важно, осознают установленную ответственность за нарушение норм законодательства [4, с. 157].

Одной из разновидностей профессионального правосознания является правосознание сотрудников органов внутренних дел (ОВД). Так, считаем, что под правосознанием сотрудника ОВД следует понимать совокупность правовых знаний, взглядов, представлений, установок, чувств и других духовных проявлений людей, профессионально занимающихся охраной общественного порядка, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений и других правонарушений, охраной собственности, прав, свобод и законных интересов граждан.

Профессиональное правосознание сотрудника ОВД в идеале предполагает выбор им правомерного поведения исходя из того, что носитель такого правосознания осознает всю социальную ценность права.

Как выделяют ученые-юристы, содержание профессионального правосознания отражает правовые ориентации и установки, которые помогают вырабатывать и принимать правовые решения. В юридической литературе выделяют следующие их виды: 1) отношение к нормам, принципам, законодательству и институтам права; 2) отношение к несоблюдению правовых запретов; 3) отношение к правоохранительным органам, а также к их правоприменительной практике; 4) отношение к собственной профессиональной юридической деятельности и др. [5, с. 211]. Таким образом, от лица, обладающего глубоким знанием права, ожидают в любом случае правомерного поведения, а со стороны сотрудника ОВД будет ожидать не только правомерное действие, но и поведение, при котором происходит воспрепятствование противоправным действиям других лиц.

Однако, несмотря на все это, существует ряд факторов, способствующих искажению правосознания сотрудников ОВД, что непосредственно ведет к деформации профессионального правосознания, а в следствии и к совершению сотрудниками правонарушений.

В научной литературе выделяют следующие наиболее часто встречающиеся формы деформаций правосознания:

а) правовой инфантилизм – мягкая форма искажения правосознания вследствие несформированности, недостаточности правовых знаний, установок;

б) правовой нигилизм – осознанное игнорирование требований закона, исключаящее преступный умысел;

в) «перерождение» правосознания – крайняя степень искаженного дефектного правосознания, при котором формой «перерожденческого» является совершение преступлений;

г) правовой идеализм – форма деформации правового сознания, которая заключается в возведении в «абсолют» права, его значения, правовых институтов в регулировании общественных отношений в социуме [6, с. 482].

Стоит отметить, что если лицо, не обладающее высоким уровнем правовых знаний, совершает преступление, то это может быть результатом недостаточности правовых знаний, которыми обладает данное лицо. Обладатели профессионального правосознания, обладающие достаточно глубокими знаниями, сознательно игнорируют модели правомерного поведения, вследствие чего показывают низкий уровень правовой культуры. Опасность ситуации заключается в том, что у этих лиц есть навыки, знания, компетенции, позволяющие им уходить от ответственности или, по крайней мере, оставаться долгое время в тени.

Следует также подчеркнуть, что имея дело с преступлениями, совершаемыми носителями профессионального правосознания, вся правоохранительная система государства находится в крайне уязвимом положении. В такой связи наносится огромный ущерб авторитету и престижу правоохранительных и иных государственных органов.

Решению данной проблемы, по нашему мнению, может способствовать проведение ряда мероприятий. В первую очередь необходимо ужесточить ответственность лиц, обладающих высоким уровнем правосознания в связи с получением соответствующего образования или по долгу службы, профессии и использующих такие знания в ущерб эффективному функционированию правовой системы. Во-вторых, обеспечить полную прозрачность деятельности таких лиц, установить размеры и новые механизмы компенсации и взыскания ущерба с них. Необходимо также проводить правообразовательные и правовоспитательные курсы для различных категорий населения с разъяснением, каким образом и как именно следует реагировать, если в отношении их совершается или совершено преступление сотрудниками правоохранительной системы.

Список использованных источников

1. Афанасьев, В.С. Общая теория права и государства / В.С. Афанасьев, А.Г. Братко. – М. : Юрист, 1994. – 360 с.
2. Ильин, И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин. – М. : Парогъ, 1993. – 235 с.
3. Гуренко, Д.В. Социокультурные особенности профессионального правосознания в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д.В. Гуренко ; Ростов. юрид. ин-т МВД России. – Ростов н/Д, 2007. – 26 с.
4. Барахоева, А.Р. Понятие и содержание профессионального правосознания, а также проблема его деформации / А.Р. Барахоева, М.-А. З. Батыгов // Вестн.

Ингуш. науч.-исслед. Ин-та гуманитар. наук им. Ч.Э. Ахриева. – 2019. – № 1. – С. 157–159.

5. Рагинов, А.Р. Структура правосознания и некоторые методы ее исследования / Р.А. Рагинов // Методология и методы соц. психологии. – М., 1977. – 211 с.

6. Общая теория права : курс лекций / В.К. Бабаев [и др.] ; под общ. ред. В.К. Бабаева. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. ВШ МВД РФ, 1993. – 544 с.

УДК 340.1

А.В. Сенько, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат философских наук,
доцент *А.А. Козел*

РОЛЬ МОНАРХА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Монархическая форма правления в Великобритании функционирует не одну сотню лет. Как исключение, можно назвать 11-летнее правление О. Кромвеля с 1649 по 1660 г.

Монарх в Великобритании не просто монарх. Это и символ нации, защитник веры, гарант стабильности. В Великобритании действует кастильская система престолонаследия, в соответствии с которой трон наследуется старшим из сыновей бывшего монарха, а если сыновей нет, то старшей дочери. В соответствии с правом Великобритании монархическая форма правления определяется в основном правовыми обычаями, судебными прецедентами и отдельными парламентскими статутами. Обязанности монарха существуют в форме королевских прерогатив, которые можно подразделить на личные и политические.

К числу личных относятся: право на атрибуты монаршей власти; право на содержание по цивильному листу; право иметь королевский двор.

Политические прерогативы монарха формально являются весьма обширными и серьезными, но на практике их принято именовать спящими прерогативами.

При взаимодействии с парламентом права монарха состоят прежде всего в том, что создаются и разрабатываются законы парламентом, но юридическую силу они принимают после подписания королевой. Случаи того что монарх не одобряет тот или иной закон произошел однажды в 1708 г., когда королева Анна Стюарт наложила вето на меры,

которые были признаны реструктурировать шотландские вооруженные силы.

Ежегодно королева с речью, подготовленной премьер-министром, открывает сессию парламента, выступая на совместном заседании палат. В это время парламента чисто юридически заседает в полном составе и это является важным политическим событием, так как королева представляет программу на очередную парламентскую сессию.

Государственные чиновники в Англии назначаются с помощью голосования, однако королева имеет право назначить так называемых министров Короны, в том числе и служащих Кабинета министров и советников. В основном она выбирает их из уже имеющих членов парламента, но этим правом обладает не только королева, но и премьер-министр.

Елизавета II, если посчитает нужным, может предоставлять «королевское помилование» осужденным преступникам. В наше время это право используется нечасто. Изначальный смысл «королевского помилования» состоял в том, чтобы освобождать преступников от упраздненной сейчас смертной казни. Помилование может также заключаться в сокращении тюремного срока. В 2001 г. королева воспользовалась этим правом, сократив срок двум заключенным в награду за спасение работника тюрьмы от нападения дикого бора.

Каждый британский паспорт выдается от имени королевы, хотя обычно она не выдает их сама – этим в основном занимаются министры от ее лица. У монарха также есть право изымать паспорта.

Еще одна прерогатива монарха взаимоотношения с парламентом – промульгация принятых им законов. С этой прерогативой связано право королевского вето, которое формально имело абсолютный характер, но с 1707 г. не используется. Также монарху принадлежит право в Великобритании распускать низшую палату парламента – Палату общин. Несмотря на это, монарх не может без специального приглашения посещать заседания парламента. По отношению к Правительству статус монарха определяется тем, что монарх назначает премьер-министра. Однако фактически им становится представитель партии победивших на выборах в Палату общин. Однако иногда возникают ситуации, в которых слова монарха могут стать решающими.

Судебные права монарха заключаются в том, что он назначает судей высших судов, а от имени Короны происходит правосудие, объявляются амнистии и помилование.

Монарх Великобритании назначает высшие должностные лица в армии, присваивает звания, награждает знаками отличия, а также монарх исполняет задачи Главнокомандующего силами Великобритании.

На международной арене королева Англии является главой Содружества, в составе которого находятся в настоящее время 51 государство и 18

из них признают Елизавету II королевой и своих государств, а также королева утверждает конституции государств, состоящих в Содружестве.

Является распространенным мнение, что королева в Великобритании «царствует, но не правит». Но это ошибочное мнение, так как Елизавета II очень активно занимается государственными делами. Она просматривает все государственные бумаги, которые ежедневно доставляются в Букингемский дворец, а также каждый вторник она лично принимает премьер-министра, и они обсуждают важные вопросы внутренней и внешней политики. Но, несмотря на это, как монарх Великобритании и Северной Ирландии королева выполняет не прямые обязанности, а формальные функции. Так, например, акты, издающиеся от имени Елизаветы II, подлежат подтверждению премьер-министра. Конституционный обычай Англии гласит, что монарх без согласия премьер-министра не может издать ни одного акта.

Одной из особенностей статуса монарха Великобритании является то, что он является главой пресвитерианской и англиканской церковей.

В соответствии с так называемым Актом о супрематии – двумя парламентскими актами (1534 и 1559 гг.), закрепившими отделение Англиканской церкви от Ватикана в ходе Реформации, верховная «земная» власть в Англиканской церкви после этого принадлежит британскому монарху уже сотни лет.

Впервые это положение было юридически оформлено в 1534 г. Причиной принятия акта стал конфликт между Генрихом VIII и Римом, церковные власти которого не дали разрешение английскому королю на расторжение брака с Екатериной Арагонской.

В Великобритании сохраняется институт монархии, так как является гарантом стабильности, символом объединенной Англии, преемственности в развитии. Он проверен в Великобритании веками и имеет некоторые плюсы в сравнении с республиканской формой правления.

А также институт защищен законом. Так, согласно Закону «О государственной измене» (1848) любая критика монархии может рассматриваться как тяжкое преступление, за которое грозит наказание в виде пожизненного заключения.

Таким образом, важную роль играет монарх в политической системе Великобритании. Это заключается в том, что:

- он утверждает законодательные акты;
- монарх финансирует, а значит и руководит одной из лучших специальных организаций в мире МИ6;
- участвует в заседаниях парламента;
- имеет право назначать государственных лиц;
- имеет право даровать «королевское помилование»;

от его имени выдаются паспорта;
является главой церкви.

Также окружение монарха считает, что она (королева Елизавета II) профессионал, всегда тщательно обдумывает каждый свой шаг и никогда не принимает поспешных решений [3].

Поэтому монарх имеет огромное политическое значение по регулированию и международных вопросов.

Список использованных источников

1. <https://www.metronews.ru/novosti/world/reviews/pravovye-polnomochiya-elizavety-ii-na-chto-sposobna-britanskaya-koroleva-1424002/?ua=ds>.
2. https://studopedia.ru/4_112281_glava-gosudarstva-velikobritanii-funksii-polnomochiya-rol-v-politicheskoy-sisteme.html.
3. Слова Принца Уильяма, внука Елизаветы II, в интервью «Би-би-си» для документального фильма «Королева». – The Queen, 2012.

УДК 342.5

А.С. Уласик, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *И.И. Мазуров*

СТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА В СИСТЕМЕ ВЛАСТИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ КАК НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ ПРЕЗИДЕНТА В ГОСУДАРСТВАХ СОВРЕМЕННОГО ТИПА

Слово «президент» берет истоки от латинского слова *praesidens* и в прямом смысле означает «сидящий впереди». В античные времена (Древний Рим) президентом называли председательствующего на том или ином заседании. В последующем возникла постоянная должность президента Сената [1, с. 303]. Однако современное понимание института президентства не было характерно для античной политико-правовой мысли.

В Новое время впервые термин «президент» был использован в Конституции США 1787 г. Данная должность, являющаяся новеллой организации государственной власти в сравнении с традиционными феодальными формами властвования, преобладавшими в наиболее развитых государствах Западной Европы того времени, основывалась на идее, что исполнительная власть возлагается на *подчиненное нормам права* должностное лицо – Президента, наделенного существенным объемом полномочий и занимающего ведущее место в политической

системе общества. Вместе с тем эта должность, в отличие от положения монарха, не предполагала совмещение в одних руках компетенций всех ветвей власти. Более того, в отличие от других государств того времени, где исполнительная власть повсеместно имела монархический, наследственный характер, в США главу государства – Президента – стали избирать в ходе всеобщих выборов.

Серьезное отличие института президентства от положения монарха заключается в том, что Президента избирает народ в ходе проведения голосования. При этом субъектность народа в сфере избирательного права определяется не родовой принадлежностью, принадлежностью к аристократии, а правовой принадлежностью к самому государству – гражданством. Монарх – это единоличный правитель, концентрирующий в своих руках всю полноту властных компетенций и реализующий их по собственному праву, воле, усмотрению. Он приобретает эти компетенции, как правило, по наследству и осуществляет их бессрочно (пожизненно). Так, одним из основных составляющих элементов статуса монарха является престолонаследие, т. е. переход власти монарха от одного представителя царствующего дома (династии) к другому в соответствии с устоявшейся правовой традицией. Монарх носит особый титул (например, король в Великобритании, император в Японии, султан в Омане и т. д.).

Президент США, согласно ст. II Конституции США 1787 г., – глава государства США, глава исполнительной власти (Федерального правительства США и главнокомандующий Армии и Флота по Конституции США). Президент имеет право вето на законопроекты (билли), принятые Конгрессом США [2].

Стать Президентом США может только гражданин США по рождению (или тот, кто состоял гражданином США при утверждении Конституции), старше 35 лет и проживающий в США не менее 14 лет [3, с. 6].

Согласно 22-й поправке к Конституции, принятой в 1951 г., одно и то же лицо может быть избрано Президентом США не более двух раз подряд или с перерывом. Президент США избирается на четырехлетний срок вместе с Вице-президентом с помощью не прямых выборов. Президент и Вице-президент идут вместе в течение всей выборной кампании.

Вице-президент (Vice President) – заместитель Президента, второе лицо после Президента (ст. II Конституции США 1787 г.). Вместе с тем следует различать вице-президента некоторой организации и должность Вице-президента государства.

Непосредственно за Президента и Вице-президента голосует коллегия выборщиков. Голосование выборщиков происходит в начале декабря и представляет собой известную формальность, хотя неоднократно

случалось, что отдельные выборщики голосовали не так, как обещали при их избрании. В части штатов существуют законы, обязывающие выборщиков голосовать так, как предписывает им штат.

Выборщики голосуют отдельно за Президента и Вице-президента, для избрания кандидат должен набрать абсолютное большинство, т. е. больше половины голосов выборщиков, в настоящее время составляющих 538 человек. Если этого не происходит, то Президента или Вице-президента избирает Палата представителей или Сенат Конгресса США из числа кандидатов, набравших наибольшее количество голосов выборщиков, по правилам, определенным Конституцией США [2].

Вновь избранный Президент и Вице-президент вступают в должность в полдень 20 января следующего года после выборов. Устраивается торжественная церемония – инаугурация Президента США. До принятия в 1933 г. двадцатой поправки к Конституции США, датой инаугурации было 4 марта.

Во время инаугурации Президент приносит присягу или дает следующее торжественное обещание: «Я торжественно клянусь (или обещаю), что буду добросовестно исполнять должность Президента Соединенных Штатов и в полную меру сил своих буду поддерживать, охранять и защищать Конституцию Соединенных Штатов». В конце присяги традиционно добавляют слова: «Да поможет мне Бог» («So help me God»), хотя Конституция США этого не требует.

Президент прекращает свои полномочия в следующих случаях:

- 1) истечение срока полномочий – наиболее частый случай;
- 2) смерть (четыре президента в истории США – У. Гаррисон, Тейлор, Гардинг и Ф. Рузвельт умерли в должности своей смертью, еще четыре – Линкольн, Гарфилд, Мак-Кинли и Кеннеди – были убиты);
- 3) добровольная отставка (Никсон).

Президент может быть отстранен от должности после осуждения в порядке импичмента за государственную измену, взяточничество или другие преступления. До сих пор ни одна попытка импичмента Президенту США не имела успеха.

Таким образом, в истории развития современной буржуазной государственности в США впервые была учреждена принципиально отличная от власти монарха, хотя и по некоторым внешним признакам сходная с ней, президентская власть. Наделение Президента достаточно широкими компетенциями в сфере исполнительной власти, совмещение в одном лице полномочий и главы государства, и главы правительства, позволяют говорить о достаточно сильной единоличной власти Президента. Это обуславливает сходность института президентства с властью монарха. В то же время порядок избрания Президента, регламентиро-

ванные правом процедуры реализации власти и ее юридическое ограничение, соответствующее конституционно закрепленному распределению власти между различными ветвями, а также идеологические основания власти президента существенным образом отличают институт президентства от власти монарха. В государствах современного типа институт президентства представляется как важный *правовой* механизм организации власти, доказавший свою эффективность на практике.

Список использованных источников

1. Тхаркахо, М.М. Зарождение и развитие института президентской власти в зарубежных странах / М.М. Тхаркахо // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2007. – № 1. – С. 302–308.

2. Конституция Соединенных Штатов Америки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitutioncenter.org/media/files/RU-Constitution.pdf>. – Дата доступа: 20.05.2021.

3. Жидков, О.А. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / О.А. Жидков, В.И. Лафитский. – М. : Прогресс, Универс. – 1993. – 766 с.

УДК 34(09)(476)

Д.В. Шаповалов, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.А. Семенова*

БЕЛОРУССКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Невозможно отделить развитие парламентаризма от развития государственности и становления белорусской нации в частности. Современный институт белорусского парламентаризма собрал в себе наиболее эффективные способы реализации народной воли, при этом получив должное правовое закрепление в Конституции. Все это основано на историческом опыте Беларуси и для дальнейшего развития и совершенствования института парламентаризма необходимо исследовать историю его развития.

В истории Беларуси существовали практически все виды и формы представительной демократии. Свое начало белорусский парламентаризм берет в Полоцком вече, сеймах Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, Государственной Думе Российской империи, во Всебелорусских съездах Советов, Верховном Совете БССР.

Первые сведения о существовании государственности на территории Беларуси имеются в различных летописях. Так, в Литовской и Жемойтской хрониках есть сведения о Полоцком княжестве, причем летописец, сравнивая его с другими государствами, говорит «о полоцкой свободности» и отмечает, что во второй половине XII в. власть в Полоцке принадлежала 30 «мужам» или «старцам» [1]. И.Я. Фроянов настаивает на том, что в древнерусский период вече было высшим правящим органом во всех русских землях. Согласно И.Я. Фроянову, несмотря на то, что представители знати являлись постоянными участниками вече и руководили его работой, они не обладали достаточными средствами, чтобы саботировать его решения или подчинить своей воле. Однако известны случаи, когда князь самостоятельно распоряжался земельными и финансовыми ресурсами. Исходя из этого, становится понятно, почему вече, нередко влиявшему на политику, не всегда удавалось договориться с князем. Таким образом, ученые отмечают, что вече возникло одновременно с возникновением государства и существовало оно во всех славянских государствах.

Сейм Великого княжества Литовского можно считать ранней версией парламента. В развитии ВКЛ главную роль сыграли сословные органы власти, которые с конца XV в. начинают набирать значительную силу в управлении государством. Специфика государственной власти в ВКЛ заключалась в том, что она шла не через усиление власти монарха, а путем повышения роли шляхетских представительных органов власти. В Статуте ВКЛ 1529 г. были закреплены и расширены функции рады, которая значительно ограничивала власть великого князя и прежде всего в области законодательства [2]. Таким образом, видим, как постепенно оформляется функция сейма не просто как представительного органа, но и как законодательного органа. В целом относительно данного этапа развития государства можно сделать ряд выводов. Во-первых, государство развивалось в форме ограниченной монархии по пути парламентаризма, о чем свидетельствует ограниченность власти монарха радой и сеймом, наличием в Статутах целых разделов, посвященных конституционным нормам. Во-вторых, сложившееся общегосударственное законодательство ВКЛ, которое основывалось на обычном и писаном праве. В-третьих, прогрессивные правовые наработки данного периода были использованы на дальнейших этапах развития государственности и правовой системы Беларуси.

В целом период нахождения белорусских земель в составе Российской империи характеризовался постепенной отменой действия законов ВКЛ и Речи Посполитой, введением в действие общероссийских законов; зарождением основ конституционализма в Российской империи.

В Российской империи парламентская деятельность началась только после царского манифеста «Об учреждении Государственной Думы» [3]. Ведущей партией на выборах в Государственную Думу выступала Конституционно-демократическая партия, она выступала в блоке с Конституционно-католической партией Литвы и Беларуси. Несмотря на это, тот факт, что у белорусов отсутствовала суверенная государственность, привел к тому, что делегаты от белорусских губерний не были сплочены и не понимали проблем белорусского населения и интересы, которые они должны были отстаивать. Таким образом, можно сделать вывод, что во времена Российской империи шел процесс приобретения важного опыта участия в работе представительного органа.

После Октябрьской революции белорусские территории являлись составной частью РСФСР. Руководство РСФСР не спешило с реализацией права народов на самоопределение. В результате чего произошла активизация национально-освободительного движения [4]. Исходя из этого, можно понять, что стремление к суверенной государственности было очень велико. Знаковым для этого периода стало образование ССРБ и принятие первой Конституции на I Всебелорусском съезде Советов в 1919 г. Высшим органом объявлялся Съезд Советов [5]. Содержание Конституции было проникнуто идеей диктатуры пролетариата, провозглашалось полновластие Советов, хотя фактически власть принадлежала правящей партии, создавалась принципиально новая система органов. Можно сказать, что реальные плоды опыт этого периода в области парламентаризма принес только с образованием БССР и установлением новой избирательной системы. В Конституции БССР 1937 г. была предпринята попытка разделить компетенцию законодательной, исполнительной и судебной властей. Вместе с тем реального разделения властей не было. Конституция БССР 1937 г. внесла принципиальные изменения в избирательную систему. Выборы в Советы осуществлялись на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, но существенный недостаток – был только один кандидат, фактически избирать было не из кого. В Конституции 1978 г. данная тенденция продолжилась, однако были внесены существенные изменения в права, свободы и обязанности граждан. Впервые закреплялось право граждан на управление государственными и общественными делами (ст. 46), на жилище (ст. 42), государственную охрану здоровья (ст. 44), право обращаться с жалобами на действия должностных лиц (ст. 56) [6]. Существенные изменения произошли с приходом политики перестройки с принятием Закона СССР 1990 г. № 1708-1 «Об общественных объединениях», разрешавшем гражданам беспрепятственно создавать любые партии, общественные организации и объединения, движения и

фонды [7]. Таким образом, можно проследить явную тенденцию развития парламентаризма в Беларуси.

После провозглашения государственного суверенитета в октябре 1996 г. в Беларуси впервые состоялся масштабный народный форум, объединивший представителей всех регионов страны – людей разных социальных групп, профессий, возрастов – в обсуждении наиболее важных вопросов жизни общества и государства. Всебелорусское народное собрание стало особой формой народовластия, демократическим институтом, который позволяет гражданам Беларуси более широко реализовывать право участия в делах государства – не только через выборы представителей разных уровней, участие в референдумах, деятельности парламента и местных Советов депутатов. Во всенародном форуме принимают участие делегаты из каждого региона страны: представители всех ветвей власти, всех сфер производства и бизнеса, науки и образования, здравоохранения и культуры, студенческая молодежь и ветераны [8]. Важной стала возможность граждан участвовать напрямую в разработке проекта Конституции, как было в 1995 г. Современное белорусское «вече» собиралось уже шесть раз. От первого Всебелорусского собрания под лозунгом «Только народ вправе решать свою судьбу», где глава государства Александр Лукашенко, выступивший с инициативой проведения всенародного форума, представил анализ развития страны за первые годы независимости и своего нахождения на посту президента, до шестого, где на обсуждение его участников были вынесены основные положения Программы социально-экономического развития Беларуси на 2021–2025 годы и направления общественно-политического развития страны. Мы видим какой долгий путь прошел институт белорусского парламентаризма и на данный момент, в связи с грядущими изменениями в Конституции и инициативой придать Всебелорусскому народному собранию статус конституционного органа, как никогда важной становится история развития белорусского парламентаризма.

С давних времен на каждом этапе своего развития белорусский народ ясно видел свой путь как самостоятельной нации и боролся за право участвовать в жизни государства и для дальнейшего развития на этом пути мы не можем игнорировать накопленный опыт, который должен стать основой для дальнейшего развития белорусского парламентаризма.

Список использованных источников

1. Полное собрание русских летописей. Хроники: Литовская и Жмойтская. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырского. – Т. 32. – М. : Наука, 1975. – 234 с.

2. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / редкол.: С.А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд-во Академии наук БССР, 1960. – 254 с.
3. Ганелин, Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революции / Р.Ш. Ганелин. – СПб. : Наука, 1991. – 221 с.
4. Аргучинцев, Г.К. История государства и права Беларуси : учеб. пособие для студентов специальности «Правоведение» / Г.К. Аргучинцев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : Амалфея, 2017. – 380 с.
5. Очерки по истории государства и права Белорусской ССР. Вып. I. – Минск, 1958. – 216 с.
6. Конституция (Основной Закон) Советской Социалистической Республики [Электронный ресурс] : принята на внеочеред. девятой сес. Верхов. Совета БССР девятого созыва 14 апр. 1978 г. : с изм. и доп., внес. Законами БССР от 21 июня 1979 г. и 27 окт. 1989 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/romniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyuna-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1978-goda-s-izmeneniyami-i-dopolneniyami>. – Дата доступа: 25.05.2021.
7. Об общественных объединениях [Электронный ресурс] : Закон СССР, 9 окт. 1990 г., № 1708-1 (с изм. от 19.05.1995 г.) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1883. – Дата доступа: 25.05.2021.
8. Всебелорусское народное собрание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belarus.by/ru/government/all-belarusian-peoples-congress>. – Дата доступа: 25.05.2021.

УДК 348(09)

Г.В. Шкарбун, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *В.А. Данилов*

ЦЕРКОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В РОССИИ

Важнейшее место в системе государственного аппарата Русского государства периода Средневековья занимала православная церковь. Подобное явление хорошо известно во всех феодальных государствах Европы. Отличие заключается в том, что в европейских странах достаточно рано началась борьба государства с церковью за передел властных полномочий, а следовательно, за влияние на массы и контроль за денежными потоками. Это нашло выражение в возникновении англиканской, галликанской церквей, движении Реформации. В Русском государстве, развивавшемся со значительным отставанием от Европы, длительное

время православная церковь сохраняла свои главенствующие позиции в структуре государственной власти и, в частности, в судебной системе.

Судебную власть церковь осуществляла через сложную систему судов – суды епископов, своих наместников и монастырские суды во главе с игуменом. Епископ назначался и благословлялся в качестве судьи митрополитом (впоследствии патриархом) или государем [2, с. 240].

Компетенция епископского суда была достаточно широка и охватывала большой круг светских полномочий. Значительная часть судебных дел по вопросам гражданским (например, по делам об умыкании невест) была отнесена к юрисдикции церковного суда, что, видимо, было обусловлено тем, что в средневековом Русском государстве общегражданское (светское) право сводилось к обычному праву. По всем без исключения подсудным делам, касавшимся клириков, суд осуществлялся епископом. С развитием церковно-феодалного землевладения к исключительной юрисдикции епископского суда постепенно были отнесены и миряне (крестьяне), жившие на церковных (монастырских) землях. Суд по гражданским вопросам епископ отправлял опосредованно: через архиерейских бояр, дьяков, десятильников и иных мирских чиновников [2, с. 247].

Следует отметить, что в период Средневековья на Руси компетенция церкви и светской власти в вопросах судопроизводства разделялась специальными уставными договорными грамотами, являвшимися своеобразными договорами между главой государства (князем, царем) и митрополитом. Грамоты фиксировали иммунитетные права церковных организаций и четко разграничивали сферу великокняжеского и церковного патроната в отношении земель, на которых находились церковные владения, и население. Русская православная Церковь основные принципы церковного устройства, в том числе устройства церковного суда, восприняла у Византии, в церковной юрисдикции которой она находилась до 1448 г. С 1589 г. центральным судебным органом православной церкви стал суд патриарха. В XVII в. разбор церковных дел занимались как Патриарший двор, так и Приказ церковных дел. Однако в конце XV–XVI вв. компетенция церковного суда постепенно сокращается. Это сокращение наблюдается весь XVII в. Раньше если хотя бы одна из сторон процесса была духовного сана, то такое дело автоматически попадало в церковную юрисдикцию. Однако постепенно в случае возникновения тяжб и споров между волостными светскими людьми и монахами, священниками или лицами, проживавшими на монастырских землях, уже использовался институт совместного (смесного) суда. Там действовали двое судей: один был мирским, а другой – духовным. Из подсудности духовному суду постепенно изымается целый ряд важ-

ных дел: «ташины» – разбойные и убийственные дела, святотатство, споры о земле, споры между лицами разной подсудности. С середины XVI в. десятильники уже не могли вести расследование единолично – им помогали поповские старосты и десятские священники [2, с. 278].

Тем не менее Русская православная Церковь в период Средневековья занимала одно из влиятельнейших положений в жизни русского общества. Благодаря церкви русские земли – княжества смогли сплотиться и освободиться от татаро-монгольских завоевателей, а затем укрепиться и создать единое крупное государство. В периоде XV–XVI вв. церковь получила огромнейшие земли, что сделало ее монастыри и соборы одним из крупнейших феодалов в русских княжествах. К концу XV в. церковная организация, благодаря великим московским князьям, в Московском княжестве смогла преобразоваться в национальную Русскую православную Церковь, полностью ставшей независимой от Константинопольского патриархата. Новая национальная церковь единой Руси всемерно поддерживала в укреплении в централизации Великого князя Московского.

Весьма знаковым регулятором церковных отношений с обществом является памятник права под названием «А СЕ ЕСТЬ ПРАВОСУДИЕ МИТРОПОЛИЧИЕ» [1]. Этот документ показывает, как во времена Московской Руси регулировались церковью брачно-семейные отношения, как можно было расторгнуть брак между мужем и женой (ст. 4, 8). Церковь на тот момент имела огромнейшую силу в общественном сознании, умах обывателей, а согласно канонам церкви брак было запрещено разрывать. Также этот правовой документ регулировал отношения, запрещающие полигамию (ст. 32, 34). Это преступление со стороны мужа каралось большим штрафом, а также предписывало ему оставаться в браке с женой, с которой был заключен брак ранее, а вторую, незаконную с точки зрения церкви, жену отправляли в монастырь. Церковь рассматривала и дела уголовного характера. Согласно ст. 1 за оскорбление боярина полагался штраф, а уже за оскорбление великого князя – смертная казнь. Из ст. 7 видно, каково было отношение церкви к насилию над человеком (правда, это преступление каралось штрафом епископа, но имелась и оговорка, что правосудие над насильником осуществлял великий князь). Статья 12 показывает отношение церкви к убийству: «А душегубца велит казнити градским законом: осечи его да продати; как стечет, а дом его на грабеж». Из этих двух статей состояла вся церковная юрисдикция, составлявшая базис уголовной юриспруденции. Еще важнейшим направлением юрисдикции православной церкви была борьба с преступлениями против нравственности. В ст. 33 описано за какое преступление против нравственности полагался штраф [1].

Возникший в кругах новгородского духовенства «А СЕ ЕСТЬ ПРАВОСУДИЕ МИТРОПОЛИЧИЕ» нужно рассматривать как ценнейший памятник церковного права. Источниками Правосудия митрополичьего послужили Русская Правда Пространной редакции, Церковный устав Ярослава, Закон судный людем, новгородское и общерусское право XV–XVI вв., отраженное в Двинской уставной грамоте 1397–1398 гг., Белозерской уставной грамоте 1488 г., Новгородской судной грамоте, договорах Великого Новгорода с князьями. Время появления памятника точно не установлено. Некоторые исследователи считают, что этот памятник права оказал огромное влияние на весь жизненный уклад православной церкви [1].

Сохранились сведения о некоторых случаях церковного правосудия Русской православной Церкви, хотя отдельные примеры носили, скорее, идеологизированный характер, и не в полной мере, на наш взгляд, отражали истинное положение вещей. Дж. Флетчер в своей книге «О государстве Русском» писал, что иерархи православной церкви не знают святого писания и неправильно исповедуют учение о Боге. Также он очень интересно осветил порядок церковного правосудия: «Что касается до преследований по делам веры, то я ничего не слышал об этом, кроме того, что несколько лет тому назад двое, муж и жена, содержались целых 28 лет в тюрьме до тех пор, пока они превратились в совершенных уродов по волосам, ногтям, цвету лица и пр., и наконец были сожжены в Москве, в маленьком доме, который нарочно для того подожгли. Вина их осталась тайной, но вероятно, что они были наказаны за какую-нибудь религиозную истину, хотя священники и монахи уверили народ, что эти люди были злые и проклятые еретики» [3, с. 130].

Государство очень ревниво следило за своими судебными прерогативами. Постепенно Русская православная Церковь все больше и больше лишалась своих судебных полномочий и окончательно их лишилась с приходом на престол царя Петра, который ликвидировал пост патриарха и провозгласил главою церкви себя, а также руководящий церковный орган – Святейший Синод Русской православной Церкви, своего рода министерство по делам церкви. С этого периода юрисдикция Русской православной Церкви ограничивалась сугубо духовными делами духовных лиц.

Список использованных источников

1. А СЕ ЕСТЬ ПРАВОСУДИЕ МИТРОПОЛИЧИЕ [Электронный ресурс] // Восточная литература. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/Pravosud_mitrop/text.phtml/. – Дата доступа: 12.02.2014.
2. Красножен, М. Церковное право : учеб. пособие / М. Красножен. – Юрьев, 1906. – 306 с.
3. Флетчер, Дж. О государстве Русском / Дж. Флетчер. – М., 1995. – 162 с.

И.И. Шпендик, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат философских наук,
доцент *А.А. Козел*

СУДЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГИИ

«Справедливость» как юридическое понятие сложилось в античную эпоху. Так, Платон и Аристотель, которые занимались поиском наилучших форм общественного устройства, обращают внимание на закон и право, как на обязательные атрибуты полисного общежития, создают оригинальные теоретические конструкции «права справедливости» и политики как искусства управления людьми. Греки ассоциировали право с богиней Дике (справедливостью), которая следила за соблюдением порядка в обществе, а римляне, приняв греческую трактовку права как справедливости, формулировали право понятием *ius* (то, что связывает всех; норма), было принято обществом и ставшим правом, уполномочием граждан (справедливостью). В Англии понятие «справедливость» нашло практическое применение в судеустройстве. Суд разбирался в собраниях сотен и графств, основанных на местных обычаях. Судьями служили свободные землевладельцы. Вотчинные суды использовались в отношениях вассалов и зависимого населения. Так, к судебным обычаям того времени относились: испытание в виде ордалий, вызов на суд, поручительство соседей, поручительство клана, объявление преступника вне закона или изгоем, личное обвинение.

Во время правления Эдуарда II, которое начинается в начале XIV в., аппарат при лорде-канцлере приобретает статус суда, который не связывался нормами «общего права» (название «общее право» объясняется тем, что решения королевских судов в Лондоне имели силу для всей Англии, в противовес местным обычаям), а действовал на основе норм «справедливости».

Причинами создания системы «права справедливости» были разнообразные: медлительность и формализм судебной системы, так как часто требовалось быстрое судебное решение – *«час в час и день в день»*, а также развитие новых торговых отношений, так как увеличился рост товарооборота, как внешнего так и внутреннего – особенно характерно для Лондона.

Р. Уолкер в своей книге писал, что «в наше время «право справедливости» не является частью права: это моральная сила, которая ограничивает, смягчает и исправляет суровость, жестокость и угловатость «общего права», это истина, которая признается всеми, оно также по-

могает «общему праву» там, где последнее имеет недостатки и слабости в своей структуре (а ведь это является жизнью права), и защищает «общее право» от хитрых оговорок, заблуждений и всяких изощренностей, изобретенных и придуманных для того, чтобы обойти «общее право», в результате чего те, кто имеют несомненные полномочия, остаются незащищенными; назначение «права справедливости» в том, чтобы подержать и защитить «общее право» от уловок и коварных планов, направленных против торжества правосудия» [1, с. 250].

Сначала петиции по судебным делам разбирал сам король в Совете, минуя разного рода формальности. В особенности «право справедливости» защищало частные права и коммерческие интересы, как бы откликаясь на настоятельные потребности социального развития. Первоначально особенностью Королевского суда стало то, что в нем не делили людей по сословным категориям, и различие, вытекающих из сословного статуса, прав. Руководствуясь только представлениями о справедливости данного требования, равной для всех сословий, король предоставлял привилегию на собственный суд.

К XV в. возросло количество недовольных людей, которые жаловались на «плохое правосудие», и для разрешения их жалоб обращались к королю. В результате количество жалоб с каждым разом увеличивалось. Так, король стал передавать рассмотрение этих дел лорду-канцлеру, который от его имени, а с 1474 г. от своего, защищал граждан в суде.

Лорд-канцлер также издавал приказы: о вызове под страхом штрафа обидчика в Канцлерский суд, где без формальной процедуры разбирались жалобы и выносились решения. Невыполнение этих решений грозило тюремным заключением для ответчика на основе специального приказа: «За неуважение к суду». Таким образом, субъектом «права справедливости» был не судья королевского суда, а лорд-канцлер.

Следовательно, к «судам справедливости» можно отнести следующие: Канцлерский суд, Чрезвычайные суды, суд Звездной палаты и суд Палаты прошений, Высокой комиссии и Суд Казначейства [2, с. 137].

Канцлерский суд защищал интересы подданных и интересы короны, также стремился не только восстановить нарушенное право, но и устранить недостатки легитимного урегулирования различных отношений.

Чрезвычайные суды усилили королевскую власть и боролись с ее противниками. В них отсутствовала система «исковых формул», а дела возбуждались на основе «биллей о правах».

Суд Звездной палаты боролся с незаконными собраниями и бунтами. Главной задачей этого суда было также «подавление внутригосударственных волнений».

Суд Палаты прошений защищал права бедных слоев населения, которые не могли получить защиту в судах общего права.

Высокая комиссия рассматривала дела о всех преступлениях и нарушениях против законов церкви, исследовала еретические мнения и книги, преследовалось всякое неповиновение церкви, а также оскорбительные для нее речи.

Суд Казначейства рассматривал дела о штрафах и пошлинах, а также дела о королевских доходах и землях. Суд Казначейства предоставлял судебную защиту по некоторым видам сделок, которые не признавались «общим правом».

Таким образом, в средневековой Англии сложилась уникальная судебная система, где главную роль играло стремление решить вопрос в рамках справедливости. Такой подход оказывал и оказывает влияние и на современную судебную систему Англии. И в настоящее время Верховный суд Англии возглавляет лорд-канцлер, суд которого включает в себя три самостоятельных судебных учреждения: Апелляционный суд, Высокий суд, Суд короны, которые разбирают апелляции и защищают интересы справедливой стороны.

Список использованных источников

1. Уолкер, Р. Английская судебная система / Р. Уолкер. – М. : Юрид. лит., 1980. – 631 с.

2. Михайлов, А.М. Судебная власть в правовой системе Англии / А.М. Михайлов. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 342 с.

X научно-практическая конференция «Совершенствование уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь и практики его применения» (29 апреля 2021 г.)

УДК 343.1

И.Ю. Бернацкий, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

УДАЛЕННЫЙ ДОПРОС: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Достаточно часто перед следователем возникает вопрос о том, как провести допрос, если лицо не может прибыть в орган, ведущий уголовный процесс, по состоянию здоровья, либо из-за боязни за свою безо-

пасность, или по другим причинам. Ранее такие обстоятельства могли рассматриваться как основания для приостановления производства по уголовному делу. Однако развитие информационных технологий и использование их в уголовном процессе открывает новые возможности для ведения производства по уголовному делу. Одна из них – институт удаленного допроса. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (УПК) он пока не получил закрепления, однако допрос с применением видеоконференцсвязи уже регламентирован в ст. 224¹. Проведение допроса, очной ставки, предъявление для опознания с использованием систем видеоконференцсвязи в ст. 343¹ УПК. Проведение допроса, опознания с использованием систем видеоконференцсвязи.

Для более комплексного изучения данного института следует в первую очередь определить понятие видеоконференцсвязи. Видеоконференцсвязь, по мнению А.Г. Волеводза, компьютерная технология, которая позволяет осуществить аудиовизуальное взаимодействие двух и более пользователей в режиме реального времени [1, с. 71].

Отечественные и российские авторы научных публикаций отмечают опыт зарубежных стран в части нормативного закрепления возможности дистанционного допроса с использованием систем видеоконференцсвязи как в досудебном, так и в судебном производстве. Обратимся к законодательному опыту некоторых иностранных государств. Так, институт удаленного допроса имеется в УПК Канады, где установлены положения об использовании «кабельного телевидения» или «любых других технических средств, которые позволяют лицу участвовать в одновременной визуальной связи и устном общении» или «виртуально присутствовать» в судебном заседании [2, с. 390]. В ст. 69 УПК Эстонии предусмотрен «long-distance hearing» – дистанционная дача свидетельских показаний. Так, согласно ст. 69 УПК Эстонии дистанционный допрос возможен в случае, если непосредственный допрос свидетеля или потерпевшего затруднителен и может повлечь за собой чрезмерные траты. Реализация такого вида допроса возможна двумя способами:

при помощи технических средств, в результате чего участники процесса в прямой трансляции непосредственно видят и слышат показания свидетеля, не находящегося в следственном органе, прокуратуре или суде, и могут задавать ему вопросы через лицо, ведущее производство;

по телефону, в результате чего участники процесса непосредственно слышат показания свидетеля, не находящегося в следственном органе или суде, и могут задавать ему вопросы через лицо, ведущее производство [3].

Таким образом, можем сделать вывод, что удаленный допрос в зарубежных странах проводится как с использованием аудиовизуальных средств, так и при помощи телефонной связи.

Представляется, что осуществление допроса по телефону является менее эффективным в сравнении с допросом посредством видеоконференцсвязи, так как в последнем случае лицо, производящее допрос, помимо того что получает вербальную информацию, еще имеет возможность наблюдать за поведением допрашиваемого в момент ответа.

В УПК институт удаленного допроса, как уже ранее было отмечено, пока не получил закрепления, однако допрос с использованием систем видеоконференцсвязи нашел свое отражение на стадиях досудебного (ст. 224¹ «Проведение допроса, очной ставки, предъявление для опознания с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции)») и судебного производства (ст. 343¹ «Проведение допроса, опознания с использованием систем видеоконференцсвязи»).

Допрос может быть проведен в случае:

невозможности прибытия участника процесса для производства следственного действия по состоянию здоровья или по другим уважительным причинам;

необходимости обеспечения безопасности участников уголовного процесса и других лиц в соответствии с гл. 8 УПК;

если потерпевший, свидетель являются несовершеннолетними.

Рассматривая особенности допроса с использованием систем видеоконференцсвязи, следует отметить, что следователь для обеспечения проведения следственного действия с использованием систем видеоконференцсвязи по месту нахождения участника следственного действия по территориальности направляет поручение об оказании содействия в производстве следственного действия следователю, органу дознания по территориальности. Проводится допрос с использованием видеоконференцсвязи по общим правилам, установленным УПК, с учетом положений данной статьи [4].

На наш взгляд, сегодня актуальной проблемой является проведение допроса в случае, если лицо не может явиться в орган, ведущий уголовный процесс, из-за заболевания коронавирусной инфекцией COVID-19. В данном случае следователь не сможет привлечь должностное лицо, которое будет оказывать содействие в производстве следственного действия, так как тот будет подвержен риску заразиться коронавирусом. За рубежом, в частности в Эстонии, приняли следующее решение для таких нестандартных ситуаций (Министр юстиции может установить уточненные требования к проведению дистанционного допроса). Касаемо законодательства Республики Беларусь, на наш взгляд, видится следующее решение данной проблемы: внести изменения в регламентацию следственного действия (проводить допрос с использованием систем видеоконференцсвязи без участия лица, оказывающего содействие, а также ввести специальное производство в нестандартных ситуациях).

Таким образом, исходя из изложенного, полагаем, можно сделать следующий вывод: в наше время институт удаленного допроса не является мифом как в зарубежных странах, так и в Республике Беларусь. Но говорить о том, что он решает все проблемы, касающиеся ситуаций, когда участник уголовного процесса не может явиться на допрос, не можем. По нашему мнению, в целях более качественного проведения допроса с использованием систем видеоконференцсвязи следует доработать его порядок, так как в настоящее время его производство считается достаточно затруднительным.

Список использованных источников

1. Волеводз, А.Г. Правовые основы взаимной правовой помощи по уголовным делам с использованием видеоконференцсвязи / А.Г. Волеводз // Воен.-юрид. Вестн. Приволж. региона : сб. науч. тр. – Самара, 2003. – № 1. – С. 70–96.
2. Волеводз, А.Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса / А.Г. Волеводз. – М. : ООО «Юрлитинформ», 2002. – С. 390–391.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии // Официальный сайт Правительства Эстонской Республики. – Режим доступа: <http://www.riigikogu.ee>. – Дата доступа: 23.04.2021.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021. – Дата доступа: 23.04.2021.

УДК 343.1

Н.А. Богучунус, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

ЭЛЕКТРОННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Беспременное усовершенствование технологий влечет появление новейших алгоритмов закрепления информации, которые интенсивно и повсеместно используются в современном жизнеустройстве.

Как результат, часто единственным носителем фактических данных о конкретных событиях, явлениях, а также об обстоятельствах того или

иною явления, выступает информация, содержащаяся на цифровых трансляторах. На наш взгляд, вопросы применения вышеописанной информации в уголовном процессе требуют пристального внимания, а их нормирование должно быть нацелено на недопущение безосновательного отказа в допустимости подобной информации как источника доказательств. Так как игнорирование возможности предоставлять такие доказательства, которым часто нет альтернативных, воспрепятствует эффективной защите прав и законных интересов в суде.

Нередко в качестве источника доказательств выступает информация на электронных носителях, в том числе файлы, хранящаяся на лазерных компакт-дисках, флеш-картах, жестких дисках компьютеров, картах памяти мобильных телефонов, аудио- и видеокассетах, а также распечатки из всевозможных сетевых систем (например, распечатки интернет-страниц, сообщений электронной почты, конкретных цифровых файлов и др.).

Целесообразно отметить, что в процессуальной науке далеко не выработано единого термина с целью обозначения информации, представляемой в суд на вышеуказанных носителях. Среди прочих ученые предлагают следующие термины: «машинные документы», «информация на цифровых носителях», «документы, приобретенные с помощью электронно-вычислительной техники», «компьютерные документы», «цифровые носители», «доказательства, полученные с помощью технических средств», «компьютерная информация», «электронные документы», «электронные доказательства». Следует согласиться с М.В. Гореловым, что термин «электронные доказательства» является наиболее адекватным и соответствующим сущности рассматриваемого явления [1, л. 24]. Так как данный термин содержит и обобщает в себе все качественные характеристики предложенных выше терминов, обособляя его от иной интерпретации данного понятия.

Вопрос о юридической природе электронных доказательств остается дискуссионным. Возможно отметить ряд ключевых позиций исследователей в отношении места электронных доказательств в системе источников доказательств.

По мнению А.П. Вершинина, соотнесение электронных документов с письменными доказательствами базируется на том, что сведения, которые имеются в электронных документах, представляют собой человеческую мысль (понятия, представления, суждения, умозаключения и т. д.) относительно существующей реальности [2, с. 31]. Однако, по предположению некоторых ученых, электронный документ нельзя исследовать как письменное доказательство в чистом виде, поскольку у электронного документа отсутствует один из значимых атрибутов до-

казательства – письменная форма, которая является базисом уголовного процесса в Республике Беларусь.

Ряд исследователей предлагают причислять электронные документы к вещественным доказательствам. Их родство с вещественными доказательствами, по мнению ученых, объясняется тем, что они сами по себе не доступны человеческому восприятию, они служат лишь средством установления обстоятельств, имеющих значение для дела [1, л. 71].

Однако практически невозможно извлечь из памяти электронно-вычислительной машины информацию путем одностороннего анализа физических свойств вещества – транслятора (носителя) информации, огибая вычислительный процесс. Следовательно, записи на магнитных носителях в общем случае ошибочно и нецелесообразно относить к категории вещественных доказательств. Стоит предусмотреть возможность концептуального изучения специфических признаков электронных доказательств.

Отдельные ученые придерживаются иного взгляда на данную проблематику и полагают, что электронные доказательства охватываются всеми известными видами доказательств, при этом они подлежат дополнительной процессуальной проработке, а в последующем – детальной регламентации и стандартизации [3, с. 2].

Таким образом, электронные доказательства обладают значительной спецификой, которая должна находить свое отражение в уголовно-процессуальном законодательстве, так как существуют специфические требования, предъявляемые к форме электронного документа, которые гарантируют доказательственную функцию документа. Согласно ч. 1 ст. 100 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) иные документы признаются источниками доказательств, если обстоятельства и факты, изложенные в них, удостоверены должностными лицами организаций или гражданами и имеют значение для уголовного дела [4]. В случае же с электронными доказательствами практически невозможно обеспечить все условия, прописанные в УПК, для признания их источником доказательств. Например, если на письменном документе можно поставить подпись и печать (т. е. соответствующие реквизиты), то на электронном документе сделать это немислимо.

Относительно к электронному документу, вопрос об использовании его в качестве доказательства в суде не может быть разрешен так просто. Так как визуально, т. е. непосредственно без задействования специальной техники, суду электронный документ как таковой недоступен. Поэтому односторонняя интерпретация электронных документов только как вещественных доказательств, или только как документов не является аргументированной.

На практике возникает ситуация, когда электронные доказательства не исследуются судом как прямые доказательства в силу технической неподготовленности суда, а также существующего на протяжении длительного времени бумажного документооборота в судах. Суд будет оценивать как прямое доказательство либо копию электронного документа на бумажном носителе (когда электронный документ несет в себе текстовую или графическую информацию), либо заключение эксперта (если оспаривается электронная цифровая подпись на электронном документе и назначается соответствующая экспертиза). Часто, при рассмотрении дел, в которых электронные документы являются «дополнительными» доказательствами, суд подчас вовсе не желает обращаться к ним. Также появляется вопрос проверки достоверности электронного документа как источника доказательств.

М.Д. Олегов предлагает для обоснования подлинности документа, полученного посредством электронной почты или сетевой системы, привлекать в судебное заседание специалиста, который поможет изучить электронный документ не на магнитном носителе (флеш-карте, дискете, лазерном диске), а напрямую на персональном компьютере получателя. В том случае, если возникают сомнения в аутентичности документа (электронного, либо полученного посредством факсимильной (машинописной) или иной связи), например, если сведения, содержащиеся в представленных сторонами документах, рознятся, целесообразно принимать дополнительные меры для исследования достоверности таких документов, а в необходимых случаях – назначать экспертизу [5, л. 23].

Из-за отсутствия в УПК определения электронного документа на практике формируются прецеденты непризнания юридической силы такого источника доказательств. Поэтому целесообразно в законодательстве четко утвердить критерии допустимости данных доказательств. Так, Закон Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» (далее – Закон) формализует и дополняет перечень правовых норм, связанных с применением электронных документов, в частности, включая само это понятие.

Закон конкретизирует ситуацию, впервые на постсоветском пространстве законодательно дифференцируя электронные документы и все прочие документы в электронном виде. Определение конкретизировано так: «Электронный документ – документ в электронном виде с реквизитами, позволяющими установить его целостность и подлинность» [6]. Таким реквизитом на электронных документах в первую очередь будет выступать электронная цифровая подпись (ЭЦП). Очевидно, в настоящее время это наиболее оптимальный и эффективный способ наделения электронных документов юридической силой.

ЭЦП имеет надежную защиту, а также функционирует процедура, позволяющая выяснить изначально возникновение документа и его авторство, а также его идентичность, т. е. тот факт, что после подписания никто не вносил в документ никаких видоизменений. Данная процедура путем программного анализа позволяет проверить достоверность ЭЦП. Технически этого можно добиться, выработав в момент подписания некую контрольную характеристику. Существует алгоритм, который позволяет получать для любой ЭЦП закономерность цифр и любое исправление, внесенное в эту последовательность, приведет к тому, что при проверке получится совсем другая подпись. Напротив, при получении контрольной суммы цифр при данной процедуре констатирует тот факт, что никакие изменения в ЭЦП не производились. Следовательно, документ содержит достоверный реквизит – ЭЦП.

На основании изложенного представляется возможным сформулировать следующие выводы:

электронные доказательства по своей юридической природе наиболее близки к письменным доказательствам. Как для письменных, так и для электронных доказательств типично наличие определенного транслятора (предмета), на котором определенным способом зафиксирована информация. При этом суд устанавливает факты напрямую из содержания доказательств (информационной слагающей), а не из свойств их носителя. В то же время электронные доказательства имеют ряд положительных уникальностей, связанных со спецификой носителя информации и порядка хранения информации, перспективой неоднократного использования носителя информации; отсутствием «жесткой» взаимосвязи электронного документа к носителю информации, спецификой восприятия информации, минимальным вовлечением человека в создание электронных доказательств. На наш взгляд, электронные доказательства должны быть выделены в качестве полноценного источника доказывания в уголовном процессе Республики Беларусь.

Особо отметим, что, по нашему мнению, не следует причислять к письменным доказательствам распечатки электронной информации (интернет-страниц или лог-файлов). Так как распечатка – это форма представления электронной информации. Она отображает лишь результат технического переноса электронной информации на бумажный носитель. В то же время для суда первоочередным является вопрос первоначального формирования электронного доказательства, позволяющий проанализировать допустимость и целесообразность электронного доказательства (в частности, в связи с правоправностью получения доказательства, а также соблюдением уголовно-процессуальной формы) и его подлинность. Как отмечалось ранее, этого можно достичь путем назначения и проведения соответствующей экспертизы.

В случае же с ЭЦП, выступающей чаще всего единственным реквизитом в электронных документах, путем проведения программного анализа, т. е. такой манипуляции, которая позволит определить ее достоверность. Так как ЭЦП, в свою очередь, подтверждает фактические данные и иную информацию, которая содержится в электронном документе.

Список использованных источников

1. Горелов, М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / М.В. Горелов. – Екатеринбург, 2005. – 185 л.
2. Вершинин, А.П. Электронный документ : правовая форма и доказательство в суде : учеб.-практ. пособие / А.П. Вершинин. – М. : Прогресс, 2000. – 250 с.
3. Ворожбит, С.П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / С.П. Ворожбит ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2011. – 25 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., 295-3 / Kodeksy-by.com. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/ugolovno-protsessualnyj_kodeks_rb.htm. – Дата доступа: 20.04.2021.
5. Олегов, М.Д. Истина в процессе доказывания : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М.Д. Олегов. – М., 1999. – 184 л.
6. Об электронном документе и электронной цифровой подписи [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 28 дек. 2009 г., № 113-3 // Консультант-Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015. – Режим доступа: <http://lab314.brsu.by/kmp/kmp2/Emanagement/biblio/e-doc-DS.htm>. – Дата доступа: 20.04.2021.

УДК 343.1

Н.Г. Букица, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *Р.Р. Алекперов*

КРИПТОВАЛЮТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В современных условиях инновационные технологии внедряются во все сферы жизнедеятельности человека. В связи с этим формируется новый экономический сектор – цифровая, или виртуальная, экономика. Данные обстоятельства послужили появлению такого «цифрового имущества», как криптовалюта, в отношении которого может осуществляться неправомерное завладение. Возникает вопрос, может ли криптовалюта выступать предметом хищения чужого имущества, а также воз-

можно ли наложение ареста на криптовалюту? Ответ на него является актуальным в связи с тем, что статус криптовалюты во многих странах юридически не закреплен. Однако в Республике Беларусь значимым событием, относящимся к криптовалютам, стало принятие Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) [1]. Декрет № 8 направлен на регулирование создания, приобретения, владения, хранения, обращения, отчуждения криптовалют. Стоит отметить, что в Уголовном кодексе Республики Беларусь и в Гражданском кодексе Республики Беларусь [2, 3] отсутствуют какие-либо нормы, относящиеся к криптовалютам. В приложении 1 к Декрету № 8 в определении криптовалюты термин «имущество» не употребляется, однако отдельные положения Декрета № 8 наделяют криптовалюты признаками имущества. Вместе с тем, согласно мнению В.П. Зайцева, криптовалютам свойственно следующее: подпадают под общее понятие имущества и выступают в качестве платежных средств или активов; согласуются с целями и основаниями наложения ареста на имущество; имеют национальное правовое закрепление по вопросам создания и обращения [4, с. 87].

Как известно, предмет посягательства – чужое имущество – является обязательным признаком любого состава хищения.

В современной правовой доктрине специалисты полагают, что криптовалюта – это новейший вид денежной валюты, который представляет собой децентрализованный учет цифровых активов, основанный на технологии блокчейн и использующий в процессе функционирования методы криптографии [5, с. 35–44]. Производство криптовалюты называется майнингом. Суть майнинга заключается в том, чтобы с помощью решения математических задач получить определенное число, которое далее образует компьютерный блок (ячейку для хранения информации), из которого генерируется криптовалюта [6, с. 162]. Произведенная криптовалюта в дальнейшем может выступать обычным средством платежа или обмена.

Следует отметить, что по своему содержанию данный виртуальный предмет близок к безналичным денежным средствам, однако анализ правовой природы криптовалюты позволяет выделить особенности, отличающие его от привычных денежных средств:

во-первых, криптовалюта не имеет своего материального овеществленного выражения, в отличие от денежных средств, которые обладают вторичным виртуальным видом (например, электронные кошельки);

во-вторых, рынок криптовалюты в большинстве стран мира масштабно не урегулирован государством;

в-третьих, криптовалюта производится и хранится в просторах информационно-телекоммуникационной сети (Интернет), в связи с чем

держатели криптовалюты официально не связаны отношениями с кредитными организациями и банками.

В современных условиях в мире существует множество разновидностей криптовалют, самые известные из них биткоин (bitcoin), эфириум (ethereum), лайткоин (litecoin). На мировом рынке криптовалюта нашла признание, о чем свидетельствует возможность проведения операций с ней на международных криптобиржах, в том числе осуществление транзакций по их обмену на фиатную валюту.

В связи с изложенным возникает спорный вопрос, который нуждается в разрешении – появление криптовалюты требует переосмысления уголовно-правового учения о предмете хищения. В доктрине уголовного права с давних пор сформировалось устойчивое мнение о наличии обязательных признаков предмета хищения. К ним относят физический, экономический и юридический признаки [7, с. 168–171]. Отсутствие при квалификации содеянного одного из обозначенных признаков свидетельствует об отсутствии предмета хищения.

Обобщая вышеизложенное с целью решения обозначенных проблем, можно предположить:

под криптовалютой понимать такую разновидность компьютерной информации, которая выступает имуществом в цифровом виде, обладает товарно-материальной ценностью и имеет предназначение служить средством платежа;

с учетом того, что физический признак предмета хищения, будучи обязательным для уголовно-правовой оценки предмета хищения, не позволяет криптовалюту и другие нематериальные разновидности имущества признавать предметом хищения, надлежит преобразовать его в «материальный».

Идея признания криптовалюты предметом хищений в правовой литературе имеет противников. Так, некоторые ученые полагают, что современное уголовное право использует узкое «овеществленное» понимание имущества как предмета хищения, поэтому криптовалюту к нему нельзя отнести, как нельзя отнести и к платежным средствам. В.В. Хиллота соглашается, что криптовалюта является предметом имущественных преступлений, но не хищений в классической трактовке этого понятия, так как механизм «хищения» в этом случае иной, а положительное решение этого вопроса привело бы к распаду системы преступлений против собственности [8, с. 67–68].

Сегодня существует и практическая необходимость признать криптовалюту предметом хищений. Так, часто имеют место случаи ее незаконного изъятия у владельца путем обмана. Например, аналоги банка, предоставляющие услуги «электронного кошелька», исчезают бесследно

с биткоидами (так называемые фейковые кошельки), некоторые просто переводят средства клиентов на другие счета, используются фальшивые кошельки и другие способы незаконно завладеть криптовалютой. Если криптовалюта не будет признана предметом хищения, все перечисленные действия, а также множество иных ежедневно возникающих в виртуальном пространстве незаконных действий не смогут получить должной уголовно-правовой оценки, виновные лица не понесут ответственности.

Согласно Закону Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-3 «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» [9] в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (УПК) были внесены изменения. В соответствии с ними в примечаниях к ст. 132 УПК трактуется следующее:

«В целях обеспечения возмещения ущерба (вреда), причиненного преступлением, взыскания дохода, полученного преступным путем, гражданского иска, других имущественных взысканий, специальной конфискации орган, ведущий уголовный процесс, вправе наложить арест на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия.

Примечание. Под имуществом для целей настоящей статьи понимаются любые вещи, включая наличные денежные средства и документарные ценные бумаги, безналичные денежные средства, находящиеся на счетах, во вкладах (депозитах) в банках и (или) небанковских кредитно-финансовых организациях, бездокументарные ценные бумаги; электронные деньги; криптовалюта; имущественные права, а также исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности».

На наш взгляд, в связи с изложенным законодателю в перспективе следует применить единообразный подход к признанию криптовалюты имуществом. В частности, в уголовном и гражданском праве. Это позволит в случае хищения криптовалюты, с целью возмещения причиненного вреда, налагать арест на нее как на предмет хищения.

Список использованных источников

1. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 18 марта 2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одоб. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. от 05.01.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

4. Зайцев, В.П. Наложение ареста на криптовалюты в уголовном процессе Республики Беларусь: кратко о главном / В.П. Зайцев, В.В. Мелешко // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2020. – № 1 (39). – С. 85–89.

5. Калинин, В.Н. Криптовалюта: опыт, состояние и перспективы : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. «Инновационный и научный потенциал XXI века» / В.Н. Калинин. – Саратов : Центр проф. менеджмента «Акад. бизнеса», 2017. – С. 35–44.

6. Вшивков, М.В. Криптовалюта биткойн как инновационный инструмент мировой торговли / М.В. Вшивков, А.А. Гончарова // Вестн. соврем. исслед. – 2017. – № 9-1 (12). – С. 162–164.

7. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная : посягательства личные и имущественные / И.Я. Фойницкий. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. – 421 с.

8. Хилюта, В.В. Криптовалюта как предмет хищения (или к вопросу о перформатировании предмета преступлений против собственности) / В.В. Хилюта // Б-ка уголов. права и криминологии. – 2018. – № 2 (26). – С. 58–68.

9. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности : Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 2021 г., № 85-З : в ред. от 13.01.2021 г. – Минск : Амалфея, 2021.

УДК 343.14

Д.Д. Горчарук, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *В.П. Зайцев*

ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЕЕ НАРУШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Всесторонняя научная разработка определенных критериев уголовно-процессуального доказывания была и по-прежнему остается одной из ведущих проблем доказательственного права. Считаем, это объясняется тем, что доказывание составляет определенную основу и своего рода стержень всего доказательственного права, а значит имеет как познавательное, так и практическое значение. Согласно ч. 3 ст. 105 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) допустимыми признаются доказательства, полученные органом, ведущим уголовный процесс, в установленном УПК порядке и из предусмотренных законом источников. Исходя из изложенного, кажется, что все оче-

видно, однако при дальнейшем изучении института допустимости как в теории, так и в практической деятельности возникают проблемные вопросы. Например, по поводу правовой регламентации вопроса: установить и доказать истину по делу любой ценой, даже если будут нарушены соответствующие требования действующего законодательства или сознательно снизить вероятность ее достижения, исходя из необходимости обеспечения соблюдения процессуальных и конституционных прав граждан. С этой же позиции можно рассматривать вопрос об этических пределах допустимости доказательств (в процессе проведения различных следственных действий могут быть унижены честь и достоинство участников уголовного процесса). В той же среде находится вопрос о правовых последствиях нарушения процессуальной формы при собирании доказательств. Иначе говоря, любое ли процессуальное нарушение влечет недопустимость доказательств?

Проблемы, которые возникают с определением критериев допустимости уголовно-процессуального доказывания по делу, не один раз обсуждали такие теоретики уголовно-процессуального права, как Н.М. Кипнис, И.И. Мухин, П.А. Лупинская, А.Р. Белкин, В.П. Божьев, П.И. Гребенкин, В.М. Карпенко, И.Н. Цыркунова, Л.Л. Зайцева и др. Но это не означает, что все проблемы удалось решить и тема полностью исчерпана. В практической деятельности при реализации института допустимости доказательств прокуроры, следователи, а также судьи продолжают испытывать определенные трудности. Оценка доказательств с точки зрения их допустимости по конкретным уголовным делам в сходных между собой ситуациях может быть различной и, как кажется, не всегда отвечает тем конкретным целям, ради которых непосредственно и существует данный институт допустимости доказательств, следовательно и не всегда способствует выполнению тех задач, которые ставятся перед уголовным судопроизводством.

Возвращаясь к ч. 3 ст. 105 УПК, необходимо обозначить требования допустимости. Данные требования складываются из таких компонентов, как: 1) законность источника (показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключение эксперта, вещественные доказательства, протоколы следственных действий, судебного заседания и оперативно-розыскных мероприятий, иные документы и другие носители информации, полученные в порядке, предусмотренном действующим законодательством); 2) законный порядок получения доказательств (путем проведения допросов, очных ставок и других следственных действий); 3) надлежащий субъект (орган), ведущий уголовный процесс и уполномоченный проводить действия, направленные на получение доказательств, а в дальнейшем – на их процессуальное оформление. В тео-

рии уголовного процесса существуют два основных подхода к правилам оценки допустимости доказательств. Одна группа ученых (Н. Чуви́лев, А.А. Лобанов) предлагает концепцию «плодов отравленного дерева» [1, с. 47–49]. Смысл данной концепции заключается в том, что доказательства, полученные с нарушением правовых норм действующего законодательства, исключают их использование в процессе доказывания. Следовательно, получается, что любое нарушение в отношении доказательств исключает его из производства по конкретному уголовному делу. Сходной точки зрения придерживается В. Миронов, который говорит о том, что нарушение уголовно-процессуальной формы недопустимо и не может быть оправдано, но нельзя же всегда пользоваться принципом «чтобы выпрямить, необходимо перегнуть» [2, с. 35]. Он же и пишет, что если нарушения установленного законом порядка собирания не накладывают тень сомнения на их достоверность и последствия несущественны и устранимы (производство повторного следственного действия), то нецелесообразно отказываться от информации, которая является значимой, как правило, в условиях ее острого дефицита при расследовании, рассмотрении и разрешении дела [2, с. 35].

Сторонники другого подхода оценки доказательств, который получил название «асимметрии правил допустимости доказательств», а это А.М. Ларин и другие полагают, что нарушения, допущенные стороной обвинения в порядке собирания доказательств, не должны препятствовать их использованию в интересах защиты. Так, Е.П. Гришина разделяет процессуальные нарушения на существенные и несущественные. К существенным она относит те доказательства, которые ставят под сомнение достоверность полученных данных, а к несущественным те, которые не повлияли и не могли повлиять на достоверность получаемого результата [3, с. 37]. С данным подходом не соглашается российский исследователь А.П. Гуськов, который полагает, что «асимметрия» правил допустимости препятствует реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве, поскольку «состязательность – это такое построение судебного разбирательства, в котором сторона обвинения и сторона защиты, наделенные равными правами, отстаивают свои утверждения и оспаривают утверждения противной стороны» [4, с. 36].

Несмотря на это, каждая из существующих концепций имеет право на существование, и в каждой имеется доля истины, и, на наш взгляд, для более полного и всестороннего правового регулирования института допустимости доказательств необходимо совместить отдельные положения концепций с целью разрешения многочисленных противоречий. Все это пойдет на пользу в деле полноценной реализации задач уголовного процесса.

Возвращаясь к компонентам, которые непосредственно составляют допустимость доказательств, необходимо рассмотреть случаи их правовой несостоятельности.

Условием допустимости доказательств является получение их из источников, перечисленных в ч. 2 ст. 88 УПК. В данной статье изложен законный перечень источников, установленный законодателем в качестве источников доказательств.

Также условием является правомочный субъект (орган) получения доказательств – определенные виды доказательств могут быть получены только определенными субъектами уголовного процесса (например, защитник не может проводить обыск).

Обязательным условием допустимости доказательств является получение их без каких-либо нарушений конституционных прав и свобод граждан или требований УПК (ч. 4 ст. 105 УПК) и при надлежащем закреплении и оформлении их результатов (ст. 192–195 УПК). Тем самым в совокупности вышеперечисленные три условия и составляют основу допустимости доказательств.

Доказательства, которые были получены с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого обстоятельства, которое указано в ст. 89 УПК. Данное положение отражено в ч. 5 ст. 105 УПК, а также закреплено в ч. 3 ст. 8 УПК и ст. 27 Конституции Республики Беларусь. Нарушение этих требований влечет изменение приговора суда, отправление дела на новое судебное разбирательство, прекращение производства по уголовному делу.

Подводя итог, необходимо отметить, что допустимость доказательств – это непосредственная их пригодность для использования при установлении обстоятельств и фактов, имеющих значение для уголовного дела, соблюдение требований закона относительно их источников, порядка отыскания, закрепления и изучения доказательств.

Соблюдение правил, которые определяют допустимость доказательств и своевременное исключение из уголовного процесса доказательств, полученных с нарушением законодательства, будет способствовать непосредственному улучшению деятельности органов уголовного преследования и выступать одной из существенных гарантий прав и свобод человека в уголовном процессе.

Список использованных источников

1. Чуви́лев, Н. Плоды отравленного дерева / Н. Чуви́лев // Рос. юстиция. – 1996. – № 11. – С. 47–49.
2. Миронов, В. Правила оценки допустимости доказательств / В. Миронов // Законность. – 2006. – № 5. – С. 35–36.

3. Гришина, Е.П. Актуальные вопросы допустимости доказательств в уголовном процессе / Е.П. Гришина // Рос. следователь. – 2002. – № 6. – С. 36–37.

4. Гуськов, А.П. О спорных вопросах российского правосудия / А.П. Гуськов // Рос. судья. – 2001. – № 3. – С. 6–8.

УДК 343.148

Д.А. Жидков, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *В.П. Зайцев*

ЭКСПЕРТ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В современном государстве при разрешении большого количества споров в ходе уголовного процесса правоохранители, будь то орган дознания, следователь или суд, все чаще назначают экспертизы для разрешения большого перечня вопросов, квалифицированный ответ на которые может дать только эксперт. Кто же вообще является экспертом?

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (УПК) закреплено положение о том, что экспертом является не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, которому поручено проведение экспертизы [1, с. 61].

В Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 293-З «О Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь» (далее – Закон) говорится о том, что не любое лицо, которое может и является специалистом, будет являться экспертом. Ведь любой эксперт является специалистом, но не любой специалист является экспертом.

В соответствии с Законом судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами, а также иными экспертами из числа лиц, которые обладают специальными знаниями в определенной области. Государственным судебным экспертом, в свою очередь, является лишь аттестованный работник государственного судебно-экспертного учреждения, который производит судебную экспертизу в порядке исполнения своих непосредственных должностных обязанностей. В ст. 13 Закона установлено, что «должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях может занимать исключительно гражданин Республики Беларусь, который имеет высшее профессиональное образование и который прошел последующую подготовку по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами».

Как и любой участник уголовного процесса, эксперт обладает правами и обязанностями, предусмотренными процессуальными кодексами.

Так, за нарушение порядка установленных сроков проведения экспертизы сам эксперт несет ответственность, установленную законодательными актами Республики Беларусь [2, с. 1].

В правовом поле нашей страны не дается точное разграничение между экспертом и специалистом, ведь на первый взгляд их определения сходны.

В Российской Федерации дают точное разграничение между экспертом и специалистом, так эксперт – не всякое лицо, обладающее специальными познаниями и привлеченное к участию в процессе. Таким условиям, кроме него, отвечает и специалист. Однако, в отличие от специалиста эксперт привлекается к участию в уголовном процессе путем вынесения соответствующего процессуального акта, который именуется постановлением. Постановление о проведении судебной экспертизы может быть вынесено: органом, следователем, судьей или определением суда. Кроме этого, эксперт привлекается для выполнения самостоятельных экспертных исследований, а значит, проводит их вне рамок каких-либо других процессуальных действий, в то время как специалист участвует в некоторых процессуальных действиях, которые осуществляются органом дознания, следователем или судом. В свою очередь, эксперт также привлекается для дачи экспертного заключения – особого вида доказательств, целью привлечения специалиста же является содействие в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию [3, с. 57].

В ряде моментов, связанных с деятельностью эксперта, по поводу порядка направления материалов уголовного дела для производства экспертизы УПК определены ст. 230 «Проведение экспертизы в экспертном учреждении» и ст. 231 «Проведение экспертизы вне экспертного учреждения». В то же время в УПК Российской Федерации эти положения регламентированы всего одной статьей (ст. 199).

Следует отметить тот факт, что ст. 231 УПК регламентирует действия следователя (сотрудника органа дознания) более детализировано как до, так и после вынесения постановления о назначении экспертизы вне экспертного учреждения. Тогда как УПК РФ ограничивается только общими указаниями следователю о вручении постановления и необходимых материалов эксперту, а также о разъяснении эксперту его прав и ответственности, предусмотренных ст. 57 (ч. 4 ст. 199 УПК РФ). В белорусском уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрено производство экспертиз: комиссионной, комплексной, дополнительной и повторной судебной.

Комиссионная судебная экспертиза производится не одним экспертом, а несколькими экспертами одной специальности (профиля) в случае необходимости проведения сложных экспертных исследований (ч. 1 ст. 232 УПК). В производстве комплексной судебной экспертизы участвуют эксперты различных специальностей в пределах своей компетенции в тех случаях, когда определено, что для производства исследований необходимы познания в разных отраслях знаний (ч. 1 ст. 233 УПК).

Дополнительная судебная экспертиза по действующему закону назначается при недостаточной ясности или неполноте заключения, а также в случае возникновения новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств. В случае если будет установлена необоснованность заключения эксперта, а равно наличия сомнений в его правильности, может быть назначена повторная экспертиза, проведение которой поручается уже другому эксперту (ч. 1 и 2 ст. 239, ч. 1 ст. 336 УПК). В целом эти положения УПК Республики Беларусь совпадают с требованиями, которые имеются в ст. 200, 201, ч. 1 и 2 ст. 207 УПК РФ.

Таким образом, на наш взгляд, стоит внести определенные поправки в УПК. В ст. 61 УПК дать широкое понятие эксперту. Исходя из этого, толковать понятие эксперта как аттестованный работник государственного судебно-экспертного учреждения, производящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей. Добавить также примечание к ст. 61 УПК, давая разъяснение, что должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях может занимать гражданин Республики Беларусь, имеющий высшее профессиональное образование и прошедший последующую подготовку по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих государственных органов.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Орехова, Е.П. Правовой статус судебного эксперта // Проблемы современной криминалистики и судебной экспертизы : тез. докл. респ. науч.-практ. конф., Минск, 26 мая 2016 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: М.П. Шруб (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – С. 260–263.

3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / А.Ю. Девятко [и др.]. – М. : Проспект, 2017. – 1214 с.

УДК 343.1

Н.А. Зайцев, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПА ПУБЛИЧНОСТИ И ДИСПОЗИТИВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Уголовный процесс – деятельность органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, направленная на предотвращение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений, а также на обеспечение привлечения виновных к предусмотренной законом ответственности. Уголовный процесс включает в себя достаточно обширный круг участников: лица, чьи права были нарушены в результате совершения общественно опасного деяния; лица, нарушившие права других; должностные лица, деятельность которых направлена на восстановление нарушенных прав, привлечение правонарушителей к ответственности и др. В ходе уголовного процесса между его участниками возникают определенные отношения, в которых часто затрагиваются права и интересы как частного лица, так и общества (государства) в целом.

В ст. 21 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) закреплено, что высшая цель государства – обеспечение прав и свобод граждан [1]. Поэтому такая важная сфера деятельности должна осуществляться прежде всего государственными органами на основе определенных общеобязательных правил. Законодатель Республики Беларусь в Уголовно-процессуальном кодексе (УПК), Конституции и иных нормативных правовых актах определил ряд принципов уголовного процесса, среди которых есть принцип публичности.

Принцип публичности отражается в ст. 15 УПК: «Государственные органы, должностные лица, уполномоченные осуществлять уголовное преследование, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры по обнаружению преступлений и выявлению лиц, их совершивших, возбуждению уголовного дела, привлечению виновных к предусмотренной законом ответственности и созданию условий для постановления судом законного, обоснованного и справедливого приговора» [2].

Орган уголовного преследования, независимо от волеизъявления пострадавших от общественно опасного деяния лиц, решает вопрос о наличии или отсутствии оснований, необходимых для возбуждения уголовного дела.

Параллельно принципу публичности в уголовном процессе функционирует принцип диспозитивности, который юридически не закреплен, как принцип, но фактически содержится в законодательных нормах. Так, в ст. 26 УПК имеется перечень дел частного, частно-публичного и публичного обвинения, который подталкивает к умозаключению о наличии принципа диспозитивности в уголовном процессе.

Диспозитивность проявляет себя достаточно полно в гражданском, гражданском процессуальном и хозяйственно-процессуальном законодательстве. Человек может обратиться в компетентный государственный орган за защитой нарушенных прав либо воздержаться от такого обращения [3].

Наличие данных принципов в одном законодательстве порождает ряд вопросов, на которые ранее пытались дать ответы такие видные ученые в области права, как Л.И. Кукреш, Е.В. Около-Кулак, И.В. Данько и др.

Наличие в уголовном процессе дел частного и частно-публичного обвинения является полным противоречием принципу публичности. Ведь дела частного обвинения дают права гражданам возбуждать уголовное дело по своей инициативе и прекращать его за примирением сторон. Дела частно-публичного обвинения отличаются от дел частного обвинения отсутствием права заявителей прекращать уголовное дело за примирением сторон. Иными словами, лицо нарушившее уголовную норму, относящуюся к делам частного или частно-публичного обвинения, не будет привлечено к ответственности, если потерпевший откажется «возбуждать уголовное дело», несмотря на то, что принцип публичности обязует уполномоченные органы реагировать на каждый факт обнаружения признаков преступления. Тут у многих возникает вопрос, верно ли это, ведь признаки преступления были, и о них даже может быть известно?

Мы согласны с подходом Е.В. Около-Кулак, которая считает, что сопоставлять и противопоставлять принципы диспозитивности и публичности неверно изначально, а их противопоставление имеет место лишь на уровне законных действий участников: императивных и дискреционных [4]. Данный правовой аспект следует рассматривать сквозь призму того, что Республика Беларусь – социальное, правовое государство. Цель законодательства Беларуси – создание благоприятных условий всем субъектам правоотношений для успешного развития и функционирования общества и государства. В разд. 2 Конституции наблюдаются разграничения между личностью, обществом и государством. Разграничение этих понятий в Основном Законе страны дает право полагать о наличии у каждого субъекта правоотношений определенных прав и обязанностей. Так, к делам частного обвинения и частно-публичного

обвинения относятся общественно опасные деяния, затрагивающие в большей степени личные права определенного гражданина, в меньшей степени они затрагивают интересы общества и государства. Поэтому диспозитивность является не противоположностью публичности, а персональным правом граждан самим решать вопрос о необходимости возбуждения уголовного дела.

Рассматривая положительные стороны присутствия диспозитивности в отечественном законодательстве, не стоит забывать и про органы, ведущие уголовный процесс. Данный принцип уменьшает нагрузку на уполномоченные органы, задействованные в уголовном процессе. По официальным данным, в 2019 г. в Беларуси было зарегистрировано около 88,4 тыс. преступлений [5]. И это число могло быть больше, в виду отсутствия права у граждан начинать уголовный процесс по своему усмотрению и прекращать его за примирением сторон. Наличие принципа диспозитивности так или иначе влияет на количество зарегистрированных преступлений, что дает органам, ведущим уголовный процесс, возможность сосредоточиться на более серьезных преступлениях: преступлениях против интересов общества, государства.

Отрицательную сторону принципа диспозитивности можно рассмотреть через поговорку «Безнаказанность порождает беззаконие». В некоторых ситуациях пострадавший от деяния гражданин, имея желание, может не заявить о совершенном в отношении его преступлении ввиду субъективных причин: страх, личная зависимость, незнание порядка и правил возбуждения уголовного дела по делам частного и частно-публичного обвинения. В свою очередь, лицо, совершившее такое деяние, не будет привлечено к ответственности, а следовательно, останется безнаказанным. В будущем такой субъект вновь может совершить преступление, в том числе и более серьезное, как в отношении другого гражданина, так и общества (государства) в целом.

Таким образом, представляется, что одновременное наличие признаков диспозитивности и публичности в белорусском законодательстве не является правовой коллизией, ведь диспозитивность – право гражданина сообщить о совершенном в отношении его преступлении, относящемся к делам частного или частно-публичного обвинения. Также наличие данных принципов в одном законодательстве говорит о социальной направленности деятельности государства. Действующая правовая система Республики Беларусь может подтвердить своей эффективностью факт того, что наличие принципов диспозитивности и публичности в одной правовой системе благоприятно влияет на развитие общества и государства.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июля 1999 г., № 195-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. – Минск : Амалфея, 2021. – 380 с.
3. Уголовный процесс. Общая часть : учебник / И.В. Данько [и др.] ; под общ. ред. И.В. Данько ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012. – 478 с.
4. Около-Кулак, Е.В. О содержании принципа публичности в уголовном процессе / Е.В. Около-Кулак // Вестн. Полоцк. гос. ун-та : сб. ст. : Полоцк. гос. ун-т. – Минск, 2011. – С. 204–207.
5. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/pravonarusheniya/grafiki_diagrams/uroven-prestupnosti-po-respublike-belarus/. – Дата доступа: 19.04.2021.

УДК 343.1

П.К. Лавникович, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

ПРОБЛЕМАТИКА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Проблематика существования такой стадии уголовного процесса, как возбуждение уголовного дела существует на протяжении долгого времени. Наиболее остро данный вопрос стоит в странах постсоветского пространства, так как этот процессуальный институт остался наследием советского права.

Определенные ученые выступают за отмену данной стадии уголовного процесса, приводя свои аргументы. Во главу угла К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонова ставят зарубежный опыт, в котором выражается отсутствие самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела, однако присутствуют ее признаки в других стадиях процесса. Например, в уголовном процессе Германии производство первоначальных следственных действий означает начало предварительного расследования, которое осуществляется только в форме дознания [1, с. 437, 440].

В 2012 г. в Украине принят УПК, в соответствии с которым стадия возбуждения уголовного дела также потеряла свои границы и юриди-

чески перестала существовать в качестве отдельного самостоятельного этапа уголовного процесса. В уголовном процессуальном законе Украины существует отдельная глава «Общие положения досудебного расследования», в которой изложены основания и порядок принятия заявления о преступлении и внесения сведений о нем в Единый реестр досудебных расследований [2, с. 7].

Некоторые исследователи считают, что стадия возбуждения уголовного дела порождает нерациональные затраты сил и средств. Так, по мнению А.П. Кругликова, «за время проверки утрачиваются важные доказательства по делу, что может серьезно затруднить расследование преступления» [3, с. 56–58]. А также сторонники упразднения стадии возбуждения уголовного дела указывают на такие ее недостатки, как излишнее нагромождение процессуальных правил и сроков проверки, которые лишь мешают нормальному ходу предварительного следствия.

Но стоит отметить те факты, что стадия возбуждения уголовного дела уже плотно укоренилась в процессуальной практике. Несмотря на минусы, на которые указывают ученые-процессуалисты, нельзя не отметить и то, что стадия возбуждения уголовного дела имеет множество плюсов. Ученые, выступающие за оставление такого института, как стадия возбуждения уголовного дела, в уголовном процессе, приводят следующие аргументы.

Отказ от стадии возбуждения уголовного дела не может быть компенсирован какой-либо иной процессуальной формой разрешения заявлений и сообщений о преступлении, так как ежегодно в правоохранительные и иные государственные органы нашей республики поступает более 400 тыс. заявлений с требованием о возбуждении уголовного дела. В России количество таких заявлений исчисляется миллионами, а с 2008 по 2014 г. количество решений об отказе в возбуждении уголовного дела, принимаемых следователями, дознавателями и органами дознания, увеличилось с 4,5 до 6,8 млн. Решения же о возбуждении уголовного дела, по известным статистическим данным, принимаются в среднем по 30–50 % подобных обращений [4].

Исключение института стадии возбуждения уголовного дела повлечет за собой и нарушения определенной системы последовательных действий в досудебном разбирательстве, пересмотре стадий, обновлении нормативной базы и перераспределении обязанностей.

Очень существенной является функция стадии возбуждения уголовного дела, заключающаяся в исключении случаев необоснованного возбуждения уголовного дела и проведении предварительного расследования. Она выступает фильтром дел, относящихся к соответствующей компетенции. Это позволяет экономить силы и средства органов,

ведущих уголовный процесс, по делам, которые по своей природе не являются уголовными.

Считаем необходимым также упомянуть тот факт, что упразднение стадии возбуждения уголовного дела в Украине лишило граждан возможности отстаивать некоторые свои права. Например, отменить незаконное либо необоснованное решение о начале досудебного производства и соответственно о вовлечении лица в уголовный процесс. В этой связи представляется очень важным вопрос: оправданы ли подобные поспешные новеллы в уголовном судопроизводстве? Есть ли обоснованные научные данные о том, что смена «советской» модели уголовного процесса на иной тип повысила эффективность борьбы с преступностью, усилила правовые гарантии защиты прав личности в уголовном процессе? Представляется, что эти и связанные с ними иные вопросы требуют серьезного обсуждения [5].

Из анализа приведенных выше данных, делаем вывод о том, что такой институт, как стадия возбуждения уголовного дела, должен присутствовать в уголовном процессе, однако обязан претерпеть некоторые изменения в сторону разрешения применения на ней большего количества следственных действий [6]. Однако это разрешение должно прекратиться на границе, делающей невозможным применение мер процессуального принуждения без процессуально оформленного решения о возбуждении уголовного дела [5].

Из этого вытекает еще один аспект, подлежащий конкретизации, процессуальные статусы участников уголовного процесса. Они должны быть указаны в законе в такой форме, чтобы правоприменитель мог обеспечить условия выполнения прав лиц, участвующих в уголовном процессе, а также, опираясь на нормативный правовой акт, смог потребовать выполнения его законных требований.

Таким образом, проблематика стадии возбуждения уголовного дела является весьма серьезной. Ведь общественные отношения, возникающие в процессе производства уголовного процесса, затрагивают самые важные права человека. И чтобы правоохранительные органы обеспечили условия реализации законных прав, интересов личности, общества, государства, им необходим конкретный механизм, посредством которого осуществляется выяснение обстоятельств о наличии виновности или невиновности лица, признаков преступления, наличии общественной опасности. Если в механизме не будет отправной точки, которой является возбуждение уголовного дела, права и законные интересы могут быть нарушены и не восстановлены.

Список использованных источников

1. Гуценко, К.Ф. Уголовный процесс западных государств : учеб. пособие для юрид. вузов / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Фелимонова ; под ред. К.Ф. Гуценко. – 2-е изд., доп. и испр. – М., 2002. – 528 с.
2. Уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие : в 2 т. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2017. – 268 с.
3. Кругликов, А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? / А.П. Кругликов // Рос. юстиция. – 2011. – № 6. – С. 56–58.
4. Ильюхов, А.А. Доследственная проверка и вопросы, возникающие в ходе ее проведения на стадии возбуждения уголовного дела, в рамках дел, рассмотренных судом с участием присяжных / А.А. Ильюхов // Рос. следователь. – 2014. – № 19. – С. 13–15.
5. Судебная практика+ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bypravo.ru/aktualnye-tendentsii-razvitiya-stadii-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela/> amp/. – Дата доступа: 26.04.2021.
6. Швед, А.И. Актуальные вопросы возбуждения уголовного дела в Республике Беларусь / А.И. Швед. – Минск : Харвест, 2007. – 432 с.

УДК 343.1

К.А. Лазарев, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В настоящее время стадия возбуждения уголовного дела является крайне проблемной и дискуссионной. Взгляды процессуалистов разнятся и в современной науке все чаще появляются мнения о том, что этой стадии нет места в уголовном процессе. Зарубежные и отечественные исследователи видят в такой стадии большое количество проблем, которые необходимо изучать и находить пути к их разрешению. Проблемами стадии возбуждения уголовного дела занимались такие ученые, как А.П. Кругликов, А.А. Давлетов, Л.А. Кравчук, О.В. Химичева, А.Р. Михайленко, А.И. Швед, Б.Я. Гаврилов и др.

Одной из проблем стадии возбуждения уголовного дела является дублирование процессуальных действий, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Яркий пример – получение объяснений и допрос. Все объяснения, полученные

до возбуждения уголовного дела, не будут являться источниками доказательств по уголовному делу, из-за чего появляется необходимость повторно вызывать потерпевшего или свидетеля для допроса. Повторные вызовы в орган уголовного преследования отрицательно сказываются на отношении граждан ко всей правоохранительной системе. Многие граждане, пострадавшие от преступлений или ставшие его очевидцами, не хотят обращаться в правоохранительные органы, потому что для них преступление является травмирующим опытом, а вызовы в орган уголовного преследования могут привести к двойной виктимизации.

Проблемой является также размытие границ между стадиями возбуждения уголовного дела и предварительного расследования за счет увеличения числа следственных и иных процессуальных действий, проведение которых возможно до возбуждения уголовного дела. Количество действий, допустимых для проверки по сообщениям о преступлениях, неоднократно увеличивалось и из-за этого встает вопрос о необходимости наличия в уголовном процессе самой стадии возбуждения уголовного дела, потому что практически работникам было бы проще использовать весь спектр процессуальных действий, предложенный УПК, необходимых для достижения задач уголовного процесса. Как отмечает О.В. Химичева: «оказались размытыми устои существующей теории доказательств, определяющие как само понятие доказательств, так и способы их собирания, что повлекло за собой постепенное стирание границ между двумя стадиями досудебного производства» [1].

Следующей проблемой данной стадии являются длительные сроки проверки. В ст. 173 УПК указано, что срок проведения проверки – трое суток, а при необходимости проверки достаточности или наличия оснований к возбуждению уголовного дела – не более десяти суток. На первый взгляд может показаться, что данный срок разумен, но он может продляться вплоть до трех месяцев, а это только проверка, в случае возбуждения уголовного дела предстоит еще и предварительное расследование, минимальный срок которого составляет два месяца. Полученные сроки не соответствуют задаче быстрого и полного расследования, установленной в ст. 7 УПК. Многие исследователи считают, что стадия возбуждения уголовного дела приводит к нерациональной затрате сил, средств и времени. По мнению А.П. Кругликова, «за время проверки утрачиваются важные доказательства по делу, что может серьезно затруднить расследование преступления, а иногда сделать невозможным его раскрытие» [2].

Проблемным является отсутствие правовой регламентации процессуального статуса отдельных участников уголовного процесса. Из-за отсутствия прямо закрепленных в УПК прав и обязанностей отдельных

участников уголовного процесса (очевидец, лицо, в отношении которого ведется проверка, заявитель). Правоохранительным органам сложнее работать с данными гражданами. На стадии предварительного расследования каждый участник имеет свой процессуальный статус, поэтому многие исследователи видят смысл в отказе от стадии возбуждения уголовного дела, и функция проверки по заявлениям, сообщениям о преступлениях входила в стадию предварительного расследования.

Несмотря на то что данная стадия имеет большое количество проблем, существуют мнения о том, что рассматриваемая стадия является крайне важным инструментом в фильтрации сообщений и заявлений, не содержащих признаки преступлений, и без нее невозможно представить уголовный процесс. Ведь в случае избавления от стадии возбуждения уголовного дела, нагрузка на органы предварительного расследования увеличится и будет сложнее из всех сообщений и заявлений выделить и расследовать те, которые на самом деле являются преступлениями.

Зарубежный опыт показывает, что уголовный процесс вполне может обходиться и без этой стадии. США, страны Западной Европы, Япония не имеют в своем уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела. Постсоветские страны также начали отходить от этой стадии, а Украина и Казахстан уже отказались. Но если изучить их законодательство, то можно отметить, что де-юре данной стадии нет, но де-факто она входит в стадию предварительного расследования.

На наш взгляд, на современном этапе развития уголовного процесса стадия возбуждения уголовного дела имеет большое количество проблем и многие современные тенденции указывают на возможность отказа от данной стадии. Однако реализация такого решения потребует существенного реформирования уголовно-процессуального закона, что также является непростой задачей. Если же отечественный законодатель не воспримет зарубежный опыт развития уголовного процесса и оставит данную стадию, то следует немедленно начать разработку путей решения вышеназванных проблем, ведь стадию возбуждения уголовного дела проходят все уголовные дела и наличие данных проблем в законодательстве препятствует работе всей правоохранительной системы.

Список использованных источников

1. Химичева, О.В. Стадия возбуждения уголовного дела: семь раз отмерь, один – отрежь / О.В. Химичева, Д.В. Шаров // Вестн. ННГУ. – 2017. – № 4. – С. 144–147.
2. Кругликов, А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? / А.П. Кругликов // Рос. юстиция. – 2011. – № 6. – С. 56–58.

А.Ю. Мельников, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

**О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ПОНЯТИЯ РАЗУМНОГО СРОКА
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Как известно, сроки в уголовном процессе являются составным элементом уголовно-процессуальной формы, средством выполнения задач уголовного процесса и защиты законных прав и свобод граждан. С помощью сроков законодатель определяет временные промежутки, в течение или по истечении которых государственные органы и должностные лица должны совершить определенные действия.

Т.Г. Бородинова актуальность вопросов, связанных с определением и соблюдением процессуальных сроков уголовного процесса, определяет «неразрывной связью срока уголовного судопроизводства... с эффективностью осуществления правосудия в целом» [1, л. 68].

В.М. Полухин подчеркивал актуальность борьбы с судебной волокитой в сфере уголовно-процессуальных отношений с позиций соблюдения уголовно-процессуального законодательства, а также его нравственных оснований [2, с. 169].

Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь (УПК) присуща определенность сроков. Однако в мировой практике достаточно распространены разумные сроки уголовного производства как средство реализации и защиты законных прав и свобод граждан. В связи с этим данная тема заслуживает внимания и тщательной теоретической проработки.

В сравнении с привычным пониманием сроков в уголовном процессе понятие «разумный срок» представляется как нечто необычное, вызывающее ряд вопросов: «Чем регламентирован данный институт? Какова продолжительность разумного срока? Что лежит в основе критерия разумности?»

Свое начало данное понятие берет в Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека 1950 г., с изменениями и дополнениями, вступившими в силу 1 июня 2010 г. Согласно ст. 6 данного документа каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право

на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок [3]. Больше данное понятие в этой конвенции не встречается.

Во исполнение положений указанной выше конвенции в 2010 г. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) был дополнен ст. 6.1, которая закрепила в качестве одного из принципов уголовного процесса России «разумный срок уголовного судопроизводства».

Согласно упомянутой норме уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок; уголовное производство осуществляется в сроки, установленные УПК РФ. Их продление допустимо в случаях и порядке, предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством, но уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок.

При определении разумного срока досудебного производства во внимание следует принимать правовую и фактическую сложность уголовного дела, поведение потерпевшего и иных участников досудебного производства, достаточность и эффективность действий прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, а также общую продолжительность досудебного производства по уголовному делу.

В качестве обстоятельств, которые учитываются при определении разумного срока судебного производства, названы следующие: своевременность обращения лица, которому причинен вред, правовая и фактическая сложность материалов проверки, поведение участников досудебного производства по уголовному делу, достаточность и эффективность действий органов и лиц, осуществляющих уголовное преследование, а также общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу.

Отмечается, что обстоятельства, связанные с организацией работы органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, а также рассмотрение уголовного дела различными инстанциями не может приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумных сроков осуществления уголовного процесса. В случае если после поступления уголовного дела в суд дело длительное время не рассматривается и судебный процесс затягивается, заинтересованные лица вправе обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела.

Таким образом, в рассматриваемой статье закреплено уголовное производство в разумный срок, регламентировано право граждан на подачу заявлений об ускорении рассмотрения дела, в ней перечислены обстоятельства, необходимые для учета при определении разумного срока, однако самого понятия «разумный срок», равно как и критериев «разумности», не закреплено.

Из содержания статьи можно сделать вывод, что принцип «разумного срока» в УПК РФ призван обеспечить соблюдение государственными органами и должностными лицами, ведущими уголовный процесс, установленных в УПК сроков во избежание необоснованных задержек уголовного производства, а также реализовать право граждан на ускорение рассмотрения дел.

И.М. Алексеев отмечал, что в юридической литературе нет точного определения разумного срока, встречаются лишь перечисления критериев разумности или же общие положения, определяющие термин «разумность» [4, с. 174]. Анализируя данную статью и разработанные в научной среде положения, он определил разумный срок как период времени, включающий в себя совокупность уголовно-процессуальных сроков по конкретному уголовному делу с момента начала осуществления уголовного преследования до момента прекращения уголовного преследования или вступления решения суда в законную силу, превышение которого влечет возникновение права лица на компенсацию, в целях исключения немотивированных проволочек в ходе расследования и рассмотрения дела судом, своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела судом [4, с. 178].

Интересным представляется мнение Д.Г. Рожкова, который рассматривает разумный срок с нескольких позиций. Он полагает, что разумный срок как принцип уголовного процесса является гарантией комплекса таких фундаментальных прав, как право на скорый суд, справедливое судебное разбирательство и доступ к правосудию. Кроме того, положение о разумном сроке порождает обязанность должностных лиц, ведущих уголовный процесс, соотносить свои действия с установленными в законе временными границами, а в случае их отсутствия – осуществлять свою деятельность рационально и эффективно. Также, с точки зрения судебной деятельности, разумный срок – это период времени, необходимый и достаточный для рационального и эффективно-го проведения всестороннего, полного и объективного установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. В итоге Д.Г. Рожков определяет разумный срок как период времени, отвечающий обстоятельствам конкретного уголовного дела, необходимый и достаточный для эффективного раскрытия, расследования, рассмотрения и разрешения уголовно-правового конфликта, а также порождающий обязанность рациональной организации производства по уголовному делу в целях охраны прав и свобод личности [5, с. 159].

Рассматривая разумность сроков с точки зрения необходимости и достаточности, М.Н. Шишкина понимает под *необходимым* сроком период времени, без которого невозможно осуществление уголовного судопро-

изводства в целом, его стадий и отдельных процессуальных действий с соблюдением условий и порядка их проведения. А достаточным она считает срок, позволяющий в ходе уголовного процесса эффективно и в полном объеме достичь цели уголовного процесса, решить задачи, стоящие перед его стадиями и отдельными процессуальными действиями [6, с. 455].

Рассмотренные теоретические подходы позволяют определить разумный срок как принцип, закрепляющий обязанность уполномоченных государственных органов и должностных лиц осуществлять уголовное производство в предусмотренные законом сроки, являющиеся необходимыми и достаточными для принятия судом справедливого, обоснованного и законного решения по конкретному уголовному делу в целях обеспечения быстрого и полного расследования преступлений и реализации законных прав и свобод граждан.

Представляется затруднительным дать однозначный ответ на вопрос о возможности или необходимости включения института разумного срока уголовного процесса в правовую систему Республики Беларусь. Реализация права на разумный срок уголовного производства представляется эффективным средством исключения необоснованных задержек уголовного процесса. Однако принятие подобного решения требует огромной теоретической проработки, изучения мировой практики по использованию разумных сроков, которая указывает на необходимость детальной регламентации отдельных положений в целях обеспечения быстрого, полного, всестороннего и объективного расследования преступлений.

Список использованных источников

1. Бородинова, Т.Г. О процессуальных сроках пересмотра приговоров в современном уголовном судопроизводстве России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Т.Г. Бородинова. – М., 2016. – 455 л.
2. Полухин, В.М. Нормативное закрепление принципа разумного срока уголовного судопроизводства: история вопроса и современность / В.М. Полухин // Теория и практика обществ. развития. – 2014. – № 8. – С. 169–172.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] : [заключена в г. Риме 04.11.1950 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2021.
4. Алексеев, И.М. Понятие разумного срока уголовного судопроизводства / И.М. Алексеев // Науч. ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2012. – № 20. – С. 173–179.
5. Рожков, Д.Г. Понятие разумного срока в уголовном процессе / Д.Г. Рожков // Вестн. Ом. ун-та. Серия «Право». – 2012. – № 4. – С. 157–159.
6. Шишкина, М.Н. Понятие разумного срока уголовного судопроизводства / М.Н. Шишкина // Воронеж. гос. ун-т. Серия «Право». – 2012. – № 2. – С. 452–460.

А.А. Михадюк, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Г.А. Павловец*

ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА С МОМЕНТА ФАКТИЧЕСКОГО ЗАДЕРЖАНИЯ

Одним из актуальных вопросов в теории уголовно-процессуального права и правоприменительной практики является участие защитника в уголовном процессе с момента фактического задержания лица.

Существующие и действующие в настоящее время законодательные и доктринальные подходы к механизмам задержания лица по подозрению в совершении преступления объясняют необычный интерес ученых и практиков к проблеме так называемого фактического задержания. На фоне задержания особую актуальность приобретает вопрос обеспечения прав и свобод фактически задержанного как реализация гарантии на получение квалифицированной юридической помощи.

Как известно, лицо после его задержания в порядке, предусмотренном ст. 40, 108 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК), наделяется правовым статусом подозреваемого. Прежде всего подозреваемый, исходя из положений Конституции и ст. 41 УПК, имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав. Данную помощь или защиту лицо осуществляет через защитника (адвоката) [1, 2].

Анализ большого количества литературы показывает, что, несмотря на достаточно подробную регламентацию в положениях УПК момента, с которого защитник (адвокат) имеет право вступить в процесс производства по конкретному делу, в реальности возникают вопросы с определением начального момента его участия [3].

Так, согласно ч. 4 ст. 44 УПК защитник участвует в производстве по делу с момента фактического задержания [2]. Но такое участие практически невозможно во многих ситуациях. Так, лицо, подозреваемое в совершении преступления, может быть задержано органом уголовного преследования при наличии оснований, изложенных в УПК. Но ни сам гражданин, которого задерживают, ни его родственники не могут предполагать такой исход событий и обратиться к защитнику за помощью до момента фактического задержания. А ситуаций, когда защитник может стать очевидцем такого задержания и предложить самостоятельно свои услуги задержанному, довольно мало. Но с момента фактического задержания до первого появления защитника может пройти значительный

период времени. В этот период возможны различные нарушения законодательства или хитрости, к которым прибегают сотрудники органов внутренних дел, для получения той или иной информации.

Так, в результате первых следственных действий, которые осуществляются с участием задержанного лица (допрос в качестве подозреваемого или обвиняемого, обыск лица), и действия защитника во время их проведения, а также действия самого защитника после фактического задержания лица имеют большое значение для успешной защиты прав подозреваемого [4].

Конечно, законодатель УПК стремится угодить неким демократическим идеалам, нежели здравому смыслу, оформленные ими механизмы участия защитника с момента фактического задержания, оказались совершенно непригодны для повседневной правоприменительной практики. Так сказать, существуя на бумаге, в реальности они не исполняются.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. Рагулин, А.В. Право адвоката-защитника на допуск к участию в уголовном деле с момента фактического задержания [Электронный ресурс] / А.В. Рагулин // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
4. Ибрагимов, А.К. Действие адвоката-защитника в первые часы после задержания подзащитного: ошибки и их предотвращение [Электронный ресурс] / А.К. Ибрагимов // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

А.Ю. Подоматько, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

ЭЛЕКТРОННЫЕ УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА

На современном этапе в Республике Беларусь наблюдается стремительное внедрение информационных и коммуникативных технологий

во все области жизнедеятельности, включая сферу уголовного процесса. Это служит идеей перехода от бумажного документооборота к электронному. Развитие отечественного законодательства заключается в письменности как основная и незаменимая форма закрепления в уголовном процессе [1, с. 451]. Но в условиях современного развития науки и информационных технологий можно заменить письменность как главную, но не единственную и вполне заменимую форму фиксации информации в уголовном процессе. В связи с этим отдельные ученые настаивают на введении в уголовно-процессуальное законодательство норм, предусматривающих новую форму уголовного дела – электронную [2, с. 104–107]. В качестве аргументов в ее пользу ученые указывают ненадежность бумажного носителя (его ветхость и легкое уничтожение), исключаются объемность и большой вес томов уголовного дела, а также упрощение процедуры собирания доказательств и составления процессуальных документов. Электронная форма уголовного дела должна представлять собой компьютерную программу, содержащую образцы процессуальных документов, предусматривающую алгоритм последовательных действий с момента возбуждения уголовного дела и до исполнения приговора. Стоит отметить, что изготовление процессуальных документов с помощью компьютерной техники успешно применяется в следственной деятельности и сейчас, без каких-либо специальных программ.

Для перехода на электронную форму уголовного дела требуется решить ряд проблем законодательного и практического характера. Так, в первую очередь необходимо создать компьютерную программу, заменяющую уголовное дело в бумажном формате, единое программное обеспечение по формированию уголовного дела во всех подразделениях органов предварительного расследования. Такая программа требует разработки надежной системы защиты от вредоносных программ, несанкционированного доступа и хакерских атак, исключающей какое-либо видоизменение и фальсификацию материалов уголовного дела. Она должна предусматривать возможность присоединения к делу в электронной форме любой доказательственной информации, включая электронные документы. Это предполагает не только создание механизма предотвращения потери данных из электронной формы уголовного дела, но и соответствующего технического оснащения следственных органов, позволяющего качественно и оперативно формировать такие уголовные дела, а также предоставлять к ним доступ участникам уголовного процесса.

Электронный документ как разновидность документированной информации должен отвечать определенным требованиям.

Во-первых, он должен создаваться, обрабатываться, храниться, передаваться и приниматься с помощью технических и программных средств.

Во-вторых, такой документ должен иметь: общую часть (содержание документа) и особенную часть (электронная цифровая подпись, дополнительные данные, необходимые для проверки такой подписи и идентификации электронного документа) (ст. 17 Закона Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-3 «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» (далее – Закон № 113)). По сути, особенная часть электронного документа содержит идентификационные реквизиты, которые позволяют установить источник происхождения информации, ее назначение, время создания документа, а иногда – обеспечить защиту документа от подделки.

В-третьих, к электронному документу предъявляется требование о представлении его в форме, доступной и понятной для восприятия человеком (ст. 16 Закона № 113). В данном контексте особое значение приобретает электронная цифровая подпись, которая является гарантией того, что информация действительно была направлена отправителем, а не каким-либо иным лицом, и что она не подверглась видоизменению во время ее передачи [1, с. 453].

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что не все граждане обладают навыками свободного использования компьютерной техники, часто не имеют возможности подавать заявления и представлять материалы органу, ведущему уголовный процесс, в надлежущей электронной форме, что может стать существенным препятствием для них в доступе к правосудию. Также применение электронного документооборота между участниками уголовного процесса и органом уголовного преследования (судом) может осуществляться только на добровольной основе и нельзя устанавливать императивное правило об обязательности предоставления информации в электронном виде. Поэтому внедрение электронной формы уголовного дела должно предусматривать такую процедуру предоставления процессуально значимой информации участниками процесса, которая не допускала бы ущемления или нарушения их прав.

Следует также отметить, что в Республике Беларусь имеются планы по внедрению электронного уголовного дела с учетом опыта Грузии, Армении и Казахстана, об этом сообщает председатель Следственного комитета Иван Носкевич на Международной научно-практической конференции «Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации». Для этого нужно внести изменения в множество нормативных правовых актов и даже создание новых. Создание своей единой автоматизированной информационной системы – ЕАИС [3]. С учетом того, что в республике нормативно закреплено уголовное производство только в бумажной форме, переход на электронное уголовное дело является затруднительным.

Изложим предполагаемые положительные последствия внедрения электронного уголовного дела:

1. Удобно, компактно, мобильно, легко управляемо. Экономится время на пересылку материалов уголовного дела (от одного отдела в другой по подследственности; от следователя прокурору или начальнику следственного подразделения для проверки; от прокурора в суд на рассмотрение и т. д.); сокращение бумажных расходов; удобства при ознакомлении участников уголовного процесса с материалами уголовного дела; компактность хранения; легкость копирования.

2. Внедрение в уголовный процесс технологии удостоверения процессуального документа любым участником уголовного процесса вместо его обычной подписи позволит в режиме онлайн осуществлять процессуальные действия и подтверждать их. Это дает широкие возможности по дистанционному обеспечению прав и законных интересов участников, а также сокращает процессуальные издержки (например, для проведения допроса участнику не нужно ехать со своего населенного пункта в орган, ведущий уголовный процесс).

Наряду с положительными аспектами внедрения электронного уголовного дела следует отметить и ряд негативных моментов, с которыми, вероятно, столкнутся органы, ведущие уголовный процесс.

1. Сложность в обеспечении информационной безопасности. Проблемы использования современных технологий связаны с идентификацией личности, возможностью внесения извне изменений в сохраненные электронные документы, используемые в уголовном деле. Для решения этого вопроса потребуются качественное техническое решение.

2. Возможность иметь доступ к цифровой информации всегда будет вызывать сомнения в достоверности, и быть лишним поводом к ее дополнительной проверке. Несмотря на существующие различные методы защиты целостности цифровых данных, проблема связана с возможностью раскрытия персональных данных, кражи коммерческой, профессиональной, служебной и государственной тайны.

3. В силу легкости внесения изменений и дополнений в цифровую информацию, предоставление ее участникам уголовного процесса для ознакомления также имеет определенные риски. Риски заключаются в том, что любое подключение накопителей информации может повлечь нарушение целостности содержимого накопителей информации [4, с. 6–12].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что вопрос о внедрении электронной формы уголовного дела в практику следственных органов носит неоднозначный характер и требует детальной технической, процессуальной и законодательной проработки.

Список использованных источников

1. Савчук, Т.А. Электронная форма уголовного дела как элемент информатизации следственной деятельности: предпосылки и проблемы внедрения / Т.А. Савчук // Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. IV Междунар. науч.-практ. конф. (Могилев, 25 марта 2016 г.) : в 2-х ч. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Ю.П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2016. – Ч. 1. – С. 451, 453.

2. Абдулвалиев, А.Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов / А.Ф. Абдулвалиев // Право и политика. – 2013. – № 1. – С. 104–107.

3. Издательский дом «Беларусь сегодня» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/delo-prinimaet-elektronnyy-oborot.html>. – Дата доступа: 02.05.2021.

4. Зуев, С.В. Электронное уголовное дело: за и против / С.В. Зуев // Правопорядок: история, теория, практика. – 2013. – № 4 (19). – С. 6–12.

УДК 343.132

А.В. Потоцкий, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *В.П. Зайцев*

О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЯХ ОБЫСКА

Важным элементом законности при проведении следственных действий является возможность подозреваемого (обвиняемого) защищать свои интересы. Согласно п. 4 ч. 1 ст. 48 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) защитник имеет право участвовать в допросах подозреваемого, обвиняемого, а также в других следственных действиях, проводимых с участием подозреваемого, обвиняемого. Приведенная статья закона не предусматривает обязанности защитника участвовать во всех следственных действиях с его подзащитным, если он на этом не настаивает. Не содержит УПК и нормы, обязывающие защитника являться для производства следственных действий.

Согласно ст. 208 УПК основанием для проведения обыска являются достаточные данные полагать, что в каком-либо помещении или ином месте либо у какого-либо лица находятся орудия и средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела, а также могут быть обнаружены разыскиваемые лица и трупы.

Положения п. 6, 7, 8 ч. 1 ст. 48 УПК при проведении обыска дают защитнику право:

задавать с разрешения органа, ведущего уголовный процесс, вопросы подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, специалисту, свидетелям, экспертам;

вносить письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе следственного действия, в котором он принимал участие;

заявлять в письменной форме отводы и ходатайства, направленные на защиту интересов подозреваемого, обвиняемого.

После окончания обыска защитник своей подписью в протоколе следственного действия удостоверяет его ход и результаты (ч. 6 ст. 193 УПК).

Анализ эмпирических данных, полученных учеными-процессуалистами, указывает на то, что защитники крайне редко участвуют при производстве обыска, так как органы уголовного преследования не предоставляют им реальной возможности такого участия.

Нельзя не отметить тот факт, что, в большинстве случаев, обыск является неотложным следственным действием, результативность которого определяется фактором внезапности, ввиду чего заблаговременное уведомление защитника и указание на цель вызова (для участия в производстве обыска) органом дознания, следователем, прокурором является нецелесообразным.

Выходом из складывающейся «ситуации», как представляется, должно стать положение закона о том, что перед началом производства обыска орган дознания, следователь, прокурор обязаны выяснить у лица, желает ли оно пригласить защитника. Если такое ходатайство было заявлено, лицу должна быть предоставлена возможность пригласить защитника, например, посредством телефонной связи.

В УПК не закреплена норма, в соответствии с которой обыскиваемому надлежит вручать копию постановления о производстве обыска. Согласно ч. 4 ст. 212 УПК предусмотрена обязанность вручать обыскиваемому лишь копию протокола обыска. Важно, чтобы и копия постановления о производстве обыска вручалась лицу, у которого он производился. Данное обстоятельство может сыграть важную роль в защите интересов подозреваемого (обвиняемого).

Обыск связан с ограничением конституционного права на неприкосновенность жилища (ст. 29 Конституции Республики Беларусь). Следует отметить, что обыск может проводиться в отсутствие «хозяина» законного владения. Лицо, у которого проводился обыск, имеет право на обжалование действий и решений органа, ведущего уголовный процесс, что закреплено в ст. 138 УПК. Гарантией реализации указанной нормы, по нашему мнению, могло бы стать закрепление обязанности органа дознания, следователя вручать копию постановления о производстве обыска, что давало бы возможность обжаловать не только ход обыска и его результат, но и основания проведения обыска, изложенные в постановлении.

Согласно ч. 3 ст. 193 УПК в протоколе излагаются действия в том порядке, в каком они имели место, выявленные и имеющие значение для дела обстоятельства, а также заявления лиц, участвовавших в производстве следственного действия. Приведенные в различных юридических источниках статистические данные показывают, что органом уголовного преследования устанавливается исключительно факт обнаружения и изъятия определенных предметов, дается краткое описание изъятых и место обнаружения. Если обыск не был результативным, то в протоколе указывается формулировка «в ходе обыска ничего не обнаружено». В соответствии со ст. 193 УПК в обязательном порядке должны описываться непосредственные действия обыскивающих (например, «осмотрено содержимое шкафа, находящегося на кухне, однако имеющих значение для уголовного дела предметов не обнаружено»).

В заключение, полагаем, следует отметить, что в уголовном процессе Республики Беларусь требуется соответствующее законодательное закрепление необходимости предоставления копии постановления о производстве обыска, что, по нашему мнению, будет способствовать повышению эффективности процессуальных гарантий при производстве этого следственного действия, защите прав и законных интересов подозреваемого (обвиняемого).

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. // КонсультантПлюс. Беларусь // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

УДК 343.1

В.В. Прокопчик, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

О ВОПРОСАХ, СВЯЗАННЫХ С ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ЗАКОННЫХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ЛИЦ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Конституция Республики Беларусь провозглашает и закрепляет круг прав и свобод человека и гражданина, содержит правовые нормы, направленные на обеспечение государственно-правовой защиты этих прав

и свобод. Государственные органы, должностные и иные лица обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления защиты прав и свобод личности.

Самый большой риск ограничения и нарушения прав человека возникает именно в уголовном процессе. Поэтому важное значение имеет наличие в уголовно-процессуальном законе комплекса мер по обеспечению защиты законных прав и интересов лиц, пострадавших от преступлений.

Интересы любого физического лица, которому в результате совершенного в отношении его уголовно наказуемого деяния причинен физический, имущественный и моральный вред, и в отношении которого орган, ведущий уголовный процесс, вынес постановление (определение) о признании его потерпевшим, защищены в уголовном процессе широким набором правовых гарантий. Но проблемой является то, что некоторые из них недостаточно точно формулируются в законе. По общему правилу защита прав потерпевшего начинается с точного определения круга лиц либо одного лица, которому, согласно законодательству, преступлением причинен вред.

Основанием признания лица потерпевшим является предположение о том, что в отношении его были совершены действия, которые будут образовывать состав преступления и будут связаны с причиненным ему имущественным, физическим и моральным вредом. Но в момент признания лица потерпевшим еще не имеется достоверных сведений о том, что в результате совершения преступления (общественно опасного деяния) данному лицу был причинен вред. Эти обстоятельства подлежат доказыванию в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. Но только при наличии достаточных данных предполагать, что совершено деяние, имеющее признаки преступления, повлекшее причинение вреда физическому лицу, следовательно, лицо, производящее дознание, прокурор или суд обязаны вынести постановление (определение) о признании пострадавшего потерпевшим. Вынесенное постановление будет являться юридическим основанием приобретения лицом процессуального статуса потерпевшего.

Признание лица потерпевшим осуществляется вне зависимости «от его гражданства, возраста, физического или психического состояния» [1]. Если в результате совершенного преступления (общественно опасного деяния) пострадал несовершеннолетний, в том числе малолетний, либо человек, который страдает психическим расстройством (заболеванием), именно эти лица признаются потерпевшими, а их законные представители представляют их интересы в производстве по уголовному делу и оказывают им помощь в осуществлении их прав.

Уголовно-правовым основанием приобретения лицом статуса потерпевшего будет являться предположение о том, что в действиях лица, причинившего ему вред, мы можем обнаружить признаки состава преступления. Обязательным условием к постановлению о признании лица потерпевшим является то, что в постановлении обязательно должен быть указан характер причиненного вреда. Если же пострадавший в результате совершенного в отношении его преступного деяния умер, то ставится под сомнение имеется ли тогда потерпевший в данном уголовном деле и какой будет правовой статус у лица, представляющего и защищающего интересы умершего.

Чтобы разрешить данный вопрос, необходимо обратиться к ч. 4 ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, в которой прямо указано, что по делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего, права и обязанности, осуществляют члены его семьи, близкие родственники или законные представители.

Члены семьи – это близкие родственники, другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и иные лица, проживающие совместно с участником уголовного процесса и ведущие с ним общее хозяйство.

Близкие родственники – это родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья, сестры, дед, бабушка, внуки, супруг (супруга) участника уголовного процесса.

Разъясняя сущность п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 июня 2005 г. № 6 «О практике применения норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих участие потерпевшего в уголовном процессе» (далее – постановление) указано: «По делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего, к участию в уголовном процессе в качестве потерпевших допускаются лица, относящиеся к членам семьи умершего, его близкие родственники либо законные представители, осуществляющие права и выполняющие обязанности.

Другие родственники, а также лица, которые относятся к членам семьи, могут выступать в этом качестве при условии совместного проживания и ведения общего хозяйства с умершим.

Если члены семьи, близкие родственники, законные представители не достигли между собой соглашения о том, кто из них будет осуществлять права потерпевшего, они также могут быть признаны потерпевшими» [1].

Обосновывая необходимость признания членов семьи, близких родственников или законных представителей умершего потерпевшими, Е.А. Матвиенко указывал: «Лицо, допущенное в производство по делу вместо погибшего, занимает процессуальное положение потерпевшего. Оно действует в качестве потерпевшего, имеет его правовой статус в

силу процессуального правопреемства» [2, с. 61]. В данной ситуации имеются сомнения, так как в ч. 4 ст. 49 УПК не содержится, что члены семьи умершего, его близкие родственники или законные представители должны быть признаны потерпевшими. В ней указано только, что они имеют права и обязанности потерпевших.

С нашей точки зрения, признание членов семьи, близких родственников или законных представителей умершего лица потерпевшими является неправильным. Во-первых, термин «потерпевший» применяется к лицу, которому преступлением непосредственно причинен вред, а не к его родственникам. Во-вторых, перечисленные родственники погибшего практически не могут осуществить все права, предоставленные по закону потерпевшему, они не могут осуществлять его личные права, например, давать показания по существу предъявленного обвинения, непосредственно участвовать в следственных действиях. Нет необходимости подвергать их освидетельствованию и еще одним доказательством будет являться то, что, исходя из законодательства, процессуальное правопреемство возможно в отношении имущественных прав умершего, но никак не личных.

Но в то же время нельзя отрицать, что в таких случаях близкие родственники умершего потерпевшего и сами являются потерпевшими в прямом и непосредственном смысле слова: преступлением им причинен тяжкий моральный вред, так как они лишились близкого, дорогого им человека. Действительно, если гражданин в результате преступления лишился какой-либо материальной ценности... он потерпевший.

Тем более он является потерпевшим, если преступлением он лишен такой неизмеримо более высокой ценности, как близкий ему человек [3, с. 258].

В практике можно встретить ситуацию, когда перед сотрудниками ставится вопрос: «Может ли быть признано потерпевшим лицо, которое совершило убийство при превышении пределов необходимой обороны?» Ведь по сути убийство совершено им вследствие явной и реальной угрозы его жизни и здоровью, а также жизни и здоровью его близких лиц. Некоторые авторы полагают, что этот вопрос должен решаться положительно, поскольку до вынесения приговора суда нельзя дать окончательную правовую оценку действиям того, кто причинил вред, другие считают, что на данный вопрос должен быть дан отрицательный ответ.

Некоторые авторы предлагают в случае совершения такого преступления признавать лицо одновременно потерпевшим и обвиняемым. На наш взгляд, это неверно. Обоснуем это так: основанием освобождения от уголовной ответственности является лишь необходимая оборона, т. е. правомерное причинение вреда нападающему. При превышении пределов необходимой обороны обороняющийся действует неправомерно.

Наказуемость объясняется тем, что в таких случаях пропадают основные условия, которые придают необходимой обороне правомерный характер, а именно то, что обороняющийся выходит за пределы допустимого законом поведения и причиняет нападающему без надобности тяжкий вред. Поэтому если обороняющийся сам становится преступником, он не может быть признан потерпевшим.

С учетом того, что при превышении пределов необходимой обороны действия виновного провоцируются самим нападающим, закон относит это преступление к привилегированным составам (ст. 143 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

В заключение следует отметить, что на современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства и практики его применения имеется достаточное количество проблем и пробелов, связанных с обеспечением осуществления потерпевшим своих прав. Данные проблемы требуют тщательной доработки, ведь в дальнейшем они существенно повлияют на уголовное производство в целом.

Список использованных источников

1. О практике применения норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих участие потерпевшего в уголовном процессе [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 30 июня 2005 г., № 6 // КонсультантПлюс. Беларусь // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Матвиенко, Е.А. Участники процесса, их права и обязанности. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Белорусской ССР / Е.А. Матвиенко ; под общ. ред. А.А. Здановича. – Минск : БГУ, 1973. – 504 с.
3. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М. : Наука, 1968. – Т. 1. – 470 с.

УДК 343.1

А.О. Протасевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

О СУЩНОСТИ И ЗНАЧЕНИИ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В соответствии со ст. 2 Конституции Республики Беларусь «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства». Обеспечивая целостность охраняемых Конституцией Республики Беларусь прав и свобод гражд-

дан, государство посредством уголовно-процессуального закона допускает ведение предварительного расследования только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления. Однако нельзя допускать игнорирования общественно опасных деяний. Для обеспечения обоснованности начала расследования фактов совершения преступлений в уголовном процессе существует стадия возбуждения уголовного дела. Деятельность органов уголовного преследования на данном этапе уголовного процесса призвана обеспечить своевременное реагирование на все факты общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом, а также создать необходимые предпосылки для привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, и исключить случаи необоснованного уголовного преследования лиц, не причастных к преступлению.

Сущность стадии возбуждения уголовного дела заключается в установлении материально-правовых и процессуальных предпосылок предварительного расследования. Сопряженное с применением мер процессуального принуждения и производством следственных действий предварительное расследование проводится только в случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления. В этом смысле стадия возбуждения уголовного дела является одной из гарантий соблюдения прав и законных интересов граждан [1, с. 186].

Уголовно-процессуальное значение стадии возбуждения уголовного дела заключается и в том, что только после принятия в установленном законом порядке решения о возбуждении уголовного дела допускается производство всех следственных действий, применение мер процессуального принуждения, предусмотренных уголовно-процессуальным законом [2, с. 23].

И.А. Крючатов к задачам анализируемой стадии относит: быстрое обнаружение каждого совершенного преступления; установление достаточных обстоятельств, содержащих признаки преступления, и возбуждение в этом случае уголовного дела для окончательного раскрытия преступления и привлечения лица, его совершившего, к уголовной ответственности; установление обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, и отказ вследствие этого в его возбуждении в целях реабилитации или освобождения лица от уголовной ответственности; своевременное предупреждение готовящихся и пресечение начавшихся преступлений; правильное применение закона к обнаруженным обстоятельствам; обеспечение законности и обоснованности реагирования по поводу каждого факта, указывающего на признаки преступления [3, с. 7].

Однако, по мнению А.И. Шведа, основным предназначением данной стадии все же является установление наличия повода и основания для

возбуждения или отказа от возбуждения уголовного дела, что предопределяет правильное рассмотрение заявлений о преступлении и обеспечение прав и свобод личности. В дальнейшем это позволяет избежать траты сил и средств государства на органы уголовного преследования в связи с производством по незаконно возбужденному делу [4, с. 67].

Исходя из вышеуказанного, стадию возбуждения уголовного дела можно представить в качестве своеобразного фильтра, позволяющего оценить достаточность оснований для начала уголовного преследования. Как стадия она является отправной точкой всего уголовного процесса в целом, поэтому деятельность органов уголовного преследования на данном этапе особенно важна, ведь нарушения на этом этапе в дальнейшем способны повлечь за собой ряд негативных последствий, граничащих не только с лишней работой по материалам и уголовным делам, но и обширным нарушением прав и свобод личностей, вовлеченных в уголовный процесс. Защита прав и законных интересов ряда участников уголовного процесса, появившихся на данной стадии, обеспечивается и путем закрепления их правового положения, тем самым наделяя их определенными правами и обязанностями. Как было отмечено ранее, деятельность на данном этапе способна привести к ряду лишних процессуальных действий, либо же работе по материалам и уголовному делу в целом, что неизбежно приведет к лишней затрате сил и средств, что явно противоречит принципу процессуальной экономии. Немаловажное значение для уголовного процесса в целом играет принцип публичности, который наиболее полно реализуется именно на этой стадии. Именно на ее протяжении органы, осуществляющие уголовное преследование, реагируют на обнаруженные факты готовящихся, совершаемых или совершенных преступлений, принимают необходимые меры по обнаружению преступлений и выявлению лиц, их совершивших.

Список использованных источников

1. Уголовный процесс : учебник / отв. ред. А.В. Гриненко. – 2-е изд., перераб. – М. : Норма, 2009. – 496 с.
2. Шостак, М.А. Уголовный процесс. Особенная часть. Возбуждение уголовного дела и предварительное разбирательство : альбом схем / М.А. Шостак. – Минск, 2005. – 145 с.
3. Крючатов, И.А. Правовая природа возбуждения уголовного дела в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 715 / И.А. Крючатов ; Одес. гос. ун-т им. И.И. Мечникова. – Одесса, 1969. – С. 7–8.
4. Швед, А.И. Актуальные теоретические и практические аспекты стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.И. Швед. – Минск, 2005. – 21 с.

П.И. Протащук, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Ю.С. Климович*

КОМПЬЮТЕРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ОСМОТРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (УПК).

В частности, изменения коснулись ст. 203 УПК, закрепляющей основания проведения осмотра. Среди них новеллой является осмотр компьютерной информации [1]. Каким образом можно осмотреть компьютерную информацию? Вопрос, на который мы не получили ответа с формально-юридической точки зрения.

Справедливо отмечают И.А. Зинченко и А.П. Попова: «Для субъекта доказывания (так же, как для астронома, ботаника или врача) важны, прежде всего, заложенные в сообщениях/знаках смыслы и значения, а они существуют лишь в языковой (речевой) форме и реализуются в мыследеятельности. Имеет ли значение, каким образом – электронным, электрическим, механическим или иным – создано воспринимаемое субъектом текстовое, изобразительное, акустическое или другое сообщение? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Таким образом, никаких цифровых доказательств-сведений, отличных от любой другой доказательственной информации, в юрисдикционном производстве не существует, также как нет доказательств физических или химических. Существуют же созданные с применением технических устройств и воспринятые субъектом сведения, которые могут обрести статус доказательств, при определенных (указанных в законе) условиях. В этом видится специфика методологического подхода, отличающегося от подхода узкоотраслевого, например, криминалистического, в котором изучаются электронные, акустические, биологические и прочие «следы», а с термином «доказательство» нередко допускается весьма вольное обращение» [2].

Что такое компьютерная информация? В редакции Закона Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 88-З «Об оперативно-розыскной деятельности» в ст. 2 указано, что компьютерная информация – сведения, воспринимаемые (воспринятые) комплексом программно-технических средств [3, с. 1].

А.И. Зазулин под цифровой (компьютерной) информацией понимает сведения, закодированные в двоичной системе исчисления, передаваемые посредством любых физических сигналов [4, с. 20].

В словаре С.И. Ожегова отражено, что информация – это сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством [5, с. 894]. Иными словами, информация и сведения как категории тождественны. Следовательно, точку зрения А.И. Зазулина можно подвергнуть критике, так как неверно раскрывать понятие тождественным понятием.

Под осмотром, по мнению Н.И. Стояновского, понимается следственное действие, заключающееся в восприятии материальных объектов (местности, помещений, предметов и др.) в целях обнаружения обстоятельств, имеющих значение для производства по материалам и уголовному делу [6, с. 13]. Иными словами, объектом осмотра является объект материального мира, а никак не сведения или информация.

Необходимо отметить, какой смысл закладывает Н.И. Стояновский в понятие «осмотр компьютерной информации» под «восприятием материальных объектов». Восприятие материальных объектов предполагает, что следователю, лицу, производящему дознание, следует распознать объект осмотра органами чувств, используя естественный человеческий инструментарий: слух, обоняние, осязание и другие органы чувств.

Например, при производстве следственных действий следователю, лицу, производящему дознание, зайдя в дом, мало указать, что оно увидело, необходимо также указать на факт гари в доме, запах сожженной бумаги, а не только визуально прочесть и процессуально зафиксировать компьютерную информацию.

Безусловно, такого рода уточнения имеют значение для установления всесторонних, полных, объективных обстоятельств по делу. В зависимости от того, какой мы выберем уголовно-процессуальный инструментарий, настолько будет зависеть эффективная реализация задач уголовного процесса.

Таким образом, законодательная формулировка «осмотр компьютерной информации» с формально-юридической и лексической точки зрения некорректна, так как под понятием «осмотр компьютерной информации» вкладывается смысл осмотр объектов материального мира, а также восприятие его органами чувств. Это требует законодательного, а также научного переосмысления, выработки концепции понимания правовой нормы, закрепляющей осмотр компьютерной информации как самостоятельного вида осмотра в уголовном процессе Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – М., 2021.
2. Зинченко, А.И. Институт электронных носителей информации в уголовно-процессуальном праве [Электронный ресурс] / А.И. Зинченко, А.П. Попов. – Режим доступа: <https://www.iuaj.net/node/2814>. – Дата доступа: 17.04.2021.
3. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 2021 г., № 88-З : с изм. и доп. : текст по состоянию на 14 дек. 2020 г. – Минск : Академия МВД, 2021. – 16 с.
4. Зазулин, А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.И. Зазулин ; Ур. гос. юрид. ун-т. – Екатеринбург, 2018. – 32 с.
5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : толк. слов. / С.И. Ожегов. – М., 2010. – С. 3423.
6. Стояновский, Н.И. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству / Н.И. Стояновский. – СПб., 1852. – С. 47.

УДК 343.1

М.В. Рудько, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Ю.С. Климович*

СУЩНОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРОТОКОЛОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Согласно ч. 1 ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) доказательствами являются любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, указанного в уголовно-процессуальном законе, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела. Эти любые фактические данные берутся из источников доказательств, а именно из полученных в установленном УПК порядке носителей доказательственной информации. Согласно ч. 2 ст. 88 УПК источниками доказательств являются: показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля; заключения эксперта; вещественные доказательства; протоколы следственных действий, звуко- или видеозаписи хода судебных заседаний,

протоколы судебных заседаний, протоколы оперативно-розыскных мероприятий, иные документы и другие носители информации, полученные в порядке, предусмотренном УПК [3, с. 91]. При этом, если обратиться к ч. 1 ст. 103 УПК, в которой указано, что доказательства собираются при производстве процессуальных действий (допрос, очная ставка, выемка и т. п.) [3, с. 97]. Возникает расхождение, поскольку протоколы оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) производятся в процессе оперативно-розыскной деятельности (ОРД), а она не входит в перечень процессуальных действий.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что УПК в соответствующих нормах объединил уголовный процесс и оперативно-розыскную деятельность. Хотя в настоящее время лицо, осуществляющее ОРМ, вправе лишь предоставлять доказательства должностному лицу, занимающемуся предварительным следствием, т. е., по своей правовой природе материалы ОРМ являются лишь сведениями, которые после того, как передадутся данному должностному лицу и пройдут через соответствующую проверку, могут стать доказательствами. В этом определяется диссонанс – УПК имеет четкую грань, отделяющую процессуальные действия от внепроцессуальных, но в вышеуказанных нормах он целенаправленно ее убирает. По своей сути, разделение полицейской деятельности на процессуальные и непроцессуальные действия (ОРД) – это своеобразный теоретический тупик, унаследованный УПК Республики Беларусь от УПК СССР. Правильно отметил Л.В. Головкин тот факт, что советское право, не признавая разделения властей в глобальном масштабе, отвергло разделение функций полиции, прокуратуры и суда на уровне уголовной юстиции. Вместо этого на досудебном производстве было реализовано искусственное разделение между деятельностью «процессуальной» (следствие и дознание) и деятельностью «непроцессуальной» (оперативно-розыскная деятельность), что по своей сути является непризнанием единства полицейских доказательств, в состав которых входят данные, полученные органами уголовного преследования в ходе оперативно-розыскной деятельности и в процессе досудебного производства [1, с. 26].

В соответствии с п. 2 ст. 49 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» сведения о лицах, оказывающих содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, а также штатных негласных сотрудниках и должностных лицах органов, осуществляющих ОРД, внедренных в организованные группы, относятся к государственной тайне, причем предание гласности возможно только в случаях, конкретно предусмотренных законом [2, с. 30]. Так, представленные материалы, в которых

информация в целях сохранения конспирации излагается без ссылки на первоисточник не могут служить источниками доказательств. На этот счет А.А. Шамардин изложил свою мысль и указал, что они не могут служить доказательствами, даже если подлинность сведений удостоверяет руководитель соответствующего оперативного подразделения [5, с. 348]. Мы полностью солидарны с высказыванием А.А. Шамардина, поскольку попытка сохранить лицо, собравшее доказательство в тайне, наталкивает нас на мысль, что доказательство взято из ниоткуда, а следовательно, и стоит оно ничего. Но для всесторонности исследования данного вопроса необходимо обратить внимание, что Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ) вынес определение № 2801-О/2017 об отказе в принятии к рассмотрению жалобы на ст. 89 «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Поскольку, по мнению КС РФ, данное законоположение не противоречит Конституции РФ, так как применение технических средств фиксации наблюдаемых событий не предопределяет необходимости вынесения о том специального судебного решения, которое признается обязательным условием для проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина. А осуществление негласных ОРМ с соблюдением требований конспирации и засекречивания сведений в области оперативно-розыскной деятельности, в том числе сведений об использованных средствах, само по себе также не нарушает прав граждан [4, с. 4].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что протоколы ОРМ – являются сведениями, а не доказательствами, и их признание таковыми идет в разрез с положениями УПК и уголовно-процессуальной доктрины. Но также стоит учесть тот факт, что ОРМ часто осуществляются на засекреченной основе, а значит возрастает вероятность предоставления информации, соответствующей действительности, что дает возможность установления объективной истины. Также признание материалов ОРМ в качестве источников доказательств можно рассматривать и как реализацию принципа процессуальной экономии, так как их использование может существенно сократить время, необходимое на поиск и сбор другой информации, которая также может иметь значение для рассмотрения уголовного дела. Дополнительным аргументом в защиту данной точки зрения является то, что у следователя не будет препятствий, чтобы оперативный работник, воспринявший в рамках ОРМ какие-либо факты, в случае необходимости был допрошен в качестве свидетеля. В свою очередь, нельзя не отметить, что в случаях, когда результаты ОРД являются единственными источниками доказательств, отрицание их использования препятствует достижению задач уголовного процесса.

Необходимо отметить широкую практику использования результатов ОРД за рубежом. Например, в США основным органом, осуществляющим расследование уголовных дел, является полиция. Результаты негласной деятельности которой и различного рода полицейские материалы, как, например, данные уголовной регистрации – сведения, полученные в результате наблюдения, фиксации телефонных переговоров, большинством судов все же рассматриваются в качестве доказательств. Англосаксонское судопроизводство, отличающееся от континентального почти полным отсутствием регламентации досудебного производства, не создает тем не менее процессуальных препятствий для допуска в судебное разбирательство информации, собранной полицией до суда.

Таким образом, на основании изложенной информации можем установить, что использование протоколов ОРМ в рамках уголовного процесса является мировой практикой и их дальнейшее использование является необходимым для разрешения определенных уголовных дел. Однако для этого требуется устранить определенные противоречия в УПК, а именно следует убрать разделение способов получения полицейских доказательств на процессуальные и непроцессуальные, а также пойти по пути развития уголовного процесса в Германии, в котором уголовно-полицейская деятельность «процессуализируется» через понятие полицейского дознания, охватывающего отечественные понятия «предварительное следствие», «дознание» и «оперативно-розыскная деятельность».

Список использованных источников

1. Головкин, Л.В. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в российском уголовном процессе / Л.В. Головкин // Уголовная юстиция: связь времен : избр. материалы Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 6–8 окт. 2010 г. / ЗАО «Акцион-Медиа». – СПб., 2012. – С. 24–31.
2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 : в ред. от 06.01.2021 г. № 88-3 : с изм. и доп. от 06.01.2021 г. № 88-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 24 июня 1999 г., № 295-3 : в ред. от 14.04.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Погореловой Натальи Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 статьи 254 и частью первой статьи 401.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 7 дек. 2017 г., № 2801-О // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции / АО «Кодекс». – М., 2021.
5. Шамардин, А.А. К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании / А.А. Шамардин // Журнал Тр. Оренбург. ин-та (фил.) Моск. гос. юрид. акад. – № 8. – С. 342–355.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Алейчик Н.И., Томчик К.А.</i> Заслуга – основание для правового поощрения	3
<i>Артюх Е.А.</i> Сравнительный анализ правового регулирования туристической деятельности в Соединенных Штатах Америки и Республике Беларусь	9
<i>Барсук Д.С.</i> Республиканская система мониторинга общественной безопасности как информационная среда управленческого мониторинга	13
<i>Бачинский В.В., Высоцкий Я.А.</i> Взаимодействие органов внутренних дел с Департаментом финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь при раскрытии экономических преступлений	23
<i>Бернацкий И.Ю.</i> Проблемы и пути реализации решений Орхусской конвенции в Республике Беларусь	29
<i>Богданович М.В.</i> Развитие концепции экономической безопасности в условиях цифровизации	37
<i>Богучунус Н.А.</i> Правовое регулирование обеспечения энергетической безопасности в Республике Беларусь	44
<i>Букица Н.Г.</i> Институт прекращения действия дефектных административных правовых актов	50
<i>Букица Н.Г., Болоболов Д.Р.</i> Мошенничество в социальных сетях и способы его осуществления	58
<i>Вацумирский С.О.</i> Значение правосознания для оперативно-служебной деятельности сотрудников подразделений по борьбе с экономическими преступлениями	64
<i>Володацкич А.Н.</i> О реализации осужденными, содержащимися в исправительной колонии-поселении, права на охрану здоровья	69
<i>Гаманович И.А.</i> Некоторые аспекты использования программно-технического обеспечения получения и анализа компьютерной информации	75
<i>Гецевич М.А.</i> История развития банковской системы Республики Беларусь	81
<i>Диковицкий Д.А.</i> Оперативно-розыскная характеристика склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов	89
<i>Дюко Р.А.</i> Оперативно-розыскная профилактика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков	97
<i>Иванов В.В.</i> Защита прав потребителей в сфере электронной торговли	102
<i>Каралёк В.И.</i> Правовая регламентация удаленного осмотра средств компьютерной техники	109
<i>Каткова А.Э.</i> Правовое регулирование трудовых контрактов с профессиональными спортсменами	113
<i>Ковалевский Е.С.</i> Оперативно-розыскная характеристика взяточничества	121
<i>Комков Е.М.</i> Основные этапы становления законодательства о товарных знаках как объектах права промышленной собственности	129
<i>Король Н.Н.</i> Международный опыт борьбы с коррупцией	134
<i>Косач М.В.</i> Правовое регулирование дистанционного труда в условиях неблагоприятного воздействия эпидемиологической ситуации	140
<i>Кулаковский В.П.</i> Некоторые аспекты раскрытия грабежей, разбоев с использованием Всемирной сети Интернет	147

<i>Куприенко В.В.</i> Клад, находка и археологический артефакт как основания приобретения права собственности: вопросы разграничения понятий	153
<i>Левчук А.Н.</i> Правосудие как объект административно-правовой охраны	158
<i>Марчук М.А.</i> Мировой опыт в борьбе с незаконным оборотом спиртосодержащих жидкостей	163
<i>Матусевич В.Д.</i> Органы внутренних дел в системе местных органов власти	170
<i>Мурга В.О.</i> Проблемы и перспективы совершенствования правовой охраны климата в Республике Беларусь	176
<i>Овсянников В.Г.</i> О некоторых вопросах оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий и исчисления сроков их проведения	183
<i>Осадчук М.А.</i> Оперативно-розыскная профилактика умышленного причинения тяжкого телесного повреждения	189
<i>Рудаковский Д.С.</i> О преступлениях, совершаемых в киберпространстве, и мерах противодействия им	195
<i>Стулевич Н.Д.</i> Уголовная ответственность юридических лиц: ретроспективный анализ отечественного законодательства	200
<i>Тарасов Н.М., Гаманович И.А.</i> Некоторые аспекты использования сети Интернет при противодействии наркопреступности	207
<i>Тетерук Е.Б.</i> Проблемы и перспективы развития «зеленой» экономики в Республике Беларусь	212
<i>Тетерук Е.Б., Овсянников В.Г.</i> Совершенствование оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в сети Интернет	218
<i>Ткачев А.А.</i> Административно-правовой статус сотрудника милиции общественной безопасности. Некоторые аспекты его правового регулирования	223
<i>Томашков А.С.</i> Борьба с уклонением от уплаты налогов: ретроспективный анализ	230
<i>Томчик К.А.</i> Метод правового поощрения: понятие и признаки	237
<i>Часнок А.С.</i> Криминологическая характеристика убийства с отягчающими обстоятельствами	244
<i>Черницкий Н.В.</i> Исторический обзор формирования и становления принципов оперативно-розыскной деятельности	249
<i>Шастайло Е.А.</i> Служебная (воинская) дисциплина как атрибутивный признак военизированной службы	259
<i>Шкарбун Г.В.</i> Право на охрану здоровья в условиях пандемии	266
<i>Шугов В.В.</i> Об административно-правовых формах обеспечения прав и свобод граждан в деятельности органов внутренних дел	274
<i>Якунина Д.А.</i> Особенности организации дистанционного обучения осужденных в исправительных учреждениях Республики Беларусь с использованием информационно-коммуникационных технологий	280

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

*IX научно-практическая конференция
«Совершенствование уголовно-процессуального законодательства
Республики Беларусь и практики его применения»
(30 апреля 2020 г.)*

<i>Карпицкий К.В.</i> Проблемные аспекты использования института понятий в условиях пандемии COVID-19	288
---	-----

Клачко В.В. О генезисе теоретико-правовых подходов к классификации мер процессуального принуждения	290
Овчинников И.А. Информатизация как путь перспективного развития уголовного процесса	293
Подтероб Д.С. Перспективы информатизации уголовного процесса	296
Прусенюк Е.Д. О реализации конституционного права на юридическую помощь при задержании лица по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления	299
Савельев Н.Т. О перспективах внедрения электронного правосудия в Республике Беларусь	301
Стулевич Н.Д. О закреплении за юридическим лицом статуса участника уголовного процесса	304
Уласевич Т.Н. Условия соблюдения законности задержания	307

Научно-практическая конференция

*«Актуальные вопросы совершенствования правового регулирования экономических отношений в Республике Беларусь»
(16 июня 2020 г.)*

Андреева И.И. История становления и развития системы государственных закупок в Республике Беларусь	311
Есаков Н.А. Оценка предпринимательской деятельности с позиции риска	314
Мурга В.О. Правовая охрана климата: национальный и международные аспекты	317
Рудаковский Д.С. Преступления, совершаемые в киберпространстве, как угроза экономической безопасности	320
Тетерук Е.Б. Принципы «зеленой» экономики в Республике Беларусь	322

Круглый стол

*«Проблемы применения и совершенствования уголовного законодательства»
(22 октября 2020 г.)*

Балахонов Д.П. О добровольном отказе от совершения преступления в уголовном праве Республики Беларусь	326
Кайко А.М. Отдельные направления совершенствования законодательства об уголовной ответственности за умышленное причинение тяжких телесных повреждений	329
Нечаев И.Л. Об оценочных признаках в уголовном праве	332
Стулевич Н.Д. Международно-правовые основы установления уголовной ответственности юридических лиц	334

VI курсантский научный круглый стол

*«Актуальные вопросы уголовно-исполнительного права, криминологии и противодействия коррупции»
(22 декабря 2020 г.)*

Куприенко В.В. Сущность исполнения и отбывания наказания в виде пожизненного заключения	337
--	-----

*X курсантские научные чтения
«Актуальные проблемы теории и истории государства и права»
(23 декабря 2020 г.)*

Бужита Н.Г. О повышении уровня нормативного правового регулирования общественной безопасности	340
Бут-Гусаим Н.С. Органы внутренних дел СССР в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы (1941–1953 гг.)	344
Василёнок Я.В. Становление и развитие пенитенциарной системы в ССРБ – БССР в 1920 г.	348
Вахович В.Н. Различные подходы к содержанию понятия «правосознание»	352
Вергей Н.Д. Создание и компетенция Народного комиссариата внутренних дел Советского государства	357
Горбачев Д.В. Отношения Великого княжества Литовского с Московским государством в конце XIV–XV вв.	360
Дементей Е.С. О нетипичных и гибридных формах правления	364
Манько Н.Д. Условия формирования профессиональной правовой культуры сотрудников органов внутренних дел	367
Протащук П.И. Особенности применения судебного прецедента как источника права в странах романо-германского мира	371
Соболевский П.С. Участие милиции в обороне города Могилева в период Великой Отечественной войны	374
Уласик А.С. Институт импичмента Президента в Соединенных Штатах Америки	379
Шмет А.А. Большевицкая программа всеобщего вооружения народа как альтернатива профессиональным правоохранительным органам (1917 – начало 1920 гг.)	382

Круглый стол,

*посвященный 90-летию Анатолия Андреевича Примаченка,
профессора кафедры уголовного права и криминологии,
кандидата юридических наук, доцента,
«Проблемы применения и совершенствования уголовного законодательства»
(22 апреля 2021 г.)*

Балахонов Д.П. Непосредственный объект мошенничества в теории уголовного права	387
Булакевич В.Д. Особенности использования оружия сотрудниками органов внутренних дел в условиях крайней необходимости	391
Кайко А.М. Отдельные направления совершенствования квалифицирующих признаков умышленного причинения тяжких телесных повреждений	395
Лазаренко О.А. Особенности квалификации кражи, совершенной из одежды или ручной клади	398
Протащук П.И. Особенности освобождения от уголовной ответственности и наказания в англосаксонской правовой семье	401
Чиркун К.А. Персональные данные как объект уголовно-правовой охраны ...	405

XI курсантские научные чтения
«Актуальные проблемы теории и истории государства и права»
(29 апреля 2021 г.)

Вахович В.Н. Преступность несовершеннолетних и борьба с ней на современном этапе в Республике Беларусь	408
Ваишумирский С.О. Роль профессиональной этики в деятельности сотрудника органов внутренних дел	412
Ковалева Е.В. Правовое регулирование отношений родителей и детей в Великом княжестве Литовском	415
Кулаковский Е.Ю. Определение границ правового регулирования общественных отношений	418
Кусенкова Д.И. Правовое положение женщин в Великом княжестве Литовском	420
Лис К.Я. О правовом регулировании применения беспилотных летательных аппаратов в географических исследованиях	423
Манько Н.Д. Особенности деформации профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел	427
Сенько А.В. Роль монарха в политической системе Великобритании	430
Уласик А.С. Становление Президента в системе власти Соединенных Штатов Америки как начальный этап институционализации власти Президента в государствах современного типа	433
Шаповалов Д.В. Белорусский парламентаризм: истоки и перспективы развития	436
Шкарбун Г.В. Церковное судопроизводство в период Средневековья в России	440
Шпендик И.И. Суды справедливости в средневековой Англии	444

X научно-практическая конференция
«Совершенствование уголовно-процессуального законодательства
Республики Беларусь и практики его применения»
(29 апреля 2021 г.)

Бернацкий И.Ю. Удаленный допрос: миф или реальность	446
Богучунус Н.А. Электронное доказательство как источник доказательств в уголовном процессе Республики Беларусь	449
Букица Н.Г. Криптовалюта в уголовном процессе	454
Горчарук Д.Д. Допустимость доказательств и последствия ее нарушения в уголовном процессе	458
Жидков Д.А. Эксперт в уголовном процессе	462
Зайцев Н.А. Соотношение принципа публичности и диспозитивности в уголовном процессе	465
Лавникович П.К. Проблематика стадии возбуждения уголовного дела	468
Лазарев К.А. Проблемные аспекты стадии возбуждения уголовного дела	471
Мельников А.Ю. О целесообразности использования понятия разумного срока в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь	474

Михадык А.А. Прикладной аспект правовой регламентации участия защитника с момента фактического задержания	478
Подоматко А.Ю. Электронные уголовные дела	479
Потоцкий А.В. О процессуальных гарантиях обыска	483
Прокопчик В.В. О вопросах, связанных с обеспечением законных прав и интересов лиц, пострадавших от преступлений	485
Протасевич А.О. О сущности и значении стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе	489
Протащук П.И. Компьютерная информация как объект осмотра в уголовном процессе Республики Беларусь	492
Рудько М.В. Сущность доказательственного значения протоколов оперативно-розыскных мероприятий в уголовном процессе	494

Научное издание

КУРСАНТСКИЙ ВЕСТНИК

Сборник научных статей обучающихся

Выпуск 6

Подписано в печать 05.10.2021. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 29,29. Уч.-изд. л. 30,24.
Тираж 30 экз. Заказ 217 .

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.